ISSN 2078-8975 (print) ISSN 2078-8983 (online)

ВЕСТНИК
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2017 № 2(70)
Издается с 1999 года

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет»

Объединенная редакционная коллегия: *Невзоров Б. П.*, д-р пед. наук, профессор, ответственный редактор, КемГУ (Кемерово, Россия) – председатель коллегии; *Бабич О. О.,* д-р техн. наук, профессор, проректор по научной и инновационной работе, КемГУ (Кемерово, Россия) – зам. председателя.

Редакционная коллегия:

Серый А. В., д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия) – главный редактор.

Аникин А. Е., д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Араева Л. А., д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Бобров В. В., д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Гаврилов С. О., д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Кремер Р., д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «WeltTrends» (Потсдам, Германия).

Лушникова Г. И., д-р филол. наук, проф., КГУ (Ялта, Россия).

Молодин В. И., д-р ист. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Невзоров Б. П., д-р пед. наук, профессор, ответственный редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).

Овчинников В. А., д-р ист. наук, проф., КРИРПО (Кемерово, Россия).

Проскурин С. Г., д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Тюпа В. И., д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Хьюитт К., Кавалер ордена Британской Империи, магистр гуманитарных наук, проф., Институт непрерывного образования Оксфордского Университета (Оксфорд, Великобритания).

Юревич А. В., д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (Москва, Россия).

Яницкий М. С., д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

BULLETIN
OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

2017 no 2(70)
Founded in 1999

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Kemerovo State University

United editorial board: *Boris P. Nevzorov,* Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair; *Olga O. Babich*, Dr. of Technical Sciences, Prof., Vice-rector for scientific and innovative work, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Vice-Chairman.

Editorial board:

Andrey V. Seriy, Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Editor-in-Chief.

Alexander E. Anikin, Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Phililogy of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Ludmila A. Araeva, Dr. of Philology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladimir V. Bobrov, Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Stanislav O. Gavrilov, Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Raimund Krämer, Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).

Galina I. Lushnikova, Dr. of Philology, Prof., Crimean University for the Humanities (Yalta, Russia).

Vyacheslav I. Molodin, Dr. of History, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Boris P. Nevzorov, Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladislav A. Ovchinnikov, Dr. of History, Prof., Kuzbass Regional Institute for Professional Education Development (Kemerovo, Russia).

Sergey T. Proskurin, Dr. of Philology, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Valeriy I. Tyupa, Dr. of Philology, Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Karen Hewitt, M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, England).

Andrey V. Yurevich, Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Mikhail S. Yanitskiy, Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Кемеровского государственного университета.

Выходит 4 раза в год.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77 – 67989

Адрес редакции:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6

Сайт издания: http://vestnik.kemsu.ru

Адрес учредителя, издателя:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-12-26
Факс: 8(3842) 58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписной индекс:
Объединенный каталог «Пресса России» – 42150

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ). http://elibrary.ru

Правила для авторов опубликованы на сайте издания: http://vestnik.kemsu.ru

Контакты для сотрудничества:
Невзоров Борис Павлович,
ответственный редактор
Тел.: 8 (384-2) 58-13-01
Факс: 8(3842) 58-38-85
e-mail: nevzorov@kemsu.ru

Старикова Людмила Семеновна,
технический редактор
Тел.: (3842) 58-13-01
Факс: 8(3842) 58-38-85
e-mail: vestnik@kemsu.ru

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

16+

© Кемеровский государственный университет, 2017
© Авторы научных статей, 2017

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of Kemerovo State University

Published 4 times a year

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Certificate of registration: ПИ № ФС 77 - 67989

Editorial Office Address:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6 Krasnaya St.

Web-site: http://vestnik.kemsu.ru

Address of the founder, publisher:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-12-26
Fax: (3842) 58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:
42150 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index" http://elibrary.ru.

Information for Authors published on the website Edition : http://vestnik.kemsu.ru

Contacts for co-operation:
Boris P. Nevzorov,
Executive Editor
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8(3842) 58-38-85
e-mail: nevzorov@kemsu.ru

Lyudmila S. Starikova
Technical Editor
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8(3842) 58-38-85
E-mail: vestnik@kemsu.ru

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

16+

© Kemerovo State University, 2017
© The authors of scientific articles, 2017

ИСТОРИЯ

5 ***Аксенова А. В.*** Особенности образовательной среды Енисейска в конце XIX – начале XX вв.

14 ***Ведерников В. В.*** Модернизация качки-чулкова на Колывано-Воскресенских заводах (конец XVIII – первая треть XIX вв.)

20 ***Ведьмин О. П.*** Документы РГВИА рассказывают: учился ли Григорий Григорьевич Орлов в сухопутном шляхетном кадетском корпусе

24 ***Ганиев Р. Т.*** Противостояние тюрков и династии Суй в 609 – 617 гг.

30 ***Гергилев Д. Н., Дуреева Н. С.*** Особенности административно-территориального положения России в начале XIX века (на примере Сибири)

34 ***Елескина О. В.*** Реформы системы финансирования учреждений культуры в России

39 ***Казаков Е. Ф.*** История как поиск человеком самоидентичности

44 ***Казаков М. А., Лысцев М. С.*** Арктический регион в политике североамериканских государств: история и современность

50 ***Казьмина М. В., Казьмин В. Н.*** Отечественная историография 1970-х гг. – начала XXI в. Об идейно-политической жизни России 1971 – 1991 гг.

58 ***Маруев В. А.*** Съезды золотопромышленников Забайкалья в 1898 – 1919 гг.

62 ***Никулина И. Н., Потупчик М. Н.*** Роль библиотек Общества попечения о начальном образовании в культурном развитии Барнаула (80-е гг. XIX – начало XX вв.)

67 ***Онищенко С. С., Ширин Ю. В.*** О некоторых результатах зооархеологических исследований по материалам раскопок Кузнецка XVII – XVIII вв.

78 ***Протасов Е. Т.*** Экономическая реформа и функциональные изменения органов власти Бурятии во второй половине 1960-х – 1970-е гг.

84 ***Родигина Н. Н., Козлова И. С.*** Повседневная жизнь сибирских журналистов второй половины XIX – начала XX вв.: методология исследования

90 ***Романов Р. Е.*** Трудовой потенциал Сибири накануне Великой Отечественной войны: оценка мобилизационных возможностей

95 ***Савицкий И. М.*** Общественно-политическая жизнь рабочих и служащих оборонной промышленности Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны

104 ***Ярощук А. М.*** Египет. Дашур. Открыт древний газогенератор в нижнем ярусе Ломаной пирамиды Снефру

HISTORY

5 ***A. V. Aksenova.*** Characteristics of the Educational System of Yeniseisk in the Late XIX – Early XX Centuries

14 ***V. V. Vedernikov.*** The Kachka-Chulkov Modernization on Kolywano-Woskresensk Foundries (End of XVIII – first third of XIX Centuries)

20 ***O. P. Vedmin.*** Documents from the Russian State Military-Historic Archive (RGVIA) Tell whether Grigori Grogorievitch Orlov Studied at the Land Gentry Military School

24 ***R. T. Ganiev.*** The Confrontation between the Turks and the Sui Dynasty in 609 – 617

30 ***D. N. Gergilev, N. S. Dureeva.*** Features of Administrative-Territorial Position of Russia in the Early XIX Century (as Exemplified by Siberia)

34 ***O. V. Eleskina.*** Reforms the Finance System of Cultural Institutions in Russia

39 ***E. F. Kazakov.*** History as Man's Search for Self-Identity

44 ***M. A. Kazakov, M. S. Lystsev.*** The Arctic Region in Politics of American States: Past and Present

50 ***M. V. Kazmina, V. N. Kazmin.*** Russian Historiography of the 1970-s – Early XXI century on the Ideological and Political Life of Russia in 1971 – 1991

58 ***V. A. Maruev.*** The Congresses of Transbaikal Gold Industry Entrepreneurs in 1898 – 1919

62 ***I. N. Nikitina, M. N. Potupchik.*** The Role of Libraries Care Society for Elementary Education in Cultural Development of Barnaul (1880s – Early XX Century)

67 ***S. S. Onischenko, Yu. V. Shirin.*** On Some Results of the Zooarcheological Studies Based on the Excavations of the XVII – XVIII Century Kuznetsk

78 ***E. T. Protasov.*** Economic Reform and Functional Changes of the Authorities of Buryatia in the Late 1960s – 1970s

84 ***N. N. Rodigina, I. S. Kozlova.*** Everyday Life of Siberian Journalists of the Second Half of the XIX – Beginning of the XX century: Methodology of Research

90 ***R. E. Romanov.*** Labour Potential of Siberia on the Eve of the Great Patriotic War: Evaluation of Mobilization Opportunities

95 ***I. M. Sawicky.*** Social and Political Life of Workers and Employees of Defense Industry in Western Siberia during the Great Patriotic War

104 ***A. M. Yaroschuk.*** Egypt, Dashur: An Ancient CO/CO_2 Gas Generator Discovered on the lower Level of the Bent Pyramid of Sneferu

ПСИХОЛОГИЯ

111 ***Белинская Е. П., Мельникова Н. М., Писарева Л. Ю.*** Гуманитарные аспекты здоровья и благополучия: причины исследовательского интереса и основные теоретические подходы

117 ***Варич Л. А., Сорокина Ю. В.*** Особенности психофизиологической адаптации учащихся младшего школьного возраста

123 ***Волкова Е. Е.*** Типы привязанности студентов и их успешность обучения в вузе

129 ***Дмитриева Л. Г., Насырова А. А., Колесникова Н. А., Бунакова М. С.*** Психолого-педагогические условия повышения познавательной активности младших школьников

135 ***Колмогорова Л. С., Спиридонова Г. Г.*** Представления студентов о самопрезентации педагога

141 ***Костоусов А. Г., Иванов М. С.*** Психологические факторы сформированности представлений о безопасности у курсантов военного вуза

151 ***Кривошеина Н. П., Федоров А. И., Казин Э. М., Свиридова И. А., Кошко Н. Н., Коломеец М. С.*** Особенности психофизиологического развития и адаптации детей с учетом гендерных особенностей на этапе подготовки к школе и начала обучения

158 ***Крюкова А. П., Агафонов А. Ю., Козлов Д. Д., Шилов Ю. Е.*** Эффект асимметрии семантической активации при неосознаваемом понимании многозначной лексики

ФИЛОЛОГИЯ

164 ***Батюшкина М. В.*** Лингвистические экспертизы в юридическом дискурсе: виды и аспекты

173 ***Бушуева Л. А.*** Фрейм поступка: инвариантная модель и варианты ее реализации

179 ***Варламенко И. Г.*** Субъектно-объектные отношения в английских фразеологизмах с перцептивным компонентом вкуса

184 ***Волкова Т. Н.*** Рецептивные стратегии пьесы Ю. Клавдиева «Собаки-якудза»

189 ***Жданов С. С.*** Образы германских городов в русских травелогах рубежа XVIII – XIX вв.

195 ***Завьялова Г. А.*** Источники прецедентности в детективном дискурсе

200 ***Карпухина Т. П.*** Экфрасис и его функционирование в романе Сомерсета Моэма «The moon and sixpence» («Луна и Грош»)

206 ***Осадчая Т. Ю.*** Современные подходы к обучению аудированию на занятиях по иностранному языку в вузе

211 ***Сметанина О. А.*** Структурно-семантические варианты сочетания глагола *lassen* с инфинитивом

216 ***Чемезова Е. Р.*** Трактовка феномена смерти в художественном мире Ч. Паланика

PSYCHOLOGY

111 ***E. P. Belinskay, N. M. Melnikova, L. Yu. Pisareva.*** The Humanitarian Aspects of Health and Wellness: Causes of Research Interest and Main Theoretical Approaches

117 ***L. A. Varich, Yu. V. Sorokina.*** Psychophysiological Adaptation Features of Primary School Pupils

123 ***E. E. Volkova.*** Types of Attachment of Students and Their Success in Higher Education Institutions

129 ***L. G. Dmitrieva, A. A. Nasyrova, N. A. Kolesnikova, M. S. Bunakova.*** Psycho-Pedagogical Conditions to Increase Cognitive Activity of Junior Schoolchildren

135 ***L. S. Kolmogorova, G. G. Spiridonova.*** The Concept of Impression Management of a Teacher as Seen by Students

141 ***A. G. Kostousov, M. S. Ivanov.*** Psychological Factors of Formation of Security Concepts in Military High School Cadets

151 ***N. P. Krivosheina, A. I. Fedorov, E. M. Kazin, I. A. Sviridova, N. N. Koshko, M. S. Kolomeets.*** Features of Psychophysiological Development and Adaptation of Boys and Girls at the Stage of Preparation for School and the Beginnings of School Education

158 ***A. P. Kryukova, A. Yu. Agafonov, D. D. Kozlov, Yu. E. Shilov.*** Effect of Asymmetry of Semantic Activation in Unconscious Awareness of Ambiguous Lexis

PHILOLOGY

164 ***M. V. Batyushkina.*** Linguistic Expertise in Legal Discourse: Types and Aspects

173 ***L. A. Bushuyeva.*** The Act Frame: the Invariable Model and Variants of its Actualization

179 ***I. G. Varlamenko.*** Subject-Object Relations in English Idioms with a Gustatory Perceptive Component

184 ***T. N. Volkova.*** Receptive Strategies of Y. Klavdiev's Play "The Yakuza Dogs"

189 ***S. S. Zhdanov.*** Images of Urban Germany in Russian Travelogues at the Turn of the XIX Century

195 ***G. A. Zavyalova.*** The Sources of Precedentiality in Detective Discourse

200 ***T. P. Karpukhina.*** Ekphrasis and its Functioning in Somerset Maugham′s Novel “The Moon and Sixpence”

206 ***T. Yu. Osadchaya.*** Current Approaches to Teaching Listening Comprehension in a Foreign Language Class at Higher Education Institutions

211 ***O. A. Smetanina.*** Structural-Semantic Types of the Combination of the Verb *LASSEN* with an Infinitive

216 ***E. R. Chemezova.*** Interpretation of Death in the Ch. Palahniuk’s Artistic World

УДК 94(57) «1861/1914»

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ЕНИСЕЙСКА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Анна В. Аксенова[1, 2, @, *]

[1] *Красноярский государственный аграрный университет, Россия, 660049, г. Красноярск, пр. Мира, 90*
[2] *Гимназия № 3, Россия, 660049, г. Красноярск, ул. Карла Маркса, 93*
[@] *aksay26@mail.ru*

Поступила в редакцию 05.10.2016.
Принята к печати 15.02.2017.

Ключевые слова: Енисейск, социокультурная среда, образование, город, сибирский социум, культура.

[*] ***Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ / Красноярский фонд науки в рамках научного проекта № 16-11-24008 а(р).***

Аннотация: Енисейск является важным культурно-историческим центром Приенисейского региона. Он стал первым форпостом русской колонизации на Енисее. Енисейск обладал не только специфичным экономико-географическим положением, но и уникальной социокультурной средой, одной из важнейших культурных характеристик которой является система образования. В статье анализируются особенности образовательной среды города Енисейска на рубеже XIX – XX в. с точки зрения теории модернизации. Большое значение уделяется динамике развития города, особенно культурной составляющей, так как используемый системный подход при исследовании становится эффективным при рассмотрении не только специфичных черт системы образовании, условий ее развития, но и при анализе образовательной среды как составляющей культурной системы города. Результаты данной статьи можно использовать при написании сравнительного труда по истории культуры Приенисейских и сибирских городов, а также при написании комплексного исследования социокультурной среды города Енисейска конца XIX – начала XX в.

Для цитирования: Аксенова А. В. Особенности образовательной среды Енисейска в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 5 – 13. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-5-13.

В современности город приобретает особое значение, являясь центром развития, преобразования действительности. Особое значение, таким образом, придается научному осмыслению эволюции города как целостной метасистемы, а также рассмотрению отдельных его подсистем.

Актуальность выбранной темы определяется и современными дискуссиями по проблемам развития образования в условиях рыночных отношений, необходимостью обращения к созидательному опыту активной части общественности в деле развития образования. Также работа приобретает особую значимость в свете приближающегося 400-летия Енисейска – старейшего города Приенисейского региона.

Тема сибирского города исследуется в основном в рамках административного, экономического и демографического развития крупных городов (Иркутска, Омска, Томска, Красноярска), ведь они определяют вектор развития общества. По мнению известного исследователя Л. Б. Когана: «…наиболее полное выражение городские процессы получают в крупнейших исторически сложившихся городских центрах с их высоким уровнем концентрации разнообразных сфер деятельности, экономики и культуры» [1, с. 46]. Тем не менее малые города, являясь особым типом поселений, имеют свою специфику. Именно через небольшие города, которые в Российской империи преобладали, шло распространение культуры, образования, здравоохранения в провинции.

Развитие образования в Енисейской губернии и конкретно в г. Енисейск изучалось достаточно активно, в первую очередь – педагогами. Аналитические материалы, собранные учителями и местной администрацией для отчетов и опубликованные в прессе были благодатным материалом. Первой по данной теме в советский период была опубликована книга енисейца Г. Жолудева «Краткая история школ Красноярского края (до Великой Октябрьской социалистической революции)» (1961) [2]. В работе представлен обширный статистический и аналитический материал, даны цитаты из периодической печати, рассказывается о наиболее выдающихся учителях и замечательных событиях.

Наиболее полно проблематика раскрыта в трудах историков Красноярского государственного педагогического университета. Из них самым важным является высокопрофессиональный труд В. И. Федоровой (2015) [3]. Монография стала итогом многолетних исследований автора, она подробно и ярко раскрывает процесс развития образовательной системы в регионе. Впервые на материалах Енисейской губернии проводится исследование в рамках социальной истории, анализируются данные демографической статистики. Енисейску уделяется достаточно много места. Кроме того, существует обширный ряд публикаций краеведческого характера в коллективных трудах и материалах конференций, так или иначе использующих данные по Енисейску. Однако использо-

вание средового подхода не применялось и создание целостной картины развития образования в Енисейске как значимого элемента модернизации в качестве цели исследования не ставилось.

В конце XIX – начале XX в. г. Енисейск являлся окружным городом с богатым экономическим прошлым, основанным на активной эксплуатации пушных, рыбных и золотопромышленных богатств. Несмотря на отрицательную экономическую динамику вследствие утраты статуса крупного транзитного пункта, значительному истощению приисков Северо-енисейской тайги, основные занятия жителей Енисейска были связаны с золотопромышленным делом (работа на приисках, поставки и подряды), ремесла были малоразвиты. Основу населения города составляло мещанское сословие, важной тенденцией являлось увеличение числа пришлых крестьян, что также было связано с близостью Енисейска к приискам. Динамика численности жителей Енисейска в целом длительный период оставалась положительной за счет механического прироста. Крестьянские переселения сказывались и на культурном пространстве города, где еще более укреплялись традиционные устои. С другой стороны, стоит отметить особую роль интеллигенции и ссыльных в проникновении новых черт в городское пространство. На рубеже веков Енисейск оставался важным культурным центром Енисейской губернии. Особенно это проявлялось в системе образования города.

По итогам первой всероссийской переписи населения 1897 г. численность жителей Енисейска составляла 11506 человек. Уровень грамотности мужчин енисейцев был выше, чем в других малых уездных городах Енисейской губернии (Ачинска, Канска, Минусинска), но при этом чуть ниже среднего по городам Енисейской губернии и составлял 50,2 %. Уровень женского образования в Енисейской губернии, как и в России в целом, был ниже мужского, сказывалось традиционное сознание людей. Однако в Красноярске и Енисейске, благодаря подвижнической деятельности купечества, еще в 1860 – 1870-е гг. появились женские прогимназии, и уровень женского образования был выше, чем по губернии в целом. В Красноярске он составлял – 37,6 %, в Енисейске – 32,8 %, в Туруханске, Ачинске, Канске и Минусинске – колебался от 22 до 26 % [4, с. 198]. Из этого следует, что по сравнению с жителями других малых городов Енисейской губернии, енисейцы были более грамотными. Сказывалось некогда важное торгово-экономическое положение города, приведшее к взаимодействию с образованными людьми из крупных сибирских городов и из Центральной России.

Постепенно в городе складывается группа деятелей из числа купечества, чиновничества и интеллигенции, целью которой становится распространение грамотности в городе. По инициативе Городского головы Н. Н. Дементьева в 1884 г. было открыто Общество попечения о начальном образовании. Благодаря активной деятельности его членов, Енисейск в конце XIX – начале XX в. действительно отличался по уровню развития образования и просвещения от других малых городов Сибири. Состав Общества был малочисленным: на момент создания оно включало всего 29 человек. В 1897 г. в него входило 169 человек, что составляло 1,5 % от населения города. К 1912 г. в Обществе попечении о народном образовании число членов ввиду экономического упадка города и смерти многих крупных благотворителей сократилось и составило 129 человек, или 0,1 % от общего населения города. В. А. Баландина, награжденная в 1905 г. золотой медалью «За труды по народному образованию», сетовала на то, что «единичные усилия не смогут сдвинуть гору невежества» [5, с. 42].

Деятели общества, так называемые соревнователи, стремились расширить число жертвователей на нужды образования, однако сделать это было достаточно сложно, ощущалась потребность в деятельных людях. Помимо сбора средств на нужды образования, Общество стремилось к расширению просвещения горожан, приобщению их к культуре. Так, совместными силами проводились любительские спектакли, рождественские елки и загородные прогулки для детей, поддерживался единственный в городе книжный склад, а с 1898 г. стали проводиться народные чтения. Со следующего года для привлечения большего числа слушателей чтения начали иллюстрироваться туманными картинами и сопровождаться пением хора учениц В. А. и А. А. Баландиных и учеников Городского училища. Исполнялись песни как светского, так и духовного содержания. Всего за 1899 г. было устроено 30 чтений, каждое из них привлекало в среднем по 196 человек [6, с. 16].

Особенно стоит отметить потребность жителей города в расширении сети начальных учебных заведений. К 1883 г. в городе функционировали Иверская женская школа при монастыре, два мужских одноклассных приходских училища. В сибирской печати поднимался вопрос об отсутствии элементарного женского училища [7, л. 40 об.]. И в 1885 г. при содействии «Общества попечения о начальном образовании» было открыто третье женское приходское училище.

Таблица 1. **Динамика учащихся приходских школ города Енисейска за 1885 – 1895 гг. (**Составлено по [5, с. 40 – 41])
Table 1. **Dynamics of pupils of parish schools of the city of Yeniseisk for 1885 – 1895** [5, p. 40 – 41]

Учебные годы	***1-е приходское училище***		***2-е приходское училище***		***3-е приходское училище (только младшее отделение)***		***Женское училище***	
	всего учеников	***выпускники***	***всего учеников***	***выпускники***	***всего учеников***	***выпускники***	***всего учеников***	***выпускники***
1885 – 1890	409	71	300	50	-	-	200	36
1890 – 1895	488	49	490	63	80	-	319	28
Итого	897	120 (13,4 %)	790	113 (14,3 %)	80	-	519	64 (12,3 %)

Из данных таблицы 1 видно, что к началу 1890 г. в первом училище обучалось 98 человек, во втором – 78 человек, в третьем (женском) – 40 человек. К этому времени первое и второе приходские училища были переполнены, приходилось даже отказывать в приеме многим желающим юношам. В конце XIX – начале XX в. в городе при очевидной потребности в распространении грамотности появилось еще два таким учебных заведения: смешанное и мужское приходские училища. По выражению ссыльного А. Уманьского, преподавание в приходских школах было поставлено «недурно», и многие жители города, «недостаточные и даже полуграмотные», жертвовали последним, чтобы дать образование своим детям [8, с. 20]. Всего за период с 1885 по 1895 гг. приходские училища окончило 297 человек. Однако не многие учащиеся стремились завершить полный курс обучения, получив элементарные основы грамотности и ремесленно-хозяйственные навыки. За исследуемое десятилетие первое приходское училище окончило только 13,4 % от всех его учащихся, второе – 14,3 %, третье (женское) – 12,3 %. Из 113 воспитанников Александровского дома призрения бедных детей с 1875 по 1905 гг. выбыло, не окончив курс, 36 человек – 32 % от числа учащихся. М. П. Миндаровский указывал, что большинство из выбывших – это дети 14 – 15 лет, которых родственники стремятся эксплуатировать, «пристроить к делу», не видя пользы в будущем образовании [9, л. 5].

В соответствии с «Положением о начальных народных училищах» 1864 г. учреждать и содержать их могли частные лица разного звания [10], в этом проявлялся либеральный дух правительственных преобразований и необходимость привлечения передовой общественности к образовательным потребностям страны. Так, в конце XIX в. в Енисейске функционировали частные школы Е. Павловой, М. Семидаловой. В 1893 г. В. А. Баландина стала распорядительницей открытой при монастыре женской воскресной школы, а в 1895 г. она открыла бесплатную школу для девочек.

Таблица 2. **Динамика учащихся воскресной школы города Енисейска за 10 лет (1893 – 1902 гг.)** (Составлено по [11, с. 34 – 35])
Table 2. **Dynamics of pupils of Sunday school of the city of Yeniseisk for 10 years (1893 – 1902)** [11, p. 34 – 35]

Годы	***1893***	***1894***	***1895***	***1896***	***1897***	***1898***	***1899***	***1900***	***1901***	***1902***
Доля мещанок и крестьянок (%)	86	98	94	95	98	95	90	92	96	96
В течение года «перебывало»	93	118	86	101	102	98	86	83	79	102
На конец года	79	48	50	65	65	36	61	31	52	56

Стоит отметить, что большинство учениц, получив основные навыки письма и счета, а также дополнительные знания по рукоделию в течение первых двух лет обучения, покидали школу, которая предусматривала шесть лет обучения, что подтверждают данные таблицы 2. В крестьянских и мещанских семьях женщина традиционно занималась хозяйством и воспитанием детей, поэтому полученных знаний хватало для дальнейшей жизни, а продолжение образования считалось обременительным и ненужным в семейном быту. В 1912 – 1913 гг. ситуация не изменилась: за год «перебывало 133 учащихся, а на конец года осталось 63 учащихся (47,4 %) [12, с. 39]. В школе в основном обучались учащиеся мещанского и крестьянского сословия.

Значимую часть енисейского общества составляла еврейская община (от 3 % до 7 % горожан), старанием которой в 1907 г. открыт хедер – еврейская начальная школа. До ее открытия многие еврейские дети обучались в начальных училищах Енисейска вместе с русскими. А вот татарские дети начали получать образование довольно поздно. Количество их в учебных заведениях города было незначительным, несмотря на то, что мусульманская община города была достаточно большой по сибирским меркам (около 6 % горожан). В 1909 г. имаму Ахмет Сафе Тазетдинову разрешили открыть мехтебе для обучения детей арабской, бухарской, татарской грамоте и Корану. Таким образом, культурная среда уездного города развивалась не только в соответствии с правительственной политикой, но и посредством частной инициативы.

С приходом к власти Александра III вновь возобладали консервативные тенденции, государство стало поощрять устройство церковно-приходских школ, видя в них оплот стабильности развития общества. Увеличилось их количество и в Сибири, так за данный период в Енисейске появляются еще две церковно-приходские школы для мальчиков при Христорождественской церкви и Спасском мужском монастыре.

Важной тенденцией данного периода являлось и развитие профессионального образования. В Енисейске это проявилось в функционировании школы рыбацкого дела в 1915 – 1917 гг. С ней связывали надежду на преодоление потребности в опытных специалистах по засолке и консервации рыбы, так как енисейские промышленники играли важную роль в скупке и торговле рыбой с Низовьев Енисея [9, л. 10]. Открытие школы затянулось, повлияло и начало Первой мировой войны, в результате мобилизаций она пустовала, и была окончательно закрыта в 1917 г.

Ключевую роль в системе начального образования Енисейска в исследуемый период играло трехклассное уездное училище, которое было преобразовано в 1899 г. в городское училище, так как уездное во второй половине XIX в. перестало отвечать потребностям времени. В 1912 г. все городские училища Российской империи были преобразованы в Высшие начальные училища, что коснулось Енисейска в 1915 г. Ученики, окончившие его курс, могли получить звание преподавателей приходских и начальных училищ. Многие мещане отдавали своих детей именно в городское училище. Как писал в 1880-е гг. XIX в. А. Уманьский: «…многие ограничиваются обра-

зованием в курсе уездного училища» [8, с. 19]. В начале XX в. данная тенденция сохранялась. Так, из 952 учащихся Енисейска в 1902 г. на долю начальных учебных заведений приходилось 682 человека (72 % учащихся), из которых в Городском училище обучалось 15 %, также значительное число учащихся приходилось на 1 и 2 церковно-приходские училища (16 %), многие выпускники которых продолжали образование в уездном училище [11, с. 126]. Значительную долю учащихся городского училища можно объяснить тем, что образование в гимназии стоило много дороже, а курс обучения был длиннее (4 года – в училище и 7 лет – в гимназии). Кроме того, прохождение курса уездного или городского училища было обязательным условием для получения канцелярскими служителями первого классного чина коллежского регистратора, то есть для возможности продвижения по службе [13].

Большую роль в воспитании целого поколения бухгалтеров, счетчиков и других служащих в разные конторы и учреждения города сыграл учитель математики, инспектор городского училища В. М. Курочкин. По данным Н. В. Скорнякова, из учеников, обучающихся в уездном училище за 1870 – 1880 гг., 6 человек затем окончили курс Красноярской гимназии и четверо из них получили высшее образование: двое Кытмановых, Станкеев и Баландин [14, л. 48].

Настоящими центрами культурной среды города во второй половине XIX – начале XX в. были средние образовательные учреждения – мужская и женская гимназии. Их образовательная программа и культурная жизнь отличалась большей содержательностью по сравнению с другими учебными заведениями города. Демократические деятели, однако, критиковали учебный план гимназий, усматривая в нем излишнее внимание классическим языкам и религиозной составляющей.

В Приенисейском регионе первые прогимназии были открыты в Красноярске, затем они появились в Енисейске. Интересно, что первой при поддержке общественности была открыта женская прогимназия, базой для нее послужило женское училище второго разряда. С открытием седьмого класса в 1881 г. женская прогимназия была преобразована в полную гимназию. А в 1885 г. был открыт восьмой педагогический класс, восемь из девяти первых учениц которого приехали из Красноярска, где в то время восьмой класс еще не был создан. А. Уманьский указывал на то, что некоторые из выпускниц пожелали бы продолжить образование и поступить на Высшие женские курсы, но при консервативной правительственной политике «встретили к этому препятствие в приостановке приема» [8, с. 20].

Таблица 3. **Динамика учащихся Енисейской женской гимназии за 1872 – 1915 гг.** (Составлено по [2, с. 103; 11, с. 126; 15, л. 7 об; 16, с. 41; 17, с. 156])
Table 3. **Dynamics of pupils of the Yeniseisk female gymnasium for 1872 – 1915** [2, p. 103; 11, p. 126; 15, p. 7/1; 16, p. 41; 17, p. 156]

Учебное заведение	1872	1873	1875	1878	1885	1889	1896	1902	1915
Женская гимназия	53	53	74	90	150	135	124	160	228

В целом по данным таблицы 3 видно, что число учениц в конце XIX – начале XX в. возросло больше чем в 4 раза. Это свидетельствовало об осознании потребности в женском образовании многими состоятельными родителями Енисейска.

С открытием мужской прогимназии в 1876 г. городское общество «стремилось способствовать общему образованию местного молодого поколения, и тем созданию большего числа интеллигентных людей на пользу края» [14, л. 48]. В 1886 г. прогимназия получила «громадное» по местным меркам четырехэтажное здание на Большой улице. В 1905 г. старанием местной интеллигенции открыли седьмой класс, и прогимназия была преобразована в полную гимназию.

В средние учебные заведения принимали детей, которые уже умели читать и писать. Но только состоятельные родители могли позволить нанять учителей для подготовки к поступлению в гимназию, да и плата за обучение в ней была достаточно высокой. Следовательно, попасть в прогимназию было труднее, чем в приходское или городское училище. На 1911 г. годовое обучение в мужской гимназии стоило 40 – 50 рублей, а в женской гимназии обучение обходилось еще дороже: от 30 до 100 рублей. Такую разницу в оплате обучения можно объяснить тем, что мужская гимназия содержалась в основном на средства казны, а женская функционировала благодаря старанию общественности, и большую долю бюджета составляла плата учениц.

Остро ощущалась проблема недофинансирования образовательных учреждений со стороны государства. Так, в 1882 г. в женской гимназии приход бюджета составлял 6 тыс. рублей, а расход – 8 тыс. рублей, в библиотеке при ней было всего 400 томов книг, физический кабинет отсутствовал [15, л. 3 об.]. Чтобы поправить бедственное материальное положение гимназии принимали материальные пожертвования, ученики совместно с учителями устраивали благотворительные лотереи-аллегри, маскарады-базары, любительские спектакли и литературные вечера.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. развитие системы образования поддерживалось во многом благодаря неравнодушию общественности, ее деятельном участии в покрытии долгов учебных заведений, в решении насущных проблем гимназии, а также в поддержании стипендиями малоимущих учеников (учениц). Во многом поддерживало образовательную среду местное купечество. Ю. М. Гончаров отмечает, что «забота о нуждах образования была одной из главных составляющих общественной и культурной деятельности сибирских предпринимателей. В независимости от уров-

ня грамотности многие предприниматели, активно участвовавшие в общественной жизни, жертвовали деньги на нужды образования и придавали этому большое значение» [18, с. 146]. В 1910 г. по инициативе родительского комитета женской гимназии было образовано Общество вспомоществления учащимся мужской и женской гимназий г. Енисейска, которое выдавало пособия наиболее бедным и способным юношам и девушкам. Однако количество этих пособий было настолько незначительным, что не могло повлиять на повышение числа выпускников средних учебных заведений города. Например, в 1910 г. выдано 21 пособие, а в 1911 г. 28 пособий [19, с. 7 – 11]. Были случаи исключения из гимназий способных учащихся за неуплату, что возмущало передовую общественность. Так, из 237 учениц женской прогимназии с 1872 по 1875 гг. выбыла, не окончив курс, 21 ученица, что составляло 9 % от числа обучающихся. Причины этому болезни, отъезд в другой город и приговор Педагогического и Попечительского совета [20, л. 7 об.]. Данные таблицы 4 по ученикам мужской прогимназии подтверждают общую тенденцию малочисленности оканчивающих полный курс. Из 1273 учащихся за 16 лет существования прогимназии (с 1876 г. по 1891 г. выпусков не было) окончило курс всего 45 учеников или 3,5 % от числа учащихся. Ситуация не изменилась и в начале XX в.: в 1902 г. мужскую гимназию окончило 6 человек (5,5 %) [11, с. 126], а в 1916 г. – 8 человек (4,8 %) [2, с. 103].

Сокращение учеников гимназий с середины 1880-х гг. можно объяснить воздействием слухов о скором их закрытии ввиду малочисленности учеников и выпускников по мысли генерал-губернатора А. Д. Горемыкина и инспектора народных училищ И. П. Татлина. Особенно остро вопрос стоял в отношении мужской прогимназии.

Таблица 4. **Динамика учащихся мужской прогимназии Енисейска в 1881 – 1891 гг.** (Составлено по [14, л. 45 об.])
Table 4. **Dynamics of pupils of a men's pro-gymnasium of Yeniseisk in 1881 – 1891** [14, p. 45/1]

Год	1881	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891
Число учащихся	104	107	85	81	67	65	71	63	59	69	61
Выпускники	4	6	4	5	3	5	3	3	2	3	7

В начале XX в. ситуация нормализовалась, число учеников значительно увеличилось: в 1902 г. в прогимназии обучалось 110 человек, а в 1915 г. уже 166 человек. Интересно, что женское гимназическое образование в Енисейске в начале XX в. было более развито, чем мужское, несмотря на высокую плату. Причину этого можно проследить в большом количестве учебных заведений для мальчиков в городе, в том числе наличие городского училища и прогимназии, тогда как для девочек было только приходское начальное образование и гимназическое.

Стоит отметить важную характеристику образовательной среды города – некоторую сословную иерархию в образовательных учреждениях, что соответствовало и общесибирской тенденции, в гимназиях учились в основном дети купцов, чиновников и духовенства, а в приходских и городских училищах – дети мещан и крестьян. В конце XIX в. рядом с мужской прогимназией располагалась женская гимназия, а позади ее – площадь с собором и приходским училищем. Как вспоминал А. Л. Яворский, два года обучавшийся в прогимназии: «Какая-то ничем неоправданная злоба существовала между гимназией и этим приходским училищем». Также он писал, что иногда доходило до больших сражений, и разнимать дерущихся камнями, ремнями и палками учеников выходили преподаватели [21, л. 5].

Енисейск являлся центром богатого золотопромышленного района, однако остро ощущалась нехватка грамотных технических специалистов, эту проблему поднимал видный общественный деятель Н. В. Скорняков. Соответственно, ощутимым являлось отсутствие горнотехнических и реальных училищ, а выпускники гимназии не приносили ощутимой пользы городу, оседая в канцеляриях и уходя на приисковые работы [14, л. 35, 37]. В целом в стране было более развито классическое гуманитарное образование, нежели техническое. В. А. Скубневский указывает, что на 1898 г. в стране насчитывалось около 200 гимназий и 44 прогимназии и всего чуть более 100 реальных училищ [22, с. 54].

Местная пресса часто критически описывала постановку учебного дела на местах, указывала на муштру и зубрежку как преобладающие методы обучения детей. Не раз акцентировалось внимание на нерегулярном и недостаточном жаловании учителей гимназий, что оказывало значительное влияние и на их отношение к учебному делу [15, л. 3 об.; 23, л. 14 об.]. Вследствие недостатка учителей в Сибири, часто принимали плохо подготовленных к созидательной учительской деятельности лиц.

Учителя играли большую роль в развитии культурной среды провинциального города, несмотря на то, что были поставлены в тяжелое положение, и являлись фактически «рабами инструкций» [14, л. 35]. Личность учителя очень многое значила для детей. По воспоминаниям А. Л. Яворского, заинтересовать предметом могли не все педагоги, но среди них был учитель арифметики младших классов мужской гимназии (в старших преподавал физику, а впоследствии стал директором) Р. А. Френкель, у него на уроках гимназисты вели себя благопристойно. Настоящей «притчей во языцех» был учитель географии Погуляй, «если бы от него отнять его тучность и лень был бы неплохим преподавателем… А что касается его как классного наставника, то он для нас был идеалом» [21, л. 3]. Были среди учителей и лица с университетским образованием, сыгравшие большую роль в деле просвещения и распространения культуры. Например, преподавательница енисейской женской гимназии В. А. Баландина окончила Высшие женские курсы в Петербурге, учитель истории и географии мужской гимназии Н. Ф. Красивов окончил курс Московского университета, учитель рисования мужской гимназии Мельников окончил курс Петербургского университета.

В начале XX в. государство усилило внимание к системе образования, осознавая реальную потребность в грамотных специалистах в условиях модернизации,

постепенному переходу к индустриальной стадии развития. С 1900 по 1915 гг. правительственные расходы на образование увеличились более чем в пять раз. Школа, как и в другие времена, представляла собой оплот традиционных ценностей и лояльности государства, основной целью которой было воспитание достойных граждан Отечества. Особым консервативным настроем отличался инспектор народных училищ Сергиевский. Существовало некоторое противостояние между ним и учителями народных училищ, которые подали петицию царю о необходимости демократизации школы. Результатом этого противостояния стало увольнение нескольких учительниц, временное закрытие Воскресной школы и Общества попечения о начальном образовании с двухмесячным арестом его активных деятелей.

Был установлен особый контроль и за гимназистами, так как молодежь всегда отличалась особой восприимчивостью к новым веяниям. По донесению ротмистра Чикунова в 1906 г. учащиеся мужской и женской гимназий по окончании спектакля в здании Общественного собрания остались в нем и пели революционную песню «Отречемся от старого мира». Особо смелые ученики предъявили требование директору гимназии «об отмене форменной одежды, о необязательном отдании чести учениками директору и учительскому персоналу, о необязательном изучении Закона Божьего и латинского языка, о свободном посещении библиотеки и образовании своих ученических библиотек, о разрешении среди учащихся организаций для надлежащей постановки школы и защиты ученических интересов». Вследствие этого школа как проводник правительственного курса подавила свободолюбивые проявления учеников, лица, поощрявшие учеников, были уволены со службы [24, л. 21 – 22]. В целом давление со стороны правительства сдерживало развитие культурных процессов в малом сибирском городе.

Несмотря на административный и церковный контроль образование в Сибири все же развивалось. Если раньше проходило территориальное и экономическое завоевание Сибири, то в начале XX в. все отчетливее проявлялась его культурная сторона. Причем, по сравнению с другими Приенисейскими уездными городами, в Енисейске уже была мужская гимназия, да и количество приходских училищ и церковно-приходских школ превышало тот же показатель в Минусинске, Ачинске, Канске и Туруханске. Так, в 1904 г. в Енисейске было 5 приходских училищ и 3 церковно-приходские школы, в Минусинске – 4 приходские училища и одна церковно-приходская школа, в Канске – три приходских училища и одна церковно-приходская школа, в Ачинске – два приходских училища и одна церковно-приходская школа, в Туруханские они вовсе отсутствовали [25, с. 50 – 74]. Выше были и показатели в образовательной сфере по сравнению с другими сибирскими малыми городами. Например, в западносибирском городе Таре с численностью населения 12400 человек в начале XX в. было только 7 учебных заведений: женская трехклассная гимназия, уездное училище и пять приходских училищ [26, с. 172 – 174]. По материалам Г. В. Оглезневой, среди уездных городов Иркутской губернии самыми развитыми в образовательном плане были Нижнеудинск и Киренск, где увеличилось не только количество начальных учебных заведений, но и появились заведения среднего типа – реальное училище и женская гимназия. В Верхоленске и Балаганске высшим типом учебного заведения являлось только четырехклассное городское училище [27, с. 179].

Итак, образование являлось ядром культурной среды Енисейска, именно через образованных людей шло распространение культуры в провинциальной среде уездного города. Со времен либеральных реформ Александра II у городской общественности появилось больше возможностей для решения насущных проблем города. Именно в этот период сформировалось активное деятельное меньшинство в среде енисейцев, которое связывало процветание города с преодолением общего невежества и с повышением уровня грамотности населения. Наблюдалась уникальная ситуация, проявившаяся в противоречии между активным социокультурным освоением енисейской городской среды и кризисом технико-экономической сферы. Возможность преодолеть данный кризис была упущена, остро ощущался недостаток технических образовательных учреждений и специалистов.

В Енисейске это активное меньшинство являлось особо деятельным и настойчивым в силу ряда обстоятельств, связанных с предпринимательской «хваткой» в деле эксплуатации природных богатств и борьбой за транспортные пути и рынки сбыта. Именно золотопромышленность и судоходство на Енисее являлись первыми отраслями, в которых проявились веяния модернизации в Приенисейском регионе. Стала очевидной потребность в грамотных специалистах, в Енисейске заметно увеличилось количество учебных заведений. Шла дискуссия о создании профессиональных училищ и школ. Кытмановы, Баландины, Востротины могли своим примером доказать прямую связь образования с развитием города. Среди них были люди, жертвовавшие средства не только на развитие образования в Енисейске, но и на поддержку сибиряков, учащихся в Санкт-Петербурге, что говорит о масштабах их личности. Благодаря усилиям этих деятелей уровень образовательной среды Енисейска был значительно выше, чем в других сибирских малых городах, что проявлялось не только в количестве образовательных учреждений, но и в активном просвещении горожан посредством любительских спектаклей, деятельности хоров и оркестров, народных чтений, музея, библиотек и книжного склада.

Вектор развития образовательной среды города Енисейска, несмотря на значительную роль общественности, формировался в соответствии с государственными установками, однако финансирование со стороны казны было недостаточным, что сдерживало образовательный потенциал города, положительная динамика развития образования которого, могла быть существеннее. Сибирь в представлениях властей оставалась «мрачным подземельем», местом ссылки и ресурсным регионом. Однако в конце XIX – начале XX вв. динамика модернизации уже проявилась, в том числе и в усложнении образовательной и культурной среды сибирских городов.

Литература

1. Коган Л. Б. Культурный потенциал большого города // Культура в советском обществе. Проблемы и перспективы. М.: Наука, 1986. С. 46 – 56.

2. Жолудев Д. Г. Краткая история школ Красноярского края (до Великой Октябрьской социалистической революции). Енисейск: Енисейский государственный педагогический институт, 1961. 143 с.

3. Федорова В. И. Школа – учитель – общество. Из истории народного образования Енисейской губернии XIX – начала XX в. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 2015. 241 с.

4. Итоги переписи населения Енисейской губернии 1897 г. // Звезды над Енисеем. Красноярск: Горница, 1998. С. 192 – 202.

5. Отчет Совета Общества попечения о начальном образовании в г. Енисейске за 1894 г. Енисейск: Типография С. Н. Штеблера, 1895. 56 с.

6. Отчет Совета Общества попечения о начальном образовании в г. Енисейске за 1899 г. Енисейск: Типография А. Е. Грязнова, 1900. 77 с.

7. Архив города Енисейска (АГЕ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. 1883 г.

8. Уманьский А. Золотой город // Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге. СПб.: Печатня С. П. Яковлева, 1888. С. 5 – 34.

9. АГЕ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 104. 1908 – 1910 гг.

10. Положение о начальных народных училищах 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи: собрание второе: в 55 т. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. Т. 39. Отделение 1. № 41068. С. 614 – 617.

11. Отчет Совета общества попечения о начальном образовании в городе Енисейске за 1900, 1901 и 1902 гг. Енисейск: Типография А. Е. Грязнова, 1903. 127 с.

12. Отчет Енисейского Общества попечения о народном образовании за время с 8-го января 1912 года по 1-е января 1914 года. Енисейск: Типография А. А. Борзецова, 1915. 45 с.

13. Устав о службе по определению от правительства // Свод Законов Российской империи. СПб.: Государственная типография, 1912. Т. III. Ст. 296 – 297.

14. АГЕ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 65. 1891 – 1907 гг.

15. АГЕ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 37. 1875 – 1889 гг.

16. Миндаровский М. П. Мои записки и воспоминания. 1981 – 1916 гг. Машинописный вариант // Фонды Енисейского Краеведческого музея, 1925.

17. Памятная книжка Енисейской губернии за 1890 г. / под ред. Г. А. Хотунцева. Красноярск: Енисейская Губернская типография, 1889. 396 с.

18. Гончаров Ю. М. Повседневная жизнь горожан Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: учебное пособие. Барнаул: АЗБУКА, 2012. 214 с.

19. Отчет Правления Енисейского Общества вспомоществления учащимся мужской и женской гимназий. Енисейск: Типография А. Е. Грязнова, 1912. № 414. 32 с.

20. АГЕ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 26. 1875 г.

21. Яворский А. Л. Воспоминания об учебе в Енисейской прогимназии // Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 2120. Оп. 1. Д. 88. 1899 г.

22. Скубневский В. А. Города России во второй половине XIX века: учебное пособие. Барнаул: АЗБУКА, 2012. 116 с.

23. АГЕ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 38. 1905 г.

24. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 548.

25. Памятная книжка Енисейской губернии на 1905 г. Издание Енисейского Губернского Статистического Комитета. Красноярск: Енисейская Губернская Типография, 1905. 281 с.

26. Алисов Д. А. Культура городов Среднего Прииртышья в XIX – начале XX вв.: монография. Омск: Изд-во Омского гос. пед. ун-та, 2001. 200 с.

27. Оглезнева Г. В. Динамика социокультурных процессов в уездных городах Иркутской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Городская культура Сибири: динамика культурно-исторических процессов: сборник научных трудов. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. С. 177 – 180.

CHARACTERISTICS OF THE EDUCATIONAL SYSTEM OF YENISEISK IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

Anna V. Aksenova[1, 2, @, *]

[1] *Krasnoyarsk State Agricultural University, 90, Mira St., Krasnoyarsk, Russia, 660049*
[2] *Gymnasium № 3, 93, Karl Marx St., Krasnoyarsk, Russia, 660049*
[@] *aksay26@mail.ru*

Received 05.10.2016.
Accepted 15.02.2017.

Keywords: Yeniseisk, socio-cultural environment, educational system, town, Siberian society, culture.

[*] ***The research was done by financial support of Russian Humanitarian Science Foundation/Regional Foundation of Science with in the frames of its scientific project № 16-11-24008 a(p)***

Abstract: Yeniseisk is an important cultural and historical centre of Yeniseisk region. It was the first stockated town on the Yenisei River in Russian colonization of East Siberia. Being directly connected with gold-mining of the taiga, fish and fur riches of Turukhano-Taimyrskii region, Yeniseisk had not only peculiar economical and geographical position but it was a unique socio-cultural place. One of the most important cultural features of Yeniseisk was its educational system. Characteristics of the educational system of Yeniseisk at the end of the XIX – beginning of the XX centuries are analysed from the point of view of the theory of modernization in this article. The dynamics of the development of the town has high profile. Educational system is an important component of the town cultural system. Using a systematic approach to research its conditions for the development, its characteristics and the analysis of the system as a component of the town cultural system is very effective. The results of this article can be used for a comparative research on the history of culture of Yeniseisk and Siberian towns and cities as well as for an overall research of socio-cultural environment of Yeniseisk in the late XIX – early XX centuries.

For citation: Aksenova A. V. Osobennosti obrazovatel'noi sredy Eniseiska v kontse XIX – nachale XX vv. [Characteristics of the Educational System of Yeniseisk in the Late XIX – Early XX Centuries]. *Bulletin of Kemerovo State University,* 2017; (2): 5 – 13. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-5-13.

References

1. Kogan L. B. Kul'turnyi potentsial bol'shogo goroda [Cultural potential of a big city]. *Kultura v sovetskom obschectve. Problemy i perspektivy* [Culture in the soviet society. Problems and perspectives]. Moscow: Nauka, 1986, 46 – 56.
2. Zholudev D. G. *Kratkaia istoriia shkol Krasnoiarskogo kraia (do Velikoi Oktiabrskoi sotsialisticheskoi revolutsii)* [Brief history of schools of Krasnoyarsk region (before the Great October social revolution)]. Yeniseisk: Eniseiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, 1961, 143.
3. Fedorova V. I. *Shkola – uchitel' – obshchestvo. Iz istorii narodnogo obrazovaniia Eniseiskoi gubernii XIX – nachala XX veka* [School – the teacher – society. From history of national education of the Yenisei province XIX – began the 20th century]. Krasnoiarsk: Krasnoiarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. V. P. Astaf'eva. 2015, 241.
4. Itogi perepisi naseleniia Eniseiskoi gubernii 1897 g. [The results of population census in Yeniseisk province in 1897]. *Zviezdy nad Eniseem* [Stars over the Yenisei]. Krasnoyarsk: Gornitsa, 1998, 192 – 202.
5. *Otchet Soveta Obshchestva popecheniia o nachal'nom obrazovanii v g. Eniseiske za 1894 g.* [The report of the council of care society about primary education in Yeniseisk town in 1894]. Eniseisk: Tipografiia S. N. Shteblera, 1895, 56.
6. *Otchet Soveta Obshchestva popecheniia o nachal'nom obrazovanii v g. Eniseiske za 1899 g.* [The report of the council of care society about primary education in Yeniseisk town in 1899]. Eniseisk: Tipografiia A. E. Griaznova, 1900, 77.
7. *Arkhiv goroda Eniseiska (AGE)* [The Archives of Yeniseisk town]. Found 6, List 1, File 36, 1883.
8. Uman'skii A. Zolotoi gorod [The town of gold]. *Ocherki zolotopromyshlennosti v Eniseiskoi taige* [Scetches of gold-mining in Yeniseisk taiga]. Saint-Petersburg: Pechatnia S. P. Iakovleva, 1888, 5 – 34.
9. *Arkhiv goroda Eniseiska* [The Archives of Yeniseisk town]. Found 6, List 1, File 104, 1908 – 1910.
10. Polozhenie o nachal'nykh narodnykh uchilishchakh 1864 g. [Regulations about primary public colleges 1864]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii: sobranie vtoroe* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire: 2nd collection]. Saint-Petersburg: Tipografiia II Otdeleniia Sobstvennoi E.I.V. Kantseliarii, vol. 39 (1867): part 1, no. 41068, 614 – 617.
11. *Otchet Soveta obshchestva popecheniia o nachal'nom obrazovanii v gorode Eniseiske za 1900, 1901 i 1902 gg.* [The report of the council of care society about primary education in Yeniseisk town in 1900, 1901 and 1902]. Eniseisk: Tipografiia A. E. Griaznova, 1903, 127.
12. *Otchet Eniseiskogo Obshchestva popecheniia o narodnom obrazovanii za vremia s 8-go ianvaria 1912 goda po 1-e ianvaria 1914 goda* [The report of Yeniseisk care society about education of people from the 8th of January 1912 to the 1st of January 1914]. Eniseisk: Tipografiia A. A. Borzetsova, 1915, 45.
13. Ustav o sluzhbe po opredeleniiu ot pravitel'stva [Regulations about service defined by government]. *Svod Zakonov Rossiiskoi imperii* [Collected Laws of Russian Imperia]. Saint-Petersburg: Gosudarstvennaia tipografiia, vol. III (1912): art. 296 – 297.

14. *Arkhiv goroda Eniseiska* [The Archives of Yeniseisk town]. Found 6, List 1, File 65, 1891 – 1907.

15. *Arkhiv goroda Eniseiska* [The Archives of Yeniseisk town]. Found 6, List 1, File 37, 1875 – 1889.

16. Mindarovskii M. P. Moi zapiski i vospominaniia. 1981 – 1916 gg. [My notes and memories. 1981 – 1916]. *Fondy Eniseiskogo Kraevedcheskogo muzeia* [Yeniseisk Regional museum funds]. Typed version, 1925.

17. *Pamiatnaia knizhka Eniseiskoi gubernii za 1890 g.* [The memory tickler of Yeniseisk province of 1890]. Ed. Khotuntsev G. A. Krasnoiarsk: Eniseiskaia Gubernskaia tipografiia, 1889, 396.

18. Goncharov Iu. M. *Povsednevnaia zhizn' gorozhan Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Daily routine of the citizens of Siberia in the second half of the XIX – in the beginning of the XX centuries]. Barnaul: AZBUKA, 2012, 214.

19. *Otchet Pravleniia Eniseiskogo Obshchestva vspomoshchestvleniia uchashchimsia muzhskoi i zhenskoi gimnazii* [The report of the authorities of Yeniseisk society of helping students of men's and women's gimnazias]. Eniseisk: Tipografiia A. E. Griaznova, 1912, no. 414, 32.

20. *Arkhiv goroda Eniseiska* [The Archives of Yeniseisk town]. Found 6, List 1, File 26, 1875.

21. Iavorskii A. L. Vospominaniia ob uchebe v Eniseiskoi progimnazii [Memories of studying at Yeniseisk progimnazia]. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoiarskogo kraia (GAKK)* [The State Archives of Krasnoyarsk Region]. Found 2120, List 1, File 88, 1899.

22. Skubnevskii V. A. *Goroda Rossii vo vtoroi polovine XIX veka* [Russian towns and cities in the second half of the XIX century]. Barnaul: AZBUKA, 2012, 116.

23. *Arkhiv goroda Eniseiska* [The Archives of Yeniseisk town]. Found 6, List 1, File 38, 1905.

24. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoiarskogo kraia* [The State Archives of Krasnoyarsk Region]. Found 827, List 1, File 548.

25. *Pamiatnaia knizhka Eniseiskoi gubernii na 1905 g.* [The memory tickler of Yeniseisk province of 1905]. Krasnoiarsk: Eniseiskaia Gubernskaia tipografiia, 1905, 281.

26. Alisov D. A. *Kul'tura gorodov Srednego Priirtysh'ia v XIX – nachale XX vv.* [Culture of the cities of Irtysh area in the XIX – beginning of the XX centuries]. Omsk: Izd-vo Omskogo gos. ped. un-ta, 2001, 200.

27. Oglezneva G. V Dinamika sotsiokul'turnykh protsessov v uezdnykh gorodakh Irkutskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX vv. [Dynamics of socio-cultural processes in provincial towns of Irkutsk province in the end of the XX and the beginning of the XX centuries]. *Gorodskaia kul'tura Sibiri: dinamika kul'turno-istoricheskikh protsessov* [City culture of Siberia: dynamics of cultural-historical processes]. Omsk: Izd-vo OmGPU, 2001, 177 – 180.

УДК 94(47).073

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАЧКИ-ЧУЛКОВА НА КОЛЫВАНО-ВОСКРЕСЕНСКИХ ЗАВОДАХ (КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIX ВВ.)

Виталий В. Ведерников [1,@]

[1] *Алтайский институт экономики ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики», Россия, 656011, Барнаул, пр. Ленина, 106е*
[@] *vedernikov75@mail.ru*

Поступила в редакцию 25.01.2017.
Принята к печати 27.03.2017.

Ключевые слова: горное дело, металлургия, модернизация, серебро, обогащение руд, Колывано-Воскресенские заводы.

Аннотация: Историография цветной металлургии Алтая периода феодализма все еще испытывает влияние старых догм, в основе которых лежит идеологический штамп о кризисе крепостничества в России. Отсюда представления об отсталости техники и технологий на Алтае. В данной статье прослеживается процесс бурного технологического роста горно-металлургического производства на Алтае на рубеже XVIII – XIX вв. Опровергаются положения историографии о кризисе или застое производства Колывано-Воскресенских заводов. Показано, что модернизация Качки-Чулкова 1786 – 1806 гг. (по фамилиям главных заводских начальников) одновременно проводилась в трех сферах: производственной, административной и хозяйственной. Главной целью модернизации Качки-Чулкова было не извлечение из горного дела как можно большей прибыли, как раньше, а именно стабилизация производства на уровне 1 тыс. пудов серебра в год.

Для цитирования: Ведерников В. В. Модернизация Качки-Чулкова на Колывано-Воскресенских заводах (конец XVIII – первая треть XIX вв.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 14 – 19. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-14-19.

Колывано-Воскресенские заводы на Алтае – Барнаульский, Павловский, Локтевский, Змеевский и Гавриловский – были лидерами сереброплавильной промышленности и поэтому являлись самыми привилегированными металлургическими предприятиями в Российской империи. Вторым производителем этого драгоценного были Нерчинские заводы, которые с конца XVIII в. давали 200 пудов. Кроме того, в период феодализма Алтай стал лидером производства серебра не только в России, но и в Европе.

Плавка серебра на Алтае началась в 1747 г. Под руководством императорского Кабинета горное дело стало быстро развиваться. Достигнув первого максимума в 334 пуда в 1754 г., объемы выплавки серебра в 1757 г. снизились до 222 пудов. Потребности Семилетней войны, в которую вступила Россия в 1757 г., понудили к усилению производства, в результате чего в 1772 г. КВЗ дали 1277 пудов серебра [1, с. 255]. Как бы не были впечатляющи эти производственные успехи, достигались они за счет ближайшего будущего. Об этом свидетельствует троекратное снижение объемов выплавки с 1277 до 400 пудов серебра всего лишь за десятилетие 1772 – 1782 гг. Сама императрица заметила этот кризис.

Со вступлением же России во вторую русско-турецкую войну 1787 – 1792 гг. производство снова росло и на рубеже XVIII – XIX вв. оно остановилось на уровне 1 тыс. пудов в год. В историографии ничего нет об источниках нового производственного роста, а причинами стабилизации производства стали либо кризис [2, с. 8 – 12; 3, с. 25 – 26], либо застой в горнозаводской промышленности Алтая [4, с. 100; 5, с. 77 – 79].

Историография цветной металлургии Алтая периода феодализма все еще испытывает влияние старых догм в основе которых лежит идеологический штамп о кризисе крепостничества в России. Отсюда представления об отсталости техники и технологий на Алтае. Большую роль в установлении этого шаблона восприятия сыграла монография 1963 г. З. Г. Карпенко. Она использовала лишь 8 чертежей рудников [4, с. 27], машин и механизмов, в то время как в фонде № 50 госархива Алтайского края их отложилось более 4-х тыс.

Многочисленные планы заводов и рудников, чертежи заводских механизмов и материалы делопроизводства, которые привлек к исследованию автор статьи, свидетельствуют о том, что на рубеже XVIII – XIX вв. технологии горного дела и металлургии на Алтае бурно развивались. Это было время бурного развития горнозаводской техники и технологий, но никак не кризиса или застоя.

В монографии, изданной в 2012 г., автор показал, что металлургия серебра на КВЗ была частью мировой отрасли и также находилась в зависимости от падения мировых цен на серебро, как и другие. В основном был освещен технический аспект модернизации Качки-Чулкова (по фамилиям главных начальников КВЗ) [6, с. 77 – 84]. Позднее стало ясно, что модернизации подверглась не только производственная, но и административно-хозяйственная схема [7, с. 113 – 115; 8, с. 109 – 118].

Ключевым событием, непосредственно предварявшим новый производственный рост на Алтае, стало назначение на должность главного начальника КВЗ Гаврилы Симоновича Качки в 1785 г. Ему предстояло вывести производство из кризиса, причиной которого стало истощение самых богатых залежей Змеиногорского месторождения, залегавших на незначительной глубине. По своей прежней должности Г. С. Качка был директором Санкт-Петербург-

ского двора, куда стекались все драгоценные металлы, добываемые в империи, и главным поставщиком серебра, безусловно, являлись КВЗ.

В 1786 г. Г. С. Качка приехал на КВЗ. В ходе реконструкции «искаженного и расхищенного» Змеиногорского рудника Г. С. Качка провел реформу горного дела. Это был переход от старосаксонской системы к новой нижневенгерской, предполагавшей сплошную отработку месторождений [6, с. 86 – 88].

В рамках реконструкции Змеиногорского рудника был реализован грандиозный проект механизации водоотлива и подъема руд со строительством Вознесенского, Екатерининского водоотливных и двух Преображенских рудоподъемных кунстов (колес) по замыслу механика от бога К. Д. Фролова. За недостатком инженерного образования Фролов опирался на собственное чутье, а отнюдь не на математические расчеты [9, с. 98].

Суть самой реформы горного дела состояла в том, что рудники разрабатывались на небольшую глубину, что объясняется маломощностью водоотлива. Но горизонтальные, этажные работы имели большое протяжение до 1,5 – 2 км и более, в результате чего рудник представлял собой целую сеть ходов, идущих в разных направлениях [10, л. 7; 11, л. 8]. Иногда открывались отжилки основных жил и даже самостоятельные месторождения.

Спустя примерно столетие после описываемых событий, в конце 60-х гг. XIX в. Алтай посетил геолог К. Гривнак. Он заметил, что рудники Алтая напоминали ему рудники Нижней Венгрии XVIII в. [12, с. 172 – 173]. Это обстоятельство объясняет, во-первых, почему главным начальником был назначен венгр по происхождению. Первым учителем Г. С. Качки в горном деле был его отец-штейгер, который в 40-х гг. XVIII в. служил на Змеиногорском руднике. Во-вторых, служебное перемещение Качки из Санкт-Петербурга на Алтай, видимо, не было служебной ссылкой.

К приезду Качки на КВЗ лучшая часть Змеиногорского месторождения ужа была выработана, поэтому главным предметом добычи стали закладки и отвалы рудника. Сама по себе нижневенгерская отработка месторождений предполагала добычу таких руд, которые раньше считались некондиционными и шли в закладки ходов и отвалы рудника.

Отныне устанавливалось правило соразмерной добычи и плавки бедных и богатых руд, чтобы по исчерпании богатых руд не пришлось плавить одни только бедные. Именно это установление способствовало стабилизации производства серебра на психологически важной отметке 1 тыс. пудов в год. Еще одно правило 1798 г. устанавливало, что КВЗ не имеют право производить менее этого количества. Справившись с поставленной задачей, в 1799 г. Г. С. Качка покинул Алтай.

Также в правление Качки предпринимались попытки найти месторождение, равное Змеиногорскому по запасам драгметаллов. Шесть геологоразведочных партий начали свою деятельность в регионе Рудного Алтая в 1786 г. Горный инженер шведского происхождения Ф. Риддер открыл богатейшее серебросвинцовое месторождение. В 1788 г. приступили к разработке Бухтраминского рудника, открытого еще в 1761 г. Он не оправдал возлагавшиеся надежды, но в его окрестностях в 1791 г. урядник Зырянов обнаружил чудскую копь, на которой заложили одноименный рудник, к круглогодичной эксплуатации которого приступили в 1795 г. [13, л. 229 – 240], но о богатейших запасах руд узнали лишь спустя четверть столетия. В 20-х гг. XIX в. доля зыряновского серебра составляла уже более 60 % [14, л. 44 об. – 450]. В 1830 г. Змеиногорское месторождение было официально признано выработанным, а рудной базой Колывано-Воскресенских (с 1834 г. – Алтайских) заводов стал Зыряновский рудник.

На Алтае уже существовала школа механического обогащения руд. Первые похверки, обогатительные фабрики, при Змеиногорском руднике строил саксонец Г. Эйсфельт в 1749 и 1752 гг. [15, л. 49]. Однако механическое обогащение получило значительное развитие с приездом на Алтай с Урала К. Д. Фролова, который в 1762 – 1776 гг. построил четыре похверка [16, с. 141 – 142]. Но в 50 – 70-е гг. в отвал и закладки отправлялись руды, которые спустя десятилетие будут считаться богатыми. На фроловских похверках руды обогащались *только* на золото, технологические особенности исключали утрату драгоценных металлов.

Обогащение змеиногорских отвалов на серебро началось после успешных опытов П. Ф. Ильмана 1788 – 1790 гг. Это была технология, с которой Ильман по поручению Качки практически познакомился в Саксонии и Нижней Венгрии. Но таким способом утрачивалось до 50 % рудного серебра, что вызвало решительное возражение у горных инженеров Алтая, прежде всего самого К. Д. Фролова, а также управляющего Змеиногорской горной конторой Н. Кроера [17, л. 49 – 54], но, вероятно, не только ими. Венгерское обогащение было свернуто следующим главным начальником КВЗ В. С. Чулковым (1799 – 1806 гг.) и возобновлено И. И. Эллерсом (1807 – 1816 гг.), который в свое время был учеником и ассистентом П. Ф. Ильмана. Окончательно венгерская рудообогатительная фабрика была разобрана в 1826 г. По приказу П. К. Фролова часть станков была отправлена на Зыряновский рудник, другая часть – на Риддерский для обогащения золотосодержащих отвалов. Обе золотопромывальные фабрики действовали в 1826 – 1829 гг.

Вероятно, П. К. Фролов рассчитывал не на большой эффект, а на то, чтобы венгерская фабрика выработала свой остаточный ресурс по максимуму. За один летний месяц на Зыряновском руднике намывали 673 г. золотых шлихов из 57 тонн отвалов, на Риддерском – 245 г. За лето 1829 г. в Зыряновске намыли 3 кг шлихов, больше, чем в Риддерске за год [18, л. 117 – 141]. Поскольку главным строительным материалом обогатительных фабрик было дерево, промывальные станы быстро обветшали, и дело заглохло. Так закончилась история механического обогащения руд на Алтае. Конечно, опыты механического обогащения руд время от времени возобновлялись, уже начиная с 30-х гг. XIX в., но по разным причинам в валовое производство они не переносились.

Целью нижневенгерского обогащения было не столько сокращение массы руд, сколько доведение содержания серебра до 1,5 золотников в пуде шлама (рудной муки).

Г. С. Качка писал в Кабинет П. А. Соймонову: «Количество проплавляемых нами руд по справедливости велико… Да и рудник Змеиногорский… не в таком изобилии обработываемых руд как с начала вступления моего в управление здешними местами уверяем был, но увидел, да поздно» [19, л. 37 об.].

Уменьшение содержания металла в рудах ставило на повестку дня кратное увеличение их расплавки для по-

лучения одной и той же массы серебра. Прежде всего, выход виделся, конечно, в увеличении количества плавильных печей. Но заводской пруд обеспечивал водой лишь ограниченное количество наливных колес, и возможность возведения «прибавочных» печей была весьма ограничена.

Поэтому для увеличения расплавки руд на Алтае и строили новые заводы. Г. С. Качка уже обратил внимание на Салаирскую тайгу, потому что в 1781 г. там было открыто крупное месторождение серебряных руд, в 1782 г. основан одноименный рудник. При Качке в 1786 г. был основан 2-й Салаирский рудник, ав 1798 г. – 3-й [20, с. 146]. Вместо закрытого Алейского завода в 1796 г. приступили к строительству нового предприятия вблизи Салаирских рудников. Этот завод Качка хотел назвать в честь императрицы Екатерининским, но Екатерина II, считавшая Гаврилу Симоновича своим другом, повелела переименовать завод в Гавриловский.

После реконструкции Змеиногорского рудника начали отрабатывать залежи кварцеватых сернистых руд в его нижних горизонтах. Салаирские шпатовые руды, бедные серебром, на Барнаульском и Павловском заводе употреблялись как флюсы, поскольку более легкоплавкому шпату сыздавна предписывалось полезное свойство снижать температуру плавления руд, выводить в шлаки железо и прочие примеси, улучшать тем самым ход сырой плавки, сокращать ее время.

В легенде чертежа Гавриловского завода 1796 г. значится, что это предприятие было точной копией Воткинского завода на Урале [21, л. 1]. Здесь применили сразу два новшества: поршневые воздуходувные машины и центральное дутье, о чем речь пойдет ниже, отметим только, что усилия не ограничивались интенсификацией одного только горного дела. Тем не менее, как только в 1798 г. КВЗ перешли на ежегодный уровень производства в 1 тыс. пудов, в следующем 1799 г. Качка покинул заводы и уехал в столицу.

Качке было очевидно, что с увеличением массы расплавляемых руд требуются кардинальные изменения в металлургии. Увеличением количества печей здесь было уже не обойтись, потому что содержание серебра в рудах падало. Было принято решение увеличить плавильные печи в высоту (т. е. в размерах) и усилить дутье без повышения уровня заводских прудов, при той же мощности наливных колес, что и прежде.

В 1784 г. англичанин Гаскойн на Олонецких заводах построил цилиндрическую воздуходувную машину, которая была мощнее, чем кожаные меха. В 1786 г. Г. С. Качка по приезде в Барнаул инициировал установку трех поршневых насосов на первой фабрике Барнаульского завода.

Частичная модернизация дутья на Барнаульском предприятии и внедрение новых технологий на Гавриловскогом заводе стало лишь началом преобразований. Для осуществления этой задачи в полном объеме Качка готовил себе преемника, который вслед за его преобразованиями в области горного дела провел бы реформу колыванской металлургии в целом.

В 1792 – 1793 гг. управляющий Локтевского завода Василий Сергеевич Чулков внедрил центральное дутье. До этого каждая печь обслуживалась двумя мехами, соединенными с нею через железные фурмы-переходники. Новшеством здесь стала воздуходувная труба, в которую мехами подавался воздух, и уже труба соединялась фурмами со всеми печами и обеспечивала таким образом равномерность дутья, что позволило увеличить количество печей у одного наливного колеса с 2-х до 3-х [22, л. 1], т. е. увеличить объем проплавляемых руд в 1,5 раза.

Старосаксонский крумофен с засыпью на уровне головы, т. е. высотой в 1,5 м он заменил на полувысокую шахтную печь с высотой плавильной камеры в 3 м, увеличив объем проплавляемых руд в 2 раза, центральное дутье и полувыские печи позволили увеличить объемы расплавки руд в 3 раза. Локтевский завод стал экспериментальной площадкой, на которой был отработан переход на печи и дутье нового образца.

Главные начальники заводов от А. В. Беэра до П. К. Фролова получали инструкции из Кабинета, все кроме Чулкова и вот почему: в 1798 г., т. е. за год до отъезда Качки, Чулков начал реформу колыванской металлургии. Новый проект и так осуществлялся в полную силу, поэтому какая-либо инструкция уже не требовалась. Главный начальник КВЗ В. С. Чулков (1799 – 1806 гг.) ввел полувысокую шахтную печь и центральное дутье на всех остальных заводах по 1803 г. включительно. Змеиногорский завод строился в 1803 – 1804 гг. На нем сразу внедрялись печи новой конструкции и центральное дутье. Чулков не был чужд тщеславия: он старался превзойти своего предшественника и учителя, смог поднять производство до 1154 пудов серебра, но не смог закрепить его на новом уровне 1,1 тыс. пудов, как ни старался. Истощение змеиногорского месторождения отнюдь не способствовало новым рекордам.

После смерти В. С. Чулкова в 1806 г. модернизация производства и хозяйственной схемы не была закончена. Предстояло создать двухлетние страховые запасы руд и основных материалов с той же самой целью – обеспечить стабильное производство серебра на уровне 1 тыс. пудов в год.

При следующем главном начальнике КВЗ И. И. Эллерсе (1807 – 1816 гг.) сложилась практика поддержания производства на плаву за счет только тех запасов, которые сделаны в текущем году. В конце заводского года с большим напряжением стремились выполнить наряд 1 тыс. пудов, плавя одни только богатые руды, а в начале следующего года следовало всеобщее расслабление (что чрезвычайно схоже с практикой Нерчинских заводов, командиром которых Эллерс являлся до служебного повышения на Алтай). Последовало не серьезное нарушение правила соразмерной проплавки богатых и бедных руд, но и реальная угроза снижения производства ниже 1 тыс. пудов из-за отсутствия запасов руды, угля, дров и т. п. Горное хозяйство было ослаблено. Опыты по внедрению новых технологий при Эллерсе велись слабо, стремления переносить их в валовую работу не было. Служебная дисциплина ослабла «во всех частях». Особенно вопиющими нарушениями были распространившиеся вымогательства уставщиков с крестьян на приеме руд на заводские площади, что отбивало охоту к вольному извозу, а значит вело к перебоям в поставках и создавало угрозу срыва годового наряда. Сложившееся положение Кабинет счел крайне рискованным, потому что мог быть низведена хорошо наработанная в 1786 – 1806 гг. производственная схема, стоившая немалых организационных усилий и интеллектуальных затрат. Вообще складывается впечатление, что назначение Эллерса на Алтай было одной из крупных кадровых ошибок Кабинета за всю горнозаводскую эпоху на Алтае (1745 –1896 гг.).

Поэтому первой мерой нового начальника КВЗ П. К. Фролова (1817 – 1830 гг.), сменившего Эллерса, было наведение порядка жесткой рукой. «Он проникнут к заводам каким-то наследственным чувством, как к своей родине» [23, с. 70], – писал генерал-губернатор Западной Сибири М. М. Сперанский управляющему Кабинетом Д. А. Гурьеву. Отцом П. К. Фролова был гениальный гидротехник К. Д. Фролов, а тестем – В. С. Чулков.

Как правило, главными начальниками КВЗ назначали лиц из других регионов. Это было методом контроля центра над ситуацией на заводах. Теперь же был назначен начальник «из своих». В оценке административных мероприятий П. К. Фролова необходимо учитывать это «наследственное чувство» к заводам.

Особенность Алтая – ленточные боры, т. е. отсутствие сплошного лесного массива, такого, как на Урале, – выразилась в огромных расстояниях между местами добычи и металлургическими предприятиями. Так, расстояние от Змеиногорского рудника до Барнаульского завода составляло 360 км, и потери руды при гужевом подневольном извозе были попросту неизбежны. Конечно, время от времени администрация прилагала усилия, чтобы выявить причины и виновных в разбрасывании и собрать руды, но только вблизи селений, а не на всем протяжении рудовозного тракта. Выяснялось, что возчики, заботясь о собственных лошадях, в начале маршрута выбрасывали часть руды из коробов, а при подъезде к Барнаулу добавляли туда щебень. Захворавшая лошадь или сломавшаяся телега и вовсе заставляли возчика ссыпать всю руду наземь. Возвращался он домой с добросовестным намерением в следующем году подобрать и довезти-таки до Барнаульского завода свой груз. Эта проблема заставляла изыскивать другие способы транспортировки – по рекам и по железной дороге.

Другая крупная проблема КВЗ состояла в увеличении добываемых и проплавляемых руд, что требовало не только усиления извоза, но и большего объема древесного угля, бревен, и прочих припасов и материалов. В горном хозяйстве не было мелочей, любой недостаток, например веревок или свечей, мог парализовать не только добычу руды, но и весь горнопромышленный комплекс, потому что нет руд – нет серебра. Засуха, неурожай, падеж скота являлись факторами, снижающими количество возчиков руды. Поэтому требовалось создание страхового двухлетнего запаса. Но в период модернизации Качки-Чулкова потребности роста добычи и расплавки руд при выполнении фиксированного наряда 1 тыс. пудов серебра можно было покрыть только тем, что добывали и заготавливали в текущем году.

Еще в 1804 г., т. е. в правление своего тестя В. С. Чулкова, по своей инициативе П. К. Фролов начал исследование фарватера Иртыша от Бухтарминской крепости до Убинской пристани на расстояние 240 верст. С 1808 г. по этому маршруту курсировало два судна, одно перевозило за раз 3 тыс. пудов, второе – 2 тыс. пудов. Оба судна делали семь ходов за лето, перевозя 34 тыс. пудов руды. В 1809 г. построили еще два судна, грузоподъемностью 3 тыс. пудов, таким образом, в 1809 – 1816 гг. руду перевозили 4 судна. С 1828 по 1832 гг. по маршруту курсировало 16 судов, с 1839 г. – 12, к 1841 г. руду перевозило одно лишь казенное судно [24, л. 47 – 51]. Также колыванская администрация изучала вопросы организации судоходства по Чарышу и Алею, теоретически было возможно устройство шлюзов, но реки были слишком мелки. Лишь иртышский проект Фролова был реализован на практике.

В 1810 г. Змеиногорский рудник и завод были соединены конной чугунной дорогой по проекту П. К. Фролова. Тем самым был заложен международный стандарт горного дела – транспорт руд с рудника по железной дороге. Чугунка обеспечивала действие завода не в полной мере. Так, в 1815 г. из 914 тыс. пудов руд, перевезенных на Змеиногорский завод, по чугунке было доставлено 606,5 тыс. пудов, или две третьих всего объема руд [15, л. 177]. Змеиногорский завод плавил самые бедные руды, доставка которых на другие заводы была бы убыточной из-за накладных расходов на провоз. П. К. Фролов подготовил очень смелый для той эпохи проект чугунной дороги, которая соединила бы Змеиногорский рудник с Барнаульским заводом, но управляющий Кабинетом Д. А. Гурьев не дал ему хода.

Транспортировка руд по Иртышу и змеиногорской чугунке представляют собой организационно-технические решения по частичной замене крестьянского извоза руд. Обе меры были логическим продолжением модернизации Качки-Чулкова, чтобы снизить потери руд при транспортировке на дальние расстояния. Как и прежде, основная масса руд перевозилась приписными крестьянами как в счет повинности, так и вольным наймом.

При анализе мероприятий П. К. Фролова важно учитывать его «родственное чувство» к заводам. Г. С. Качка исправил ситуацию с рудной базой, В. С. Чулков провел реформу металлургии, которая органически вытекала из преобразований в горном деле. С заменой клинчатых мехов цилиндрическими воздуходувками в правление И. И. Эллерса модернизация горно-металлургического производства завершилась. К моменту назначения П. К. Фролова на должность главного начальника КВЗ нерешенной оставалась последняя крупная проблема: создание страховых запасов руд и основных материалов.

Крупное промышленное производство серебра появилось на Алтае впервые в истории страны, и еще предстояло осознать, что значит «производить много». В «наивный» период 1747 – 1785 гг. на КВЗ обходились только тем объемом руд, который добывали на рудниках и перевозили на заводские площади в текущем году. В ходе модернизации Качки-Чулкова также не могло быть речи о создании запасов руд, угля и проч., потому что велась усиленная добыча и расплавка руд, которая год от года возрастала все больше.

Модернизация хозяйственной схемы началась в 1798 г. с установления запрета производить менее 1 тыс. пудов серебра в год. Вторым принципом хозяйственной схемы была соразмерная проплавка богатых и бедных руд, чтобы по оскудении богатых руд не пришлось плавить одни только бедные. Двух- и трехлетние запасы руд и основных материалов П. К. Фролов создал в течение 1817 – 1821 гг.

Таким образом, модернизация Качки-Чулкова проходила сразу в двух сферах: горнопромышленной и хозяйственной. Модернизация производства продолжалась в 1786 – 1816 гг., а модернизация хозяйственной схемы – в 1798 – 1821 гг.

Качка внедрил смысловое ядро концепции горнометаллургического производства на Алтае. Правило 1798 г. соблюдалось до 1869 г., когда производство серебра упало ниже 1 тыс. пудов, алтайские рудники второй половины XIX в. напоминали рудники Нижней Венгрии XVIII столетия.

Литература

1. Герман И. Сочинения о сибирских рудниках и заводах. Ч. I. СПб.: Изд-во Имп. Акад. наук, 1797. 294 с.
2. Агапова Т. И. Кризис крепостной горной промышленности Сибири (конец XVIII – первая половина XIX в.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Л., 1953. 18 с.
3. Зиновьев В. П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2007. 258 с.
4. Карпенко З. Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700 – 1860 годах. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1963. 215 с.
5. Бородавкин А. П. Отмена крепостного права на Алтае. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1972. 284 с.
6. Ведерников В. В. Кабинетская цветная металлургия Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. 186 с.
7. Ведерников В. В. Стабилизация производства серебра на Алтае в конце XVIII – первой трети XIX в.: кризис, стагнация или прогресс? // Актуальные вопросы истории Сибири. Девятые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина: материалы Всероссийской научной конференции; под ред. В. А. Скубневского, К. А. Пожарской. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 113 – 115.
8. Ведерников В. В. Переход к новой производственной схеме на Колывано-Воскресенских заводах во второй половине XVIII в. // Уральский исторический вестник. 2016. № 1(50). С. 109 – 118.
9. Гришаев В. Ф. Горные инженеры на Алтае. Барнаул: День, 1999. 256 с.
10. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 50. Оп. 18. Д. 1843.
11. ГААК. Ф. 50. Оп. 18. Д. 1853.
12. Гривнак К. Рудные месторождения Алтая // Горный журнал. 1875. Т. 2. № 6. С. 320 – 327.
13. ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 686.
14. ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2109.
15. ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1713.
16. Моисеев В. А. Змеиногорский рудник во второй половине XVIII в. // Серебряный венец России. Барнаул: Изд. упр. арх. дела Адм. Алт. кр., 2003. С. 131 – 177.
17. Российский государственный исторический архив. Ф. 486. Оп. 18. Д. 390.
18. ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4020.
19. ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 390.
20. Шемелев В. И. История Кузбасса с древнейших времен до отмены крепостного права. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1998. 368 с.
21. ГААК. Ф. 50. Оп. 10. Д. 54.
22. ГААК. Ф. 50. Оп. 19. Д. 249.
23. Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. СПб.: Типогр. Второго отделения Собств. Е. И. Канцелярии, 1872. 800 с.
24. ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 666.

The KACHKA-CHULKOV MODERNIZATION ON KOLYWANO-WOSKRESENSK FOUNDRIES (END OF XVIII – FIRST THIRD OF XIX CENTURIES)

Vitaly V. Vedernikov [1, @]

[1] *Altai Institute of Economy, Branch of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, 106 E, Lenina Ave., Barnaul, Russia, 656011*
[@] *vedernikov75@mail.ru*

Received 25.01.2017.
Accepted 27.03.2017.

Keywords: mining, metallurgy, modernization, silver, ore-dressing, Kolywano-Woskresensk foundries.

Abstract: The historiography of the non-ferrous metallurgy in Altai at the period of feudalism still remains under the old dogmata influence about crisis of the Russian state serfdom, resulting in the ideas about technical and technological backwardness in Altai. The article features the process of rapid technological growth of mining production in Altai, thus refuting the theses about production crisis or stagnation on Kolywano-Woskresensk foundries. It is demonstrated that the Kachka-Chulkov modernization (named after the two main head officials) was conducted in three spheres at the same time: production, administrative and economical. The main aim of the Kachka-Chulkov modernization was not to get maximal profit but to stabilize production volume on the level of one thousand puds (16.000 kg) of silver per year.

For citation: Vedernikov V. V. Modernizatsiia kachki-chulkova na Kolyvano-Voskresenskikh zavodakh (konets XVIII – pervaia tret' XIX vv.) [The Kachka-Chulkov Modernization on Kolywano-Woskresensk Foundries (End of XVIII – first third of XIX Centuries)]. *Bulletin of Kemerovo State University,* 2017; (2): 14 – 19. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-14-19.

References

1. German I. *Sochineniia o sibirskikh rudnikakh i zavodakh* [Compositions about the Siberian mins and foundries]. Saint-Petersburg: Izd-vo Imp. Akad. nauk, part I (1797): 294.

2. Agapova T. I. *Krizis krepostnoi gornoi promyshlennosti Sibiri (konets XVIII – pervaia polovina XIX v.).* Avtoref. diss. kand. ist. nauk [Crisis of serfdom mining industry of Siberia (end of 18th – first half of 19th centuries. Cand. hist. Sci. Diss. Abstr.]. Leningrad, 1953, 18.

3. Zinov'ev V. P. *Industrial'nye kadry staroi Sibiri* [Skilled workers of the old Siberia]. Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 2007, 258.

4. Karpenko Z. G. *Gornaia i metallurgicheskaia promyshlennost' Zapadnoi Sibiri v 1700 – 1860 godakh* [Mining and metallurgical production of Western Siberia in 1700 – 1860]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 1963, 215.

5. Borodavkin A. P. *Otmena krepostnogo prava na Altae* [The abolishment of serfdom in Altai]. Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 1972, 284.

6. Vedernikov V. V. *Kabinetskaia tsvetnaia metallurgiia Sibiri v XVIII – pervoi polovine XIX v*. [Cabinet's non-ferrous metallurgy of Siberia in 18th – first half 19th centuries]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2012, 186.

7. Vedernikov V. V. Stabilizatsiia proizvodstva serebra na Altae v kontse XVIII – pervoi treti XIX v.: krizis, stagnatsiia ili progress? [Silver production stabilization on Altai at the end 18th and first thread of 19th centuries: crisis, stagnation or progress?]. *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri. Deviatye nauchnye chteniia pamiati professora A. P. Borodavkina: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Actual questions of the history of Siberia. The ninth scientific readings of the memory of Professor A. P. Borodavkin: Proc. All-Russian Sc. Conf.]. Ed. Skubnevskii V. A., Pozharskaia K. A. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2013, 113 – 115.

8. Vedernikov V. V. Perekhod k novoi proizvodstvennoi skheme na Kolyvano-Voskresenskikh zavodakh vo vtoroi polovine XVIII v. [Coming to a new production way on Kolyvano-Voskresensk foundries in the 2nd half 18th century]. *Ural'skii istoricheskii vestnik = The Urals Historical Herald*, no. 1(50) (2016): 109 – 118.

9. Grishaev V. F. *Gornye inzhenery na Altae* [Mining engineers in Altai]. Barnaul: Den', 1999, 256.

10. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia (GAAK)* [State archive of Altai region]. Found 50, List 18, File 1843.

11. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [State archive of Altai region]. Found 50, List 18, File 1853.

12. Grivnak K. Rudnye mestorozhdeniia Altaia [Ore deposits of Altai]. *Gornyi zhurnal = Mountain magazine*, 2, no. 6 (1875): 320 – 327.

13. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [State archive of Altai region]. Found 169, List 1, File 686.

14. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [State archive of Altai region]. Found 2, List 1, File 2109.

15. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [State archive of Altai region]. Found 1, List 2, File 1713.

16. Moiseev V. A. Zmeinogorskii rudnik vo vtoroi polovine XVIII v. [Zmeinogorsky mine at the 2nd half of 18th century]. *Serebrianyi venets Rossii* [Silver wreath of Russia]. Barnaul: Izd. upr. arkh. dela Adm. Alt. kr., 2003, 131 – 177.

17. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian state historical archive]. Found 486, List 18, File 390.

18. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [State archive of Altai region]. Found 1, List 2, File 4020.

19. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [State archive of Altai region]. Found 169, List 1, File 390.

20. Shemelev V. I. *Istoriia Kuzbassa s drevneishikh vremen do otmeny krepostnogo prava* [History of Kuzbas from ancient times to abolishment of serfdom]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1998, 368.

21. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [State archive of Altai region]. Found 50, List 10, File 54.

22. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [State archive of Altai region]. Found 50, List 19, File 249.

23. Vagin V. *Istoricheskie svedeniia o deiatel'nosti grafa M. M. Speranskogo v Sibiri s 1819 po 1822 g*. [Historical information about the activity of graph M. M. Speranskiy in Siberia from 1819 to 1822]. Saint-Petersburg: Tipogr. Vtorogo otdeleniia Sobstv. E. I. Kantseliarii, 1872, 800.

24. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [State archive of Altai region]. Found 2, List 1, File 666.

УДК 930 «1734-1783»

ДОКУМЕНТЫ РГВИА РАССКАЗЫВАЮТ: УЧИЛСЯ ЛИ ГРИГОРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ОРЛОВ В СУХОПУТНОМ ШЛЯХЕТНОМ КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ

Олег П. Ведьмин [1, @]

[1] *Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *Lubyaginal@mail.ru*

Поступила в редакцию 22.06.2016.
Принята к печати 20.12.2016.

Ключевые слова: сухопутный шляхетный кадетский корпус, Г. Г. Орлов, Г. Н. Орлов.

Аннотация: В статье приведены результаты работы в РГВИА по выявлению и составлению списка всех дворян Орловых, кто учился в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе за период 1732 – 1761 гг. Выявлено, что в военном корпусе обучалось всего 6 кадетов с фамилией Орловых. Согласно некоторым источникам, там обучался и Григорий Орлов, которого исследователи считали Григорием Григорьевичем Орловым. На самом деле, как показывают архивные данные, в Кадетском корпусе обучался Григорий Никитич Орлов ─ будущий обер-гофмаршал Екатерины II. Он был определён в Кадетский корпус 2 декабря 1742 года, а в феврале 1748 года в возрасте 20 лет был пожалован в чин капрала. В 1749 году Г. Н. Орлов был "исключён" из корпуса по состоянию здоровья сроком на два года. Г. Г. Орлов в Кадетском корпусе не обучался. В юности он мог получить только домашнее образование.

Для цитирования: Ведьмин О. П. Документы РГВИА рассказывают: учился ли Григорий Григорьевич Орлов в сухопутном шляхетном кадетском корпусе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 20 – 23. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-20-23.

Возможно, что дотошливость учёных в исследовании отдельных фактов исторического развития, которые на первый взгляд могут показаться не важными и не очень значительными, иногда оборачивается выявлением достаточно серьёзных факторов, влияющих на это развитие или, напротив, – развенчивает значительность роли некоторых его персонажей в этом процессе. Обращаясь к архивным данным, находящимся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) г. Москвы, находим новые подтверждения того, что роль фаворита Екатерины II – Г. Г. Орлова в принятии политических, а значит исторических решений для судеб нашей Родины, была не очень значительной. За одно – попытаемся уточнить его биографию в контексте полученного образования, учитывая, что одним из важнейших мерил масштабности личности, как в XVIII в., так и в XXI в. все же остаётся – образовательный ценз.

В 2013 г. в нашей стране отмечался 400-летний юбилей с начала правления династии Романовых. Дом Романовых правил в России более трёхсот лет: от восшествия на престол 21 февраля 1613 г. первого монарха – Михаила Федоровича до отречения от трона 3 марта 1917 г. последнего российского императора – Михаила Александровича. Следует сказать, что ещё в конце 1980-х гг. у исследователей вновь усилился повышенный интерес к изучению истории династии Романовых. Одной из ярких фигур в портретной галерее Российского императорского дома учёные считают правление Екатерины II (1762 – 1796 гг.). Как известно, она взошла на престол в ходе дворцового переворота 28 июня 1762 г., свергнув при этом своего мужа императора Петра III. В данном перевороте ей активно помогали трое братьев Орловых – сыновья новгородского губернатора Григория Ивановича Орлова (1677 – 1746 гг.) – Григорий, Алексей и Фёдор. Хотя был ещё старший брат Иван и младший брат Владимир. Один из братьев – Григорий Григорьевич Орлов (1734 – 1783 гг.) был даже у Екатерины тайным любовником, но с началом переворота он сразу же повысил свой статус, тотчас превратившись в официального фаворита императрицы. В статусе фаворита при дворе Григорий Орлов находился до 1772 г. Он и все его братья, в том числе благодаря перевороту 1762 г. получили от Екатерины II всевозможные привилегии: чины, звания и награды.

Исследовательница О. В. Новикова, изучая роль Григория Орлова при русском дворе, приходит к выводу, что «князь Г. Г. Орлов по-настоящему не вступал на широкое поле государственной деятельности», находясь в статусе фаворита императрицы, хотя имел помыслы послужить на благо отечества. По мнению О. В. Новиковой, Григорий Орлов был просто «прекрасным исполнителем тех заданий», которые ему поручала сама императрица [1, с. 26 – 27]. С этим мнением следует согласиться. Екатерина, уже после смерти Г. Г. Орлова, в письме к доктору И. Г. Циммерманну от 9 мая 1785 г. признала за своим бывшим фаворитом только два «случая», в которых проявились его геройские доблести: это дворцовый переворот 1762 г. (о котором императрица в этом письме скромно умолчала, но имела его ввиду) и избавление Москвы от чумы в 1771 г. [2, с. 282].

Учёные поднимают вопрос: почему же Г. Г. Орлов, занимая при екатерининском дворе высокое положение, тем не менее фактически самоустранился от принятия важных государственных решений? Ещё великий князь Николай Михайлович (1859 – 1919 гг.) указывал в биографии о Григории Орлове на такой, казалось бы, малозначительный факт, но который впоследствии имел для фаворита отрицательные последствия как политика,

что он «ничему» не учился в молодости [3, с. 54]. Современный же исследователь А. Н. Спащанский также отмечает: «Самый большой недостаток Григория Орлова – это отсутствие необходимых человеку государственного уровня способностей» [4, с. 25].

Между тем в отдельных исторических работах можно найти данные о том, что Г. Г. Орлов ещё в юности получил прекрасное образование в Кадетском корпусе. Как известно, этот корпус был первым учебным заведением для детей дворян (шляхетства). Оно было образовано по указу императрицы Анны Иоанновны от 29 июля 1731 г. в Санкт-Петербурге [5, с. 519]. Однако для учёбы корпус открылся только 17 февраля 1732 г. Он размещался на Васильевском острове в бывшем дворце А. Д. Меншикова и прилегающих зданиях. Позднее корпус стал именоваться Сухопутным шляхетным кадетским корпусом, из стен которого выходили широко образованные офицеры.

Первым, кто стал пропагандировать идею о том, что Григорий Орлов являлся образованным дворянином, был Георг фон Гельбиг в своей работе «Русские избранники». Он прибыл в Россию в 1787 г. в качестве секретаря саксонского посольства. На протяжении восьми лет, проведённых в России, он собирал материал о жизни русского двора XVIII столетия. В биографии о Г. Г. Орлове он сообщает такие факты: «Три старших брата, из которых Григорий был вторым, вступили в Шляхетский кадетский корпус, где получили очень хорошее военное образование и особенно изучили главнейшие иностранные языки – немецкий и французский» [6, с. 171]. Позднее эти данные об Г. Г. Орлове использовал в XIX в. историк А. П. Барсуков, написавший биографический очерк о нашем герое [7, стб. 5 – 6]. В начале XX в. сведения о том, что Григорий Орлов учился в Сухопутном кадетском корпусе, вошли в фундаментальный справочник «Русского биографического словаря», в одном из томов которого учёный Б. Алексеевский об этом писал так: «В 1749 году Гр. Гр. Орлова отвезли в Петербург и определили в Сухопутный Кадетский Корпус, где он скоро обнаружил большие способности к языкам и в короткое время выучился говорить по-французски и по-немецки; впрочем, впоследствии Орлов часто жаловался на скудость полученного им в корпусе образования» [8, с. 349]. Ныне О. В. Новикова, ссылаясь на архивные данные ВИМАИВиВС (Военно-Исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи), приводит другую гипотезу учебы Г. Г. Орлова в Сухопутном кадетском корпусе. Интерпретируя этот документ, О. В. Новикова отмечает, что он был определен в корпус еще в 1745 г., однако, не пройдя полного курса обучения, в 1749 г. вступил в службу в один из гвардейских полков солдатом [1, с. 24]. Таким образом, в среде учёных сформировались различные подходы в отношении образованности Г. Г. Орлова, следовательно, и его, отчасти, возможностях влиять на умную императрицу.

Чтобы развеять сомнения в том, учился ли Г. Г. Орлов в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, следует обратиться к документам, выявленным нами в РГВИА, с помощью которых попытаемся ответить на уже поставленный вопрос.

В РГВИА документы по Сухопутному шляхетному кадетскому корпусу находятся в фонде «1-й Кадетский корпус» (Ф. 314. Оп. 1). В ходе изучения документов этого фонда нами было установлено, что за период с 1732 – 1761 гг. в данном корпусе обучалось 6 кадетов с фамилией Орловы. Приведём этот список кадетов, составленный по алфавитному списку канцелярии Кадетского корпуса. Первым кто открывает наш список – Сергей Орлов. В Кадетский корпус он поступил 4 мая 1732 г. и был выпущен из корпуса 4 ноября 1736 г. в чине капрала. Следующими были два брата Орловы: Илья Иванович и Платон Иванович. Они поступили в корпус 14 июля 1740 г. и были выпущены из учебного заведения 23 декабря 1747 г. Илья был выпущен в армию в чине подпоручика, а Платон соответственно уже в чине поручика. Четвёртым в списке значился – Григорий Орлов. Он поступил в Кадетский корпус 2 декабря 1742 г., а 4 июля 1749 г. был из корпуса из-за болезни «без ранга выключен». Пятым в списке значился – Семён Орлов, который поступил в корпус 16 сентября 1751 г., а 5 мая 1756 г. числился уже умершим. Замыкает наш список – Фёдор Орлов. Он был зачислен в корпус 16 сентября 1751 г. [9, с. 44, 45, 322, 323]. В этом деле отсутствуют данные о том, когда же Фёдор Орлов был выпущен из корпуса. По данным же Р. В. Овчинникова, Фёдор Орлов – родной брат Григория Григорьевича Орлова продолжал учиться в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе по май 1757 г., а 31 мая 1757 г. произведён в армейские прапорщики, и определён в Обсервационный корпус, где служил вместе с братьями Григорием и Алексеем в Гренадерском полку [10, с. 152].

Источники свидетельствуют о том, что в документах XVIII в., а это касается непосредственно документов канцелярии Кадетского корпуса, было принято указывать только имя и фамилию кадетов без их отчества. Поэтому по вышеприведенному источнику трудно определить был ли этот кадет тот самый Г. Г. Орлов, тем более что московские учёные О. А. Иванов и К. А. Писаренко считают, что в Сухопутном кадетском корпусе обучался двоюродный брат Григория Григорьевича Орлова – Григорий Никитич Орлов [11, с. 25; 12, с. 785].

Окончательный ответ на поставленный вопрос: учился ли Григорий Григорьевич Орлов в Кадетском корпусе? мы находим в таком документе как «Ат[т]естат о науках капрала Григорья Орлова». Данный аттестат скрепили своими подписями подполковник корпуса Иоганн фон Зихгейм и майор Илья Мазовской 12 декабря 1748 г. Согласно этому документу Григорий Орлов был определён в корпус 2 декабря 1742 г. Однако к изучению наукам он приступил только 8 марта 1743 г. За указанный период учёбы в корпусе Орлов добился следующих результатов: окончил изучать геометрию, стал осваивать фортификацию, историю и географию, фехтование и верховую езду. Кроме того, Григорий Орлов рисовал ландшафты и картуши, «разумел» по-немецки, переводил с российского языка на немецкий язык, а также с немецкого на французский язык, сочинял немецкие письма, танцевал менуэт. В аттестате также сообщалось, что 20 февраля 1748 г. Григорий Орлов был пожалован в чин капрала. В декабре же 1748 г. молодому капралу было от роду только 20 лет [13, л. 5]. Из данного содержания документа можно сделать вывод, что капрал Григорий Орлов ни как не мог быть Григорием Григорьевичем Орловым. В 1748 г. Г. Г. Орлову было всего 14 лет, а в документе

же речь идёт о 20-летнем Григории Орлове. И это был Григорий Никитич Орлов (1728 – 1803 гг.) – будущий обер-гофмаршал, всё той же Екатерины II.

Эти два Григория – отличались друг от друга ещё и своими физическими данными. Известно, что Г. Г. Орлов имел «атлетическое сложение», и обладал «Геркулесовской силой». Напротив, капрал Григорий Орлов, т. е. Григорий Никитич, был слабого здоровья и часто болел, что, в конечном счёте, заставило его по состоянию здоровья пройти медицинское освидетельствование на предмет дальнейшего прохождения учёбы в военном заведении. Об этом можно судить по документу: «Аттестат о болезни шляхетнаго кадетского корпуса капрала Григория Орлова» [13, л. 3 – 3 об.]. Этот «Аттестат о болезни…» был выдан медицинской комиссией корпуса (доктором и лекарем) 6 декабря 1748 г. Медицинское свидетельство начиналось так: «Означенный капрал Орлов, которому от роду двадцать лет ростом мал, и слабом, и притом к печали и меланхолии склонен. И хотя он не помнит, чтоб он с молодых своих летах, тяшкою, какою болезнию был, одержим, токмо за шести лет перед сим имел лихорадку целой год». И в том же «Аттестате о болезни…» можно прочитать о капрале Орлове и такое: «…он по-прежнему слаб, и склонен к печали, часто чувствует в груди болезни, несмотря, что для облегчения оныя ему разнократно крови пущали, притом мало спит, и нет у него позыв на кушанье, и притом почти беспрестанно имеэт понос». В конце же «Аттестата о болезни…» приводятся медицинские рекомендации в отношении дальнейшей учёбы капрала Григория Орлова, что он по состоянию своего здоровья не может выполнять при корпусе экзерциции (военные упражнения) и успевать в науках. Больному также рекомендовались следующие меры: сменить «климат», употреблять «целительные воды» и использовать «других лекарей». Следует отметить, что рекомендации для Орлова были составлены с согласия действительного статского советника и лейб-медика императрицы Германа Каау Бургаве.

Как показывают документы архива, 14 декабря 1748 г. канцелярия Шляхетного кадетского корпуса подало доношение в Правительствующий Сенат, в котором сообщалось, что воспитанник корпуса – капрал Григорий Орлов ныне по состоянию здоровья не может продолжать учёбу в военном заведении [13, л. 4]. Затем Сенат, по правилам того времени, направил дело о капрале Григории Орлове императрице Елизавете Петровне для утверждения. Императрица 15 марта 1749 г. подписала указ Правительствующему Сенату, в котором говорилось, что капрала Григория Орлова нужно отпустить домой на два года для излечения болезни. Из Правительствующего Сената данный указ поступил в канцелярию Кадетского корпуса только 4 июля 1749 г. В этот же день Григорий Орлов был «выключен» из списков Кадетского корпуса. На место Орлова был зачислен в штат Кадетского корпуса бывший сверх комплекта кадет – гефрейтер Николай Панин [13, л. 14, 15]. Сам же Григорий Никитич Орлов, как говорят документы, так и не вернулся в корпус для дальнейшей учёбы из своего длительного отпуска.

Таким образом, обнаруженные в РГВИА документы свидетельствуют о том, что Григорий Григорьевич Орлов – активный участник дворцового переворота 1762 г. по возведению на престол Екатерины II не учился в Кадетском корпусе, как это было принято считать многими исследователями. Он мог получить в юности только домашнее образование. Этот «пробел» в учёбе сказался позднее на его политической деятельности при Екатерине II. Возможно, из-за этого он не стал для императрицы её постоянным политическим советником. Документы архива показали, что учился в военном заведении с 1742 г. двоюродный брат Г. Г. Орлова – Григорий Никитич Орлов, который и был по состоянию здоровья «выключен» из списков кадетского корпуса в 1749 г.

Литература

1. Новикова О. В. Известный и неизвестный генерал-фельдцейхмейстер князь Г. Г. Орлов // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохранённое: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 250-летию Достопамятного зала. 13 – 17 сентября 2006 года. СПб., 2006. Ч. 3. С. 24 – 27.

2. Письма императрицы Екатерины II к И. Г. Циммерманну // Русская старина. 1887. Кн. VIII. С. 280 – 320.

3. Знаменитые россияне XVIII и XIX веков: биографии и портреты. По изданию великого князя Николая Михайловича «Русские портреты XVIII и XIX столетий». СПб.: Лениздат, 1995. 958 с.

4. Спащанский А. Н. Григорий Орлов и Гатчина: история фаворита императрицы и его загородного имения. СПб.: Коло, 2010. 256 с.

5. Полное собрание законов Российской империи: собрание 1-е. СПб., 1830. Т. VIII. 1018 с.

6. Гельбиг Г. фон. Русские избранники. М.: Воениздат, 1999. 310 с.

7. Барсуков А. П. Князь Григорий Григорьевич Орлов // Русский архив. 1873. № 2. Стб. 1 – 146.

8. Русский биографический словарь. Т. 12. Обезьянинов – Очкин. СПб., 1905. 480 с.

9. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 314. Оп. I. Д. 444.

10. Овчинников Р. В. Из наблюдений над источниками «Истории Пугачёва» и «Капитанской дочки» А. С. Пушкина // История СССР. 1991. № 3. С. 146 – 157.

11. Иванов О. А. Граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский в Москве. М.: Сварог и К, 2002. 584 с.

12. Писаренко К. А. Повседневная жизнь русского Двора в царствование Елизаветы Петровны. М.: Молодая гвардия, 2003. 873 с.

13. РГВИА. Ф. 314. Оп. I. Д. 2172.

DOCUMENTS FROM THE RUSSIAN STATE MILITARY-HISTORIC ARCHIVE (RGVIA) TELL WHETHER GRIGORI GROGORIEVITCH ORLOV STUDIED IN THE LAND GENTRY MILITARY SCHOOL

Oleg P. Vedmin[1, @]

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *Lubyaginal@mail.ru*

Received 22.06.2016.
Accepted 20.12.2016.

Keywords: the Land Gentry Military School, G. G. Orlov, G. N. Orlov.

Abstract: The article features the results of work in The Russian State Military-Historic Archive (RGVIA) on identifying and making a list of all the Orlov noblemen who studied in the Land Gentry Military School in 1732 – 1761. It is revealed that in the military corps there were only 6 cadets by this name. According to some sources, there studied a certain Grigory Orlov, whom many researchers identify as Grigory Grigorievich Orlov. In fact, as the archival data shows, it was Grigory Nikitich Orlov – the future chief Marshal of the court of Catherine II – who was trained at the Cadet Corps. He was directed to the Cadet Corps December 2, 1742, and in February 1748 he was advanced to the rank of corporal at the age of 20. In 1749 G. N. Orlov was "excluded" from the corps for health reasons for two years. G. G. Orlov never studied at the Cadet Corps.

For citation: Vedmin O. P. Dokumenty RGVIA rasskazyvaiut: uchilsia li Grigorii Grigor'evich Orlov v sukhoputnom shliakhetnom kadetskom korpuse [Documents from the Russian State Military-Historic Archive (RGVIA) Tell whether Grigori Grogorievitch Orlov Studied at the Land Gentry Military School]. *Bulletin of Kemerovo State University,* 2017; (2): 20 – 23. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-20-23.

References

1. Novikova O. V. Izvestnyi i neizvestnyi general-fel'dtseikhmeister kniaz' G. G. Orlov [Known and unknown General-Feldzeugmeister Prince G. G. Orlov]. *Voennoe proshloe gosudarstva Rossiiskogo: utrachennoe i sokhranennoe: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 250-letiiu Dostopamiatnogo zala. 13 – 17 sentiabria 2006 goda* [The military past of the Russian state: the saved and the lost: Proc. all-Russian Sc.-Prac. Conf. dedicated to the 250th anniversary of the Memorable hall. 13 – 17 September 2006]. Saint-Petersburg, part 3 (2006): 24 – 27.
2. Pis'ma imperatritsy Ekateriny II k I. G. Tsimmermannu [Letters of the Empress Catherine II to the I. G. Zimmermann]. *Russkaia starina = Russian antiquity*, book VIII (1887): 280 – 320.
3. *Znamenitye rossiiane XVIII i XIX vekov: Biografii i portrety. Po izdaniiu velikogo kniazia Nikolaia Mikhailovicha «Russkie portrety XVIII i XIX stoletii»* [Famous Russians of the XVIII and XIX centuries: Biographies and portraits. For edition Grand Duke Nicholas Mikhailovich "Russian portraits XVIII and XIX centuries"]. Saint-Petersburg: Lenizdat, 1995, 958.
4. Spashchanskii A. N. *Grigorii Orlov i Gatchina: istoriia favorita imperatritsy i ego zagorodnogo imeniia* [Grigory Orlov and Gatchina: history of the Empress's favorite and his country estate]. Saint-Petersburg: Kolo, 2010, 256.
5. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii: Sobranie 1-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire: 1st collection]. Saint-Petersburg, vol. VIII (1830): 1018.
6. Gel'big G. fon. *Russkie izbranniki* [Russian representatives]. Moscow: Voenizdat, 1999, 310.
7. Barsukov A. P. Kniaz' Grigorii Grigor'evich Orlov [Prince Grigory Grigoryevich Orlov]. *Russkii arkhiv = Russian archive*, no. 2 (1873): 1 – 146.
8. *Russkii biograficheskii slovar'. T. 12. Obez'ianinov – Ochkin* [Russian biographical dictionary. Vol. 12. Obez'ianinov – Ochkin]. Saint-Petersburg, 1905, 480.
9. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (RGVIA)* [Russian state military-historical archive]. Found 314, List I, File 444.
10. Ovchinnikov R. V. Iz nabliudenii nad istochnikami «Istorii Pugacheva» i «Kapitanskoi dochki» A. S. Pushkina [From observations over the sources of the "History of Pugachev" and "Captain's daughter" by Alexander Pushkin]. *Istoriia SSSR = USSR history*, no. 3 (1991): 146 – 157.
11. Ivanov O. A. *Graf Aleksei Grigor'evich Orlov-Chesmenskii v Moskve* [Count Alexei Grigoryevich Orlov-Chesmensky in Moscow]. Moscow: Svarog i K, 2002, 584.
12. Pisarenko K. A. *Povsednevnaia zhizn' russkogo Dvora v tsarstvovanie Elizavety Petrovny* [Daily life of the Russian court during the reign Elizaveta Petrovna]. Moscow: Mol. gvardiia, 2003, 873.
13. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [Russian state military-historical archive]. Found 314, List I, File 2172.

УДК 94(510)+94(5)+94(57)+94(5-015)

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ТЮРКОВ И ДИНАСТИИ СУЙ В 609 – 617 ГГ.

Рустам Т. Ганиев[1, @]

[1] *Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51*
[@] *rusthist@yandex.ru*

Поступила в редакцию 24.01.2017.
Принята к печати 29.03.2017.

Ключевые слова: древние тюрки, Китай, Восточно-тюркский каганат, династия Суй, династия Тан.

Аннотация: В статье рассматриваются события военного противостояния между Шиби каганом и династией Суй в 609 – 615 гг., а также показана внутриполитическая ситуация в Китае, в результате ухудшения которой произошел политический переворот 617 г. и у власти оказалась молодая династия Тан. В конце династии Суй насчитывалось более 200 организованных вооруженных банд, раздиравших единую империю на части и находивших поддержку у тюрков. В 615 г. тюрки окружили суйского императора Ян-ди в крепости Яньмэнь и тем самым предопределили конец его политической карьеры. В начале VII в. Восточно-тюркский каганат обладал огромным военно-политическим влиянием в Центральной Азии и представлял угрозу для своих соседей. Наряду с сепаратистами, выступавшими против династии Суй, за помощью к тюркам обратился военный губернатор Тайюаня Ли Юань. Он заключил с ними союз, и тюрки поддержали его кандидатуру в качестве нового правителя Китая. Таким образом, в событиях 609 – 617 гг. восточные тюрки способствовали как ухудшению ситуации в конце династии Суй, так и утверждению у власти новой династии Тан.

Для цитирования: Ганиев Р. Т. Противостояние тюрков и династии Суй в 609 – 617 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 24 – 29. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-24-29.

В 617 г. результате внутриполитического переворота в Китае к власти пришла молодая династия Тан, правившая до 907 г. [1]. Этому событию предшествовала сложная внутриполитическая борьба внутри Китая при династии Суй, которая продолжилась и после 617 г. при непосредственном участии основного северного соседа Суйского Китая – Восточно-тюркского каганата [2]. Выявление роли восточных тюрков в политической жизни раннетанского Китая является малоизученным вопросом как среди тюркологов, так и синологов. Между тем события этого периода имеют большое значение не только для китайской истории, но и истории Восточно-тюркского каганата.

Отечественные исследователи неоднократно уделяли внимание политическим и экономическим событиям в конце династии Суй, но без подробного анализа именно тюрко-китайских отношений в этот период.

С. Г. Кляшторный в своей работе дает лишь краткую констатацию произошедших событий в Китае [3, с. 22]. Л. Н. Гумилев в XIII главе «Рождение империи Тан» дает более подробную характеристику произошедшим событиям, но без привлечения главного источника – произведения «Да Тан чуанъе цзицзюй чжу» автора Вэнь Дая, непосредственного участника тех событий. Кроме этого, в высокой оценке автором личности Ли Шиминя прослеживается официальная точка зрения китайского историка Шан Юэ [4].

В одной из последних коллективных работ по истории Китая периода Суй и Тан, авторы признают сильное влияние и участие тюрков в политических событиях в 617 г., но, к сожалению, также без детального анализа тюркского фактора [1, с. 192 – 202].

Основные сведения по истории древних тюрков в изучаемый период содержатся в китайских династийных летописях (чжэнши) Суй шу [5; 6], Тан шу, Цзю тан шу [5; 7; 8], а также произведениях Да Тан чуанье цицзюй чжу придворного летописца Вэнь Дая [9; 10] и Юйпи цзы чжи тунцзянь ганму [11].

В 609 г. к власти в Восточно-тюркском каганате пришел сын Циминь кагана Шиби (Доцзиши), первоначально проводивший политику своего отца, т. е. мирного сосуществования с Китаем, но она продолжалась недолго.

О причинах вражды между Шиби каганом 始毕可汗 и династии Суй подробно сообщается в биографии китайского сановника Пэй Цзюя 裴矩:

«(Пэй Цзюй) предложил императору план раскола силы туцзюэ. Он хотел отдать в жены дочь из императорского дома младшему брату Шиби кагана по имени Чицзи шаду и назначить его каганом Юга, но тот отказался. Когда Шиби каган это узнал, то он обозлился на династию Суй. (矩以始毕可汗部众渐盛，献策分其势，将以宗女嫁其弟叱吉设，拜为南面可汗。叱吉不敢受，始毕闻而渐怨。) [6, 3340 页].

Пэй Цзюй сказал императору: “Туцзюэ простодушны и между ними можно сеять раздор; к несчастью среди них есть много ху 胡 (варвары, согдийцы), которые коварные, злые и хитрые, которые их учат и управляют ими! Я слышал, что Шишухуси 史蜀胡悉 имеет особо много коварных планов и пользуется расположением Шиби кагана. Я прошу разрешить мне убить его с помощью хитрости”. (突厥本淳，易可离间，但由其内多有群胡，尽皆桀黠，教导之耳。臣闻史蜀胡悉尤多奸计，幸于始毕，请诱杀之。) [6, 3341 页].

Император согласился с ним и Пэй Цзюй направил письмо с доверенным к Шишухуси: “Сын Неба выставляет большое количество ценных вещей. Сейчас он в Маи и намеревается заняться с варварами торговлей. Кто из вас первым придет, тот получит лучшие вещи!” Шишухуси был жадным и поверил словам. Не сообщая Шиби кагану, он взял свою орду, весь скот и ночью двинулся в путь в надежде заключить первым выгодную сделку. Но Пэй Цзюй устроил засаду, заманил его и обезглавил. После этого он направил Шиби кагану императорский эдикт: “Шишухуси неожиданно пришел ко мне со своей ордой. Он сказал, что порвал с каганом и попросил его устроить. Так как туцзюэ являются моими подчиненными, я должен убивать каждого изменника. Поэтому я его обезглавил. Я приказываю тебе принять это к сведению”. Но Шиби каган уже знал положение вещей и поэтому не приходил больше с визитом на императорский двор». (诏报始毕曰：“史蜀胡悉忽领部落走来至此，云背可汗，请我容纳。突厥既是我臣，彼有背叛，我当共杀。今已斩之，故令往报。”始毕亦知其状，由是不朝。) [6, 3341 页].

В отличие от своих предшественников, Шиби решился на открытый конфликт с Китаем и тем самым нарушил хрупкое равновесие в Центральной Азии, поставив под угрозу не только Восточно-тюркский каганат, но и положение в Китае династии Суй. Могущество династии Суй основывалось также и на поддержке со стороны восточных тюрков. К этому прибавились и внутренние проблемы Китая, особенно в социально-экономической сфере, которые и привели в итоге к приходу к власти новой династии Тан.

Одновременно с ухудшением отношений с тюрками, в конце династии Суй появилось множество сепаратистских центров, выступающих против действующей власти и регулярно находивших военную поддержку у тюрков.

Источники сообщают: «В это время в империи царили большие беспорядки; бесчисленное количество китайцев бежали к туцзюэ, и их клан (цзу) становился все сильнее и могущественнее. Все государства, начинаясь от кидань и шивэй на востоке до туюхунь, Гаочан (Турфан) и другие на западе, были ему подчинены. Он располагал более 1 000 000 лучников. Ещё никогда прежде не было таких сильных северных варваров, как туцзюэ. Они смотрели свысока с горы Иньшань и испытывали презрение к Срединной империи. К тому же тюрки схватили императрицу Сяо (жену императора) Ян-ди и поместили ее в Динсян. Се Цзюй, Доу Цзяньдэ, Ван Шичун, Лю Учжоу, Лян Шиду, Ли Гуй и Гао Кайтао возложили на себя, будучи дерзкими, почетные титулы, но они все должны были поворачивать свое лицо (перед каганом) на Север и называться вассалами! Они получили от туцзюэ титул кагана. Их гонцы беспрестанно спешили и туда и сюда и встречались на дорогах» [9, s. 65]. (隋末乱离，中国人归之者无数，遂大强盛，势陵中夏。迎萧皇后，置于定襄。薛举、窦建德、王世充、刘武周、梁师都、李轨、高开道之徒，虽僭尊号，皆北面称臣，受其可汗之号。使者往来，相望于道也。) [6, 3928 页].

Однако еще в начале 615 г. Шиби каган явился в восточную столицу с визитом к императору. В 1 день Цзя-у 1 месяца в 11 год Дае (615) туцзюэ отправили посланников с данью, а в 22 день Имао (этого же месяца) император Ян-ди собрал варваров и приказал им продемонстрировать всевозможные товары из своих стран, после чего наградил каждого из них в соответствии с их рангом.

В 13 день Бинцзэ 2 месяца 615 г. человек из Шангу (в Хэбэй) Ван Сюйба поднял восстание. Он назвал себя правителем Мантянь (Небесная широта) и назвал свою страну Янь. Предводитель мятежников Вэй Дяоор присвоил себе титул Лишаньфэй. Каждый из них имел в распоряжении 10 000 человек. На севере они объединились с туцзюэ и на юге атаковали Чжао (в Хэбэй). В 5 день Ичоу 8 месяца император Ян-ди провел инспекцию на северной границе. В 8 день Учэнь (этого же месяца) Шиби каган туцзюэ планировал неожиданно атаковать со 100 000 всадниками паланкин императора, но принцесса Ичэн отправила посланника и предупредила императора о мятежном плане.

Вскоре император уехал на дачу в крепость Фэньян, а в 12 день 8 месяца Жэньшэнь император Ян-ди крайне спешно уехал в Яньмэнь (в Шаньси). В 13 день Гуйю туцзюэ осадили город:

«Император и его сановники пришли в ужас. Дома были разрушены в оборонительных целях. В городе находилось 150 000 солдат и гражданских лиц. Продовольствия хватало только на 20 дней. Из 41 крепости провинции Яньмэнь 39 были захвачены туцзюэ. Только Яньмэнь и Го не были захвачены. Неожиданно туцзюэ атаковали Яньмэнь. При этом их стрелы воткнулись в землю прямо перед императором. Он сильно испугался, взял в руки своего сына принца Чжао Ян Гао и сильно зарыдал, так что его глаза покрылись мозолями» [9, s. 545].

Императорская армия отчаянно оборонялась, но не смогла дать отпор тюркам. Император так испугался, что захотел снять осаду быстрой (летающей) конницей, но Фань Цзэгай настоятельно отговорил императора от этого.

Младший брат императрицы Сяо, жены императора Ян-ди Суй, Сяо Юй во время осады предложил императору использовать жену кагана принцессу Ичэн для освобождения императора и отправить к ней посланника. Также он предложил сообщить армии, что грядущий поход против Гаоли будет отменен, чтобы успокоить солдат и расположить их к императору. Император Ян-ди последовал его совету и послал гонца с императорским сообщением к катун. Вскоре туцзюэ сняли осаду и ушли. Позже один шпион, которого взяли в плен, рассказывал, что принцесса Ичэн отправила к Шиби кагану посланника с криком о помощи, что на Севере грозит большая опасность, после чего осаду сняли [9, s. 90].

По другой версии император Ян-ди привязал свой приказ к бруску дерева и выбросил его из осажденного города в реку Фэнь, которая понесла его по течению. Таким образом, он позвал отряды на помощь.

Сын императора Ян-ди Суй принц Ци Ян Цзянь оборонял округ Госянь (в Шаньси) с резервной армией. В 24 день Цзяшэнь (этого же месяца) император Ян-ди дал указание местным органам власти (цзюнь) мобилизовать солдат. Поэтому многие префекты и руководители округов пришли для деблокирования (окружающих войск). В 15 день Цзячэнь 9 месяца туцзюэ сняли осаду и ушли [9, s. 71].

Также источники сообщают, что «с тех пор Шиби каган больше не платил дань» [9, s. 65].

В 616 г. Шиби каган вторгся с несколькими десятками тысяч всадников в Маи. Император Гао-цзу (тогда еще герцог Тан) и (губернатор Маи) Ван Жэньгун атаковали их. Император Гао-цзу набрал элитный отряд всадников (2000 человек) в передвижной (летающий) корпус, который вел себя, как туцзюэ, ели, пили, жили там, где была вода и трава; они ходили на охоту и ездили вокруг, чтобы показать, что у них есть свободное время. Затем император Гао-цзу выбрал превосходных стрелков и объединил их с разведывательным отрядом, которые должны были атаковать врагов из засады. Когда враги увидели императора Гао-цзу, то они не отважились выступить против него. Император Гао-цзу воспользовался этой возможностью, атаковал туцзюэ и обратил их в бегство» [9, s. 72].

Наряду с этим в 617 г. источники сообщают о появлении новых сепаратистских центров, выступающих против династии Суй при поддержке тюрков. Всего к лету 617 г. число региональных наместников, восставших против Суй, превышало 200 человек [2].

В 1 месяце 13 года Дае [12] (617) Доу Цзяньдэ построил на границе Хэцзянь и Лошоу (в Хэбэй) алтарь и назначил себя королем Чанло (Долгая радость).

В 8 день Цичжоу 2 месяца в 13 год Дае (617) Сяовэй (офицер) из Маи Лю Учжоу убил губернатора Ван Жэньгуна, захватил оружие и создал беспорядок. На севере он объединился с туцзюэ и присвоил себе титул Динян кагана. После этого он послал воззвание в области и все города ему покорились. При этом он получил более 10 000 солдат. Он назначил себя губернатором (Тайшоу) и отправил посланников к туцзюэ, чтобы предложить свое покорение. После этого Лю Учжоу разрушил Лоуфань (в Шаньси) и захватил императорскую крепость Фэньян. Он взял в плен придворных дам династии Суй и соблазнил ими Шиби кагана. В качестве ответного подарка он получил от него лошадей. Вскоре он захватил Динсян и после этого вернулся в Маи. Туцзюэ сделали его Динъян (императорский дом Ян подчиняющий Суй) каганом и подарили ему флаг с головой волка. Он присвоил себе императорский титул, назначил свою жену, урожденную Цзюй, императрицей и ввел девиз правления Тяньсинь [9, s. 85].

Другой мятежник Лян Шиду был родом из префектуры Сячжоу из Софан (Шофан). Он назначил себя Великим канцлером (Дачэнсян) и объединился на севере с туцзюэ. После этого он захватил Дяоинь, Хунхуа, Яньань и другие провинции (цзюнь). После этого он самоуверенно вступил на императорский трон, основал государство Лян и ввел девиз правления Юнлун. Шиби каган туцзюэ подарил ему флаг с головой волка и присвоил ему титул Дадупицзя кагана. В итоге Лян Шиду повел туцзюэ в область южнее Желтой реки, где они поселились и завладели провинцией Яньчуань (в Ганьсу) [9, s. 288].

Другим центром неповиновения являлся Цзиньчэн, в котором проживал бунтовщик Се Цзюй. Осенью 7 месяца 13 года Дае (617) он возложил на себя титул императора и сделал свою жену, урожденную Цзюй, императрицей, а свою мать – матерью-императрицей. Далее он решил подкупить туцзюэ богатыми подарками для того, чтобы создать единый фронт и с объединенными силами напасть на столицу, но будущий танский император Ли Юань опередил его и переманил тюрков на свою сторону.

О событиях непосредственно переворота [13 – 15], осуществленного Ли Юанем и его сторонниками в период с 5-го по 6-й месяц 617 г., подробно сообщается в произведении Да тан чуанъе ци цзюй чжу придворного хрониста Вэнь Да-я [9, s. 360 – 368].

Ли Юань начал свою карьеру на службе у императора Вэнь-ди Суй. Супруга императора Вэнь-ди была сестрой матери Ли Юаня, которая происходила из сильного тюркского клана Дугу [2, с. 12]. В конце династии Суй Ли Юань занимался подавлением крестьянских восстаний и сепаратистских сил. После побед над повстанцами в 616 г. в Хэдуне, в начале 617 г. он был назначен наместником Тайюаня, где совершил переворот и захватил город. Отсюда через несколько месяцев он повел свои войска на столицу Суй – Чанъань [1].

Ли Юань понимал, что тюрки представляли для него определенную опасность и могли нарушить его планы, потому первым делом он направил к ним письмо:

«…Если вы знаете намерение Неба, вы должны ко мне присоединиться. Теперь государство Суй обречено на гибель, и народ терпит нужду. Если мы их не спасем, Небо нас порицает. Поэтому я собираю много солдат для правого дела и хочу принести миру дружбу, привести обратно издалека нашего императора (Ян-ди Суй), а потом заключить с туцзюэ мир также как в годы Кайхуан (581 – 600). Это не справедливое дело? Если нынешний император Ян-ди Суй разочаровал кагана, то каган не должен забывать милость прежнего императора Гао-цзу (Вэнь-ди Суй)! Если вы последуете за мной и не нападете на наш народ, тогда захваченные при подавлении восстаний (войн) юноши, девушки, драгоценные камни и шелк, будут принадлежать кагану. Если вы думаете, что путь для вас далек, и вы не сможете вторгнуться так глубоко, то вы можете только наблюдать и состоять с нами в дружбе; после вы получите даром драгоценности и ваши вооруженные силы не подвергнутся напряжению; и это зависит от кагана!» [10].

В письме Ли Юань предлагал восточным тюркам выступить на их стороне, за что он готов был щедро заплатить. Более интересным является его предложение о невмешательстве в свои дела. Вероятно, это была его главная задача, так как тюрки представляли опасность для Ли Юаня и обладали военной силой, которую они могли направить против него. За бездействие он также пообещал тюркам награду.

На конверте, в котором было отправлено письмо, император изобразил специальные знаки «Ци» 啓, применявшиеся при переписке двух равнозначных партнеров. В нашем случае Ли Юань хотел показать, что он обращается к кагану, как к своему равному партнеру.

После этого он послал курьера воспользоваться почтовой станцией и доставить письмо к туцзюэ. Когда Шиби каган получил письмо, он был очень обрадован. Его сановники сказали ему: «Герцог Тан хочет вернуть императора Суй Ян-ди и заключить с нами дружбу. Мы не можем с этим согласиться. О том, каким императором является Суй, мы знаем. Если он вернется, он возненавидит герцога Тан. Так как между нами и Суй раньше была вражда, он точно захочет нас подавить. Если герцог Тан зовет нас по этому поводу, то мы тогда

не сможем пойти. Если же герцог Тан сам захочет стать сыном Неба, тогда мы охотно последуем за ним, и не будем избегать зноя, чтобы получить великие заслуги и награды!» [10].

Шиби каган был против возвращения на престол императора Ян-ди династии Суй, с которым он враждовал с 615 г. Поэтому он поставил перед Ли Юанем условие – восточные тюрки выступят на стороне Ли Юаня только в том случае, если он сам захочет стать императором.

Через семь дней письмо от Шиби кагана доставили будущему императору Гао-цзу. Вэнь Да-я сообщает, что когда посланник тюрков пришел на императорский двор и сообщил им новость, китайские сановники танцевали от счастья, но император взял письмо, прочитал и, тяжело вздыхая, сказал своим людям: «Я не ожидал, что они в ответе на письмо вынудят нас сегодня к мятежу против Суй! Мы должны тотчас же разорвать дружбу с варварами, и мы не хотим следовать их совету!» [9, s. 365] (本慮兵行以後，突厥南侵，屈節連和，以安居者。不謂今日所報，更相要逼，乍可絕好蕃夷，無有從其所勸。) [10].

Ближайшие сановники Ли Юаня Пэй Цзи, Лю Вэньцзин и др. сказали ему: «Я, Пэй Цзи, и другие, мы перестроились, чтобы служить вам в качестве государя. Солдаты уже наготове. Не хватает только лошадей. Мы не нуждаемся в варварах, но их лошади очень важны и поэтому алчно ждем этого. Если мы дальше замешкаемся, мы боимся, что туцзюэ могут поменять свое решение» [9, s. 366].

В это время в Тайюань приехал с визитом сын Ли Юаня – принц Цинь (будущий император Тан – Тай-цзун). Сановники решили его использовать и попросили вразумить Ли Юаня сместить императора Ян-ди Суй и помочь завладеть троном принцу Тай (императору Гун-ди Суй) (617 – 618 гг.), т. е. поддержать предложение тюрков о смене власти, но не кардинальным образом, как предлагали тюрки – сменить династию Суй, а лишь заменить императора Ян-ди династии Суй на его сына.

Принц Цинь выполнил волю сановников и сообщил своему отцу их послание. После этого Ли Юань согласился с предложением тюрков и послал к ним курьера Лю Вэньцзина, чтобы сообщить им свое решение. Шиби каган последовал воле императора и послал Каншаоли, Цзиши, Жэхань Тэцинь (Тегина) и других сановников с 1000 лошадьми в Тайюань, где они должны были заняться с императором Гао-цзу меновой торговлей. Далее он обещал послать солдат сопровождать императора в западную столицу [9, s. 367].

Когда Лю Вэньцзин выезжал к тюркам, будущий император предостерег его: «То, что ху (варвары, туцзюэ) хотят нам предоставить своих солдат, означает, что их посылает к нам Небо. Мы почтительно обращаемся к воле Неба и хотим сохранить жизнь народа. Если все же придет слишком много туцзюэ, наш народ не сможет сохранить жизнь. Мне не нужно больше нескольких сотен человек! Мы должны их остерегаться, потому что мы боимся, что Лю Учжоу сможет их склонить к нападению на границу. Лошади варваров только пасутся и они не нуждаются ни в урожае, ни в траве. Мы хотим использовать только могущество туцзюэ, чтобы склонить на свою сторону людей вдали. Вы, мой министр, должны это учесть! Итак, мы не нуждаемся в большом количестве солдат от них!» [9, s. 368].

Таким образом, несмотря на договорные и союзнические отношения с тюрками, Ли Юань чувствовал угрозу с их стороны, не верил им и опасался, так как они могли использовать его положение и атаковать провинции, являвшиеся его опорой в осуществлении дальнейших планов по смещению Ян-ди Суй. Использовать тюрков в качестве военной силы Ли Юань также боялся, хотя и нуждался в этом. Он хотел использовать их влияние в степи и заручиться их поддержкой внутри Китая. В этой непростой ситуации Ли Юань все же доверился тюркам.

В 15 день Гуйсы 8 месяца император Гао-цзу пришел в Лунмэнь. Вместо нескольких сотен тюрков, о которых просил Ли Юань, Лю Вэньцзин привел с собой 2000 всадников и 1000 лошадей от Шиби кагана, чтобы поддержать армию Гао-цзу при захвате столицы. В Тан шу сообщается о 2000 лошадях и 500 всадниках. Позже Шиби прибыл с Лю Вэньцзином в палаточный лагерь императора Гао-цзу.

Таким образом, тюрки поддержали Ли Юаня лошадьми и людьми и после его воцарения в качестве императора, источники сообщают, что «Шиби каган вел себя надменно и дерзко», каждый раз напоминая китайскому правителю о своей своевременной помощи.

О влиянии Шиби кагана в этот период ярко свидетельствует эпизод с пребыванием при дворе китайского императора Чуло кагана западных тюрков в 618 г. Шиби послал гонца к императору Гао-цзу династии Тан и попросил убить Чуло, но император не разрешил. Многие сановники советовали ему: «Если мы теперь не выдадим Чуло, это будет означать, что мы спасли жизнь одному человеку и тем самым потеряли целое государство (по сути восточных туцзюэ)! Позже это определенно приведет к беде!» (Будущий) император Тай-цзун сказал: «Это не справедливо: убивать человека, который попал в нужду и пришел, чтобы покориться!» Он советовал императору Гао-цзу не делать этого. Император колебался. В итоге ему ничего не осталось, кроме как привести Хэсана (Чуло) во внутренний дворец, выпить с ним там достаточное количество вина, отправить его в Чжуншушэн (центральную канцелярию дворца) и дать распоряжение посланнику северных туцзюэ его убить.

Кроме этого, в первом году Удэ (618) Шиби послал Гудолу Тэлэ (Тегина) на императорский двор. Император устроил (в его честь) во дворце Тайцзидянь 太极殿 праздник, на котором играла музыка Девяти отделений 九部乐 (1. Яньюйэ (застольная музыка); 2. Циншан (китайская классическая музыка); 3. Силян (музыка династии Западная Лян, 400 – 421 гг. со столицей в Дуньхуане); 4. Фунань (музыка Камбоджи); 5. Гаоли (музыка Кореи); 6. Цзюцзе (музыка Кучи); 7. Государство Ань (музыка Бухары); 8. Сулэ (музыка Кашгара); 9. Государство Кан (музыка Самарканда)). Император подарил (участникам), согласно их рангу, парчу (цзинь) 锦, разноцветный шелк (цай) 彩, сукно (бу) 布 и шелк (цзюань) 绢 [9, s. 182; 8, 10464 页].

Несмотря на это Шиби продолжил курс на поддержание бунтующих центров (Юйвэнь Хуацзи, Доу Цзяньдэ, Лян Шиду), а позже тюрки попытались восста-

новить при Чуло кагане династию Суй с помощью подконтрольных родственников императора Ян-ди Суй, находящихся у них в заложниках. Вместе с этим тюрки участвовали в совместных карательных военных походах с династией Тан против некоторых сепаратистов (Лю Учжоу), незадолго до этого выступавших на их стороне. Таким образом, туцзюэ традиционно проводили сложную многовекторную внешнюю политику по отношению к Китаю по принципу «разделяй и властвуй», успешно применяемую ими до этого во время Мухань и Табо кагана. Ее целью являлось сдерживание китайского государства и получение дополнительных дивидендов в свою пользу от Китая, а также от региональной торговли в Центральной Азии, активным участником которой по-прежнему оставался Китай, даже в самые непростые для него периоды.

Таким образом, в конце династии Суй Китай из процветающего государства превратился в поле борьбы за власть среди мелких наместников, превративших его в руины за несколько лет. Шиби каган, наследовавший трон после продолжительного мира с Суй во время правления своего отца Циминь кагана (593 – 608 гг.), вскоре окончательно рассорился с Китаем и уже в 613 г. поддерживал взбунтовавшихся китайских сановников и военачальников, восставших против династии Суй.

Ухудшение отношений с тюрками, особенно после окружения в 615 г. императора Ян-ди Суй в Яньмэне, явилось одной из предпосылок для дестабилизации внутренней обстановки в Китае, чем воспользовались многочисленные региональные наместники на фоне сложной социально-экономической обстановки в государстве (голод, высокие налоги, коррупция).

Постепенно ситуация вышла из-под контроля Суй, и к 617 г. страну раздирали на части более 200 бунтовщиков, искавших и успешно находивших поддержку у тюрков. Наряду с ними за помощью к тюркам обратился герцог Тан Ли Юань и его сторонники, предложившие тюркам крупное вознаграждение за помощь в смещении действующей династии Суй. При этом в произведении Вэнь Дая инициатива смены династии Суй и прихода к власти новой династии Тан во главе с Ли Юанем принадлежала тюркам и лично Шиби кагану, который, согласно источнику, «вынудил» Ли Юаня на «преступление».

Таким образом, события политической жизни Китая в начале VII в. свидетельствуют о важной роли Восточно-тюркского каганата и, в частности, Шиби кагана в становлении и утверждении у власти династии Тан. Тюрки поддержали политический переворот в Китае под руководством будущего императора династии Тан Гао-цзу. Несмотря на большое количество сепаратистских центров в Китае в 617 г., восточные тюрки из множества партий выбрали именно Ли Юаня (Гао-цзу). До последнего момента Ли Юань опасался сотрудничать с ними, так как тюрки являлись непредсказуемыми и китайцы не могли их контролировать, но выбора у Ли Юаня не оставалось. В начале VII в. Восточно-тюркский каганат обладал огромным военно-политическим влиянием в Центральной Азии и мог обратить свою военную мощь против Китая.

Литература

1. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. Т. III: Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220 – 907). М.: Восточная литература РАН, 2014. 991 с.

2. Попова И. Ф. Политическая практика и идеология раннетанского Китая. М.: Восточная литература РАН, 1999. 279 с.

3. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. 214 с.

4. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967. 504 с.

5. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 379 с.

6. 隋书。二十四史。北京: 中华书局。2012 年。(Suishu. Ershisishi. Beijing. Zhonghua shuju. 2012 nian).

7. Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 349 с.

8. 二十四史。北京: 中华书局。2012 年。(Ershisi shi. Beijing. Zhonghua shuju. 2012.)

9. Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (Tu-kue). (Gottinger Asiatische Forschungen, Band 27). I. Buch (Texte), II. Buch (Anmerkungen. Anhange. Index) // Gottinger Asiatische Forschungen, Band 10. Wiesbaden, 1958. 831 s.

10. 大唐創業起居注. (Da Tang chuangye qijuzhu). Режим доступа: https://zh.wikisource.org/wiki/大唐創業起居注/卷 (дата обращения: 21.01.2017).

11. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Летопись китайской империи, называемая Юй-пьхи цзы чжи тхун-цзянь ган-му. Разделенная на три части, летопись древнюю, среднюю и новейшую / пер. с кит. И. Бичурина // Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 7. Ед. хр. 7 – 8. Тетр. 30 – 43.

12. Концевич Л. Р. Хронология стран Восточной и Центральной Азии. М.: Восточная литература РАН, 2010. 806 с.

13. Bingham W. Li Chih-min's Coup in A. D. 626 // Journal of the American Oriental Society. 1950. Vol. 70. P. 89 – 95.

14. Bingham W. The Founding of the T'ang Dynasty: The Fall of Sui and the Rise of T'ang. A Preliminary Survey. Baltimore, 1941. 210 p.

15. Bingham W. Wen Ta-ya: The First Recorder of T'ang History // Journal of the American Oriental Society. 1937. Vol. 57. P. 368 – 374.

THE CONFRONTATION BETWEEN THE TURKS AND THE SUI DYNASTY IN 609 – 617

Rustam T. Ganiev[1, @]

[1] *Ural Federal University, 51, Lenina Ave., Yekaterinburg, Russia, 620000*
[@] *rusthist@yandex.ru*

Received 24.01.2017.
Accepted 29.03.2017.

Keywords: ancient Turks, China, Eastern Turk Empire, Sui Dynasty, Tang Dynasty.

Abstract: The article studies the events of the military confrontation between the Shibi Qaghan and Sui Dynasty in 609 – 615 AD. It shows the political situation in China whose deterioration led to the political upheaval in 617 AD and the young Tang Dynasty came to power. By the end of the Sui Dynasty period there were more than 200 organized armed gangs that were tearing the empire apart and often found support from the Turks. In 615 AD the Turks also surrounded Emperor Sui Yangdi in the fortress of Yanmen and thereby put an end to his political career. At the beginning of VII century the Eastern Turk Empire had a great military and political influence in Central Asia and posed a threat to its neighbors. Along with the separatists who opposed the Sui Dynasty, the military governor Taiyuan Li Yuan sought the assistance of the Turks. He formed an alliance with them, and the Turks supported his nomination as the new ruler of China. Thus, in the events of 609 – 617 AD the Eastern Turks played a key role, and contributed to the deterioration of the situation at the end of the Sui Dynasty as well as to the ascent to power of the future first emperor of the new Tang Dynasty, Li Yuan.

For citation: Ganiev R. T. Protivostoianie tiurkov i dinastii Sui v 609 – 617 gg. [The Confrontation between the Turks and the Sui Dynasty in 609 – 617]. *Bulletin of Kemerovo State University,* 2017; (2): 24 – 29. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-24-29.

References

1. *Istoriia Kitaia s drevneishikh vremen do nachala XXI veka. T. III: Troetsarstvie, Tszin', Iuzhnye i Severnye dinastii, Sui, Tan (220 – 907)* [The history of China from ancient times to the beginning of the XXI century. Vol. III: Three Kingdoms, Jin, Southern and Northern Dynasties, Sui, Tang (220 – 907)]. Moscow: Vostochnaia literatura RAN, 2014, 991.

2. Popova I. F. *Politicheskaia praktika i ideologiia rannetanskogo Kitaia* [Political practice and ideology of the Early T'ang China]. Moscow: Vostochnaia literatura RAN, 1999, 279.

3. Kliashtornyi S. G. *Drevnetiurkskie runicheskie pamiatniki kak istochnik po istorii Srednei Azii* [Ancient Turkic runic monuments as a source on the history of Central Asia]. Moscow: Nauka, 1964, 214.

4. Gumilev L. N. *Drevnie tiurki* [Ancient Türks]. Moscow: Nauka, 1967, 504.

5. Bichurin N. Ia. *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena* [Collection of information about peoples that lived in Central Asia in ancient times]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, vol. 1 (1950): 379.

6. 隋书。二十四史。北京: 中华书局。2012 年。(Suishu. Ershisishi. Beijing. Zhonghua shuju. 2012 nian).

7. Kiuner N. V. *Kitaiskie izvestiia o narodakh Iuzhnoi Sibiri, Tsentral'noi Azii i Dal'nego Vostoka* [Chinese news about peoples of Southern Siberia, Central Asia and the Far East]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1961, 349.

8. 二十四史。北京: 中华书局。2012 年。(Ershisi shi. Beijing. Zhonghua shuju. 2012.)

9. Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (Tu-kue). (Gottinger Asiatische Forschungen, Band 27). I. Buch (Texte), II. Buch (Anmerkungen. Anhange. Index). *Gottinger Asiatische Forschungen, Band 10*. Wiesbaden, 1958, 831.

10. 大唐創業起居注. (Da Tang chuangye qijuzhu). Available at: https://zh.wikisource.org/wiki/大唐創業起居注/卷一 (accessed 21.01.2017).

11. Bichurin N. Ia. (Iakinf). Letopis' kitaiskoi imperii, nazyvaemaia Iui-p'khi tszy chzhi tkhun-tszian' gan-mu. Razdelennaia na tri chasti, letopis' drevniuiu, sredniuiu i noveishuiu [Annals of the Chinese Empire, called Yu-pi Zizhi Tongjian. Divided into three parts, the annals of ancient, middle and latest]. Transl. Bichurin I. *Arhiv vostokovedov IVR RAN* [Archive of Orientalists IOM RAS]. Found 7, Storage unit 7 – 8, Notebook 30 – 43.

12. Kontsevich L. R. *Khronologiia stran Vostochnoi i Tsentral'noi Azii* [Chronology of Eastern and Central Asian countries]. Moscow: Vostochnaia literatura RAN, 2010, 806.

13. Bingham W. Li Chih-min's Coup in A. D. 626. *Journal of the American Oriental Society*, vol. 70 (1950): 89 – 95.

14. Bingham W. *The Founding of the T'ang Dynasty: The Fall of Sui and the Rise of T'ang. A Preliminary Survey*. Baltimore, 1941, 210.

15. Bingham W. Wen Ta-ya: The First Recorder of T'ang History. *Journal of the American Oriental Society*, vol. 57 (1937): 368 – 374.

УДК 94(571)(075.8)

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ РОССИИ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ СИБИРИ)

***Денис Н. Гергилев*[1, @1], *Наталья С. Дуреева*[1, @1]**

[1] *Сибирский федеральный университет, Россия, 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82А*
[@1] *natalya-nsd@yandex.ru*

Поступила в редакцию 12.12.2016.
Принята к печати 12.04.2017.

Ключевые слова: генерал-губернатор, регион, система управления, отраслевой принцип, территориальная организация, губерния, уезд.

Аннотация: В статье исследуются особенности формирования и становления государственной власти в Сибири в начале XIX века. Авторы проводят сравнительный анализ управленческих механизмов, сформировавшихся в результате губернской реформы Екатерины II. Кроме того, авторами анализируются противоречивые тенденции, характерные для первого этапа правления Александра I. Отмечается особая роль И. О. Селифонтова и его проекта административных преобразований в формировании политики управления Сибирью. Показано, что результатом ревизии И. О. Селифонтова стало образование в 1803 г. единого для всей Сибири генерал-губернаторства с центром в Иркутске и что вместе с новой должностью генерал-губернатор получил специальную инструкцию, которая существенно расширила его властные полномочия. Показано, что целью административных преобразований И. О. Селифонтова было расширение влияния генерал-губернаторской власти на финансово-хозяйственную часть местного управления. Показана противоречивость правления И. Б. Пестеля, сменившего И. О. Селифонтова. Доказано, что Сибирь, включилась в ход мировой истории именно благодаря вхождению в состав Российского государства.

Для цитирования: Гергилев Д. Н., Дуреева Н. С. Особенности административно-территориального положения России в начале XIX века (на примере Сибири) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2.С. 30 – 33. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-30-33.

Актуальность исследования в данном направлении вызвана следующими причинами. Во-первых, в условиях глобализации, угрожающей потерей социокультурной идентичности многим социумам, на первый план выходит проблема исследования исторического опыта, заключавшегося в отстаивании и приумножении территорий. Не менее важным фактором в этом плане является реализация своих национальных преимуществ и сохранение самобытности. Во-вторых, начало XIX века (его первая четверть) характеризуется противоречивыми тенденциями во внутреннем развитии России, изучение которых поможет понять современность. В-третьих, нарастающий вал «цветных» революций по периметру нашей страны и особенно на постсоветском пространстве требует бережного отношения к региональному опыту административно-территориальных реформ в истории России.

Став императором Александр I продолжает политику, связанную с централизацией власти. Он полностью отрицает способы и приёмы павловского правления, но тем не менее он перенял немало опыта его царствования. Главной тенденцией стала дальнейшая бюрократизация и централизация управления как способ укрепления самодержавной власти.

На первом этапе правления Александра I в 1802 – 1811 гг. с организацией на принципах единоначалия министерств в стране завершилось оформление ведомств. Центральный аппарат каждого министерства с его местными органами и учреждениями стал составлять единое ведомство со своими административными порядками [1, с. 55]. Помимо пограничных и горных ведомственных округов XVIII века появились округа учебные, путей сообщения, лесного хозяйства и т. д. В XVIII в. по всей стране господствовала лучевая система подчинения: местных учреждения и органы подчинялись коллегиям. А с начала XIX в. на смену ей пришла линейная система, суть которой была в ведомственной подчиненности каждого местного учреждения определенному министерству.

Необходимость административных реформ высшего и центрального звеньев государственной власти заключалась в их несогласованности с местным управлением, принципы которого были заложены Екатериной II. Согласно Министерской реформе 1802 г., предполагалась общая централизация и отраслевой принцип управления. Однако это вызывало противоречие с «Учреждением о губерниях» 1775 г., поскольку основным там был принцип децентрализации власти. Генерал-губернатор и губернатор, стояли вне структуры высшей власти, но они относились к центральной и местной администрации и выполняли связующие функции между ними. Генерал-губернатор участвовал в системе местного управления, он одновременно исполнял обязанности главы местной власти и осуществлял надзор. В то же время в его права не входило издание обязательных постановлений, изменения штатного расписания учреждений, распоряжение денежными ресурсами. Это приводило к противоречиям в административном управлении территорией [2].

Перед имперской администрацией, таким образом, встали важные вопросы сибирской политики: колонизационный, управление ссылкой, управление коренными народами, золотопромышленность и торговля, а также внешняя политика в Азиатском регионе [3, с. 21 – 37].

13 июня 1801 г. вышло постановление Непременного совета о необходимости генерал-губернаторов не только в приграничных территориях, но и повсеместно. В первые годы своего царствования Александр I увидел в своём правительстве нужды сибирского управления. По этому поводу граф А. Р. Воронцов – сановник, высказал сомнения, насколько эффективна работа и функциионирование «Учреждения для управления губерний…» в Сибири. И Непременный совет восстановил в Сибири генерал-губернаторство. Так, для установления фактов о жизни Сибири было решено отправить туда «особенного чиновника», которому было доверено представление проекта нового административного устройства [4].

В качестве ревизора в Сибирь был направлен сенатор Иван Осипович Селифонтов, которому была поручена разработка проекта административных преобразований вверенной ему области [5, с. 80]. У сенатора был опыт работы в Сибири, поскольку в 90-х гг. XVIII века исполнял должность вице-губернатора в Тобольске, а в 1796 г. за ним стала закреплена должность генерал-губернатора в Иркутске [6, с. 5]. Ему была дана особая инструкция, в которой утверждалось, что «сибирский край по пространству своему, по разностям естественного его положения, по состоянию народов, его населяющих, нравам и обычаям» нуждается «в самом образе управления особенного постановления», основанного на достоверном представлении местных обстоятельств, «коих по всем их подробностям сообразить и привести в надлежащее единство на столь великом расстоянии невозможно» [7]. В инструкции акцентировалось внимание на необходимости изменения Губернского положения относительно Сибири, при этом отмечалась «несообразность оного с правами и понятиями обывателей». Император подчеркивал, что «главный предмет ревизии… какое может быть удобнейшее страны сей разделение, и какое долженствует в ней быть сообразнейшее положению ее управление». А отступления следует сделать для удовлетворения народных нужд и повинностей, по отношению к устройству суда, образования и поселения в обывателях уверенности, что они живут «под добрым и радеющим о них правительством» [7].

Результатом ревизии И. О. Селифонтова стало в 1803 г. образование генерал-губернаторства с центром в Иркутске, единого для всей Сибири. Новым генерал-губернатором император Александр I назначил самого И. О. Селифонтова. По предложению нового генерал-губернатора Иркутская губерния должна была остаться в прежних своих административных границах [8, л. 58], однако это предложение император не поддержал. Иркутская губерния была разделена на 7 уездов, с присоединением Охотска и выделением Якутской области. В самом указе 1803 г. можно найти продолжение политики Павла I, направленной на оптимизацию системы административного управления. В указе говорилось: «Разделение Сибирских губерний на великое число уездов, мало населенных и обитаемых по большей части людьми, коих нравы и образ жизни более имеют нужды в простом полицейском надзоре, нежели в судебных установлениях…» [9]. Вместе с новой должностью генерал-губернатор получил специальную инструкцию, которая существенно расширила его властные полномочия. В документе говорилось, что, несмотря на то, что руководствоваться он должен в своей деятельности «Учреждениями о губерниях», в силу отдаленности сибирского региона «могут встречаться такие обстоятельства, в коих нужно предпринимать меры, законом не предусмотренные» [7].

За генерал-губернатором стало закреплено право назначения и увольнения местных чиновников, исключением стали губернаторы, вице-губернаторы и начальники губернских палат. Смещать чиновников, находившихся в отраслевом подчинении, генерал-губернатор мог только с согласия заинтересованного министерства. Кроме того, он имел влияние на казенную палату и горное управление, несмотря на то, что они по-прежнему подчинялись непосредственно Министерству финансов [7].

Главной задачей инструкции, выданной И. О. Селифонтову, было усиление генерал-губернаторской власти. Авторы инструкции ставили целью исправление недостатков «Учреждения о губерниях» 1775 г. Несмотря на стремление усовершенствовать систему управления регионом, инструкция не выходила за рамки традиционной политики, опиравшейся на особое доверие монарха к личности генерал-губернатора. Стремление сочетать самостоятельность региональных правителей с обозначенной компетенцией можно видеть на примере именного указа Сенату «о непреступлении губернаторами пределов власти, назначенной им законом». Император поручал Сенату в 1802 г. уведомить по всему государству «о неослабном прохождении служения, всякому месту и лицу принадлежащих» [7]. Смысл указа сводился к усилению роли губернского правления, уменьшению административного произвола в присутственных местах.

Генерал-губернатор И. О. Селифонтов произвёл преобразования, направленные на бюрократический надзор и его усиление. В 1803 – 1805 гг. И. О. Селифонтов усовершенствовал административную систему региона. А именно: организовал в 1803 году областное управление на Камчатке и предварительное управление в Охотске. По предложению И. О. Селифонтова в 1804 г. от Тобольской губернии обособилась Томская.

Императорским указом от 26 февраля 1804 г. определялось, что «до общего о сибирском крае положения, управление Тобольской губернии остается на прежнем состоянии. Управление Томской губернией постановляется также на основании общего о губерниях Учреждения» [7].

И. О. Селифонтов предпринял попытку приспособить Общее Учреждение о губерниях к сибирским условиям. Наиболее обширные уезды для удобства управления были разделены на комиссарства, границы которых должен был определить губернский землемер [8, л. 60 – 61]. Вместо заседателей на нижних уездных судах вводилась должность земского частного комиссара, который подчинялся исправнику. Комиссар «ответствовал за благосостояние вверенных ему областей и представлял в разборе маловажных тяжб и споров действия Земского Суда, а в важных относился к суду уездного города» [7]. Появление этой должности было вызвано проблемами, с которыми сталкивались некоторые земские суды при управлении отдаленными частями уездов.

Главной мерой для исправления недостатков управления И. О. Селифонтов считал лучшее устройство земской полиции. Однако усложнение местного управления привело к обратному результату. Комиссары могли через голову уездного исправника обращаться к губернским властям, что создавало дублирование многих документов и только сильнее загружало губернскую канцелярию [2].

В результате преобразований, проведённых в губерниях, были объединены губернские отраслевые управления, и усилилась роль губернатора в них. Во вновь образованной Томской губернии было создано губернское правительство под предводительством губернатора. В целях экономии средств и большего единства в действиях оно включало в состав две экспедиции: исполнительную (заменила губернское правление) и казенную (вместо казенной палаты). Судебные дела были сосредоточены в гражданском и уголовном суде [10]. В апреле 1805 г. эти преобразования были введены и в Иркутской губернии. Там для большей продуктивности было проведено слияние казенной палаты с Иркутским губернским правлением, которое с того момента стало подразделяться на две экспедиции – исполнительную и казенную. Председателем исполнительной экспедиции являлся губернатор, а вторую возглавлял вице-губернатор. Губернатор Иркутской области 1805 – 1806 гг. А. М. Корнилов предлагал следующие меры, помогающие «улучшить хозяйственное управление и само благосостояние жителей нынешней Восточной Сибири»: содержание войска на данной территории, устройство жизни поселенцев, а также устройство «удобнейшего продовольствия» Иркутского края [11, с. 38]. В 1805 г. было упразднено Нерчинское гражданское управление и одновременно создано Якутское областное правление [10]. В Якутске осуществилось создание областного правления, главой которого стал председатель. В нём соединялись полицейская, хозяйственная и судебная части. Областное правление в полицейском и финансовом отношении подчинялось Иркутскому губернскому правительству, а в судебном – Сенату [9].

Целью административных преобразований И. О. Селифонтова стало то, что влияние генерал-губернаторской власти на финансово-хозяйственную часть местного управления расширилось. Это в свою очередь вызвало недовольство со стороны некоторых министерств, заподозривших покушение генерал-губернатора на их прерогативы. Всего за время его правления в Иркутске сменилось шесть губернаторов, а некоторые губернаторы даже были отданы под суд [2].

Сменивший И. О. Селифонтова новый генерал-губернатор Сибири И. Б. Пестель, учитывая в системе административного управления возросшие противоречия, пытался наладить взаимодействие местных органов власти и отраслевых министерств в столице. Однако различия в понимание прав и обязанностей И. Б. Пестеля за вверенную ему территорию империи приводили к конфликтам внутри сибирской администрации и между Комитетом министров и генерал-губернатором [2]. В 1813 г. был создан Комитет по сибирским делам. Это был первый комитет в череде целого ряда региональных комитетов при Комитете министров [12, с. 15 – 17]. Комитет в основном занимался изучением результатов ревизий Сибири и в 1819 г. был закрыт. Деятельность Комитета по сибирским делам не принесла значимого результата в улучшении системы управления Сибирью. В связи с этим возникла необходимость пересмотра всей региональной политики и её обращения к деконцентрации и децентрализации [3, с. 69].

Таким образом, можно заключить, что Сибирь, включилась в ход мировой истории именно благодаря вхождению в состав Российского государства. Ввиду своей территории, географического положения, плотности населения и других факторов, управление Сибирью варьировалось от централизации власти к локализации. При этом в среде высшей бюрократии государства часто подымался вопрос о принципах формирования административных границ в Сибири (население, территория, промышленность). Система органов государственного управления в Сибири создавалась с учётом не только опыта работы правительственных учреждений, но и с учётом особенностей региона. Законодательно закреплялись общие принципы формирования системы управления от уровня имперского центра до уровня сибирского региона с включением в неё всех звеньев управления Сибирью.

Литература

1. Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – XIX вв. Красноярск, 1985. 298 с.
2. Гергилев Д. Н. Развитие системы административного управления Сибирью в XVIII – первой трети XIX веков: дис. … канд. ист. наук; Кемер. гос. ун-т. Красноярск, 2010. 200 с.
3. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. 237 с.
4. Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗРИ): Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 26. № 19910. Режим доступа: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/content.html
5. Дамешек И. Л., Дамешек Л. М., Зиновьев В. П., Ремнев А. В., Суворова Н. Г., Шахеров В. Л., Шиловский М. В. Сибирь в составе Российской Империи. М.: Новое литературное обозрение. 2007. 368 с.
6. Андреевич В. К. Сибирь в XIX столетии. СПб., 1889. Ч. 1. 341 с.
7. ПСЗРИ: Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 27. Режим доступа: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/content.html
8. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 39.
9. ГАИО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 40.
10. ПСЗРИ: Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 28. Режим доступа: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/content.html
11. Корнилов А. М. Замечания о Сибири. СПб.: Типография Карла Крайя. 1828. 113 с.
12. Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб.: Канцелярия Комитета Министров, 1902. Т. 1. 608 с.

FEATURES OF ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL POSITION OF RUSSIA IN THE EARLY XIX CENTURY (as exEmplified by SIBERIA)

Denis N. Gergilev [1,@1], ***Nataliya S. Dureeva*** [1,@1]

[1] *Siberian Federal University, 82A, Svobodnii Pr., Krasnoyarsk, Russia, 660041*
[@1] natalya-nsd@yandex.ru

Received 12.12.2016.
Accepted 12.04.2017.

Keywords: the Governor-General, region, system management, industry-specific, territorial organization, province, district.

Abstract: The article features the formation and development of state power in Siberia in the early XIX century. The authors conducted a comparative analysis of management tools formed as a result of the provincial reforms of Catherine II. In addition, the authors analyze the contradictory tendencies characteristic of the first phase of the reign of Alexander I. The special role of I. O. Selifontov and his project of administrative reform in the formation of management policies in Siberia is reported. It is shown that the result of the audit conducted by Selifontov was the formation in 1803 of a united Siberian General-governorship with the centre in Irkutsk and that, together with the new position, the new Governor-General received special instructions, which greatly expanded his powers. It is shown that the purpose of Selifontov's administrative reforms was the expansion of the influence of the Governor-General's authority on the financial and economic part of the local management. The article reveals the inconsistency of Selifontov's successor B. Pestel and his administration. It is proved that Siberia got involved in the course of world history precisely because it joined the Russian State.

For citation: Gergilev D. N., Dureeva N. S. Osobennosti administrativno-territorial'nogo polozheniia Rossii v nachale XIX veka (na primere Sibiri) [Features of Administrative-Territorial Position of Russia in the Early XIX Century (as Exemplified by Siberia)]. *Bulletin of Kemerovo State University,* 2017; (2): 30 – 33. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-30-33.

References

1. Bykonia G. F. *Russkoe nepodatnoe naselenie Vostochnoi Sibiri v XVIII – XIX vv.* [Exempt the Russian population of Eastern Siberia in XVIII – XIX Centuries]. Krasnoyarsk, 1985, 298.
2. Gergilev D. N. *Razvitie sistemy administrativnogo upravleniia Sibir'iu v XVIII – pervoi treti XIX vekov*. Diss. kand. ist. nauk [The development of administrative management of Siberia in XVIII – first third XIX centuries. Cand. hist. Sci. Diss.]. Kemerovo State. Univ. Krasnoyarsk, 2010, 200.
3. Remnev A. V. *Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaia politika v pervoi polovine XIX v.* [Autocracy and Siberia. Administrative policy in the first half of the XIX century]. Omsk, 1995, 237.
4. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZRI)* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. 1-st coll. Saint-Petersburg, vol. 26 (1830): 19910. Available at: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/content.html
5. Dameshek I. L., Dameshek L. M., Zinov'ev V. P., Remnev A. V., Suvorova N. G., Shakherov V. L., Shilovskii M. V. *Sibir' v sostave Rossiiskoi Imperii* [Siberia in the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007, 368.
6. Andreevich V. K. *Sibir' v XIX stoletii* [Siberia in the XIX century]. Saint-Petersburg, part 1 (1889): 341.
7. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. 1-st coll. Saint-Petersburg, vol. 27 (1830). Available at: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/content.html]
8. *Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti (GAIO)* [State Archives of the Irkutsk Region]. Found 7, List 1, File 39.
9. *Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti* [State Archives of the Irkutsk Region]. Found 7, List 1, File 40.
10. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. 1-st coll. Saint-Petersburg, vol. 28 (1830). Available at: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/content.html
11. Kornilov A. M. *Zamechaniia o Sibiri* [Observations on Siberia]. Saint-Petersburg: Tipografiia Karla Kraiia, 1828, 113.
12. Seredonin S. M. *Istoricheskii obzor deiatel'nosti Komiteta ministrov* [Historical overview of main activities of the Committee of Ministers]. Saint-Petersburg: Kantseliariia Komiteta Ministrov, vol. 1 (1902): 608.

УДК 94-304.4

РЕФОРМЫ СИСТЕМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ

Ольга В. Елескина [1, @]

[1] *Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *eleskina@mail.ru*

Поступила в редакцию 21.06.2016.
Принята к печати 20.09.2016.

Ключевые слова: учреждения культуры, реформы система финансирования, бюджетное финансирование.

Аннотация: В рамках данной работы анализируются реформы системы финансирования учреждений культуры в России с середины 1980-х гг. до настоящего времени. Дан краткий обзор деятельности государства по переходу от чисто государственного финансирования к многоканальной системе формирования бюджета учреждений культуры, изменению их правового статуса и развитию коммерческой деятельности. Рассматриваются процессы децентрализации управления и перераспределения финансирования на бюджеты различного уровня. Особое внимание обращается на внедрение рыночных механизмов в деятельность данных учреждений, а также затрагиваются проблемы, связанные с их применением. Исследуются как положительные, так и отрицательные последствия проводимой государством политики в вопросах финансирования культуры на разных этапах реформ. Результат проведенного анализа свидетельствует, что в деятельности государства в сфере культуры преобладают охранительные тенденции, а бюджетные средства по-прежнему составляют основу бюджета большинства учреждений культуры, сохраняется консерватизм и инерция в их деятельности.

Для цитирования: Елескина О. В. Реформы системы финансирования учреждений культуры в России // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 34 – 38. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-34-38.

Последние тридцать лет в России идет процесс постепенного реформирования сферы культуры, целью которого является повышение эффективности данной сферы. В финансовом плане целью реформ является привлечение дополнительных финансовых средств на культурную деятельность из внебюджетных источников. Хроническое недофинансирование культуры стало понятием нарицательным, которое устойчиво закрепилось за советской эпохой и ее подходом к данной отрасли. Поэтому начиная с перестройки, правительством проводились различные реформы, чтобы увеличить общий объем финансовых средств, направляемых на развитие культуры через привлечение негосударственных внебюджетных средств. Особые надежды возлагались на рыночные механизмы и развитие коммерческой деятельности самих учреждений культуры. Однако на практике многие вопросы так и остались нерешенным до настоящего времени.

В Советском Союзе сфера культуры находилась на государственном обеспечении. Государство брало на себя расходы, связанные с формированием и содержанием материально-технической базы, проведение различных мероприятий, выплатой заработной платы сотрудникам и т. д. Учреждения культуры выполняли культурно-досуговые и просветительские функции, возложенные на них государством. Оно же контролировало и идеологическое содержание оказываемых услуг. Это сформировало особое отношение к оплате услуг: как правило, цена на билеты (на спектакль, в кино и т. д.) была символической и не покрывала затрат учреждения на проведение данного мероприятия, не говоря уже о содержании здания. Поэтому первой задачей, которая была поставлена перед учреждениями культуры это самоокупаемость. С 1985 г. оказание платных услуг для учреждений непроизводственной сферы, к которой относилась и культура, стало обязательным, что подтверждалось введением плановых показателей на данные услуги. В 1987 г. ряд учреждений, в основном в театральной сфере, в экспериментальном порядке были переведены на самоокупаемость и самофинансирование. Данный эксперимент обнажил многие проблемы в функционировании учреждений культуры, показав неэффективность и изначальную убыточность многих видов деятельности. Однако, несмотря на его неоднозначные результаты, с 1 января 1989 г. все учреждения культуры оказались вынуждены работать в новых экономических условиях.

Переход на хозрасчет и самофинансирование слабо учитывал возможности и особенности непроизводственных отраслей экономики, к которым относилась и культура. Так, анализируя финансовую деятельность различных учреждений культуры, экономисты В. Г. Зинин и Л. М. Зайцева еще в конце 1980-х гг. пришли к выводу, что библиотеки практически не имели других поступлений средств, кроме бюджетных, доля собственных доходов у клубных учреждений составляла 10 – 15 %, в музеях – 30 %, в театрах – 50 %, концертной деятельности – 85 – 90 %, в парках культуры и отдыха – 95 % [1, с. 17]. Таким образом, при переходе на хозрасчет различные типы учреждений культуры изначально оказывались в неравных условиях и, соответственно, имели разную степень зависимости от поступлений из государственного бюджета.

В целом перевод учреждений культуры на коммерческие рельсы позволял более гибко регулировать деятель-

ность театров, клубов, музеев, библиотек в зависимости от потребностей населения. Коммерческий подход показал нерентабельность некоторых видов деятельности, которые в советское время являлись обязательными и носили во многом просветительский характер. Так, постепенно была свернута шефская работа, которая была направлена на просвещение рабочих, сельских жителей и молодежи. Стремясь увеличить доходы, учреждения стали уменьшать собственные расходы: сокращать количество спектаклей (особенно детских), гастролей, творческих командировок и т. д. Постепенно это привело к сужению сферы влияния учреждений культуры.

В новых условиях работы учреждениям культуры предоставили возможность зарабатывать собственные средства путем предоставления аренды помещений, проката реквизита и даже организации коммерческих предприятий. В результате в учреждениях культуры открывались ночные клубы, бары, видеозалы, мастерские и т. п. Конечно же самым простым и доступным способом получения доходов стала аренда. Однако следует учесть, что возможности аренды у культурно-досуговых учреждений были ограничены, с одной стороны, состоянием материально-технической базы (длительное отсутствие ремонта и т. п.), с другой – сами учреждения культуры зачастую были арендаторами своих помещений, а договор субаренды требовал сохранения профиля учреждения.

После распада Советского Союза и перехода к рыночной модели экономики учреждения культуры оказались вынуждены функционировать в условиях рынка. Произошедшие в стране перемены повлекли за собой и изменения в правовом поле. В 1992 г. были приняты «Основы законодательства о культуре» [2]. Документ предусматривал разграничение полномочий между федеральными, региональными и муниципальными органами власти в вопросах культуры. Децентрализация управления сопровождалась передачей значительной части финансовых полномочий на региональный и муниципальный уровень. Финансирование учреждений культуры, не имеющих федерального значения, теперь возлагалось на региональные бюджеты. Дополнительной проблемой для местных бюджетов стали профсоюзные учреждения. Экономический кризис вынуждал многие предприятия отказываться от учреждений культуры, находящихся у них на балансе. В результате часть профсоюзных учреждений была передана в муниципальную собственность, часть – коммерческим структурам. Во многом это была вынужденная мера, поскольку местные бюджеты не способны были справиться с дополнительной нагрузкой, учитывая общее сокращение бюджетных поступлений в данный период. Для разрешения проблемной ситуации была проведена реорганизация имеющейся сети учреждений, в ходе которой было осуществлено слияние библиотек дублирующих друг друга, закрытие клубов идомов культуры, не подлежащих ремонту и т. д. В результате переход на рыночные условия в 1990-е гг. обернулся для сферы культуры сокращением сети учреждений.

В целом и государственное финансирование учреждений культуры в этот период значительно ухудшилась. Законодательство предусматривало нормы отчисления на культуру: 2 % из государственного бюджета и 6 % из местного бюджета [2, ст. 45], но эти цифры в 1990-е гг. так и не были реализованы в полной мере, поэтому в дальнейшем действие этой статьи утратило силу. Если же оценивать расходы на культуру в сопоставимых ценах к 1990 г. (100 %) из бюджета Российской Федерации то они составляли в 1997 г. – 71,7 %, в 1998 г. – 43,4 %, в 1999 г. – 48,4 %, в 2000 г. – 54,7 %, в 2001 г. – 52,6 % [3, с. 14 – 15]. Таким образом, в 1990-е гг. произошло сокращение и без того недостаточного государственного финансирования сферы культуры, недостаток которого должна была компенсировать коммерческая деятельность самих учреждений.

Основной идеей проводимых государством мероприятий 1990-х гг. стала концепция многоканального финансирования, которая была зафиксирована в положении «Об основах хозяйственной деятельности и финансирования организаций культуры и искусства» [4], принятом в 1995 г. В дополнение к обязательному государственному финансированию была предложена система адресного выделения денежных средств через целевые программы, финансируемые из средств федерального и регионального бюджетов, а также из средств различных Фондов, общественных организаций, частных коммерческих структур и т. д. Кроме того, учреждения культуры сохраняли возможность зарабатывать собственные средства за счет аренды и своей деятельности. Таким образом, постепенно формировалась система, позволяющая учреждениям культуры привлекать финансовые средства из различных источников. Однако такой подход требовал активности и инициативы от самих учреждения. Следует отметить, что большая часть учреждений так и не смогла научиться привлекать средства из внебюджетных источников.

Дополнительным источником доходов учреждений культуры стали спонсорство и благотворительная деятельность. Но данные источники, к сожалению, до сих пор не получили широкого распространения, поскольку предприятия и организации заинтересованы прежде всего в коммерческой выгоде, а в российском законодательстве за спонсорскую и благотворительную деятельность предусмотрены весьма скромные налоговые льготы. В результате, значительная часть учреждений культуры либо вообще не пользовалась спонсорской поддержкой, либо эта помощь носила эпизодический характер.

Основным достижением в процессе модернизации системы финансирования в сфере культуры 1990-х гг. стал переход от чисто государственного финансирования к системе многоканального формирования бюджета учреждений культуры. В целом 90-е гг. наглядно показали объективную неспособность большинства учреждений культуры к самоокупаемости. Более того, наглядно проявила себя опасность коммерциализации культуры [5, с. 30]. Доля бюджетных поступлений по-прежнему являлась ведущей, а повышение доходности учреждений во многом было следствием сокращения расходов на собственную деятельность. Так, по данным на 2005 г., когда ситуация с финансированием учреждений культуры существенно улучшилась по сравнению с 1990 г. и годами, в большинстве регионов доля доходов учреждений культуры от платных услуг не превышала 20 %. Исключением из этой ситуации были только Москва и Санкт-Петербург, где доходы от платных услуг в общем бюджете учреждений составляли 80 % и 60 % соответственно [6].

Тем не менее ряд творческих отраслей продемонстрировали возможность перехода на коммерческие рельсы: телевидение, издательское дело, звукозапись, художественные галереи, популярная музыка и др. оказались способны существовать в рыночном режиме, и государство выступало в ряде случаев лишь в виде заказчика, решая с помощью этих предприятий свои приоритетные задачи (социальная реклама, издание учебников, обеспечение доступа к культуре для социально незащищенных групп) [7, с. 24 – 25].

Осознание пагубности ухода государства от финансирования учреждений культуры привели к очередной смене финансовой политики. В 1998 г. был принят Бюджетный кодекс РФ, и все дальнейшие преобразования в вопросах финансирования учреждений культуры проходили уже в рамках бюджетных реформ. Наиболее существенные изменения были внесены в 2003 г., в результате чего вся финансовая деятельность государственных организаций, в том числе и учреждений культуры, оказалась подконтрольна казначейству. По сути, государство вернулось к жесткому контролю над расходованием бюджетных средств. Парадокс ситуации заключался в том, что теперь и внебюджетные средства, привлеченный учреждением культуры, также контролировались казначейством. Усиление государственного контроля во многом объяснялось возросшим в 2000-е гг. финансированием сферу культуры. Максимальный объем расходов на культуру из федерального бюджета в процентном соотношении был достигнут в 2005 г – 2,3 %, далее наблюдалась тенденция к снижению доли расходов и в 2008 г. она уже составляла 1,76 %, а в 2012 г. он достиг минимума и составил 1,47 % [8, с. 6 – 7]. В целом ситуация была лучше, чем в 1990-е гг. Бюджетное финансирование гарантировало минимум средств для функциионирования учреждений, но это был гарантированный минимум.

Понимание того, что Бюджетный кодекс в определенной степени затруднил работу учреждений культуры и снизил роль рыночных механизмов, повлекло дальнейшие попытки реформировать систему финансирования и условия работы учреждений культуры. Так, в 2006 г. был принят Закон «Об автономных учреждениях» [9], согласно которому автономные учреждения получали ряд преимуществ в хозяйственной деятельности. Они могли брать кредиты, открывать счета, самостоятельно распоряжаться собственными доходами и другими внебюджетными поступлениями, формировать фонд оплаты труда и т. д. При этом они гарантированно получали бюджетное финансирование на выполнение государственного задания, сохраняли того же учредителя, форму деятельности и все права бюджетного учреждения. Несмотря на все плюсы новой правовой формы, закон имел целый ряд недостатков: так, в нем не были прописаны социальные гарантии сотрудников, не расшифровано понятие «государственное задание», не продуман новый порядок планирования, отсутствовали критерии оценки качества выполняемых работ и т. д. Доработка всего этого комплекса возлагалась на региональные и муниципальные органы власти [10, с. 287 – 288]. Разработка новых нормативов и правил местными органами власти заняла 2 – 3 года и по факту в большинстве регионов автономные учреждения стали появляться лишь в 2009 г.

Уже в 2010 г. был принят Федеральный Закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» [11], который предусматривал создание трех типов учреждений: казенных, бюджетных (нового типа) и автономных. Учреждения культуры оказались перед выбором правовой формы, в рамках которой они будут функционировать. Федеральные учреждения переходили на новый правовой режим с 1 января 2011 г., региональные – с 1 июня 2012 г. Казенные учреждения по своей сути сохранили все те права и возможности, что раньше имели бюджетные учреждения. Бюджетные учреждения (нового типа) получили право распоряжаться своим движимым имуществом и доходами от собственной деятельности, а финансовые операции проводить через лицевые счета казначейства. Автономные учреждения сохранили права и возможности, предусмотренные Законом 2006 г. и получили еще дополнительно возможность открывать лицевые счета в органах федерального казначейства и финансовых организациях органов субъектов РФ и муниципальных образований. Основная разница между данными типами учреждений проявилась в системе финансирования. Казенные учреждения сохранили сметный принцип финансирования, а бюджетные и автономные учреждения перешли на субсидирование. Государство сохранило за собой финансирование содержание зданий, заработную плату, приобретение необходимых средств и оборудования, а вот финансирование деятельности учреждений культуры должно теперь осуществляться за счет предпринимательской деятельности самих учреждений. Однако разные типы учреждений культуры, изначально имея разные возможности в плане зарабатывания денег, в разной степени заинтересованы в переходе в статус автономных учреждений. На сегодняшний день говорить о каких-то существенных результатах сложно, но тем не менее тенденция нежелания переходить в автономный статус имеется. Так, в Кемеровской области из 44 музеев на конец 2014 г. только 5 действовали как автономные учреждения [12]. Основным достоинством данного Закона можно считать предоставление учреждениям культуры свободы выбора в определении своего статуса. И выбор, сделанный учреждениями культуры, продемонстрировал определенный консерватизм и стремление действовать по инерции, а также страх перед коммерческой деятельностью и рыночными механизмами.

На сегодняшний день диспропорция в уровне доходности различных типов учреждений сохраняется. Кроме того, можно наблюдать и значительный разрыв в возможностях получения прибыли между центром и регионами, городом и селом. Большая часть учреждения культуры по-прежнему во многом зависит от поступления средств из бюджета. Как это ни парадоксально, но и сами россияне признали необходимость государственной поддержки учреждений культуры. Так, результаты социологического опроса показали, что необходимость государственной поддержки библиотек отметили 90 % опрошенных, музеев – 85 %, театров – 57 %. В меньшей степени нуждались в государственном

финансировании цирки (44 %) и кино (37 %) [13]. Так, можно отметить, что в обществе произошло осознание того, что различные типы учреждений культуры в разной степени способны обходиться без государственного финансирования, а значит, в разной степени способны эффективно действовать как автономные учреждения.

Краткий обзор проводимых государством преобразований в системе финансирования учреждений культуры позволяет выделить некоторые тенденции. Во-первых, учреждения культуры сохранили зависимость от бюджетного финансирования, роль рыночных механизмов по-прежнему незначительна. Сами учреждения предпочитают действовать по инерции, сохраняя привычные методы работы. Во-вторых, реформаторская инициатива исходит от государственных органов власти, учреждения культуры демонстрируют пассивную позицию. В результате, проводимая в настоящее время модернизация, к сожалению, является не реакцией на внутренние проблемы сферы культуры, а проходит как часть общей административной реформы, затрагивающей все бюджетные учреждения в стране. В-третьих, государство стремилось сохранить имеющуюся сеть учреждений культуры, поэтому сохранило за собой финансирование содержание зданий, капитальный ремонт, заработную плату сотрудников и другие важные статьи в расходах учреждений культуры. В его деятельности явно проявилась охранительная тенденция, слабо ориентированная на результат. Поэтому зачастую требования инициативы, творческого подхода и развития предпринимательской деятельности вступают в противоречие со стремлением сохранить контроль над финансовой деятельностью. В-четвертых, негативный опыт 1990-х гг. сформировал у работников культуры определенный страх перед рыночными условиями работы. Это в значительной степени затрудняет переход к новым формам, несмотря на принятые законодательные акты.

В целом все это говорит о сохраняющейся финансовой зависимости учреждений культуры России от государства. Несмотря на постоянное реформирование, преодолеть существующие стереотипы в деятельности большинства учреждений так и не удалось. Предоставленная учреждениям культуры возможность выбора правовой формы и особенностей функционирования открывает новые перспективы, однако учреждения относятся к процессу с осторожностью. Государство в Законе 2010 г., пожалуй, впервые попыталось учесть изначально неравные условия для различных типов учреждений в вопросе привлечения дополнительных средств и получения доходов от собственной деятельности. Однако для привлечения денежных средств в культуру из внебюджетных источников еще необходимо решить целый комплекс проблем, связанных как с общим экономическим климатом в стране, так и формированием новой модели учреждений культуры, способных быстро реагировать на культурные запросы общества.

Литература

1. Зинин В. Г., Зайцева Л. М. Ресурсный потенциал культуры. М., 1989. 64 с.

2. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ от 09.10.1992 № 3612-1) // Ведомости СНД и ВС РФ. М., 1992. № 46. Ст. 2615.

3. Сорочкин Б. Ю., Рубинштейн А. Я. Анализ механизмов государственного финансирования сферы культуры. М.: Институт экономики переходного периода, 2003. 48 с.

4. Об утверждении Положения «Об основах хозяйственной деятельности и финансирования организаций культуры и искусства». Постановление правительства РФ от 26.06.1995 № 609 // Собрание законодательства РФ. М., 1995. № 28. Ст. 2670.

5. Гудима Т. М. Нерешенные проблемы культурной политики современной России // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 4. С. 29 – 34.

6. Абанкина Т. Прокрустово ложе бюджетной культуры // Отечественные записки. 2005. № 4(24).

7. Гнедовский М., Зеленцова Е. Культура в России: государственный проект или гражданская инициатива? // Дом культуры: журнал для работников домов культуры, клубов и центров детского творчества. 2006. № 6. С. 19 – 29.

8. Романова В. В. Мацкевич А. В. Бюджетные расходы в сфере культуры и кинематографии: анализ состояния и динамики. М.: Издательский дом высшей школы экономики, 2014. Вып. 2. 71 с.

9. Об автономных учреждениях. Федеральный закон от 03.11.2006 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2015) // Российская газета. Федеральный выпуск № 4216(0). 2006. 8 ноября.

10. Глухова А. Г. Проблемы и перспективы финансирования сферы культуры в условиях перехода к бюджетированию, ориентированному на результат // Экономические науки. 2009. № 5(54). С. 286 – 289.

11. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений. Федеральный закон от 08.05.2010 № 83-ФЗ (ред. от 29.12.2015) // Российская газета. Федеральный выпуск № 5179(100). 2010. 12 мая.

12. Информационно-аналитический отчет о деятельности государственных и муниципальных музеев Кемеровской области за 2014 год. Кемерово, 2015. Режим доступа: http://www.kuzbasskray.ru/pictures/informacionno-analiticheskiy_otchet_2014.pdf (дата обращения: 10.03.2016).

13. Финансирование культурных учреждений: россияне расставляют приоритеты // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2331 от 25.06.2013 г. Режим доступа: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114256 (дата обращения: 14.02.2016).

REFORMS OF THE FINANCE SYSTEM OF CULTURAL INSTITUTIONS IN RUSSIA

Olga V. Eleskina[1, @]

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *eleskina@mail.ru*

Received 21.06.2016.
Accepted 20.09.2016.

Keywords: establishments of culture, reform of the system of financing, budgetary financing.

Abstract: The present work analyses the reforms of cultural institutions financing system in Russia from the mid 1980s to the present time. A short review of the government's activities is given in respect of transition from purely state financing to multichannel system of forming cultural institutions' budgets, changing their legal nature, and developing their commercial activities. Processes of management decentralization and reallocation of financing onto budgets of various levels are considered. Special attention is paid to introduction of market mechanisms into activities of such institutions, problems connected with their application are touched as well. Both positive and negative consequences of the policy pursued by the government in matters of financing the culture at different stages of the reforms are investigated. The analysis result indicates that preservative tendencies prevail in the government's activity in the cultural sphere, and budgetary funds still make the basis of the budget in the most part of cultural institutions, conservatism and inertness in their activities remain.

For citation: Eleskina O. V. Reformy sistemy finansirovaniia uchrezhdenii kul'tury v Rossii [Reforms the Finance System of Cultural Institutions in Russia]. *Bulletin of Kemerovo State University,* 2017; (2): 34 – 38. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-34-38.

References

1. Zinin V. G., Zaitseva L. M. *Resursnyi potentsial kultury* [Resource Potential of Culture]. Moscow, 1989, 64.
2. Osnovy zakonodatelstva Rossiiskoi Federatsii o kulture ["Basics of the Russian Federation Laws on Culture"]. Approved by the RF Supreme Soviet on 09.10.1992 No. 3612-1. *Vedomosti Soveta narodnih deputatov I Verhovnogo Soveta Rossiiskoi Federazii = Journal of the Council of People's Deputies and the Supreme Soviet of the Russian Federation*, no. 46 (1992): Article 2615.
3. Sorochkin B. Iu., Rubinshtein A. Ia. *Analiz mehanizmov gosudarstvennogo finansirovaniia sfery kultury* [Cultural Sector State Funding Mechanisms Analysis]. Moscow: Institut ekonomiki пperehodnogo perioda, 2003, 48. Available at: http://www.iep.ru/files/text/usaid/analys_mech.pdf (accessed 10.03.2016).
4. Ob utverzhdenii polozheniia ob osnovah hoziaistvennoi deiatelnosti i finansirovaniia organizatsii kultury i iskusstva [On Approval of a Bylaw "On the Basics of Economic Activity and Funding of Culture and Arts Organizations]. RF Government Decree No. 609 dated 26.06.1995. *Sobranie zakonodatelstva Rossiiskoi Federatsii = Assembly of the Russian Federation*, no. 28 (1995): Article 2670.
5. Gudima T. M. Nereshonnye problemy kulturnoi politiki sovremennoi Rossii [Unsolved Problems of Cultural Policy in Present-Day Russia]. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skills*, no. 4 (2008): 29 – 34.
6. Abankina T. Prokrustovo lozhe biudzhetnoi kultury [Procrustean Bed of Budget-Funded Culture]. *Otechestvennie zapiski = Homeland Sketches*, no. 4(24) (2005).
7. Gnedovskii M., Zelentsova E. Kultura v Rossii: gosudarstvennyi proekt ili grazhdanskaia initsiativa? [Culture in Russia: a State Project or a Citizens' Initiative?]. *Dom kulturi: zhurnal dlia rabotnikov domov kulturi, klubov I tsentrov detskogo tborchestva = House of Culture: a magazine for employees of cultural centers, clubs and children's creativity centers*, no. 6 (2006): 19 – 29.
8. Romanova V. V., Matskevich A. V. *Biudzhetnye rashody v sfere kultury i kinematografii: analiz sostoianiia i dinamika* [Budgetary Expenditures in the Sphere of Culture and Cinematography: Analysis of Situation and Dynamics]. Moscow: Izdatelskii dom vysshei shkoly ekonomiki, 2014, Iss. 2, 71.
9. Ob avtonomnyh uchrezhdeniiah [On Autonomous Institutions]. Federal Law No. 174-FZ dated 03.11.2006 (Wording dated 29.12.2015). *Rossiiskaia gazeta = Russian Newspaper Federalnii vipusk*, no. 4216(0) (2006, November 8).
10. Gluhova A. G. Problemy i perspektivy finansirovaniia sfery kultury v usloviiah perehoda k biudzhetirovaniiu, orientirovannomu na rezultat [Problems and Prospects of Funding the Cultural Sector Against the Backdrop of Transition to Result-Oriented Budgeting]. *Ekonomicheskie nauki = Economic Studies*, no. 5(54) (2009): 286 – 289.
11. O vnesenii izmenenii v otdelnye zakonodatelnye akty Rossiiskoi Federatsii v sviazi s sovershenstvovaniem pravovogo polozheniia gosudarstvennyh (munitsipalnyh) uchrezhdenii [On Entering Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation due to Improvement of State (Municipal) Institutions Legal Situation]. Federal Law No. 83-FZ dated 08.05.2010 (Wording dated 29.12.2015). *Rossiiskaia gazeta. Federalnii vipusk = Russian Newspaper. Federal Issue*, no. 5179(100) (2010, May 12).
12. *Informatsionno-analiticheskii otchet o deiatelnosti gosudarstvennyh i munitsipalllnyh muzeev Kemerovskoi oblasti za 2014 god* [Information and Analysis Report Concerning Activities of State and Municipal Museums in Kemerovskaya Region During the Year of 2014]. Kemerovo, 2015. Available at: http://www.kuzbasskray.ru/pictures/informacionno-analiticheskiy_otchet_2014.pdf (accessed 10.03.2016).
13. Finansirovanie kulturnyh uchrezhdenii: rossiiane rasstavliaiut prioritety [Cultural Institutions Funding: Russians Set Priorities]. *VTSIOM = The All-Russian Public Opinion Research Centre*, Press Issue, no. 2331 (25.06.2013). Available at: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114256 (accessed 14.02.2016).

УДК 930.1

ИСТОРИЯ КАК ПОИСК ЧЕЛОВЕКОМ САМОИДЕНТИЧНОСТИ

Евгений Ф. Казаков[1, @]

[1] *Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *kemcitykazakov@mail.ru*

Поступила в редакцию 17.05.2016.
Принята к печати 06.09.2016.

Ключевые слова: история, смысл истории, «Мы»-история, «Я»-история, человек, личность, богочеловек, человекобог, сверхчеловек, идентичность, свобода, родовое, индивидуальное.

Аннотация: В статье рассматривается проблема взаимосвязи смысла истории со смыслом жизни человека вообще, с жизнью каждой человеческой личности. Анализируется поиск связи смысла индивидуального человеческого существования со смыслом истории, судьбы личности и судьбы человечества в русской философской традиции. Смысл истории (филогенеза) связан с поиском человеком самоидентичности. Самоопределение происходит через самоотличение, отдифференциацию себя от иного: зверя, мёртвого, космоса, природы, Бога, ангела, вещи. Ступени самоотличения человека предстают ступенями его самообнаружения. Историческое развёртывание процесса самоидентификации начинается с рефлексии: человек – зверь и не зверь одновременно. Формируется представление о человеке как зверочеловеке, человекозвере, человеко-не-звере. Позже, сравнение с природой, расширяясь до бесконечности, выходит за рамки Земли. Человек начинает соотносить себя с ближним космосом, вселенной в целом. Складывается представление о вселенском человеке и о человеческой вселенной. Человек начинает соотносить «себя с собой». Развёртывание саморефлексии позволяет отдифференцировать «Я» от «не-Я». Формируется представление о богочеловеке, человекобоге (сверхчеловеке). Смысл родовой истории человечества – актуализация индивидуальной истории каждого человека. Цель мировой истории – «моё» рождение.

Для цитирования: Казаков Е. Ф. История как поиск человеком самоидентичности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 39 – 43. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-39-43

Проблема взаимосвязи смысла истории не только со смыслом жизни человека *вообще,* но с жизнью каждой человеческой личности имеет актуальное значение, позволяя очеловечить исторический процесс, преодолеть его достаточно распространённую обезличенность [1 – 5]. Возросший интерес к своему генеалогическому Древу, к семейным архивам и мемуарам; набирающий в Сети популярность проект «Я-история», ориентированный на создание базы живых воспоминаний участников (и об участниках) событий; и наконец, пафос и размах общероссийской акции «Бессмертный полк» – говорят о назревшей потребности перехода от истории безликой Массы к истории как единству множественности неповторимых человеческих личностей.

Интенция человека к поиску собственной идентичности прошла непростой и долгий исторический путь. «Начиная с классической Греции… развивалось человеческое самосознание, человек стал всё в большей мере искать смысл своего существования в глубине своей личности. В Древности, значительно больше, чем сейчас, место в «чувстве личности» занимал род, племя, город. В средние века совсем иное, чем сегодня, место занимала внешне воспринимаемая религия. В Новое время человек лишился «внешней подпитки» духовными импульсами и его чувство Я выделилось в своей чистоте... человеческое Я теперь обрело возможность стать таким» [6, с. 293]. Актуализировалась возможность самоосознания, а значит, и самоосуществления.

Поиск связи смысла индивидуального человеческого существования со смыслом истории, судьбы личности и судьбы человечества мы находим в русской философской традиции [7, с. 3 – 4]. Особенно большой вклад в раскрытие этой проблемы внёс Н. А. Бердяев, историософские взгляды которого основаны на признании абсолютной ценности личности. ***Вся история*** в концепции Н. А. Бердяева предстает ***как история становления свободной творческой личности.*** Смысл жизни личности становится самим смыслом исторического развития, поскольку содержанием истории становится история творческого «ответного откровения» человека Богу. По мнению Н. А. Бердяева, «существует особое духовное бытие истории, и чтобы его понять, необходимо постигнуть это историческое, как... до глубины ***мою историю***, как до глубины ***мою судьбу***. ***Я должен поставить себя в историческую судьбу и историческую судьбу в свою собственную человеческую глубину»*** [8, с. 15] (*выделено мной – Е. К.*). Историческая судьба человечества есть историческая судьба личности.

И. А. Ильин смысл жизни человека видит в духовном творчестве, в котором человек открывает Бога в себе и себя в Боге. В творческом акте как непрерывном духовном становлении человек способен выйти за пределы себя. Вся деятельность человека, совершаемая «по совести», приобретает в таком контексте глубочайший смысл, – она становится постоянным обнаружением в себе высшего начала, постоянным стремлением к своему идеальному состоянию [9, с. 95 – 96]. Смысл жизни

человека вплетается в смысл исторического развития, который заключается в непрерывном и абсолютном духовном становлении личности (***ибо история становления личности есть подлинная история человечества***), в стремлении ее выйти за свои пределы, преодолеть конечность своего бытия. Христианская философия истории показывает, что существование каждого исторического человека имеет смысл, заключающийся в богосотворчестве.

Смысл истории (филогенеза) связан с поиском человеком самоидентичности. Самоопределение происходит через самоотличение, отдифференциацию себя от *иного*: зверя, мёртвого, космоса, природы, Бога, ангела, вещи. Ступени самоотличения человека предстают ступенями его самообнаружения. *Историческое развёртывание процесса самоидентификации начинается с рефлексии: человек – зверь и не зверь одновременно. Формируется представление о человеке как зверочеловеке, человекозвере, человеко-не-звере.* Позже, сравнение с природой, расширяясь до бесконечности, выходит за рамки Земли. Человек начинает соотносить себя с ближним космосом («микрокосм-макрокосм» Демокрита), вселенной в целом («океанические» мифологии, религии и философии). ***Складывается представление о вселенском человеке и о человеческой вселенной.***

Человек начинает соотносить «себя с собой». Развёртывание саморефлексии позволяет отдифференцировать «Я» от «не-Я». Поворотным явилось утверждение Сократа «познай себя *(ни природу, ни богов, – Е. К.),* чтобы стать счастливым» (ср. с шекспировским: «я повернул зрачок вовнутрь своей души»). «Познай себя» как родовое, индивидуальное существо, познай индивидуальную сущность своего существования. Познавая себя (свою сущность) – обретаешь себя, обретая себя – проживаешь (осуществляешь) себя («снимая» сартровское «существование без сущности»), актуализируя «Я» через отдифференциацию от «не-Я».

Человек античности соотносит себя с богами, их достоинствами и недостатками, находя в себе ряд богоподобных признаков. ***Формируется представление о человекобоге (сверхчеловеке)*** *(по Протагору, не бог, а именно человек – «мера всех вещей»).* Человек рефлексирует не только во вне, но и во внутрь, прозревая в себе великие силы, способности и таланты. И это открытие ослепляет его. Он пробует сначала обойтись без Бога, а затем, хмелея от дерзости, пытается занять и Его *«свято место». «*Бунт» против Бога достигает апогея в Его «убийстве». Его место, демонически-торжествующе, и занимает человекобог. Чем более человек считает Бога «умершим», чем более полагается на себя, чем больше себя превозносит – тем более обнаруживает, что он – не Бог. Осуществляемые человеком самоидентификации-самообнаружения, рано или поздно, ставят его «на место», заставляя быть не кем-то напыщенно-надуманным, а – пусть хоть и неказистеньким – но самим собой («золотую середину» пытается найти Б. Паскаль: человек – «середина между ангелом и зверем», «между всё и ничто»). ***Важнейшие уроки мировой истории****: «Я» – не мёртвый, «Я» – не зверь, «Я» – не вещь, «Я» – не Бог, «Я» – не не-«Я».*

Смысл истории – самосознание, самоидентификация человека на родовом уровне («Кто мы, откуда и куда идём», по П. Гогену); и – внутри этого, на основании этого, из этого – самоидентификация на индивидуальном уровне. Генетически, родовое – первично, индивидуальное – вторично. Функционально, индивидуальное – первично, родовое – вторично. Индивидуальное рождается из коллективно-родового; но возникнув, начинает сопрягаться с ним, изменяя, отрицая, репродуцируя его. Возникает ***противоречие между генезисом и функционированием***, между целым и частью, субстратом и субстанцией, архэ и акмэ, прошлым и настоящим, Родительским и Детским.

Человечество (человек), в своей сущности, ***есть то, что от него нельзя отделить.*** «Смысл истории: понять, что это – не «моё», и это – не «моё», и это… То есть, сквозь множество «одёжек» добраться до «моего», что из «меня» без потери «меня», изъять невозможно» [10, с. 220]. ***Смысл родовой истории человечества – актуализация индивидуальной истории каждого человека***. Условием для этого является ***нуклеаризация человека, очищение его до состояния «ядра», «зерна» собственного «Я».*** С точки зрения христианства, самое важное в человеке – образ Божий, то есть, «сказать «вот он я» – то же самое, что сказать ***«вот Он, Бог*** *во мне****». Всё более углублённое познание себя, рано или поздно, приводит к открытию в себе Бога»*** [10, с. 220 – 221]. *Самопостижение – это богообнаружение, эволюция от богомира к богочеловечеству, богочеловеку и далее – к бого-«Я».* ***Смысл истории – её олицетворение, «оЯчивание», «обоголичивание».*** Многовековой путь человечества предстаёт «метаисторическим яйцом», из которого должна проклюнуться, вылупиться многоликая «симфоническая» личность.

Но родовое человеческое («Мы»-история) – не только условие рождения индивидуального человеческого («Я»-истории), оно – самоценно; его ценность – в самосохранении общечеловеческого в себе, и в каждом индивидуальном человеческом, в самосохранении той незыблемой основы, на которой, из которой, благодаря которой, только и развивается человеческое индивидуальное. Как родовое сохраняет и защищает индивидуальное, так и индивидуальное репродуцируя, сохраняет родовое. Интенция истории дедуктивна: от всеобщего – к общему – особенному и единичному. В ходе исторического развития происходит (должен произойти) постепенный переход от достаточно универсальной архаичной ***«Они-Мы»-истории (исторический синкретизм)*** – к многовекторной культурно-цивилизационной «***Мы»-и-«Они» истории (исторический плюрализм),*** и далее – к безграничной множественности «***Я»-историй (исторический мультиплюрализм).***

«Цель мировой истории – «моё» *рождение. Для «меня» – всё, что было* ***до «****меня» – было* ***для «****меня».* За «***моею»*** *(именно,* ***моею)*** спиною – ***<u>вся</u>*** *(!)* мировая история. Все её взлёты и падения, прозрения и тупики, трагедии и фарсы – свершились для того, чтобы «Я» явился на свет *«таковым» (не совсем таковым, вовсе не таковым). «Я» – «плод» мировой истории, её «фокус», «хвостовое оперение» и устремлённый в будущее «наконечник»* [10, с. 224]. *Если человек (вообще) – история человека, то «я» – это «моя» история, но и история человечества (уходящая в «моё основание»); история человечества – это «моя» история.* Человечество в прошлом и будущем –

часть «меня» настоящего (несоизмеримая с микронной «моей» частью в прошлом и будущем человечества).

Направленность, этапы онтогенеза и филогенеза соотносимы, но не тождественны. Как «макрокосм» соотносим с «микрокосмом», так *макроистория* (человечества) соотносима с *микроисторией* («моей» жизни). Проживая заново историю человечества (от эдемского до послеэдемского бытия, от детства до зрелости и старости), каждый человек не только выявляет, «повторяет», развёртывает, но и продолжает её, добавляя ту «былинку» уникальности, которой ранее не было. ***С рождением каждого человека мировая история изменяет своё «лицо»,*** *«моё лицо». «*Я» – часть истории, как и история – часть «меня». Зачем «Я» мировой истории? Чтобы не просто ещё раз припомнить-прожить её, а – выстрадать, переосмыслить, переплавить её в тигле собственной души, сделать «своей», сделаться «своим», спасти-спастись...

«Я» нужен истории как её бесценный миг-итог, глядя на который она бы отшатнулась от ужасного в себе и возрадовалась прекрасному. ***История нужна «мне»***, чтобы открыть, обрести и превзойти «себя». История «Я»-человека должна выявить многоликую историю «Мы»-человечества, осуществить её, исполниться вместе с ней» [10, с. 227]. «Они-Мы»-история не может превратиться в «Я»-историю без наличия индивидуальной свободы. Развитие свободы лежит в основании истории: Восточные деспотии – свободен один, античные демократии – свободны многие (не рабы), христианский мир – свободны все [11, с. 13]. С точки зрения христианства, все люди равны как Дети пред ликом Бога как Отца Небесного, в каждой душе – образ Бога. Единый образ Бога преломляется уникальностью каждой души (если душа свободна). ***Для «Я»-истории нужна «Я»-свобода.*** В христианстве человеческое «Я» не только актуализируется, но и смиряется перед божественным «Я», степень «эго»-свободы ограничена свыше. Формула Людовика XIV «государство – это я» (и никакое «я» больше) уступает место формуле «история – это я» каждого человека.

«Если ***человек есть история человека (человечества)***, то уже относиться к нему как объекту невозможно» [10, с. 229]. «Я» взаимодействую не столько с предстоящим «мне» человеком, сколько со всей «его» историей (и историей человечества, легшей «в основание» «его» истории). Общаясь с «другим» как субъектом, «Я» общаюсь с его индивидуальным (и включающим его в себя, родовым) прошлым, настоящим и будущим. Одна из причин непонимания, отчуждения, хладодушия людей – восприятие друг друга только в сей поверхностно-мимолётный миг. Человек выдёргивается из своего прошлого, из всей целостности своего индивидуально-родового хронотопа, что неминуемо приводит к упрощению в его восприятии (человек воспринимается как «миг в миге», а не как «миг, в котором всё»).

В Новое время «небесный свод разбивается», светская личность начинает движение к абсолютной свободе – ***к абсолютной человеческой «Я»-ковости.*** «Бог умер – человек свободен» (Ф. Ницше). ***«Я»-история превращается в «эго»-историю. «Эго»-история – это обособление от вселенского, планетарного, родового, замыкание «голого Я» на себе*** *(«Я – в себе, из себя, для себя»).* Происходит отчуждение от родового, подминание его под «себя». «Я» становится важнее и «больше», чем «Мы», превращающемся лишь в акциденцию «Я» *(«Чего вы от нас хотите? Мы – селфмейдмены. Нас не Бог сотворил, мы сотворили себя сами, мы – дети самих себя»).* ***«Я» отрывается от Родительского целого и замыкается на своей эго-абсолютности, эго-исключительности, эго-опустошённости.*** Если в человеке есть частица Бога, то в нём есть Всё; если в человеке есть пустынь не-Бога, то в нём отверзается бездна Ничто (Ж.-П. Сартр: «В душе человека – дыра размером с Бога»).

И первобытность, и античность состояли из самодостаточных монад (племён, полисов). Человек был тождественен миру, мир был равен человечеству («человеко-космос»). С развитием торгово-военных отношений, границы «моего» мира сталкиваются с границами «чужого», расширяются-размываются-сужаются. Чем более раздвигаются горизонты мироздания, тем меньше становится человек. Он уже не равен полису-вселенной, его мир всё более уменьшается, умаляя его, *становясь меньше его…* Из равного миру, человечеству, человек всё более становится равным самому себе. Родовой, общинный, вселенский, полисный человек превращается в человека – единичность – частичность – изолированность – самость – малость... Человек умаляется настолько, что оказывается способным себя увидеть-охватить-осмыслить-выразить-превознести. «История-Мы» превращается в «историю-Я». Мир как единство (нарастающего) многообразия, постепенно превращается в мир как многообразие без (существенного) единства. Единственность, достаточность и синкретичность превращаются в разномастно-суммативную множественность-«Я».

История движется от Единого – к Различию и Множественности, и далее – к Всеединству Множественного. «Я» – это не расщепляемый далее человекоатом, человекомир, уникальная «Я»-история. Потенциально «Я»-историй – столько, сколько людей на земле. Актуально «Я»-историй намного меньше, потому что в век массовой культуры и конформизма, человеческие «Я» растворяются в обезличенном, обессубъеченном «Оно» Массы-Толпы (развёртывается «Оно-история», сопрягаемая с «не-Я»-историей); происходит движение к ***атомизации, автономизации***. ***«Элементарные частицы» этой множественности выражают уже не Единое (не Всеединое), а лишь самоё себя, да и то, не всегда и не во всём*** *(см.: М. Уэльбек «Элементарные частицы»),* ***развёртывается «Я-не-Я»-история.***

«Притча о Блудном Сыне» – архетипическое повествование о поиске человеком внешне-внутренней свободы-идентичности. Во второй половине XX века человечество обретает такую степень (внешней) свободы (от суровой природной зависимости, от деспотического государства, от жёсткой экономической зависимости, от (патриархального) давления прошлого, от Бога) которой никогда не знало [12, с. 93 – 95]. Но внешняя свобода («свобода от») не становится условием для обретения внутренней свободы («свободы для»), свободы самоактуализации каждой человеческой личности. Просветительско-коммунистический проект (став свободным, обретя досуг, человек начнёт развивать свою личность) терпит крах. Ценность внешней свободы – в обретении внутренней свободы, однако внешняя свобода становится самоценной и самодостаточной (замыкаясь на себя и не инициируя личностную самоактуализацию).

Происходит ***«эволюционный сбой»: «Они-Мы»-история не превращается во всеединство многообразия «Я»-историй.*** Важнейшее преимущество человека перед всеми другими живыми существами – потенциально бесконечное многообразие индивидуальностей – остаётся нереализованным. Причины *«эволюционного сбоя»* – деформация *массовой культурой* базовой системы ценностей: доминанта «иметь» («потреблять», «владеть», «занять должность», «обрести известность») – над «быть»; «быть таким как все» над «быть самим собой». *«Эволюционный сбой»* не только прервал восходящую линию истории, но и обратил её вспять: в состояние глобалистско-конформистски обезличенной («восстанием масс») [13, с. 91 – 92] аморфно-синкретичной *«Оно»-истории.* Начинается «бегство» от, лишь начавшей актуализироваться, «Я»-свободы (как конструктивной свободы) к «эго»-свободе (как деструктивной свободе), ***от «свободы как проявлении всего» – к «свободе ото всего»*** (символом чего стал, например, «Charlie Hebdo»). Стремясь обрести нового (множественного) субъекта, история осталась без субъекта. ***«Оно-субъект» – это объект истории.***

Смысл «моей» истории (онтогенеза) – поиск «моей» идентичности, путь – отделение «Я» от «не-Я». Через самоосознание, самоопределение происходит отличение себя от иного (от общности, от другого «Я»). «Я» – история предстаёт как уникальная эманация «Мы» – истории. «Я» – индивидуально-неповторимое выражение родового. Но в «моей» истории – не всё «моё» (присутствует и чужое, инородное), необходима актуализация «моего Я» в «моей» истории («Я-в-Я»-история), лишь тогда история обретает неповторимое (в каждой своей «Я-мелодии») «симфоническое звучание». Высшая ступень развития искусства – это портрет, высшая ступень развития человека – это личность. «Человечество – вечно «беременное мной» («беременное» личностью, «моей» личностью), и вечно не могущее разродиться. Вся многотысячелетняя мировая история – это затянувшиеся «мои» роды. История рождает человека, рождает «меня», «я» рождаю историю. «Я» рождаю рождение, рождаю, не рождаясь…» [10, с. 215].

Литература

1. Батенин С. С. Человек в его истории. Л.: Наука, 1976. 239 с.
2. Гобозов И. А. Введение в философию истории. М.: Мысль, 1993. 199 с.
3. Губман Б. Л. Смысл истории: очерки современных концепций. М.: Мысль, 1991. 216 с.
4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. СПб., 1991. 368 с.
5. Пуляева О. В. Вопросы смысла истории в философии Н. Бердяева // Философия и общество. 2007. № 2. С. 185 – 198.
6. Любарский Г. Ю. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2000. 236 с.
7. Харитонова М. В. Связь человеческого существования со смыслом истории: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2002. 28 с.
8. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 338 с.
9. Ильин И. А. Учение о смысле человеческой жизни // Собрание соч.: в 2-х т. СПб., 1994. Т. 2. С. 112 – 245.
10. Казаков Е. Ф. Сердцеанин. Омск: Стивес, 2011. 303 с.
11. Гегель Г. В. Ф. Философия истории. М.: Наука, 1995. 412 с.
12. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Наука, 1998. 268 с.
13. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: Наука, 1990. 189 с.

HISTORY AS MAN'S SEARCH FOR SELF-IDENTITY

***Eugeniy F. Kazakov*[1, @]**

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *kemcitykazakov@mail.ru*

Received 17.05.2016.
Accepted 06.09.2016.

Keywords: history, meaning of history, "We"-the story, the "I"-history, people, personality, the God-man, man-God, Superman, identity, freedom, family, individual.

Abstract: The article features the problem of the relationship of sense of history with the meaning of human life in general, with the life of every human being. It analyses the search for connection between the meaning of individual human existence and the sense of history, the fate of the individual and of human destiny in the Russian philosophical tradition. The meaning of history (phylogenesis) is associated with the search for self-identity. The determination occurs through realizing one's self from the other: an animal, the dead, space, nature, God, an angel, a thing. The stages of one's self-differentiation are the stages of one's self-revealing. The historical deployment of self-identification process begins with reflection: man as a beast and not-beast at the same time. It forms a view of the man as a beast-human, a human-beast, a man-not-beast. Later, one's comparison to nature extends to infinity, beyond the Earth. The person begins to identify with outer space and the whole universe. One gets the notion of the universal man and the human universe. One begins to associate "oneself with oneself". The deployment of self-reflection allows one to differentiate "Me" from "not-Me". There develops a vision of the God-man, the man-God (the Superman). The meaning of ancestral human history is the actualization of the individual stories of each person. The purpose of world history is "my" birth.

For citation: Kazakov E. F. Istoriia kak poisk chelovekom samoidentichnosti [History as Man's Search for Self-Identity]. *Bulletin of Kemerovo State University,* 2017; (2): 39 – 43. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-39-43.

References

1. Batenin S. S. *Chelovek v ego istorii* [Man in its history]. Leningrad: Nauka, 1976, 239.
2. Gobozov I. A. *Vvedenie v filosofiiu istorii* [Introduction to the philosophy of history]. Moscow: Mysl', 1993, 199.
3. Gubman B. L. *Smysl istorii: ocherki sovremennykh kontseptsii* [The Meaning of history: essays on modern concepts]. Moscow: Mysl', 1991, 216.
4. Danilevskii N. Y. *Rossiia i Evropa: Vzgliad na kul'turnye i politicheskie otnosheniia Slavianskogo mira k Germano-Romanskomu* [Russia and Europe: a Look at cultural and political relations of the Slavic world to Germano-Romance]. Saint-Petersburg, 1991, 368.
5. Puliaeva O. V. Voprosy smysla istorii v filosofii N. Berdiaeva [The Questions of the meaning of history in the philosophy of N. Berdyaev]. *Filosofiia i obshchestvo = Philosophy and society,* no. 2 (2007): 185 – 198.
6. Liubarskii G. Yu. *Morfologiia istorii* [Morphology of history]. Moscow: Tov-vo nauchnykh izdanii KMK, 2000, 236.
7. Kharitonova M. V. *Sviaz' chelovecheskogo sushchestvovaniia so smyslom istorii.* Avtoref. diss. cand. philos. nauk [The Relationship of human existence with a sense of history. Cand. philos. Sci. Diss. Abstr.]. Saint-Petersburg, 2002, 28.
8. Berdiaev N. A. *Smysl istorii* [The Meaning of history]. Moscow: Mysl', 1990, 338.
9. Ilyin I. A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works by Ilyin I. A.]. Saint-Petersburg, vol. 2 (1994): 112 – 245.
10. Kazakov E. F. *Serdtseanin* [Heartnin]. Omsk: Stives, 2011, 303.
11. Hegel G. W. F. *Filosofiia istorii* [Philosophy of history]. Moscow: Nauka, 1995, 412.
12. Fromm E. *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom]. Moscow: Nauka, 1998, 268.
13. Ortega y Gasset J. *Vosstanie mass* [Revolt of the masses]. Moscow: Nauka, 1990, 189.

УДК 94(7)

АРКТИЧЕСКИЙ РЕГИОН В ПОЛИТИКЕ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

***Михаил А. Казаков*[1, @1], *Михаил С. Лысцев*[2, @2]**

[1] *Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, 603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23*
[2] *Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева, Россия, 603950, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 24*
[@1] *Kazakov_mihail@list.ru*
[@2] *MLystsev@gmail.com*

Поступила в редакцию 19.12.2016.
Принята к печати 23.03.2017.

Ключевые слова: Арктический регион, национальные интересы, национальная безопасность, США, Канада, международное сотрудничество, уроки истории.

Аннотация: В статье анализируются исторический опыт и основные этапы освоения Арктического региона североамериканскими государствами в XX столетии. С учетом новых данных и опорой на исторический метод раскрывается смена отношений этих государств к Арктике в их последовательном временном развитии во второй половине XX – начале XXI веков. Исследуется эволюция позиций властей Оттавы и Вашингтона к региону в контексте выработки и проведении ими политики в области национальных интересов и безопасности. Делается вывод, что политика властей США и Канады, координирующих свои действия в регионе под предлогом отстаивания национальных интересов и противодействия внешним угрозам, обладает наряду с известными приверженностями и некоторым историческим позитивом. Политика обеспечения безопасности этих стран ограничивает компетенцию государства угрозами их территориальной целостности, что не дает ему полномочий для необоснованного вмешательства в сферы, которые регулируются рыночными механизмами и гражданским обществом. Это обстоятельство в свете надвигающихся перемен в связи с избранием президентом США Д. Трампа следует шире использовать для вынесения за скобки политического процесса приарктических стран саму возможность военного конфликта.

Для цитирования: Казаков М. А., Лысцев М. С. Арктический регион в политике североамериканских государств: история и современность // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 44 – 49. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-44-49.

История освоения Арктики в ее преломлении к политике североамериканских государств насчитывает сотни лет. За это время учеными были созданы самые разнообразные научные труды, касающиеся тех или иных вопросов развития региона. Однако исследования, посвященные правовым, военно-политическим, экономическим, социально-культурным аспектам изучения Арктики в *различные исторические периоды*, лишь в последние десятилетия образовали самостоятельный междисциплинарный раздел науки. Этому способствовали работы от историков до специалистов в области государственного управления. Так, в частности, в правовой сфере можно выделить таких зарубежных и российских ученых, как М. Байерз, Д. Фаранд, А. Л. Колодкин, А. Н. Вылегжанин. В военных и политических аспектах проблемы – П. А. Гудеева, В. З. Дворкина, А. В. Загорского, В. Н. Конышева, А. А. Сергунина. В заделе, посвященном различным вопросам арктической политики РФ, США, Канады и прикладным аспектам их анализа – работы Ю. Ф. Лукина, В. С. Селина, О. В. Теребова, Н. Н. Филимоновой, В. И. Голдина, Т. А. Шаклеиной и др.

Но среди трудов этого историографического списка, связанных с изучением разных сторон Арктики, работ, написанных на «стыке» истории освоения Арктики и политики властей США и Канады в регионе на протяжении столетнего периода их деятельности, сравнительно мало, или интерес к теме пока, скорее, фрагментарен, чем и объясняется направленность статьи. Более того, международные события последних лет как некий исторический рубеж этой динамики оставляют противоречивое впечатление. «С одной стороны, они подтвердили готовность США практически любыми средствами сохранять статус крупнейшей военно-политической силы современного мира. С другой, – обозначили некоторые признаки надвигающегося перенапряжения и кризиса глобальной военной мощи Америки» [1, с. 3].

1867 г. в истории североамериканских государств, особенный, – во-первых, это год, когда США с приобретением Аляски и Алеутских островов становятся приарктической страной. Во-вторых, из британских североамериканских владений в этом году создается доминион Канада, который в конце XIX в. получает выход к Северному Ледовитому океану и обретает статус второй американской приарктической страны. До начала XX в. эти государства осуществляли в основном географические экспедиции в Арктику. Ситуация начала изменяться в XX столетии. В период до начала Второй мировой войны в Соединённых Штатах была довольно сильна идея «*подготовить*» специальное многостороннее соглашение

по Арктике с целью развития научных исследований и расширения международного сотрудничества. Во время войны эту идею выдвинул вице-президент США Генри А. Уоллес. Однако из-за вступления американцев в борьбу с милитаристской Японией и нацистской Германией ее реализация не состоялась.

Новый всплеск активности американцев в отношении к Арктике начинается в конце 1960-х гг. В это время появляется концепция «Пакта Северных стран» (Northlands Compact), вдохновлённая Договором об Антарктиде 1959 г. Сторонники данной концепции настаивали на создании аналогичного документа, который затрагивал широкий спектр вопросов, включая экономическое развитие, защиту окружающей среды, повышение благосостояния народов региона и т. д. Идея с энтузиазмом была воспринята элитами США и в виде проекта стала активно продвигаться администрацией Р. Никсона, но потребовалось еще определенное время, прежде чем в декабре 1971 г. была принята директива Совета национальной безопасности NSDM-144 (National Security Decision Memorandum-144) [2].

В соответствии с директивой подготовка соглашения приобретала первостепенное значение. В ней формулировались три приоритета арктической политики США. Во-первых, минимизация угроз окружающей среде. Во-вторых, содействие международному сотрудничеству в Арктике и, в-третьих, обеспечение защиты национальной безопасности в регионе. Однако через два года в Директиве National Security Decision Memorandum-202 эта работа уже подкреплялась императивом не вступать в прямые переговоры с Канадой, СССР и другими приарктическими государствами. США хотели продвигать *свою* идею многонационального пакта о сотрудничестве на Севере и в Арктическом регионе (Northlands and Arctic Cooperation Compact) при организации международной конференции.

Особую роль в стратегических планах США периода Холодной войны играла Гренландия. В начале 1950-х гг. руководство США и Дании договорилось сделать авиабазу Туле постоянной базой ВВС США. В 1958 – 1966 гг. США пытаются разместить пусковые установки на территории ледяного щита Гренландии (проект «Ледяной червь»). Однако проект потерпел неудачу, когда стало ясно, что ледники перемещаются интенсивнее, чем предполагалось. Несмотря на это, остров в дальнейшем играл важную роль в рамках защиты американского побережья от советских подводных лодок.

Начиная со второй половины 60-х гг. XX в., территориальные противоречия в Арктике между двумя сверхдержавами возрастают. «Камнем преткновения», прежде всего, становится статус Северного морского пути (СМП). 27 апреля 1965 г. СССР объявил проливы Карские ворота, Югорский шар, Маточкин шар, Вилькицкого, Шокальского и Красной Армии своими территориальными, а проливы Дмитрия Лаптева и Санникова – историческими водами. Госдепартамент США заявил о непризнании претензий СССР. После этого, Соединенные Штаты, при поддержке Швеции и Норвегии, настаивали на праве свободного прохода и захода коммерческих судов в советские порты на всем протяжении СМП. Однако руководство Советского Союза не посчитало эти требования законными и противостояние стало фактом.

Наступление «разрядки» обусловило важные изменения в политике Вашингтона по отношению к Арктике. Тенденция выразилась в формулировании комплексной арктической стратегии, которая не ограничивалась рамками соперничества сверхдержав. Этот тренд получил развитие и в период президентства Р. Рейгана, когда произошло обострение противостояния между ними. В 1984 г. Конгресс принимает «Закон об Арктике» (Arctic and Policy Act), где прописывалась необходимость развития рыболовства и активизация климатических исследований [3]. В следующем году президент Р. Рейган подписывает приказ № 12501 о создании Комиссии по арктическим исследованиям США (US Arctic Research Commission), целями которой стали следующие:

1) определение национальных приоритетов в Арктике, в том числе программ научных исследований;

2) предложение президенту и Конгрессу перспективных направлений арктической политики;

3) координацию действий с Национальным научным фондом США (National Science Foundation) как ведущим учреждением, ответственным за проведение арктических исследований.

Параллельно с Комиссией формируется Межведомственная группа анализа и оценки обстановки в Арктике (Interagency Arctic Research Policy Committee). Она находилась в подчинении Национального научного фонда США и состояла из 15 отделов. Основными задачами Комиссии и Межведомственной группы стало предоставление Национальному научному фонду США профильных докладов о перспективных исследованиях в Арктике, в том числе и материалы по обеспечению национальных интересов в регионе.

Допустимо и то, что основные элементы политики Вашингтона в Арктике того периода были равно направлены на проведение исследований в указанных областях. Так, во второй половине 1980-х гг. Вашингтон не признавал решение Оттавы о Северо-Западном проходе, когда Канада присвоила проходу статус внутренних вод. В это же время США выдвинули претензии на другие спорные участки, например море Бофорта. Ситуация с перевесом приоритетов стала складываться в начале XXI в. Причины – общеизвестны.

Симптомы проявлялись и ранее, но именно администрация Дж. Буша-мл. попыталась определить приоритеты арктической политики. В 2004 г. Комиссия США по арктическим исследованиям выразила мнение, что благодаря освоению шельфа можно увеличить территорию США. Кроме этого, Комиссия «оценила» потенциал шельфа в 1,3 трлн долл. В этой связи с 2004 г. администрация Дж. Буша-мл. организовала воздействие на Конгресс для ускорения ратификации Конвенции ООН по морскому праву.

В следующем году Комиссия США по арктическим исследованиям выпустила доклад «Цели и задачи арктических исследований». В докладе отмечалось, что благодаря таянию льдов, технология добычи энергоресурсов на арктическом шельфе, в скором времени упростится. Эксперты указывали, что в ближайшей перспективе Россия и Норвегия попытаются закрепить за собой арктические сектора, поэтому подчеркивали важность закрепления за США прилегающих шельфовых территорий. Проводя соответствующую политику, администрация

Дж. Буша-мл. летом 2006 г. отказалась принять предложенные Канадой, Россией и Норвегией варианты раздела шельфа по секторному принципу 20-х гг. XX в.

В 2007 г. обстановка в регионе изменилась. Российская экспедиция «Арктика-2007» вызвала критическое отношение не только со стороны властей США. Официальные представители США и других приарктических государств выступили с рядом заявлений по поводу «последствий» экспедиции РФ. Пытаясь не отстать от России, осенью того же года к Северному полюсу была направлена совместная американо-канадская экспедиция и с этого времени североамериканские государства начали координировать свои действия в регионе под предлогом необходимости отстаивания своих интересов, в пику «акциям Москвы».

Ситуация была частично урегулирована в 2008 г. на саммите Арктического совета в городе Илулиссат (Гренландия). Большая арктическая пятерка договорилась, во-первых, блокировать попытки установления всеобъемлющего международно-правового режима для управления Северным Ледовитым океаном и, во-вторых, в дальнейшем, решать не урегулированные вопросы Арктики мирными средствами. Однако Илулиссатская декларация побудила администрацию Дж. Буша-мл. четче обозначить приоритеты арктической политики США.

Летом того же года в Конгрессе состоялись слушания по вопросам долгосрочной стратегии Вашингтона в Арктике. Официальным поводом для слушаний было развитие ледокольного флота США, однако речь шла, прежде всего, об определении мер противодействия политики России в регионе. Участники фокусировали внимание на следующих проблемах:

1) реализация РФ программы по созданию нового поколения тяжелых ледоколов;

2) возобновление боевого дежурства кораблей Северного флота РФ в арктических районах;

3) отсутствие у США программы строительства ледокольного флота.

«Мы теряем позиции. Россия в следующем году завершает программу создания атомных ледоколов нового поколения, что гарантирует русским наличие нескольких тяжелых ледокольных судов», – заявил на слушаниях командующий Береговой охраной США адмирал Тад Аллен [4]. По итогам слушаний Конгресс рекомендовал администрации Дж. Буша-мл. ускорить работу над арктической стратегией.

На базе рекомендаций Конгресса 9 января 2009 г. президент Дж. Буш-мл. подписал разработанный Советом национальной безопасности документ «Региональная политика США в Арктике». В нем прописывалось, что США имеют широкие и основополагающие интересы национальной безопасности в регионе. Для защиты этих интересов Вашингтон будет действовать, либо самостоятельно, либо совместно с другими странами. Также были расставлены приоритеты арктической политики США.

1. Ратификация Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Присоединение к Конвенции США позволит Вашингтону требовать интернационализации акватории Северного Ледовитого океана как международного океанического пространства. Еще в 1994 г. администрация Б. Клинтона подписала с Подготовительным комитетом ООН Дополнительное соглашение к Конвенции 1982 г. В этом соглашении Комитет ООН обещал предоставить ряд привилегий, во-первых, не ограничивать экономическую деятельность США на дне спорных участков шельфа; во-вторых, со временем, перейти к системе группового голосования в Совете Международного органа по морскому дну.

2. Расширение морского присутствия и строительство американского ледокольного флота.

3. Усиление присутствия ВВС США в регионе – рекомендовалось проанализировать возможность обеспечения присутствия в Арктике постоянной авианосной группы.

Развитие этих положений содержится в подписанной президентом Б. Обамой в 2010 г. «Стратегии национальной безопасности США». Документ постулирует, что США являются арктическим государством, которое имеет национальные интересы в регионе. К ним относится: защита окружающей среды, учет интересов местного коренного населения, развитие научных исследований, расширение международного взаимодействия и т. д. Таким образом, можно сделать промежуточный вывод, что в начале второго десятилетия XXI в. Вашингтон полностью осознал важность обеспечения национальной безопасности в Арктике и защиты своих интересов в регионе (при необходимости и с применением военных средств).

Другое американское приарктическое государство, как было сказано выше – это Канада. Деятельность властей этой страны в Арктике начинается значительно раньше коллег из Вашингтона. Первоначально неактивные действия Оттавы по отношению к вопросам безопасности в регионе пролонгируются историческими условиями возникновения и развития страны. Для канадских властей исходно важными вопросами были скорее экономические аспекты, чем проблемы безопасности. Такая позиция властей объяснялась тем фактом, что в начале своего пути у Канады не существовало угроз суверенитету и безопасности страны.

Первые попытки закрепить свой суверенитет в Арктике Канада предприняла еще в начале XX в. В 1904 г. Оттава определила границы своих арктических владений между 141 и 60 меридианами. Весной 1925 г., правительство Канады заявило, что распространяет свой суверенитет на земли и острова в пределах указанных меридианов и до Северного полюса. Чуть позже это было подтверждено Законом от 27 мая 1925 г. и королевским указом в следующем году.

Так же как и Вашингтон в годы Второй мировой войны, Оттава стала проявлять иную заинтересованность Арктикой. Захват Японией части Алеутских островов рассматривался североамериканскими правительствами как плацдарм для дальнейшего продвижения «страны восходящего солнца» на американский континент. В 1942 г. было принято решение о строительстве магистрали. Благодаря открытию магистрали Аляска была соединена с остальной Америкой, что обеспечило транспортировку «живой» военной силы и техники для защиты от возможных атак японцев.

Начало Холодной войны изменило отношение канадских элит к вопросам национальной безопасности. Регион теперь рассматривался как потенциальный источник угрозы безопасности государства – Северный Ледовитый океан представлял собой кратчайший путь достижения советских ракет территории американских государств.

С этого времени США не раз предлагали Канаде совместными усилиями укрепить воздушную обороноспособность континента.

Постепенно в канадских военных кругах стало преобладать мнение о необходимости создания единой с США системы обороны. Расширение канадско-американского военного сотрудничества сделало включение Оттавы в воздушную систему обороны неизбежным и в 1957 г. это завершилось строительством единой системы противовоздушной обороны – линии «ДЬЮ». В следующем году американские правительства подписали соглашение о создании Объединенного командования противовоздушной обороны Северной Америки, которое позднее было переименовано в Командование воздушно-космической обороны Северной Америки (НОРАД).

В начале 1970-х гг. правительство Канады вновь обратило внимание на проблемы безопасности в Арктике. В 1972 г. комитету по делам индейцев и развитию Севера канадского парламента была представлена Декларация о развитии Севера. В качестве одной из ключевых задач в Декларации было прописано поддержание суверенитета и безопасности на севере Канады [5, с. 181]. На этот раз это было связано с активизацией экономической деятельности США на Аляске – расширением деятельности нефтяных компаний США (особенно после появления у них планов начать освоение месторождения Прадхо-Бей) способствовало появлению идей использования Северо-Западного прохода для транспортировки нефти. Проведенные на рубеже 1960 – 1970-х гг. пробные рейсы танкера «Манхэттен» через Северо-Западный проход показали опасность транспортировки нефти по этому маршруту. В случае крушения танкера побережье могло быть на многие десятилетия загрязнено. Это обстоятельство стало поводом для принятия парламентом Канады «Закона по борьбе с загрязнением арктических вод». По закону в прибрежной полосе устанавливался государственный контроль шириной в 100 миль, что наделяло правительство правом контролировать выбросы в обозначенных пределах.

После окончания Холодной войны политика Оттавы меняется. Теперь канадские власти считали, что с завершением противостояния между сверхдержавами исчезла угроза безопасности на северном направлении. Результатом стало сокращение числа экспедиций и полетов ВМС и ВВС в регионе [6, p. 21]. Из-за экономических трудностей, в 1991 – 1992 гг., началось «урезание» расходов, в том числе и на северные программы.

С начала 1990-х годов проблемы Севера стали рассматриваться правительством страны, главным образом как основа для международного сотрудничества, где Оттава играла бы особую и возможно ключевую роль в устанавливающемся новом мировом порядке. На смену активному сотрудничеству с США в военной сфере, пришли вопросы сохранения коренного населения, его культуры и проблемы защиты окружающей среды региона, которые стали желаемыми сферами взаимодействия приарктических стран в 1990-е годы.

В июле 1992 г. представитель полярной комиссии Канады посетил столицы России и Украины. В результате, после его визита появляется доклад, предусматривающий превращение Арктического региона в демилитаризованную зону и создание международного Арктического совета. Предложение Канады находит поддержку среди европейских приарктических стран. Однако оно натолкнулось на незаинтересованность и даже определенное сопротивление в США, чьи власти сочли, что вступление Вашингтона в Арктический совет, станет препятствием для самостоятельной деятельности США в регионе.

Пришедший к власти в 1993 г. Жан Кретьен заявил о том, что канадское правительство будет углублять арктическое сотрудничество, и в следующем году было объявлено о создании поста посла по делам Севера. Учитывая эти настроения, после первого визита президента США Билла Клинтона в Канаду специалисты из Вашингтона стали участвовать в переговорах по созданию Арктического совета. Они завершились осенью 1996 г. подписанием в Оттаве Декларации о создании совета.

В 1997 г. постоянный комитет по иностранным делам и международной торговли парламента Канады публикует доклад «Канада и приполярный мир». В нем системно рассматриваются основные параметры политики Канады в Арктике и ее ключевые направления в регионе. В 1999 г., выступая с речью, генерал-губернатор Канады Андриана Кларксон, поручает правительству *укрепить лидерство Канады в Арктике*, расширяя сотрудничество с другими приарктическими государствами, защищая окружающую среду, развивая торговлю иинвестиции, поддерживая безопасность региона [7].

Как реализация данного поручения, в 2000 г. появляется стратегия «Северное измерение внешней политики Канады». В стратегии определялись причины особенного интереса Канады к Северу, а также приоритеты и основные направления политики Оттавы в регионе. Указав на основные походы к безопасности, свойственные современным условиям страны, северное направление политики Оттавы определялось тремя принципами. Это, во-первых, выполнение взятых обязательств и обеспечение ключевой роли Канады в регионе. Во-вторых, установление сотрудничества внутри правительства и вне его. В-третьих, продолжение диалога и обсуждение с канадцами, особенно с проживающими на Севере, сферы их жизнедеятельности.

Важно выделить при этом, что на рубеже XX – XXI вв. канадский Север (к которому до 1999 г. относились только Юкон и Северо-Западные территории) претерпел значительные административные изменения. Находящиеся в юрисдикции федерального правительства Северо-Западные территории были разделены на две части. На территории одной из них 1 апреля 1999 г. была создана территория Нунавут, население которой стали в основном инуиты – коренное население региона. Появление новой административной единицы стало преподноситься канадскими элитами как веха в политическом развитии северных народов, отражающая тенденцию к их самоуправлению [8, p. 6].

Так, новая стратегия была представлена канадцам как механизм для развития сотрудничества с коренными народами Севера. Кроме того, она стала ответом на вызовы, стоящие перед государством, а именно: растущий спрос на ресурсы, их поиск и переработка; изменение климата; растущее воздушное сообщение в регионе, которое увеличивало риск катастроф и необходимость поисково-спасательных работ.

Активизация деятельности во второй половине 2000-х гг. европейских приарктических государств вызвали особенный интерес у канадских военных к Арктике. В 2006 г. правительство Канады «подтвердило» свой суверенитет над Арктикой, заявив о необходимости переоснащения своих вооруженных сил для усиления контроля над канадской частью региона [9]. В 2008 г. после военных учений «Нанук-2008», было принято решение, что в регионе будет дислоцироваться гарнизон в тысячу арктических стрелков, а в пос. Йеллоунайф на постоянной основе будет развернуто подразделение количеством около 100 человек из резерва ВС Канады.

Весной следующего года была разработана «Северная стратегия Канады: наш Север, наше наследие, наше будущее», где были прописаны основные направления политики Оттавы на ближайшую перспективу. Это – защита суверенитета; устойчивое социально-экономическое развитие; защита окружающей среды и адаптация к изменениям климата; развитие самоуправления, а также хозяйственной и политической активности северных территорий как части политики по освоению Севера [10, с. 22].

Однако стратегические планы Канады идущего периода таковы: наращивание военного присутствия в регионе для усиления контроля над территориями и акваториями Арктики. Что связывается не только с демонстрацией готовности защитить свои суверенные права, но и как отмечал премьер-министр Канады С. Харпер, «первый принцип арктического суверенитета состоит в том, чтобы его использовать, либо он будет потерян» [11]. Таким образом, арктическая политика Канады к началу второго десятилетия XXI в. заметно изменилась по сравнению с периодом окончания Холодной войны. Она становится менее *миролюбивой* по содержанию и играет важную роль в политической линии канадского государства, большинство же населения поддерживает ее, так как считает, вслед за СМИ, что усиление военного присутствия в регионе противостоит внешним угрозам.

Североамериканские государства, координирующие ныне свои действия в Арктике под предлогом необходимости отстаивания национальных интересов и противодействия внешним угрозам, обладают в своей политике, как известными приверженностями, так и неким историческим позитивом. Им, в частности, является то, что политика национальной безопасности этих стран ограничивает компетенцию государства угрозами их территориальной целостности и не дает ему полномочий для необоснованного вмешательства в сферы, которые регулируются рыночными механизмами и гражданским обществом. Это обстоятельство в свете надвигающихся перемен в связи с избранием президентом США Д. Трампа следует шире и гибко использовать для вынесения за скобки политического процесса приарктических стран саму возможность (и главные составляющие) военного конфликта в Арктике. Что и есть базовое следствие понимания уроков истории.

Литература

1. Военное присутствие США в различных регионах мира как элемент глобального господства / отв. ред. А. А. Кривопалов. М.: Научный эксперт, 2016. 66 с.

2. National Security Decision Memorandum-144. 22.12.1977. Режим доступа: https://fas.org/irp/offdocs/nsdm-nixon/nsdm-144.pdf (дата обращения: 18.11.2016).

3. The Arctic Research and Policy Act of 1984, Public Law 101-609. Режим доступа: https://www.whitehouse.-gov/sites/default/files/microsites/ostp/ARPA.pdf (дата обращения: 18.11.2016).

4. Габуев А. Арктика – критерий истины // Коммерсантъ. 18.07.2008. Режим доступа: http://www.kom-mersant.ru/doc/913508 (дата обращения: 21.11.2016).

5. Канада на пороге 80-х годов: экономика и политика / отв. ред. Л. А. Баграмов. М.: Наука, 1979. 399 с.

6. Huebert R. Renaissance in Canadian Arctic security? // Canadian Military Journal. 2005 – 2006. Vol. 6. № 4. P. 17 – 29.

7. Speech from the Throne to Open the Second Session of the Thirty-Sixth Parliament of Canada. October 12, 1999. Режим доступа: http://lop.parl.gc.ca/ParlInfo/Documents/ThroneSpeech/36-2-e.html (дата обращения: 18.11.2016).

8. The Northern Dimension of Canada's Foreign Policy. Ottawa: Department of Foreign Affairs and International Trade, 2000. Режим доступа: http://gac.canadiana.ca/view/ooe.b3651149E/12?r=0&s=3 (дата обращения: 21.11.2016).

9. Bayers M. Re-packaging Arctic sovereignty // Ottawa Citizen. 05.08.2009. Режим доступа: http://byers.typepad.com/arctic/2009/08/re-packaging-arctic-sovereignty.html (дата обращения: 21.11.2016).

10. Лысцев М. С. Арктическая политика североамериканских государств в XXI в. // Регионология. 2014. № 3(88). С. 21 – 29.

11. Graff J. Arctic: Fight for the Top of the World // Time. 01.10.2007. P. 31.

THE ARCTIC REGION IN POLITICS OF AMERICAN STATES: PAST AND PRESENT

***Michael A. Kazakov*[1, @1], *Michael S. Lystsev*[2, @2]**

[1] *Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 23, Gagarin prospect, Nizhny Novgorod, Russia, 603600*
[2] *Nizhniy Novgorod State Technical University n. a. R. E. Alexeev, 24, Minin St., Nizhny Novgorod, Russia, 603950*
[@1] *Kazakov_mihail@list.ru*
[@2] *MLystsev@gmail.com*

Received 19.12.2016.
Accepted 23.03.2017.

Keywords: The Arctic region, national interests, national security, the United States, Canada, international cooperation, lessons of history.

Abstract: The article analyzes the historical experience and the basic stages of development of the North American Arctic states in the twentieth century. With the new data, and based on the historical method, the article reveals changing relationships of these states to the Arctic in their successive temporary development during the second half of XX – beginning of XXI centuries. The article features the evolution of the position of the authorities in Ottawa and Washington to the region in the context of developing and conducting them in the national interests and security policy.
The conclusion is that the policy of the US government and Canada to coordinate their actions in the region under the pretext of defending national interests and to counter external threats, has some historical positive outcome, along with some well-known commitments. Security Policy in these countries limits the competence of the state threats to their territorial integrity, which does not give the government the authority to undue interference in areas that are governed by market forces and civil society. In the light of the impending changes caused by the election of D. Trump, this circumstance should be exploited for excluding the very possibility of military conflict from the political process the Arctic countries.

For citation: Kazakov M. A., Lystsev M. S. Arkticheskii region v politike severoamerikanskikh gosudarstv: istoriia i sovremennost' [The Arctic Region in Politics of American States: Past and Present]. *Bulletin of Kemerovo State University,* 2017; (2): 44 – 49. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-44-49.

References

1. *Voennoe prisutstvie SShA v razlichnykh regionakh mira kak element global'nogo gospodstva* [The US military presence in various regions of the world as part of global domination]. Ed. Krivopalov A. A. Moscow: Nauchnyi ekspert, 2016, 66.
2. *National Security Decision Memorandum-144*. 22.12.1977. Available at: https://fas.org/irp/offdocs/nsdm-nixon/nsdm-144.pdf (accessed 18.11.2016).
3. *The Arctic Research and Policy Act of 1984*, Public Law 101-609. Available at: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/microsites/ostp/ARPA.pdf (accessed 18.11.2016).
4. Gabuev A. Arktika – kriterii istiny [The Arctic – a criterion of truth]. *Kommersant" = Kommersant,* 18.07.2008. Available at: http://www.kommersant.ru/doc/913508 (accessed 21.11.2016).
5. *Kanada na poroge 80-kh godov: Ekonomika i politika* [Canada on the verge of 80-ies: Economics and Politics]. Ed. Bagramov L. A. Moscow: Nauka, 1979, 399.
6. Huebert R. Renaissance in Canadian Arctic security? *Canadian Military Journal*, 6, no. 4 (2005 – 2006): 17 – 29.
7. *Speech from the Throne to Open the Second Session of the Thirty-Sixth Parliament of Canada*. October 12, 1999. Available at: http://lop.parl.gc.ca/ParlInfo/Documents/ThroneSpeech/36-2-e.html (accessed 18.11.2016).
8. *The Northern Dimension of Canada's Foreign Policy*. Ottawa: Department of Foreign Affairs and International Trade, 2000. Available at: http://gac.canadiana.ca/view/ooe.b3651149E/12?r=0&s=3 (accessed 21.11.2016).
9. Bayers M. Re-packaging Arctic sovereignty. *Ottawa Citizen*, 05.08.2009. Available at: http://byers.typepad.com/arctic/2009/08/re-packaging-arctic-sovereignty.html (accessed 21.11.2016).
10. Lystcev M. S. Arkticheskaia politika severoamerikanskikh gosudarstv v XXI v. [The Arctic policy of the North American States in the XXI Century]. *Regionologiia = Regionology*, no. 3(88) (2014): 21 – 29.
11. Graff J. Arctic: Fight for the Top of the World. *Time*, 01.10.2007, 31.

УДК 94 (470)"1971/1991":32:930"20"

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ 1970-Х ГГ. – НАЧАЛА XXI В. ОБ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ 1971 – 1991 ГГ.

***Маргарита В. Казьмина*[1, @1], *Владимир Н. Казьмин*[1, @2]**

[1] *Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@1] *Rita-KMV@yandex.ru*
[@2] *Vladkaz231@yandex.ru*

Поступила в редакцию 18.05.2016.
Принята к печати 16.09.2016.

Ключевые слова: историография, идейное воспитание, методологическая революция, инакомыслие.

Аннотация: В статье рассматриваются основные этапы историографии идейно-политической жизни России в 1971 – 1991 гг. Авторы выделяют два этапа историографии проблемы: 1971 – конец 1980-х – начало 1990-х гг.; конец 1980-х – начало 1990-х гг. – начало XXI в. Для первого этапа характерен методологический монизм. Основное внимание исследователи уделяли проблемам пропаганды марксистско-ленинской идеологии, идейно-политическому воспитанию советских граждан. Второй этап историографии получит название методологической революции. Произойдет критическая переоценка пройденного советским государством исторического пути. Основное внимание в исторических исследованиях времени перестройки историки уделят таким проблемам как: диссидентство, протестное движение, деятельность неформальных организаций. В статье анализируется историография инакомыслия и делается вывод, что созданная исследователями научная база может служить основой для дальнейшего изучения этой темы.

Для цитирования: Казьмина М. В., Казьмин В. Н. Отечественная историография 1970-х гг. – начала XXI в. Об идейно-политической жизни России 1971 – 1991 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 50 – 57. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-50-57.

В основу историографического обзора положен проблемно-хронологический подход. В статье выделено два историографических этапа. Первый этап включает хронологические рамки 1971 – конец 1980-х гг.; второй – конец 1980-х гг. – начало XXI века. Основными критериями «водораздела» этапов являются изменения методологических подходов и проблематики исторических исследований.

В рамках первого этапа большое внимание советские обществоведы и историки уделяли вопросам идеологии, идейно-политического воспитания. В силу идеологического монополизма методологические установки ученые искали и находили в трудах классиков марксизма-ленинизма, решениях партийных съездов и выступлениях высших партийных руководителей.

Советские обществоведы считали, что главным направлением идеологической работы партийных организаций является идейно-политическое воспитание. Структура этой системы включала разнообразные формы политического образования советских граждан, средства массовой пропаганды и агитации. Повышению эффективности этих форм был посвящен ряд монографий.

Например, в книге В. Г. Байковой «Идеологическая работа КПСС в условиях развитого социализма. Некоторые вопросы теории и практики» раскрывается содержание форм политического воспитания, определяются пути повышения их эффективности. Необходимо отметить, что в данной монографии содержится и региональный материал, в том числе и по Западной Сибири [1].

Жесткая методологическая предопределенность характеризует исторические исследования этого периода. Особенно это касается теоретических работ, посвященных идеологической, идейно-политической работе КПСС. Теоретико-методологической основой данных трудов являлась концепция развитого социализма с обоснованием идеи бескризисного развития советского общества в духовной сфере [2].

Этот методологический постулат характеризует научную литературу, посвященную идейно-политическому воспитанию различных социальных слоев советского общества, особенно рабочему классу. В монографиях отмечались лишь положительные изменения в духовной жизни различных отрядов рабочего класса [3].

В серии книг «Развитой социализм» обществоведы регулярно анализировали социально-политические и идеологические составляющие жизни советского общества. Ряд ученых изучает содержание отдельных форм идейно-политического воспитания и определяет принципы пропаганды. Количественный набор принципов пропаганды у исследователей разный. Одни выделяют партийность, конкретно-исторический подход, единство воспитательной и преобразующей деятельности людей [4]. Другие к ним добавляют научность, правдивость, связь с жизнью, системность, последовательность, непрерывность, оперативность, наступательность, убедительность и доходчивость [5, с. 312].

В отечественной историографии 1980-х гг. аргументировано прозвучал вывод о выделении в первой половине 1980-х гг. в идеологической работе КПСС самостоятельного направления – контрпропаганды. Ученые обращаются к решениям Июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС определившего необходимость «широко развернуть на-

ступательную контрпропагандистскую работу не только на международной арене, но и внутри страны» [6, с. 52].

Начинают публиковаться исследования по этой тематике. В них раскрывается содержание контрпропаганды, особенности идеологической борьбы на современном этапе, критика исследований западных ученых по истории КПСС. Институт научной информации по общественным наукам Академии наук СССР под грифом «Для служебного пользования» публиковал сборники информационных материалов для партийного руководства и пропагандистов [7].

В рамках данного направления массовыми тиражами распространялась литература по дискредитации зарубежных спецслужб и диссидентов внутри страны. Например, книга историка, профессора Н. Н. Яковлева «ЦРУ против СССР» [8]. Большое внимание в ней уделялось разоблачению антисоветской деятельности А. Д. Сахарова и А. И. Солженицына.

В общественно-политической литературе нашла отражение и тема массово-политической работы КПСС, особенно устной политической агитации. Данные работы отличало широкое использование результатов социологических опросов рабочих промышленных предприятий [9]. Однако стоит отметить, что публикации являлись продуктом своего времени. Исследователи работали с теми источниками, которые были им доступны, выполняя указания высших партийных инстанций об освещении советской системы только с положительной стороны. К числу заслуг такого рода изданий можно отнести введение в оборот значительного фактического материала, результатов социологических исследований, выявление отдельных негативных тенденций в системе идейного воспитания советских граждан. С ослаблением идеологического диктата наработки части ученых будут востребованы в научном сообществе.

В историографии был обоснован вывод о том, что в начале перестройки улучшение идейно-политической работы КПСС связывалось с развитием демократии и изменениями, происходившими внутри партии [10].

Последующее развитие демократизации и гласности предоставит обществоведам и историкам большие творческие возможности. Начнется процесс критического отношения к истории, в том числе и роли идеологии в становлении советского государства. Одной из главных дискуссионных тем станет проблема альтернативности в истории страны. Хотя в начале перестройки закономерность социалистического выбора не оспаривалась [11]. По мере изменения политической ситуации социалистический выбор, идеология марксизма-ленинизма становятся главным предметом дискуссий среди ученых и широкого круга интеллигенции [4].

Одни обществоведы считали, что возможна трансформация государственно-бюрократического социализма в гуманно-демократическую модель общества [12]. Другие – отрицали возможность реализовать на практике марксистские идеи государственного устройства [13, с. 9 – 42].

В центре дискуссий были вопросы о методологическом и идейном плюрализме. Этому была посвящена статья Ю. Н. Афанасьева «Перестройка и историческое знание» [14, с. 491 – 506].

Активно занимались проблемами изучения идейно-политической жизни страны историки Западной Сибири. Для их исследований были характерны все выше обозначенные черты [15, с. 170]. В период перестройки критический анализ системы идейно-политического воспитания в регионе усилился. Как и в общероссийском масштабе этому способствовали политика гласности и расширение источниковедческой базы. Начинают печататься статьи о негативных процессах в системе политического просвещения и агитационно-пропагандистской работе. В них говорилось об отрыве пропаганды от реальной жизни, догматизме, отсутствии дискуссий, несоответствии слова и дела. В частности, такой подход характерен для В. П. Машковского [16, с. 147 – 150].

В статьях историков Западной Сибири писалось о необходимости освещения событий с позиций «всей правды». По мнению профессора Н. П. Шуранова: «Принцип правдивости требует глубокого анализа и негативных сторон, противостоящих факторов. Лишь рассмотрение положительных и отрицательных факторов и тенденций, исследование их борьбы и взаимосвязи дает возможность выявить закономерности, наблюдавшиеся в историческом процессе» [17, с. 5].

Историографию конца 1980-х гг. следует определить как переходное время в освещении ранее закрытых проблем, в том числе и в идейно-политическом воспитании советских граждан.

С конца 1980-х гг. начинается новый этап в развитии историографии в стране. Со временем он получит справедливое определение «методологической революции» [18]. Обществоведы и историки продолжили дискуссии по вопросам социалистического выбора, роли марксистско-ленинской идеологии, методологическом плюрализме. Особенность данного историографического этапа – усиление критической направленности многих публикаций в отношении марксистской теории и методологии, практики идейного воспитания советских граждан. В книге А. Ципко «Насилие лжи, или как заблудился призрак» говорилось, что «ленинская первоначальная концепция социализации России была дорогой в никуда» [19, с. 4]. А. Ципко писал: «Коммунистическая идеология породила за семьдесят лет столько чудовищ, сколько частнособственническая цивилизация не сумела породить за три века» [19, с. 9]. Именно в марксизме А. Ципко видел доктринальные причины застоя в экономике и политической жизни.

Критика марксистско-ленинской доктрины и практика её реализации была продолжена. Среди авторов сборника статей «Погружение в трясину. (Анатомия застоя)» были писатели, ученые, историки, бывшие диссиденты. Ключевая идея этой работы – «эпоха "застоя" закономерное наследие массового насилия над народом, неудачных попыток реформирования общества, исчерпания его моральных ресурсов» [20, с. 4]. К данной точке зрения присоединится А. Н. Яковлев, один из идеологов перестройки, который напишет книгу, где марксизм объявит утопией, «неорелигией», идеологией насилия и нетерпимости [21].

У непримиримых критиков марксизма-ленинизма и практики идейного воспитания советских граждан появились и оппоненты. Последовательным защитником советской цивилизации и идеологии является политолог С. Кара-Мурза. В своих книгах он много внимания уделяет проблемам манипулирования сознанием, идейно-психологической войне против советских граждан в 1970 – 1990-е гг. Автор считает, что была разработана антисо-

ветская программа. Одной из её фаз являлась «перестройка Горбачева, в ходе которой была разрушена надстройка советского жизнеустройства, после чего бригада Ельцина смогла демонтировать и базис советского общества» [22, с. 443].

Ещё одной особенностью историографии данного этапа является изменение тематики исследований. Доминирующее значение начинает придаваться анализу таких проблем, как диссидентство, история создания новых политических сил и структур в условиях перестройки, выборные кампании, работа средств массовой информации, формирование новой политической элиты и др. В данной статье авторы рассмотрят лишь историографию диссидентства в России.

Историография инакомыслия (диссидентства) включает в себя несколько направлений. Основу ее составляют разнообразные труды самих участников этого движения, прежде всего правозащитников. В их публикациях содержится интересный фактический материал, раскрывающий мотивы их участия в диссидентском движении.

Правозащитники издают ряд работ по истории диссидентства в СССР. Особый интерес представляет книга Л. М. Алексеевой «История инакомыслия в СССР: Новейший период». Автор подробно рассматривает все направления деятельности диссидентов, в том числе и правозащитников. В книге содержится материал и о региональных диссидентских организациях. Данная работа закладывает основы для понимания причин и содержания диссидентского движения в СССР.

В силу специфики данного исследования необходимо выделить работы идеологов различных идейных течений диссидентства – А. Д. Сахарова [23], А. И. Солженицына [24], И. Шафаревича [25], Р. Медведева [26]. Они были представителями разных концепций переустройства страны: А. Д. Сахаров – сторонником конвергенции; А. И. Солженицын, И. Шафаревич – российского возрождения; Р. Медведев – демократического социализма. Общее, что их объединяло, – борьба с господствовавшей в стране идеологией.

С началом 1990-х гг., когда произошла смена политического режима, начинается период научного осмысления диссидентства российскими историками. Существенный вклад в понимание процессов идейной борьбы в советской истории вносит коллективная монография «Власть и оппозиция. Российский политический процесс в XX столетии» [27].

По мере накопления источниковедческой базы появляются центры исследования инакомыслия. В этой связи особо следует выделить деятельность общества «Мемориал», архива Сахарова (открылся в 1994 г.), музея и общественного центра им. Андрея Сахарова (открылся в 1996 г.).

Общество «Мемориал» с конца 1990-х гг. начинает планомерно изучать тему «История диссидентов в СССР». Оно издает ряд документальных и исследовательских сборников. Значительный вклад в освещение вопросов инакомыслия внес руководитель программы А. Ю. Даниэль [28, с. 217 – 262].

Большое значение популяризации взглядов диссидентов, особенно А. Д. Сахарова, придают сотрудники архива, музея и общественного центра А. Сахарова, которые ежегодно проводят конкурсы, семинары-уроки для учителей и школьников по проблемам политических репрессий, издают методическую литературу [29].

В московских вузах (Российский государственный гуманитарный университет) начинают читаться курсы лекций и издаваться материалы по проблемам диссидентства [30]. Чтение и издание материалов по спецкурсам истории правозащитного движения практикуется и в некоторых регионах Западной Сибири [31].

В Московском государственном педагогическом университете, с середины 1990-х гг., возникает научное направление по исследованию инакомыслия под руководством профессора А. А. Данилова, который одним из первых в России рассмотрел проблему инакомыслия в историко-хронологическом плане. В своей монографии «История инакомыслия в России. Советский период. 1917 – 1991 гг.» он отмечает, что на инакомыслие в России повлияли два аспекта – роль государства и особенности менталитета. Автор монографии отметил: «Инакомыслие – это общественное явление, выражающееся в особом мнении меньшинства общества по поводу официальной или господствующей идеологии, политической, экономической системы, этических и эстетических норм, составляющих основу жизни данного общества» [32, с. 17].

В рамках данного научного направления были изданы монографии и защищены кандидатские и докторские диссертации. Особый интерес вызывает докторская диссертация Л. А. Королевой, в которой дан комплексный анализ диссидентского движения в СССР, приведен интересный фактический материал. Для работ исследователя характерно свое видение содержания этапов и течений в диссидентском движении.

Л. А. Королева обращается к определению содержания терминов «диссидентство» и «нонконформизм». Она считает, что «нонконформизм» означает несогласие на бытовом уровне (начальная стадия протеста). Диссидентство имеет более широкий смысл. Это сочетание инакомыслия и инакодействия [33, с. 5 – 7]. Для нас представляется актуальным третий раздел докторской диссертации Л. А. Королевой «Теоретические концепции и политические программы движения диссидентства», где анализируются установки различных течений инакомыслия.

Проблема инакомыслия нашла свое отражение и в докторской диссертации С. И. Никоновой, один из разделов которой, посвящен трансформации советской идеологической системы в условиях внутренней и внешней конфронтации. Однако некоторые положения исследователя являются спорными. Например это касается вывода о том, что в идеологической работе в 1965 – 1985 гг. «…главное место занимает деятельность Комитета Государственной Безопасности» [34, с. 26].

В ряде работ содержится и критическое отношение к диссидентам. Так, С. Кара-Мурза считает, что это были «полуформальные организации активных антисоветских деятелей», тесно связанных и со спецслужбами Запада, и с Комитетом Государственной безопасности в СССР [22, с. 234].

С. Кара-Мурза опровергает распространенную точку зрения о том, что в силу малочисленности диссидентство не повлияло на массовое сознание советских граждан. Он считает: «Реально действительность диссидентов постоянно присутствовала в сознании практически всей интеллигенции, в особенности партийно-государственной элиты. Тот факт, что она непосредственно не достигала крестьян и в малой степени достигала рабочих, дела не меняет

– идеи диссидентов до этих массивных групп населения доводили агрономы и учителя, врачи и инженеры.

Второе важное обстоятельство, которое часто упускается из виду, состоит в том, что диссиденты работали в системном взаимодействии с пропагандистской машиной Запада. …Без участия диссидентов – «наших», изнутри советского общества, пропаганда «оттуда» потеряла бы большую часть своей силы. Диссиденты с «Голосом Америки» вместе составили систему с сильнейшим кооперативным эффектом, а в такой системе бессмысленно оценивать силу по количественным размерам отдельных элементов» [22, с. 234 – 235].

Интерес к проблеме инакомыслия замечен и на региональном уровне. Инакомыслие на Урале рассматривается в докторской диссертации А. И. Прищепы. А. И. Прищепа справедливо отмечает, что демонтаж социально-политической системы предопределила идеократическая диктатура, господство моноидеологии. По его мнению, к концу 1970-х гг. среди правозащитников проявилась тенденция нарастания в их деятельности политических приоритетов, что вызвало усиление репрессивной политики со стороны власти [35, с. 6].

Социально-политическим протестам середины 1950-х – середины 1980-х гг. в Алтайском крае, Новосибирской и Томской областях посвящена кандидатская диссертация С. П. Волохова [36].

Первая глава его диссертации «Оппозиция по вопросам идеологии и политической жизни страны» содержит примеры инакомыслия в Западной Сибири в 1970-е – 1980-е гг. Автор считает, что в основном инакомыслие проявлялось в 1950 – 1960 гг. в Академгородке Новосибирска. В 1970-е гг. «политическая практика» региональных инакомыслящих состояла лишь в распространении самиздатовских материалов».

В своем исследовании С. П. Волохов приоритетное внимание уделил проявлениям недовольства советских граждан условиями жизни и труда и протестной активности национальных групп, верующих.

Примеры проявления инакомыслия в молодежной среде приводит и новосибирский историк А. Г. Борзенков, рассмотревший молодежную политику на востоке страны в 1960 – 1990 гг. [37]. Автор определил условия и факторы неформальной активности за длительный хронологический период. Значительное внимание было уделено роли студентов в развитии нетрадиционных форм политизированной самодеятельности.

А. Г. Борзенков делает вывод, что диссидентства в восточных регионах не было, а проявлялся нонконформизм. Автор определяет содержание этих терминов. Нонконформизм – «это проявление духовной и отчасти политической оппозиции к существующему строю» [38, с. 5]. Диссиденты, по мнению А. Г. Борзенкова, это лица, принимавшие участие в правозащитной деятельности, имевшей отчетливо оппозиционный политический подтекст.

Принимая точку зрения А. Г. Борзенкова, следует заметить, что политизация правозащитного движения начнет осуществляться на определенном этапе его развития. Это случится в середине 1970-х гг. с возникновением Московской Хельсинской Группы (МХГ).

А. Г. Борзенков уделил внимание таким формам активности молодежи, как «маевки» и «Интернедели» в новосибирском Академгородке. Он считал, что это было проявлением своеобразной молодежной субкультуры. Среди форм активности молодежи в конце 1980 – начале 1990-х гг. А. Г. Борзенков называл первомайские демонстрации, которые стали носить протестный характер. Однако следовало объяснить, почему во время перестройки они стали политизироваться. Авторы статьи считают, что данное явление было частью деятельности по структурированию сети ячеек антикоммунистической оппозиции.

Монография омского историка и политолога профессора С. Г. Сизова «XX век – не для камина: Историческая реконструкция судьбы репрессированного литератора Бориса Леонова» прослеживает сложный жизненный путь омского вольнодумца Б. Ф. Леонова [39]. Книга написана на основе большого документального материала, что позволяет проследить эволюцию общественно-политических взглядов Б. Ф. Леонова, его отношение к политическим процессам в стране, в том числе и в 1970-е гг.

Положительной чертой монографии является не только значительная источниковедческая база, но и уважительное, не равнодушное отношение автора к судьбе и взглядам Б. Ф. Леонова.

Интерес представляют и статьи новосибирского исследователя Е. Н. Савенко о функционировании самиздата во второй половине XX в. [40, с. 40 – 53; 41, с. 3 – 13], который анализирует процесс распространения листовок с экономическими и политическими требованиями с середины 50-х гг. XX в., в том числе и на территории Западной Сибири. Е. Н. Савенко отмечает факты связи московских правозащитников с интеллигенцией и учеными новосибирского Академгородка.

Примеры борьбы с инакомыслием в Кемеровской области содержатся в кандидатской диссертации В. В. Онищенко и воспоминаниях кузбасских сотрудников госбезопасности [42; 43].

Концентрация внимания на проблеме диссидентства заставила некоторых историков заговорить о «диссидентоцентризме». Известный историк В. Козлов отметил, что не находит освещения такая тематика, как формы протестного движения простого народа, особенно в регионах страны. По данной проблеме он опубликовал ряд исследований. Следует согласиться с выводом автора о том, что «…в инкубаторах брежневского застоя подрастало счастливое дитя модернизации – индивидуализм» [44, с. 443].

Таким образом, тематика инакомыслия во времена перестройки нашла освещение в трудах исследователей, которые к настоящему времени создали основательную базу для дальнейшего изучения и осмысления данной проблематики [45]. Вместе с тем эти труды носили локализованный характер или в содержательном, или в хронологическом плане. То есть изучалась какая-то проблема без взаимосвязи с другими, что приводило к разрыву в историческом понимании причинно-следственных связей событий.

Предшествующие перестройке годы (1970-е – начало 1980-х) в значительной степени оказались вне глубокого анализа ученых в контексте последующего исторического процесса, а именно здесь формировались основные противоречия в системе идейного воспитания советских граждан. Более емкое понимание взаимосвязи этих периодов может помочь исследователям в полной мере реализовать принципы научности, объективности и историзма.

Литература

1. Байкова В. Г. Идеологическая работа КПСС в условиях развитого социализма. Некоторые вопросы теории и практики. М.: Мысль,1977. 214 с.
2. Касьяненко В. И. Развитой социализм: историография и методология проблемы. М.: Политиздат, 1976. 294 с.
3. Ворожейкин И. Е, Сенявский С. Л. Рабочий класс – ведущая сила советского общества. Вопросы методологии и историографии. М.: Политиздат, 1977. 374 с.
4. Если по совести: сб. статей. М.: Художественная литература, 1988. 400 с.
5. Партийное строительство. Научные основы партийной работы. Ч. 2. М.: Политиздат, 1985. 356 с.
6. Материалы Пленума ЦК КПСС, 14 – 15 июня 1983 г. М.: Политиздат, 1983. 80 с.
7. Идеологическая борьба и вопросы контрпропаганды в современных условиях: сб. научно-информационных материалов. М.: ИНИОН РАН, 1987. Вып. 5. 320 с.
8. Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР. М.: Молодая гвардия, 1983. 320 с.
9. Кузнецов Е. М. Политическая агитация: научные основы и практика. М.: Наука, 1978. 364 с.
10. Леонова Л. С. Очерки истории идеологической деятельности КПСС. М.: Политиздат, 1985. 521 с.
11. Волобуев П. В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М.: Политиздат, 1987. 312 с.
12. Бутенко А. П. Современный социализм. М.: Политиздат, 1989. 408 с.
13. Социализм: между прошлым и будущим / под ред. О. Т. Богомолова. М.: Прогресс, 1989. 424 с.
14. Иного не дано. М.: Прогресс, 1989. 680 с.
15. Страницы истории КПСС. Факты. Проблемы. Уроки. Кн. 2. М.: Высшая школа, 1989. 704 с.
16. Машковский В. П. Деятельность организации общества «Знание» на предприятиях угольной промышленности Кузбасса в 70 – 80-е годы // Традиции героических лет. Кемерово: КемГУ, 1986. С. 112 – 121.
17. Исторический опыт социалистического преобразования и дальнейшего развития Кузбасса. Кемерово: Кемеровский госуниверситет, 1989. 229 с.
18. Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века: курс лекций. Вып. 3. Историографическая революция. Томск: изд-во Том ун-та, 2008. 178 с.
19. Ципко А. Насилие лжи, или как заблудился призрак. М.: Молодая гвардия, 1990. 271 с.
20. Погружение в трясину. М.: Прогресс,1991. 704 с.
21. Яковлев А. Н. Горькая чаша. Большевизм и Реформация России. Ярославль: Верх-Волж. кн. изд-во, 1994. 461 с.
22. Кара-Мурза С. Советская цивилизация. От великой победы до наших дней. Кн. 2. М.: Алгоритм, 2002. 768 с.
23. Сахаров А. Д. Собрание сочинений. Тревога и надежда (Статьи, письма, выступления, интервью). Т. 1. 1958 – 1986. М.: Время, 2006. 336 с.
24. Солженицын А. И. Жить не по лжи // Погружение в трясину. М.: Прогресс, 1991 С. 698 – 701.
25. Шафаревич И. Путь из-под глыб. М.: Современник, 1991. 287 с.
26. Политический дневник. Т. 1 – 2 / ред. Р. Медведев. Амстердам: Фонд им. Герцена, 1972. 396 с.
27. Аксютин Ю. В., Волобуев О. В., Данилов А. А., Доброхотов Л. Н. Власть и оппозиция. Российский политический процесс в XX столетии. М.: РОССПЭН, 1995. 400 с.
28. Даниэль А. Ю. Диссидентская активность и правозащитное движение в послесталинскую эпоху // История политических репрессий и сопротивление несвободе в СССР. М.: Мосгосархив, 2002. С. 217 – 262.
29. История политических репрессий и сопротивление несвободе в СССР. М.: Мосгосархив, 2002. Вып. 1. 504 с.
30. Безбородов А. Б., Майер М. М., Пивовар Е. И. Материалы по истории диссидентского и правозащитного движения в СССР 50 – 80-х годов: учебное пособие для студентов по курсу отечественной Истории новейшего времени. М.: РГГУ, 1994. 154 с.
31. Казьмин В. Н. От правозащитного движения к многопартийности в России. Кемерово: Кемеровский госуниверситет, 1997. 109 с.
32. Данилов А. А. История инакомыслия в России. Советский период. 1917 – 1991 гг. Уфа: Восточный университет, 1995. 107 с.
33. Королева Л. А. Власть и диссидентство (1950 – 1980 гг.): автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2001. 43 с.
34. Никонова С. И. Государственная политика в области идеологии и культуры в контексте советской действительности (середина 60-х – середина 80-х гг. XX века): автореф. дис. … д-ра ист. наук. Казань, 2009. 44 с.
35. Прищепа А. И. Инакомыслие на Урале (середина 1940 – середина1980-х гг.): автореф. дис. … д-ра ист. наук. Сургут, 1999. 43 с.
36. Волохов С. П. Социально-политические протесты середины 1950-х-середины 1980-х гг. (на материалах Алтайского края, Новосибирской и Томской областей): автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2002. 24 с.
37. Борзенков А. Г. Молодежь и политика: возможности и пределы студенческой самодеятельности на востоке России (1961 – 1991 гг.). Новосибирск: НГУ, 2002. Ч. 1. 241 с.
38. Борзенков А. Г. Молодежь и политика: возможности и пределы студенческой самодеятельности на востоке России (1961 – 1991 гг.). Новосибирск: НГУ, 2003. Ч. 2. 246 с.
39. Сизов С. Г. «XX век – не для камина»: Историческая реконструкция судьбы репрессированного литератора Бориса Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. 412 с.
40. Савенко Е. Н. Национальный самиздат в Сибири во второй половине XX века // Книга в эпоху общественных трансформаций: этапы и итоги развития книжной культуры на Востоке России в 60-е годы XX века – начале XXI века. Новосибирск, 2007. С. 3 – 13.

41. Савенко Е. Н. На пути к свободе слова: общественно-политический самиздат в Сибири от «оттепели» до «перестройки» // Книжная культура на Востоке России: от традиции к модернизации (60-е гг. XX – нач. XXI вв.). Новосибирск, 2006. С. 40 – 53.

42. Онищенко В. В. Образование и деятельность советских органов государственной безопасности в Кемеровской области (1943 – 1991 гг.): дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 2010. 305 с.

43. Служение Отечеству. Воспоминания, статьи, документы. 1917 – 2005 / авт.-сост. В. В. Онищенко. Кн. 2. Кемерово: Управление КГБ по Кемеровской области, 2005. 896 с.

44. Козлов В. А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти. 1953 – 1985 гг. М.: Олма-пресс, 2006. 448 с.

45. Казьмин В. Н. Идейно-политическая ситуация в России в 1971 – 1991 гг. (Центр и регионы Западной Сибири): дис. … д-ра ист. наук. Кемерово, 2010. 532 с.

RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE 1970-S – EARLY XXI CENTURY ON THE IDEOLOGICAL AND POLITICAL LIFE OF RUSSIA IN 1971 – 1991

Margarita V. Kazmina[1, @1], Vladimir N. Kazmin[1, @2]

[1] Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000
[@1] Rita-KMV@yandex.ru
[@2] Vladkaz231@yandex.ru

Received 18.05.2016.
Accepted 16.09.2016.

Keywords: historiography, ideological education, a methodological revolution, dissidence.

Abstract: The article considers the main stages of the historiography of the ideological and political life of Russia in 1971 – 1991, the authors distinguish two stages of the historiography problems: 1971 – late 1980s – the beginning of 1990s; end 1980s – the beginning of 1990s – beginning of XXI century. The first stage is characterized by methodological monism. The main attention of researchers was paid to the problems of propaganda of Marxist-Leninist ideology, ideological and political education of Soviet citizens. The second phase of historiography was methodological revolution when there a critical re-evaluation of the historical way the Soviet State had passed took place. The main focus of historical research during Perestroika was on such problems as: dissidence, protest movement, the activities of informal organizations. The article analyzes the historiography of dissidence and concludes that researchers created a scientific base that can serve as a basis for further study of this topic.

For citation: Kazmina M. V., Kazmin V. N. Otechestvennaia istoriografiia 1970-kh gg. – nachala XXI v. Ob ideino-politicheskoi zhizni Rossii 1971 – 1991 gg. [Russian Historiography of the 1970-s – Early XXI century on the Ideological and Political Life of Russia in 1971 – 1991]. *Bulletin of Kemerovo State University,* 2017; (2): 50 – 57. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-50-57.

References

1. Baikova V. G. *Ideologicheskaia rabota KPSS v usloviiakh razvitogo sotsializma. Nekotorye voprosy teorii i praktiki* [Ideological work of the CPSU in the conditions of developed socialism. Some issues of theory and practice]. Moscow: Mysl’, 1977, 214.

2. Kas'ianenko V. I. *Razvitoi sotsializm: istoriografiia i metodologiia problem* [Developed socialism: historiography and methodology problems]. Moscow: Politizdat, 1976, 294.

3. Vorozheikin I. E, Seniavskii S. L. *Rabochii klass – vedushchaia sila sovetskogo obshchestva. Voprosy metodologii i istoriografii* [The working class is the leading force of Soviet society. Issues of methodology and historiography]. Moscow: Politizdat, 1977, 374.

4. *Esli po sovesti* [If you honestly]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1988, 400.

5. *Partiinoe stroitel'stvo. Nauchnye osnovy partiinoy raboty* [The party building. The scientific basis of party work]. Moscow: Politizdat, 1985, Part 2, 356.

6. *Materialy Plenuma TsK KPSS, 14 – 15 iiunia 1983 g.* [Materials of the Plenum of the CPSU Central Committee, 14 – 15 June 1983]. Moscow: Politizdat, 1983, 80.

7. *Ideologicheskaia bor'ba i voprosy kontrpropagandy v sovremennykh usloviiakh* [The ideological struggle and questions of counter-propaganda in the modern world]. Moscow: INION RAN, Iss. 5 (1987): 320.

8. Iakovlev N. N. *TsRU protiv SSSR* [CIA against the Soviet Union]. Moscow: Molodaia gvardiia, 1983, 320.

9. Kuznetsov E. M. *Politicheskaia agitatsiia: nauchnye osnovy i praktika* [Political propaganda: scientific principles and practice]. Moscow: Nauka, 1978, 364.

10. Leonova L. S. *Ocherki istorii ideologicheskoi deiatel'nosti KPSS* [Essays on the history of the ideological activities of the Communist party]. Moscow: Politizdat, 1985, 521.

11. Volobuev P. V. *Vybor putei obshchestvennogo razvitiia: teoriia, istoriia, sovremennost'* [The choice of paths of social development: theory, history, modernity]. Moscow: Politizdat, 1987, 312.

12. Butenko A. P. *Sovremennyi sotsializm* [Modern socialism]. Moscow: Politizdat, 1989, 408.

13. *Sotsializm: mezhdu proshlym i budushchim* [Socialism: between past and future]. Ed. Bogomolov O. T. Moscow: Progress, 1989, 424.

14. *Inogo ne dano* [No other way]. Moscow: Progress, 1989, 680.

15. *Stranitsy istorii KPSS. Fakty. Problemy. Uroki* [Pages of history of the CPSU. Facts. Problems. Lessons]. Moscow: Vysshaia shkola, 1989, Book 2, 704.

16. Mashkovskii V. P. Deiatel'nost' organizatsii obshchestva «Znanie» na predpriiatiiakh ugol'noi promyshlennosti Kuzbassa v 70 – 80-e gody [The organization of society "Knowledge" at the enterprises of coal industry of Kuzbass in the 70 – 80-ies]. *Traditsii geroicheskikh let* [The traditions of the heroic years]. Kemerovo: KemGU, 1986, 112 – 121.

17. *Istoricheskii opyt sotsialisticheskogo preobrazovaniia i dal'neishego razvitiia Kuzbassa* [The historical experience of socialist transformation and further development of Kuzbass]. Kemerovo: Kemerovskii gosuniversitet, 1989, 229.

18. Mogil'nitskii B. G. *Istoriia istoricheskoi mysli 20 veka. Vyp. 3. Istoriograficheskaia revoliutsiia* [History of historical thought of the 20th century. Iss. 3. Historiographical revolution]. Tomsk: izd-vo Tom un-ta, 2008, 178.

19. Tsipko A. *Nasilie lzhi, ili kak zabludilsia prizrak* [Violence, lies, or like a lost Ghost]. Moscow: Molodaia gvardiia, 1990, 271.

20. *Pogruzhenie v triasinu* [Dive into the quagmire]. Moscow: Progress, 1991, 704.

21. Iakovlev A. N. *Gor'kaia chasha. Bol'shevizm i Reformatsiia Rossii* [The bitter Cup. Bolshevism and the reformation of Russia]. Iaroslavl': Verkh-Volzh. kn. izd-vo, 1994, 461.

22. Kara-Murza S. *Sovetskaia tsivilizatsiia. Ot velikoi pobedy do nashikh dnei* [Soviet civilization. From the great victory to the present day]. Moscow: Algoritm, 2002, Book 2, 768.

23. Sakharov A. D. *Sobranie sochinenii. Trevoga i nadezhda. (Stat'i, pis'ma, vystupleniya, interv'yu). T. 1. 1958 – 1986* [Works by Sakharov A. D. Alarm and hope. (Articles, letters, speeches, interviews). Vol. 1. 1958 – 1986]. Moscow: Vremia, 2006, 336.

24. Solzhenitsyn A. I. Zhit' ne po lzhi [Live not by lies]. *Pogruzhenie v triasinu* [Dive into the quagmire]. Moscow: Progress, 1991, 698 – 701.

25. Shafarevich I. *Put' iz-pod glyb* [The path from under the rubble]. Moscow: Sovremennik, 1991, 287.

26. *Politicheskii dnevnik* [Political diary]. Ed. and comp. Medvedev R. Amsterdam: Fond im. Gertsena, vol. 1 – 2 (1972): 396.

27. Aksiutin Iu. V., Volobuev O. V., Danilov A. A., Dobrokhotov L. N. *Vlast' i oppozitsiia. Rossiiskii politicheskii protsess v XX stoletii* [The government and the opposition. The Russian political process in the twentieth century]. Moscow: ROSSPEN, 1995, 400.

28. Daniel' A. Iu. Dissidentskaia aktivnost' i pravozashchitnoe dvizhenie v poslestalinskuiu epokhu [Dissident activism and human rights movement in the post-Stalin era]. *Istoriia politicheskikh repressii i soprotivlenie nesvobode v SSSR* [The history of political repressions and resistance to unfreedom in the USSR]. Moscow: Mosgosarkhiv, 2002, 217 – 262.

29. *Istoriia politicheskikh repressii i soprotivlenie nesvobode v SSSR* [The history of political repressions and resistance to unfreedom in the USSR]. Moscow: Mosgosarkhiv, Iss. 1 (2002): 504.

30. Bezborodov A. B., Maier M. M., Pivovar E. I. *Materialy po istorii dissidentskogo i pravozashchitnogo dvizheniia v SSSR 50 – 80-kh godov* [Materials on history of dissident and human rights movement in the USSR in 50 – 80 years]. Moscow: RGGU, 1994, 154.

31. Kaz'min V. N. *Ot pravozashchitnogo dvizheniia k mnogopartiinosti v Rossii* [From the civil rights movement to the multiparty system in Russia]. Kemerovo: Kemerovskii gosuniversitet, 1997, 109.

32. Danilov A. A. *Istoriia inakomysliia v Rossii. Sovetskii period. 1917 – 1991 gg.* [The history of dissent in Russia. The Soviet period. 1917 – 1991]. Ufa: Vostochnyi universitet, 1995, 107.

33. Koroleva L. A. *Vlast' i dissidentstvo (1950 – 1980 gg.).* Avtoref. diss. doktora ist. nauk [Power and dissidence. (1950 – 1980). Dr. hist. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2001, 43.

34. Nikonova S. I. *Gosudarstvennaia politika v oblasti ideologii i kul'tury v kontekste sovetskoi deistvitel'nosti (seredina 60-kh – seredina 80-kh godov XX veka).* Avtoref. diss. doktora ist. nauk [State policy in the field of ideology and culture in the context of Soviet reality (mid 60-x – mid 80-ies of XX century). Dr. hist. Sci. Diss. Abstr.]. Kazan', 2009, 44.

35. Prishchepa A. I. *Inakomyslie na Urale (seredina 1940 – seredina 1980-kh gg.).* Avtoref. diss. doktora ist. nauk [Dissent in the Urals (the middle of the 1940 – the middle of the 1980-ies). Dr. hist. Sci. Diss. Abstr.]. Surgut, 1999, 43.

36. Volokhov S. P. *Sotsial'no-politicheskie protesty serediny 1950-kh – serediny 1980-kh gg. (na materialakh Altaiskogo kraia, Novosibirskoi i Tomskoi oblastei).* Avtoref. diss. kand. ist. nauk [Socio-political protests of the mid-1950s – mid-1980s (on the materials of the Altai territory, Novosibirsk and Tomsk regions). Cand. hist. Sci. Diss. Abstr.]. Barnaul, 2002, 24.

37. Borzenkov A. G. *Molodezh' i politika: vozmozhnosti i predely studencheskoi samodeiatel'nosti na vostoke Rossii (1961 – 1991 gg.)* [Young people and politics: the possibilities and limits of student initiative in the East of Russia (1961 – 1991)]. Novosibirsk: NGU, Part 1 (2002): 241.

38. Borzenkov A. G. *Molodezh' i politika: vozmozhnosti i predely studencheskoi samodeiatel'nosti na vostoke Rossii (1961 – 1991 gg.)* [Young people and politics: the possibilities and limits of student initiative in the East of Russia (1961 – 1991)]. Novosibirsk: NGU, Part 2 (2003): 246.

39. Sizov S. G. *«XX vek – ne dlia kamina»: Istoricheskaia rekonstruktsiia sud'by repressirovannogo literatora Borisa Leonova* ["XX century not for fireplace": a Historical reconstruction of the fate of the repressed writer Boris Leonov]. Omsk: Izd-vo OmGPU, 2008, 412.

40. Savenko E. N. Natsional'nyi samizdat v Sibiri vo vtoroi polovine XX veka [National self-publishing in Siberia in the second half of the twentieth century]. *Kniga v epokhu obshchestvennykh transformatsii: etapy i itogi razvitiia knizhnoi kul'tury na Vostoke Rossii v 60-e gody XX veka – nachale XXI veka* [The book in the era of social transformations: phases and results of the development of book culture in the East of Russia in 60th years of the XX century – early XXI century]. Novosibirsk, 2007, 3 – 13.

41. Savenko E. N. Na puti k svobode slova: obshchestvenno-politicheskii samizdat v Sibiri ot «ottepeli» do «perestroiki» [On the way to freedom of expression: the socio-political samizdat in Siberia from the "thaw" before "perestroika"]. *Knizhnaia kul'tura na Vostoke Rossii: ot traditsii k modernizatsii (60-e gg. XX – nach. XXI vv.)* [Book culture in the East of Russia: from tradition to modernisation (the 60-ies of the XX – early XXI centuries)]. Novosibirsk, 2006, 40 – 53.

42. Onishchenko V. V. *Obrazovanie i deiatel'nost' sovetskikh organov gosudarstvennoi bezopasnosti v Kemerovskoi oblasti (1943 – 1991 gg.).* Diss. kand. ist. nauk [The education and activities of Soviet state security agencies in the Kemerovo region (1943 – 1991). Cand. hist. Sci. Diss.]. Kemerovo, 2010, 305.

43. *Sluzhenie Otechestvu. Vospominaniia, stat'i, dokumenty. 1917 – 2005* [The Service Of The Fatherland. Memories, articles, documents. 1917 – 2005]. Comp. Onishchenko V. V. Kemerovo: Upravlenie KGB po Kemerovskoi oblasti, 2005, Book 2, 896.

44. Kozlov V. A. *Neizvestnyi SSSR. Protivostoianie naroda i vlasti. 1953 – 1985 gg.* [Unknown USSR. The confrontation between the people and the government. 1953 – 1985]. Moscow: Olma-press, 2006, 448.

45. Kaz'min V. N. *Ideino-politicheskaia situatsiia v Rossii v 1971 – 1991 gg. (Tsentr i regiony Zapadnoi Sibiri).* Diss. doktora ist. nauk [The ideological and political situation in Russia in 1971 – 1991 (Center and regions of Western Siberia). Dr. hist. Sci. Diss.]. Kemerovo, 2010, 532.

УДК 93/94 (571.54/55)

СЪЕЗДЫ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННИКОВ ЗАБАЙКАЛЬЯ В 1898 – 1919 ГГ.

Владимир А. Маруев[1, @]

[1] *Забайкальский государственный университет, Россия, 672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30*
[@] *vamaruev@mail.ru*

Поступила в редакцию 23.01.2017.
Принята к печати 29.03.2017.

Ключевые слова: документальные материалы, съезды и проекты золотопромышленников, Забайкалье, социальная сфера, проблемы золотопромышленности, дорожная инфраструктура.

Аннотация: В статье проведен анализ проектов съездов золотопромышленников Забайкалья и переписка об организации этих съездов в 1898 – 1919 гг. Ряд документов Государственного архива Иркутской области (ГАИО) и Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК) рассматриваются впервые. Описана история возникновения и развития съезда золотопромышленников как самостоятельного учреждения. Отражена динамика роли съезда как органа, представлявшего коллективные интересы золотопромышленников. Выявляются противоречия между золотопромышленниками, возникающие при решении вопросов. Определяются основные интересы и проблемы золотопромышленников на рубеже XIX – XX вв. На основании документов по организации съездов исследуются положение рабочих, развитие медицинского дела, состояние путей сообщения на приисках. Делается вывод о ценности документов съездов для исследования вопросов социальных, технических и финансовых проблем золотодобычи. С помощью архивных данных рассмотрено влияние на золотодобычу участия России в русско-японской и Первой мировой войнах. Полученные результаты позволяют более детально исследовать историю золотодобычи Забайкалья.

Для цитирования: Маруев В. А. Съезды золотопромышленников Забайкалья в 1898 – 1919 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 58 – 61. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-58-61.

Добыча золота в конце XIX – начале XX вв. являлась основой промышленности Забайкалья. Развитие демократических институтов и рост добычи драгоценного металла вел к появлению представительных организаций предпринимателей, которыми стали съезды золотопромышленников. Их проектная документация не была полностью исследована и может содержать значительный объем ценной информации. В рамках данной работы предполагается показать на конкретных примерах круг вопросов, которые позволяет осветить имеющаяся документация.

Необходимо отметить результаты работы Н. А. Бушиной по исследованию вопросов, поднимаемых на заседаниях золотопромышленников и освещаемых на страницах сибирской печати второй половины XIX в. К концу века золотопромышленники первыми начали создавать свои организации. С 1897 г. проводились регулярно местные съезды, работало бюро совета или совет. Проводились съезды, как правило, в течение нескольких дней и решали 10 – 15 вопросов [1, с. 467]. Об этом писалось на страницах периодических изданий «Енисей» и «Восточное обозрение».

В процессе исследования были найдены проекты программных вопросов золотопромышленников Западно-Забайкальского горного округа и переписка об организации этих съездов в 1898 – 1919 гг. В 1898 г. круг вопросов был следующим: об улучшении быта рабочих на приисках; о ликвидации задатков рабочим; о выработке проекта правил для народных чтений на приисках; о свободной торговле спиртом на золотых приисках; о кредите для золотопромышленников. Съезд тогда не состоялся из-за неявки золотопромышленников [2, л. 1 – 1 об., 12 – 13 об.]. Примечательно, что некоторые золотопромышленники ставили целью улучшение быта рабочих. В то же время наглядно продемонстрировано, что основная их масса не считала нужным обсуждать эти вопросы.

Отдельно нужно остановиться на ликвидации системы задатков. Принцип найма рабочих на частные золотые прииски на рубеже XIX – XX вв. претерпел кардинальные изменения. В конце XIX в. преобладала система контрактов, заключаемых между работниками и золотопромышленниками с привлечением рабочих большими задатками, когда последние при найме получали 70 – 100 руб. с обязательством последующей отработки [3, л. 2 – 3 об.]. По приискам нерчинского купца 1-й гильдии, золотопромышленника М. Д. Бутина [4, с. 164 – 165] есть данные за операцию 1880 – 1881 гг., где значится, что взяло задатки и не явилось 128 человек, бежало с приисков – 34, и 17 без согласования с руководством прислали вместо себя других людей [5, л. 3 – 4]. В начале XX столетия контракт между предпринимателем и рабочим представляет уже реликт прошлого и заключался крайне редко [6, с. 67]. Вместо контракта отношения между предпринимателем и рабочим теперь регулировала «полюбовная сделка» [7, л. 52].

Данные о созыве следующего съезда относятся к 1906 г. Предполагалось рассмотреть проект правил о найме рабочих на частные золотые промыслы и следующие вопросы: 1) инструкции об организации и круге занятий съездов; 2) законоположение об укреплении и переходе прав на прииски и о закладе приисков. Из 17 приглашенных прибыло только 3. Вследствие чего было предложено золотопромышленникам представить их письменное мнение. Как видим, на данном этапе съезды занимались самоорганизацией и были малоинтересны для самих золотопромышленников.

Примечательно, что переписка о проведении съезда золотопромышленников предоставляет нам следующие дан-

ные окружного инженера: «за последние десятилетия промысел упал: главная проблема – войны с Китаем и Японией и постройка железных дорог … отвлекли массу рук и вызвали дороговизну припасов и обеднение промыслов» [2, л. 18]. Также из переписки видно, что раскладка особого сбора на содержание горной стражи зависела от количества добытого золота и годовых рабочих в течение операции на прииске. Есть сведения о том, что после перехода от хозяйских работ к золотничным – закрыто 3 школы в округе и церковь, существующая со средств отдельных золотопромышленников. Особо интересны рассуждения о том, что промыслы Восточно-Забайкальского горного округа располагались отдельно или небольшими группами в большинстве своем среди населенных пунктов, поэтому не имели надобности в специальных сборах на приисковые дороги, содержание церковных причт, почтовых сообщений и пр. Отмечается, что основные вопросы золотопромышленников в округе связаны с раскладками сборов на содержание горной стражи [2, л. 18 об.]. Архивные материалы здесь, помимо данных о сущности съездов, предоставляют информацию по состоянию дел в золотодобыче вообще. Важно, что отражено влияние внешнеполитических акций имперской России на положение дел в Забайкальской промышленности. Кроме того, анализируя документ можно сделать вывод о том, что хозяйские работы более социально ориентированные, чем золотничные.

Нужно отметить, что негативное влияние внешней политики России рубежа XIX – начала XX вв. на развитие отечественной золотодобычи также подтверждается данными современника событий А. Розенфарба: «к концу 90 гг. начали появляться на приисках китайцы… Русско-японская война довершила вопрос о русских рабочих. Русских на приисках стало мало. Китайцы заняли доминирующее положение» [8, с. 24]. Впоследствии вопрос о необходимости регулирования масштабов привлечения труда китайцев ставился на обсуждение съездом золотопромышленников в 1915 г. Участие России в Первой мировой войне привело к дальнейшему уменьшению доли русских рабочих на приисках [9, с. 78]. Однако внешнеполитические акции не являлись единственными факторами, влияющими на развитие рынка рабочей силы Забайкалья [10, с. 212 – 215].

7 декабря 1911 г. состоялся съезд золотопромышленников Восточного Забайкалья. В программе значились проекты:«1. об облегчении пользования лесом для нужд приисков, как из действующего на площади прииска, так и на окрестных землях, принадлежащих КЕИВ, о согласовании таксы на лес отдельных районов между собой; 2. об отмене удержания за сданное золото сумм до ста рублей Иркутской золотосплавочной лабораторией до получения расчета монетного двора; 3. об облегчении и увеличении ссуд под золото, выдаваемых Государственным банком, об отмене взимания при том векселей; 4. о кредите мелким золотопромышленникам со стороны Государственного банка; 5. о стеснительности применения полностью обязательного постановления Присутствия по горнозаводским делам при Иркутском горном управлении от 12 июня 1908 г.; 6. об уменьшении горной подати на золото с 5 % до 2,5 %; 7. о выборке промысловых свидетельств на приисковые амбары и об оплате расчетных книжек приисковых рабочих гербовым сбором; 8. Учреждение постоянного бюро совета съезда; 9. выбор должностных лиц; 10. выбор норм на право решающего голоса для первого и следующего съездов; 11. выборка сметы расходов и производство раскладов» [2, л. 36].

Таким образом, последний съезд был ориентирован на обсуждение сугубо хозяйственных вопросов золотопромышленников. В данном случае съезд действительно становился рабочим инструментом по отстаиванию интересов золотопромышленников перед государством.

В 1912 г. состоялся новый съезд. На этот раз проекты были следующими: «об охране золота и золотопромышленников на приисках; о праздновании 21 февраля 1913 г. юбилея 300-летия Романовых; о раскладе горнополицейского сбора на 1913 г.; о смете на съезд советов, о выборе должностных лиц съезда на 1913 г.; о назначении представителя от съезда в постоянную совещательную контору золото- и платинопромышленников на 1913 г.; об установлении норм на право решающего голоса в 1914 г.; об избрании членов ревизионной комиссии для рассмотрения отчетности за 1912 г.; об избрании членов той же комиссии на 1913 г.; о выборе членов порайонных технических комиссий для разбора споров между золотопромышленниками в вопросе пользования водою на золотых приисках в 1913 г. [2, л. 74 – 74 об.].

Помимо прочего из проектов золотопромышленников можно узнать какие возникали у них проблемы. Ставился вопрос об облегчении пользования лесом для нужд приисков как из растущего на площади прииска, так и на окрестных землях, принадлежащих КЕИВ, о согласовании таксы на лес отдельных районов между собой [2, л. 36]. 8 августа 1912 г. горный инженер Ковригин отмечал, что рыночная цена леса для нужд золотопромышленности должна быть ниже, чем для торговли [2, л. 87 – 89]. Из того же документа узнаем, что в 1911 г. окружной инженер подавал рапорт в Иркутское горное правление по поводу необходимости открытия кредита мелким золотопромышленникам, обосновывая это тем, что подготовительные работы, вскрытие торфов, разведка и заготовка материалов необходимо было делать осенью и зимой, а капиталы возвращались золотопромышленникам летом следующего года. Предлагалось открыть поблизости лаборатории [2, л. 71 – 71 об.].

Съезд 1913 г. содержал следующие проекты: по вопросу об исключении Главного управления Нерчинского округа (ГУНО) из торговой ведомости приисков, назначаемых к продаже с торгов частным лицам, для разработки средствами КЕИВ; о необложении вновь отведенных приисков подесятинною податью; по вопросу о продаже построек, зачисленных в ведение КЕИВ на приисках, отдельно от последних; по вопросам постоянной совещательной конторы; по вопросу о принятии мер против захватов местностей целыми районами посредством заявок со спекулятивными целями [2, л. 107 – 108]. В проекте отмечалось, что мелким золотопромышленникам золото поступает партиями по 200 руб. и его приходилось справлять в лабораторию, где удержание составляет до 50 %. Так 10 – 15 раз в год удерживалось суммы менее 100 руб., что составляло 1000 – 1500 руб. на 6 – 7 месяцев. Представлялось достаточным установить временное, до проверки расчета Монетным Двором, удержание с каждого сплава по рублю.

В 1914 г. проектов было больше: об обязательной предварительной оплате гербовым сбором заявок, подаваемых об открытии золотосодержащих площадей; о назначении ГУНО своего представителя на местный съезд

золотопромышленников; по вопросу об участии золотодобытчиков в удовлетворении нужд, связанных с настоящею отечественною войною; по вопросу об отводе площадей под прииски посредством магистрали, при ширине отвода более 150 саж.; об оставлении права пользования водопроводом, устроенным вне прииска, за организатором его строительства, даже если сама территория, на которой расположен водопровод, перешла в другое пользование; о бесплатном пользовании лесом, вырубаемым при проведении дорог и просек при отводе площадей под прииски на землях КЕИВ [2, л. 128].

В 1915 г. съезд ставил себе целью рассмотреть следующие проекты: об изменении границ района разрешенного для частной золотопромышленности Восточно-Забайкальского горного округа; о свободной выдаче лабораторией слитков золота с целью получения расчета по иностранной валюте через «Кредитную Канцелярию» или о назначении поощрительной премии за добытое с 1 января 1915 г. золото; возбуждение ходатайства о бесплатном пользовании лесом для нужд золотопромышленников, произрастающего как на отведенной территории так и около нее; о выдаче Государственным банком ссуд и оборотных средств для усиления добычи золота; о штрафовании золотопромышленников и их представителей за неявку на местные съезды; о открытии в Чите золотоплавильной лаборатории; о замене на приисках «желтого» труда русским и об участии в этом Забайкальского справочного бюро по рабочему вопросу; об урегулировании золотопромышленниками между собою платы за золото, добывающееся золотничниками; об исследовании золотопромышленности в Восточно-Забайкальском горном округе, выяснении нужд и способов удовлетворения их [2, л. 157 – 157 об.].

В 1917 г. для рассмотрения на съезде предлагались следующие проекты: о вознаграждении землевладельцев за земли поступившие под прииски и рудники; об военнообязанных, служащих и рабочих на приисках; о расчете казенной лабораторией за золото полностью; об увеличении премии за золото; об увеличении подесятинной подати за прииски и рудники; об упрощении порядка получения разрешений на приобретение взрывчатых материалов; об отнесении расходов на содержание горнополицейской стражи за счет казны; о путях сообщения и проведении телефонов; о переводе канцелярии съезда совета золотопромышленников в Читу; о расширении границ частной золотопромышленности; о выдаче лесным надзором ведомства КЕИВ лесорубочных тетрадей для записи леса; вырубаемого для надобностей золотых приисков и рудников; о нуждах подрядчиков кабинетских промыслов, примкнувших к съезду золотопромышленников [2, л. 193 – 194 об.].

В 1918 г. Баргузинский съезд поднял вопрос о необходимости слияния со съездом золотопромышленников Восточного Забайкалья. Тогда же золотопромышленники Восточно-Забайкальского горного округа на очередном съезде поставили на обсуждение следующие вопросы: о дальнейших взаимоотношениях между частными золотопромышленниками и подрядчиками Нерчинского округа; об отмене распоряжения временного правила о запрещении новых заявок и отводов в Восточно-забайкальском горном округе; вопрос обеспечения приисков продовольствием; изыскание средств на содержание читинских политехнических курсов; об издании протоколов внеочередного съезда золотопромышленников и подрядчиков в Чите 10 – 17 ноября 1917 г.; текущие дела.

В 1919 г. состоялся последний съезд. Его программа содержала такие проекты: доклад совета и утверждение отчета; доклады с мест; положение с подрядчиками бывшего Кабинета; утверждение сметы и раскладки на 1919 – 1920 гг.; выборы в члены совета и ревизионной комиссии; текущие дела [2, л. 253].

Исходя из вышеописанного, документы ГАИО по организации съездов золотопромышленников Забайкалья предоставляют ценную информацию для исследования. Помимо вопросов организации самих съездов документы содержат информацию о проблемах золотопромышленности конца XIX – начала XX вв., вызванных участием империи в войнах и связанные с революционными событиями. На основании проектов съездов можно утверждать о постепенном возрастании роли съездов в качестве органа коллективного решения вопросов забайкальской золотопромышленности, который мог взаимодействовать с государственной властью и предлагать консенсус. Съезды золотопромышленников являются индикатором интересов означенной группы лиц. Таким образом, возможно проследить интерес золотопромышленников к решению тех или иных вопросов. Если вопросы кредитной и налоговой политики, отвода приисков, организации общих сборов на горную стражу и почту, являлись интересными для всех золотопромышленников, то социальные вопросы либо игнорировались большинством, либо не имели решения по отсутствию денег. Также документы позволяют реконструировать некоторые частные исторические события, не имеющие отражения в других источниках.

Литература

1. Бушина Н. А. Заседания съездов золотопромышленников в освещении сибирской печати II-й половины XIX в. // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2007. С. 466 – 468.

2. Государственный архив Иркутской области. Ф. 135. Оп. ОЦ. Д. 27. 1898 – 1919 гг.

3. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 19. Оп. 1. Д. 38. 1870 г.

4. Константинова Н. Н. Бутин Михаил Дмитриевич // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: В 4 т. Новосибирск: Наука, 2000. Т. 2. С. 164 – 165.

5. ГАЗК. Ф. 301. Оп. 2. Д. 12. 1880 – 1881 гг.

6. Маруев В. А. Положение рабочих на частных золотых приисках Забайкальской области в начале XX столетия // Забайкалье историческое: материалы II региональной научно-практической конференции. Чита, 2013. С. 66 – 70.

7. ГАЗК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 137. 1909 г.

8. Розенфарб А. Золотопромышленность и ее нужды в Восточно-Забайкальском Горном Округе. Чита: типография Забайкальского областного правления, 1917. 30 с.

9. Маруев В. А. Золотодобыча Забайкалья в годы Великой войны // Молодежь Забайкалья: здоровая нация – устойчивое развитие региона: материалы XVII Международной молодежной научно-практической конференции: в 2-х ч. Ч. 2. Чита, 2015. С. 78 – 79.

10. Маруев В. А. Влияние строительства Забайкальской железной дороги на развитие золотодобычи в Забайкалье // Межрегиональный студенческий конвент «Молодежная научная весна: молодая наука Забайкальского Государственного университета на научной карте Байкальского региона и Дальнего Востока Российской Федерации»: материалы XLIII Международной научно-практической конференции: в 3-х ч. Ч. 2. Чита, 2016. С. 212 – 215.

THE CONGRESSES OF TRANSBAIKAL GOLD INDUSTRY ENTREPRENEURS IN 1898 – 1919

***Vladimir A. Maruev*[1,@]**

[1] *Transbaikal State University, 30, Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, Russia, 672039*
[@] *vamaruev@mail.ru*

Received 23.01.2017.
Accepted 29.03.2017.

Keywords: documentary materials, conventions and designs of gold, Transbaikalia, social sphere, problems of gold mining, road infrastructure.

Abstract: The article features an analysis of projects of congresses of gold miners in Transbaikal and correspondence concerning the organization of these congresses in 1898 – 1919. It is the first time a number of documents of the State Archive of Irkutsk region and the State Archive of the Transbaikal region have been examined. The article describes the history of the origin and development of the Congress of prospectors, as an independent institution. It illustrates the evolution of the role of the Congress as a body representing the collective interests of gold industry entrepreneurs. The article reveals contradictions between the gold miners they faced in addressing the issues. The research identifies the key interests and problems of gold miners at the turn of XIX – XX centuries On the basis of documents on the organization of congresses it examines the situation of workers, development of medical Affairs, the condition of routs of communication in the mines. The conclusion is made about the value of the documents of the congresses for the study of issues of social, technical and financial challenges of gold mining. The archival data reveal the effect of Russia's participation in the Russo-Japanese and First World wars on its gold production. The obtained results allow a more detailed study of the gold mining past of this region.

For citation: Maruev V. A. S"ezdy zolotopromyshlennikov Zabaikal'ia v 1898 – 1919 gg. [The Congresses of Transbaikal Gold Industry Entrepreneurs in 1898 – 1919]. *Bulletin of Kemerovo State University,* 2017; (2): 58 – 61. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-58-61.

References

1. Bushina N. A. Zasedaniia s"ezdov zolotopromyshlennikov v osveshchenii sibirskoi pechati II-I poloviny XIX v. [Meetings of the congresses of gold in the coverage of the Siberian print the II-nd half of XIX century]. *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik = Irkutsk Historical and Economic Yearbook* (2007): 466 – 468.

2. *Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti* [State archive of the Irkutsk region]. Found 135, List OC, File 27, 1898 – 1919.

3. *Gosudarstvennyi arkhiv Zabaikal'skogo kraia (GAZK)* [State archive of the Transbaikal region]. Found 19, List 1, File 38, 1870.

4. Konstantinova N. N. Butin Mikhail Dmitrievich [Butin Mikhail Dmitrievich]. *Entsiklopediia Zabaikal'ia: Chitinskaia oblast'* [Encyclopedia of Transbaikalie: Chita oblast]. Novosibirsk: Nauka, vol. 2 (2000): 164 – 165.

5. *Gosudarstvennyi arkhiv Zabaikal'skogo kraia* [State archive of the Transbaikal region]. Found 301, List 2, File 12, 1880 – 1881.

6. Maruev V. A. Polozhenie rabochikh na chastnykh zolotykh priiskakh Zabaikal'skoi oblasti v nachale XX stoletiia [The situation of workers in private gold mines of the Transbaikal region in the early XX century]. *Zabaikal'e istoricheskoe: materialy II regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Historical Transbaikalia: Proc. II Reg. Sc.-Prac. Conf.]. Chita, 2013, 66 – 70.

7. *Gosudarstvennyi arkhiv Zabaikal'skogo kraia* [State archive of the Transbaikal region]. Found 19, List 1, File 137, 1909.

8. Rozenfarb A. *Zolotopromyshlennost' i ee nuzhdy v Vostochno-Zabaikal'skom Gornom Okruge* [Gold mining and its needs in the Eastern Transbaikalie Mountain District]. Chita: tipografiia Zabaikal'skogo oblastnogo pravleniia, 1917, 30.

9. Maruev V. A. Zolotodobycha Zabaikal'ia v gody Velikoi voiny [Gold mining Transbaikalie during the Great War]. *Molodezh' Zabaikal'ia: zdorovaia natsiia – ustoichivoe razvitie regiona: materialy XVII Mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Young people of Transbaikalia: a healthy nation – sustainable development of the region: Proc. XVII Intern. youth Sc.-Prac. Conf.]. Chita, Part 2 (2015): 78 – 79.

10. Maruev V. A. Vliianie stroitel'stva Zabaikal'skoi zheleznoi dorogi na razvitie zolotodobychi v Zabaikal'e [The impact of the construction of the Transbaikal railway on the development of gold mining in Transbaikalie]. *Mezhregional'nyi studencheskii konvent «Molodezhnaia nauchnaia vesna: molodaia nauka Zabaikal'skogo Gosudarstvennogo universiteta na nauchnoi karte Baikal'skogo regiona i Dal'nego Vostoka Rossiiskoi Federatsii»: materialy XLIII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Student Convention "Youth academic spring: young science Zabaykalsky State University on the scientific map of the Baikal region and Far East of the Russian Federation": Proc. XLIII Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Chita, Part 2 (2016): 212 – 215.

УДК 94(571.1):021

РОЛЬ БИБЛИОТЕК ОБЩЕСТВА ПОПЕЧЕНИЯ О НАЧАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ В КУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ БАРНАУЛА (80-Е ГГ. XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

***Ирина Н. Никулина*[1, @1], *Маргарита Н. Потупчик*[2, @2]**

[1] *Алтайский государственный технический университет имени И. И. Ползунова, Россия, 656038, г. Барнаул, пр. Ленина, 46*
[2] *Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова, Россия, 656038, г. Барнаул, ул. Молодежная, 5*
[@1] *inikulina@mail.ru*
[@2] *p-mn@mail.ru*

Поступила в редакцию 25.01.2017.
Принята к печати 27.03.2017.

Ключевые слова: Общество попечения о начальном образовании, народно-школьные библиотеки, городская общественная библиотека, народные чтения, внешкольное образование

Аннотация: Изучение истории деятельности культурно-просветительских обществ, их влияния на социокультурное пространство провинциальных городов способствует целостному восприятию развития культуры как Сибири, так и России в целом. В статье рассмотрены вопросы, касающиеся создания и развития Общества попечения о начальном образовании в Барнауле, его библиотечно-просветительной деятельности. Общество возникло благодаря подвижнической деятельности видного общественного деятеля В. К. Штильке. Инициатива В. К. Штильке и других активных членов общества способствовала открытию школ для детей и воскресных школ для взрослых, упрочению народного образования через организацию библиотек, народных чтений, лекций, общедоступных спектаклей. Выявленные в ходе исследования основные направления, методы, формы, результаты образовательной работы, позволили сделать вывод о главенствующей роли Общества в деле внешкольного образования в Барнауле в 80-е гг. XIX в. – начале XX в. Обоснован вывод о значительном влиянии библиотек Общества на распространение книжной культуры среди широких масс населения.

Для цитирования: Никулина И. Н., Потупчик М. Н. Роль библиотек Общества попечения о начальном образовании в культурном развитии Барнаула (80-е гг. XIX – начало XX вв.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 62 – 66. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-62-66.

История культурно-просветительской деятельности в Сибири второй половины XIX – начала XX вв. включает в себя историю распространения образования, в том числе внешкольного, развития литературного и художественного творчества, организации культурного отдыха населения. Важную роль в развитии сибирского просвещения играла «частная инициатива» в лице различных обществ культурно-просветительской направленности. В Сибири в этот период широкое распространение получили организации в виде благотворительных обществ попечения о начальном образовании. Первое Общество попечения о начальном образовании было открыто в 1882 г. в г. Томске П. И. Макушиным, и уже к началу XX в. на территории за Уралом насчитывалось 15 организаций, имеющих такое же название [1, с. 24]. На Алтае культурное развитие в 80-х гг. XIX – начале XX вв. также тесно связано с деятельностью Общества попечения о начальном образовании (далее – Общество). Общество основано 7 октября 1884 г. в Барнауле по инициативе видного общественного деятеля, высланного «по политическому делу» из столицы дворянина Василия Константиновича Штильке. В 1883 г. Штильке, по примеру своего коллеги из Томска П. И. Макушина, представил на заседании Барнаульской городской Думы проект устава Общества попечения о начальном образовании. Общество ставило своей целью «…ликвидацию неграмотности усилиями самих граждан при наименьшем вмешательстве административной власти» [2, л. 59]. Необходимо отметить, что в начале 1880-х гг. в Барнауле – центре Алтайского горного округа народное образование представляло следующую картину: имелись окружное горное училище, духовное училище, женская прогимназия, начальное образование давали подготовительный класс горного училища, женская приходская школа, Покровская церковно-приходская школа. Из публичных библиотек – частная библиотека П. И. Веснина, открытая в Барнауле в 1873 г., имеющая в 1878 г. 50 подписчиков. За пользование библиотекой взималась плата по разрядам 5 и 3 рубля в год [3, с. 289]. В рассматриваемый период у горожан Западной Сибири растут потребности в получении образования, в посещении городских светских школ [4, с. 32]. В соответствии с этими потребностями власти и общественность стремились увеличить количество учебных заведений. Недостаток начальных школ в городе, отсутствие возможности закрепления прочности полученного образования посредством посещения библиотек стали основными причинами создания Общества. На протяжении всех лет существования (1884 – 1919) Общество занималось широкой общественной деятельностью, в круге его интересов были: открытие школ для детей и воскресных школ для взрослых, создание библиотек, проведение чтений, постановка

спектаклей, обустройство и содержание сада с детской площадкой.

Благодаря подвижнической деятельности В. К. Штильке, являвшимся фактическим руководителем Общества, и других членов благотворительной организации, в городе 15 сентября 1885 г. была открыта Нагорная школа, а в 1895 г. – Зайчанская. В этих школах обучалась треть барнаульских школьников, в основном дети малоимущих слоев населения. Это были первые в городе бесплатные начальные школы для девочек и мальчиков. В них бесплатными были не только обучение, но и учебники; наиболее нуждающиеся дети обеспечивались обувью, одеждой, горячими завтраками. Следует отметить, что на заседаниях Совета Общества В. К. Штильке «…стал проводить мысль о необходимости создать при Обществе библиотеку, которая могла бы удовлетворять потребности не только детей школьного возраста, но и взрослых, посещающих воскресные школы» [2, л. 59]. Несомненно, для открытия библиотеки требовались значительные средства. Поэтому Штильке обратился с просьбой о помощи в этом начинании к проживавшему в Петербурге известному благотворителю И. М. Сибирякову, который пожертвовал 5 тысяч рублей. Штильке был составлен список необходимых книг, отправленный затем в Петербург. 23 октября 1885 г. Советом Общества с разрешения томского губернатора при школе была открыта бесплатная народно-школьная библиотека. Библиотека первоначально помещалась в доме В. Штильке, который безвозмездно выполнял обязанности библиотекаря. При открытии библиотека имела 475 томов. К концу года в ней насчитывалось 200 читателей. Ежегодно библиотеке выделялась определенная сумма на выписку журналов, приобретение новых книг и их переплет, например в 1897 г. было израсходовано 119 руб. 69 коп. [5, с. 11]. К 1899 г. число читателей достигло 532 человека, фонд увеличился до 1284 книг и 136 номеров периодических изданий [6]. Данной библиотекой могли пользоваться учащиеся школ Общества попечения о начальном образовании и их семьи.

Однако одна библиотека не могла удовлетворить потребности всего населения в чтении, тем более – запросы горожан. Дело в том, что фонды народно-школьной библиотеки формировались строго по каталогам Министерства народного просвещения. Учебному начальству рекомендовалось «…выписывать книги беллетристического содержания не иначе, как по удовлетворении других, более настоятельных нужд библиотек, и ограничивать эту выписку исключительно произведениями, которые признаются классическими» и «… не выписывать книг сомнительного направления и не имеющих прямого отношения к задачам образования юношества» [7, с. 2 – 3]. В самом Обществе на народно-школьную библиотеку смотрели как на переходную ступень к публичной библиотеке, которая была столь необходима городу.

В марте 1887 г. В. К. Штильке обратился в Совет Общества с предложением об открытии в Барнауле городской библиотеки с кабинетом для чтения для общего пользования под ведением Общества. В мае этого же года городская Дума рассмотрела это предложение. 14 февраля 1888 г. томским губернатором было разрешено Обществу попечения о начальном образовании в Барнауле открыть общественную городскую библиотеку. Эта дата считается днем основания Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В. Я. Шишкова. Основные средства, необходимые на обустройство библиотеки, поступили в качестве пожертвований от частных лиц: от мецената И. М. Сибиряков – 1800 рублей, от купца В. Н. Сухова – 400 рублей. Активное участие в создании библиотеки приняли участие члены Общества попечения о начальном образовании, служащие, жители города, которые передали библиотеке книги, а также подборки журналов. Известно, что в фонд библиотеки жертвовали книги ссыльные П. П. Шатько, В. К. Штильке, Н. Б. Шер, Ф. В. Олесинов, И. Е. Овсянкин [8; 9, с. 13]. Один из авторов сборника «Алтай» и «Алтайского сборника» Н. М. Зобнин передал в фонд библиотеки комплект журналов и газет. Известный общественный деятель, политический ссыльный С. П. Швецов вспоминал, что «…трудно назвать политического ссыльного в Барнауле, который не принимал бы хотя бы самого скромного участия в деятельности общества. Лучшим и наиболее ценным учреждением школьного общества была созданная обществом общественная библиотека, прекрасно подобранная. Главным создателем и организатором этой библиотеки был Овсянкин: хотя в ней работали и другие политические ссыльные, но именно ему она обязана своим богатым и превосходным подбором книг. Он затратил на нее несколько лет упорного, со стороны совершенно невидимого, но тем более необходимого труда» [10, с. 105]. Первым заведующим городской библиотеки был сосланный административным путем в Барнаул М. О. Курский. При открытии библиотеки фонд составил 2160 книг, через десять лет – увеличился до 3924 книг и 2372-х номеров периодических изданий. Публичная библиотека находилась в ведении библиотечного комитета, состоящего из Совета Общества попечения о начальном образовании и двух гласных от городской Думы. Основное содержание библиотеки лежало на Обществе. Городская Дума отвела для библиотеки помещение, ассигновала небольшую ежегодную субсидию на пополнение фондов, которая к 1900 г. составляла 250 рублей [6]. Известно, что детские журналы, выписываемые для народно-школьной библиотеки («Родник», «Детский отдых», «Детское чтение», «Игрушка»), большей частью поступали в городскую библиотеку, в которой не было детского отделения, а спрос на издания для детей постоянно увеличивался [5, с. 12]. Таким образом, благодаря прежде всего В. К. Штильке и другим активным членам Общества, «…барнаульцы получили возможность удовлетворить потребность в книге, а город обогатился новым важным культурным учреждением» [2, л. 59]. В 1905 г. библиотека как хорошо оборудованное организованное дело была полностью передана в ведение городского самоуправления.

В дальнейшем по инициативе В. К. Штильке 20 ноября 1895 г. был открыт книжный склад (магазин), в 1897 г. – воскресные школы для взрослых при уже имевшихся школах Общества, в 1898 – 1900 гг. выстроен Народный дом. По этому поводу известный общественный деятель Г. Б. Баитов отмечал, что «…с этого времени Барнаул вышел из разряда тех сибирских городов, в которых начальное образование составляет роскошь, доступную каким-нибудь 5 – 10 % всего населения детей школьного возраста» [6, с. 4]. Заслугой Общества также явилась организация народных чтений с туманными картинками, которые являлись одним из источников допол-

нительного просвещения широких слоев горожан. Первое чтение состоялось 18 января 1900 г. Сначала чтения осуществлялись в Нагорной и Зайчанской школах, затем – в Народном доме. В течение первых 10 лет было проведено около ста литературных чтений, на которых побывало до 25000 человек [11, с. 10].

В декабре 1900 г. был торжественно открыт Народный дом, в котором создана вторая бесплатная народношкольная библиотека; 7 апреля 1909 г. при Зайчанской школе открылась третья библиотека. Ей было присвоено имя В. К. Штильке. В 1912 г. на одном из заседаний библиотечной комиссии рассматривался вопрос о создании еще одной бесплатной народной библиотеки по Конюшенному переулку. В конце 1917 г. открыта детская библиотека [12].

К 1915 г. в ведении Общества находились три библиотеки: Юбилейная – при Нагорной школе, Центральная, которая располагалась в Народном доме, имени В. К. Штильке – при Зайчанской школе. По отчетам библиотечной комиссии видно, что книжный фонд библиотек постоянно увеличивался. Если к 1911 г. он составлял 7733 экземпляра, то к 1915 г. – 9071 экземпляр [8, л. 47]. Большую часть фонда составляла беллетристика и детские книги (около 60 %). Распределение книг по библиотекам представлено в таблице 1.

Таблица 1. **Распределение книг по содержанию**
Table 1. **Distribution of books according to the content**

Название библиотеки	Беллетристика		Детские книги		Прочие отделы		Всего книг (экз.)
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	
Центральная	2389	47,5	518	10,2	2127	42,3	5034
Нагорная	470	33,2	370	26,1	577	40,7	1417
Зайчанская	1341	51,2	338	12,9	941	35,9	2620
Всего	4200	46,3	1226	13,5	3645	40,2	9071

Количество читателей также продолжало расти: с 890 человек в 1911 г. до 1174-х человек на 1 сентября 1914 г. [8, л. 46]. Этому способствовало закрытие в 1913 г. в Барнауле двух бесплатных библиотек при обществе «Труженики» и «Обществе приказчиков». Однако на 1 января 1915 г. были зафиксированы всего 787 читателей. Несомненно, это было связано с начавшейся Первой мировой войной и мобилизационными процессами. Библиотеками пользовались разные категории жителей города. Если посмотреть распределение по возрастам, то читатели до 12 лет – составляли 25 % от общего количества, от 12 до 16 лет – 43 %, от 16 лет и выше – 32 %. Большую часть посетителей библиотек составляли учащиеся – 50,4 %, ремесленники – 10 %, приказчики и конторщики – 6,3 %, люди свободных профессий – 6 %, рабочие – 4,3 %, прислуга и служащие – по 3 %, торговцы – 2 %. Больше всего было читателей, не окончивших начальную школу (таблица 2).

Таблица 2. **Распределение читателей по образовательному уровню**
Table 2. **Distribution of readers according to the educational level**

Уровень образования	Центральная библиотека	Нагорная библиотека	Зайчанская библиотека	Всего	
				кол-во	%
Окончившие среднее учебное заведение	22	1	2	25	3,2
Ученики и неокончившие среднее учебное заведение	69	17	9	95	12,1
Окончившие начальную школу	155	41	45	241	30,6
Не окончившие начальную школу	195	59	67	321	40,8
Воскресники		30	70	100	12,7
Самоучки	3	1	1	5	0,6
Итого	444	149	194	787	

В «Инструкции для библиотекарей Общества попечения о начальном образовании в г. Барнауле» предписывалось, что на библиотекарях Общества лежит ответственность за целость библиотеки, порядок, выдачу книг, пополнение библиотеки, отчетность [8, л. 50]. Выдача книг производилась шесть раз в неделю, кроме понедельника и больших церковных праздников. В летний период (с 1 мая по 15 августа) и в воскресные дни библиотека не работала. Библиотекарь обязан был руководить чтением детей (в обязательном порядке), а также чтением взрослого читателя, если он просил библиотекаря об этом. При библиотеке должна была вестись особая тетрадь для записи книг, отсутствующих в библиотеке, но «желательных». Также необходимо было отслеживать запрещенные для размещения в библиотеках книги и их изъятие из обращения. Изъятые книги хранились в особом запертом ящике, ключ от которого хранился у представителя Совета Общества.

Общество попечения о начальном образовании в Барнауле получило признание как одно из лучших в Сибири, его деятельность отмечена серебряной медалью на Всемирной выставке в Париже в 1900 г.

В конце 1917 г. отдел по народному образованию городской управы предложил Обществу попечения о начальном образовании произвести реорганизацию и продолжить свою деятельность как Общество народных университетов, сосредоточив основное внимание на дошкольном и внешкольном образовании [13, с. 4]. Общество прекратило свою деятельность в начале 1918 г. Книги из библиотек Общества, вероятно, были переда-

ны в фонд городской библиотеки. Сегодня эти книги хранятся в фонде отдела редких книг АКУНБ им. В. Я. Шишкова.

Итак, несмотря на ограниченные источники финансирования (добровольные пожертвования или поступления от различных культурно-просветительных мероприятий – вечеров, концертов, маскарадов), Общество попечения о начальном образовании открывало и развивало библиотеки. Они фактически стали центрами распространения книжной культуры и играли большую роль в приобщении жителей города к чтению. Библиотеки пользовались большой популярностью у населения, став важным фактором роста общеобразовательного и культурного уровня горожан.

Литература

1. Карташова Т. П. Первое в Сибири Общество попечения о начальном образовании в г. Томске: автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 2013. 26 с.
2. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 486. Оп. 1. Д. 19 а.
3. Алтай: историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа / под ред. П. А. Голубева. Томск, 1890. 436 с.
4. Литягина А. В. Роль светской школы в повседневной жизни горожан Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 1. Т. 1. С. 26 – 34.
5. Отчет Совета Общества попечения о начальном образовании в г. Барнауле за 1897 год. Барнаул, 1900. 104 с.
6. Краткий очерк 15-летней деятельности Общества попечения о начальном образовании в г. Барнауле (1884 – 1899 г.) / сост. Г. Б. Баитов. Барнаул, 1899. 20 с.
7. Корреспонденция // Сибирская газета. 1888. № 20. С. 2 – 3.
8. ГААК. Ф. 72. Оп. 1. Д. 8. 1884 – 1918 гг.
9. Отчет Общества попечения о начальном образовании в Барнауле за 1888 год. Барнаул, 1889. 51 с.
10. Швецов С. П. Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири // Каторга и ссылка. 1928. № 10. С. 96 – 112.
11. Краткий очерк XXV-летней деятельности Общества попечения о начальном образовании в г. Барнауле (1884 – 1909) / сост. Ф. М. Гаврилов. Барнаул, 1909. 35 с.
12. Воробьева Н. В. Библиотеки «Общества попечения о начальном образовании» – первые публичные библиотеки г. Барнаула конца XIX – начала XX века // Шестые Макушинские чтения. Новосибирск, 2003. С. 166 – 169.
13. [Хроника] // Жизнь Алтая. 1917. № 264. С. 4.

THE ROLE OF LIBRARIES CARE SOCIETY FOR ELEMENTARY EDUCATION IN CULTURAL DEVELOPMENT OF BARNAUL (1880s – EARLY XX CENTURY)

***Irina N. Nikulina*[1, @1], *Margarita N. Potupchik*[2, @2]**

[1] *Polzunov Altai State Technical University, 46, Lenin Pr., Barnaul, Russia, 656038*
[2] *Shishkov Altai Regional Universal Library, 5, Molodezhnaya St., Barnaul, Russia, 656038*
[@1] *inikulina@mail.ru*
[@2] *p-mn@mail.ru*

Received 25.01.2017.
Accepted 27.03.2017.

Keywords: society of care for elementary education, public school libraries, city public library, public readings, extracurricular education

Abstract: The study of history of cultural and educational society's activity, as well as the way they influence the socio-cultural space of provincial towns, contributes to holistic perception of cultural development of Siberia as well as Russia in general. Some issues relating to creation and development of Barnaul Society of Care for Elementary Education and its educational activity through libraries are considered in the article. The society was founded due to the selfless work of such an outstanding public person as V. K. Shtilke. Shtilke's initiative as well as the initiative of other members of the society contributed to the opening of schools for children and weekend schools for adults, strengthening of public education through library organization, public readings, lectures, accessible performances. The main directions, methods, forms and results of educational work identified in the course of the study have led to the conclusion about the leading role of the Society in extracurricular education in Barnaul in 1880s – the beginning of 20th century. The conclusion about the significant influence of libraries of the Society on the dissemination of book culture among the broad masses of the population is justified.

For citation: Nikitina I. N., Potupchik M. N. Rol' bibliotek Obshchestva popecheniia o nachal'nom obrazovanii v kul'turnom razvitii Barnaula (80-e gg. XIX – nachalo KhKh vv.) [The Role of Libraries Care Society for Elementary Education in Cultural Development of Barnaul (1880s – Early XX century)]. *Bulletin of Kemerovo State University,* 2017; (2): 62 – 66. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-62-66.

References

1. Kartashova T. P. *Pervoe v Sibiri Obshchestvo popecheniia o nachal'nom obrazovanii v g. Tomske*. Avtoref. diss. kand. ist. nauk [First in Siberia Society of care for elementary education in Tomsk. Cand. histor. Sci. Diss. Abstr.]. Tomsk, 2013, 26.
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia (GAAK)* [State Archives of the Altai Territory]. Found 486, List 1, File 19 a.
3. *Altai: istoriko-statisticheskii sbornik po voprosam ekonomicheskogo i grazhdanskogo razvitiia Altaiskogo gornogo okruga* [Altai: historical and statistical collection on economic and civil development of the Altai Mining District]. Ed. Golubev P. A. Tomsk, 1890, 436.
4. Lityagina A. V. Rol' svetskoi shkoly v povsednevnoi zhizni gorozhan Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [The role of secular school in everyday liff of citizens in Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th century]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 1, no. 1 (2014): 26 – 34.
5. *Otchet Soveta Obshchestva popecheniia o nachal'nom obrazovanii v g. Barnaule za 1897 god* [The report of the care of elementary education in Barnaul for 1897]. Barnaul, 1900, 104.
6. *Kratkii ocherk 15-letnei deiatel'nosti Obshchestva popecheniia o nachal'nom obrazovanii v g. Barnaule (1884 – 1899 g.)* [A brief sketch of 15-years of activity of the Society of care for elementary education in Barnaul (1884 – 1899)]. Comp. Baitov G. B. Barnaul, 1899, 20.
7. Korrespondentsiia [Correspondence]. *Sibirskaia gazeta = Siberian newspaper*, no. 20 (1888): 2 – 3.
8. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [State Archives of the Altai Territory]. Found 72, List 1, File 8, 1884 – 1918 гг.
9. *Otchet Obshchestva popecheniia o nachal'nom obrazovanii v Barnaule za 1888 god* [The report of the care of elementary education in Barnaul for 1888]. Barnaul, 1888, 51.
10. Shvetsov S. P. Kul'turnoe znachenie politicheskoi ssylki v Zapadnoi Sibiri [The cultural significance of political exile in Western Siberia]. *Katorga i ssylka = Penal servitude and exile*, no. 10 (1928): 96 – 112.
11. *Kratkii ocherk* XXV-*letnei deiatel'nosti Obshchestva popecheniia o nachal'nom obrazovanii v g. Barnaule (1884 – 1899 g.)* [A brief sketch of 25-years of activity of the Society of care for elementary education in Barnaul (1884 – 1899)]. Comp. Gavrilov F. M. Barnaul, 1890, 35.
12. Vorob'eva N. V. Biblioteki «Obshchestva popecheniia o nachal'nom obrazovanii» – pervye publichnye biblioteki g. Barnaula kontsa XIX – nachala XX veka [Libraries' «Care society for elementary education» – the first public libraries in Barnaul end of the 19th – early 20th century]. *Shestye Makushinskie chteniia* [Sixth Makushinskie reading]. Novosibirsk, 2003, 166 – 169.
13. Khronika [Chronicle]. *Zhizn' Altaia = Altai Life*, no. 264 (1917): 4.

УДК 902/904

О НЕКОТОРЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ ЗООАРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК КУЗНЕЦКА XVII – XVIII ВВ.

***Сергей С. Онищенко*[1, @1], *Юрий В. Ширин*[2, @2]**

[1] *Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[2] *Музей-заповедник «Кузнецкая крепость», Россия, 654034, Новокузнецк, проезд Крепостной, 1*
[@1] *bios@kemsu.ru*
[@2] *shirin_a@mail.ru*

Поступила в редакцию 07.11.2016.
Принята к печати 13.01.2017.

Ключевые слова: зооархеология, зооархеологические комплексы, Кузнецк, археология русских поселений, Сибирь.

Аннотация: В статье представлен материал анализа фаунистической коллекции, полученной при раскопках Кузнецка 2012 г. и относящейся к XVII – XVIII вв. Проведено зооархеологическое исследование 1534 остатков домашних и диких млекопитающих, птиц и рыб. Показано сходство и различия в структуре разновременных зооархеологических комплексов, синхронных хозяйственных и жилых построек, культурного слоя вне них, особенности формирования костеносных отложений на разных объектах и зоогенного влияния на эти процессы. Установлено, что среди животных доминируют остатки коров и свиней, рыб с ведущей ролью осетровых. Предполагается, что основными элементами хозяйственного уклада поселенцев было придомное скотоводство, рыболовство и эпизодическая охота на лося, медведя, лисицу, зайца-беляка, дичь. Поселенцы также содержали собак, кошек, овец, лошадей, кур. Результаты анализа обсуждаются в контексте различий быта отдельных микросоциумов, вертикального и горизонтального перемещения костных остатков и их трансформации.

Для цитирования: Онищенко С. С., Ширин Ю. В. О некоторых результатах зооархеологических исследований по материалам раскопок Кузнецка XVII – XVIII вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 67 – 77. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-67-77.

Кузнецк, основанный в 1618 г. как острог, по сведениям Г. Ф. Миллера получил статус города в 1689 г. [1, л. 11]. Площади распространения культурного слоя Кузнецка XVII – XVIII вв. достаточно точно локализованы по археологическим исследованиям и имеющимся картам XVIII в. В первой четверти XVIII в. на планах Кузнецка уже можно наблюдать улично-квартальную планировку, которая дала основу для направлений улиц, сформированных к последней четверти XVIII в. и оказавших влияние на последующую застройку города, вплоть до настоящего времени.

В ходе охранных раскопок на археологическом памятнике Кузнецк в 2012 г. было изучено более 2500 кв. м. Раскопом вскрыт фрагмент одной из улиц города, которая сформировалась на рубеже XVII – XVIII вв. и прекратила свое существование в связи с устройством в этой части города базарной площади, в середине XIX в. От этой улицы в современной застройке сохранилось одно каменной здание – бывшее уездное казначейство (ул. Народная, 1), постройки 1770-х гг. Улица шла от казначейства на северо-запад. Были выявлены фрагменты не менее 7 усадеб (4 в северо-восточной части улицы и 3 в юго-западной) (рис. 1). На нескольких участках удалось проследить развитие усадебных комплексов на протяжении почти 200 лет. От домов, одна из стен которых выходила на улицу, вглубь усадьбы шли хозяйственные комплексы, включающие скотные загоны, сараи и погреба, замыкаемые обширными огородами. Выявлены тыновые и заплотные ограды, разделяющие некоторые усадьбы, а также отделяющие огороды от жилого и хозяйственного участков. На огородах отмечены многочисленные ямы для выкапывания глины, используемой для строительства печей и иных нужд. Эти ямы в дальнейшем часто использовались для складирования навоза или создания хозпостроек различного назначения. В узких проулках отмечены следы печных зольников.

Возможность предварительной датировки основных строительных ярусов была основана на многочисленных находках монет и хорошо датируемых типов китайского и европейского фарфора. С XVII в. на исследованном участке оказалась связана только одна жилая постройка и несколько небольших по площади скотных пригонов. Судя по совместному нахождению внутри жилой постройки монет Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, в том числе и медных, она возникла во второй половине XVII в.

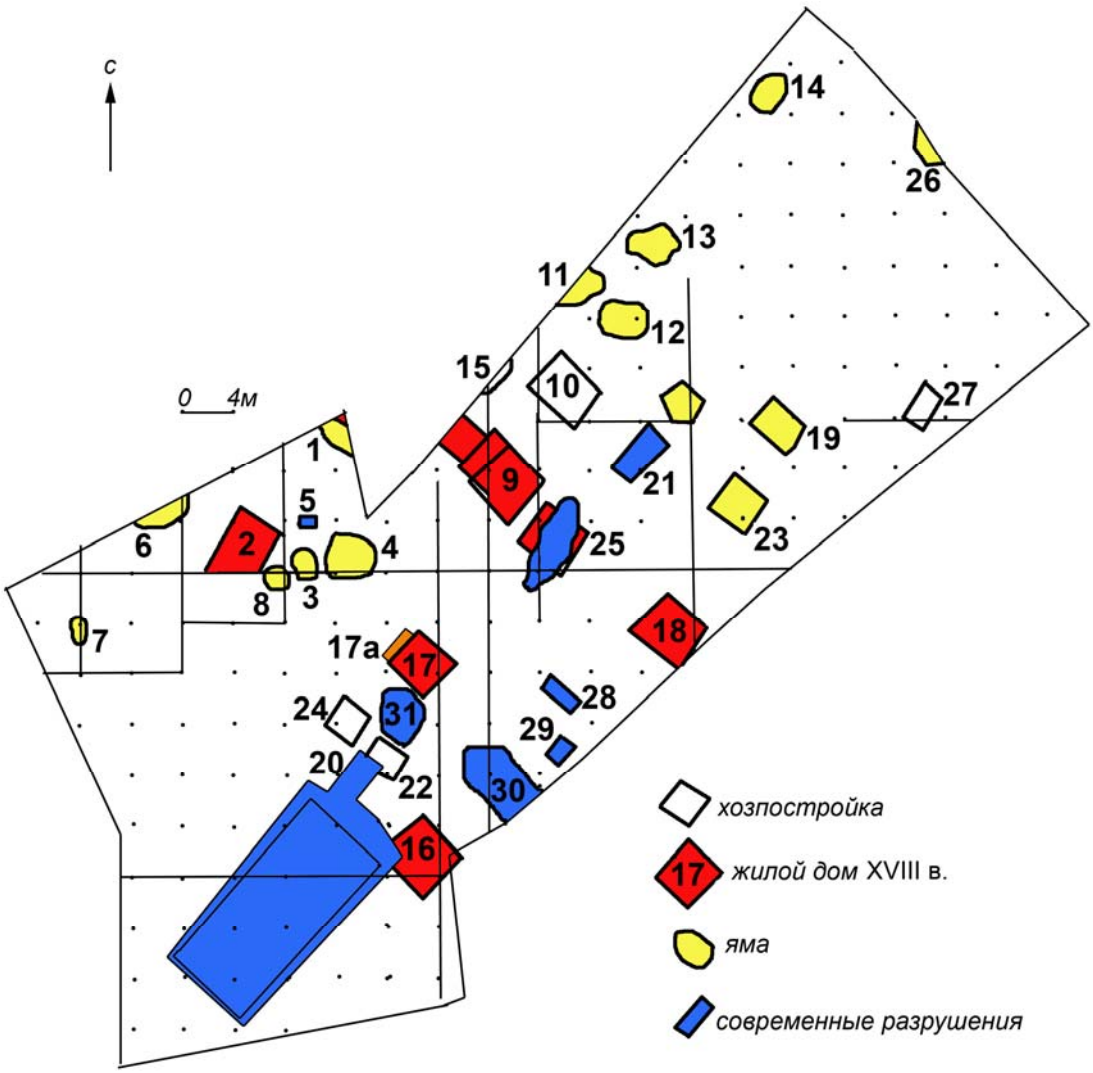

Рис. 1. ***Схема раскопа 2012 г. на памятнике Кузнецк, на Советской площади в г. Новокузнецк***
Fig. 1. ***Plan of the excavation in 2012 at the monument of Kuznetsk, on the Soviet square in Novokuznetsk***

В исследованных усадьбах собраны многочисленные керамические коллекции и костные материалы. Основная масса этих находок была связана со средним строительным ярусом, охватывающим XVIII в. В данной работе мы остановимся на анализе фаунистических коллекций, дающих представление о типах хозяйственных занятий обитателей исследованных городских усадеб этого времени.

Материал и методы

Зооархеологическая коллекция состоит из 1534 образцов (таблица). С учётом их размещения в культурном слое, одна часть материалов залегала непосредственно на площади хозяйственных и жилых построек XVII в. (объект 17а) и XVIII в. (объекты 3, 12, 13, 17, 18 и 25), другая – находилась в культурном слое XVIII в. вне синхронных сооружений. При обработке материалов применялась стандартная процедура зооархеологической обработки фаунистических коллекций [2], включающая оценку состояние каждого образца, определение его анатомической, видовой или группо-видовой принадлежности, установление абсолютного или относительного возраста забитого животного, фиксацию патологий и аномалий развития. При обобщении результатов анализа проводился расчет минимального количества особей по видам животных. Подсчет числа забитых птиц или пойманных костистых рыб не проводился. Для осетровых число минимального количества отловленных рыб определялось как половина от общего количества «шипов» (первый луч грудного плавника), содержащихся в конкретном фаунистическом сборе.

Таблица. **Структура зооархеологических комплексов объектов и их локалитетов**
Table. **Structure of zooarcheological assemblage of objects and their locations**

Показатели	*Bos taurus*	*Camelus sp*	*Canis familiaris*	*Equus caballus*	*Felis catus*	*Lepus timidus*	*Ovis aries*	*Sus scrofa*	*Alces alces*	*Capreolus pygargus*	*Lepus timidus*	*Ursus arctos*	*Vulpes vulpes*	Неопределенные до вида	Aves	*Acipenser sp.*	Teleostei	*Esox lucius*	Всего
Вторая половина XVII в.																			
Объект 17а С внешней стороны																			
N			4			2		3						2	8	0	4	0	23
%			17,4			8,7		13,0							34,8	0,0	17,4	0,0	100
Под полом																			
N	3		1		1	3		3						9	16	26	3	0	65
%	4,6		1,5		1,5	4,6		4,6							24,6	40	4,6	0	100
Итого по объекту 17а																			
N	3		5		1	5		6						11	24	26	7	0	88
%	3,4		5,7		1,1	5,7		6,8							27,3	29,5	8	0	100
XVIII в., жилые постройки																			
Объект 17 Из-под внешней печи																			
N	2				7			6						10	35	11	36	1	108
%	1,9				6,5			5,6							32,4	10,2	33,3	0,9	100
Зольник																			
N	0				2		6	52						7	83	32	102	2	286
%	0				0,7		2,1	18,2							29	11,2	35,6	0,7	100
Под полом																			
N	1		3			4		5						10	29	2	111	0	165
%	0,6		1,8			2,4		3,0						6,1	17,6	1,2	67,3	0,0	100
Итого по объекту 17																			
N	3		3		9	4	6	63						27	147	45	249	3	559
%	0,5		0,5		1,6	0,7	1,1	11,3						4,8	26,3	8,1	44,5	0,5	100
Объект 18																			
N	7				1	31	0	9						7	20	7	27	0	109
%	6,4				0,9	28,4	0	8,3						18,3	18,3	6,4	24,8	0	100
Объект 25																			
N					1														1
%					100														100
Итого по жилым постройкам (объекты 17, 18, 25)																			
N	10		3		11	35	6	72						34	167	52	276	3	669
%	1,5		0,4		1,6	5,2	0,9	10,8						5,1	25,0	7,8	41,3	0,4	100
XVIII в., хозяйственные постройки																			
Объект 3																			
N								1											1
Объект 12																			
N								1					1						2
Объект 13																			
N					1												1		2

Продолжение таблицы

Всего по хозяйственным постройкам (объекты 3, 12, 13)																			
N					1			2					1				1		5
%					20,0			40,0					20,0				20,0		100
XVIII в., культурный слой вне построек																			
N	431	2	10	12	4		35	95	5	3	2	1	1	59	31	16	63	2	772
%	55,8	0,3	1,3	1,6	0,5		4,5	12,3	0,6	0,4	0,3	0,1	0,1		4	2,1	8,2	0,3	100
Итого по костеносным отложениям XVIII в.																			
N	441	2	13	12	16	35	41	169	5	3	2	1	2	93	198	68	340	5	1446
%	30,5	0,1	0,9	0,8	1,1	2,4	2,8	11,7	0,3	0,2	0,1	0,1	0,1	6,4	13,7	4,7	23,5	0,3	100

По своему состоянию 705 образцов сохранили свою анатомическую целостность или были слабо повреждены – это в основном дистальные элементы конечностей, разрозненные зубы, позвонки, небольшие плоские кости запястья или предплюсны от разных видов млекопитающих, небольшие и тонкие кости от рыб (позвонки, лучи, ребра) или птиц (кости конечностей и поясов). Часть находок представлена целыми и почти целыми черепами с челюстями или только мозговыми черепами (*Canis familiaris*, *Felis catus*, *Sus scrofa*, птицы), а также полным скелетом кошки (*Felis catus*). Другая часть – это фрагменты от трубчатых костей, челюстей, обломки черепов со средней (без учета видовой принадлежности) длиной около 110 мм с разбросом от 11 мм до 326 мм. У 222 (14,5 %) находок имеются следы от режуще-рубящих орудий в виде зарубок, сколов, ровных срезов и надрезов, а у 25 – следы технологической обработки (шлифовка, выравнивания); 130 (8,5 %) образцов несут следы зубов собак (или кошек) или погрызы; 5 образцов были тафономически повреждены (расслоение компактной кости или частичное разрушение участка кости), отожжены полностью или частично; 13 костей имели признаки аномалий развития или патологические (травматические) изменения.

С учетом наличия в составе коллекции хорошо сохранившихся остатков домашних хищников (кошки и собаки), а также довольно обширной серии костей со следами от их зубов, не весь комплекс находок может классифицироваться как кухонные остатки. Часть из них могла образоваться как следствие охотничьей или пищевой активности собак и кошек, растаскиванием пищевых отходов из помоек, жилых и хозяйственных построек, из мест их кормления, что могло приводить к зоогенному накоплению части материала в костеносных отложениях, где они и были обнаружены при раскопках.

Видовая структура фаунистической коллекции

Млекопитающие представлены остатками скелетов лося (*Alces alces*), быка домашнего (*Bos taurus*), верблюда (*Camelus sp.*), косули сибирской (*Capreolus pygargus*), собаки (*Canis familiaris*), лошади (*Equus caballus*), кошки домашней (*Felis catus*), барана домашнего (*Ovis aries*), свиньи домашней (*Sus scrofa*), лисицы (*Vulpes vulpes*), зайца-беляка (*Lepus timidus*) и бурого медведя (*Ursus arctos*) (табл.). В группе «Неопределенных до вида» объединены фрагменты костей млекопитающих, у которых отсутствуют видоспецифические признаки. Серия костей от птиц (Aves), исходя из морфометрических особенностей, принадлежали к разным размерно-видовым группам. Среди них обнаружены 2 цевки от петухов домашних кур (*Gallus gallus*).

От рыб около 25 % остатков (шипы, «жучки» и покровные элементы черепа) относятся к небольшим осетрам или стерляди (*Acipenser sp.*). Их относительное обилие свидетельствует, что в XVII – XVIII вв. они были обычными видами в ихтиофауне Кузнецка. Учитывая, что осетровые в р. Томь с Оби подымались весной на нерест, их отлов в окрестностях Кузнецка был возможен только в весенне-летнее время [3; 4]. Тем самым в зооархеологических материалах маркируется практика сезонной заготовки осетровых поселенцами. Остальные образцы принадлежат разнообразным видам костистых рыб (Teleostei) местной ихтиофауны, вероятно как результат повседневного их потребления. Среди них имеются челюстные кости и жаберные крышки от щук (*Esox lucius*), крупные (до 20 мм диаметром) позвонки от щуки или тайменя (*Hucho taimen*), а также жаберные крышки, клейтрумы и плавниковые лучи от мелких окунеобразных – ерша (*Gymnocephalus cernuus*) или окуня (*Perca fluviatilis*), циклоидная чешуя от карповых (плотва, карась, возможно линь). В данном анализе из состава Teleostei были выделены только четко дифференцируемые остатки щук (челюстные кости и жаберные крышки).

Таким образом, зооархеологический комплекс поселения состоит из остатков как доместицированных, так и диких форм животных. Фоновыми являются остатки от крупнорогатого скота, птиц и рыб. Обращает внимание разнообразие одомашненных видов млекопитающих, где помимо крупно- и мелкорогатого скота, свиней, лошадей, кошек и собак, имеются остатки от верблюда. Охотничья териофауна в видовом отношении бедна и представлена немногочисленными образцами от скелетов лося, косули, медведя, зайца-беляка и лисицы.

Пространственно-видовые особенности локальных зооархеологических комплексов

Костеносные отложения XVII в.

По характеру размещения большая часть фаунистических образцов (около 75 %) на площади объекта 17а находилась под полом (таблица). Исключительно здесь локализованы остатки от *Bos taurus* (небольшой фрагмент рогового отростка, путовая кость и фрагмент подъязычной кости), мозговой череп *Felis catus*, вся серия остатков от осетровых рыб (шипы, плоские кости черепа, жучки). Массовые остатки птиц и единичные находки от свиней и зайцев-беляков представлены в основном небольшими

и тонкими костями посткраниального скелета или их фрагментами со средней длиной 70 – 80 мм. Исходя из этого, вероятно они провалилась через крупные щели в половом покрытии при уборке помещения или часть из них была утащена туда кошками. Несколько иными причинами обусловлено попадание под пол крупного (длиной 112 мм) фрагмента нижней челюсти взрослой собаки, от которой осталась только антериорная часть, т. к. восходящие ветви обеих зубных костей были полностью сгрызаны. Это служит признаком, что нижняя челюсть попала под сооружение извне как результат растаскивания частей труппа собаки другими животными и поедания непосредственно в укрытии, т. е. под жилой постройкой. На прилегающей к постройке территории найдена фрагментированная лицевая часть черепа собаки того же возраста, вполне вероятно принадлежащая той же особи.

Костеносные отложения по внешней периферии объекта 17а менее разнообразны как в количественном, так и в видовом отношении. Однако здесь найдены остатки от двух собак, среди которых имелись фрагмент черепа щенка до 7 – 8 месяцев, и небольшая серия костей от месячного поросенка, зубная кость от зайца-беляка.

С учетом этих, а также анатомических и возрастных особенностей образцов зооархеологический комплекс жилой постройки конца XVII в. состоит из остатков как минимум одной особи *Bos taurus*, двух разновозрастных собак, одного месячного поросенка, одной кошки, одного зайца-беляка и не менее 4 – 5 осетровых рыб. Серия остатков костистых рыб содержала позвонок диаметром 15 мм от щуки или тайменя.

Костеносные отложения XVIII в.

Зооархеологические комплексы XVIII в. образованы бóльшим числом остатков (таблица), чем на объекте 17а. Они рассредоточены по нескольким объектам и локалитетам внутри или рядом с ними, а также на вскрытой площади культурного слоя.

Хозяйственные и жилые постройки

Наиболее бедными по количеству находок являются комплекс хозяйственных построек (объекты 3, 12, 13) и разрушенный современной постройкой дом (объект 25). Там найдены остатки разрушенного черепа кошки с челюстями (объект 13), правая зубная кость котенка (объект 25), череп (объект 3) и левая зубная кость от месячного поросёнка (объект 12), нижняя челюсть лисицы (объект 12). Соответственно, последняя находка является уникальной для всего зооархеологического комплекса сооружений XVIII в. Второй образец от этого вида, левый верхний клык, обнаружен только в синхронном культурном слое.

Основная масса находок приурочена к жилым постройкам (объекты 17, 18). Ниже приводиться краткая характеристика пространственно-видовой структуры их зооархеологических комплексов.

Собака. Под полом объекта 17 находился фрагмент лицевой части и обломки от берцовых костей щенка в возрасте до 7 – 8 месяцев. На одном из фрагментов имелись следы погрызов.

Домашняя кошка. Остатки черепов и костей посткраниального скелета принадлежат минимум двум сеголеткам. Под внешней печью на объекте 17 находился целый скелет котёнка в возрасте до 3,5 месяцев с железной и обломком костяной спицы (рис. 2). С учетом наличия артефактов, вероятно это ритуальное захоронение. В зольнике найден фрагмент мозговой части черепа от молодой особи.

Рис. 2. ***Скелет котёнка из объекта 17 с артефактами (in suti)***
Fig. 2. ***The skeleton of a kitten from the object 17 with the artifacts (in suti)***

Заяц-беляк. Остатки этого вида сконцентрированы в основном на площади объекта 18. Они анатомически разнообразны, имеются как элементы черепа, так и посткраниального скелета (кости конечностей и поясов, позвонки). По своему состоянию около половины элементов (15 из 31) скелета сохранили анатомическую целостность. По наличию 4-х правых зубных костей остатки принадлежат как минимум 4 зайцам-белякам, от двух из которых имелись и мозговые черепа, кости передних и задних конечностей. Под полом объекта 17 найдены нижняя челюсть, безымянная и большеберцовая кости ещё от одного зайца. Таким образом, обнаружены как минимум остатки скелетов от 5 особей. Концентрация их на объекте 18 возможно связанна с более активной охотой на зайцев жильцов этого сооружения.

Баран домашний. Немногочисленные находки этого вида сосредоточены в зольнике, представляют разрозненные кости и их фрагменты от разных скелетных структур. Среди них имелись 2 разносторонних астрагала и правая пяточная кость, что свидетельствует об их принадлежности как минимум двум животным.

Свинья домашняя. Около 90 % образцов была сосредоточена в зольнике объекта 17. По анатомическому составу представлены все отделы скелета. Среди них имеются фрагментированные 2 черепа с челюстями, а набор костей и их фрагментов (зубная, плечевая и большеберцовая кости) содержит остатки ещё от третьей особи. По возрастному составу все особи были в возрасте менее 1 месяца. Небольшая серия остатков, в основном разрозненные кости черепа и скелета от двухмесячных поросят, была локализована также под полом объекта 17. Еще один череп с несколькими костями от ювенильной особи находился на объекте 18. Обращает внимание хорошее состояние костных остатков молодняка. На них нет следов, которые могли остаться в случае каких-либо преднамеренных воздействий или режущими орудиями при разделке тушек ювенильных животных, или зубов – при потреблении готовой мясной пищи. Таким образом, остатки поросят по происхождению однозначно отнести к пищевым отходам пока невозможно.

Бык домашний. Немногочисленные и довольно однородные по анатомическому составу остатки найдены на площади обоих жилых объектах. Это элементы от дистальных частей конечностей: путовая, венечная кости, примыкающий к ним сесамовидный элемент, мелкие и крупные кости базиподии, в том числе таранная и пяточная кости. На некоторых костях имеются следы режуще-рубящих инструментов, погрызы животных. Часть из костей (4) принадлежала молодым животным. С учетом анатомического состава материала, отложения остатков *Bos taurus* сформированы большей частью малоценными в пищевом отношении дистальными элементами конечностей, оставшимися (выброшенными) в ходе разделки туш.

Птицы. Многочисленные остатки от этой группы найдены во всех локалитетах объектов 17 и 18, но большая их часть скопилась на объекте 17. Анализ линейных размеров серии пястно-запястных костей крыла, а также некоторых костей конечностей показывает, что в сборах присутствуют остатки от трех размерных групп птиц разных видов. Например, длина пряжек варьируется в диапазоне от 27 мм до 88 мм, при этом образцы распределяются по трем размерным классам: 27 – 35 (3 экз.), 45 – 55 (13 экз.), 70 – 87 (2 экз.) мм. Такой же разброс в линейных размерах наблюдается и по другим костям конечностей, например по длинам цевок (38 – 78 мм), лучевых (55 – 160 мм), локтевых (70 – 168 мм), плечевых (56 – 161 мм) и других костей.

По анатомическому составу в сборах имеются элементы от всех отделов скелета, при этом большая их часть были целые (138 из 166 образцов). Помимо остатков от посткраниального скелета встречаются черепа или подклювья, причем все были найдены под полом и в зольнике на объекте 17. На этом объекте также отложилось большая часть (8 из 10 образцов) цевок, в том числе от домашних кур, фаланг, т. е. несъедобных частей, которые отсекаются при разделки тушек птиц. Такая анатомическая особенность в распределении материала предполагает некоторые индивидуальные различия в степени значимости дичи, способах обработки тушек птиц, зоогенным потреблением или перемещением пищевых остатков на площади жилых построек 17 и 18.

Осетровые. Остатки этой группы ценных промысловых рыб встречаются на обоих объектах (всего 52 образца), но неравномерно. Основная масса (45) найдена на объекте 17, причем в основном в зольнике. Вторая часть остатков осетровых была в костеносном скоплении под печью этой постройки. По расчетам принадлежат как минимум от 5 до 10 рыбам.

Костистые рыбы. Наиболее массовая группа рыб, от которой имеются остатки всех окостеневших структур скелета (всего 279 образцов). Относятся к представителям нескольких отрядов местной ихтиофауны – карпообразным, окунеобразным, щукообразным и лососеобразным. По анатомическому составу около трети – это морфологически и по своим размерам разные позвонки (98 образцов). По локализации подавляющая часть остатков костистых рыб (252 экз.) находилась на объекте 17, где были сконцентрированы под полом (111 экз.) и в зольнике (104 экз.). В серии позвонков выделены образцы имеющие, рассверленные хордальные каналы, сточенные торцевые и боковые поверхности (рис. 3 А).

Видовая структура рассмотренных зооархеологических комплексов жилых построек в целом имеет сходные черты, заключающиеся в значительном преобладании остатков птиц и рыб над млекопитающими, повсеместное присутствие остатков свиней. К особенностям можно отнести:

– концентрацию костей зайца-беляка на объекте 18 (содержится более 90 % образцов);

– находку полного скелета котёнка под печью объекта 17 (захоронение?);

– почти полное отсутствие костных покровных элементов осетровых под полом объекта 17 на фоне значительной концентрации там остатков от костистых рыб;

– бедный в видовом отношении состав находок из зольника.

Особенностью зольника, как места размещения продуктов сгорания, является то, что там не содержится ни одного отожженного образца. В целом же во всей коллекции имеются всего 4 фрагмента костей со следами пирогенных воздействий. Это позволяет считать, что остатки животных не сжигались, а выбрасывались вместе с остывшей золой или отдельно от неё.

А

Б

Рис. 3. ***Образцы костей со следами обработки: А. Набор позвонков щуки со следами обработки (объект 17), где верхний ряд – вид с торцевой стороны, нижний ряд – вид с боку (кроме фрагмента позвонка, находящегося справа). Б. Образец обработанного костного стержня Bos taurus***
Fig. 3. ***Samples of bones with traces of processing: A. Set of pike vertebrae with traces of processing (object 17), where the top row is the view from the front side and the bottom row represents a side view (except the fragment of vertebra on the right). B. Sample a processed Bos taurus horn bone***

Культурный слой XVIII в.

Наиболее массовая зооархеологическая коллекция получена при вскрытии культурного слоя (таблица). По анатомо-видовому составу зооархеологические комплексы построек и синхронного культурного слоя отличаются друг от друга. Костеносные отложения культурного слоя в основном сформированы относительно крупными фрагментами костей от триады домашних копытных животных (крупно- и мелкорогатый скот, свиньи). Доминирующие в разновременных жилых постройках остатки птиц и рыб, в культурном слое присутствуют в малом количестве. В то же время более разнообразен видовой состав охотничьих видов. Помимо зайца-беляка и лисицы, здесь найдены остатки лося, косули и медведя. Уникальной являются два фрагмента от черепа верблюда. Обращает внимание довольно представительная серия образцов со следами зубов и погрызами (187 экз.) от хищных животных, а также со следами от инструментов (121 экз.), которые использовались при разделке туш животных. Эта группа находок почти отсутствует в зооархеологических комплексах построек.

Лось. Представляют собой относительно мелко фрагментированные обломки дистальных частей от 2-х правых плечевых, от 2-х левых зубных костей и фрагмент левой части затылочного отдела черепа. С учетом состава находок и состояния зубной системы [5] остатки принадлежат как минимум двум разновозрастным животным. Одному из них было не более 1,5 лет, второе – более взрослое. Судя по наличию глубоких зарубок от лезвия режуще-рубящего инструмента на костях черепа, туши обоих животных были доставлены на археологический объект с места их добычи, где были расчленены.

Бык домашний. Доминирующая группа. Анатомически представлены все отделы скелета с доминированием остатков от черепов (зубных костей, мозгового черепа, роговые стержни) и метаподий (задних и передних), т. е. менее ценные пищевых частей туш животных. Только 74 (17 %) образца сохранили анатомическую целостность, в основном дистальные элементы конечностей (метаподии, фаланги, кости базиподий). Остальная часть в разной степени фрагментированные кости. Окончательные размеры фрагментов костей конечностей и их поясов определялись тем, как они отчленялись от туши на раз-

ных фазах её разделки и утилизации частей – ближе к середине диафиза или к суставу кости. В среднем же большая часть кусков туш имела длину в 110 – 130 мм.

Анализ образцов с разнообразными следами воздействия режущих и/или рубящих инструментов, а также сам состав неповрежденных элементов скелета позволил выявить некоторые особенности разделки туш. Во-первых, в ходе отсечения роговых стержней от черепа они слегка надрубались или надрезалась шкура под роговым чехлом рога, по всей окружности, т. е. аккуратно, без повреждения рога и костного стержня. Вероятно рог имел определенную хозяйственную ценность и использовался после снятия его с костного стержня или сам костный стержень служил основой для изготовления изделия (рис. 3 Б). Во-вторых, в составе находок имеется около 1/3 неповрежденных и 2/3 колотых и разбитых метакарпалий и метатарзалий, а также таранных костей и астрагалов разной степени поврежденности, целых фаланг. Это свидетельствует о том, что после отсечении дистальных частей конечностей (выше заплюсневых или запястных костей), часть из них использовалась как пищевой объект (или для иных целей), а часть не утилизировалась и, скорее всего, выбрасывалась. Метаподии переламывались или перерубались поперек, или вдоль центральной оси от дистального блока. После потребления мяса, кости скармливались или растаскивались собаками (вполне вероятно и кошками), что определяет наличие у многих костей следов их зубов и глубоких погрызов.

Подсчет парных элементов скелета, а также анализ состояния зубной системы животных показал, что остатки принадлежат как минимум 29 особям разного возраста. Анализ 59 фрагментов челюстей с зубами позволил установить, что животные забивались, начиная с первых месяцев после рождения до 4-х – 5-ти лет, с некоторым преобладанием среди них особей до 1,5 – 2-х лет и 3-х – 4-х лет. Примерно такой же возрастной состав забитых животных получен при использовании критерия срастания дистального суставного блока с диафизом метаподий [6]. Так, в серии метаподий, 24 принадлежали животным младше 2 – 2,5 лет и 34 – более взрослым.

Анализ линейных размеров метаподий позволил рассчитать среднюю высоту животных в холке по В. И. Цалкину [6]. Так, по длине 11 метакарпалий она варьировалась в пределах 108 – 112 см, а по длине 22 метатарзалий – 107 – 112 см. Полученные значения в целом совпадают с ростом крупнорогатого скота, который содержался населением в европейской части России в синхронный или более ранний периоды [7; 8].

Верблюд. Обнаружены венечный отросток правой зубной кости и затылочная часть мозгового черепа верблюда. Венечный отросток был отрублен. В материалах других, зооархеологически изученных археологических памятников Кемеровской области, остатки верблюдов были найдены только на городище Маяк (г. Новокузнецк, XI – XIII вв.) [9, л. 1; 10, л. 86 – 88]. В середине XVII в. появление верблюдов на территории Кузнецкого острога было связанно с военными походами кузнецких казаков в Хакасию. Так, в 1641 г., согласно отписке Я. О. Тухачевского в Сибирский приказ [11, с. 102 – 107], у кыргызов было отбито 150 верблюдов, часть из которых была угнана кузнецкими казаками для продажи. С учетом того, что фрагменты черепа верблюда найдены в отложениях XVIII в., их происхождение может быть связанно как с военными контактами казаков с внешним окружением, так и торговыми обменами.

Собака. Остатки собак не многочисленны. Принадлежат как минимум 4-м разновозрастным особям. Имеются 2 черепа и лицевая часть мозгового черепа от взрослых собак, зубная кость от щенка в возрасте до 7 – 8 месяцев. Кондилобазальная длина черепов была 172 и 159 мм, т. е. собаки имели различия по габитусу. Одна из взрослых собак была олигодонтом (отсутствовали по 2 премоляра на каждой из зубных костей). Исходя из длины фрагментов локтевых и плечевой костей, морфометрии целых краниальных структур, высота в холке взрослых собак была около 50 – 55 см.

Косуля. Имеется всего 3 образца от левых передней и задней конечности, вероятно принадлежащие одной взрослой особи.

Лошадь. Найдены передние 2 путовых и 1 плоская кость пястья. Судя по степени срастания эпифизов и диафизов путовых костей, они принадлежали двум животным, одно из которых очень молодое (отсутствует проксимальный эпифиз), а другое более взрослое. Происхождение этого набора костей неясное, т. к. при отсутствие других частей туш животных, малоценные в пищевом отношении дистальные элементы конечностей невозможно рассматривать в составе кухонных отбросов.

Домашняя кошка. Имеется несколько фрагментов от мозгового черепа, кость задней конечности, правая зубная кость с постоянным клыком и молочными премолярами. Все остатки принадлежала молодому животному в возрасте около 4 месяцев.

Баран домашний. В связи с тем, что кости мелкорогатого скота образуют трудно идентифицируемую зооархеологическую группу *Ovis/Capra*, каждый образец тестировался с использованием дифференцировочных таблиц и описаний [12; 13]. Это позволило установить, что в изучаемой коллекции нет остатков от козы домашней (*Capra hircus*).

Остатки *Ovis aries* представляет третью по обилию группу животных. Все анатомические структуры в той или иной степени фрагментированы, в среднем длина фрагментов около 100 мм (lim 32 – 182 мм). На 11 образцах имеются следы погрызов (6) или режущих инструментов (5). С учетом возраста и наличия парных элементов скелета они принадлежат как минимум трём животным, из которых одна особь была забита в возрасте до 1 года, другая – до 2 лет и одна – 2 – 4 лет. По наличию рогового стержня среди них был баран. По характеру следов от лезвия инструмента костный роговой отросток был отсечён пятью ударами.

Свинья домашняя. Достаточно многочисленная по количеству остатков группа животных, представленная в основном обломками черепов и челюстей, с небольшой долей костей посткраниального скелета. Анатомически целыми были 23 образца (разрозненные зубы, некоторые кости дистальных частей ног). В составе находок имеются 2 черепа в хорошей сохранности. Один череп принадлежал сеголетку в возрасте 4 – 6 месяцев, другой, более старшей особи, 12 – 16 месяцев. Общая длина черепов, соответственно, была 210 мм и 235 мм. Более 25 % образцов (19) имеют следы от режущерубящих орудий и/или погрызы. Три образца были с па-

тологиями. Так, левая зубная кость от 12 – 16-месячной свиньи имела травматическое разрастание буккальной стенки в районе левых m 1 – 2. Другая, полуторагодовалая, свинья была олигодонтной – у неё отсутствовали первые нижние премоляры. У третьей особи была глубокая каверна (кариес?) на жевательной поверхности правого последнего нижнего премоляра. В целом остатки принадлежат как минимум 30 – 32 молодым животным. Забивали свиней, начиная с 4-х месячного, до 22-х месячного возраста. Остатки более взрослых свиней в проанализированном материале встречаются в небольшом количестве.

Бурый медведь. Обнаружен обломок дистальной части левой бедренной кости с разгрызанной (собаками?) передней частью блока.

Заяц-беляк. В культурном слое найдены лучевая кость и метатарзалия зайца-беляка. Вероятно они принадлежат одной из особей, остатки которой сохранились в костеносных отложений синхронных построек.

Птицы. Имеются три обломка от трубчатых костей скелета крыла и ног птиц. Возможно, принадлежали к группе средних по размерам птицам, сопоставимым с куриными или утиными.

Костистые и осетровые рыбы. В отличие от костеносных отложений сооружений XVIII в. остатки рыб в культурном слое крайне малочисленные. Среди них преобладают различные элементы скелета от костистых рыб, тогда как остатки от осетровых рыб редки.

Особенности структуры зооархеологических комплексов жилищ разного времени

Для выявления особенностей организации разновременных зооархеологических комплексов были сравнены находки из объекта 17а, относящегося к концу XVII в., и находки из жилых построек XVIII в. (объекты 17, 18, 25). Обращает внимание, что в обоих зооархеологических комплексах прослеживается явный «дефицит» остатков млекопитающих, что кардинальным образом отличает эту фаунистическую коллекцию от таковой из культурного слоя XVIII в., где доминируют остатки домашних млекопитающих с некоторой примесью диких видов на фоне практически полного отсутствии остатков птиц или рыб (таблица). То есть большая часть пищевых отходов, содержащих остатки от скота, выносилась за границы обследованной площади комплекса построек, а формирование костеносных отложений под и рядом с жилыми и хозяйственными постройками происходило за счет мусора, содержащего в массе мелкие остатки птиц и рыб.

По видовому составу разновременные комплексы несколько отличаются друг от друга, за счет отсутствия среди находок XVII в. остатков баранов и лисиц, присутствием остатков собак и меньшим количеством свиней. В то же время небольшой объем материала с объекта 17а не позволяет пока рассматривать отсутствие этих видов как следствие существенных различий или хронологических трансформаций в хозяйственном укладе поселенцев в разные периоды функционирования памятника. Хронологически наиболее существенные перестройки связаны с резким снижением доли *Acipenser sp.* в XVIII в. и увеличением таковой костистых рыб. Эта ситуация не имеет однозначного объяснения, т. к. может быть обусловлена несколькими причинами: снижением количества отловленных осетровых (истощение ресурсов) в сезон заготовки; увеличением роли повседневной рыбалки, при которой основу уловов составляют обычные виды проточных и полупроточных водоемов окрестностей Кузнецка (плотва, ерш, окунь и т. д.); применением избирательных способов отловов (мелкоячеистых сетей, морд, удочек), благодаря чему вылавливается мелкая рыба; значительно большим количеством костей у костистых рыб в сравнении с осетровыми, что приводит к образованию бóльшего числа остатков костистых рыб при равном количестве утилизированной рыбы обеих макротаксономических групп. В любом случае рыболовство было одним из обычных видов деятельности поселенцев, а сезонная заготовка осетровых была обязательным элементом их хозяйственного уклада.

Установлено, как по качественному, так и по количественному составу, состоянию образцов, следам естественного и искусственного воздействия на них существенно отличаются друг от друга костеносные отложения построек и культурного слоя. Однако эти различия, видимо, являются результатирующим эффектом двух разных путей формирования локальных зооархеологических комплексов в разных частях раскопа и/или функционально разных объектах.

Костеносные отложения в культурном слое образованы в результате аккумуляции кухонных остатков от домашнего скота и диких мясных видов животных. Существенным фактором, трансформировавшим эти остатки и дополнительно определившим окончательный облик всего зооархеологического комплекса, было воздействие собак (может быть и кошек). Анализ этого комплекса дает общую информацию о составе стада скота, габитусе отдельных пород, наличие/отсутствие патологий, возрасте забоя, интенсивности и направлениях охоты, особенностях разделки туш животных, использовании отдельных частей скелета животных для изготовления предметов или для иных целей, внешних (военно-торговых) связях поселенцев и др., т. е. отражает хозяйственный уклад группы поселенцев. В целом для поселенцев характерным было придомное животноводство с содержанием разнообразного скота; ведущей ролью в системе жизнеобеспечения поселенцев крупнорогатого скота, основу поголовья которого составляли относительно небольшие по высоте в холке животные. Забивались в основном молодые животные, крупнорогатый скот в возрасте около 2 лет или 3 – 4 года, свиньи, начиная с 4-х месячного возраста; овцы, в возрасте от 1 года до 3 – 4 лет. Некоторые части туш крупнорогатого скота – роговые стержни или роговые чехлы – использовалась как заготовки. Туши расчленялись с использованием острых режуще-рубящих орудий, иногда пил. Утилизированные и неутилизированные остатки животных растаскивались и/или поедались собаками. В отдельных случаях на поселении появлялись экзотические домашние животные (верблюды). Охота имела второстепенное (эпизодическое) значение и велась вблизи поселения, в основном на мясные виды (копытные, медведь, заяц-беляк).

Таким образом, формирование зооархеологических комплексов построек генетически связано как с жизнедеятельностью хозяев конкретных построек, так и домашних хищных животных (кошек, собак), т. е. отражает индивидуально-бытовые особенности этих микросоциу-

мов, систему вертикальных и горизонтальных процессов перемещения костных остатков и их трансформацию. Часть из них происходила без участия человека, например из-за естественной смерти молодняка, или взрослых собак и кошек, результатом их охоты или растаскивания кухонных отбросов. Разновременные зооархеологические комплексы жилых построек в целом похожи друг на друга, что свидетельствует о сходных чертах быта поселенцев. Индивидуально-семейные особенности жилых построек выражаются в количестве разных групп животных, состоянии и анатомическом составе находок. В этом отношении комплекс объекта 17 выделяется. Здесь имелось захоронение молодой кошки, сконцентрированы остатки от рыб, найдены изделия из позвонков рыб и т. д. При всех индивидуальных различиях костеносных отложений построек, их главной и общей чертой, является отсутствие в массе остатков от основных и значимых для жизнеобеспечения видов домашнего скота (триады, образованной остатками рогатого скота и свиней). Это связано с тем, что пищевые отбросы выносились за пределы построек, а в их границах оставался только мелкий мусор, сохранившийся после уборки жилых построек, а также возле или под функционально значимыми объектами (печь). Примечательно, что в хозяйственных постройках почти нет зооархеологических материалов, т. е. они оставались вне влияния процессов формирования костеносных отложений. В то же время в составе коллекции присутствует не менее важный и обширный комплекс из остатков птиц и рыб, свидетельствующий о повседневном рыболовстве и, вероятно, птицеводстве или охоте на дичь, которые практиковали семьи. Эту черту хозяйственного уклада невозможно проследить в фаунистических материалах из культурного слоя. К категории необычных явлений можно отнести наличие под домами неповрежденных остатков ювенильных поросят (нет в культурном слое), наталкивающих на мысль, что они принадлежат части падшему естественным образом молодняку.

Литература

1. Российский государственный архив древних актов. Ф. 199. Портф. 526. Ч. 2. Д. 1.
2. Davis S. J. M. The Archaeology of Animals. New Haven: Yale University Press, 1995. 224 p.
3. Онищенко С. С., Филиппова А. В., Бибик Е. В., Теплова Н. С. Экология Кемеровской области: природно-территориальное устройство, социально-экономические и организационно-управленческие аспекты. Кемерово, 2013. 415 с.
4. Скалон Н. В. Рыбы Кемеровской области. Кемерово: СКИФ: ИПП Кузбасс, 2009. 112 с.
5. Язан Ю. П., Лавов М. А., Иванова Г. И., Овсюкова Н. И. Охота на копытных. М.: Лесная промышленность, 1976. 111 с.
6. Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.: Наука, 1970. 280 с.
7. Зиновьев А. В. Обзор конституционных особенностей крупного рогатого скота и лошадей из средневековых слоёв г. Твери // Тверской археологический сборник. 2015. Вып. 10. Т. 2. С. 326 – 330.
8. Петренко А. Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 175 с.
9. Цалкин В. И. Результаты определения костей животных из раскопок городища Маяк // Архив Новокузнецкого краеведческого музея (НКМ). НФ-Д. Оп. 1. Р. 1. Д. 25.
10. Эрдниев У. Э. Историко-археологическое исследование «Городище Маяк» // НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 1. Д. 2.
11. Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII – нач. XVIII вв. Абакан, 1995. 258 с.
12. Zeder M. A., Lapham H. A. Assessing the reliability of criteria used to identify postcranial bones in sheep, *Ovis*, and goats, *Capra* // Journal of Archaeological Science. 2010. V. 37. P. 2887 – 2905.
13. Zeder M. A., Pilar S. E. Assessing the reliability of criteria used to identify mandibles- and mandibular teeth in sheep, *Ovis*, and goats, *Capra* // Journal of Archaeological Science. 2010. Vol. 37. P. 225 – 242.

ON SOME RESULTS OF THE ZOOARCHEOLOGICAL STUDIES BASED ON THE EXCAVATIONS OF THE XVII – XVIII CENTURY KUZNETSK

***Sergey S. Onischenko*[1, @1], *Yuriy V. Shirin*[2, @2]**

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[2] *Museum-reserve «Kuznetsk Fortress», 1, Krepostnoy Per., Novokuznetsk, Russia, 654034*
[@1] *bios@kemsu.ru*
[@2] *shirin_a@mail.ru*

Received 07.11.2016.
Accepted 13.01.2017.

Keywords: zooarchaeology, zooarc-haeological assemblage, Kuznetsk, archaeology of the Russian settle-ment, Siberia.

Abstract: The article presents the analysis of faunal collections obtained during the excavation of the Kuznetsk in 2012 and dated to the XVII – XVIII centuries. There were studied 1534 remains of domestic and wild mammals, birds and fish. The result shows the similarities and differences in the structure of asynchronous zooarchaeological assemblage, synchronous of household buildings and cultural layers outside, peculiarities of formation of bone-bearing sediments at different sites and zoogenic impact on these processes. As for animal remains, cows and pigs prevailed; as for fish, the leading role belonged to the sturgeon. It is assumed that the main elements of the economic structure of the settlers were house cattle breeding, fishing and occasionally hunting for moose, bear, fox, hare, and wild birds. The settlers also had dogs, cats, sheep, horses, chicken. The analysis results are discussed in the context of distinctions of life of separate microsocieties, vertical and horizontal relocation of bone residues and their transformation.

For citation: Onischenko S. S., Shirin Yu. V. O nekotorykh rezul'tatakh zooarkheologicheskikh issledovanii po materialam raskopok Kuznetska XVII – XVIII vv. [On Some Results of the Zooarcheological Studies Based on the Excavations of the XVII – XVIII Century Kuznetsk]. *Bulletin of Kemerovo State University,* 2017; (2): 67 – 80. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-67-77.

Reference

1. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [Russian state archive of ancient acts]. Found 199, Portfolio 526, Part 2, File 1.
2. Davis S. J. M. *The Archaeology of Animals*. New Haven: Yale University Press, 1995, 224.
3. Onischenko S. S., Filippova A. V., Bibik E. V., Teplova N. S. *Ekologiia Kemerovskoi oblasti: prirodno-territorial'noe ustroistvo, sotsial'no-ekonomicheskie i organizatsionno-upravlencheskie aspekty* [Ecology of Kemerovo region. Natural and territorial, social and economic organizational and managerial aspects]. Kemerovo, 2013, 415.
4. Skalon N. V. *Ryby Kemerovskoi oblasti* [Pisces of Kemerovo region]. Kemerovo: SKIF: IPP Kuzbass, 2009, 112.
5. Yazan Yu. P., Lavov M. A., Ivanova G. I., Ovsukova N. I. *Okhota na kopytnykh* [Hunting for ungulates]. Moscow: Lesnaia promyshlennost', 1976, 111.
6. Tsalkin V. I. *Drevneishie domashnie zhivotnye Vostochnoi Evropy* [The most ancient domestic animals of Eastern Europe]. Moscow: Nauka, 1970, 280.
7. Zinov'ev A. V. Obzor konstitutsionnykh osobennostei krupnogo rogatogo skota i loshadei iz srednevekovykh sloev g. Tveri [An overview of the constitutional characteristics of cattle and horses from the medieval layers of the city of Tver]. *Tverskoi arkheologicheskii sbornik = Tver archaeological collection*, 2, no. 10 (2015): 326 – 330.
8. Petrenko A. G. *Drevnee i srednevekovoe zhivotnovodstvo Srednego Povolzh'ia i Predural'ia* [Ancient and medieval animal of the Middle Volga and Urals]. Moscow: Nauka, 1984, 175.
9. Tsalkin V. I. Rezul'taty opredeleniia kostei zhivotnykh iz raskopok gorodishcha Maiak [The results of the determination of animal bones from the excavations of the settlement Mayak]. *Arkhiv Novokuznetskogo kraevedcheskogo muzeia (NKM)* [Archive Novokuznetsk Museum of local lore]. NF-D, List 1, Part 1, File 25.
10. Erdniev U. E. Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie «Gorodishche Maiak» [Historical and archaeological research «the Settlement Mayak»]. *Arkhiv Novokuznetskogo kraevedcheskogo muzeia*. NF-D, List 1, Part 1, File 2.
11. Butanaev B. Ya., Abdikalikov A. *Materialy po istorii Khakasii XVII – nach. XVIII vv.* [Materials on the history of Khakassia XVII – early XVIII century]. Abakan, 1995, 258.
12. Zeder M. A., Lapham H. A. Assessing the reliability of criteria used to identify postcranial bones in sheep, *Ovis*, and goats, *Capra*. *J. of Archaeological Science*, vol. 37 (2010): 2887 – 2905.
13. Zeder M. A., Pilar S. E. Assessing the reliability of criteria used to identify mandibles- and mandibular teeth in sheep, *Ovis*, and goats, *Capra*. *J. of Archaeological Science*, vol. 37 (2010): 225 – 242.

УДК 947: 32(571.74)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ БУРЯТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-Х – 1970-Х ГГ.

Евгений Т. Протасов[1, @]

[1] *Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В. Р. Филиппова, Россия, 670024, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8*
[@] *protasov-evg@mail.ru*

Поступила в редакцию 09.01.2017.
Принята к печати 11.04.2017.

Ключевые слова: реформа, партийные органы, структуры исполнительной власти, министерства, предприятия, кадровая политика.

Аннотация: Предметом исследования является анализ экономических и структурных изменений в стране и автономной республике в рассматриваемый период с использованием системного, компаративистского подходов, институционального метода исследования. Наметив экономические преобразования, органы государственной власти и управления Союза ССР и Бурятской АССР развернули активную и целеустремленную работу по их реализации, проводили эффективную кадровую политику. В 1965 – 1966 гг. в сфере промышленного производства упразднялась территориальная система управления. Руководство отраслями передавалось созданным министерствам, возрастала роль государственных комитетов. Все это создавало благоприятные условия для развития научно-технического прогресса, а также основным для промышленности оставался курс на развитие и внедрение экономических методов руководства, самостоятельность предприятий, уменьшение административного регулирования их деятельности. Результаты развития народного хозяйства в восьмой пятилетке были лучшими за весь советский период. Вместе с тем оставался экстенсивный характер макроэкономики. Представленные материалы могут быть использованы для переосмысления с современных позиций вопросов формирования и развития органов государственной власти и управления.

Для цитирования: Протасов Е. Т. Экономическая реформа и функциональные изменения органов власти Бурятии во второй половине 1960-х – 1970-е гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 78 – 83. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-78-83.

Решения партийных и государственных органов власти Союза ССР, РСФСР, Бурятской АССР, осуществляя новую систему планирования и экономического стимулирования, за период восьмой и девятой пятилетки с 1966 по 1975 годы направляли и мобилизовывали трудовые коллективы предприятий и организаций на успешное выполнение производственных заданий, реализацию хозяйственной реформы, дальнейшее развитие экономики и культуры.

На основании постановлений Совета Министров СССР и РСФСР, а также решений Верховного Совета и Совета Министров Бурятии в республике в ноябре 1965 г. были вновь созданы министерства пищевой, топливной промышленности, лесного хозяйства, бытового обслуживания, управления промышленности строительных материалов. На министерства и управления возлагались ответственные задачи по квалифицированному руководству предприятиями и обеспечению динамичного развития всех отраслей производства [1, с. 530]. На бюро обкома партии и в Совете Министров республики были утверждены составы коллегий министерств [2, л. 127 – 132, 198 – 199].

Необходимо отметить, что в «переходный период» с января 1965 г. по декабрь 1966 г. было принято 20 постановлений Верховного Совета [3, л. 11 – 12] и Указов Президиума Верховного Совета Бурятской АССР [4 – 6], 26 постановлений и распоряжений Совета Министров республики [7 – 10] (что отражено в таблице), 7 постановлений пленумов и бюро областного комитета партии по вопросам упразднения совнархозовских структур, образованию отраслевых министерств, новых управлений, переименованию исполкомов городских и районных Советов, а также функционально-структурной перестройки региональной экономики. В значительной мере они касалась организации полноценной работы восстановленных министерств и учреждений. Названные органы власти республики приняли более 110 постановлений и распоряжений по кадровым назначениям различных должностных лиц и соответствующим освобождениям от занимаемой должности.

Таблица. **Количество нормативных актов высших органов государственной власти Бурятской АССР в 1965 – 1966 гг.**
Table. **Number of normative acts of the Supreme bodies of the Buryat ASSR State power in 1965 – 1966**

Сроки принятия решений	Постановления Верховного Совета	Указы и постановления Президиума Верховного Совета	Постановления и распоряжения Совета Министров
1965 год			
Январь		1	
Февраль			1
Март		2	
Апрель			1
Май			2
Июнь	2		1
Июль			
Август			
Сентябрь			1
Октябрь		1	
Ноябрь			2
Декабрь	4	2	3
1966 год			
Январь			
Февраль		1	2
Март			1
Апрель		2	2
Май			1
Июнь	3		2
Июль			
Август			2
Сентябрь			
Октябрь		1	2
Ноябрь			3
Декабрь	1		

Состоявшийся 14 января 1965 г. VIII пленум Бурятского обкома КПСС, принял решение преобразовать партийные комитеты производственных колхозно-совхозных управлений и районные парткомы в шестнадцать районных комитетов партии, упразднив промышленно-производственные (зональные) партийные комитеты. Соответственно преобразованы и советские органы власти районного и городского уровней с возвращением прежних наименований. Президиум Верховного Совета республики принял соответствующие указы о восстановлении прежних названий местных Советов и их исполнительных органов.

8 января 1966 г. Законом Бурятской АССР органы партийно-государственного контроля были преобразованы в органы народного контроля. Было установлено, что органами народного контроля в республике являются Комитет народного контроля Бурятской АССР, аймачные и городские комитеты, а также группы и посты народного контроля при сельских (сомонных), поселковых Советах депутатов трудящихся, на предприятиях, в колхозах и совхозах, учреждениях и организациях [5, л. 233].

Соответствующие кадровые вопросы решались также посредством рассмотрения на бюро обкома партии согласно его основной номенклатуры. Во главе вновь образованных министерств, государственных комитетов, а ранее действовавших органов исполнительной власти были утверждены опытные руководители. Это Н. Е. Медведев, М. Ф. Завгородняя, Н. И. Бизюкин, В. Б. Саганов, Н. В. Бутуханов, Л. Д. Мадыева, С. С. Дмитриев, В. Ф. Лысов, И. Д. Черняков, В. А. Волков, С. Ф. Иванов [11, л. 82]. Это также относится к первым лицам производственных объединений и управлений: К. А. Восканьянц (Бурятское управление строительства), Г. А. Алексеев (УКС при Совете Министров), И. И. Болдогоев (Рыбакколхозсоюз), В. Б. Танхаев (Управление снабжения и сбыта), Н. И. Миханьков (Управление строительных материалов), Ц. Д. Булдаев (Управление связи), Г. М. Бурдинский (Сибэлектромонтаж), Г. Ф. Маслов (Бурятремстрой) [12, л. 18]. В марте 1966 г. в системе исполнительных органов власти и управления республики функционировало 11 министерств, 4 государственных комитета.

Вместе с тем постепенно и периодически расширялась номенклатура областного комитета партии и его отраслевых отделов в связи с увеличением количества министерств и ведомств, государственных комитетов,

производственных объединений и управлений, а также появлением новых предприятий и учреждений. Обновлявшиеся номенклатурные кадры принадлежали к когорте руководителей новой эпохи в историческом развитии республики и во многом отражали характер кадровой политики высших органов власти Бурятии во главе с партийным лидером А. У. Модогоевым [13].

С 1966 г. начала реализовываться новая система планирования и экономического стимулирования. У предприятий появилась определенная самостоятельность. Резко снизилось количество обязательных производственных показателей. Кроме основных показателей были введены новые: стоимость реализованной продукции, общий фонд заработной платы, общая сумма централизованных капиталовложений. Для создания условий для стимулирования часть доходов оставалась в распоряжении предприятий. Первым из предприятий на новую систему хозяйствования перешел с 1 июля 1966 г. завод «Теплоприбор», затем по новой системе начали работать на Улан-Удэнской тонкосуконной фабрике, Тимлюйском цементном заводе, основных цехах ЛВРЗ, Улан-Удэнской ТЭЦ, с января 1967 г. – завод «Электромашина», Улан-Удэнское отделение железной дороги, предприятия управления «Бурятэнерго». Так, завод «Теплоприбор», выпуская приборы теплового контроля и регулирования технологических процессов, внедрил хозяйственный расчет во всех цехах, участках и инженерно-технических службах, настойчиво проводил работу по совершенствованию системы внутризаводского планирования, научной организации труда, бездефектного изготовления продукции и сдачи ее с первого предъявления, внедрения технической и производственной эстетики, повышения культуры производства. Коллективу Локомотивовагоноремонтного завода за достижение высоких производственных показателей в течение 1966 и 1967 годов пять кварталов подряд вручались переходящие Красные знамена совета Министров СССР и ВЦСПС, а также Министерства путей сообщения и ЦК профсоюза работников железнодорожного транспорта [14, л. 28].

В конце 1969 г. предприятия, работавшие по новой экономической системе, давали 68,3 % продукции и 91,7 % прибыли. В 1970 г. было уже 149 таких предприятий, или 69,6 %. Они вырабатывали 77,5 % объемов производства, а общее количество рабочих и служащих там составляло 91,9 % [15, с. 74].

Успешное развитие промышленности в стране и регионах, рост доходов населения способствовали повышению темпов роста предметов потребления. Поэтому 30 декабря 1966 г. было принято специальное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О максимальном использовании имеющихся резервов и местных возможностях для увеличения товаров народного потребления». Были приняты эффективные меры по реконструкции и расширению производства, а также освоению новых производственных мощностей на предприятиях легкой и пищевой промышленности Бурятии.

Последовательные и настойчивые меры по механизации и автоматизации технологических процесс-сов, повышению профессионального мастерства и квалификации работников, расширению и реконструкции цехов и производственных участков способствовали увеличению основных фондов Тонкосуконной фабрики почти на 50 %, значительному росту выпуска продукции, повышению ее качества и расширению ассортимента. Объемы выпускаемой продукции легкой промышленности в восьмой пятилетке увеличились в 2,2 раза, а ее доля на общереспубликанском уровне повысилась почти в 1,5 раза, достигнув в 1970 г. 26,8 % [16, л. 18 –19].

За 1966 – 1970 гг. были построены и начали действовать Холбольджинский угольный разрез, новые цеха приборостроительного завода, Илькинский авторемонтный завод, Баргузинская автоматическая дизельная электростанция, завод силикатного кирпича, макаронная фабрика, молочные заводы [17, л. 6]. Продолжилось строительство Селенгинского ЦКК, Гусиноозерской ГРЭС, завода металлических мостовых конструкций. Завершена электрификация протяженного участка Восточно-Сибирской железнодорожной дороги на линии Слюдянка – Мысовая – Улан-Удэ – Петровск-Забайкальский длиной около 500 километров. Согласно Постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 24 марта 1967 г. [18, л. 8 – 9] в целях создания условий для дальнейшего развития производительных сил в районах Забайкалья и Дальнего Востока и повышения пропускной и провозной способности железных дорог в указанных районах признано целесообразным осуществить строительство Байкало-Амурской магистрали.

Проведены значительные мероприятия по дальнейшему развитию производительных сил, выполнению заданий по вводу в действие новых производственных мощностей, реконструкции и расширению действующих предприятий, повышению эффективности общественного производства на основе научно-технического прогресса. Республика досрочно, 11 декабря 1970 г., выполнила пятилетний план по выпуску промышленной продукции, объем которой за годы пятилетки возрос на 64,6 %, производительность труда – на 46 %, прибыль – в 3,6 раза. Основные производственные фонды возросли в 1,3 раза, выполнены задания по производству большинства важнейших видов продукции [17, л. 5]. Успешно выполнялись принимаемые ежегодные социалистические обязательства работников промышленной и сельскохозяйственной групп отраслей и по отдельным отраслям.

Как и по всей стране, в Бурятии высокими темпами развивались отрасли, способствующие ускорению технического прогресса и росту производительности труда [17, л. 25]. За пятилетие на 55 % возросли капитальные вложения. В строй действующих предприятий введены новые мощности по выпуску приборов, добыче угля, известняков, кирпича, ремонту автомобилей, производству пищевых продуктов и т. д. Многие действующие предприятия подверглись реконструкции. 150 предприятий переведены на новую систему хозяйствования, на долю которых приходится 79 % реализованной продукции и 99 % прибыли. Повысилась геологическая изученность территории республики. Продолжена работа по наращиванию мощности топливно-энергетического комплекса базы республики, введен в эксплуатацию малый Холбольджинский угольный разрез и начато строительство Гусиноозерской ГРЭС мощностью 1,2 млн квт. Дальнейшее развитие получили жилищное строительст-

во, культурно-бытовое обслуживание трудящихся, торговля, здравоохранение, наука, народное образование, печать, радио и телевидение.

Реализация хозяйственной реформы потребовало определения правового положения министерств СССР, а также инициатива Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина обусловили внесение уточнений и дополнений в статус министерств, в основы организации и деятельности возросшего числа штабов отраслей. В Постановлении Совета Министров Союза СССР от 10 июля 1967 г. «Общие положения о министерствах СССР» представлено понятие министерства и его системы, определена цель деятельности, задачи, ответственность и место министерств в системе управления [19, с. 193 – 203]. В документе отмечено, что министерства являются центральными органами государственного управления по осуществлению руководства соответствующей отраслью народного хозяйства, несут ответственность перед государством и народом за состояние отрасли. В качестве центрального органа они строят свои отношения с одноименными министерствами республик и подведомственными предприятиями как отношения подчиненности. Развивают отрасли с учетом деятельности и не подведомственными им предприятиями, выпускающими такую же продукцию. Каждая отрасль развивается с учетом условий комплексного развития макроэкономики, поэтому каждый штаб отрасли при возникновении межотраслевых вопросов должен согласовывать свои действия с другими министерствами и организациями. Новое положение предоставляло право издавать совместные министерские приказы и инструкции, а также совместные постановления. Так, например, расширилась практика принятия совместных постановлений отдельных министерств с ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, а также другими организациями различных уровней. Это диктовалось актуальными проблемами и задачами социально-культурного, воспитательного, мобилизационного характера и другими вопросами.

Принимая во внимание значимость рассмотренного нормативного акта, в Бурятии подготовили аналогичный документ. 6 сентября 1979 г. Верховным Советом республики принят Закон Бурятской АССР «О Совете Министров Бурятской АССР» [20, с. 102], в котором нашли отражение примерно те же постановочные вопросы. Несколько ранее Совет Министров республики принял постановление от 10 сентября 1976 г. № 346 «Об утверждении положения о порядке работы Совета Министров Бурятской АССР и его аппарата» [20, с. 120]. 11 марта 1970 г. было утверждено «Положение об Управлении Делами Совета Министров Бурятской АССР» [20, с. 129]. 21 марта 1974 г. было принято соответствующее правительственное постановление, утвердившее положение об организационно-инструкторском отделе Совета Министров Бурятской АССР [20, с. 131]. Важное значение имели Закон Союза СССР «О Совете Министров СССР» от 5 июля 1978 г. [19, с. 131 – 144], Постановление Совета Министров СССР от 20 августа 1987 г. «О совершенствовании работы в Совете Министров СССР и структуре его аппарата» [19, с. 144 – 149]. Все эти правовые акты, безусловно, способствовали повышению эффективности работы исполнительных органов власти.

По мнению известного советского политика и экономиста, члена-корреспондента АН СССР и РАН В. А. Медведева, «Восьмая пятилетка была, пожалуй, последним успешным периодом социально-экономического развития страны. Темпы экономического развития… оказались даже несколько выше, чем в предшествующие годы… В дальнейшем экономическое развитие стало быстро и неуклонно ухудшаться. Два последующих пятилетних плана, включая их социальные программы, оказались сорванными. Экономическая реформа не принесла ожидаемого результата, прежде всего потому, что продолжала сохраняться старая, неэффективная модель экстенсивного развития» [21, с. 315].

В годы девятой пятилетки (1971 – 1975 гг.) народнохозяйственный потенциал страны и автономной республики почти удвоился. Страна достигла нового технического уровня, развились отрасли промышленности, которые только еще формировались в предшествующее десятилетие (электроника, точное приборостроение, атомная промышленность и другие). Массовым явлением стало создание производственных, научно-производственных, агропромышленных, межколхозных объединений. Сформировалась единая энергосистема, транспортная система СССР, единая система автоматической связи, нефте- и газоснабжения. Более тесными стали хозяйственные связи республик и регионов. Однако административно-командная система управления, практика планирования и давления директивных органов над предприятиями сохранялась. В 1970-е гг. несоответствие между уровнем развития производительных сил и устаревшими формами производственных отношений заметно усилилось. Все более очевидной стала необходимость выработки новых подходов к экономическим и социальным проблемам.

Таким образом, в рассматриваемом периоде представлен плодотворный, эффективный этап советской государственности, наполненный яркими политическими и экономическими событиями и процессами. Органы государственной власти и управления страны и республики вносили значительный вклад в дело становления и развития социалистической экономики и культуры, в укрепление государства, повышение благосостояния народа. Последовательность преобразований властных структур отражает общие закономерности развития Советского государства. С увеличением масштабов хозяйственного и социально-культурного строительства предъявляются возрастающие требования к уровню управления. С корректировкой задач и функций государства в различные исторические периоды меняется и содержание деятельности государственных учреждений, стиль работы, уточняются функции, полномочия, вырабатываются обновленные подходы управленческой деятельности. Вместе с тем отказ от решения структурных проблем в народнохозяйственном комплексе сыграл решающую роль в кризисе советской индустрии, начавшемся примерно с середины 1970-х гг. в системе, в которой, казалось бы, присутствовала вся совокупность черт промышленно развитой макроэкономики. Реформы 1960-х – 1970-х гг. не затронули экстенсивной сущности экономического механизма.

Литература

1. Очерки истории Бурятской организации КПСС / отв. ред. А. У. Хахалов. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1970. 612 с.
2. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 1п. Оп. 1. Д. 7661.
3. ГАРБ. Ф. Р-475. Оп. 2. Д. 72.
4. ГАРБ. Ф. Р-475. Оп. 9. Д. 201.
5. ГАРБ. Ф. Р-475. Оп. 9. Д. 239.
6. ГАРБ. Ф. Р-475. Оп. 9. Д. 241.
7. ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 2. Д. 72.
8. ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 20. Д. 1609.
9. ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 20. Д. 1721.
10. ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 20. Д. 1725.
11. ГАРБ. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 7362.
12. ГАРБ. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 7367.
13. Палхаева Е. Н. Трансформация государственности бурят в XX – XXI вв. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2012. 321 с.
14. ГАРБ. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 7508.
15. Продайвода К. М. Индустриальная поступь Бурятии. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1974. 198 с.
16. ГАРБ. Ф. 1. Оп. 25. Д. 7.
17. ГАРБ. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 7827.
18. ГАРБ. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 7472.
19. Свод законов СССР. Т. 1. М.: Известия. 1980. 660 с.
20. Собрание действующего законодательства Бурятской АССР. Т. 1. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1981. 628 с.
21. Хайтун С. Д. Номенклатура против России. Эволюционный тупик. М.: Либроком, 2014. 734 с.

ECONOMIC REFORM AND FUNCTIONAL CHANGES OF THE AUTHORITIES OF BURYATIA IN THE LATE 1960s – 1970s

***Evgeny T. Protasov*[1, @1]**

[1] *Philippov Buryat State Agriculture Academy, 8, Pushkin St., Ulan-Ude, Russia, 670024*
[@] *protasov-evg@mail.ru*

Received 09.01.2017.
Accepted 11.04.2017.

Keywords: reform, party organs, structures of executive power, the Ministry of, enterprises, manpower policy.

Abstract: The subject of the research is the analysis of economic and structural changes in the country and the autonomous republic in the examined period with the use of the systemic and comparative approaches, as well as institutional research method. When planning the economic reforms, the USSR and the Buryat ASSR bodies of state power and control did an active and purposeful job to implement them and carried out an effective personnel policy. In 1965 – 1966 the territorial management system was abolished in industrial production. Branch management was passed on to newly created ministries, the role of state committees increased. These facts created auspicious conditions for scientific and technical progress development. Moreover, the main purpose of the production was the course on development and inculcation of economic management methods, independence of enterprises, and reduction of administrative regulation of their activity. The results of economic development during the 8th five-year plan were the best for the whole Soviet period. At the same time, macroeconomics still maintained an extensive character. The provided materials interpreted in a modern light can be used for reconsideration of state governing bodies' formation and evolution.

For citation: Protasov E. T. Ekonomicheskaia reforma i funktsional'nye izmeneniia organov vlasti Buriatii vo vtoroi polovine 1960-kh – 1970-e gg. [Economic Reform and Functional Changes of the Authorities of Buryatia in the Late 1960s – 1970s]. *Bulletin of Kemerovo State University,* 2017; (2): 78 – 83. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-78-83.

References

1. *Ocherki istorii Buriatskoi organizatsii KPSS* [Historical sketches of the Buryat CPSU]. Ed. Khakhalov A. U. Ulan-Ude: Buriatskoe kn. izd-vo, 1970, 612.
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiia (GARB)* [State Archives of Republic of Buryatia]. Found 1p, List 1, File 7661.
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiia* [State Archives of Republic of Buryatia]. Found 475, List 2, File 72.
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiia* [State Archives of Republic of Buryatia]. Found 475, List 9, File 201.
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiia* [State Archives of Republic of Buryatia]. Found 475, List 9, File 239.
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiia* [State Archives of Republic of Buryatia]. Found 475, List 9, File 241.
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiia* [State Archives of Republic of Buryatia]. Found 248, List 2, File 72.
8. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiia* [State Archives of Republic of Buryatia]. Found 248, List 20, File 1609.
9. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiia* [State Archives of Republic of Buryatia]. Found 248, List 2, File 1721.
10. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiia* [State Archives of Republic of Buryatia]. Found 248, List 20, File 1725.
11. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiia* [State Archives of Republic of Buryatia]. Found 1p, List 1, File 7362.
12. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiia* [State Archives of Republic of Buryatia]. Found 1p, List 1, File 7367.
13. Palkhaeva E. N. *Transformatsiia gosudarstvennosti buriat v XX – XXI vv.* [Transformation of Buryat statehood in XX – XXI centuries]. Ulan-Ude: Izd-vo Buriatskogo gos. un-ta, 2012, 321.
14. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiia* [State Archives of Republic of Buryatia]. Found 1p, List 1, File 7508.
15. Prodaivoda K. M. *Industrial'naia postup' Buriatii* [Industrial gait of Buryatia]. Ulan-Ude: Buriatskoe kn. izd-vo, 1974, 198.
16. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiia* [State Archives of Republic of Buryatia]. Found 1, List 25, File 7.
17. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiia* [State Archives of Republic of Buryatia]. Found 1p, List 1, File 7827.
18. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiia* [State Archives of Republic of Buryatia]. Found 1p, List 1, File 7472.
19. *Svod zakonov SSSR* [Compiled laws of USSR]. Moscow: Izvestiia, vol. 1 (1980): 660.
20. *Sobranie deistvuiushchego zakonodatel'stva Buriatskoi ASSR* [Collection of the current legislation of Buryat ASSR]. Ulan-Ude: Buriatskoe kn. izd-vo, vol. 1 (1981): 628.
21. Haitun S. D. *Nomenklatura protiv Rossii. Evoliutsionnyi tupik* [Political elite against Russia. Evolutionary impasse]. Moscow: Librokom, 2014, 734.

УДК 94 (47 + 57) + 070 (09)

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СИБИРСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

***Наталия Н. Родигина*[1, 2, @1], *Ирина С. Козлова*[2, @2]**

[1] *Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук, Россия, 626152, г. Тобольск, ул. акад. Ю. Осипова, 15*
[2] *Новосибирский государственный педагогический университет, Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28*
[@1] *natrodigina@list.ru*
[@2] *kozlovairina0611@mail.ru*

Поступила в редакцию 18.11.2016.
Принята к печати 21.02.2017.

Ключевые слова: история повседневности, история сибирской журналистики, поле журналистики, история России второй половины XIX – начала XX века.

Аннотация: В статье обосновывается актуальность изучения повседневной жизни сибирских журналистов второй половины XIX – начала XX вв., предлагаются подходы к ее изучению, определяется содержание основных рабочих понятий.

Представляется продуктивным совмещение нескольких внутренне не противоречивых подходов к исследованию повседневности профессионального сообщества журналистов в зауральских губерниях Российской империи. Во-первых, мы соотносим тему своих научных интересов с предметным полем антропологии профессий, для которой характерно внимание к вопросам о критериях, определяющих принадлежность к профессиональному сообществу, оценке статуса профессии как профессионалами, так и социумом, отношениям между разными акторами внутри профессиональной группы, конфликтам и формам самоорганизации профессионалов. Во-вторых, тема предполагает обращение к наработкам историков повседневности. В качестве базового востребованы определение предметной области повседневности Н. Л. Пушкаревой и С. В. Любичанковского, а также теоретические положения А. Людтке. Применительно к изучаемой реальности раскрыто содержание понятий «журналист», «сибирский журналист», сделаны отдельные выводы о специфике формирования социопрофессиональной группы сибирских журналистов во второй половине XIX – начале XX вв.

Для цитирования: Родигина Н. Н., Козлова И. С. Повседневная жизнь сибирских журналистов второй половины XIX – начала XX вв.: методология исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 84 – 89. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-84-89.

Актуальность и замысел статьи

Сибирская журналистика второй половины XIX – начала XX вв. традиционно находится в сфере внимания специалистов по политической истории и региональной культуре, историков периодической печати. В обобщающих работах С. И. Гольдфарба [1], Л. Л. Ермолинского [2], Н. В. Жиляковой [3], Н. И. Кондратьева [4], Л. С. Любимова [5], В. В. Шевцова [6] и др. определены периоды и тенденции развития региональной журналистики, охарактеризована деятельность и мировоззренческая направленность ведущих изданий, выявлены основные факторы, предопределившие региональную специфику сибирской прессы, раскрыто ее влияние на общественное и культурное развитие края, на формирование региональной идентичности сибиряков. На сегодняшний день в истории отечественной журналистики доминирует подход, согласно которому предметная область этой науки соотносится с историей периодических изданий, а не с историей журналистов как социопрофессиональной группы. Лишь в последние годы начали появляться исследования, посвященные картине мира, профессиональной идентичности, системе ценностных ориентаций российских журналистов [7 – 10]. На наш взгляд, изучение повседневной жизни сибирских журналистов второй половины XIX – начала XX вв. не только расширит представления о прошлом сибирской интеллигенции, институтах ее формирования, вариантах ее социальной активности, но и позволит переосмыслить роль журналистов в формировании коммуникативного пространства региона, охарактеризовать профессиональные практики сотрудников местной периодики в период ее становления. А самое главное – даст шанс приблизиться к пониманию того, как жили «властители дум» сибирской читающей публики, как они относились к своей повседневности, какие обстоятельства ее определяли, как именно повседневность влияла на их творчество.

Выбранная нами проблематика нуждается в обосновании теоретико-методологического аппарата. Вследствие этого, задача данной статьи – обосновать методологические подходы к изучению повседневной жизни сибирских журналистов второй половины XIX – начала XX вв.

Методологическая рамка

По нашему мнению, продуктивно совмещение нескольких внутренне не противоречивых подходов к изучению повседневности сибирских журналистов второй половины XIX – начала XX вв.

Замысел нашей работы соотносится с предметной областью антропологии профессий в исторической рет-

роспективе. Вслед за П. В. Романовым, Е. Р. Ярской-Смирновой под антропологией профессий мы подразумеваем методологический подход к исследованию различных аспектов повседневной жизни профессий и профессиональных групп, понимаемых в широком смысле. Антропологический взгляд на профессии стремится не подгонять изменчивую и многообразную реальность под идеальные схемы, а приблизиться к пониманию жизненных миров и способов действия тех людей, которые эту реальность конструируют [11, с. 20]. Естественно, мы не можем использовать такие методы антропологов и социологов профессий как включенное наблюдение, нарративные интервью, опросы, анкетирование и др., но мы можем задавать исследовательские вопросы, традиционно интересующие представителей данного подхода к разноплановым источникам (эго-текстам, делопроизводственной документации, материалам периодической печати, художественным текстам, фотодокументам и др.), позволяющим описать повседневность журналистов интересующей нас эпохи. А именно: какие критерии использовали журналисты для определения границ своего профессионального сообщества; как они определяли статус профессии и каким статусом она наделялась в социуме; как складывались отношения между профессионалами внутри сообщества (репортерами и издателями, редакторами и театральными критиками и пр.) и какого рода конфликты были ему присущи; какие существовали формы самоорганизации.

Изучение повседневности сибирских журналистов представляется не продуктивным без обращения к их профессиональной субкультуре. Мы опираемся на понятие профессиональной субкультуры, предлагаемое Т. Щепанской, включающей в нее «как знаковые (символы, атрибуты, фольклор), так и социально-поведенческие (формы общения, нормы, стереотипы поведения) аспекты этих традиций – то есть социальные отношения и их культурные коды» [12, с. 141]. Работы Б. Тернера, Т. Щепанской фиксируют внимание на значимости выявления рутинных повседневных взаимодействий в рамках профессиональной группы, на важности изучения профессиональной мифологии, фольклора, особых систем смыслов, разделяемых группой людей, работающих совместно, символических форм их поведения, норм и стереотипов поведения, мотивов неформального дискурса и структур межличностных взаимодействий [13; 14].

Мы соотносим свою работу с предметным полем истории повседневности. В качестве рабочего мы взяли определение данного понятия Н. Л. Пушкаревой и С. В. Любичанковского, согласно которому история повседневности – отрасль исторического знания, предметом ее изучения является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневности – комплексное исследование повторяющегося, «нормального» и привычного, конструирующего стиль и образ жизни у представителей разных социальных слоев, включая эмоциональные реакции на жизненные события и мотивы поведения [15, с. 8]. Вслед за названными исследователями к сфере повседневного мы относим: событийную область публичной повседневной жизни, способы приспособления людей к событиям внешнего мира; обстоятельства частной личной домашней жизни; эмоциональную сторону событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей [15, с. 9]. Таким образом, в сфере внимания историков оказывается как публичная (в том числе и профессиональная) повседневность, сфера частной повседневной жизни, так и восприятие повседневности индивидом и группой. Нами использованы труды А. Людтке, положившего в основу изучения повседневности практики, то есть поведение, посредством которого люди осваиваются с условиями жизни [16, с. 59].

Особый интерес для нас представляют работы П. Бурдье о поле журналистики. По его мнению, «журналистское поле основывается на совокупности общих предпосылок и верований (независимо от различий позиций и мнений). Эти предпосылки, являющиеся составной частью особой системы категорий мышления, особого отношения к языку» [17, с. 65]. Вслед за Бурдье мы считаем, что журналисты обладали специфическим видением мира, который они транслировали посредством собственных статей. Следовательно, анализ условий, в которых протекала их профессиональная деятельность, понимание того, как они выстраивали стратегии поведения, позволит выявить специфику данной профессиональной группы.

История повседневности предполагает обращение к микроисторическому подходу. Задача исследователя в данном случае проанализировать участие конкретных индивидов в тех или иных событиях, выявить мотивы их поведения. Кроме того, микроисторический подход позволяет увидеть, как события, имеющие общероссийский масштаб, преломлялись в судьбах простых людей. Сошлемся на мнение теоретика микроистории Х. Медика, отмечающего, что данный подход «не исключает выхода как на масштабные исторические взаимосвязи, так и на обсуждение общих исторических проблем» [18, с. 200]. Используя данный подход, мы сможем раскрыть субъективное восприятие исторической реальности журналистами, понять то, как они конструировали свою повседневную жизнь, как соизмеряли свои возможности, стремления с условиями жизни, которые их окружали.

Особый интерес в рамках нашего исследования приобретает такой подход, как историческая антропология. По мнению М. М. Крома, признаки исторической антропологии сводятся к следующему: «преимущественное внимание к межличностному и межгрупповому взаимодействию, взгляд на происходящие процессы с позиции их участников (или жертв); изучение всех видов социальных практик, рутины и повседневности на всех уровнях и во всех проявлениях» [19, с. 70]. Историко-антропологический подход позволит осуществить анализ профессионального сообщества журналистов с позиции его непосредственных субъектов, а также сконцентрировать исследование вокруг индивидуальностей журналистов во всех проявлениях, характерных для повседневной жизни.

Определение ключевых понятий

Исходя из избранной нами оптики изучения журналистики как профессии, остановимся на том, в каком варианте мы употребляем данное понятие, имея в виду его многозначность. Р. Н. Абрамовым [20], Т. Л. Александровой [21], Т. Х. Маршаллом [22], П. В. Романовым, Е. Р. Ярской-Смирновой [11] охарактеризованы подходы

к изучению профессий, выявлена их эволюция, что дает нам возможность не останавливаться на истории вопроса, а обозначить лишь те варианты определения профессии, которые представляются наиболее оптимальными для нашего исследования. В рамках феноменологического подхода, выросшего из исследований М. Вебера, развитого в трудах интеракционистов чикагской школы (Э. Хьюза и др.) и работах отечественных социологов П. В. Романова и Е. Р. Смирновой-Ярской, под профессией мы понимаем профессию как относительно замкнутый и самодостаточный жизненный мир, интерпретируя взгляды профессионалов на их повседневность. Когда мы используем слово «профессия» как социальный ярлык, то подразумевается определенный вид деятельности, внутренне единый, но при этом отличающийся и даже закрытый от внешнего мира особыми знаниями и технологиями [11, с. 19]. Такой достаточно широкий вариант определения данного понятия позволяет рассматривать профессионалов как социальных агентов с близкими, но не всегда предсказуемыми целями и ценностями, дает возможность учитывать, как профессионал определяет свой статус в своей профессиональной группе и как определяют статус группы в социальной иерархии представители других профессиональных сообществ, государство, рынок. Кроме того, он не исключает и наиболее распространенной интерпретации профессии как деятельности, приносящей доход и требующей особых знаний, навыков и правил поведения.

Отечественные исследователи по-разному определяют время появления журналистики как профессии, соответственно, основываясь на разных подходах к определению феномена профессионализма. Так, Л. Г. Свитыч трактуя журналистику как вид деятельности, ведет отсчет появлению журналистики с петровской эпохи – времени появления первой русской газеты. Рассматривая литераторов и журналистов как представителей одной социопрофессиональной группы, она выделяет эпохи персонального и массового журнализма. Первая длилась до отмены крепостного права, когда газету или журнал издавал узкий круг лиц, а иногда и один человек, который нередко являлся и учредителем, и владельцем, и издателем, и редактором, и автором своего издания [23, с. 20]. Для эпохи массового журнализма (со времени либеральных реформ до советского периода) характерно увеличение количества периодических изданий, их коммерциализация, расширение читательской аудитории, появление бульварной прессы. Следствием, по мнению автора, является появление «двух типов журнализма – солидный, серьезный и желтый, бульварный» [23, с. 21]. По нашему мнению, журналистика превращается в профессию именно во второй половине XIX – начале XX в. под влиянием процесса модернизации, который выражался в росте городского населения; увеличении количества грамотных; усилении потребности в оперативной информации; заимствовании дворянских, в значительной степени европеизированных, поведенческих образцов представителями других сословий; расширении круга интеллектуалов за счет разночинцев; стремлении населения к участию в политической жизни страны и др. Количественный рост и дифференциация читательской аудитории, связанные с приобщением к чтению новых социальных слоев, повлекли за собой увеличение числа периодических изданий и усилили спрос на журналистские кадры. Как показано А. И. Рейтблатом, с конца 1850-х – начала 1860-х гг. интенсивно идет профессионализация литературы. Если в 1830 г. литературой зарабатывало себе на жизнь 5,1 % авторов, в 1855 г. – 8,9 %, то в 1880 г. – 32,9 %. При этом необходимо иметь в виду, что непрофессиональные авторы, как правило, редко выступали в печати, а профессионалы являлись штатными сотрудниками редакций, либо тесно сотрудничали с ними, и в общем объеме публикаций их работы составляли большинство [24, с. 254 – 255]. К 1914 г. доля литераторов, живших на литературные доходы, равнялась 1150 человек, что составило 43,2 % от общего числа авторов [24, с. 269]. Расширение круга профессиональных литераторов шло главным образом за счет журналистов, живших на литературные доходы, тесно связанных с редакцией того или иного периодического издания, работавших чаще всего в таких жанрах, как очерк, статья, рецензия, компиляция [24, с. 256].

Итак, в изучаемый нами период социопрофессиональная группа находилась на стадии формирования, поэтому далеко не все критерии, описывающие границы современного профессионального сообщества, применимы к интересующему нас времени. В числе критериев А. М. Сосновская, выявляя черты профессиональной идентичности журналистов советской и постсоветской эпохи, называет:

1) работает в СМИ;

2) зарабатывает себе на жизнь с помощью этой профессии;

3) регулярно публикует (выдает в эфир) свои материалы;

4) имеет журналистское образование;

5) имеет интерес к профессии;

6) входит в журналистское сообщество и признан коллегами;

7) имеет коммуникативные и публичные способности и интересы;

8) уделяет больше времени публичной сфере, нежели приватной [9, с. 144].

К изучаемой нами эпохе практически не применим тезис о наличии специального журналистского образования у русских журналистов, так как первая попытка открыть высшую школу журналистики была предпринята литератором П. Д. Боборыкиным в 1902 г., однако она не была успешной. В 1905 г. в Москве открылись научные и практические курсы для журналистов под руководством профессора Л. Е. Владимирова. Они просуществовали с февраля по декабрь и были закрыты в связи с Декабрьским вооруженным восстанием [25, с. 77]. Эго-тексты сибирских журналистов изучаемой эпохи полны сетований на нехватку как общего, так и профессионального образования. К примеру, в письме А. В. Адрианова Г. Н. Потанину читаем: «И то сказать, человек я не быстрый, работа у меня всякая идет медленно и несколько беспорядочно, а главное, что мне всегда приходится сознавать – недостаток общего образования, пополнить которое становится всё меньше возможности; к тому же и способности-то мои не ахти» [26, с. 104].

Л. С. Любимов приводит следующие сведения о профессиональном составе и образовании сотрудников сибирской периодики. Им учтено около 7 тыс. лиц, выступавших в прессе XIX – начале XX в. в качестве журналистов

и корреспондентов. По его подсчетам только с «Восточным обозрением» сотрудничало около 600 человек. Лишь треть из них были ссыльные, 15 % – учителя, 14 % – медики, 12 % – учёные, свыше 8 % – чиновники, 6 % – инженеры, 4 % – агрономы, 6 % – юристы, 2 % – художники, артисты и музыканты. Если не считать приезжих чиновников, большинство журналистов в Сибири вышли из учителей (П. А. Словцов, М. В. Загоскин, Н. С. Щукин, С. С. Шашков, В. П. Паршин, К. В. Дубровский, П. И. Макушин), учёных (Н. А. Абрамов, А. В. Адрианов, Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, А. П. Щапов, Н. Н. Козьмин), врачей (А. И. Орлов, М. Я. Писарев, Н. А. Белоголовый, В. М. Крутовский, В. А. Манассеин), юристов (И. И. Бахтин, Б. А. Милютин, В. И. Вагин, В. А. Ошурков, Ф. Ф. Филимонов, В. А. Посельский, М. М. Дубенский), техников и инженеров (Д. Романов, Л. Б. Красин, А. Н. Варенцов, В. Я. Шишков), литераторов (Н. А. Полевой, И. Г. Гольдберг, Г. Д. Гребенщиков), библиотекарей (Н. В. Скорняков, Г. И. Поршнев, А. В. Оксёнов, Т. М. Фарафонтова) и др. [7, с. 10 – 11]. Исходя из этого в «нашем» случае не всегда применимо и положение о регулярности публикации материалов, так как для многих сотрудничество с сибирскими газетами и журналами было дополнительным и не всегда стабильным заработком.

Наиболее приемлемым для нашего исследования является определение журналистов как штатных, так и внештатных работников редакций (от корреспондента и работника отдела писем до руководителя корреспондентской сети и главного редактора), которые определяют направление и характер изданий или программ, ведут авторскую, редакторскую, организационную работу по сбору, обработке, компоновке массовой информации в номера газет и журналов [27, с. 9]. При этом для нас важным критерием принадлежности к профессии является идентификация себя как журналиста, ощущение профессиональной общности с другими представителями профессии. Под «сибирскими журналистами» мы подразумеваем людей, временно или постоянно живших на территории Сибири и являвшихся постоянными сотрудниками местных периодических изданий. Как уже было упомянуто, значительную часть сотрудников местной периодики составляли политические ссыльные, для которых журналистская деятельность выполняла социально-адаптирующую и консолидирующую функции. Из многочисленных высказываний политических ссыльных на эту тему, отраженных в их эго-текстах, приведем в качестве типичного лишь одно, С. Л. Чудновского, так писавшего об участии в «Сибирской газете»: «Это было, так сказать, редакционное ядро, к которому примыкал обширный контингент сотрудников, преимущественно из разбросанных по всей Сибири политических ссыльных. Оторванные от родины, очутившись вдали от всего для них дорогого, они относились к "Сибирской газете" как к своей газете, и старались служить ей верой и правдой в качестве корреспондентов и составителей очерков отдельных районов Сибири… "Сибирка" составляла предмет нежной симпатии сотен изгнанников, всячески стремившихся вносить в нее свою лепту, безбоязненно разоблачавших на ее страницах злоупотребления и насилия местных помпадуров и держиморд, хищничества и изощренную эксплуатацию сибирских кулаков» [28, с. 244]. Вместе с тем мы включаем в их круг и тех журналистов, которые жили на территории Европейской России, но идентифицировали себя как сибиряки и писали о регионе.

Литература

1. Гольдфарб С. И. Газетное дело в Сибири: первая половина XIX – начало XX в. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2002. 312 с.

2. Ермолинский Л. Л. Сибирские газеты 70 – 80-х гг. XIX в. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 136 с.

3. Жилякова Н. В. Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 446 с.

4. Кондратьев Н. И. Начало журнальной прессы в Восточной Сибири (1885 – 1905 гг.). Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. 192 с.

5. Любимов Л. С. История сибирской печати: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во Иркут. унта, 1982. 79 с.

6. Шевцов В. В. «Томские губернские ведомости» (1857 – 1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 414 с.

7. Любимов Л. С. Возникновение и развитие периодической печати Сибири // 150 лет периодической печати Сибири: материалы региональной научной конференции, посвященной 150-летию издания в Сибири губернских ведомостей. Томск: ТМЛ-Пресс, 2007. С. 7 – 12.

8. Родигина Н. Н., Сабурова Т. А. Время, пространство, память в мемуарах русских журналистов конца XIX – начала XX вв. А. В. Амфитеатрова и В. М. Дорошевича // AvtobiogfiЯ. 2014. Вып. 3. С. 61 – 92.

9. Сосновская А. М. Журналист: личность и профессионал (психология идентичности). СПб.: Роза мира, 2005. 206 с.

10. McReynolds L. The News under Russia's Old Regime. The Development of a Mass-Circulation Press. Princeton: Princeton University Press, 1991. 328 p.

11. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Социология профессий: аналитические перспективы и методы исследований. М.: Вариант, 2015. 234 с.

12. Щепанская Т. Б. Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1. С. 139 – 161.

13. Щепанская Т. Б. Сравнительная этнография профессий: повседневные практики и культурные коды (Россия, конец XX – начало XXI в.). СПб.: Наука, 2010. 338 с.

14. Turner B. A. Exploring the Industrial Subculture. London: Macmillan, 1971. 202 p.

15. Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 1. С. 7 – 21.

16. Людтке А. История повседневности Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти / пер. с англ. и нем. К. А. Левинсона и др.; под общ. ред. и с предисл. С. В. Журавлева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 285 с.
17. Бурдье П. О телевидении и журналистике / пер. с фр. Т. В. Анисимовой и Ю. В. Марковой; отв. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. 157 с.
18. Медик Х. Микроистория // THESIS. 1994. Т. II. Вып. 4. С. 193 – 202.
19. Кром М. М. Историческая антропология: пособие к лекционному курсу. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 80 с.
20. Абрамов Р. Н. «Структурщики» и «заводские социологи»: к истории исследования социально-профессиональных групп в СССР в 1960 – 1980-е гг. // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 50 – 59.
21. Александрова Т. Л. Методологические проблемы социологии профессий // Социологические исследования. 2000. № 8. С. 11 – 17.
22. Маршалл Т. Х. Новейшая история профессионализма // Журнал исследований социальной политики. 2010. № 1. С. 105 – 124.
23. Свитыч Л. Г. Введение в специальность: профессия журналист: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2011. 255 с.
24. Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 448 с.
25. Недлин Л. Я. Из истории журналистского образования в России: первая школа журнализма в советской России (Петроград, 1918) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 1(35). С. 76 – 87.
26. Адрианов А. В. «Дорогой Григорий Николаевич…»: Письма Г. Н. Потанину / сост., публ. Н. В. Васенькин. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 288 с.
27. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики: учебное пособие. М.: РИП-холдинг, 2000. 308 с.
28. Чудновский С. Л. Из давних лет: Воспоминания. М.: Изд-во Всесоюзного об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. 303 с.

EVERYDAY LIFE OF SIBERIAN JOURNALISTS OF THE SECOND HALF OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY: METHODOLOGY OF RESEARCH

***Nataliya N. Rodigina*[1, 2, @1], *Irina S. Kozlova*[2, @2]**

[1] *Tobolsk Complex Scientific Station Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 15, Yu. Osipova St., Tobolsk, Russia, 626152*
[2] *Novosibirsk State Pedagogical University, 28, Vilyuyskaya street, Novosibirsk, Russia, 630126*
[@1] *natrodigina@list.ru*
[@2] *kozlovairina0611@mail.ru*

Received 18.11.2016.
Accepted 21.02.2017.

Keywords: history of Siberian journalism, history of everyday life, field of journalism, history of Russia in the second half of XIX – early XX century.

Abstract: The article substantiates the relevance of studying the everyday life of the Siberian journalists in the second half of XIX – early XX centuries. The authors offer approaches to its study, determine the content of basic concepts.
A combination of several not internally contradictory approaches to the study of everyday life of the professional community of journalists in the provinces of the Russian Empire located behind the Urals seems to be productive.
First, we relate the topic of our research interests with subject field of anthropology of professions, which are characterized by attention to issues about the criteria for belonging to the professional community, assessment of the status of the profession by professionals and society, relations between different actors within the professional group, conflicts and forms of self-organization of professionals.
Second, the topic requires an appeal to the works of historians of everyday life. The definition of the subject area of everyday life by N. L. Pushkareva and S. V. Ljubichansky as well as theoretical provisions by A. Ludtke are used as a baseline. In relation to the reality under study, the concepts of «journalists» and «Siberian journalist» are revealed, come conclusions about the specificity of formation of socioprofessional group of Siberian journalists in the second half of XIX – early XX centuries are made.

For citation: Rodigina N. N., Kozlova I. S. Povsednevnaia zhizn' sibirskikh zhurnalistov vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv.: metodologiia issledovaniia [Everyday Life of Siberian Journalists of the Second Half of the XIX – Beginning of the XX century: Methodology of Research]. *Bulletin of Kemerovo State University,* 2017; (2): 84 – 89. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-84-89.

References

1. Goldfarb S. I. *Gazetnoe delo v Sibiri: pervaia polovina XIX – nachalo XX v.* [Newspaper business in Siberia: The first half of XIX – early XX century]. Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 2002, 312.

2. Ermolinskii L. L. *Sibirskie gazety 70 – 80-kh godov XIX veka* [Siberian newspapers in 70 – 80th of the XIX century]. Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1985, 136.

3. Zhiliakova N. V. *Zhurnalistika goroda Tomska (XIX – nachalo XX veka): stanovlenie i razvitie* [Journalism in Tomsk (XIX – early XX century): formation and development]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2011, 446.

4. Kondrat'ev N. I. *Nachalo zhurnal'noi pressy v Vostochnoi Sibiri (1885 – 1905 gg.)* [The beginning of the journalistic press in Eastern Siberia (1885 – 1905th)]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1985, 192.

5. Liubimov L. S. *Istoriia sibirskoi pechati* [History of the Siberian press]. Irkutsk: Izd-vo Irkut. unta, 1982, 79.

6. Shevtsov V. V. *«Tomskie gubernskie vedomosti» (1857 – 1917 gg.) v sotsiokul'turnom i informatsionnom prostranstve Sibiri* ["Tomskiye gubernskiye vedomosti" (1857 – 1917 years) in socio-cultural and information space of Siberia]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2012, 414.

7. Liubimov L. S. Vozniknovenie i razvitie periodicheskoi pechati Sibiri [Emergence and development of the periodical press in Siberia]. *150 let periodicheskoi pechati Sibiri: Materialy regional'noi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 150-letiiu izdaniia v Sibiri gubernskikh vedomostei* [150 years of the periodical press in Siberia: Proc. Reg. Sc.-Prac. Conf. devoted to the 150th anniversary of the first publication of the Provincial Gazette of Siberia]. Tomsk: TML-Press, 2007, 7 – 12.

8. Rodigina N. N., Saburova T. A. Vremia, prostranstvo, pamiat' v memuarakh russkikh zhurnalistov kontsa XIX – nachala XX vv. A. V. Amfiteatrova i V. M. Doroshevicha [Time, space, memory in memoirs of the Russian journalists late XIX – early XX centuries. A. V. Amfiteatrov and V. M. Doroshevich]. *AvtobiogfiIa = Autobiography*, no. 3 (2014): 61 – 92.

9. Sosnovskaia A. M. *Zhurnalist: lichnost' i professional (psikhologiia identichnosti)* [Journalist: a person and a professional (identity psychology)]. Saint-Petersburg: Roza mira, 2005, 206.

10. McReynolds L. *The News under Russia's Old Regime. The Development of a Mass-Circulation Press*. Princeton: Princeton University Press, 1991, 328.

11. Romanov P. V., Iarskaia-Smirnova E. R. *Sotsiologiia professii: analiticheskie perspektivy i metody issledovanii* [Sociology of professions: analytical perspective and methodology of the profession]. Moscow: OOO «Variant», 2015, 234.

12. Shchepanskaia T. B. Antropologiia professii [Anthropology of professions]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii = Journal of sociology and social anthropology*, 6, no. 1 (2003): 139 – 161.

13. Shchepanskaia T. B. *Sravnitel'naia etnografiia professii: povsednevnye praktiki i kul'turnye kody (Rossiia, konets XX – nachalo XXI v.)* [Comparative ethnography of professions: everyday practices and cultural codes (Russia, the end of XX – beginning of XXI century)]. Saint-Petersburg: Nauka, 2010, 338.

14. Turner B. A. *Exploring the Industrial Subculture*. London: Macmillan, 1971, 202.

15. Pushkareva N. L., Liubichankovskii S. V. Ponimanie istorii povsednevnosti v sovremennom istoricheskom issledovanii: ot shkoly Annalov k rossiiskoi filosofskoi shkole [«Everyday Life History» in modern historical research: from School of the Annals to the Russian philosophical school]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina = Bulletin of Pushkin Leningrad State University*, 4, no. 1 (2014): 7 – 21.

16. Lüdtke A. *Istoriia povsednevnosti Germanii: Novye podkhody k izucheniiu truda, voiny i vlasti* [The history of everyday life in Germany: New Approaches to the Study of Labor, War and power]. Transl. Levinson K. A. etc. Ed. Zhuravlev S. V. Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN), 2010, 285.

17. Bourdieu P. *O televidenii i zhurnalistike* [About television and journalism]. Transl. Anisimova T. V. and Markova Iu. V. Ed. Shmatko N. A. Moscow: Fond nauchnykh issledovanii «Pragmatika kul'tury», Institut eksperimental'noi sotsiologii, 2002, 157.

18. Medick H. Mikroistoriia [Micro-Historie]. *THESIS*, 2, no. 4 (1994): 193 – 202.

19. Krom M. M. *Istoricheskaia antropologiia* [Historical anthropology]. Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2000. 80.

20. Abramov R. N. «Strukturshchiki» i «zavodskie sotsiologi»: k istorii issledovaniia sotsial'no-professional'nykh grupp v SSSR v 1960 – 1980-e gg. [“Structuralists” and “Industrial sociologists”: on the history of studying social professional groups in the USSR, 1960 – 1980th]. *Sotsiologicheskie issledovaniia = Sociological Studies*, no. 10 (2014): 50 – 59.

21. Aleksandrova T. L. Metodologicheskie problemy sotsiologii professii [Methodological problems of sociology of professions]. *Sotsiologicheskie issledovaniia = Sociological Studies*, no. 8 (2000): 11 – 17.

22. Marshall T. Noveishaia istoriia professionalizma [Recent history of professionalism]. *Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki = Journal of Social Policy Studies*, no. 1 (2010): 105 – 124.

23. Svitych L. G. Vvedenie v spetsial'nost': Professiia zhurnalist [Introduction to the profession: the profession of journalist]. Moscow: Aspekt Press, 2011, 255.

24. Reitblat A. I. *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoi sotsiologii russkoi literatury* [From Bova to Balmont and other works on the historical sociology of Russian literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009, 448.

25. Nedlin L. Ia. Iz istorii zhurnalistskogo obrazovaniia v Rossii: pervaia shkola zhurnalizma v sovetskoi Rossii (Petrograd, 1918) [From the history of journalism education in Russia: the first school of journalism in Soviet Russia (Petrograd, 1918)]. *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke = Humanities Researches in the Eastern Siberia and the Far East*, no. 1 (2016): 76 – 87.

26. Adrianov A. V. *«Dorogoi Grigorii Nikolaevich…»: Pis'ma G. N. Potaninu* ["Dear N. Gregory...»: Letters to G. N. Potanin]. Comp. Vasen'kin N. V. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2007, 288.

27. Prokhorov E. P. *Vvedenie v teoriiu zhurnalistiki* [Introduction to Journalism]. Moscow: RIP-kholding, 2000, 308.

28. Chudnovskii S. L. *Iz davnikh let: Vospominaniia* [Of old age: Memories]. Moscow: Izd-vo Vsesoiuznogo ob-va politkatorzhan i ssyl'noposelentsev, 1934, 303.

УДК 94(47).084.6

ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ СИБИРИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОЦЕНКА МОБИЛИЗАЦИОННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Роман Е. Романов[1, @, *]

[1] *Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Россия, 690030, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8*
[@] *lamin@history.nsc.ru*

Поступила в редакцию 25.01.2017.
Принята к печати 27.03.2017.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сибирь, население, людские ресурсы, трудовой потенциал, мобилизационные возможности, мобилизация

Аннотация: В статье предпринята попытка оценить мобилизационные возможности трудового потенциала Сибири накануне Великой Отечественной войны. С этой целью на основе материалов Всесоюзной переписи 1939 г. выявлены демографические, социально-экономические и социокультурные особенности формирования населения в возрасте от 15 до 59 лет, использованного позднее в военной экономике сибирского тыла. Сделан вывод о том, что с точки зрения интенсивного хозяйственного использования сильными сторонами данного людского массива являлись высокий удельный вес молодежи, интенсивная динамика миграционной и экономической активности, низкий уровень индустриальной занятости, наличие крупных запасов женской рабочей силы в городах и сельских районах. Слабые стороны этого массива заключались в дисперсном характере размещения населения, слабой закрепляемости мигрантов в крупных городах, существенной доле мужчин-резервистов, высокой общей занятости, низком уровне грамотности и образования. В целом эти качественные характеристики в условиях военного времени оказали неоднозначное и противоречивое влияние на мобилизацию людских ресурсов Сибири в отрасли оборонного значения.

[*] ***Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-01-00412.***

Для цитирования: Романов Р. Е. Трудовой потенциал Сибири накануне Великой Отечественной войны: оценка мобилизационных возможностей // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 90 – 94. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-90-94.

В годы Великой Отечественной войны Сибирь стала вторым по значимости экономическим районом СССР, обладавшим развернутой индустриальной базой. Интенсивное развитие ведущих отраслей народного хозяйства привело к крупномасштабной мобилизации трудового потенциала региона. Данный потенциал был сформирован преимущественно в 1920-е – 1930-е гг. в условиях демографических кризисов и восстановительных процессов, лавинообразных миграций и урбанистического бума, возрождения промышленности и индустриализации, ликвидации массовой неграмотности и т. д. Его параметры, сложившиеся к началу Второй мировой войны, зафиксировала Всесоюзная перепись населения 1939 года. В переписи содержится массив статистических сведений, в которых нашли отражение количественный и качественный состав трудоспособных граждан (от 15 до 59 лет) предвоенного СССР. От особенностей этого состава в значительной степени зависели мобилизационные возможности людских ресурсов в тыловых районах страны, включая Сибирь.

В отечественной историографии проблемы формирования и применения трудового потенциала сибирского тыла изучались в основном в рамках более широкой проблематики. В советской научной литературе отдельные аспекты этой темы рассматривались в русле истории социально-экономического [1; 2] и демографического [3] развития региона в первой половине 1940-х гг. Исследователи выявили место и роль населения в возрасте от 16 до 59 лет в общем людском массиве и миграционных потоках, мобилизационные механизмы вовлечения неработающих горожан и селян в военное хозяйство.

В современной российской науке трудовые ресурсы стали объектом скрупулезного анализа, прежде всего, со стороны экономистов [4; 5]. Историки также не остались в стороне от этого исследовательского тренда, осуществив, в частности, комплексное изучение людского потенциала Западной Сибири в годы Второй мировой войны [6]. Детально показаны складывание в довоенное время и использование его трудового компонента в мобилизационной экономике 1941 – 1945 гг. Проанализирован сложный и противоречивый характер данных процессов, обуславливавшихся многофакторным развитием российского общества в первой половине XX века. Вместе с тем, полученный научный результат дает представление об экономико-демографической ситуации лишь в западных районах Сибири. В связи с этим целью исследования является выявление на основе переписи 1939 г. структурных характеристик населения в возрасте от 15 до 59 лет, позволяющих оценить возможности мобилизации трудового потенциала в сибирском тылу в целом.

Следует отметить, что понятие «трудовой потенциал» интерпретируется как совокупность возможностей и способностей людей к труду, определявшихся демографическими, социально-экономическими и социокультурными факторами. Эти факторы влияли соответственно на численность, половозрастной состав, миграции,

структуру занятости, социальный облик, уровень грамотности и образования населения рабочего возраста. Выделенные характеристики являлись своеобразными «индикаторами» мобилизационной готовности людских масс в годы войны.

В конце 1930-х гг. Сибирь, рассматривавшаяся советским правительством как место размещения предприятий-дублеров, отличалась сравнительно слабой заселенностью. В это время в регионе проживало 14307,9 тыс. человек (8,4 % населения СССР) [7, с. 20 – 26, 31 – 35]. Низкая плотность населения отражалась на концентрации трудовых ресурсов в азиатской части РСФСР. По переписи 1939 г. максимальную численность потенциальных работников на территории от Зауралья до Забайкалья и Якутии можно оценить в 7756,3 тыс. человек или 7,9 % трудоспособных граждан страны [7, с. 20 – 26, 31 – 35]. В Поволжье, на Урале, в Казахстане и Средней Азии их удельный вес составлял от 3,8 % до 7,5 % [8]. В предвоенные годы Сибирь обладала наиболее весомым трудовым потенциалом среди восточных районов СССР, что служило одной из предпосылок создания в крае запасной индустриальной базы. Но его рассосредоточенность на большом пространстве увеличивала организационные усилия и финансовые затраты на привлечение людских ресурсов в военную экономику.

Накануне войны роль работоспособного населения в формировании сибирского демографического массива была ниже, чем по стране в целом. В 1939 г. доля жителей Сибири в возрасте от 15 до 59 лет достигала 54,2 %, Советского Союза – 57,4 % [8]. Более высокая прослойка суммарных рабочих рук на общесоюзном уровне объяснялась тем, что в нее включались Казахстан (61,0 %) и Средняя Азия (56,5 %) [8]. Юго-восток СССР традиционно отличался наиболее расширенным воспроизводством трудовых ресурсов. По их удельному весу Сибирский регион превосходил лишь Поволжье (52,6 %) [8]. По данному показателю рассматриваемый экономический район занимал более низкие позиции даже по сравнению с Уралом (54,7 %) [8], что, наряду с отдаленностью, снижало его привлекательность в плане размещения производительных сил.

На региональные различия в численности людской массы, обладавшей трудовыми возможностями, существенным образом влиял не только естественный прирост, но и миграционные потоки. В годы довоенных пятилеток Сибирь активно притягивала новоселов, приезжавших преимущественно из других областей, краев РСФСР и союзных республик. В это время за счет индивидуальных миграций, организационных наборов, сельскохозяйственных переселений за Урал прибыло около 800 тыс. человек [9, с. 24]. Данный контингент пополнил главным образом индустриальные кадры сибирских предприятий и строек. Основными кадровыми «донорами» выступали Центр, Украина и Поволжье, отдававшие часть своих людских ресурсов Азиатской России. Выходцы из этих регионов имели важное значение для формирования квалифицированного трудового потенциала. Впоследствии довоенный опыт привлечения мигрантов оказался весьма востребованным в условиях массовой эвакуации в глубокий тыл в начальный период войны.

Еще большее значение в перераспределении населения в пользу промышленных центров Сибири играли внутрирегиональные миграции. Только в 1938 – первом полугодии 1941 гг. в западносибирских городах осело свыше полумиллиона новоселов, являвшихся в основном представителями колхозной деревни [10, с. 86]. Массовое перемещение селян в города также нашло отражение в переписи 1939 г. По ее данным доля лиц в возрасте от 15 до 59 лет среди сибирских горожан составляла 62,0 %, среди селян – 44,9 %, в СССР – 65,4 % и 53,4 % [7, с. 20 – 26, 31 – 35]. С учетом весьма низкого уровня урбанизации приведенные цифры свидетельствовали о концентрации трудовых ресурсов в индустриальных «мегаполисах» в ущерб сельским районам. В восточных районах этот процесс носил более интенсивный характер, чем по всей стране. По сравнению с европейской частью СССР в городах Сибири мигранты закреплялись гораздо слабее и чаще выбывали в обратном направлении. Динамичные перемещения были присущи как сибирякам, так и выходцам из других макрорегионов. Высокая мобильность, повышавшая мобилизационные возможности регионального социума, делала его малоуправляемым в связи преобладанием стихийных индивидуальных миграций.

Важное место в формировании трудового потенциала сибирского тыла занимала половая структура предвоенного социума. Накануне Второй мировой войны в составе населения СССР, находившегося в рабочем возрасте, было 47,5 % мужчин и 52,5 % женщин, Сибири – 50,5 % и 49,5 % [8]. В стране имел место значительный женский перевес, в регионе – мужской. За Уралом гендерный дисбаланс с преобладанием женщин, вызванный людскими потерями в годы Первой мировой и Гражданской войн, компенсировался мощным миграционным притоком. В Западной Сибири удельный вес мужчин в возрастной группе от 15 до 59 лет составлял 49,2 %, в Восточной Сибири – 52,2 % [7, с. 20 – 26, 31 – 35]. Данные различия обусловливались тем, что мужская рабочая сила активно поступала на восток РСФСР. Но в ближайшей перспективе численный перевес мужчин становился одним из факторов развертывания вооруженных сил, а не военно-промышленного производства.

Одним из ключевых элементов сложившейся накануне войны экономико-демографической ситуации являлся возрастной состав трудоспособных жителей Сибири. В 1939 г. доля лиц от 15 до 29 лет в их структуре достигала 50,1 %, от 30 до 49 лет – 39,4 %, от 50 до 59 лет – 10,4 % [7, с. 20 – 26, 31 – 35]. Половина населения, обладавшего потенциальной способностью к профессиональной деятельности, состояла из молодежи, учившейся в школах, техникумах и вузах или занятой на предприятиях, в колхозах и совхозах. В целом по СССР этот показатель был несколько ниже (47,1 %), чем на востоке страны. Первостепенная роль молодых людей в формировании трудового потенциала объясняется восстановлением расширенного демографического воспроизводства после Гражданской войны. В середине 1920-х гг. имела место самая высокая рождаемость в Сибири за весь XX век. К началу войны сравнительно многочисленное поколение, появившееся в период краткого расцвета НЭПа, фактически вступило в рабочий возраст. Данный фактор в последствии оказал огромное влияние на мобилизационные возможности сибирского тыла как в плане комплектования действующей армии, так и индустриальных кадров военной экономики.

Своеобразными «индикаторами» хозяйственного использования трудового потенциала предвоенной Сибири являлись уровень и структура занятости населения. На западе региона его численность в возрастной группе от 15 до 59 лет достигала 4433,1 тыс. человек, в том числе экономически активного – 3731,0 тыс. человек [6, с. 57]. Всего в общественном производстве Западной Сибири было занято 84,2 % работоспособных жителей края, что существенно превышало общесоюзные показатели (51,8 %) [7, с. 201]. В сельском и лесном хозяйстве трудилось 57,1 % всех работников, в промышленности, строительстве, транспорте и связи – 22,8 %, в торговле и сфере услуг – 6,8 %, социальной и культурной сферах – 6,3 %, управленческой – 3,0 %, прочих отраслях – 4,0 % [6, с. 56 – 57]. Свыше половины тружеников занимали рабочие места в аграрных отраслях, менее четверти – индустриальных, одна шестая – обслуживании и управлении. В целом по стране в первичном секторе было сосредоточено примерно половина работающего населения, во вторичном – около трети, в третичном – одна шестая. Повышенная занятость в азиатской России носила менее индустриализированный характер, чем во всем СССР. В связи с этим, наряду с неработающими горожанами и селянами, важным «поставщиком» рабочей силы для создававшихся предприятий оборонного значения становились сельскохозяйственные и непроизводственные отрасли.

В рассматриваемый период экономическая активность имела ярко выраженный гендерный характер. Накануне войны уровень занятости трудоспособного населения в СССР составлял 46,4 %, в том числе среди мужчин – 54,9 %, женщин – 38,7 % [7, с. 201]. Сферы преимущественного приложения мужского труда были представлены промышленностью, строительством, транспортом, лесным хозяйством, торговлей и обслуживанием, управлением, женского – колхозным и личным подсобным хозяйством, «социалкой» (образование, здравоохранение и т. д.). В Западной Сибири доля занятых мужчин достигала 52,2 %, женщин – 34,2 %, лиц обоего пола – 42,7 % [6, с. 56]. Отраслевое распределение между половыми группами в регионе примерно соответствовало общесоюзной ситуации. Эти данные показывают, что при проведении крупномасштабных воинских мобилизаций замена мужских кадров женскими могла осуществляться в трех направлениях. Во-первых, источником комплектования производственных коллективов предприятий выступали домохозяйки, во-вторых – колхозницы и работницы ЛПХ, в-третьих – женщины-служащие и интеллигентки. В военное время эти социогендерные группы стали основными элементами людского потенциала, мобилизованного в промышленность, строительство и на транспорт.

Немаловажной характеристикой трудовых ресурсов являлась социальная структура регионального общества. По переписи 1939 г. в РСФСР доля рабочих достигла 35,1 %, служащих – 18,6 %, колхозников и крестьян-единоличников – 43,1 %, кооперированных и некооперированных кустарей – 3,2 % [7, с. 197]. В сибирских регионах соотношение между этими группами являлось весьма различным. Прослойка колхозников вместе с единоличниками составляла от 24,0 % в Читинской области до 54,7 % в Алтайском крае, кустарей – от 1,5 % в Читинской до 3,8 % в Новосибирской области. Удельный вес рабочих колебался от 28,9 % в Омской области до 52,5 % в Читинской области, служащих – от 13,6 % в Алтайском крае до 22,0 % в Читинской области [7, с. 197 – 198]. Следовательно, Алтай являлся самым колхозно-крестьянским, а Забайкалье – самым рабочим районом Сибири. Эти различия в социальном облике населения влияли на формирование и использование трудового потенциала в восточных районах СССР. В Западной Сибири ведущее место в нем занимали аграрные, в Восточной Сибири – индустриальные категории населения. Такая принципиальная разница объяснялась высоким уровнем урбанизации восточносибирского региона. В перспективе значение кадрового «донора» военной индустрии здесь должны были приобрести прежде всего служащие, а в западных районах Сибири – колхозники. Данные группы обладали неоднородной социокультурной спецификой, обуславливавшей освоение новыми работниками культуры индустриального труда в сибирском тылу.

Характерные черты трудоспособного населения зависели не только от социально-демографических, но и социокультурных факторов. Одним из них являлась востребованная в условиях индустриализации грамотность. В 1939 г. в РСФСР доля грамотных в возрастной группе от 9 до 49 лет достигала 89,7 %, в том числе среди мужчин – 96,0 %, женщин – 84,0 % [7, с. 82]. В Сибири данные показатели существенно различались в зависимости от урбанизированности ее регионов. Удельный вес лиц, обладавших грамотностью, колебался от 80,5 % в Якутии до 88,2 % в Иркутской области [7, с. 82 – 84]. Ни один сибирский регион не дотягивал до ее республиканского уровня, что было связано с более существенным, чем по РСФСР, разрывом в удельном весе грамотных между гендерными категориями. Если в республике данный разрыв составлял 12 пунктов, то в Алтайском крае – 15,7 (мужчины от 9 до 49 лет – 92,5 %, женщины от 9 до 49 лет – 76,8 %), Красноярском крае – 14,2 (93,2 % и 79,0 %), Новосибирской области – 14,3 (94,4 % и 80,1 %), Читинской области – 14,6 (94,5 % и 79,9 %), Якутской АССР – 14,2 (86,8 % и 72,6 %) [7, с. 82 – 84]. Наличие значительной прослойки неграмотных женщин при массовой замене мужского труда создавало потенциальные трудности для адаптации новых кадров к военно-промышленному производству.

Еще напряженнее складывалась ситуация с образовательным уровнем трудовых ресурсов. Накануне войны доля лиц со средним образованием в структуре населения РСФСР составляла 7,7 %, с высшим образованием – 0,7 %, в том числе в городских поселениях – 15,8 % и 1,6 %, сельских поселениях – 3,6 % и 0,2 %. Среди мужчин она равнялась 8,6 % и 0,9 %, среди женщин – 6,9 % и 0,4 % [7, с. 104]. В сибирских регионах удельный вес выпускников средних школ и вузов был заметно ниже республиканского. Его минимальные значения, зафиксированные переписью 1939 г., имели место в Алтайском крае (3,8 % и 0,15 %), максимальные – в Иркутской области (7,4 % и 0,53 %) [7, с. 105, 107]. Прослойка жителей городов, окончивших среднюю школу, достигала от 9,8 % в Читинской до 14,9 % в Омской области, высшие учебные заведения – от 0,5 % в Алтайском крае до 1,2 % в Якутской АССР; жителей сел – соответственно от 2,5 % в Алтайском крае до 5,0 % в Читинской области и от 0,07 % в Новосибирской области до 0,25 %

в Читинской области. Разница в распространении среднего и высшего образования в среде мужчин и женщин составляла от 1,3 и 0,2 пункта в Омской области (соответственно 5,9 % и 4,6 %, 0,4 % и 0,2 %) до 3,1 и 0,5 пункта в Якутской АССР (7,7 % и 4,5 %, 0,7 % и 0,2 %) [7, с. 105, 107 – 111]. Как и по всей республике, за Уралом горожане, закончившие учебные заведения, численно превосходили аналогичную категорию селян, мужчины – женщин. Вместе с тем в Сибири малочисленность образованного населения носила еще более ярко выраженный характер, чем в РСФСР. Она объяснялось сравнительно слабым развитием сети средних школ и особенно учреждений профессионального образования, усиливавшим дефицит квалифицированных рабочих и дипломированных специалистов. Острый недостаток подготовленных кадров средней и высокой квалификации негативно отражался на качестве трудового потенциала, применявшегося в высокотехнологических отраслях промышленности в первой половине 1940-х гг.

Накануне Великой Отечественной войны Сибирский регион располагал самым многочисленным среди восточных районов СССР рабочим населением, которое могло быть использовано при развертывании и развитии в глубоком тылу новой экономической базы Красной Армии. Хозяйственное применение этого ресурса зависело от степени его мобилизации в общественное производство. Мобилизационные возможности трудового потенциала Сибири конца 1930-х гг. обуславливались функционированием демографической, социально-экономической и социокультурной подсистем советского общества, своеобразно преломлявшимся в региональном контексте. В процессе формирования под влиянием перечисленных факторов рассматриваемый исторический феномен обрел свои сильные и слабые стороны, расширявшие или сужавшие масштабы его использования в военной экономике.

Несомненными преимуществами, оказавшегося в фокусе данного исследования людского массива, являлись высокая динамика миграционной и экономической активности, молодость трудоспособного населения, низкий уровень индустриальной занятости, наличие крупных запасов женской рабочей силы в городах и сельских районах. В данном случае можно говорить о сильных сторонах трудового потенциала Сибири, создававших благоприятные условия для реализации в этом регионе мобилизационных мероприятий по решению кадровой проблемы. В военное время эти меры стали рычагом централизованного перераспределения людских ресурсов в пользу оборонных отраслей народного хозяйства.

Одновременно существовали объективные ограничения, в перспективе существенно затруднявшие производственную мобилизацию горожан и селян в сибирском тылу. Эти ограничения состояли в дисперсном характере размещения населения, слабой закрепляемости мигрантов в крупных городах, существенной доле мужчин-резервистов, высокой общей занятости, низком уровне грамотности и образования. Данные аспекты отражали слабые стороны трудового потенциала Сибири, сужавшие социальную базу будущих мобилизационных кампаний и как следствие кадровые резервы военной индустрии.

Таким образом, структурные характеристики рабочего населения региона, сложившиеся к началу войны, отличались неоднозначностью и противоречивостью. С одной стороны, некоторые из характеристик усиливали мобилизационные возможности трудового потенциала сибирского тыла. С другой стороны, другие его параметры, напротив, ослабляли способность людских ресурсов вписываться в рамки жестко регулируемой советским государством социально-профессиональной мобильности. Наличие этих объективных издержек в перспективе снижало эффективность экономической мобилизации как способа преодоления острого кадрового кризиса в сибирском тылу.

Литература

1. Докучаев Г. А. Сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука, 1968. 321 с.

2. Докучаев Г. А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1973. 422 с.

3. Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука, 1986. 232 с.

4. Ахлакова И. Р. Трудовые ресурсы как фактор экономического роста: дис. … канд. экон. наук. Казань, 2012. 145 с.

5. Зеленская И. А. Трудовые ресурсы сельской местности региона: формирование и использование: дис. … канд. экон. наук. Иркутск, 2014. 206 с.

6. Исупов В. А. Главный ресурс Победы: людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939 – 1945). Новосибирск: Сова, 2008. 378 с.

7. Всесоюзная перепись населения. 1939. Основные итоги. Россия. М.: Русско-Балтийский информ. центр БЛИЦ, 1999. 207 с.

8. Всесоюзная перепись населения 1939 г. // Демоскоп Weekly. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ census.php?cy=2 (дата обращения: 21.06.2016).

9. Метелев С. Е., Виноградов В. Г., Албастова С. Р., Метелев И. С. Особенности формирования трудового потенциала Сибири: монография. Омск: Издатель Васильев В. В., 2008. 128 с.

10. Исупов В. А. Индивидуальные крестьянские переселения в города Западной Сибири (конец 1920-х – начало 1940-х гг.) // Миграционные процессы в азиатской России в конце XIX – начале XX вв.: сборник научных трудов / отв. ред. В. А. Исупов. Новосибирск: Параллель, 2009. С. 66 – 92.

LABOUR POTENTIAL OF SIBERIA ON THE EVE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: EVALUATION OF MOBILIZATION OPPORTUNITIES

Roman E. Romanov[1, @, *]

[1] *Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8, Nikolaeva St., Novosibirsk, Russia, 690030*
[@] *lamin@history.nsc.ru*

Received 25.01.2017.
Accepted 27.03.2017.

Keywords: the Great Patriotic War, Siberia, population, human resources, labor potential, mobilization possibilities, mobilization.

[*] ***The article has been prepared with financial support of Russian Foundation for Humanities (RFH), project No. 16-01-00412.***

Abstract: The article attempts to evaluate the mobilization opportunities of the labor potential of Siberia on the eve of the Great Patriotic War. For this purpose, based on the materials of All-Union census of 1939, the research identified the demographic, socio-economic and socio-cultural features of the formation of the population aged 15 – 59 used later in the military economy of Siberian rear. It was concluded that from the point of view of intensive economic use of the strengths of the human array was the high proportion of youth, intense dynamics of migration and economic activity, low level of industrial employment, the existence of large reserves of female labor force in urban and rural areas. Weak sides of this array were the disperse nature of population distribution, low fixability of migrants in large cities, a significant share of male reservists, higher overall employment, low levels of literacy and education. In general, these quality characteristics in wartime conditions had an ambiguous and contradictory effect on the mobilization of human resources in Siberia in the industry of defense significance.

For citation: Romanov R. E. Trudovoi potentsial Sibiri nakanune Velikoi Otechestvennoi voiny: otsenka mobilizatsionnykh vozmozhnostei [Labour Potential of Siberia on the Eve of the Great Patriotic War: Evaluation of Mobilization Opportunities] *Bulletin of Kemerovo State University,* 2017; (2): 90 – 94. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-90-94.

References

1. Dokuchaev G. A. *Sibirskii tyl v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Siberian rear during the Great Patriotic War]. Novosibirsk: Nauka, 1968, 321.
2. Dokuchaev G. A. *Rabochii klass Sibiri i Dal'nego Vostoka v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The working class of Siberia and the Far East during the Second World War]. Moscow: Nauka, 1973, 422.
3. Alekseev V. V., Isupov V. A. *Naselenie Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The population of Siberia during the Great Patriotic War]. Novosibirsk: Nauka, 1986, 232.
4. Akhlakova I. R. *Trudovye resursy kak faktor ekonomicheskogo rosta.* Diss. kand. ekon. nauk [Human resources as a factor of economic growth. Cand. econ. Sci. Diss.]. Kazan', 2012, 145.
5. Zelenskaia I. A. *Trudovye resursy sel'skoi mestnosti regiona: formirovanie i ispol'zovanie.* Diss. kand. ekon. nauk. [Manpower rural region: formation and use. Cand. econ. Sci. Diss.]. Irkutsk, 2014, 206.
6. Isupov V. A. *Glavnyi resurs Pobedy: liudskoi potentsial Zapadnoi Sibiri v gody Vtoroi mirovoi voiny (1939 – 1945)* [Chief Victory resource: human potential of Western Siberia during the Second World War (1939 – 1945)]. Novosibirsk: Sova, 2008, 378.
7. *Vsesoiuznaia perepis' naseleniia. 1939. Osnovnye itogi. Rossiia* [All-Union census. 1939. The main outcomes. Russia]. Moscow: Russko-Baltiiskii inform. tsentr BLITs, 1999, 207.
8. *Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1939 g.* [All-Union census. 1939]. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=2 (accessed 21.06.2016).
9. Metelev S. E., Vinogradov V. G., Albastova S. R., Metelev I. S. *Osobennosti formirovaniia trudovogo potentsiala Sibiri* [Features of formation of labor potential of Siberia]. Omsk: Izdatel' Vasil'ev V. V., 2008, 128.
10. Isupov V. A. Individual'nye krest'ianskie pereseleniia v goroda Zapadnoi Sibiri (konets 1920-kh – nachalo 1940-kh gg.) [Individual peasant migration to the cities of Western Siberia (the end of 1920 – the beginning of the 1940s]. *Migratsionnye protsessy v aziatskoi Rossii v kontse XIX – nachale XX vv.* [Migration processes in Asiatic Russia in the late XIX – early XX centuries]. Novosibirsk: Parallel', 2009, 66 – 92.

УДК 94(47):623(571.1)

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ ОБОРОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Иван М. Савицкий[1, @]

[1] *Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Россия, 690030, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8*
[@] *lamin@history.nsc.ru*

Поступила в редакцию 25.01.2017.
Принята к печати 27.03.2017.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, общественно-политическая жизнь, рабочие, инженеры и техники, печать, радио, пропагандисты, деятели культуры, театры, спектакли, выступления, выставки.

Аннотация: В статье рассматривается общественно-политическая жизнь рабочих и служащих оборонно-промышленного комплекса Западной Сибири, который один из трех в СССР снабжал Красную армию военной техникой и боеприпасами. Установлено, что ЦК ВКП(б), придавая большое внимание регионам их расположения, в Управлении пропаганды и агитации ЦК наряду с действующими создал новые структурные подразделения, которые своим влиянием охватывали все стороны общественно-политической жизни рабочих и служащих этих регионов. Управление пропаганды и агитации ЦК оперативно контролировало и руководило работой местных партийных и советских органов, организаций и учреждений этого направления.
Важнейшее внимание уделяется исследованию деятельности «Совинформбюро», органов печати, радио, кино, работе лекторов пропагандистов и агитаторов, которые информировали рабочих и служащих о важнейших событиях на фронте и в тылу, формировали общественно-политические настроения. Установлено, что величайшую роль играли выдающиеся деятели культуры, театральной, музыкальной и художественной интеллигенции, которые своими выступлениями, постановками и спектаклями антифашистской направленности поднимали духовные силы рабочих, инженеров и техников, вдохновляли на трудовые подвиги. Благодаря совокупности этих мероприятий, организованных центральными и местными органами партии, правительством и местной исполнительной властью формировалось общественно-политическое сознание, патриотизм рабочих, инженеров и техников, ковавших оружие победы над фашизмом.

Для цитирования: Савицкий И. М. Общественно-политическая жизнь рабочих и служащих оборонной промышленности Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 95 – 103. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-95-103.

Общественно-политическую жизнь тыловых регионов, особенно тех, предприятия которых в основном обеспечивали фронт вооружением и боеприпасами, контролировал и направлял ЦК ВКП(б). Основным структурным подразделением, которое этим занималось, являлось Управление пропаганды и агитации ЦК, в составе которого кроме действовавших, созданы новые отделы: пропагандистских групп, художественной литературы, кинематографии, радиовещания, радиофикации и искусств [1, с. 405]. Структура управления охватывала почти все стороны общественно-политической жизни в регионах.

На уровне регионов этим соответственно занимались отделы пропаганды и агитации обкомов и крайкомов под руководством 2-ых секретарей, а на предприятиях оборонной промышленности партийные организации, парторги ЦК ВКП(б) и комсорги ЦК ВЛКСМ, которым вменялось в обязанность основное внимание уделять рабочим и служащим, укреплению их морально-политического единства и обеспечению слаженной работы под лозунгом «Все для фронта. Все для победы!»

О значимости этой задачи свидетельствует то, что за годы войны на заседаниях Оргбюро ЦК ВКП(б) было рассмотрено около 40 вопросов и секретариата – свыше 50 вопросов общественно-политической и идейно-воспитательной работы. В течение лишь одного года (март 1943 – март 1944) в ЦК заслушали отчеты 30-ти секретарей крайкомов и обкомов по пропаганде. Управление пропаганды и агитации ЦК за три года войны ознакомилось с состоянием общественно-политической деятельности 82 обкомов и крайкомов ВКП(б) и содействовало улучшению их работы. Более половины состоявшихся в годы войны пленумов обкомов и крайкомов рассматривали среди других вопросы общественно-политического воспитания рабочих и служащих [1, с. 505, 506].

Одним из основных направлений общественно-политической жизни было оперативное информирование заводских коллективов и всего населения о ходе военных действий на фронте и трудовых усилиях тыла. 25 июня 1941 г. создано «Информационное бюро». С этого дня его сводки выпускались ежедневно и публиковались в газетах и передавались по радио.

Важное место в идейно-политической работе принадлежало печати. Если в 1942 г. в стране издавались 4561 газета и 327 журналов, то к концу войны их число увеличилось до 6455 газет и 657 журналов. Разовый тираж газет вырос с 18 до 23 млн экземпляров [2, с. 97].

С целью наиболее полного информирования рабочих и служащих о событиях на фронте редакциям центральных газет, ТАСС и Всесоюзного радио было предоставлено право иметь на фронте постоянных военных кор-

респондентов, которыми стали писатели и журналисты газет «Правда», «Известия», «Красная звезда», «Красный флот», «Сталинский сокол», «Комсомольская правда», «Телеграфное агентство Советского Союза», Всесоюзное радио, «Совинформбюро», которые публиковали сводки и репортажи о событиях на фронте.

На предприятиях выписывались газеты «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Красная звезда» и др., в которых публиковались материалы о международных и внутренних событиях, документы о зверствах гитлеровцев, статьи и очерки о героизме воинов, трудовых успехах рабочих. Центральные и местные газеты распространяли передовой опыт организации производства и труда, способствовали развитию соцсоревнования на предприятиях.

На страницах центральных газет публиковались статьи и очерки о героизме Красной армии: В. М. Кожевникова – с Западного фронта, Б. Н. Полевого – из Сталинграда, М. Г. Брагина – с Курской дуги, П. Н. Кузнецова – из Прибалтики, С. А. Борзенко – о боях за Берлин, а также других военных корреспондентов.

Предприятия получали местные газеты. На крупных заводах выпускались малотиражные газеты. Например, на комбинате № 179 «Знамя труда». В наиболее людных местах были открыты витрины.

Очень важную роль в общественно-политической жизни рабочих и служащих играло радио. По центральному вещанию, которое велось в эфире более 18 часов в сутки, ежедневно передавалось 14 выпусков «Последних известий», 4 выпуска «Письма с фронта и на фронт», литературные и музыкальные программы, передачи о советских войнах. Выступали Герои Советского Союза, воины-фронтовики, рабочие передовики производства, трудящаяся молодежь. На предприятиях были установлены мощные репродукторы, в общежитиях радиоточки.

Заметным событием среди сибиряков была концертно-эстрадная радиопрограмма «Огонь по врагу». Выступления солиста Новосибирского радио И. М. Маланина полюбились миллионам радиослушателей. Его слушали у репродукторов в клубах и красных уголках. Об этом свидетельствуют более 5 тыс. писем и телеграмм, направленных в новосибирский радиокомитет рабочими и служащими Сибири [3, л. 40].

Печать и радио, благодаря своей оперативности массовой информации и широты воздействия, являлись мощным средством общественно-политического воспитания рабочих и служащих предприятий и мобилизации их на обеспечение фронта вооружением и боеприпасами.

С первых дней войны в арсенал устной пропаганды и агитации вошли антифашистские митинги и собрания рабочих и служащих. Гневно звучал голос рабочих коллектива комбината № 179. В принятой резолюции говорилось: «Мы твердо заявляем, что на призыв правительства наш многочисленный коллектив рабочих ИТР и служащих отнесется с должным высоким сознанием к своим обязанностям, своим трудом и своей дисциплиной, организованностью, удесятиренным усилием обеспечили нужды Красной армии, флота, авиации для достижения победы над врагом» [4, с. 25]. Митинги и собрания прошли в заводских коллективах Омска, Новосибирска, Томска, Кемерова, Новокузнецка, Тюмени, в которых участвовали сотни тысяч человек.

Такие митинги прошли почти на всех предприятиях оборонной промышленности. В Новосибирске их проведено 3150 [4, с. 24]. В Омской области состоялось более 2-х тыс. митингов и собраний при участии 254-х тыс. рабочих и служащих [5, с. 121]. Митинги рабочих и служащих предприятий, а также собрания женщин, молодежи, студентов, ученых в городах организовывались в течение всей войны в связи с важными военными и политическими событиями.

В работе по идейно-политическому воспитанию рабочих и служащих активное участие принимали внештатные лекторы. Основное содержание лекций и докладов – справедливый характер войны, разоблачение фашизма как человеконенавистнической идеологии, о ходе военных действий на фронтах войны и результатах работы тыла.

В управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) образовано 12 групп лекторов и пропагандистов [2, с. 97], в которые вошли партийные, советские и военные работники, деятели науки и культуры. Они выезжали в регионы, выступали на крупных предприятиях оборонной промышленности. При обкомах, крайкомах, горкомах и райкомах действовали лекторские группы и группы докладчиков, которые выступали на предприятиях оборонной промышленности, в местных газетах и по радио [6].

С целью приближения идейно-воспитательной работы к рабочим и служащим, непосредственно на производстве, в цеховых коллективах, в общежитиях и клубах выступали пропагандисты и агитаторы. В ноября 1941 г. в Новосибирске работало 5 тыс. агитаторов, в 1942 г. их число увеличилось до 7,5 тыс., в 1943 г. – 1 тыс., в Омской области на заводах и других предприятиях выступало 2 тыс. агитаторов и по месту жительства – 93 агитколлектива, в Кемеровской области в 1944 г. – более 20 тыс. агитаторов [7, с. 80].

Возглавляли агитколлективы секретари партийных организаций, заводских цехов. Агитаторы работали в дневных и ночных сменах, на ряде предприятий в течение нескольких минут перед началом работы. Большое значение имели личные беседы директоров предприятий, секретарей партийных организаций, председателей завкомов, начальников цехов. Агитаторы словом и примером боролись за повышение производительности труда, укрепление трудовой дисциплины, выполнение производственных заданий, распространяли передовой опыт.

Важное значение для повышения уровня воспитательной работы среди молодежи в условиях войны имело постановление ЦК ВКП(б), принятое в сентябре 1942 г. «О политическом воспитании и производственном обучении новых рабочих на заводе им. Дзержинского Пермской области», в котором отмечены серьезные недостатки в политическом и производственном воспитании молодежи и культурном обслуживании ее. ЦК партии потребовал немедленно устранить их и не допустить в будущем [8, с. 31 – 32].

В октябре 1942 г. Управление пропаганды и агитации ЦК партии разработало конкретные мероприятия по улучшению политического воспитания молодежи и направило специальные указания секретарям по пропаганде обкомов и крайкомов партии. Одновременно ЦК партии потребовал от ЦК ВЛКСМ усилить политическую работу среди молодежи. В обкомах и крайкомах комсомола созданы отделы молодежи. В областях были организованы местные молодежные радиопередачи на производственные и политические темы, которые хорошо воспринимались на предприятиях [9, с. 173, 174].

Осенью 1942 г. на Кемеровском комбинате № 392 начал действовать молодежный агитколлектив. Агитаторы работали в цехах, в общежитиях. В январе 1943 г. агитколлективы провели 255 бесед с юношами и девушками в цехах, сменах и бригадах. В 1943 г. в клубе Омского авиамоторного завода № 29 комсомольцы организовали 120 лекций и докладов, которые прослушали 39,3 тыс. рабочих и служащих.

В ноябре 1942 г. агитбригада Новосибирского обкома ВЛКСМ совершила рейд по предприятиям оборонной промышленности. На заводе им. Коминтерна ее члены провели беседы с молодыми рабочими на тему «Коммунисты и комсомольцы в дни Отечественной войны». В октябре 1943 г. в честь 25-летия ВЛКСМ на предприятиях Новосибирска и Томска были организованы вечера, на которых прозвучали доклады «Героический путь Ленинского комсомола», «Об организующей роли комсомола в тылу», в которых прозвучали сообщения о Лизе Чайкиной, Зое Космодемьянской, Александре Матросове, Викторе Талалихине и др. [10, с. 262, 263, 365].

С начала войны наладилась переписка с фронтом, а также встречи с бойцами и командирами, с членами делегаций, посетившими действующую армию. Нередко командиры авиаэскадрилий, подводных лодок, танковых колонн, построенных на средства рабочих и служащих тыла, сообщали о своих боевых действиях с врагом. Так, 5 октября 1943 г. командир подводной лодки «Новосибирский комсомолец» капитан 1 ранга Колышкин сообщал молодежи, что лодка открыла боевой счет, потопила вражеский транспорт водоизмещением в 7 тыс. тонн [11]. Несколько раз приезжали в Новосибирск представители подшефного Северного морского флота – декабрь 1942 г., апрель, июль 1943 г., июль 1944 г., январь 1945 г. [12, с. 326].

Все областные газеты регулярно знакомили своих читателей с боевыми подвигами земляков, сражающихся на фронтах. Только в январе 1944 г. «Омская правда» в ярких очерках рассказала о Героях Советского Союза, уроженцах Омской области Тимофее Кармацком, Николае Бударине, капитане Шулепове, командире орудия Папеле [13 – 16].

На предприятиях выпускались заводские малотиражки, стенные газеты, молнии, боевые листки, плакаты. Так, «Боевой листок» цеха № 3 комбината № 179 за первые 7 месяцев войны выходил 110 раз. Их материал часто подавался в форме фельетонов и карикатур. В 1944 г. в другом цехе этого комбината было выпущено 450 номеров. На Приборостроительном заводе № 69 им. Ленина в 1-м квартале 1944 г. вышло 100 сатирических «Молний» и плакатов. Большой популярностью пользовался боевой орган комсомольской сатиры «Бокс» [11].

Большое место в общественно-политической жизни рабочих и служащих занимало кино. Документом большой исторической ценности является кинолетопись Великой Отечественной войны, в которой отражается ее атмосфера и жизнь страны в годы суровых испытаний. Очень важную роль играли мастера художественного кино, создавшие много замечательных фильмов, вошедших в сокровищницу киноискусства. Среди них «Они сражались за Родину», «Радуга», «Зоя», «Человек № 227», «Нашествие», «Жди меня», «Во имя Родины», «Подводная лодка Т-9», «Большая земля», «Она защищала Родину», «Два бойца» и другие. Они раскрывают духовный мир советских людей в дни войны, величие их подвига.

Кинохроника, кинорепортажи, публицистические документальные фильмы имели большую значимость. За годы войны было выпущено 400 номеров «Союзкинужурнала», 65 журналов «Новости дня», 24 – «Фронтового киновыпуска», 67 короткометражных и 34 полнометражных картины, а также «Сибирь на экране» [1, с. 426].

За годы войны было выпущено в СССР 100 документальных фильмов и 490 киножурналов. Особенно большой интерес вызвали документальные фильмы «Разгром немцев под Москвой», «Ленинград в борьбе», «Черноморцы», «День войны», «Сталинград», «Народные мстители», «Берлин», «Разгром Японии» и др.

Учитывая огромную силу воздействия кино, как только были получены первые четыре киносборника «Победа за нами», созданные лучшими мастерами кино Г. Александровым, В. Пудовкиным, композитором И. Дунаевским, поэтом В. Лебедевым-Кумачом, были организованы коллективные просмотры [6].

Большую популярность имела такая политически острая, художественная выразительная форма, как «Окна РОСТа». Ее плакаты призывали к борьбе с врагом, прославляли воинов на фронте и тружеников в тылу.

На второй день войны Новосибирское бюро Союза советских писателей совместно с Новосибирским отделением Союза художников решили возродить опыт В. Маяковского, создавшего в годы гражданской войны «Окна РОСТа». Решили организовать выпуск сатирических и агитационных плакатов и лозунгов. 24 июня 1941 г. был готов первый выпуск 4-х плакатов художников Ликмана, Титкова, Огородникова с стихотворными подписями под ними поэтов И. Мухачева и А. Смердова. До 14 июля 1941 г. подготовили пять выпусков – всего около 50 сатирических и агитационных плакатов [7, с. 80, 82].

Только кинотеатр им. Маяковского в Новосибирске посетило в июле 1941 г. 68873 зрителя, в августе – 74264, в сентябре – 78645. С 13 по 25 февраля 1942 г. в Новосибирске демонстрировались фильмы «На защиту родной Москвы», «Фронтовые подруги», «Четвертый перископ», «Волочаевские дни» и другие героико-исторические фильмы. Кинофильм «Разгром немцев под Москвой» посетило 793 тыс. жителей области [17, л. 128; 18, л. 122 – 127; 19, л. 95 – 107].

Большое место в общественно-политической жизни и воспитании рабочих и служащих предприятий занимали литература и искусство, как важное средство мобилизации духовных сил народа на защиту Отечества. Творческие дискуссии, отчеты писателей фронтовиков, обсуждение новых произведений и многие другие вопросы, связанные с литературным творчеством, имели большое общественно-политическое значение. За годы войны было издано около 170 миллионов экземпляров произведений художественной литературы.

Главный герой литературных произведений тех лет – народ на войне. «Народ бессмертен» – под таким названием шла в 1942 г. первая книга военной прозы – повесть В. Гросмана. Советская литература в годы войны создала художественную летопись подвига народа. По свежим событиям писались крупные произведения, посвященные героической борьбе за город Ленинград – «У стен Ленинграда» Вс. Вишневского, «Пулковский меридиан» В. Инбер, «Февральский дневник» и «Ленинградская поэма» О. Бергольц и др.

Великой победе под Москвой посвящено «Волоколамское шоссе» А. Бека, легендарной сталинградской эпопее – «Дни и ночи» К. Симонова, «Сталинградцы» Ю. Чепурина и др. Как своих однополчан приняли бойцы «Василия Теркина» А. Твардовского, героев «Они сражались за Родину» М. Шолохова и др. [1, с. 422, 423]. Советская литература военных лет была сражающейся литературой. Создавались произведения о тружениках тыла, их самоотверженности.

Важную роль в идейно-политическом воспитании рабочих и служащих, особенно молодежи, сыграли произведения, изданные «молодой гвардией». Она организовала выпуск серии брошюр «Герои Отечественной войны», «Герои социалистического труда». В сборниках «В тылу врага», «Комсомол в боях за Родину» участвовали выдающиеся писатели Л. Леонов, К. Симонов, Н. Тихонов, А. Суркова и др. [12, с. 166].

Рабочим и служащим промышленных предприятий хорошо было известно творчество сибирских писателей и поэтов Л. Мартынова, И. Рождественского, П. Драверта, Л. Черноморцева, К. Лисовского, И. Мухачева, А. Смердова. В 1942 – 1945 гг. в Омске и Красноярске вышли сборники Л. Мартынова «За Родину», «Мы придем», И. Рождественского – «В боевом строю», Л. Черноморцева «Мое оружие», а также сборники фронтовых рассказов «Смерть немецким оккупантам», «Родине, Фронту, Победе» [20, с. 107].

Несмотря на трудности с бумагой, местные издательства продолжали выпуск литературы большими тиражами. Так, за годы войны только Омское книжное издательство выпустило 211 книг тиражом 2 млн 142 тыс. экземпляров [21, с. 133].

В первом полугодии 1944 г. работники Новосибирской областной библиотеки провели 18 литературных вечеров, посвященных творчеству поэтов и писателей. В связи со 130-летием со дня рождения М. Ю. Лермонтова рассказывались его произведения – «Беглец», «Бородино», «Песнь о купце Калашникове». Библиотекари распространяли общественно-политическую, научно-техническую и художественную литературу [22, с. 89 – 91].

В клубе им. Клары Цеткин комбината № 179 работала библиотека с книжным фондом 4 тыс. экземпляров и при заводоуправлении – 22 тыс. книг. Библиотекари проводили литературные встречи. В общежитиях предприятия организовали пять библиотек-передвижек с фондом 2 тыс. книг [22, с. 380].

Особое место в общественно-политической жизни рабочих и служащих предприятий занимало искусство. Но в начале войны в Сибири было закрыто 20 местных театров. В то же время сюда эвакуировались московские театры: им. Вахтангова, Оперетты, Центральный детский; Ленинградский им. Пушкина, Киевский академический оперы и балета, Днепропетровский и Минский драматические и другие. Только в Новосибирскую область прибыло 10 театров. В конце 1941 г. в Новосибирской области начали работать 18 учреждений культуры и искусства, в Омской области – 10 (с 1942 г. здесь стал функционировать еще Сталинградский театр оперетты), в Алтайском крае – 7. В 1943 г. вновь было открыто 6 местных театров. Одновременно в Сибири действовало 11 профессиональных музыкальных коллектива [23, с. 281].

Репертуар театральных и музыкальных коллективов отражал героику труда рабочих и служащих во имя победы над фашизмом. На протяжении всей войны театры ставили спектакли не только на стационарных сценах, но считали своей задачей иметь хорошую связь с производственными коллективами, показывали спектакли в заводских клубах и цехах. Кроме того, создавались бригады, которые выступали с театрализованными постановками, составленными на местных материалах. Только с 1 июля 1941 по 1942 гг. деятели искусства в Новосибирской области организовали около 4-х тыс. шефских концертов и спектаклей. В первой половине 1942 г. их посетили 3,1 млн человек [24, л. 265, 268].

Актеры театров провели 5445 спектаклей и концертов для рабочих, служащих и их семей [25, с. 144]. Почти весь коллектив театра им. Пушкина, в том числе народные и заслуженные артисты – Корчагина-Александрова, Юрьев, Черкасов, Симонов, Скоробогатов и другие активно выступали с концертами в среднем в месяц 25 – 30 раз [26, с. 132].

Большим успехом у рабочих и служащих пользовались спектакли «Суворов» и «Фельдмаршал Кутузов» в исполнении театров им. Пушкина, им. Вахтангова, Новосибирского театра «Красный факел», Омского областного драматического театра, который только за полтора месяца 1941 г. показал пьесу «Фельдмаршал Кутузов» 39 раз. Спектакли, раскрывающие героизм солдат и офицеров на фронтах войны, активно посещали рабочие и служащие предприятий. Среди них пьесы А. Корнейчука «Фронт», К. Симонова «Русские люди», Л. Леонова «Нашествие» [23, с. 284 – 285], которые были поставлены почти всеми театрами. Белорусский Ордена Трудового Красного Знамени Государственный театр только в течение 1943 г. показал 283 спектакля, которые посетили 231 тыс. томичей [3, л. 61].

Коллективы театров обращались к лучшим произведениям советской драматургии, таким как «Слава» В. Гусева и «Парень из нашего города» К. Симонова в Омском драмтеатре; «Платон Кречет» и «В степях Украины» А. Корнейчука в театре им. Пушкина в Новосибирске; «Беспокойная старость» Л. Рахманова и «Машенька» А. Агафонова в Белорусском драмтеатре в Томске и Бийском театре.

Повышенная активность в деятельности театров началась с появлением высокохудожественных пьес о советском человеке на войне в конце 1942 г. Театрами им. Вахтангова, им. Пушкина, Белорусским драматическим и «Красный факел» осуществлены постановки пьесы А. Корнейчука «Фронт». Пьеса К. Симонова «Русские люди» показана театрами им. Пушкина, им. Вахтангова, Тюменским драматическим, «Красный факел», Новосибирским ТЮЗом и другими. Она завоевала одно из первых мест. Театр им. Пушкина и Белорусский драмтеатр поставили пьесу Л. Леонова «Нашествие», «Петр Крымов» Финна в Кемеровском драмтеатре [23, с. 284 – 285].

Интерес к спектаклю «Петр Крымов» определялся тем, что в нем шла речь о тружениках тыла. Постановщик этого спектакля А. Сафонов так определил цель постановки: «Театр поставил своей задачей показать героев тыла, превращавших место у станка на заводе в фронтовой рубеж» [27]. В дальнейшем репертуар театров пополнялся пьесами о войне: «Сталинград» Ю. Чепурова, «Офицеры флота» А. Крона, «Домик в Черкизове» А. Арбузова, «Жди меня» К. Симонова, «Обыкновенный человек» Л. Леонова и др.

Много сил и времени для приобщения рабочих к высокому театральному искусству отдавали выдающиеся деятели культуры, находившиеся в эвакуации – народные артисты СССР Н. К. Черкасов, В. В. Меркулов, Н. К. Симонов и др. А также наиболее авторитетные артисты местных театров, в частности – Омского драматического театра – Н. Колесников, П. Некрасов, Б. Ковылин, были активными агитаторами театрального искусства.

Значительную роль в культурной жизни рабочих и служащих предприятий сыграло Сибирское отделение Всесоюзного гастрольного концертного объединения (ВГКО), созданное в 1942 г. В 1943 г. его актеры дали 4310 концертов. За два года работы, с 17 июня 1942 г. по 17 июня 1944 г., только в Новосибирской области было поставлено 2406 концертов. Их посетило не менее 1,2 млн человек [28, л. 2 – 4, 17, 31, 73].

Крупнейшим музыкальным центром на Востоке страны стал Новосибирск. Сюда эвакуировались композиторы М. М. Блантр, Г. В. Свиридов, О. Б. Фельцман, В. В. Щербачев, Г. С. Брук, К. В. Молчанов, А. Л. Локшин, С. В. Полонский; известные дирижеры Е. А. Мравинский, З. И. Зандерлинг, заслуженный деятель искусств Казахской ССР Н. А. Шкаровский; музыковеды – профессор И. И. Соллертинский, Ю. Я. Вайнкоп, М. С. Друскин и др. Здесь находились 14 действительных членов Союза композиторов СССР, 15 композиторов и музыковедов, не состоящих в Союзе. В 1943 г. перевезен из Томска в Новосибирск Ленинградский институт театра и музыки. Плодотворно работали композиторы сибиряки, особенно М. И. Невитов, А. П. Новиков, К. Н. Нечаев. Организовано Сибирское отделение Союза композиторов СССР. 23 января 1942 г. его возглавил М. И. Невитов.

В сентябре 1941 г. в Новосибирск эвакуирована Ленинградская филармония с концертным бюро и заслуженными коллективами РСФСР – симфоническим оркестром и квартетом им. А. К. Глазунова. Первый симфонический сезон открылся 4 октября 1941 г. музыкой гениев русской культуры – Глинки, Мусоргского, Чайковского исполнением симфонического оркестра. Во втором отделении выступили квартет им. А. К. Глазунова с произведениями Грига, Чайковского, Глинки, солисты Е. М. Вербицкая, В. П. Арканов, мастера художественного чтения [29, с. 296 – 298].

Концертное бюро Ленинградской филармонии открыло лекторий литературы и искусства в клубе им. Клары Цеткин комбината № 179, который посетило около 20 тыс. человек. Квартет им. А. К. Глазунова кроме Новосибирска выступал с концертами в Барнауле, Бийске, Омске, Томске, городах Кузбасса. За период эвакуации квартет дал около 500 концертов. Волнующим событием в музыкальной жизни Новосибирска было исполнение в июле 1942 г. Седьмой симфонии Д. Шостаковича. Участие в репетиции принимал сам композитор [29, с. 299, 303].

Концертное бюро Ленинградской филармонии за 30 месяцев работы только в Новосибирской области, включая Кузбасс и Томск, организовало 5750 выступлений, которые посетили 2 млн человек. Филармония открыла в Новосибирске городской университет литературы и искусства [28, л. 2 – 4, 17, 31, 73].

В 1944 г. в Новосибирске начал работать театр музыкальной комедии. 19 августа 1944 г. было принято решение о восстановлении Новосибирской филармонии, организации в ней симфонического оркестра, женского ансамбля песни и пляски, эстрадного оркестра, струнного квартета и группы солистов [3, л. 40].

В Омск было эвакуировано 20 художников из Москвы, Ленинграда и Воронежа. Художественная интеллигенция широко привлекалась к выпуску плакатов, призывов, лозунгов. Новосибирские художники вместе с художниками театров оформляли на предприятиях доски информации, красные уголки, стенды, выпускали «Боевые листки».

Художники с большим достоинством относились к выпуску «Окна ТАСС». С января по сентябрь 1942 г. в Новосибирске состоялся выпуск 64 «Окна ТАСС», которые были размножены в количестве 13 тыс. экземпляров [30, л. 6]. В ноябре 1941 г. в Новосибирске действовала выставка «Окна ТАСС», за 25 дней ее посетили 11,8 тыс. человек. В течение всего периода войны «Окна ТАСС» выходили в Омске, Томске, Барнауле и городах Кузбасса [31, с. 233].

Живописцы, скульпторы, графики регулярно организовывали выставки. В 1942 г. проведены выставки под девизом «Художники Сибири в дни Великой Отечественной войны» в Новосибирске, «За Родину» и «Тыл – фронту» – в Томске, «XXV лет Октября» – в Барнауле. В Алтайском крае за годы войны организовано 6 художественных выставок [32]. 16 января 1944 г. в Новосибирске открылась выставка местных художников и скульпторов «Сибирь – фронту», на которой экспонировалось около 150 работ [33].

В Новосибирске действовал филиал Третьяковской галереи. Его сотрудники организовывали показ лучших образцов русского и советского изобразительного искусства. В июне 1942 г. Новосибирский горком ВКП(б) направил всем организациям города письмо, где отметил огромное значение этой выставки в повышении общеобразовательного и политического уровня рабочих и служащих предприятий и предложил организовать экскурсии, коллективные и индивидуальные посещения выставки всеми членами коллективов [4, с. 291].

За три года пребывания в Новосибирске научные сотрудники галереи прочитали в городах и на предприятиях Западной Сибири 1500 лекций о русском искусстве, организовали 20 выставок картин, которые посетило около 600 тыс. человек. В Новосибирск прибыли художественные ценности из государственного музея изобразительных искусств им. Пушкина, музея нового западного искусства, из ленинградских дворцов-музеев. В Омске находились экспонаты из Воронежского и Острогожского художественных музеев. В Томске размещалась Севастопольская картинная галерея [34, с. 15, 19, 23].

В связи с тем, что в городах Западной Сибири были сосредоточены многие учреждения культуры, с целью организации их культурно-воспитательной работы на предприятиях правительство создало специальную структуру, которая осуществляла общее руководство учреждениями искусства и творческими объединениями. Сначала она находилась в Томске, а затем в Новосибирске [35, с. 287].

Условия военного времени требовали создания боевого резерва для Красной Армии. 17 сентября 1941 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР». Реализуя его, местные органы власти создали военные кабинеты, построили стрелковые тиры, открыли курсы медсестер и сандружин [36, с. 86].

С 1 октября 1941 г. началась подготовка боевых резервов. В Новосибирской области обучалось 41,9 тыс. человек [37, л. 2, 4; 38, л. 276]. В Омской области изучали военные специальности свыше 26 тыс. человек. 1 марта 1942 г. завершилась первая очередь всеобуча. В Новосибирской области закончили учебу 37661 человек. К концу 1941 г. военную подготовку прошли более 70 тыс. человек в районах Алтайского края и свыше 32-х тыс. человек в Ойротской автономной области [39, с. 28].

За четыре года войны в Новосибирской области всеобуч прошли 160969 человек, в том числе комсомольцы – 141122 человека. В комсомольско-молодежных подразделениях обучено 375200 человек, в том числе 2586 девушек. В Тюменской области с 14 августа 1944 г. до конца войны – более 13 тыс. комсомольцев [40, с. 42, 50].

В Новосибирске в годы войны состоялось пять выпусков допризывников по различным военным специальностям. В первый год войны в области было обучено и направлено в специальные части и военные училища 17,5 тыс. комсомольцев. В Омской области подготовлено и вступили в сандружины 3 тыс. комсомолок, более 1 тыс. девушек закончили курсы медсестер. В Омске было создано 78 сандружин в составе 1296 человек [41, с. 94].

За годы войны в городах Сибири прошли военную подготовку более 650 тыс. человек. Получили военную специальность стрелков, пулеметчиков, автоматчиков, снайперов, истребителей танков и др. [7, с. 71, 72].

Важной стороной общественно-политической жизни рабочих и служащих, особенно молодежи, предприятий оборонной промышленности являлись физкультура и спорт, служившие элементом подготовки боевых резервов Красной армии. Летом 1942 г. в профсоюзно-молодежном кроссе только 6 заводов Новосибирска принимало участие 14328 человек, из них сдали нормы БГТО и ГТО – 12091 человек. За годы войны для Красной армии подготовлено стрелков, автоматчиков, пулеметчиков, снайперов, танкистов, радистов и других военных специалистов в Омске – 23152 человека, в Новосибирске – 37011 человек [10, с. 390, 393]. В различных видах соревнования приняло участие 1214652 человека [41, с. 95].

Большое значение в общественно-политической жизни имели культурно-просветительные учреждения. На развертывание и улучшение их работы было направлено постановление ЦК партии по Омской области, обязывающее партийные организации усилить руководство клубными учреждениями. Клубы на предприятиях организовывали лекции, художественную самодеятельность, концерты, демонстрацию фильмов, создавали различные по интересам кружки.

В годы войны важную роль играла, как и прежде, художественная самодеятельность. Велико значение в ее организации профессиональных актеров, особенно на промышленных предприятиях. На первое место в ее развитии выдвигались идейно-воспитательные функции. В работе кружков художественной самодеятельности активное участие принимали рабочие и служащие.

В апреле 1942 г. в клубе авиационного завода им. В. П. Чкалова действовал творческий коллектив, состоящий из 200 человек. В его составе участвовали драмколлектив, духовой оркестр, вокальный ансамбль, группы – балетная, скрипки, рояля. В результате их активной деятельности клуб занял первое место в финальном туре областного смотра художественной самодеятельности [42, л. 38 – 39].

В 1944 г. на комбинате № 179 рабочие и служащие принимали активное участие в художественной самодеятельности. В трех драматических, шести вокальных, двух балетных и четырех музыкальных кружках занималось 220 человек. Свыше 370 рабочих, инженеров, техников и служащих участвовало в кружках самодеятельности в Дворце культуры им. В. П. Чкалова. 375 человек учились театральному, музыкальному и танцевальному искусству. Их выступления в цехах просматривало большинство рабочих и служащих завода. На приборостроительном заводе № 69 ежемесячно устраивались концерты художественной самодеятельности, в которых участвовали оркестры, баянисты и массовики [43, л. 1; 42, л. 38 – 39; 3, л. 62].

Ежегодно проводились областные смотры художественной самодеятельности. В 1944 г. среди лучших был клуб им. К. Цеткин комбината № 179, а третье место занял драматический коллектив завода № 188. Оба коллектива награждены грамотой Новосибирского облисполкома [44, л. 45, 65; 45, л. 2]. С 20 октября по 20 ноября 1943 г. в Барнауле проводился городской смотр художественной самодеятельности, в котором принимали участие более 2-х тыс. рабочих и служащих. В эстрадном жанре победил коллектив самодеятельности завода № 77 [10, с. 379].

Таким образом, общественно-политическая жизнь рабочих и служащих оборонной промышленности Западной Сибири совершенствовалась с учетом того, что регион был одним из трех основных центров, обеспечивающих фронт вооружением и боеприпасами. ЦК ВКП(б) и правительство определили в центре и на местах специальные структурные подразделения, которые контролировали и направляли деятельность. Особое внимание уделялось информированию трудящихся о важнейших событиях на фронте и в работе тыла, а также идейно-политическому воспитанию рабочих и рабочей молодежи.

Важную роль в нравственном воспитании трудящихся сыграли учреждения театрального и музыкального искусства, картинные галереи, эвакуированные в Западную Сибирь. Выдающиеся деятели культуры, актеры, музыканты, сотрудники этих учреждений своими спектаклями, постановками и выступлениями патриотической, антифашистской направленности поднимали духовные силы, вдохновляли на трудовые подвиги рабочих, инженеров и техников, ковавших оружие победы над фашизмом. Значимое место в жизни рабочих и служащих занимали клубные учреждения, которые организовывали лекции, выступления участников войны, хозяйственных руководителей, партийных работников, пропагандистов, артистов, постановки художественной самодеятельности, транслировали кинокартины, устраивали передвижные выставки художественной и политической литературы.

Литература

1. История коммунистической партии Советского Союза. М.: Изд-во полит. литературы, 1970. Т. 5. Кн. 1. 724 с.

2. Комков Г. Д. Идеология и массово-политическая работа в тылу // Советский тыл в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1974. Кн. 1. С. 93 – 103.

3. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1376. Оп. 1. Д. 67.
4. Доблестный труд рабочих, крестьян, интеллигенции Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945). Сборник документов. Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1964. 344 с.
5. Горячева В. М. Идейно-политическое воспитание трудящихся в период Великой Отечественной войны // Из истории партийных организаций Сибири. Новосибирск, 1968. Вып. 24. С. 115 – 130.
6. Советская Сибирь. 1941. 13 ноября.
7. Васильев Ю. А. Сибирский арсенал. Деятельность партийных организаций Сибири по развитию промышленности в период Великой Отечественной войны. 1941 – 1945 гг. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1965. 384 с.
8. Партийное строительство. 1942. № 17 – 18. С. 31 – 32.
9. Зырина А. А. Политическое воспитание рабочей молодежи в годы войны // Советский тыл в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1974. Кн. 1. С. 172 – 181.
10. Букин С. С., Романов Р. Е. Рабочая молодежь предприятий оборонного комплекса Сибири (1941 – 1945). Новосибирск: Параллель, 2012. 430 с.
11. Советская Сибирь. 1943. 5 октября.
12. Тяжельников Е. М. Комсомол тыла – фронту // Советский тыл в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1974. Кн. 1. С. 153 – 171.
13. Омская правда. 1944. 1 января.
14. Омская правда. 1944. 4 января.
15. Омская правда. 1944. 16 января.
16. Омская правда. 1944. 24 января.
17. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 25. Д. 742.
18. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 26. Д. 176.
19. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 26. Д. 191.
20. Из истории литературы Сибири. Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1977. Вып. 2. 211 с.
21. Жданов С. 25 лет советского книгопечатания в Омске // Омский альманах. Омск, 1947. Кн. 6.
22. Зяблинцева С. В. Библиотечная сеть Западной Сибири во второй половине 1920 – 1940-х гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-2. С. 86 – 93.
23. Назимова В. Ш. Театры Западной Сибири в начальный период Великой Отечественной войны (1941 – 1942 гг.) // В грозные годы. Омск: Омское кн. изд-во, 1973. С. 280 – 291.
24. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 26. Д. 195 а.
25. Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск: Наука, 1984. 376 с.
26. Горячева В. М. Учреждения культуры в период Великой Отечественной войны (на материалах Западной Сибири) // Из истории партийных организаций Сибири. Новосибирск, 1968. Вып. 24. С. 131 – 142.
27. Кузбасс. 1942. 20 сентября.
28. ГАНО. Ф. Р-1028. Оп. 1. Д. 13.
29. Марченко Ю. Г., Шейхот М. Г. Из истории музыкальной культуры Сибири военных лет // Сибирь в Великой Отечественной войне. Новосибирск: Наука, 1974. С. 292 – 304.
30. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 322.
31. Назимова В. Ш. Участие деятелей литературы и искусства в массово-политической работе среди населения в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. // Из истории партийных организаций Западной Сибири. Омск: Омское кн. изд-во, 1967. С. 225 – 234.
32. Алтайская правда. 1945. 30 марта.
33. Советская Сибирь. 1944. 19 января.
34. Максакова Л. В. В рядах воюющего народа. М.: Изд-во полит. литературы, 1965. 217 с.
35. Назимова В. Ш. Партийные организации Западной Сибири во главе перестройки деятельности учреждений искусств и творческих союзов в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. // Из истории партийных организаций Западной Сибири. Омск: Омское кн. изд-во, 1967. С. 284 – 299.
36. СССР в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. Краткая хроника. М.: Изд-во полит. литературы, 1970. 272 с.
37. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 675.
38. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 640.
39. Гаврилов И. С. Коммунисты Алтая во главе подготовки боевых резервов для фронта // Сибирь в Великой Отечественной войне. Новосибирск: Наука, 1977. С. 20 – 29.
40. Кучер Г. Д. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по мобилизации молодежи на изучение военного дела в системе всеобуча // Сибирь в Великой Отечественной войне. Новосибирск: Наука, 1977. С. 39 – 51.
41. Шмараев А. Г. Из опыта работы комсомольских организаций Западной Сибири по военно-патриотическому воспитанию молодежи в годы Великой Отечественной войны // Сибирь в Великой Отечественной войне. Новосибирск: Наука, 1974. С. 90 – 100.
42. ГАНО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 1556.
43. ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 810.
44. ГАНО. Ф. Р-1693. Оп. 1. Д. 248.
45. ГАНО. Ф. П-11796. Оп. 1. Д. 23.

SOCIAL AND POLITICAL LIFE OF WORKERS AND EMPLOYEES OF DEFENSE INDUSTRY IN WESTERN SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Ivan M. Sawicky[1, @]

[1] *Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8, Nikolaeva, Novosibirsk, Russia, 690030*
[@] *lamin@history.nsc.ru*

Received 25.01.2017.
Accepted 27.03.2017.

Keywords: The Great Patriotic War, socio-political life, workers, engineers and technicians, press and radio, propagandists, artists, theaters, presentations, performances and exhibitions

Abstract: The article considers the socio-political life of the workers and employees of the military-industrial complex in Western Siberia, which is one of three such complexes in the USSR that supplied the Red Army with military equipment and ammunition. It was established that the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (CPSU (b), giving great attention to the regions of their location, in the Propaganda and Agitation Department of the Central Committee added some new structural units, whose influence embraced all aspects of socio-political life of the workers and employees in these regions. Propaganda and Agitation Department of the Central Committee promptly controlled and supervised the work of local Party and Soviet bodies, organizations and institutions in this direction.

The major focus is on the study of the activities of the Soviet Information Bureau (Sovinformbureau), press, radio, cinema, lecturers, propagandists and agitators, who informed the workers and employees about the most important events at the front and in the rear, formed the social and political attitudes. It was found that the greatest role was played by outstanding artists, theatrical, musical and artistic intelligentsia who, through their presentations, shows and performances of the anti-fascist orientation raising the spiritual forces of workers, engineers and technicians, inspired people to labor feats. Through the combination of these events, organized by the central and local Party authorities, the government and local executive authorities shaped social and political consciousness, patriotism of workers, engineers and technicians, to forge the weapon of victory over fascism.

For citation: Sawicky I. M. Obshchestvenno-politicheskaia zhizn' rabochikh i sluzhashchikh oboronnoi promyshlennosti Zapadnoi Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Social and Political Life of Workers and Employees of Defense Industry in Western Siberia during the Great Patriotic War]. *Bulletin of Kemerovo State University,* 2017; (2): 95 – 103. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-95-103.

References

1. *Istoriia kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soiuza* [History of the Communist Party of the Soviet Union]. Moscow: Izd-vo polit. Literatury, book 1, vol. 5 (1970): 724.
2. Komkov G. D. Ideologiia i massovo-politicheskaia rabota v tylu [Ideology and political work in the rear]. *Sovetskii tyl v Velikoi Otechestvennoi voine* [Soviet rear in the Great Patriotic War]. Moscow: Mysl', book 1 (1974): 93 – 103.
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti (GANO)* [State Archives of Novosibirsk Region]. Found R-1376, List 1, File 67.
4. *Doblestnyi trud rabochikh, krest'ian, intelligentsii Novosibirskoi oblasti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941 – 1945)* [Valorous labor of the workers, peasants and intellectuals of the Novosibirsk region during the Great Patriotic War (1941 – 1945)]. Novosibirsk: Novosibirskoe kn. izd-vo, 1964, 344.
5. Goriacheva V. M. Ideino-politicheskoe vospitanie trudiashchikhsia v period Velikoi Otechestvennoi voiny [Ideological and political education of the working people in the Great Patriotic War]. *Iz istorii partiinykh organizatsii Sibiri* [From the history of the party organizations of Siberia]. Novosibirsk, Iss. 24 (1968): 115 – 130.
6. *Sovetskaia Sibir' = Soviet Siberia*, 13 November (1941).
7. Vasil'ev Iu. A. *Sibirskii arsenal. Deiatel'nost' partiinykh organizatsii Sibiri po razvitiiu promyshlennosti v period Velikoi Otechestvennoi voiny. 1941 – 1945 gg.* [Siberian arsenal. Activity of the party organizations of Siberia on industrial development in the Great Patriotic War. 1941 – 1945]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe kn. izd-vo, 1965, 384.
8. *Partiinoe stroitel'stvo = Party building*, no. 17 – 18 (1942): 31 – 32.
9. Zyrina A. A. Politicheskoe vospitanie rabochei molodezhi v gody voiny [The political education of young workers during the war]. *Sovetskii tyl v Velikoi Otechestvennoi voine* [Soviet rear in the Great Patriotic War]. Moscow: Mysl', book 1 (1974): 172 – 181.
10. Bukin S. S., Romanov R. E. *Rabochaia molodezh' predpriiatii oboronnogo kompleksa Sibiri (1941 – 1945)* [Young workers in Siberia defense complex enterprises (1941 – 1945)]. Novosibirsk: Parallel', 2012, 430.
11. *Sovetskaia Sibir' = Soviet Siberia*, 5 October (1943).
12. Tiazhel'nikov E. M. Komsomol tyla – frontu [YCL rear – front]. *Sovetskii tyl v Velikoi Otechestvennoi voine* [Soviet rear in the Great Patriotic War]. Moscow: Mysl', book 1 (1974): 153 – 171.
13. *Omskaia pravda = Omsk truth*, 1944, 1 January.

14. *Omskaia pravda = Omsk truth*, 1944, 4 January.
15. *Omskaia pravda = Omsk truth*, 1944, 16 January.
16. *Omskaia pravda = Omsk truth*, 1944, 24 January.
17. *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti* [State Archives of Novosibirsk Region]. Found P-4, List 25, File 742.
18. *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti* [State Archives of Novosibirsk Region]. Found P-4, List 26, File 176.
19. *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti* [State Archives of Novosibirsk Region]. Found P-4, List 26, File 191.
20. *Iz istorii literatury Sibiri* [From the history of literature in Siberia]. Krasnoiarsk: Krasnoiarskoe kn. izd-vo, Iss. 2 (1977): 211.
21. Zhdanov S. 25 let sovetskogo knigopechataniia v Omske [25 years of Soviet printing in Omsk]. *Omskii al'manakh = Omsk almanac*, book 6 (1947).
22. Ziablintseva S. V. Bibliotechnaia set' Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine 1920 – 1940-kh gg. [Library Network of Western Siberia in the second half of the 1920 – 1940] *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = The News of Altai State University*, no. 4-2 (2010): 86 – 93.
23. Nazimova V. Sh. Teatry Zapadnoi Sibiri v nachal'nyi period Velikoi Otechestvennoi voiny (1941 – 1942 gg.) [Theatres Western Siberia during the initial period of the Great Patriotic War (1941 – 1942 biennium)]. *V groznye gody* [In the terrible years]. Omsk: Omskoe kn. izd-vo, 1973, 280 – 291.
24. *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti* [State Archives of Novosibirsk Region]. Found P-4, List 26, File 195 a.
25. *Rabochii klass Sibiri v period uprocheniia i razvitiia sotsializma* [The working class of Siberia during the consolidation and development of socialism]. Novosibirsk: Nauka, 1984, 376.
26. Goriacheva V. M. Uchrezhdeniia kul'tury v period Velikoi Otechestvennoi voiny (na materialakh Zapadnoi Sibiri) [Cultural Institutions in the period of the Great Patriotic War (on materials of Western Siberia)]. *Iz istorii partiinykh organizatsii Sibiri* [From the history of the party organizations of Siberia]. Novosibirsk, Iss. 24 (1968): 131 – 142.
27. *Kuzbass = Kuzbass*, 20 September (1942).
28. *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti* [State Archives of Novosibirsk Region]. Found R-1028, List 1, File 13.
29. Marchenko Iu. G., Sheikhot M. G. Iz istorii muzykal'noi kul'tury Sibiri voennykh let [From the history of the war years in Siberia musical culture]. *Sibir' v Velikoi Otechestvennoi voine* [Siberia in the Great Patriotic War]. Novosibirsk: Nauka, 1974, 292 – 304.
30. *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti* [State Archives of Novosibirsk Region]. Found P-4, List 7, File 322.
31. Nazimova V. Sh. Uchastie deiatelei literatury i iskusstva v massovo-politicheskoi rabote sredi naseleniia v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941 – 1945 gg. [Participation figures of literature and art in the mass political work among the population during the 1941 – 1945 Great Patriotic War years.]. *Iz istorii partiinykh organizatsii Zapadnoi Sibiri* [From the history of the party organizations of Western Siberia]. Omsk: Omskoe kn. izd-vo, 1967, 225 – 234.
32. *Altaiskaia pravda = Altai truth*, 30 March (1945).
33. *Sovetskaia Sibir' = Soviet Siberia*, 19 January (1944).
34. Maksakova L. V. *V riadakh voiuiushchego naroda* [In the ranks of the warring nations]. Moscow: Izd-vo polit. literatury, 1965, 217.
35. Nazimova V. Sh. Partiinye organizatsii Zapadnoi Sibiri vo glave perestroiki deiatel'nosti uchrezhdenii iskusstv i tvorcheskikh soiuzov v period Velikoi Otechestvennoi voiny 1941 – 1945 gg. [Party organizations of Western Siberia led restructuring of the arts institutions and creative unions in the period of the Great Patriotic War of 1941–1945.]. *Iz istorii partiinykh organizatsii Zapadnoi Sibiri* [From the history of the party organizations of Western Siberia]. Omsk: Omskoe kn. izd-vo, 1967, 284 – 299.
36. *SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine 1941 – 1945 gg. Kratkaia khronika* [USSR in the Great Patriotic War of 1941 – 1945. Brief chronicle]. Moscow: Izd-vo polit. literatury, 1970, 272.
37. *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti* [State Archives of Novosibirsk Region]. Found P-4, List 5, File 675.
38. *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti* [State Archives of Novosibirsk Region]. Found P-4, List 7, File 640.
39. Gavrilov I. S. Kommunisty Altaia vo glave podgotovki boevykh rezervov dlia fronta [Altai Communists led the preparation of fighting reserves for the front]. *Sibir' v Velikoi Otechestvennoi voine* [Siberia in the Great Patriotic War]. Novosibirsk: Nauka, 1977, 20 – 29.
40. Kucher G. D. Deiatel'nost' partiinykh organizatsii Zapadnoi Sibiri po mobilizatsii molodezhi na izuchenie voennogo dela v sisteme vseobucha [Activity of party organizations in Western Siberia on mobilizing young people to study military affairs in the system of universal education]. *Sibir' v Velikoi Otechestvennoi voine* [Siberia in the Great Patriotic War]. Novosibirsk: Nauka, 1977, 39 – 51.
41. Shmaraev A. G. Iz opyta raboty komsomol'skikh organizatsii Zapadnoi Sibiri po voenno-patrioticheskomu vospitaniiu molodezhi v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [From the experience of Western Siberia Komsomol organizations on military-patriotic education of young people in the Great Patriotic War]. *Sibir' v Velikoi Otechestvennoi voine* [Siberia in the Great Patriotic War]. Novosibirsk: Nauka, 1974, 90 – 100.
42. *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti* [State Archives of Novosibirsk Region]. Found P-22, List 1, File 1556.
43. *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti* [State Archives of Novosibirsk Region]. Found P-22, List 3, File 810.
44. *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti* [State Archives of Novosibirsk Region]. Found R-1693, List 1, File 248.
45. *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti* [State Archives of Novosibirsk Region]. Found P-11796, List 1, File 23.

УДК 904

ЕГИПЕТ. ДАШУР. ОТКРЫТ ДРЕВНИЙ ГАЗОГЕНЕРАТОР В НИЖНЕМ ЯРУСЕ ЛОМАНОЙ ПИРАМИДЫ СНЕФРУ

Александр М. Ярощук [1, @]

[1] *Кемеровское отделение Союза писателей России, Россия, 650000, г. Кемерово, Советский пр-т, 40*
[@] *kemprosaik@mail.ru*

Поступила в редакцию 19.01.2017.
Принята к печати 21.02.2017.

Ключевые слова: ломаная пирамида, нижний ярус, нижняя камера, печная труба.

Аннотация: Статья посвящена исследованию устройства и назначения камеры нижнего яруса в Ломаной пирамиде Снефру в Дашуре. Изучение исследовательских материалов ранних работ археологов показало, что назначение этой камеры окончательно не определено. В процессе исследования обнаружена технологическая связь нижнего и верхнего ярусов пирамиды. Доказывается, что в совокупности элементы нижнего яруса: сама камера, шахта, печная труба представляют собой древнюю печь-газогенератор. Она предназначена для получения смеси угарного и углекислого газов для заполнения помещений верхнего яруса пирамиды. Цель архитектора – сделать камеры пирамиды смертельно опасными для грабителей. Установлено конструктивное сходство печи в нижнем ярусе пирамиды Снефру с современным типом газогенератора обращённого процесса газификации. Обосновывается версия о наличии секретных камер в пирамиде, в том числе и камеры с саркофагом фараона. Предлагается версия причины изменения формы и постройки именно Ломаной пирамиды.

Для цитирования: Ярощук А. М. Египет. Дашур. Открыт древний газогенератор в нижнем ярусе Ломаной пирамиды Снефру // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 104 – 110. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-104-110.

Ломаная пирамида Снефру (отца Хеопса) находится у деревни Дашур, расположенной среди развалин Мемфиса, древней столицы Египта. Хотя её исследовали крупные учёные-археологи, убедительно доказать назначение внутренних помещений до сих пор никому ещё не удалось (рис. 1). В 2012 г. экспедиция ИСИДА (исследовательское сообщество по изучению древних артефактов) провела комплексное исследование Ломаной пирамиды. Сделаны снимки В. Андросовым, написана статья о внутреннем устройстве архитектором А. Пучковым, но понимания назначения этих помещений так и нет [1]. Наоборот, всё это только прибавило загадок. С западной и северной сторон два отдельных самостоятельных входа в два яруса внутренних помещений, соединённых туннелем [2]. Эти входы закрывали поворотные плиты на шарнирах, каждая весом около трёх тонн. Западный вход в верхний ярус находится на высоте 32,7 м. Верхний ярус Ломаной пирамиды в совокупности: верхняя камера, горизонтальный коридор и две Порткулисы представляет собой уникальную ловушку для воров. Она подробно описана в статьях автора [3 – 4]. Северный вход в нижний ярус находится на высоте 11,3 м. Нисходящий коридор от входа протяжённостью 67,66 м опускается вглубь скального основания на глубину 22 м [5]. Заготовленные блоки для перекрытия северного коридора, печной трубы так и не были приведены в действие. Загадочность этой пирамиды ещё и в том, что в горизонтальном коридоре верхнего яруса наблюдаются сквозняки, о которых упоминали в своих отчётах все исследователи, в том числе: А. Фахри, З. Хаваас, А. Пучков. Происхождение их до сих пор непонятно. Подобного нет в других крупных пирамидах (рис. 2, 3, 4).

Изучив статью «Этапы строительства Ломаной пирамиды в Дахшуре. Переоценка фактов» А. Пучкова, выполненную совместно с французским археологом F. Monnier [5], и сопоставив с ранее опубликованными исследовательскими материалами, автор обосновал версию о назначении нижней камеры Ломаной пирамиды. Если взглянуть на камеру глазами печника, то он непременно скажет, что это просто… печь! Большая необычная печь с уникальной трубой. Похожие печи раньше ставили в деревнях на летних кухнях для приготовления еды. Но если всё так очевидно, почему те, кто пишет про Ломаную пирамиду, ни слова о печи? Предполагаю, если сказал «печь», значит, должен доказать, для чего в Африке в пирамиде потребовалась печь. Печь в Африке – это абсурд! Невозможно объяснить назначение ни одной строительной конструкции в пирамиде, не зная главного замысла архитектора. Но попробую это сделать (рис. 5).

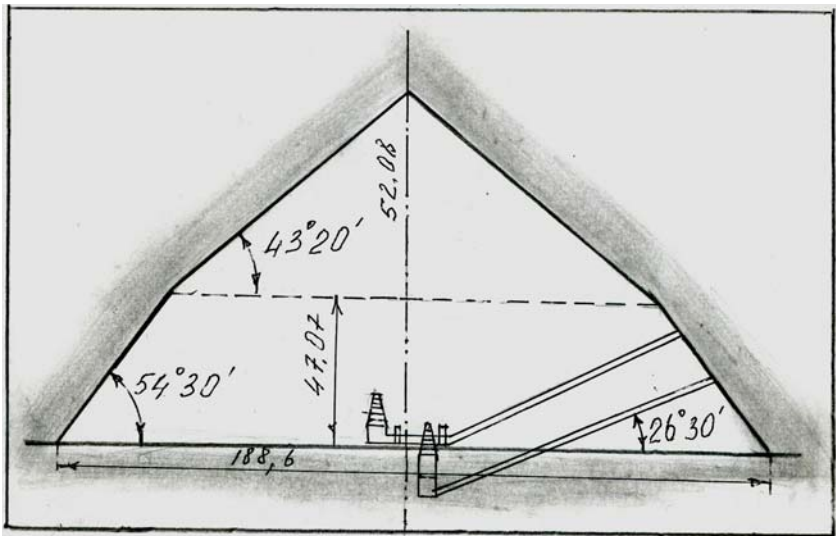

Рис. 1. ***Ломаная пирамида. Рисунок по схеме А. Хусейна*** [6]
Fig. 1. ***The Bent Pyramid. Pattern according to A. Husein's scheme*** [6]

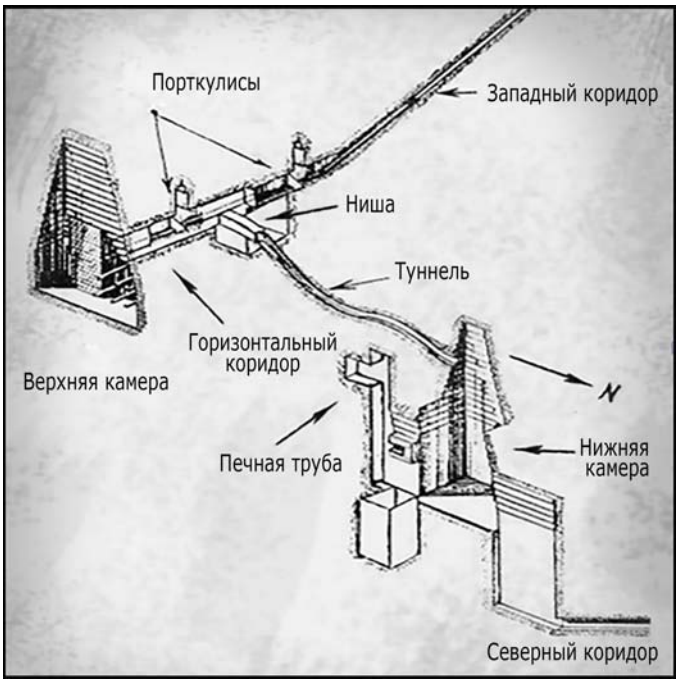

Рис. 2. ***Схема внутренних помещений по А. Фахри*** [7]
Fig. 2. ***A diagram of interior spaces by A. Fakhri*** [7]

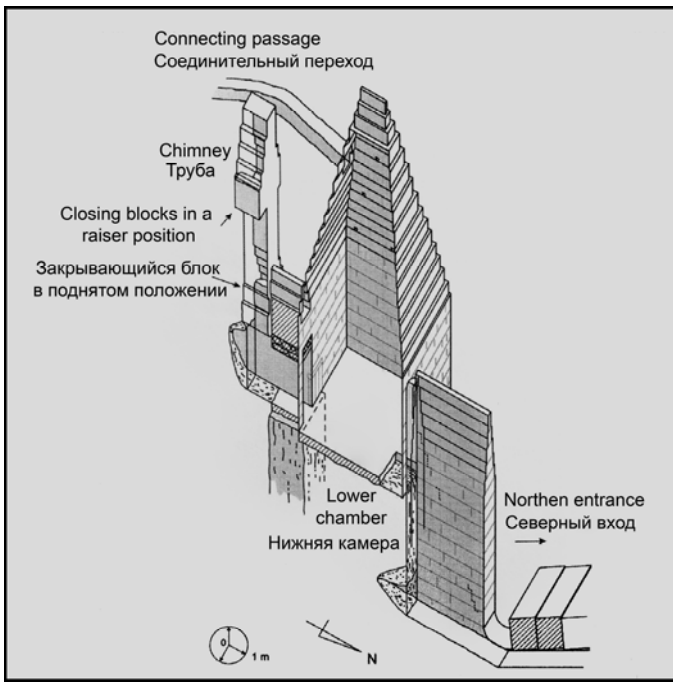

Рис. 3. ***Схема нижней камеры из статьи F. Monnier, А. Пучкова с переводом автора на русский*** [5]
Fig. 3. ***Schematic diagram of the lower chamber from F. Monnier and A. Puchkov 's article, as translated by the author*** [5]

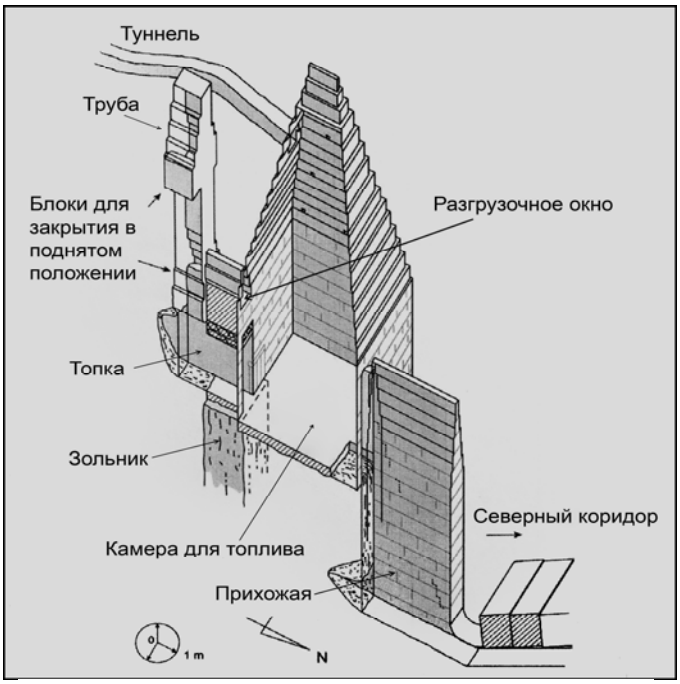

Рис. 4. ***Та же схема только в интерпретации автора***
Fig. 4. ***The same scheme in the interpretation of the author***

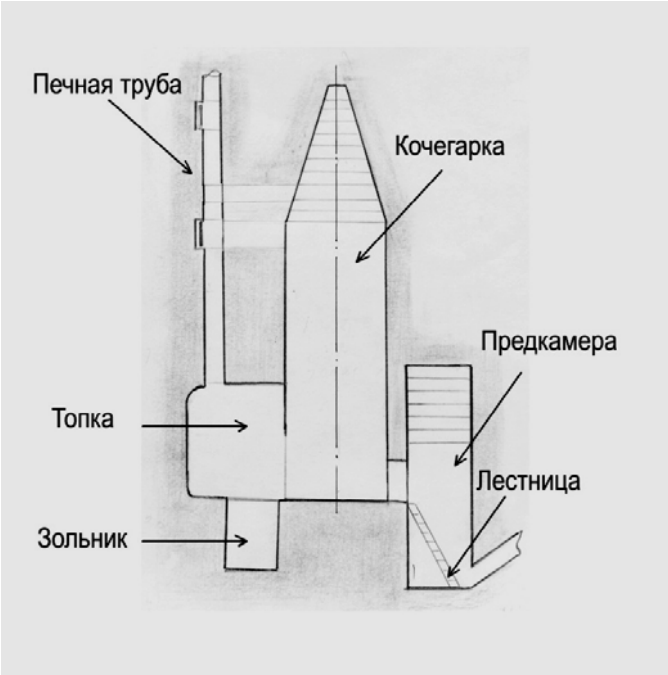

Рис. 5. ***Упрощённая схема печи, выполненная автором по рисунку из статьи F. Monnier, А. Пучкова*** [5]
Fig. 5. ***A simplified scheme of the furnace, performed by the author on the basis of F. Monnier and A. Puchkov's article*** [5]

Перечислим элементы печи. Нижняя камера представляет собой помещение-кочегарку (в дальнейшем по тексту кочегарка) с топливом, совмещенное с топкой и с печной (дымовой) трубой. В топке есть проём для загрузки горючего материала, не хватает только дверцы. Дополнительное убедительное доказательство, что это печь – шахта под топкой, которая служит зольником, т. е. предназначена для сбора золы. Вопрос: если это зольник, то почему строители не предусмотрели устройство для его очистки? Раз нет возможности чистить от золы эту шахту, то выходит, что печь предназначена только для разового пользования. Тогда почему ею никто ни разу не воспользовался? Все исследователи сошлись на том, что помещения нижнего яруса забросили ещё при строительстве пирамиды. Ещё выше окно, которое называют разгрузочным, хотя там разгружать нечего. Это не что иное, как проём, чтобы человек мог пройти и запечатать наглухо блоками печную трубу. Туда временно вставлялась и вьюшка. Так печники называют заслонку, которой регулируют тягу в печи и используют для полного перекрытия трубы. (Заслонка виновна в смерти многих, кто неумело воспользовался ею. Закрыл вьюшку при тлеющем топливе и угорел). Поясню причину постройки столь высокой кочегарки (17,3 м). Учтём, что рядом встроена топка печи, и во время её работы в кочегарку будет поступать тепло от топки как конвективное, так и лучистое. Находиться в этом помещении на глубине 22 м без аварийного выхода – смертельная опасность. Чтобы обезопасить работу «кочегара», строители увеличили объём помещения кочегарки за счёт высоты. Знали строители или нет, но такая кочегарка должна работать ещё и как обратный холодильник. Горячий воздух поднимался к потолку и, охладившись, опускался вниз. Предкамера служит не только для входа, но и как эвакуационный выход на случай возникновения пожара в кочегарке. Прямой выход из неё наружу без предкамеры намного опаснее.

Теперь настало время объяснить, почему появилась печь в пирамиде фараона. Как всегда при постройке усыпальницы у архитектора возникает вопрос, какую выбрать систему защиты от грабителей. Надо придумать (изобрести) такую, которой ещё не было в истории Египта. И он решает все построенные камеры в новой пирамиде заполнить смесью угарного и углекислого газов, соответственно CO и CO_2, образующихся в процессе неполного сгорания топлива в печи. Печь могла быть использована только один раз после похорон царя: заполнить всё внутреннее пространство пирамиды смертоносным газом и погаснуть навсегда. По сути – это прототип современного газогенератора на дровах. Напомню, там древесину сжигают в закрытом пространстве, ограничивая подачу кислорода. На выходе получается смесь горючих газов: угарный газ (CO), водород (H_2), метан (CH_4) плюс непредельные углеводороды. В смеси присутствуют и негорючие газы: углекислый газ, азот и водяные пары (рис. 6).

Древний газогенератор близок по своей конструкции к современному газогенератору обращённого процесса газификации. Строят печь, прокладывают канал от печной трубы до верхнего яруса, откуда газы должны распределяться по камерам, включая и усыпальницу фараона. Главная проблема при решении подобной задачи – обеспечить герметичность всех помещений после заполнения газом (рис. 7).

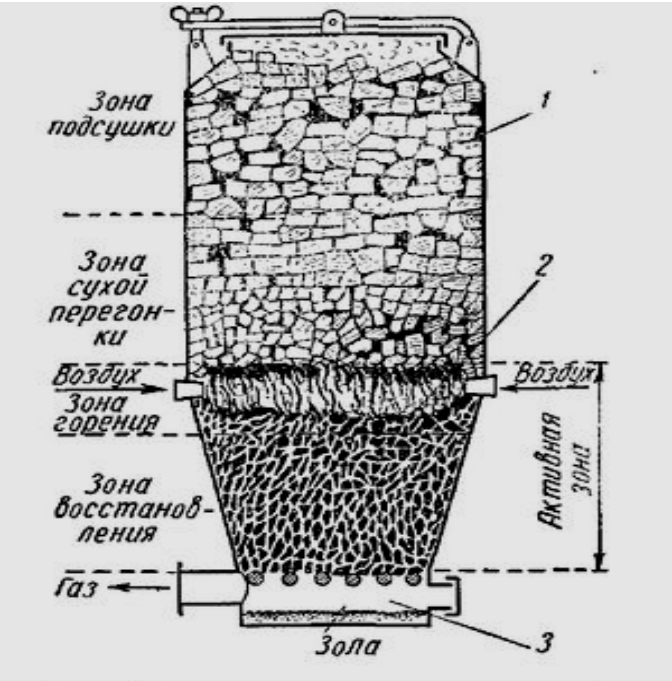

Рис. 6. ***Схема промышленного газогенератора*** [8]
Fig. 6. ***The scheme of industrial gasifier*** [8]
Примечание: 1. Дрова. 2. Зона пиролиза. 3. Зольник.

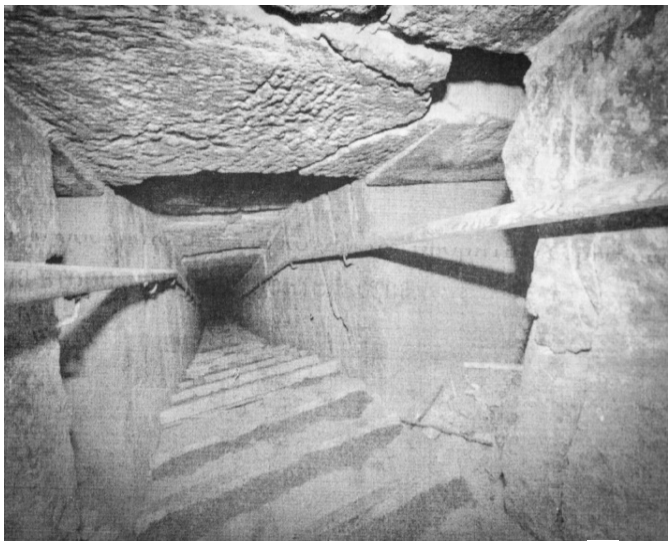

Рис. 7. ***Снимок разломов в нисходящем коридоре*** [5]
Fig. 7. ***The fissures in the declining channel*** [5]

С этой целью весь нижний ярус вырубают в скале на глубину 22 м. Пока строится пирамида, эта система служит вентиляцией для работающих внутри пирамиды. Но этим планам не суждено было сбыться. Во время одного наиболее сильного разлива Нила, когда уже часть пирамиды поднялась над землёй, весь нижний ярус, включая и опорные плиты, лежащие в основании пирамиды, затопило водой. Ситуацию усугубили каналы от Нила, по которым доставлялись блоки турского известняка прямо к подъёмным устройствам пирамиды. (Турское месторождение находится южнее Каира в 13 – 17 км на восточном побережье Нила) [9]. И, как говорится, пирамида «поплыла». Местами, где была выполнена забутовка щебнем и песком, часть пирамиды просела, особенно пострадало в этом отношении центральное ядро. В некоторых местах проседание достигло 23 см [5]. В других местах, где основание жёстко опиралось на скальное основание, при неравномерной осадке пирамида просто растрескалась. Ширина щелей доходила до 5 см [5]. Но эти разломы зафиксированы только в видимой части пирамиды: в коридорах, переходах, камерах. Какая деформация во всём теле пирамиды – остаётся только догадываться. Ещё Д. Перринг отмечал попытку строителей заделать возникшие дефекты, заштукатурив стены [10] нижнего яруса. Однако несмотря на все эти усилия необходимой герметичности достичь так и не удалось. Кроме того, разливы Нила можно прогнозировать, а время захоронения фараона предсказать невозможно.

Теперь фараон принимает решение строить для себя другую пирамиду севернее – Красную, названную так из-за оттенка строительного известняка. Архитектор упорно не хотел отказываться от своей идеи газовой защиты камер, и их в Красной пирамиде построили по образцу и подобию Южной пирамиды. Следует отметить, египтяне усвоили негативный опыт первой стройки. Что особенно важно, теперь нижний ярус весь находится наверху скального основания. Кроме того, стали укладывать дополнительные плиты не вертикально, а для лучшей прочности горизонтально и с уклоном к ядру пирамиды (рис. 8).

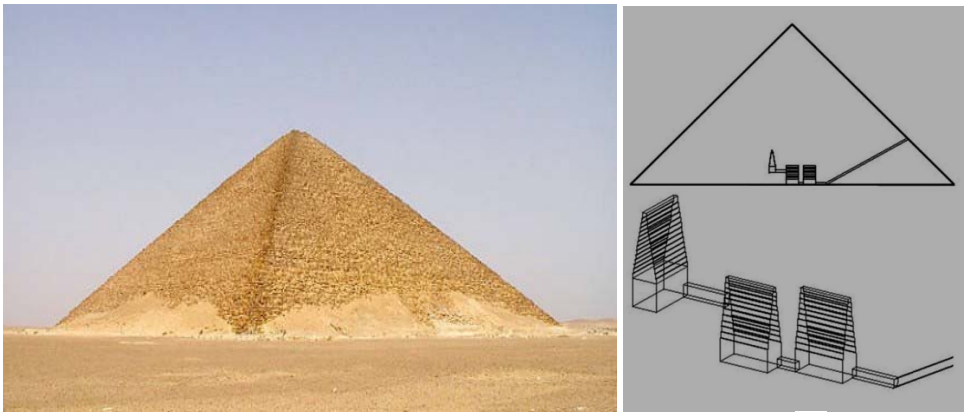

Рис. 8. ***Красная пирамида и её внутреннее устройство*** [2]
Fig. 8. ***The red pyramid and its internal structure*** [2]

А дальше произошло необъяснимое: закончив Красную, строители взялись вновь за Южную. И сейчас исследователи высказывают много предположений, в чём тут дело. Изложу свою версию. Осматривая законченную пирамиду, фараон обратил внимание на два неприятных обстоятельства: во всей пирамиде их сопровождал запах аммиака (NH_3). Этот запах не выветрился за четыре с лишним тысячелетия и присутствует до сих пор. Можно представить себе, каким резким он был в то время! Кроме того, на стенах камер появились непонятные и от того отвратительные чёрные натёки какого-то вещества. Оставаться навсегда в таких условиях даже в виде мумии вряд ли кто согласится. Допускаю, что не удалось обеспечить и нужную герметичность. Возможно, фараон засомневался и в надёжности защиты. Жизненные силы уходят, а достойной усыпальницы нет! И фараон приказал срочно доделывать Южную, в Дашуре. Он торопит, торопит…

Объяснить эти странности, наблюдаемые в пирамиде, до сих пор никому не удалось. Назову только самую популярную версию: все натёки – испражнения летучих мышей. Брали с этих пятен смывы, соскобы, анализировали в профессиональных лабораториях. Результат – почти вся таблица Менделеева! Делали отчёты, доклады на конференциях. Но есть аргумент, который начисто опровергает эту версию. В Ломаной пирамиде, как и в других пирамидах Египта, где селятся летучие мыши, такого не наблюдается. Особенность её в другом. Это единственная пирамида, выложенная из розового известняка. Следует напомнить, что известняк – осадочная порода, в структуре которой обязательно присутствует раствор, в котором он сформировался. И если в растворе находились определённые микроорганизмы, то они, отмирая, оседают на дно среди прочих и окрашивают известняк. В состоянии покоя и равномерного давления в местах залегания они окрашивали камень одинаково. В случае с пирамидой при разнице статического давления микроскопические вкрапления остатков микроорганизмов перераспределялись в результате диффузии в сторону меньшего давления. Далее собирались (стягивались) наподобие конкреций и выдавливались наружу в помещения в виде натёков.

Нечто похожее наблюдал на Алтае в 1996 г. У посёлка «Малиновое озеро» расположено необыкновенное озеро с одноимённым названием. Оно действительно соответствует своему названию из-за цвета мельчайших микроорганизмов. Вода очень солёная и на дне слоем в 5 – 8 см выпавшие крупные кристаллы поваренной соли. Поверхность солевого слоя исключительно ровная и плотная. Под этим слоем вязкая чёрная органическая масса с лёгким неприятным запахом, высоким удельным весом, который намного выше, чем сама соль. Тут и без исследования понятно, что это продукт распада органических тел, отфильтрованный через слой соли, с большим содержанием тяжёлых металлов. Местное население с успехом использует эту массу как лекарственную грязь для лечения суставов, кожи и других заболеваний. Извлечённая на поверхность соль такого же цвета, как и озеро. Стоит эту кристаллическую соль промыть чистой водой, как она тут же на глазах приобретает естественный цвет. Кстати, местные жители её используют при приготовлении пищи и солений. Появление запаха аммиака автор связывает с разложением органики животного происхождения. Возможно, это смесь аммиака с болотным газом. Его основной компонент – метан (CH_4). Даже небольшое количество аммиака по отношению к метану придаёт газу специфический запах нашатыря.

Теперь перед архитектором встала новая, но более сложная задача – как реализовать свой план защиты, если стены растрескались. Появляется решение: для защиты смонтировать герметично только верхнюю камеру, где воры должны погибнуть от недостатка кислорода [4]. В этом случае нижний ярус оказался не востребован и заброшен. Работа закипела. Для укрепления корпуса пирамиды укладываются дополнительно новые внешние слои. Начинается реконструкция верхней камеры, установка Порткулис, и закрывается потолочная часть верхнего яруса. Можно предположить, что именно в это время умер фараон и его мумию укладывают в незаконченную пирамиду. Закупоривают печную трубу кварцитовой пробкой и закладывают газоход (туннель, соединительный канал), который до этого служил вентиляционным воздуховодом. В конечном итоге закрывают вход западного коридора поворотной плитой. Не успели строители передохнуть, а воры уже проникли в пирамиду и погибли, как мыши в мышеловке. Кроме того, в результате их деятельности оказалась пробитой Порткулиса с доступом в верхнюю камеру [4]. Теперь западный коридор дополнительно закладывают двух-трёх тонными блоками навсегда. Только в 1951 г. освободили этот проход. Иначе объяснить, как пробили лаз в горизонтальный коридор из западного нисходящего коридора, заложенного блоками, просто невозможно.

Тут находится и объяснение сквознякам в пирамиде. Первоначально планировалось заполнить газом верхний ярус через специальные газоходы. Для заполнения газом верхней или отдельно взятой камеры строителям необходимо из каждой сделать отдушину (газоход) наружу, наподобие тех, которые мы наблюдаем в «Палате царя» пирамиды Хеопса. Затем поочерёдно заполнить камеры топочным газом. Заполнив, заглушить их снаружи. Заглушив последнюю, гасят печь. После того как остынет печная труба, вскрывают вьюшку, проникают в трубу и перекрывают её заранее приготовленными блоками. Затем должны герметично закупорить и проход, где находилась вьюшка. При этом внутри камер (которые заполнены газом), отдушины остаются открытыми. Закрывают поворотной плитой северный вход. Всё, система готова к приёму непрошеных гостей. В связи с изменением проекта защиты строители были вынуждены в верхней и в других (ещё не обнаруженных) камерах заглушить отдушины изнутри и тщательно их замаскировать. Сами каналы на всём протяжении остались свободными. Во время землетрясения в Египте, очевидно, нарушилась герметичность пробок в отдушинах, и потекли сквозняки по свободным каналам через камеры, о которых упоминалось выше.

Взошедший на престол новый правитель Хеопс, сын Снефру, решает поскорее закончить пирамиду отца и приступить к строительству своей, ещё не виданной в мире. Для скорейшего окончания строительства принимает решение изменить угол наклона пирамиды. С тех пор она стала Ломаной. В истории Египта это не единственный случай, когда сын завершал недостроен-

ную пирамиду отца. К подобной версии склонялся и немецкий археолог Л. Борхард.

Очень важная деталь: уже вскрытый ворами верхний ярус не забросили, как нижний, а наоборот – заботливо (!) весь западный нисходящий коридор длиной 67,66 м заложили 2 – 3-тонными блоками. Зная прагматичность египтян, зададимся вопросом: для чего надо было поднять по пандусу такое количество блоков на высоту 32,7 м и спустить в коридор. Несомненно, за стенами горизонтального коридора и верхней камеры находятся другие тайные камеры. Всё это даёт основание считать, что саркофаг с фараоном Снефру находится в Ломаной пирамиде. Можно даже предположить, где именно находится вход в эти, так тщательно замаскированные заупокойные помещения. Учитывая, что грабители находили потайные входы везде: в полу, в боковых стенах и даже в потолке, архитектору найти новое решение было очень сложно. Полагаю, что вход находится в... нише сработавшей Порткулисы. Точно там, куда она скатилась. На это есть веские основания. В последней работе F. Monnier и А. Пучков указывают, что Порткулисы установлены зеркально относительно друг друга. То есть одна должна была скользить в северном направлении, другая – опрокинуться в южном. Туннель на рисунке А. Фахри, соединяющий оба яруса, длиной более десяти метров в горизонтальном направлении. Как расположены верхняя и нижняя камеры в действительности относительно центральной оси пирамиды, нигде не сказано. Уже из этого можно предсказать, в какую сторону должна упасть сработавшая Порткулиса. Да, в южную. Именно в этой стороне наименьшая вероятность, что грабители, наугад пробивающие ход к усыпальнице из нижней камеры, могли наткнуться на коридоры или на заупокойные камеры фараона. Следует обратить внимание и на ширину ниши под Порткулису, которая равняется почти полутора королевским локтям (80 см) и высотой более 2 м. Напомню, в пирамиде Хеопса толщина запорных плит составляет 52 см. То есть в Ломаной пирамиде налицо намеренное увеличение Порткулисы как по ширине, так и по высоте для свободного прохода людей с мумией. На это место указывает в своём отчёте А. Фахри: «Работая в последние годы внутри пирамиды (1951 – 1952), я обратил внимание на то, что в ветреные дни слышен шум, особенно в горизонтальном коридоре между двумя Порткулисами на конце склона, ведущего к западному входу». Могли ли догадаться грабители о возможном входе в нише? Да. Но после того как закупорили западный вход, даже подойти к Порткулисе стало смертельно опасно. Она держала на себе груз более 200 т блоков, готовых соскользнуть вниз (рис. 9).

На сегодня только эта версия, объясняющая наличие и назначение газогенератора в нижнем ярусе пирамиды, гармонично увязывающая все артефакты Ломаной пирамиды воедино, подкреплённая приведёнными доказательствами, является единственно верной. И это можно считать открытием.

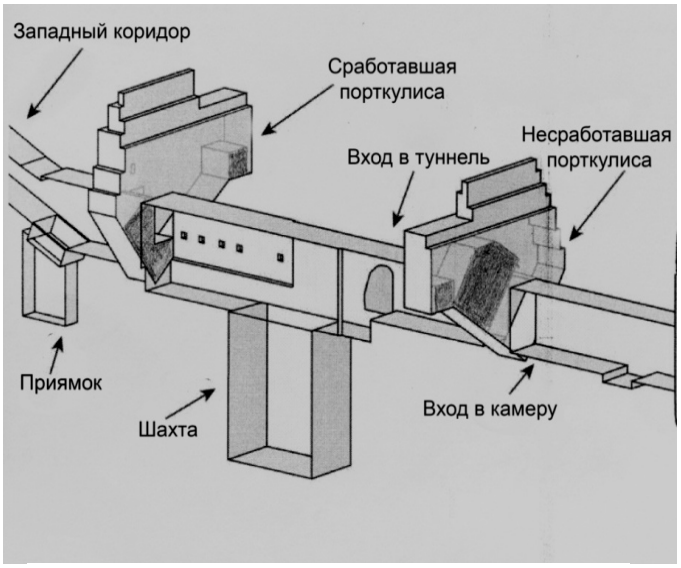

Рис. 9. ***Горизонтальный коридор верхнего яруса*** [5]
Fig. 9. ***The horizontal corridor of the upper tier*** [5]

Литература

1. Пучков А. Комплекс Ломаной Пирамиды. Факты, идеи, гипотезы. 2013 // Исида. Режим доступа: http://isida-project.org/publ/stati/drevnie_sooruzhenija/kompleks_lomanoj_piramidy_fakty_idei_gipotezy/6-1-0-8

2. Скляров А. Ю. Пирамиды. Загадки строительства и назначения. М.: Вече, 2013. 288 с.

3. Ярощук А. М. Египет. Открыт неизвестный тип порткулисы в ломаной пирамиде Снефру в Дашуре // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 104 – 107. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-104-107.

4. Ярощук А. М. Египет. Ломаная пирамида Снефру. Верхняя камера – камера смерти // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 80 – 84. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-80-84.

5. Monnier Fr., Puchkov A. The Construction Phases of the Bent Pyramid at Dahshur. A Reassessment // ENiM. 2016. No. 9. P. 15 – 36.

6. Томпкинс П. Тайны Великой пирамиды Хеопса. Загадки двух тысячелетий. М.: Центрполиграф, 2008. 480 с.

7. Фахри А. Древние загадки Фараонов. М.: Центрполитиздат. 2008. 256 с.

8. Принцип работы газового генератора // Информационный портал «STROYPORTAL». Режим доступа: http://strport.ru/instrumenty/printsip-raboty-gazovogo-generatora-0
9. Керрам К. Боги, гробницы, учёные. М.: Издательство иностранной литературы, 1963. 400 с.
10. Перринг Д. Пирамиды в Гизе. Ч. III. Пирамиды южнее Гизе. Лондон, 1837.

EGYPT, DASHUR: AN ANCIENT CO/CO2 GAS GENERATOR DISCOVERED ON THE LOWER LEVEL OF THE BENT PYRAMID OF SNEFERU

Alexander M. Yaroschuk[1, @]

[1] *Kemerovo Union of Russian Writers, 40, Sovetskii Pr., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *kemprosaik@mail.ru*

Received 19.01.2017.
Accepted 21.02.2017.

Keywords: Bent Pyramid, lower tier, lower chamber, chimney.

Abstract: The article researches the design and the purpose of the lower tier chamber in the Bent Pyramid of Sneferu in Dashure. The review of the earlier archeological research materials has shown that the purpose of the chamber has not been determined. In the process of the current research a technological link between the lower and the upper tiers of the pyramid has been found. It has been proven that the lower tier elements (the chamber itself, the shaft, and the chimney) all together comprised an ancient furnace – a CO/CO2 gas generator. Its purpose was to produce a mixture of carbon monoxide and carbon dioxide gas to fill the space of the upper tier of the pyramid. The goal of the architect or was to make the pyramid chambers deadly for burglars. Constructive similarities between the furnace in the lower tier of the Sneferu Pyramid and the modern CO/CO2 gas generator have been established. A theory about the presence of the secret chambers in the pyramid, including the chamber containing the Sarcophagus of the Pharaoh has been substantiated. A theory explaining the purpose of changing the shape and the construction of the Bent Pyramid specifically has been proposed.

For citation: Yaroschuk A. M. Egipet. Dashur. Otkryt drevnii gazogenerator v nizhnem iaruse Lomanoi piramidy Snefru [Egypt, Dashur: An Ancient CO/CO_2 Gas Generator Discovered on the lower Level of the Bent Pyramid of Sneferu]. *Bulletin of Kemerovo State University,* 2017; (2): 104 – 110. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-104-110.

References

1. Puchkov A. *Kompleks Lomanoi Piramidy. Fakty, idei, gipotezy* [Complex Sloping Pyramid. Facts, ideas, hypotheses]. 2013. Available at: http://isida-project.org/publ/stati/drevnie_sooruzhenija/kompleks_lomanoj_piramidy_fakty_idei_gipotezy/6-1-0-8
2. Skliarov A. Iu. *Piramidy. Zagadki stroitel'stva i naznacheniia* [Pyramid. Riddle construction and purpose]. Moscow: Veche, 2013, 288.
3. Yaroschuk A. M. Egipet. Otkryt neizvestnyi tip portkulisy v lomanoi piramide Snefru v Dashure [Egypt. An unknown portcullis type is discovered in the Bent Pyramid of Sneferu in Dushore]. *Bulletin of Kemerovo State University,* no. 4 (2016): 104 – 107. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-104-107.
4. Yaroschuk A. M. Egipet. Lomanaia piramida Snefru v Dashure. Verkhniaia kamera – kamera smerti [Egypt. The Bent Pyramid of Sneferu at Dahshur. The Upper Chamber – the Chamber of Death]. *Bulletin of Kemerovo State University,* no. 1 (2017): 80 – 84. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-80-84.
5. Monnier Fr., Puchkov A. The Construction Phases of the Bent Pyramid at Dahshur. A Reassessment. *ENiM*, no. 9 (2016): 15 – 36.
6. Tompkins P. *Tainy Velikoi piramidy Kheopsa. Zagadki dvukh tysiacheletii* [The mystery of the great pyramid of Cheops. Mysteries of two thousand years]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2008, 480.
7. Fakhry A. *Drevnie zagadki Faraonov* [The ancient mysteries of the Pharaohs]. Moscow: Tsentrpolitizdat, 2008, 256.
8. *Printsip raboty gazovogo generatora* [The principle of operation of the gas generator]. Available at: http://strport.ru/instrumenty/printsip-raboty-gazovogo-generatora-0
9. Ceram K. *Bogi, grobnitsy, uchenye* [Gods, tombs, scientists]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1963, 400.
10. Perring D. *Piramidy v Gize. Chast' III. Piramidy Gize* [The pyramids of Giza. Part III. The pyramids South of Giza]. London, 1837.

УДК 316.6

ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ЗДОРОВЬЯ И БЛАГОПОЛУЧИЯ: ПРИЧИНЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНТЕРЕСА И ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Елена П. Белинская [1, @1, *], ***Надежда М. Мельникова*** [2, 3, @2, *], ***Лариса Ю. Писарева*** [2, 3, @3, *]

[1] *Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, Ленинские Горы, 1*
[2] *Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Россия, 677000, Якутск, ул. Белинского, 58*
[3] *Академия наук Республики Саха (Якутия), Россия, 677007, г. Якутск, пр-кт Ленина, 33*
[@1] *Elena_belinskaya@list.ru*
[@2] *nm.melnikova@s-vfu.ru*
[@3] *pisareva@inbox.ru*

Поступила в редакцию 20.03.2017.
Принята к печати 12.05.2017.

Ключевые слова: здоровье, благополучие, субъективные параметры благополучия, психология здоровья, биопсихосоциальные модели здоровья, факторы психологического здоровья.

[*] ***Работа выполнена в рамках комплексных научных исследований в Республике Саха (Якутия), направленных на развитие производительных сил и социальной сферы на 2016 – 2020 годы (тема «Создание модели мониторинга социально-психологического здоровья населения Республики Саха (Якутия)»).***

Аннотация: В статье рассматриваются социально-экономические, социокультурные и гносеологические причины актуализации исследовательского интереса к гуманитарным аспектам здоровья и благополучия. Анализируются основные теоретические модели психологического здоровья, исходящие из признания определяющего влияния социальных факторов и важности культурных детерминант в анализе гуманитарных аспектов здоровья; особое внимание уделяется современному состоянию особой области знания – психологии здоровья. Выделяются три уровня факторов, влияющих на психологическое здоровье и субъективное благополучие человека: 1) макросоциальные, включающие в себя ряд объективных и субъективных показателей (уровень экономического развития региона и субъективное экономическое благополучие населения; уровень социальной защищенности населения и субъективные ее оценки и т. п.); 2) социально-психологические, среди которых – структурно-динамические особенности социальных сетей, стилевые характеристики коммуникации человека, возможности получения им социальной поддержки; 3) личностные, в том числе – уровень жизнестойкости, характер самоотношения, доминирующее эмоциональное состояние, характеристики персональной и социальной идентичности субъекта. Подчеркивается, что хотя среди критериев психологического здоровья особое значение придается степени интегрированности личности, а также ее ориентации на саморазвитие, сама природа психологического здоровья тесно связана с социально-психологическими аспектами человеческого существования: гармоничная включенность в общество, успешная социализация, наличие прочных социальных связей и социальной поддержки являются неотъемлемой частью психологического здоровья человека.

Для цитирования: Белинская Е. П., Мельникова Н. М., Писарева Л. Ю. Гуманитарные аспекты здоровья и благополучия: причины исследовательского интереса и основные теоретические подходы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 111 – 116. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-111-116.

Проблемы здоровья и болезни начали привлекать внимание представителей социальных наук начиная с 50-х – 60-х гг. двадцатого столетия. Именно с этого периода исследованиями здоровья стали заниматься не только медики: в рамках антропологии, социологии, философии, психологии появляются работы, посвященные гуманитарным аспектам здоровья и благополучия. Неудивительно, что с этого же времени понятие здоровья стало расширяться, и на сегодняшний день уже не является дискуссионным тот факт, что помимо физического аспекта, оно включает в себя социальный и психологический градиенты. Что же послужило причинами столь активного интереса гуманитариев к данной области исследований?

Прежде всего, в качестве социально-экономических оснований стоит отметить общемировое ускорение темпов технологического развития, повлекшее за собой переход развитых стран к постиндустриальной экономике. При всем прогрессивном значении этого процесса, он одновременно привел к невиданному ранее повышению уровня технологических рисков, значительная часть которых связана с усилением роли человеческого фактора в современном производстве и управлении. Развитие новых производств неминуемо затрагивало и естественно-

природную среду, вызывая к жизни все новые и новые проблемы, связанные с ухудшением экологической составляющей жизни человека, особенно заметные в тех регионах, где исторически вся жизнедеятельность коренного населения была неразрывно связана с природными богатствами. Неслучайно, именно для этих регионов вторая половина двадцатого столетия ознаменовалась появлением так называемых «болезней цивилизации», лишний раз доказав, что прогрессивная динамика социально-экономического пространства имеет иногда непредсказуемые следствия с точки зрения здоровья и благополучия целых народов [1; 2]. Однако объективные особенности наступившей эпохи быстрых социальных изменений могут по-разному восприниматься теми или иными сообществами, в силу чего их влияние на здоровье и благополучие людей может быть различным. Одним из доказательств тому служат результаты исследований субъективно оцениваемого качества жизни. В рамках этих исследований сегодня можно наблюдать все более частый переход в оценке качества жизни и благополучия от объективных параметров к субъективным. Так, сегодня, характеризуя возможные детерминанты здоровья, нередко говорят об экономико-психологическом статусе личности, который в свою очередь мыслится как одна из составляющих общей удовлетворенности человека качеством своей жизни. Как отмечается, удовлетворенность жизнью отражает психологическое отношение к условиям жизни человека, который вынужден постоянно адаптироваться к изменениям в социальной и экономической среде жизнедеятельности, опираясь на субъективно избранные им критерии оценки ее качества [3 – 6]. Одним из таких критериев выступает воспринимаемый уровень собственного здоровья, ожидаемая продолжительность жизни, субъективно оцениваемая доступность медицинской помощи.

Актуализация интереса исследователей-гуманитариев к различным аспектам проблематики здоровья имела и определенные социокультурные основания. Так, начиная с середины прошлого столетия и до настоящего момента, глобализационные тренды современности имеют в качестве своих неотъемлемых составляющих, прежде всего, процессы урбанизации. Рост числа крупных городов происходил и происходит не столько за счет роста численности населения тех или иных регионов, сколько за счет миграции трудоспособной его части, следствием чего является все более нарастающий социально-экономический и социокультурный дисбаланс между городскими и сельскими когортами. При этом большой город предоставляет своим жителям не только новые экономические и социальные возможности, но и является реальным пространством ассимиляции различных культур. Подчеркнем, что процессы культурной ассимиляции далеко не всегда развиваются по «позитивному» сценарию: неизбежный шок кросскультурного перемещения нередко становится не только ситуативным источником стресса, но и имеет более отдаленные следствия, причем на глубинном, личностном уровне, в том числе в виде кризиса социокультурной идентичности [7 – 9]. Очевидно, что этот уровень хронических стрессоров имеет свои следствия для здоровья населения, и, подчеркнем, для самых разных аспектов здоровья – не только физического, но и психического. Например, уже оформилась исследовательская традиция, которая рассматривает так называемый социокультурный стресс как основной источник не только снижения уровня здоровья, но и формирования аддикций (алкоголизма, наркомании), а также этот тип стресса все чаще упоминается как причина высокого уровня суицидальных намерений [по: 10].

Влияние изменений образа жизни в силу глобализации на уровень здоровья и благополучия людей особенно ярко выступает на примере «малых народов»: для них процессы урбанизации и ассимиляции культур нередко становятся прямой угрозой существованию, особенно в сочетании с экстремальными природно-климатическими условиями. Отметим при этом, что научное осмысление этого влияния еще далеко от своей завершенности: чтобы объективно оценить степень стрессового давления социокультурных изменений на коренное население того или иного региона требуется не только объединение усилий разных специалистов, но и наличие единого методического инструментария.

В заключение этой краткой характеристики социокультурных оснований интереса гуманитариев к проблемам здоровья отнесем также и то, что к концу двадцатого столетия стало очевидным, что сами представления о здоровье и здоровьесберегающем поведении имеют свою культурную специфику. Различия в доминирующих верованиях, в образах болезни и здоровья, в самих картинах мира, свойственных разным народам, задают важность культурных детерминант в анализе гуманитарных аспектов здоровья.

Проблемы здоровья и болезни стали привлекать внимание представителей социальных наук в силу и чисто гносеологических причин. Так, развитие медицины (появление в ней новых диагностических методик, прогресс фармакологии, внедрение в медицину современных методов математической статистики, а также актуальных достижений биологии и химии) привело к изменению самих моделей болезни. Благодаря прогрессу медицинского знания, более развернутому пониманию причин различных болезней инфекционные заболевания к середине двадцатого столетия уступили место хроническим, а особенности стиля и качества жизни (употребление алкоголя, наркотиков, незащищенный секс, пищевые привычки) однозначно пополнили ряд факторов, негативно сказывающихся на здоровье человека [11 – 14]. Одновременно для большинства развитых стран стало очевидно и то, что высокие затраты на медицинское обслуживание могут быть уменьшены за счет профилактики и предотвращения заболеваний, пропаганды здорового поведения и образа жизни. В итоге развитие профилактических программ в медицине оказалось неразрывно связано с необходимостью опоры при их разработке на психологическое и особенно социально-психологическое знание, а тема здоровья стала средоточием усилий представителей не только медицинских наук. Это подкреплялось еще и тем, что, согласно экспертным оценкам ВОЗ, здоровье населения к концу двадцатого столетия лишь на 12 – 15 % зависело от непосредственной медицинской деятельности специалистов, Все остальное требовало решения социальных и социально-психологических проблем.

Во многом следствием этого стал переход от биомедицинских моделей (понимающих болезнь как исключи-

тельно соматическое явление и определяющих здоровье как отсутствие болезни) к биопсихосоциальным моделям здоровья и болезни [15 – 17]. Этот переход окончательно оформился в зарубежной науке к 70-м – 80-м гг. двадцатого столетия, а для нашей страны случился несколько позже – в середине 90-х годов. Для психологических наук внимание исследователей к психосоциальным аспектам здоровья и болезни вылилось в итоге в формирование новой области знания – психологии болезни. Основная сфера ее интересов определяется как образовательный, научный, профессиональный вклад дисциплины психологии в продвижение и поддержание здоровья, профилактику и лечение болезней, идентификацию этиологических и диагностических взаимосвязей здоровья, болезни и связанных с ней дисфункций, а также улучшение системы здравоохранения и политики в области здоровья [по: 11]. Отдельный ее раздел составляет социальная психология здоровья [11; 18; 19], предметное поле которой представляется исследователям достаточно широко: оно включает в себя исследования образа и качества жизни, отношения к здоровью, убеждений и установок, касающихся здоровья и болезни, изучение социального стресса и его соотношения с объективными показателями здоровья тех или иных групп населения, анализ социально-психологических компонент психосоматических расстройств, разработка конструктивных стратегий совладания с повседневными (хроническими) стрессорами и т. д.

Подобное развитие исследовательского интереса к проблематике здоровья вызвало к жизни формирование теоретических моделей, связывающих социально-психологические факторы и здоровье населения. На сегодняшний день их существует несколько, и практически все они в качестве основного фактора рассматривают уровень социального стресса, который очевидно возрастает в периоды резких социальных изменений, однако поразному понимают механизмы его воздействия на здоровье человека. Перечислим основные из них.

Так, эволюционно-биологический подход постулирует значение для адаптивного личностного функционирования интеграцию человека с ценностно-нормативными образцами культуры данного общества. С этой точки зрения, неизбежный при социальных изменениях разрыв аффилиативных связей человека с теми или иными сообществами создает чрезмерную социальную стимуляцию с возможным исходом в болезнь [по: 13]. В свою очередь теория утраты исходит из того, что в общественном сознании существует некий фундаментальный и универсальный «консервативный импульс», направленный на поддержание субъективной регулярности происходящего в социальном окружении. Социальные изменения поэтому переживаются как утрата и нарушают саму структуру интерпретации человеком своего социального окружения, в силу чего оказывают негативное воздействие на личность, приводя к болезни. Во многом схожа с ней и теория биосоциального резонанса [по: 13], которая основывается на предположении, что биологические и социальные переменные образуют некий шаблон совместного варьирования. Социальные изменения рассматриваются как изменения в шаблонах коммуникации. Вследствие этого некоторые люди оказываются изолированными от коммуникационных сетей, а у оставшихся отмечается неконгруэнтность коммуникационной сети их информационным потребностям, что становится причиной повышения их чувствительности к неблагоприятным воздействиям внешних социальных агентов. Роль социальных факторов подчеркивает и лингвоструктуралистская теория [по: 13], утверждающая, что в своей обычной социальной жизни люди следуют определенным правилам и нормам, организованным подобно языковым структурам. При социальных изменениях появляются препятствия в следовании им, а также изменения в самих правилах, отражающие изменения объективных характеристик социального окружения. Неспособность следовать новым «правилам игры» вызывает состояние психологического дистресса как предшественника психосоматических заболеваний. Наконец, наиболее системная теория салютогенеза А. Антоновски [12] рассматривает здоровье как переменную, зависимую от влияния стрессора, общих ресурсов сопротивляемости индивида и чувства когерентности (соответствия), которое определяется как восприятие окружения в виде связного и внутренне непротиворечивого целого. Это чувство развивается в годы становления личности и модифицируется во взрослости. Социальные структуры, в которых протекает повседневная жизнедеятельность людей, воздействуют на их переживания в направлении поддержания чувства когерентности. Повреждающее влияние социальных изменений связано таким образом с разрушением чувства когерентности.

Таким образом, и для зарубежной, и для отечественной науки сегодня характерно внимание не только к физическим аспектам здоровья. Отражением этого факта стало расширение понятийного поля: сегодня, наряду с физическими аспектами здоровья, выделяют его социальные и психологические составляющие. Их изучение и анализ социально-экономических, социокультурных и социально-психологических факторов, влияющих на общий уровень здоровья, представлен в разных областях гуманитарного знания. В значительной степени они составляют предметное поле психологии здоровья, включая сюда и социально-психологические ее разделы.

В заключение представим общую картину возможных детерминант, определяющих уровни психического, психологического и социального здоровья, а также субъективного благополучия.

Прежде всего, во-первых, представляется целесообразным выделить детерминанты макросоциального уровня, определяющие здоровье (в широком его понимании) различных больших социальных групп и сообществ. К ним можно отнести целый ряд объективных и субъективных показателей, таких как уровень экономического развития региона и субъективное экономическое благополучие населения; объективную доступность медицинской и психологической помощи, а также воспринимаемый уровень этой доступности; уровень социальной защищенности населения и субъективные ее оценки; этнокультурную ситуацию региона с точки зрения объективно фиксируемых процессов ассимиляции и с позиций их психологических следствий.

Во-вторых, очевидно, что существует и следующий, мезо-уровень, к которому можно отнести социально-психологические факторы психологического здоровья и благополучия. Он включает в себя также целый ряд объективно существующих и субъективно оцениваемых

переменных, среди которых наиболее важными представляются: структурно-динамические особенности социальных сетей, стилевые характеристики коммуникации, возможности получения социальной поддержки, доверие/недоверие к социальным институтам, потребность в групповой аффилиации, социальные представления о здоровье и благополучии. Доказательством необходимости выделения этих факторов является то, что в рамках уже достаточно многочисленных эмпирических исследований неоднократно была продемонстрирована важная роль социальной поддержки в преодолении стрессовых и проблемных ситуаций [20; 21]. Она включает несколько ключевых звеньев, а именно: социальные сети, копинг-стратегии) поиска социальной поддержки (информационную, эмоциональную и инструментальную), а также восприятие и оказание социальной поддержки. Социальные сети отражают структуру социальных связей и определяются как целый ряд различных взаимоотношений и взаимосвязей между индивидуумами, которые могут обеспечить или мобилизовать социальную поддержку здоровья. Для человека наличие социальных связей столь важно, что некоторые авторы [22] уже только их недостаточность считают причиной развития стресса. Иными словами, человек переживает любое свое состояние (в том числе – и состояние своего здоровья) через призму сложной и обширной сети социальных взаимосвязей и взаимозависимостей (одним из знаков нарушения этой сети является переживание чувства одиночества).

Наконец, третьим уровнем детерминант психологического здоровья и благополучия представляются индивидные и личностные особенности субъекта. Исследователи ставят здесь разные акценты, причем нередко факторы данного уровня одновременно выступают и как составляющие различных «видов» здоровья и благополучия. Наиболее комплексными из них являются уровень жизнестойкости, характер самооценки и самоотношения, социальные установки на здоровьесберегающее поведение, доминирующее эмоциональное состояние, особенности стратегий совладания с трудностями, характеристики персональной и социальной идентичности, характер целеполагания и направленность личности (см. например [23]).

Итак, среди этих критериев психологического здоровья особое значение придается степени интегрированности (гармоничности, консолидированности, уравновешенности и т. п.) личности, а также ее ориентации на саморазвитие (личностный рост, самоактуализацию и пр.). При этом и внутренняя интегрированность, и стремление человека к саморазвитию в большинстве случаев мыслятся как неразрывно связанные (а в ряде случаев и как детерминированные) с процессами его социального взаимодействия: саморегуляция и личностный рост невозможны без осознания и переживания человеком своей социальной «причастности» – установления удовлетворяющих его гармоничных взаимоотношений с теми или иными социальными группами, формирования чувства «мы» и позитивной социальной идентичности, включенности в социальные коммуникации и сети, выступающие основой возможностей социальной поддержки. Другими словами, природа психологического здоровья тесно взаимосвязана с социально-психологическими аспектами человеческого существования: гармоничная включенность в общество, в рамки социальных норм (успешная социализация), наличие прочных взаимоудовлетворяющих социальных связей и социальной поддержки являются неотъемлемой частью психологического здоровья человека.

Литература

1. Максимова Т. М. Социальный градиент в формировании здоровья населения. М.: ПЭР СЭ, 2005. 240 с.
2. Попов А. А. Актуальные проблемы повышения качества жизни населения в районах Крайнего Севера (на примере Республики Саха (Якутия)) // Экономика Востока России. 2014. № 2(2). С. 27 – 33.
3. Батурин Н. А., Башкатов С. А., Гафарова Н. В. Теоретическая модель личностного благополучия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Психология». 2013. Т. 6. № 4. С. 4 – 14.
4. Гордон Л. А., Возьмитель А. А., Журавлева И. В., Клопов Э. В., Римашевская Н. М., Ядов В. А. Социология быта, здоровья и образа жизни населения // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. М.: Институт социологии РАН, 1998. С. 430 – 452.
5. Джидарьян И. А. Психология счастья и оптимизма. М.: Институт психологии РАН, 2013. 268 с.
6. Хащенко В. А. Социально-психологическая детерминация субъективного экономического благополучия: дис. … д-ра психол. наук. М., 2012. 513 с.
7. Бочарова Е. Е. Аксиологическая направленность и субъективное благополучие личности в специфике этнопсихологической обусловленности // Социальная психология и общество. 2013. № 4. С. 95 – 105.
8. Лебедева Н. М., Чирков В. И., Татарко А. Н. Культура и отношение к здоровью: Россия, Канада, Китай. М.: РУДН, 2007. 314 с.
9. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: учебник. 5-е изд. М.: Аспект Пресс, 2014. 368 с.
10. Психология здоровья: учебник для вузов / под ред. Г. С. Никифорова. СПб.: Питер, 2006. 607 с.
11. Бовина И. Б. Социальная психология здоровья и болезни. М.: Аспект Пресс, 2007. 256 с.
12. Antonovsky A. Health, stress, and coping. San Francisko, 1979. 255 p.
13. Marks D., Murray M., Evans B., Willing C. Health Psychology: Theory, Research and Practice. London: Sage, 2000. 616 p.
14. Straub R. Health Psychology. N.Y.: Worth Publishers, 2002. 335 p.
15. Герриг Р., Зимбардо Ф. На пути к биопсихосоциальной модели // Психология и жизнь. 16-е изд. М., 2004. С. 657 – 659.
16. Ениколопов С. Н., Садальская Е. В., Абдразякова А. М. Психология здоровья и проблемы психологического благополучия // Здоровье человека: социогуманитарные и медико-биологические аспекты / под ред. Б. Г. Юдина. М.: Ин-т человека РАН, 2003. С. 37 – 49.
17. Ogden J. Health Psychology. Buckingham: Open University Press, 2007. 489 p.

18. Штребе В., Йонас К. Психология здоровья: социально-психологическая перспектива // Введение в социальную психологию. Европейский подход. М.: ЮНИТИ, 2004. С. 502 – 539.

19. Schneider K. J., Bugental J. F. T., Pierson J. F. (Eds.) The Handbook of Humanistic Psychology. Leading Edges in Theory, Research and Practice. NY: Sage, 2001. P. 659 – 666.

20. Белорукова Н. О., Билецкая М. П., Бодров В. А., Ветрова И. И., Виленская Г. А., Голубева М. С., Гриднева С. В., Гущина Т. В., Журавлев А. Л., Ковалева Ю. В., Крюкова Т. Л., Кузнецова О. В., Куфтяк Е. В., Никольская И. М., Петрова Е. А., Поддьяков А. Н., Подобина О. Б., Русина Н. А., Сапоровская М. В., Сергиенко Е. А., Сирота Н. А., Тащёва А. И., Хазова С. А., Харламенкова Н. Е., Холодная М. А., Ялтонский В. М. Совладающее поведение. Современное состояние и перспективы. М.: Институт психологии РАН, 2008. 512 с.

21. Куфтяк Е. В. Психологическое здоровье и защитные механизмы (психологические защиты и совладание) в детском возрасте // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 49. С. 4. Режим доступа: http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n49/1335-kuftyak49.html

22. Gomez V., Allemand M., Grob A. Neuroticism, extraversion, goals, and subjective well-being: Exploring the relations in young, middle-aged, and older adults // Journal of research in personality. 2012. № 46(3). P. 317 – 325.

23. Леонтьев Д. А. Экзистенциальный подход в современной психологии личности // Вопросы психологии. 2016. № 3. С. 3 – 15.

THE HUMANITARIAN ASPECTS OF HEALTH AND WELLNESS: CAUSES OF RESEARCH INTEREST AND MAIN THEORETICAL APPROACHES

***Elena P. Belinskaya*[1, @1, *], *Nadezda M. Melnikova*[2, 3, @2, *], *Larisa U. Pisareva*[2, 3, @3, *]**

[1] *Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*
[2] *Ammosov North-Eastern Federal University, 58, Belinskogo St., Yakutsk, Russia, 677000*
[3] *Academy of Sciences Republic of Sakha, 33, Lenina Ave., Yakutsk, Russia, 677007*
[@1] *Elena_belinskaya@list.ru*
[@2] *nm.melnikova@s-vfu.ru*
[@3] *pisareva@inbox.ru*

Received 20.03.2017.
Accepted 12.05.2017.

Keywords: health, well-being, subjective parameters of well-being, health psychology, biopsychosocial model of health, factors of psychological health.

[*] ***Work is performed under the comprehensive scientific research in the Republic of Sakha (Yakutia), aimed at the development of the productive forces and social sphere for 2016 – 2020 "Building a monitoring of the socio-psychological health of the Republic of Sakha (Yakutia)".***

Abstract: The article examines the socio-economic, socio-cultural and epistemological reasons of actualization of research interest to the humanitarian aspects of health and well-being. It analyzes the main theoretical models of psychological health arising from the recognition of the determining influence of social factors and the importance of cultural determinants in the analysis of the humanitarian aspects of health; particular attention is paid to the modern status of a special area of knowledge of health psychology. There are three main levels of factors affecting psychological health and subjective well-being: 1) macro, which includes a number of objective and subjective indicators (the level of economic development of the region, and subjective economic well-being of the population; the level of social protection of the population and its subjective evaluation, etc.); 2) social-psychological, among which the structural and dynamic features of social networks, the stylistic characteristics of the communication opportunities of social support; 3) the personality, including resilience, the nature of self, dominant emotional state, the characteristics of personal and social identity. It is emphasized that although among the criteria of psychological health of particular importance is the degree of integration of the personality and its focus on self-development, the nature of psychological health is closely linked to socio-psychological aspects of human existence: a harmonious integration in the society, successful socialization, the presence of strong social ties and social support are integral to psychological health.

For citation: Belinskay E. P., Melnikova N. M., Pisareva L. U. Gumanitarnye aspekty zdorov'ia i blagopoluchiia: prichiny issledovatel'skogo interesa i osnovnye teoreticheskie podkhody [The Humanitarian Aspects of Health and Wellness: Causes of Research Interest and Main Theoretical Approaches]. *Bulletin of Kemerovo State University,* 2017; (2): 111 – 116. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-111-116.

References

1. Maksimova T. M. *Sotsial'nyi gradient v formirovanii zdorov'ia naseleniia* [The Social gradient in the formation of population health]. Moscow: PER SE, 2005, 240.

2. Popov A. A. Aktual'nye problemy povysheniia kachestva zhizni naseleniia v raionakh Krainego Severa (na primere Respubliki Sakha (Iakutiia)) [Actual problems of improvement of quality of life in the far North (on the Republic Sakha example (Yakutia))]. *Ekonomika Vostoka Rossii = The economy of the East of Russia*, no. 2 (2014): 27 – 33.

3. Baturin N. A., Bashkatov S. A., Gafarova N. V. Teoreticheskaia model' lichnostnogo blagopoluchiia [A theoretical model of personal well-being]. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia «Psikhologiia» = Bulletin of the South Ural State University. Series "Psychology"*, 6, no. 4 (2013): 4 – 14.

4. Gordon L. A., Voz'mitel' A. A., Zhuravleva I. V., Klopov E. V., Rimashevskaia N. M., Iadov V. A. Sotsiologiia byta, zdorov'ia i obraza zhizni naseleniia [Sociology of everyday life, health and lifestyle]. *Sotsiologiia v Rossii* [Sociology in Russia]. Ed. Iadov V. A. Moscow: Institut sotsiologii RAN, 1998, 430 – 452.

5. Dzhidar'ian I. A. *Psikhologiia schast'ia i optimizma* [Psychology of happiness and optimism]. Moscow: Institut psikhologii RAN, 2013, 268.

6. Khashchenko V. A. *Sotsial'no-psikhologicheskaia determinatsiia sub"ektivnogo ekonomicheskogo blagopoluchiia*. Diss. doktora psikhol. nauk [Socio-psychological determination of subjective economic well-being. Dr. psychol. Sci. Diss.]. Moscow, 2012, 513.

7. Bocharova E. E. Aksiologicheskaia napravlennost' i sub"ektivnoe blagopoluchie lichnosti v spetsifike etnopsikhologicheskoi obuslovlennosti [Axiological orientation and subjective well-being of the individual in the ethno-psychological specificity of the conditionality]. *Sotsial'naia psikhologiia i obshchestvo = Social psychology & society*, no. 4 (2013): 95 – 105.

8. Lebedeva N. M., Chirkov V. I., Tatarko A. N. *Kul'tura i otnoshenie k zdorov'iu: Rossiia, Kanada, Kitai* [Culture and health: Russia, Canada, China]. Moscow: RUDN, 2007, 314.

9. Stefanenko T. G. *Etnopsikhologiia* [Ethnopsychology]. 5th ed. Moscow: Aspect Press, 2014, 368.

10. *Psikhologiia zdorov'ia* [Health psychology]. Ed. Nikiforov G. S. Saint-Petersburg: Piter, 2006, 607.

11. Bovina I. B. *Sotsial'naia psikhologiia zdorov'ia i bolezni* [Social psychology of health and disease]. Moscow: Aspekt Press, 2007, 256.

12. Antonovsky A. *Health, stress, and coping*. San Francisko, 1979, 255.

13. Marks D., Murray M., Evans B., Willing C. *Health Psychology: Theory, Research and Practice*. London: Sage, 2000, 616.

14. Straub R. *Health Psychology*. N.Y.: Worth Publishers, 2002, 335.

15. Gerrig R., Zimbardo F. Na puti k biopsikhosotsial'noi modeli [Towards a biopsychosocial model]. *Psikhologiia i zhizn'* [Psychology and life]. 16th ed. Moscow, 2004, 657 – 659.

16. Enikolopov S. N., Sadal'skaia E. V., Abdraziakova A. M. Psikhologiia zdorov'ia i problemy psikhologicheskogo blagopoluchiia [Health Psychology and issues of psychological well-being]. *Zdorov'e cheloveka: sotsiogumanitarnye i mediko-biologicheskie aspekty* [Human Health: socio-humanitarian and medico-biological aspects]. Ed. Yudin B. G. Moscow: In-t cheloveka RAN, 2003, 37 – 49.

17. Ogden J. *Health Psychology*. Buckingham: Open University Press, 2007, 489.

18. Strebe V., Jonas K. Psikhologiia zdorov'ia: sotsial'no-psikhologicheskaia perspektiva [Health Psychology: a social-psychological perspective]. *Vvedenie v sotsial'nuiu psikhologiiu. Evropeiskii podkhod* [Introduction to social psychology: an European approach]. Moscow: IuNITI, 2004, 502 – 539.

19. Schneider K. J., Bugental J. F. T., Pierson J. F. (Eds.) *The Handbook of Humanistic Psychology. Leading Edges in Theory, Research and Practice*. NY: Sage, 2001, 659 – 666.

20. Belorukova N. O., Biletskaia M. P., Bodrov V. A., Vetrova I. I., Vilenskaia G. A., Golubeva M. S., Gridneva S. V., Gushchina T. V., Zhuravlev A. L., Kovaleva Iu. V., Kriukova T. L., Kuznetsova O. V., Kuftiak E. V., Nikol'skaia I. M., Petrova E. A., Podd'iakov A. N., Podobina O. B., Rusina N. A., Saporovskaia M. V., Sergienko E. A., Sirota N. A., Tashcheva A. I., Khazova S. A., Kharlamenkova N. E., Kholodnaia M. A., Ialtonskii V. M. *Sovladaiushchee povedenie. Sovremennoe sostoianie i perspektivy* [Coulduse behavior. Current status and prospects]. Moscow: Institut psikhologii RAN, 2008, 512.

21. Kuftyak E. V. Psikhologicheskoe zdorov'e i zashchitnye mekhanizmy (psikhologicheskie zashchity i sovladanie) v detskom vozraste [Psychological health and protective mechanisms (psychological defenses and coping behavior) in childhood]. *Psikhologicheskie issledovaniia = Psychological research*, 9, no. 49 (2016): 4. Available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n49/1335-kuftyak49.html

22. Gomez V., Allemand M., Grob A. Neuroticism, extraversion, goals, and subjective well-being: Exploring the relations in young, middle-aged, and older adults. *Journal of research in personality*, no. 46(3) (2012): 317 – 325.

23. Leontiev D. A. Ekzistentsial'nyi podkhod v sovremennoi psikhologii lichnosti [Existential approach in modern psychology of the personality]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, no. 3 (2016): 3 – 15.

УДК 159/612.821

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ УЧАЩИХСЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

***Лидия А. Варич*[1, @1], *Юлия В. Сорокина*[1, @2]**

[1] *Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@1] *varich2002@mail.ru*
[@2] *sorula1993@mail.ru*

Поступила в редакцию 10.03.2016.
Принята к печати 22.12.2016.

Ключевые слова: учащиеся младшего школьного возраста, психофизиологическая адаптация, инновационное образовательное учреждение, успеваемость.

Аннотация: В статье представлены результаты изучения особенностей психофизиологической адаптации учащихся младшего школьного возраста, обучающихся в инновационном образовательном учреждении. Комплексное обследование младших школьников, которое проводилось в течение двух лет обучения – с первого по второй класс, предполагало изучение психофизиологических показателей и оценку состояния регуляторных систем организма. Установлено, что ко второму году обучения у учащихся улучшаются показатели развития когнитивных функций при увеличении напряжения в регуляции деятельности сердечно-сосудистой системы. Школьники, имеющие на начало обучения низкие показатели успеваемости, отличаются от своих сверстников, обучающихся на «хорошо» и «отлично», более выраженной динамикой развития психофизиологических функций в течение двух лет обучения. У мальчиков отмечается более выраженная динамика показателя объема внимания по сравнению с девочками. Процесс адаптации учащихся, имеющих высокую успеваемость, сопровождается усилением симпатической активности в регуляции сердечного ритма, то есть сопровождается большей физиологической «ценой», которую организм платит за эффективность реализуемой деятельности.

Для цитирования: Варич Л. А., Сорокина Ю. В. Особенности психофизиологической адаптации учащихся младшего школьного возраста // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 117 – 122. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-117-122.

Первый год обучения детей в школе является одним из критических периодов в их индивидуальном развитии. Ребенок, поступивший в первый класс, испытывает влияние целого ряда факторов, с которыми он ранее не встречался и к которым ему необходимо приспосабливаться: новый коллектив, личность педагога, изменение режима дня, длительное ограничение двигательной активности, постоянная учебная нагрузка. От того, как пойдет адаптация к школе, во многом зависит не только процесс успешности обучения, но и состояние здоровья школьника, что не менее важно. Для многих первоклассников особенно в начале учебного года характерными изменениями в организме являются дезадаптивные состояния, которые позволяют говорить о «школьном шоке» или «школьном стрессе» [1; 2].

Обучение в начальной школе совпадает со значительными изменениями в структуре и функционировании центральной нервной системы (ЦНС), которые сопровождаются развитием важнейших психофизиологических функций. Поэтому этот период требует особого внимания педагогов, так как интенсивные учебные нагрузки могут оказать не только стимулирующее влияние на развитие ЦНС, но и в случае их несоответствия возрастным, индивидуальным возможностям ребенка вызвать негативные последствия. Несостоятельность адаптивных процессов в детском возрасте может служить причиной и одновременно ранним признаком развития патологии в последующие возрастные периоды, в связи с чем особенно актуальными становятся вопросы изучения индивидуальных особенностей адаптации ребенка к началу систематического обучения в школе, а также факторов, их определяющих, с целью прогнозирования исхода адаптации младших школьников и их здоровья в целом [3; 4].

В связи с тем, что в последнее время остро встала проблема интенсификации учебного процесса, исследования, посвященные изучению особенностей адаптации учащихся к условиям обучения в школе, являются весьма актуальными.

Цель нашего исследования заключалась в изучении показателей психофизиологической адаптации учащихся младшего школьного возраста, обучающихся в образовательном учреждении инновационного типа.

Материалы и методы исследования

В исследовании приняли участие учащиеся младшего школьного возраста в количестве 75 человек, обучающиеся в образовательном учреждении инновационного типа. Комплексное психофизиологическое обследование младших школьников проводилось в течение двух лет обучения – с первого по второй класс. Изучение нейродинамических и психодинамических функций проводилось с использованием автоматизированной психофизиологической программы «PFK» и включало изучение следующих показателей: скорость простой зрительно-моторной реакции (ПЗМР), уравновешенность нервных процессов (РДО), образная память и объем внимания [5;

6]. Для оценки состояния регуляторных систем организма использовалась кардиоритмографическая программа «ORTO», основанная на математическом анализе показателей сердечного ритма: частота сердечных сокращений (ЧСС), мода (Мо), амплитуда моды (АМо), вариационный размах (ΔX), индекс напряжения (ИН), очень низкочастотная характеристика волнового спектра (VLF), высокочастотная характеристика волнового спектра (HF) [7; 8]. В качестве основного критерия оценки эффективности обучения учитывалась успеваемость. Математическая обработка полученного материала проводилась с помощью пакета прикладных программ «Statistica 8.0».

Результаты исследования и их обсуждение

Сравнительная оценка показателей функционального состояния ЦНС и когнитивных функций учащихся младшего школьного возраста позволила увидеть положительную динамику таких показателей, как ПЗМР, образная память, объем внимания (таблица 1).

Таблица 1. **Динамика психофизиологических показателей у учащихся младшего школьного возраста в течение двух лет обучения с учетом пола**
Table 1. **Dynamics of psychophysiological indicators in primary school pupils during two years of study, taking gender into account**

ПОКАЗАТЕЛИ	***Девочки (n = 37)***	***Мальчики (n = 38)***	***Все (n = 75)***	***p < 0,05***
Первый год обучения				
Образная память, балл	7,6 ± 1,5	7,78 ± 1,51	7,7 ± 1,5	
Объем внимания, балл	6 ± 1,8	5,81 ± 2,09 b	5,9 ± 1,9c	
ПЗМР, мс	370 ± 46a	373,2 ± 60,2	371,6 ± 53,7	
РДО общ. ср., с	56,1 ± 48,4	73,2 ± 64,2	64,7 ± 57,7	1 – 2
ЧСС в покое, уд/мин	91,9 ± 10,9	91,1 ± 10,7	91,5 ± 10,8	
ЧСС в орто, уд/мин	101,9 ± 8.5	104,3 ± 10,6	103,2 ± 9,6	
Мо в покое, с	0,64 ± 0,07	0,65 ± 0,08	0,64 ± 0,08	
Мо в орто, с	0,58 ± 0,05	0,56 ± 0,63	0,57 ± 0,05	
АМо в покое, %	42,7 ± 9,4	42,9 ± 17,3	42,8 ± 13,9	
АМо в орто, %	47,7 ± 12,3	51,2 ± 17,6	49,5 ± 15,2	
ΔX в покое, с	0,24 ± 0,1	0,25 ± 0,14	0,19 ± 0,08	
ΔX в орто, с	0,19 ± 0,06	0,19 ± 0,97	0,25 ± 0,12	
ИН в покое, усл. ед.	176,6 ± 46,8	202,6 ± 80,5	189,7 ± 61,5	
ИН в орто, усл. ед.	250,8 ± 52,7	347,4 ± 57,4	299,8 ± 58,7	1 – 2
Второй год обучения				
Образная память, балл	7,9 ± 0,3	7,8 ± 1,9	7,8 ± 1,7	
Объем внимания, балл	7,8 ± 1,5	8,1 ± 1,06b	8,2 ± 1,08c	
ПЗМР, мс	347,9 ± 64,1a	355 ± 70,2	351,5 ± 66,9	1 – 2
РДО общ. ср., с	60,6 ± 53,7	60,2 ± 39,9	60,4 ± 46,9	
ЧСС в покое, уд/мин	105,3 ± 76,5	93,2 ± 11,2	99,2 ± 54,3	1 – 2
ЧСС в орто, уд/мин	101,2 ± 14,6	100,3 ± 12,4	100,7 ± 13,4	
Мо в покое, с	0,58 ± 0,06	0,63 ± 0,09	0,48 ± 0,06	
Мо в орто, с	0,61 ± 0,09	0,59 ± 0,07	0,59 ± 0,08	
АМо в покое, %	45,8 ± 18,8	42,9 ± 18,9	44,3 ± 18,7	
АМо в орто, %	50,1 ± 19,4	50,4 ± 17,1	50,2 ± 18,2	
ΔX в покое, с	0,24 ± 0,12	0,28 ± 0,19	0,26 ± 0,16	
ΔX в орто, с	0,18 ± 0,07	0,20 ± 0,13	0,19 ± 0,1	
ИН в покое, усл. ед.	262,5 ± 53,9	207,1 ± 57,5	234,4 ± 73	1-2
ИН в орто, усл. ед.	308,6 ± 68,4	320 ± 67,4	314 ± 97	

Примечание: a – p < 0,05 достоверность различий у девочек в течение двух лет обучения;
b – p < 0,05 достоверность различий у мальчиков в течение двух лет обучения.

Изучение психофизиологических показателей у учащихся с учетом пола не выявило достоверных отличий между мальчиками и девочками на начало обучения за исключением большей уравновешенности нервных процессов у девочек. Однако, в динамике показатель, характеризующий скорость зрительно-моторного реагирования, имел более выраженные изменения у девочек по сравнению с мальчиками. На первом году обучения для мальчиков было характерно напряжение в регуляции вегетативных функций, о чем свидетельствует более высокое значение показателя индекса напряжения в ортостазе (347,4 ± 57,4 усл. ед.). На втором году обучения у них отмечается более выраженная динамика показателя объема внимания, при этом показатели, характеризующие активность симпатического отдела ВНС, изменяются незначительно по сравнению с девочками (таблица 1).

У всех учащихся на протяжении двух лет обучения отмечается преобладание симпатического типа регуляции

вегетативных функций. Количество первоклассников с симпатикотоническим типом вегетативной нервной системы (ВНС) составило 45 % и ко второму году обучения существенно не изменилось (48 %), что является возрастной нормой [9] (рис. 1).

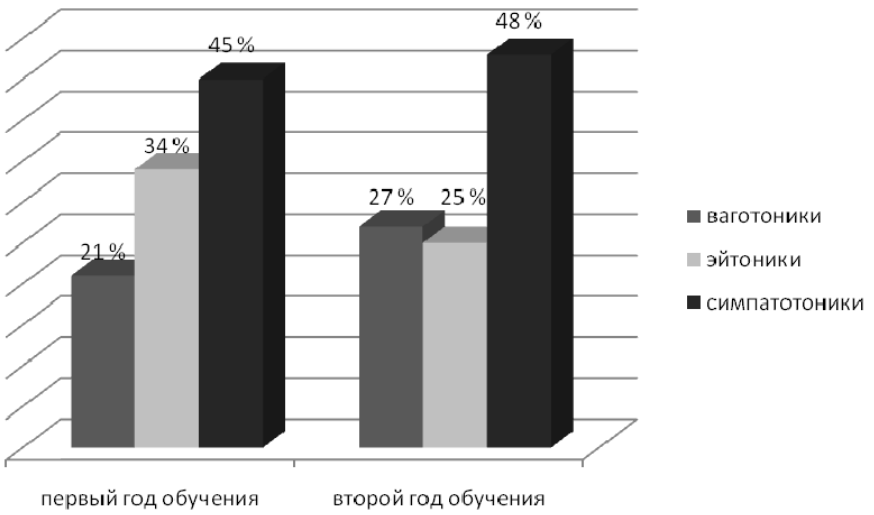

Рис. 1. ***Процентное распределение учащихся младшего школьного возраста по типу вегетативной регуляции***
Fig. 1. ***Percentage distribution of primary school pupils according to the type of vegetative regulation***

Оценка функционального состояния организма учащихся по показателям вариабельности сердечного ритма в течение двух лет обучения выявила увеличение количества детей со значительным снижением функциональных возможностей организма ко второму классу. Так, количество учащихся, имеющих резкое снижение функциональных возможностей организма, увеличилось с 29 % до 48 %, а процент детей с оптимальным функциональным состоянием организма уменьшился более чем в два раза (рис. 2).

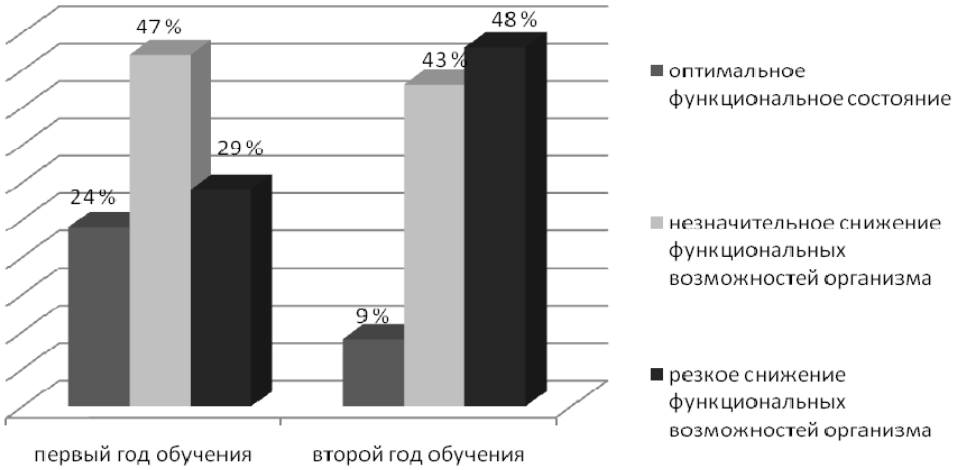

Рис. 2. ***Процентное распределение учащихся младшего школьного возраста по функциональному состоянию организма в динамике двух лет обучения***
Fig. 2. ***Percentage distribution of primary school pupils according to the functional state of the organism in the dynamics of the two years of study***

Полученные результаты можно объяснить интенсификацией учебного процесса, характерной для инновационного образовательного учреждения, положительно влияющей на развитие познавательных функций учащихся и негативно отражающейся на адаптационных возможностях их организма.

В связи с тем, что одним из показателей эффективности учебной деятельности является успеваемость, было проведено изучение особенностей адаптации учащихся с учетом их успехов в учебе, для чего были определены три группы детей:

1 группа – школьники, обучающиеся на «отлично»;

2 группа – учащиеся, обучающиеся на четыре и пять;

3 группа – обучающиеся, имеющие тройки.

Анализ средних значений психофизиологических показателей учащихся с учетом успеваемости показал, что на первом году обучения школьники, имеющие низкую успеваемость (3 группа), имели более низкий

уровень зрительно-моторного реагирования, образной памяти и объема внимания по сравнению с учащимися двух других групп. На втором году обучения наблюдается достоверное улучшение изучаемых показателей во всех трех группах, особенно в последней (таблица 2).

Обращает на себя внимание тот факт, что положительная динамика психофизиологических функций у учащихся 3 группы не сопровождается увеличением напряжения в регуляции вегетативных функций, о чем свидетельствуют более низкие значения показателей, отражающих активность симпатоадреналовой системы (ЧСС, АМо, ИН). В отличие от аналогичных показателей у школьников 1 и 2 групп, для которых характерны высокие значения данных показателей на протяжении двух лет обучения (таблица 2).

Таблица 2. **Динамика психофизиологических показателей у учащихся младшего школьного возраста в течение двух лет обучения с учетом успеваемости**
Table 2. **Dynamics of psychophysiological indicators in primary school pupils during the two years of study, taking academic progress into account**

ПОКАЗАТЕЛИ	***1 группа (n = 13)***	***2 группа (n = 45)***	***3 группа (n = 17)***	***p < 0,05***
Первый год обучения				
Образная память, балл	8,31 ± 1,08	7,68 ± 1,6	7,3 ± 1,5	1-3
Объем внимания, балл	6,15 ± 2,8a	5,82 ± 1,8 b	5,94 ± 1,5 c	
ПЗМР, мс	376,6 ± 47,9	365,4 ± 52,1	384,4 ± 62,3 c	2-3
РДО общ. ср., с	71 ± 60,3	61,2 ± 56,2	69,4 ± 60,6	
ЧСС в покое, уд/мин	89,1 ± 5,8	92,5 ± 11,1	90,3 ± 12,6	
ЧСС в орто, уд/мин	99,8 ± 8,3	103,6 ± 10,2	104,2 ± 9,07	
Мо в покое, сек.	0,66 ± 0,06	0,18 ± 0,07	0,65 ± 0,06	
Мо в орто, сек.	0,59 ± 0,04	0,57 ± 0,06	0,56 ± 0,04	
АМо в покое, %	42,9 ± 14,5	44,1 ± 13,2	39,5 ± 15± 3	
АМо в орто, %	50,2 ± 20,5	51,8 ± 14,1	44,7 ± 13,7	
Δ X в покое, сек.	0,24 ± 0,07	0,23 ± 0,12	0,31 ± 0,13	
Δ X в орто, сек.	0,19 ± 0,09	0,64 ± 0,08	0,23 ± 0,07	
ИН в покое, усл. ед.	167,8 ± 46,4	210,8 ± 62,9	150,7 ± 67,8	
ИН в орто, усл. ед.	339,4 ± 99,9	327,2 ± 51,3	200,7 ± 64,1	1-3
Второй год обучения				
Образная память, балл	8,38 ± 1,6	7,67 ± 1,7	7,7 ± 1,9	1-3
Объем внимания, балл	7,84 ± 1,06 a	8,29 ± 1,2 b	8,29 ± 1,2 c	
ПЗМР, мс	345,2 ± 56,4	356,7 ± 73,8	342,7 ± 56,1 c	
РДО общ. ср., с	58,2 ± 41,1	57,1 ± 48,5	48,3 ± 17,6	
ЧСС в покое, уд/мин	92,3 ± 10,2	103,8 ± 69,5	92,2 ± 11,6	
ЧСС в орто, уд/мин	101,6 ± 10,9	101,3 ± 14,5	98,5 ± 12,4	
Мо в покое, сек.	0,64 ± 0,07	0,46 ± 0,06	0,65 ± 0,09	
Мо в орто, сек.	0,60 ± 0,08	0,59 ± 0,08	0,59 ± 0,07	
АМо в покое, %	41,1 ± 19,8	45,1 ± 19,8	45,1 ± 15,5	
АМо в орто, %	51,7 ± 19,7	51,3 ± 18,6	46,3 ± 16,1	
Δ X в покое, сек.	0,27 ± 0,09	0,27 ± 0,19	0,24 ± 0,07	
Δ X в орто, сек.	0,18 ± 0,06	0,18 ± 0,07	0,24 ± 0,08	
ИН в покое, усл. ед.	219,3 ± 41,8	254,1 ± 67,7	193,8 ± 53,6	1-3
ИН в орто, усл. ед.	328,7 ± 84,2	331,2 ± 33,8	259,1 ± 51,8	2-3

Примечание: a – p < 0,05 достоверность различий в группе учащихся, обучающихся на «отлично»;
b – p < 0,05 достоверность различий в группе учащихся, обучающихся на «хорошо» и «отлично»;
c – p < 0,05 достоверность различий в группе учащихся, имеющих тройки.

Корреляционный анализ, который был проведен с целью выявления зависимости между показателем успеваемости и параметрами сердечного ритма [10], позволил установить отрицательную связь успеваемости с показателем HF, отражающим влияние парасимпатического отдела ВНС, и положительную связь с показателем VLF, характеризующим преобладание симпатических влияний на сердечный ритм (рис. 3). Анализируя полученные результаты, можно говорить о том, что чем выше успеваемость, тем менее выражено вагусное влияние на сердечный ритм и увеличена активность симпатического отдела ВНС в регуляции сердечной деятельности.

Другими словами, процесс адаптации учащихся, имеющих высокую успеваемость, сопровождается большей физиологической «ценой», которую организм платит за эффективность реализуемой деятельности.

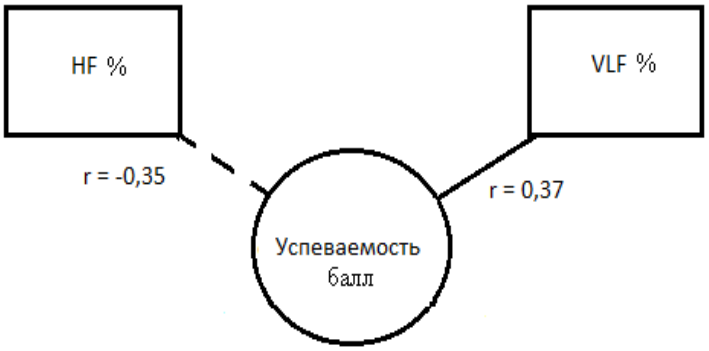

Рис. 3. ***Корреляционная зависимость успеваемости и показателей вариабельности сердечного ритма у учащихся младшего школьного возраста***
Fig. 3. ***The correlation performance and heart rate variability at pupils of primary school age***

Заключение

Изучение особенностей психофизиологической адаптации учащихся младшего школьного возраста к условиям обучения в инновационном образовательном учреждении позволило установить, что ко второму классу у школьников улучшаются показатели развития когнитивных функций на фоне ухудшения функционального состояния организма.

Для мальчиков характерна более выраженная динамика показателя объема внимания, при этом показатели, характеризующие влияние симпатоадреналовой системы на сердечную деятельность, изменяются незначительно по сравнению с девочками.

Школьники, имеющие на начало обучения низкие показатели успеваемости, отличаются от своих сверстников, обучающихся на «хорошо» и «отлично», более выраженной динамикой развития психофизиологических функций в течение двух лет обучения и отсутствием напряжения в регуляции вегетативных функций. Процесс адаптации учащихся, имеющих высокую успеваемость, сопровождается выраженным усилением симпатической активности в регуляции сердечного ритма.

Литература

1. Варич Л. А., Блинова Н. Г., Сапего А. В., Кошко Н Н. Комплексная оценка показателей развития и здоровья учащихся первых классов: методические рекомендации / под ред. Т. М. Чурековой. Кемерово, 2007. 50 с.

2. Сорокина Ю. В., Варич Л. А. Особенности психофизиологической адаптации учащихся первых классов // Научное творчество молодежи. Гуманитарные науки: материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции (15 – 16 мая 2015 г.). Анжеро-Судженск, 2015. С. 69 – 72. Режим доступа: http://www.asf.ru/upload/sbornik-NTM-2015.pdf

3. Онтогенез. Адаптация. Здоровье. Образование. Кн. I. Здоровьесберегающие аспекты дошкольного и начального общего образования: учебно-методическое пособие / под ред. Э. М. Казина. Кемерово, 2011. 500 с.

4. Овчарова Р. В. Практическая психология в начальной школе. М.: Сфера, 2005. 34 с.

5. Иванов В. И., Литвинова Н. А., Березина М. Г. Автоматизированные методы психодиагностики: методические рекомендации. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. 28 с.

6. Практикум по психофизиологической диагностике: учебное пособие. М.: ВЛАДОС, 2000. 128 с.

7. Баевский Р. М. Прогнозирование состояний на грани нормы и патологии. М.: Медицина, 1979. 280 с.

8. Игишева Л. Н., Галлеев А. Р. Оценка функционального состояния организма с помощью программно-технического комплекса ORTO-EXPERT: методическое руководство. Кемерово: Живые системы, 2003. 221 с.

9. Фарбер Д. А., Корниенко И. А., Сонькин В. Д. Физиология школьника. М., 1990. 319 с.

10. Псеунок А. А., Муготлев М. А. Динамика корреляционных связей у школьников 7 – 15 лет // Научные труды III съезда физиологов СНГ, г. Ялта, 1 – 6 октября 2011. М.: Медицина: Здоровье, 2011. С. 254 – 256.

PSYCHOPHYSIOLOGICAL ADAPTATION FEATURES OF PRIMARY SCHOOL PUPILS

***Lidiya A. Varich*[1, @1], *Yulia V. Sorokina*[1, @2]**

[1] *Kemerovo State University 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@1] *varich2002@mail.ru*
[@2] *sorula1993@mail.ru*

Received 10.03.2016.
Accepted 22.12.2016.

Keywords: primary school age pupils, psychophysiological adaptation, innovative educational institution, academic performance.

Abstract: The article presents the studying of psychophysiological adaptation features results of primary school age pupils, enrolled in innovative educational institution. Comprehensive survey of elementary school students, which was held during two years of study (the first to the second year of study), presupposed a research of psychophysiological indicators and assessment of the regulatory systems of the body. It was found that by the second year of study the students are improving developmental quotient of cognitive performance by increasing the pressure in the cardiovascular system regulation. Those students who had low performance indicators in the beginning of the education program showed more prominent dynamics of psycho-physiological functions during the two years of study, compare to their peers with ‘good" or "excellent" marks. The boys had greater dynamics in the amount of attention compared to girls. Adaptation process of students with high academic performance, accompanied by increased sympathetic activity in heart rate regulation, is accompanied by a greater physiological "cost" that the body pays for the effectiveness of implemented activities.

For citation: Varich L. A., Sorokina Yu. V. Osobennosti psikhofiziologicheskoi adaptatsii uchashchikhsia mladshego shkol'nogo vozrasta [Psychophysiological Adaptation Features of Primary School Pupils]. *Bulletin of Kemerovo State University,* 2017; (2): 117 – 122. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-117-122.

References

1. Varich L. A., Blinova N. G., Sapego A. V., Koshko N. N. *Kompleksnaia otsenka pokazatelei razvitiia i zdoro-v'ia uchashchikhsia pervykh klassov* [Complex assessment of indexes of development and health of first graders]. Ed. Churekova T. M. Kemerovo, 2007, 50.
2. Sorokina Iu. V., Varich L. A. Osobennosti psikhofiziologicheskoi adaptatsii uchashchikhsia pervykh klassov [Psychophysiological adaptation of first graders]. *Nauchnoe tvorchestvo molodezhi. Gumanitarnye nauki: materialy XIX Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi kon-ferentsii (15 – 16 maia 2015 g.)* [Scientific creativity of youth. Humanitarian sciences: Proc. XIX all-Russian Sc.-Prac. Conf.]. Anzhero-Sudzhensk, 2015, 69 – 72. Available at: http://www.asf.ru/upload/sbornik-NTM-2015.pdf
3. *Ontogenez. Adaptatsiia. Zdorov'e. Obrazovanie. Kn. I. Zdorov'esberegaiushchie aspekty doshkol'nogo i na-chal'nogo obshchego obrazovaniia* [Ontogenesis. Adaptation. Health. Education: Book I. Health saving aspects of the preschool and primary general education]. Ed. Kazin E. M. Kemerovo, 2011, 500.
4. Ovcharova R. V. *Prakticheskaia psikhologiia v nachal'noi shkole* [Practical psychology at elementary school]. Moscow: Sfera, 2005, 34.
5. Ivanov V. I., Litvinova N. A., Berezina M. G. *Avtomatizirovannye metody psikhodiagnostiki* [The automated psychodiagnostics methods]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2002, 28.
6. *Praktikum po psikhofiziologicheskoi diagnostike* [Workshop on psychophysiological diagnostics]. Moscow: VLADOS, 2000, 128.
7. Baevskii R. M. *Prognozirovanie sostoianii na grani normy i patologii* [Prediction of condition on the verge of norm and pathology]. Moscow: Meditsina, 1979, 280.
8. Igisheva L. N., Galeev A. R. *Otsenka funktsional'nogo sostoianiia organizma s pomoshch'iu programmno-tekhnicheskogo kompleksa ORTO-EXPERT* [Assessment of the organism`s functional condition by the ORTO-EXPERT]. Kemerovo: Zhivye sistemy, 2003, 221.
9. Farber D. A., Kornienko I. A., Son'kin V. D. *Fiziologiia shkol'nika* [Physiology of the school student]. Moscow, 1990, 319.
10. Pseunok A. A., Mugotlev M. A. Dinamika korreliatsionnykh sviazei u shkol'nikov 7 – 15 let [Dynamics of correlations in schoolchildren between 7 and 15 years]. *Nauchnye trudy III s"ezda fiziologov SNG, g. Ialta, 1 – 6 oktiabria 2011* [Scientific works of the III Congress of CIS physiologists, Yalta, 1 – 6 Oct 2011]. Moscow: Meditsina: Zdorov'e, 2011, 254 – 256.

УДК 159.99

ТИПЫ ПРИВЯЗАННОСТИ СТУДЕНТОВ И ИХ УСПЕШНОСТЬ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Екатерина Е. Волкова[1, @]

[1] *Тихоокеанский государственный медицинский университет, Россия, 690002, г. Владивосток, пр-т Острякова, 2*
[@] *iea.volkovi@mail.ru*

Поступила в редакцию 19.12.2016.
Принята к печати 12.04.2017.

Ключевые слова: типы привязанности, привязанность, успешность обучения, надёжный тип привязанности, амбивалентный тип привязанности, избегающий тип привязанности.

Аннотация: В статье представлены результаты эмпирического исследования успешности обучения студентов, имеющих разные типы привязанности. В качестве методов исследования выбраны: метод беседы, анкетирование, проективный метод и метод тестирования, представленные следующими методиками: «Интервью о привязанности для взрослых», проективная рисуночная методика «Мать и дитя». Значимое отличие успешности обучения в вузе отмечено у студентов с избегающим типом привязанности по отношению к студентам с надёжным и амбивалентным типами. Более успешными в обучении являются студенты, имеющие надёжный и амбивалентный типы привязанности, менее успешными – студенты с избегающим типом привязанности. Наименьшую успешность обучения студентов с избегающим типом привязанности можно объяснить тем, что они часто не склонны позитивно воспринимать критику, им трудно строить доверительные отношения со взрослыми и ровесниками, им присущи инфантильные формы поведения. Результаты проведённого исследования дают основание для разработки программ, направленных на профилактику неуспеваемости будущих студентов и повышение успешности обучения у студентов, которые находятся в учебном процессе.

Для цитирования: Волкова Е. Е. Типы привязанности студентов и их успешность обучения в вузе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 123 – 128. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-123-128.

В психологической науке традиционно принято рассматривать привязанность как поиск и установление эмоциональной близости с другим человеком, необходимой для адаптации и выживания и обеспечивающей ребёнку надёжную безопасность и эмоциональную поддержку [1; 2].

На протяжении всей истории развития психологической науки в той или иной степени рассматривался вопрос о влиянии привязанности в детском возрасте на формирование личности человека. Существует много исследований современных авторов, таких как Г. В. Бурменская, В. А. Цуркин, Т. Н. Разуваева, М. А. Василенко, доказывающих влияние типа привязанности на формирование отношения детей и подростков к окружающему миру и к себе, особенности отношения к телу, уровень психического развития, поведенческих паттернов ребёнка и многое другое [3 – 7]. Как условие благополучного развития ребёнка некоторые авторы рассматривают привязанность между ребёнком и мамой [4; 5], другие говорят о необходимости привязанности с любым значимым взрослым [2].

При этом у представителей различных психологических школ и направлений сложились как похожие, так и в некоторых моментах совершенно противоположные взгляды на механизмы формирования и структуру привязанности, однако все они признают важнейшую роль детско-родительского взаимодействия на психологическое развитие ребёнка.

Проанализировав существующие научные публикации, посвящённые данной тематике, исследований, рассматривающих успешность обучения в вузе у студентов с разными типами привязанности, найдено не было. Однако в связи с тем, что многими авторами [3; 4; 8] проведены исследования, результаты которых доказывают, что дети с надёжными типом привязанности к матери обладают рядом качеств, способствующих более успешной социализации (более низким уровнем агрессивности, более развитой способностью к построению близких отношений, восприятием себя и окружающих в более позитивном свете и др.) можно предположить, что привязанность, формирующаяся в раннем детстве между ребёнком и мамой, будет влиять и на успешность обучения в вузе через своевременное формирование адекватной самооценки, способностей, учебной мотивации и мотивации достижения успеха.

В свою очередь, проблема успешности обучения студентов в вузе в современном мире стоит достаточно остро, психологи и педагоги находятся в постоянном поиске новых путей повышения эффективности учебного процесса. Наблюдается значительный интерес к изучению вопроса успешности обучения в целом и в частности – успешности обучения в высшем учебном заведении. Однако, определение понятия «успешность обучения» у разных авторов отличается, и этот вопрос до сих пор остаётся предметом научных дискуссий.

Анализ научной литературы по данному вопросу выявил, что существует два основных направления, поразному рассматривающих понятие «успешность обучения»: психологическое и педагогическое. С точки зрения психологического направления (С. Л. Рубинштейн, С. Н. Лысенкова, В. К. Вилюнас) это понятие рассматривается как особое эмоциональное состояние учащегося, выражающее его личное отношение к деятельности и её результатам. Представители педагогического направления

(Ю. К. Бабанский, В. В. Давыдов, И. Я. Лернер и др.) рассматривают с точки зрения качества образования, в контексте проблемы эффективности и результативности обучения [9].

Соответственно существуют и различные подходы к определению критериев успешности обучения. В целом успешность обучения может быть представлена как соответствие знаний и умений студента тем критериям, которые существуют в данной системе обучения. Более частными критериями могут служить: успешное формирование у обучающихся определённых качеств личности, готовности и способности выполнять определённые виды учебной и профессиональной деятельности и многое другое [10; 11].

Далее встаёт закономерный вопрос о том, от чего же зависит успешность обучения в высшем учебном заведении. Существуют различные точки зрения по этому поводу. Так, А. Б. Зайцев [12] со своими коллегами предложил определённую совокупность индивидуальных показателей, характеризующих дифференциально-психологические особенности студентов, которые, по их мнению, влияют на успешность обучения в вузе. Такими показателями являются: конституция (телосложение), нейродинамика, способности и характер учебной мотивации. Достаточно полное исследование причин, влияющих на течение и результаты процесса обучения в вузе, проведено И. П. Подласым. Он выделил четыре общих фактора, определяющих успешность обучения: 1) учебный материал; 2) организационно-педагогическое влияние; 3) обучаемость учащихся (общие способности к учебно-познавательной деятельности, особенности внимания и мышления учащихся); 4) время восприятия, усвоения и закрепления изученного [по: 11].

Как можно увидеть, первые два фактора зависят скорее от обучающей стороны, в то время как третий и четвёртый – от особенностей студента. В свою очередь общеизвестно, что многие особенности человека формируются в раннем детстве и зависят от качества детско-родительских отношений. Поэтому актуальным представляется выявление и описание типов привязанности у студентов с разной успеваемостью в вузе с целью повышения успеваемости студентов через своевременную коррекцию типа привязанности.

Для проверки данного предположения было проведено исследование. **Гипотеза** исследования заключается в предположении о том, что успешность обучения в вузе отличается у студентов с разными типами привязанности к матери. **Объектом исследования** является привязанность, **предметом** – типы привязанности у студентов с различной успеваемостью.

Участники исследования: 80 человек – студенты, обучающиеся на третьем курсе факультета «Общественное здоровье» Тихоокеанского государственного медицинского университета (возраст от 19-ти до 22-х лет) специальностей «Клиническая психология» и «Медико-профилактическое дело».

Методики

1. Проективная рисуночная методика «Мать и дитя», автором которой является Жаклин Гиллеспи, в России методика была адаптирована М. Л. Мельниковой в 2007 г. [13]. В диагностической работе методика используется с целью выявления особенностей представлений индивида об отношениях с материнской фигурой, качества привязанности к ней, а также для оценки личностных характеристик, рассматриваемых в контексте ранних объектных отношений. Для оценки привязанности на основании методического руководства М. Л. Мельниковой [13] используются следующие критерии для определения типа привязанности: пространственные характеристики рисунка (расположение на листе, размер), содержательные характеристики рисунка (фигуры, телесный образ, половые признаки, пропорциональность фигур, эмоциональное состояние, взаиморасположение фигур, контакт фигур, позы, пространство вокруг фигуры, дополнительные элементы), технические характеристики рисунка (линии, нажим, штриховка, стирание), пострисуночный опрос. Рисунок анализируется по всем категориям на предмет обнаружения признаков надёжности и тревожности привязанности. За каждый выявленный признак надёжности и тревожности выставляется оценка. По завершению анализа рисунка отдельно по выделенным категориям суммируются оценки по шкале надёжности и тревожности. В итоге получаются две общие оценки по показателям надёжности и тревожности привязанности, по соотношению которых определяется тип привязанности: надёжный, амбивалентный, избегающий или дезорганизованный.

2. Полуструктурированное интервью «Интервью о привязанности для взрослых», разработанное М. Мэйн для взрослых людей, которое содержит вопросы, касающиеся их детского опыта привязанности к значимым другим и того значения, которое они в настоящее время приписывают этому опыту своего детства [2]. На основании литературных источников [2; 14] были выделены системы оценки результатов и критерии для определения типа привязанности. При анализе результатов интервью использовались следующие системы оценки:

а) оценка материнского поведения со слов респондента;

б) оценка ментальных репрезентаций респондента;

в) оценка когерентности дискурса.

Для оценки материнского поведения использовались следующие категории: любящее, отвергающее, пренебрегающее, вовлечённое, доминантное. Для оценки ментальных репрезентаций были использованы: категории идеализации, настойчивое отсутствие воспоминаний, активный гнев, умаление достоинств. При оценке когерентности дискурса учитывались следующие факторы: качество рассказа, а именно правдоподобность, непротиворечивость, логичность; количество, т. е. ответы достаточно развёрнуты, но не чрезмерны, релевантность.

Для *статистической обработки* результатов был использован точный критерий Фишера.

Результаты и их обсуждение

В процессе исследования выборка респондентов была разделена на три группы в зависимости от типа привязанности к матери, который определялся с помощью методик «Мать и дитя» [13] и «Интервью о привязанности для взрослых» [2; 14].

К первой группе (надёжный тип привязанности) были отнесены студенты, у которых по методике «Мать и дитя» высокий балл был набран только по показателю надёжности (из возможных двенадцати у них было набрано семь и более), в то время как по показателю тревожности у них было набрано менее семи баллов. В пользу шкалы надёжности говорили следующие показатели: фигуры расположены в центре листа, фигуры занимают

от 1/3 до 2/3 пространства листа, присутствие на рисунке обеих фигур, адекватный телесный образ, дифференциация половых признаков, благополучное эмоциональное состояние всех изображённых фигур, изображение контакта глаз, тенденция к сближению фигур или телесный контакт между фигурами, отчётливые, мягкие, уверенные, непрерывные линии, умеренный нажим, в пострисуночном опросе рассказ содержит указания на надёжные отношения привязанности. По методике «Интервью о привязанности для взрослых» у этих же студентов наблюдаются сбалансированные представления о своих ранних отношениях с матерью, они ценят привязанность и придают большое значение этой привязанности в формировании их личности. В их историях присутствуют рассказы не только о «положительном» поведении материи, однако в целом оно воспринимается как любящее, что подтверждается конкретными воспоминаниями. В качестве примеров ответов таких студентов можно привести следующие высказывания: «Да, хотя мама иногда и ругала меня, но благодаря ей я научилась многому, я всегда знала и сейчас это знаю, что всегда могу к ней обратиться с любым вопросом. Сначала она может эмоционально высказаться, такой у неё характер, но через несколько минут всё пройдёт и она поможет мне найти выход из любой ситуации»; «Мама – это тот человек, который всегда поймёт и поддержит. Если я в чём-то не прав, она об этом скажет, но всё равно поддержит». В ходе интервью студенты с надёжным типом привязанности ведут себя довольно доброжелательно, открыто, с удовольствием идут на контакт, стараясь отвечать на все поставленные вопросы. Группа с надёжным типом привязанности составила 30 человек.

Ко второй группе (амбивалентный тип привязанности) были отнесены студенты, у которых по методике «Мать и дитя» сочетается высокий уровень по шкале надёжности и высокий уровень по шкале тревожности (более семи по обеим показателям). По шкале тревожности начислялись баллы в следующих случаях: фигуры смещены к верхнему/нижнему или правому/левому краю листа, фигуры расположены в углах листа, номинальное присутствие одной из фигур, отсутствие черт лица, недостаточная проработка рук, недифференцированность половых признаков у матери или ребёнка, изображение ребёнка во взрослом возрасте, неблагополучное эмоциональное состояние какой-либо из фигур или обеих фигур, изображение одной фигуры в анфас, другой – в профиль, взаимодействие фигур функционального характера, отсутствие какого-либо контакта между фигурами, позы, отражающие беспомощность, беззащитность, зависимость, напряжённость или неустойчивость, изображение линии земли, кресел и стульев, на которых располагались фигуры, изображение дополнительных фигур, не имеющих отношения к заданным стимулам, дрожащие, напряжённые, прерывистые, небрежные, наспех проведённые линии, слишком слабый или слишком сильный нажим, многочисленные стирания отдельных элементов, рассказ пострисуночного опроса содержит указания на тревожные отношения привязанности. У этих респондентов по методике «Интервью о привязанности для взрослых» в ответах часто демонстрируют спутанность или существенные колебания в отношении раннего опыта. Их рассказы о взаимоотношениях с матерью отмечены пассивностью и агрессией, периодически сменяющие друг друга. Родители представляются как не любящие, но интенсивно вовлечённые в отношения. Рассказ о детских воспоминаниях у таких респондентов часто смешивается с сообщениями о событиях недавнего прошлого, об актуальных отношениях с родителями, которые, как правило, наполнены агрессией и обидами. В качестве яркого примера такого высказывания можно привести следующее: «Я не помню, чтоб мама мне по-настоящему помогала. Она активно вмешивалась в мои дела – пыталась контролировать, что я надену, куда пойду, с кем. Но когда мне действительно нужна была помощь, я была одна. Собственно говоря, как и сейчас, у меня сейчас нелёгкий период, а она меня только воспитывает, обижается ещё за что-то… лучше б просто побыла рядом». Группа с амбивалентным типом привязанности составила 34 человека.

К третьей группе (избегающий тип привязанности) были отнесены студенты, у которых по методике «Мать и дитя» баллы по шкале надёжности не достигают семи, но и не равны нулю (низкий уровень) независимо от уровня по шкале тревожности (по этой шкале уровень может быть как низким, так и высоким). При ответах на вопросы методики «Интервью о привязанности для взрослых» студенты этой группы склонны отрицать влияние ранних отношений на своё развитие, испытывают значительные сложности в припоминании конкретных ситуаций, при рассказе чувствуется холодность и эмоциональная сдержанность. Такие респонденты характеризуются отстранением от объекта привязанности, желанием избежать болезненных воспоминаний, эмоциональной отчуждённостью, отказом от поддержки и утешения. Примеры высказываний таких респондентов содержат следующие фразы: «Она никогда не обращала на меня внимания, но мне это и не нужно. Ни тогда, ни сейчас»; «Я не знаю, что про неё рассказать. Мы мало времени проводили вместе. Я особо не помню вообще такого». В целом респонденты этой группы более неохотно соглашаются на участие в исследовании. Группа с избегающим типом привязанности составила 16 человек.

Дезорганизованного типа привязанности обнаружено не было. Это может быть связано с тем, что с помощью анкеты в целях обеспечения однородности выборки для исследования были выбраны студенты из полных семей. А исходя из теоретического анализа литературы по теме, известно, что дезорганизованный тип привязанности свойственен детям из неполных и неблагополучных семей, где имели место какие-либо формы насилия.

После выявления типов привязанности у студентов перед нами стояла задача определить – различается ли успешность обучения студентов, имеющих разные типы привязанности. Рассматривая успешность обучения с точки зрения педагогического направления в исследовании в качестве критерия её оценки, в первую очередь был выбран средний балл в зачётной книжке. Далее были вычислены среднее значение и медиана средних баллов по зачётке для студентов каждого типа привязанности. Медиана вычисляется в связи с тем, что среднее значение в таких случаях не всегда может показывать достоверный результат. А медиана, т. е. число, являющееся серединой множества чисел, является более показательным. Статистическая обработка результатов была проведена с помощью точного критерия Фишера. Результаты представлены в таблице.

Таблица. **Среднеезначение и медиана среднего балла по зачётке в группах студентов с разными типами привязанности**
Table. **Average value and median of the average score of credits in groups of students with different types of attachment**

Тип привязанности	Кол-во человек	Среднее значение	Медиана
Надёжная	30	4,32	4,3
Амбивалентная	34	4,01	4,0
Избегающая	16	3,53	3,6

Примечание: Различия между успеваемостью студентов, имеющих надёжный и амбивалентный тип привязанности не достоверны ($p > 0,1$); различия между успеваемостью студентов, имеющих надёжный и избегающий тип привязанностидостоверны ($p < 0,1$).

Таким образом, как видно из таблицы, можно говорить о том, что успешность обучения у студентов с разными типами привязанности отличается. Анализируя полученные результаты, можно увидеть, что среднее значение и медиана совпадают. Исходя из данных показателей, можно сделать вывод, что между успешностью обучения у студентов с разными типами привязанности достоверное отличие существует у группы студентов с избегающим типом привязанности по отношению к остальным двум. При этом более успешными в обучении оказались студенты, имеющие надёжную и амбивалентную привязанность.

Успешность обучения студентов с надёжным типом привязанности можно объяснить тем, что такие люди обычно хоть и имеют высокую самооценку, склонны воспринимать себя в позитивном свете, однако способны осознавать свои слабости и недостатки. Они более склонны к построению последовательных и крепких отношений с окружающими людьми. По исследованию Л. Сроуфа, ещё начиная с раннего возраста малыши с надёжным типом привязанности оценивались воспитателями как дети, обладающие высокой самооценкой, способные к эмпатии, позитивные аффекты которых преобладали над негативными. Они были более активны, инициативны, ответственны, отличались меньшей агрессивностью. Формирование этих качеств с раннего детства, вероятнее всего, и поспособствовало в дальнейшем успешности обучения в вузе.

Также успешными в обучении оказались студенты, имеющие амбивалентный тип привязанности. Данный факт можно объяснить тем, что люди с амбивалентным типом привязанности обладают высокой тревожностью и повышенной потребностью в положительной оценке со стороны окружающих, что отражается и на отношении к учёбе и может выражаться в более качественной подготовке к занятиям.

Менее успешными в обучении оказались студенты, имеющие избегающий тип привязанности. Полученные результаты можно объяснить тем, что люди с этим типом привязанности часто представляют себя как полное совершенство, в связи с чем не склонны позитивно воспринимать критику. Данный факт может препятствовать личностному росту и учебным достижениям. Им трудно строить доверительные отношения со взрослыми и ровесниками, что, естественно, ограничивает возможность получение поддержки от окружающих людей. Таким людям присущи инфантильные формы поведения, что также не может способствовать профессиональному росту.

Исходя из результатов исследования было выявлено, что студенты с надёжным и амбивалентным типами привязанности являются более успешными в обучении, чем студенты, имеющие избегающий тип привязанности.

Выводы

1. Успешность обучения у студентов с разными типами привязанности отличается, при этом наиболее значимое отличие отмечено у студентов с избегающим типом привязанности по отношению к двум другим группам. Более успешными в обучении являются студенты, имеющие надёжный и амбивалентный типы привязанности, менее успешными – студенты с избегающим типом привязанности.

2. Результаты проведённого исследования дают основание для разработки программ, направленных на профилактику неуспеваемости будущих студентов и повышение успешности обучения у студентов, которые находятся в учебном процессе.

Литература

1. Боулби Дж. Привязанность / пер. с англ.; общ. ред. и вступ. статья Г. В. Бурменской. М.: Гардарики, 2003. 477 с.
2. Бриш К. Х. Терапия нарушений привязанности. М.: Когито-Центр, 2012. 316 с.
3. Бурменская Г. В. Мировосприятие детей с разными типами привязанности к матери // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2011. № 2. С. 21 – 35.
4. Цуркин В. А., Разуваева Т. Н. Особенности физического Я у лиц с разными типами привязанности к матери // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 20. № 27. С. 308 – 313.
5. Василенко М. А. Привязанность ребёнка к матери как фактор ранней социализации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2011. № 129. С. 20 – 27.
6. Жихарева Л. В. Теория привязанности, теоретические и практические аспекты // Перспективы науки и образования. 2013. № 4. С. 144 – 154.
7. Кадыров Р. В., Ковалев И. А., Ильина И. С. Психическая травма раннего возраста и психологические характеристики наркозависимых // Тихоокеанский медицинский журнал. 2016. Т. 61. № 4(66). С. 66 – 69.

8. Серый А. В., Яницкий М. С., Харченко Е. В. Ценностно-смысловые аспекты психологической работы со студенческой молодежью, находящейся в кризисной ситуации // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 2(18). С. 40 – 48.

9. Бирина О. В. Понятие успешности обучения в современных педагогических и психологических теориях // Фундаментальные исследования. 2014. № 8-2. С. 438 – 443.

10. Мамаева И. А. Методика оценки успешности обучения студентов // Современные проблемы науки и образования. 2008. № 4. С. 85 – 86.

11. Саякин В. Ю. Успешность обучения и специфика когнитивной организации студентов вуза // Мир современной науки. 2011. № 1. С. 12 – 16.

12. Зайцев А. Б. Индивидуально-психологические факторы успешности обучения современных студентов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2013. Т. 6. № 2. С. 65 – 71.

13. Мельникова М. Л. Рисунок «Мать и дитя» в диагностике привязанности: методическое руководство / науч. ред. С. Ф. Сироткин. Ижевск: ERGO, 2007. 216 с.

14. Калмыкова Е. С., Падун М. А. Качество привязанности как фактор устойчивости к психической травме // Журнал практической психологии и психоанализа. 2002. № 1. С. 23 – 31.

TYPES OF ATTACHMENT OF STUDENTS AND THEIR SUCCESS IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

Ekaterina E. Volkova [1, @]

[1] *Pacific State Medical University, 2, Ostryakov Ave., Vladivostok, Russia, 690002*
[@] *iea.volkovi@mail.ru*

Received 19.12.2016.
Accepted 12.04.2017.

Keywords: attachment types, attachment, learning success, reliable attachment style, ambivalent attachment style, avoidant attachment style.

Abstract: The article presents the results of empirical studies of successful performance in students with different types of attachment. The following research methods were chosen: conversation method, questionnaires, projective technique and testing method represented by the following procedures: "Adult Attachment Interview", projective drawing techniques, "Mother and Child". A significant difference between the successes of training in high school students was noted with avoidant type of attachment with respect to students with reliable and ambivalent types. Students with a reliable and ambivalent attachment styles are more successful in their performance, those with avoidant attachment style are less successful. The worst performance of students with avoiding attachment types can be explained by the fact that they are unlikely to perceive criticism positively, it is difficult for them to build trust relationships with adults and peers, they have inherent infantile behavior. The results of the study provide a basis for the development of programs aimed at preventing school failure prospective students and increase the success of learning in students who are in the learning process.

For citation: Volkova E. E. Tipy priviazannosti studentov i ikh uspeshnost' obucheniia v vuze [Types of Attachment of Students and Their Success in Higher Education Institutions]. *Bulletin of Kemerovo State University,* 2017; (2): 123 – 128. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-123-128.

References

1. Bowlby J. *Priviazannost'* [Attachment]. Ed. Burmenskaia G. V. Moscow: Gardariki, 2003, 477.

2. Brisch K. H. *Terapiia narushenii priviazannosti* [Therapy of attachment disorders]. Moscow: Kogito-Tsentr, 2012, 316.

3. Burmenskaia G. V. Mirovospriiatie detei s raznymi tipami priviazannosti k materi [Worldviews of children with different types of at tachment to mother]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 14: Psikhologiia = Moscow University Psychology Bulletin. Series 14: Psychology,* no. 2 (2011): 21 – 35.

4. Tsurkin V. A., Razuvaeva T. N. Osobennosti fizicheskogo Ia u lits s raznymi tipami priviazannosti k materi [Peculiarities of physical self in persons with different types of attachment to mother]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye nauki = Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: The humanities,* 20, no. 27 (2013): 308 – 313.

5. Vasilenko M. A. Priviazannost' rebenka k materi kak faktor rannei sotsializatsii [Child's attachment to the mother as the factor of early socialization]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science,* no. 129 (2011): 20 – 27.

6. Zhikhareva L. V. Teoriia priviazannosti, teoreticheskie i prakticheskie aspekty [Attachment theory, theoretical and practical aspects]. *Perspektivy Nauki i obrazovaniia = Perspectives of Science and Education*, no. 4 (2013): 144 – 154.

7. Kadyrov R. V., Kovalev I. A., Il'ina I. S. Psikhicheskaia travma rannego vozrasta i psikhologicheskie kharakteristiki narkozavisimykh [Early psychic trauma and psychological characteristics of drug addicted personality]. *Tikhookeanskii meditsinskii zhurnal = Pacific Medical Journal*, 61, no. 4(66) (2016): 66 – 69.

8. Seryi A. V., Ianitskii M. S., Kharchenko E. V. Tsennostno-smyslovye aspekty psikhologicheskoi raboty so studencheskoi molodezh'iu, nakhodiashcheisia v krizisnoi situatsii [Valuable and semantic aspects of psychological work with the student"s youth which is in the crisis situation]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Novosibirsk State Pedagogical University bulletin,* no. 2(18) (2014): 40 – 48.

9. Birina O. V. Poniatie uspeshnosti obucheniia v sovremennykh pedagogicheskikh i psikhologicheskikh teoriiakh [The concept of the success of teaching in modern pedagogical and psychological theories]. *Fundamental'nye issledovaniia = Fundamental research*, no. 8-2 (2014): 438 – 443.

10. Mamaeva I. A. Metodika otsenki uspeshnosti obucheniia studentov [Methodology for assessing the success of student learning]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia = Modern problems of science and education,* no. 4 (2008): 85 – 86.

11. Saiakin V. Iu. Uspeshnost' obucheniia i spetsifika kognitivnoi organizatsii studentov vuza [The success of teaching and the specifics of the cognitive organization of university students]. *Mir sovremennoi nauki = The world of modern science*, no. 1 (2011): 12 – 16.

12. Zaitsev A. B. Individual'no-psikhologicheskie faktory uspeshnosti obucheniia sovremennykh studentov [Psychological factors of successful learning of modern students]. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Psikhologiia = Bulletin of the South Ural state university. Series: Psychology,* 6, no. 2 (2013): 65 – 71.

13. Mel'nikova M. L. *Risunok «Mat' i ditia» v diagnostike priviazannosti* [Figure "Mother and Child" for the Diagnosis of Attachment]. Izhevsk: ERGO, 2007, 216.

14. Kalmykova E. S., Padun M. A. Kachestvo priviazannosti kak faktor ustoichivosti k psikhicheskoi travme [Attachment quality as a factor of resistance to trauma]. *Zhurnal prakticheskoi psikhologii i psikhoanaliza = Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis,* no. 1 (2002): 23 – 31.

УДК 159.9

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПОВЫШЕНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Людмила Г. Дмитриева[1, @1], Анна А. Насырова[1, @2], Надежда А. Колесникова[1, @3], Мария С. Бунакова[1, @4]

[1] Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Россия, 450000, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а
[@1] dmitrievalg@mail.ru
[@2] anna101984@mail.ru
[@3] anfia08@mail.ru
[@4] mari.marya@bk.ru

Поступила в редакцию 08.12.2016.
Принята к печати 12.04.2017.

Ключевые слова: познавательная активность, младший школьник, познавательные способности, психолого-педагогические условия, психолого-педагогическая поддержка, образовательная среда.

Аннотация: В статье говорится о роли повышения познавательной активности младших школьников как важного условия развития познавательных способностей учащихся. Психолого-педагогическая поддержка должна быть ориентирована на развитие когнитивных функций младших школьников, и в этом процессе должны быть задействованы не только педагоги, но и психологи, и родители. Традиционно психолого-педагогическая поддержка в начальной школе ориентируется на адаптацию ребенка к новой образовательной среде. Мы же считаем, что поддержка ребенку необходима и в процессе освоения учебной программы. Без эмоционального участия, сопереживания настоящей поддержки не будет, в результате чего в значительной степени будет страдать познавательная активность ребенка. Доказательство этому – эмпирические результаты, полученные в обычной школе, в которой не используются инновационные методы обучения.
К окончанию начальной школы у учащихся значимо понижается мотивация, у пе-дагогов отсутствует серьезная заинтересованность проблемами младших школь-ников. Не вполне благополучная образовательная среда также не может оказы-вать позитивного влияния на развитие познавательной сферы учеников.

Для цитирования: Дмитриева Л. Г., Насырова А. А., Колесникова Н. А., Бунакова М. С. Психолого-педагогические условия повышения познавательной активности младших школьников // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 129 – 134. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-129-134.

Обоснование проблемы. В данной статье мы акцентировали внимание на том, что важным условием развития познавательной деятельности младшего школьника является повышение его познавательной активности, а средством активизации познавательной деятельности учащегося является развитие его познавательных способностей. В этой связи мы проанализировали необходимые источники и выяснили, что понятие «познавательные способности» представляет собой сложное сочетание двух научных категорий – «познание» и «способности». В словаре познание определяется как «совокупность процессов, процедур и методов приобретения знаний о закономерностях объективного мира», а также как «категория, описывающая процесс получения любых знаний путем повторения идеальных (мыслительных) планов деятельности и общения, создания знаково-символических систем, опосредующих взаимодействие человека с миром и другими людьми» [1]. В психологии познание (когнитивность) рассматривают как способность к умственному восприятию и переработке внешней информации.

Особое место в проблеме познания занимают познавательные способности человека. Они не связаны непосредственно с понятием «способности», которое в психологии принято интерпретировать в связи с интеллектом в целом и одаренностью. Мы не можем отнести познавательные способности к отдельному виду способностей, это будет не корректно, так как познавательные способности – *это особый способ познания окружающего мира, инструмент, с помощью которого процесс познания осуществляется.*

На наш взгляд, суть познавательных способностей состоит в процессе и способах познания окружающей действительности, каковыми для познавательных способностей являются чувственное и рациональное начала. Современная философия не противопоставляет сенситивную и рациональную способности, рассматривая их в единстве как необходимые составляющие познавательного процесса. На любой ступени познания можно обнаружить их совместное действие. *Познавательные способности – это способности, которые включают в себя сенсорные способности и интеллектуальные способности, обеспечивающие продуктивное овладение знаниями, их знаковыми системами.*

Таким образом, познавательные способности принято разделять на два уровня (или вида). *Сенситивная познавательная способность* представлена тремя формами: *ощущение, восприятие, представление*. Ощущение – отображение отдельных свойств объекта. Восприятие – комплекс ощущений, отображение множества свойств данного объекта. Представление – образ предмета объективной действительности, воспроизводимый в сознании

без непосредственного воздействия самого предмета на органы чувств.

Рациональная познавательная способность (или мышление) определяется как способность оперирования сенситивными и рациональными образами, т. е. представлениями и понятиями. Мышление на основе представлений называют наглядно-образным, на основе понятий – абстрактно-логическим.

Абстрактно-логическое мышление также представлено разными формами: *понятиями, суждениями и умозаключениями*. Понятие – форма мысли, в которой обобщены и выделены предметы по сходным для них признакам. Суждение – форма мысли, в которой утверждается наличие или отсутствие между предметами каких-либо свойств или отношений. Умозаключение – форма мысли, в которой из одного, двух или более суждений, называемых посылками, по законам логического следования выводится новое суждение, называемое заключением. Сенситивное и рациональное не существуют в отрыве друг от друга. *Познавательные способности – свойства интеллекта, которые обнаруживают себя при решении проблем (задач)* [2]. В этой связи, кроме сенсорных и рациональных познавательных способностей, выделяют способности конвергентные и дивергентные. *Конвергентная способность – показатель правильности и скорости нахождения единственно возможного (нормативного) ответа при разрешении проблемы (задачи, ситуации). Дивергентные способности (креативность) – умение порождать множество оригинальных идей. Другими словами – способность активировать познавательные модели* [3].

Наиболее активно познавательные способности развиваются в младшем школьном возрасте. Уже будучи в первом классе, младший школьник учится контролировать и планировать свою деятельность, у него развивается учебная мотивация. Все эти изменения не могут происходить без помощи и поддержки взрослого (педагогов и родителей). В исследованиях Е. А. Александровой, М. Р. Битяновой, О. С. Газмана, В. В. Игнатовой, Е. А. Козыревой, И. П. Липского, А. В. Мудрика, М. И. Рожкова, Н. А. Сенченко, Г. Н. Серикова, Н. М. Филипповой и др. отмечается, что процесс поддержки предусматривает, прежде всего, гуманистическую межличностную основу общения педагогов и учащихся.

Из анализа данных направлений исследования можно сделать вывод, что целью психолого-педагогической поддержки является *создание условий для развития младших школьников, складываемых из атмосферы физической и психологической безопасности учащихся, обеспечения их интересов и условий индивидуально-личностного развития* [4, с. 3].

Постановка проблемы. В нашем случае психолого-педагогическая поддержка связывается с активизацией познавательной активности младших школьников и развитием познавательных (когнитивных) способностей.

Современное состояние среднего образования таково, что не все школы в равной мере ориентированы на развитие познавательных способностей учащихся. В школах, не нацеленных на развитие учащихся, как правило, ученики очень быстро теряют интерес к учебе. Уже в начальных классах школы у них снижаются мотивы учебной деятельности, их все больше начинают интересовать так называемые социальные мотивы, связанные с материальным достатком, наличием модных, востребованных вещей (планшеты, айпады, айфоны и т. д.). Отношение учащихся к учению, несомненно, зависит от *характера самого процесса обучения, от стиля общения между педагогом и учащимися, от способов организации учебного материала и учебно-познавательной деятельности школьников, от системы оценивания результатов учения.*

Исходя из анализа имеющейся психолого-педагогической литературы, мы предполагаем, что основным, *общим условием*, включающим в себя *частные условия*, может быть повышение уровня познавательной активности младших школьников [5 – 8].

На наш взгляд, это важное условие носит *обобщенный характер*. Оно может являться неким *результатом* сложной и многообразной деятельности субъектов обучения, при этом не только диагностической. Эта многообразная деятельность субъектов образования должна определять *частные условия* повышения познавательной активности младших школьников. Среди них наиболее важными, на наш взгляд, являются:

– *учебные мотивы,* влияющие на процесс обучения;

– *родители, педагоги, психологи,* способные оказать психологическую поддержку детям, испытывающим трудности обучения;

– *личностно-развивающее обучение,* где во главу угла ставятся личность ребенка, его самобытность, самоценность, его субъектный опыт.

Все эти условия при благоприятных обстоятельствах, конечно же, будут способствовать повышению познавательного потенциала младшего школьника.

Сегодня мы наблюдаем процесс смены образовательной парадигмы: предлагаются иное содержание, иные подходы, иные отношения, иное поведение, иной педагогический менталитет. В этих условиях необходимо обратить внимание на такой важный аспект, *как учебная мотивация школьников.*

Л. М. Фридман выделяет два основных пути формирования у учащихся нужной мотивации [9].

Первый путь, иногда называемый *"снизу вверх"* состоит в создании таких объективных условий, такой организации деятельности учащихся, которые необходимо ведут к формированию у них нужной мотивации. Этот путь означает, что учитель, опираясь на уже имеющиеся у учащихся потребности, так организует определенную деятельность, чтобы она вызвала у них положительные эмоции удовлетворения, радости. *Второй путь* заключается в усвоении воспитуемым предъявляемых ему в готовой "форме" побуждений, целей, идеалов, содержания направленности личности, которые по замыслу воспитателя должны у него сформироваться и которые сам воспитуемый должен постепенно превратить из внешне понимаемых во внутренне принятые и реально действующие. Это механизм формирования *"сверху вниз"*.

Как указывает Л. М. Фридман, учитель в своей воспитательной работе должен использовать для формирования у учащихся нужной мотивации *оба этих пути.*

В современной педагогической науке обсуждаются проблемы образования, связанные с его гуманизацией, развитием способностей личности, необходимых и ей, и обществу, соединением бытия индивидуального человека с культурой. Процесс «очеловечивания» образова-

ния связан с усилением тех положений отечественной и зарубежной педагогики, которые ставят во главу угла уважение к личности воспитанника, формирование у него самостоятельности, установление гуманных, доверительных отношений между ним и воспитателем.

Но к сожалению, реальная практика такова, что учителю порой бывает очень сложно ориентироваться в широком спектре современных инновационных технологий, идей, направлений. Многообразие взглядов на личностно-ориентированное обучение в достаточной степени отражено в современной российской педагогике и психологии. Представления об особенностях личностно-ориентированного обучения базируется на идеях И. С. Якиманской, В. В. Серикова, Н. А. Алексеева, В. А. Петровского, Г. А. Цукерман, С. А. Смирнова.

Инструментарий. Выделенные нами психолого-педагогические условия изучались с помощью следующих методик: учебные мотивы, влияющие на процесс обучения, мы исследовали с помощью опросников: «Методика изучения учебной мотивации первоклассников по итогам обучения в 1 классе» (М. Р. Гинзбург) и «Методика изучения мотивации обучения школьников при переходе из начальных классов в средние» (М. Р. Гинзбург).

Обсуждение результатов. Проанализируем каждое из названных выше условий и подкрепим данный анализ эмпирическими результатами. В процессе формирования мотивации имеется немало сложностей, связанных с выявлением подлинных обстоятельств (реальных психолого-педагогических условий), которые могут оказаться значимыми в процессе развития познавательной сферы ребенка. Была обнаружена тревожная тенденция, которая выявила понижение уровня когнитивных функций учащихся (в частности мышления). Но вначале подробнее разберемся в особенностях мотивов учения младших школьников (на примере учащихся обычных школ, где не проводятся мероприятия по психолого-педагогической поддержке младших школьников).

Таблица 1. **Выраженность учебных мотивов первоклассников**
Table 1. **Intensity of training motive in first-graders**

кол-во учащихся	***ОВ***	***В***	***НМ***	***СН***	***Н***
52 человека	30,8 % (16 учащихся)	28,8 % (15 учащихсяся)	28,8 % (15 учащихся)	3,9 % (2 учащихся)	7,7 % (4 учащихся)

Очень высокий уровень мотивации с выраженным личностным смыслом, а также с преобладанием познавательных и внутренних мотивов продемонстрировали 30,8 % (или 16 учащихся). Кстати, этот уровень мотивации включает в себя более трети учащихся. По 15 первоклассников (а это более половины учащихся) продемонстрировали высокий и средний уровень мотивации (каждый уровень составляет 28,8 %). Минимальное число учащихся (2 первоклассника, или 3,9 %) продемонстрировали сниженный уровень и низкий уровень учебной мотивации (4 первоклассника, или 7,7 %). То есть мы можем утверждать, что подавляющее большинство первоклассников хотят учиться и стремятся к успехам в учебе. Иными словами, они мотивированы обучаться в школе, им это нравится, они хотят быть успешными и нацелены на высокие результаты в учебе (табл. 1).

Таблица 2. **Выраженность учебных мотивов четвероклассников**
Table 2. **Intensity of training motive in fourth-graders**

кол-во учащихся	***ОВ***	***В***	***НМ***	***СН***	***Н***
53 человека	13,2 % (7 учащихся)	16,9 % (9 учащихся)	41,5 % (22 учащихся)	18,9 % (10 учащихся)	9,5 % (5 учащихся)

Мы видим, что у четвероклассников картина уровней учебной мотивации заметно иная. Очень высокий уровень мотивации мы обнаружили у 7-ми человек, то есть 13,2 %, что составляет примерно четверть испытуемых. Чуть больше учащихся (9 человек) продемонстрировали высокий уровень мотивации, что составило 16,9 % от общего числа учащихся (а это более одной четвертой испытуемых). Самое большое число четвероклассников (22 человека) продемонстрировали средний уровень мотивации, что составило 41,5 % (почти половина испытуемых). Сниженный уровень мотивации показали 10 человек, то есть 18,9 %. И в половину меньше учащихся показали низкую учебную мотивацию (5 человек, или 9,5 %). Мы видим здесь явное различие в мотивации между первоклассниками и четвероклассниками, причем ее уровень заметно снижен у учащихся четвертых классов (табл. 2).

А теперь сопоставим уровни выраженности учебной мотивации учащихся первых и четвертых классов (табл. 3).

Таблица 3. **Сравнительный анализ учебных мотивов первоклассников и четвероклассников**
Table 3. **Comparative analysis of training motives in first- and fourth-graders**

кол-во учащихся	ОВ	В	НМ	СН	Н
52 человека	30,8 % (16 учащихся)	28,8 % (15 учащихся)	28,8 % (15 учащихся)	3,9 % (2 учащихся)	7,7 % (4 учащихся)
53 человека	13,2 % (7 учащихся)	16,9 % (9 учащихся)	41,5 % (22 учащихся)	18,9 % (10 учащихся)	9,5 % (5 учащихся)

Мы видим наибольшие различия в выраженности очень высокого уровня учебной мотивации между учащимися 1-х и 4-х классов. Очень высокая мотивация преобладает у первоклассников. Также выражены различия в среднем уровне учебной мотивации. И здесь картина другая. Средний уровень мотивации преобладает у учащихся четвертых классов. Достаточно явными являются различия в сниженной мотивации, причем у четвероклассников она преобладает. Иными словами, четвероклассники не отличаются высокой мотивацией к учебе, и большинство из них характеризует средний уровень мотивации к обучению. Преобладает у них и сниженная мотивация. Это свидетельствует о том, что младшие школьники, обучающиеся в условиях обычной школы, в большинстве своем теряют интерес к учебе. Это может происходить из-за отсутствия каких-либо особых программ, мотивирующих к обучению, и психолого-педагогической поддержки. В младшем школьном возрасте многие достижения основываются на интересе, который необходимо у детей поддерживать. В силу возрастных особенностей они могут быстро потерять увлеченность даже самым интересным делом. Поэтому поддержка интереса ребенка к учебе и школе в целом должна быть, иначе к окончанию начальной школы мы можем получить плачевные результаты.

По итогам математической обработки данных мы выяснили, что учебная мотивация между учащимися первых и четвертых классов значимо различается ($p<0,05$). Причем у учащихся четвертых классов она снижена почти втрое.

Проанализируем результаты выраженности мотивации в школе, где программа психолого-педагогической поддержки развития познавательных способностей младших школьников реализуется.

Таблица 4. **Выраженность учебных мотивов первоклассников**
Table 4. **Intensity of training motive in first-graders**

кол-во учащихся	***ОВ***	***В***	***НМ***	***СН***	***Н***
48 человек	26,6 % (13 учащихся)	25,9 % (12 учащихся)	35,3 % (17 учащихся)	8,2 % (4 учащихся)	4,1 % (2 учащихся)

Больше всего первоклассников продемонстрировали нормативный уровень мотивации 35,5 %, или 17 учащихся. Примерно в равном процентном соотношении продемонстрированы очень высокий и высокий уровни учебной мотивации: 26,6 % (13 учащихся) и 25,9 % (12 учащихся). Средний и низкий уровни мотивации показали соответственно 8,2 % (4 учащихся) и 4,1 % (2 учащихся). Это свидетельствует о том, что в целом большинство первоклассников продемонстрировали высокую мотивацию к обучению в школе (табл. 4).

Таблица 5. **Выраженность учебных мотивов четвероклассников**
Table 5. **Intensity of training motive in fourth-graders**

кол-во учащихся	***ОВ***	***В***	***НМ***	***СН***	***Н***
45 человек	22,2 % (10 учащихся)	33,3 % (14 учащихся)	28,8 % (13 учащихся)	6,6 % (3 учащихся)	–

У четвероклассников по сравнению с первоклассниками число учащихся, мотивированных к обучению в школе, увеличилось. Несмотря на то, что несколько ниже, по сравнению с первоклассниками, уровень «очень высокой мотивации» (с 26,6 % и 22,2 %), эту тенденцию компенсировала другая шкала – «высокая мотивация» (от 25,9 % до 33,3 %). В пользу высокой мотивации несколько меньше уровни нормальной и средней мотивации (35,3 % и 28,8 %; 8,2 % и 6,6 %). А вот низкого уровня мотивации к обучению не обнаружил никто (табл. 5).

Фактически мы уже провели сравнительный анализ выраженности мотивации между первыми и четвертыми классами в школе, поэтому приводим следующую сравнительную таблицу в качестве подтверждения (табл. 6).

Таблица 6. **Сравнительный анализ учебных мотивов первоклассников и четвероклассников**
Table 6. **Comparative analysis of training motives in first- and fourth-graders**

кол-во учащихся	ОВ	В	НМ	СН	Н
48 человек	26,6 % (13 учащихся)	25,9 % (12 учащихся)	35,3 % (17 учащихся)	8,2 % (4 учащихся)	4,1 % (2 учащихся)
45 человек	22,2 % (10 учащихся)	33,3 % (14 учащихся)	28,8 % (13 учащихся)	6,6 % (3 учащихся)	–

Проверив полученные данные средствами математической статистики, мы выяснили, что учебная мотивация между учащимися первых и четвертых классов значимо различается. У учащихся четвертых классов она повысилась в 2,2 раза.

В качестве следующего условия мы выделили интерес и поддержку родителей, психологов и учителей к учащимся младших классов. С этой целью нами было запланировано провести письменный опрос. Вопросы, адресованные к педагогам, учащимся и психологам, были идентичны. С той лишь разницей, что у родителей на два вопроса больше, так как, по нашему мнению, они в силу их роли и обязательств в большей степени вовлечены в учебные дела своих детей и заинтересованы в том, чтобы образовательная среда, в которой учатся младшие школьники, была для них благоприятной, т. е. психологически безопасной.

Чтобы выявить, насколько данная образовательная среда может повлиять на развитие познавательных способностей учащихся, степень ее психологической безопасности мы протестировали педагогов школы в количестве 30 человек по методике И. А. Баевой «Психологическая безопасность образовательной среды школы» [10]. В методике выделены три уровня психологической безопасности образовательной среды (психологическая защищенность, психологический комфорт и психологическая удовлетворенность образовательной средой).

Мы также измеряли, каким образом родители, педагоги и психологи оценивают познавательную активность младших школьников. С этой целью был проведен письменный опрос для каждой категории обследуемых в отдельности.

Нами были заранее сформулированы вопросы закрытого характера (структурированные), которые предполагают выбор ответа из списка. Подготовлены три варианта письменного опроса для родителей, учителей и психолога.

В письменном опросе родителей мы сформулировали вопросы, суть которых сводилась к тому, чтобы выяснить, устраивает ли их качество обучения, нравится ли их ребенку учиться в данной школе, как, по мнению родителей, относится к ним учитель, отмечает ли он успехи ребенка и как часто педагог обращается за помощью к родителям младших школьников.

В качестве условия развития познавательной деятельности мы также определили личностно-развивающее обучение, которое возможно в психологически безопасной и комфортной образовательной среде.

Выводы. Таким образом, суть психолого-педагогической поддержки развития познавательных способностей в младшем школьном возрасте включает в себя одно условие общего характера – это повышение познавательной активности младшего школьника. Это условие невозможно реализовать без повышения учебной мотивации ребенка, а также активизации совместной деятельности родителей, педагогов и психологов.

Младший школьник пока еще не отличается самостоятельностью в выполнении своей учебной деятельности. Это нормально, так как его психика не готова к принятию решений, выбору, и сопровождение взрослого ему просто необходимо, о чем писал еще Л. С. Выготский. Чаще всего в начальном звене обучения в школе психолого-педагогическая поддержка взрослого направлена на развитие коммуникативных навыков, а не на развитие познавательных способностей. Мероприятия по коррекции, как правило, не связываются с повышением внимания к самой личности школьника. Наша идея заключается в том, что познавательная сфера младшего школьника нуждается не столько в «дрессуре», сколько в мягкой и участливой поддержке, чего зачастую в школах не делается. Познавательная и личностная сферы в этом случае как бы разведены изначально. Мы считаем, что положительный эффект повышения познавательной активности учащегося может быть достигнут только лишь в комплексном подходе, где принцип развития гармонично сочетается с принципами единства природного и социального, а также с принципом социальной обусловленности развития психики. А это значит, что поддержка ребенка, даже если речь идет о развитии его когнитивной сферы, не может быть эффективной, если не будет организовано личностно-ориентированное обучение, суть которого в субъектной позиции ребенка.

Литература

1. Латинско-русский и русско-латинский словарь крылатых слов и выражений. М.: Русский Язык, 1982. 960 с.

2. Вьюнова Н. И., Подымова Л. С., Сергеева Е. Д. Психолого-педагогическая диагностика младшего школьника в современных условиях // Молодой ученый. 2016. № 5-6. С. 24 – 27.

3. Клещенко Е. Библиотека мозга // Химия и жизнь. 2012. № 12. С. 25 – 29.

4. Остапенко Г. С., Самусева Г. В. Психологическая диагностика и психолого-педагогическое сопровождение становления личностного опыта младших школьников // Мир психологии. 2008. № 2. С. 167 – 172.

5. Бочкарёва С. В. Эмпатическое познание как специфический способ познания окружающего // Новые идеи в философии: материалы международной научной конференции. Пермь: Зебра, 2015. С. 6 – 16.

6. Звягинцева Е. В. Условия развития познавательных способностей младших школьников: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012. 23 с.

7. Овчарова Р. В. Практическая психология в начальной школе. М.: ТЦ «Сфера», 2006. 240 с.

8. Рожкова О. А. Психолого-педагогическая поддержка младшего школьника в начальной школе // Педагогика: традиции и инновации: материалы IV международной научной конференции. Челябинск, 2013. С. 6 – 7.

9. Фридман Л. М. Психопедагогика общего образования: пособие для студентов и учителей. М.: Институт практической психологии, 1997. 287 с.

10. Баева И. А., Гаязова Л. А. Психологическая безопасность образовательной среды школы и ее психолого-педагогическое сопровождение // Психологическая наука и образование. 2012. № 3. С. 30 – 40. Режим доступа: http://psyedu.ru/journal/2012/3/3015.phtml

PSYCHO-PEDAGOGICAL CONDITIONS TO INCREASE COGNITIVE ACTIVITY OF JUNIOR SCHOOLCHILDREN

Lyudmila G. Dmitrieva[1, @1], Anna A. Nasyrova[1, @2], Nadezhda A. Kolesnikova[1, @3], Mariya S. Bunakova[1, @4]

[1] Bashkirian State Pedagogical University, 3a, Oktyabrskoy Revolyutsii St., Ufa, Russia, 450000
[@1] dmitrievalg@mail.ru
[@2] anna101984@mail.ru
[@3] anfia08@mail.ru
[@4] mari.marya@bk.ru

Received 08.12.2016.
Accepted 12.04.2017.

Keywords: cognitive activity, a junior schoolchild, cognitive abilities, psycho-pedagogical conditions, psycho-pedagogical support, educational environment.

Abstract: The article is devoted to the role of increase of junior schoolchildren's cognitive activity as an important condition for the development of cognitive abilities of learners. Psycho-pedagogical support should be focused on the development of cognitive functions of junior schoolchildren, and psychologists and parents should be involved in this process, as well as the teachers. Traditionally, psycho-pedagogical support at primary school focuses on the child's adaptation to the new educational environment. We consider that a child needs the same support in the process of mastering the curriculum. There is no true support without an emotional involvement and empathy, and as a result cognitive activity of a child might suffer greatly. It was proven by empirical results obtained in an ordinary school, where no innovative teaching methods are used. At the end of primary school pupils have a significantly reduced motivation, teachers express no serious interest in problems of junior high school students. Not entirely satisfactory educational environment also could not provide a positive influence on the development of cognitive sphere.

For citation: Dmitrieva L. G., Nasyrova A. A., Kolesnikova N. A., Bunakova M. S. Psikhologo-pedagogicheskie usloviia povysheniia poznavatel'noi aktivnosti mladshikh shkol'nikov [Psycho-Pedagogical Conditions to Increase Cognitive Activity of Junior Schoolchildren]. *Bulletin of Kemerovo State University,* 2017; (2): 129 – 134. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-129-134.

References

1. *Latinsko-russkii i russko-latinskii slovar' krylatykh slov i vyrazhenii* [Latin-Russian and Russian-Latin Dictionary of winged words and sayings]. Moscow: Russkii Iazyk, 1982, 960.
2. V'iunova N. I., Podymova L. S., Sergeeva E. D. Psikhologo-pedagogicheskaia diagnostika mladshego shkol'nika v sovremennykh usloviiakh [Psychological-pedagogical diagnostics of primary schoolchildren in modern conditions]. *Molodoi uchenyi = The young scientist*, no. 5-6 (2016): 24 – 27.
3. Kleshchenko E. Biblioteka mozga [Library of brain]. *Khimiia i zhizn' =Chemistry and life*, no. 12 (2012): 25 – 29.
4. Ostapenko G. S., Samuseva G. V. Psikhologicheskaia diagnostika i psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie stanovleniia lichnostnogo opyta mladshikh shkol'nikov [Psychological diagnostics and psychology and pedagogical maintenance of formation of personal experience of younger school students]. *Mir psikhologii = World of psychology*, no. 2 (2008): 167 – 172.
5. Bochkareva S. V. Empaticheskoe poznanie kak spetsificheskii sposob poznaniia okruzhaiushcheg [Empathic knowledge as a particular way of learning about the surrounding]. *Novye idei v filosofii: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [New ideas in philosophy: Proc. Intern. Sc. Conf.]. Perm': Zebra, 2015, 6 – 16.
6. Zviagintseva E. V. *Usloviia razvitiia poznavatel'nykh sposobnostei mladshikh shkol'nikov*. Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk [Terms of the development of cognitive abilities of younger schoolboys. Cand. psychol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2012, 23.
7. Ovcharova R. V. *Prakticheskaia psikhologiia v nachal'noi shkole* [Practical psychology in the primary school]. Moscow: TTs «Sfera», 2006, 240.
8. Rozhkova O. A. Psikhologo-pedagogicheskaia podderzhka mladshego shkol'nika v nachal'noi shkole [Psycho-pedagogical support of a junior schoolchild at primary school]. *Pedagogika: traditsii i innovatsii: materialy IV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Pedagogy. Traditions and innovations: Proc. IV Intern. Sc. Conf.]. Cheliabinsk, 2013, 6 – 7.
9. Fridman L. M. *Psikhopedagogika obshchego obrazovaniia* [Psychopedagogy of general education]. Moscow: Institut prakticheskoi psikhologii, 1997, 287.
10. Baeva I. A., Gaiazova L. A. Psikhologicheskaia bezopasnost' obrazovatel'noi sredy shkoly i ee psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie [Psychological security of school's educational environment and its psychological educational support]. *Psikhologicheskaia nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, no. 3 (2012): 30 – 40. Available at: http://psyedu.ru/journal/2012/3/3015.phtml

УДК 159.923+37.015.3+378.637

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ О САМОПРЕЗЕНТАЦИИ ПЕДАГОГА

***Людмила С. Колмогорова*[1, @1], *Галина Г. Спиридонова*[1, @2]**

[1] *Алтайский государственный педагогический университет, Россия, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55*
[@1] *kolmogorova52@mail.ru*
[@2] *gaya10@mail.ru*

Поступила в редакцию 30.11.2016.
Принята к печати 12.04.2017.

Ключевые слова: самопрезентация, профессиональная подготовка, культура самопрезентации, внешние и внутренние составляющие культуры самопрезентации, представления о самопрезентации.

Аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме самопрезентации педагога в профессиональной деятельности. В работе представлены результаты эмпирического исследования, проведенного со студентами педагогического университета. Целью исследования заключалось в выявлении представлений студентов о самопрезентации педагога. В ходе исследования описываются полученные данные. Выявлены представления студентов о самопрезентации педагогов старшего и молодого поколения, затруднения, испытываемые студентами в самопрезентации, характеристики, относящиеся к составляющим культуре самопрезентации педагога. Среди характеристик, относящихся к самопрезентации педагога, студенты выделяют внешние (грамотность речи, манера поведения, форма подачи себя и т. д.) и внутренние (воспитанность, открытость, самосознание и т. д.). В выводах авторы указывают на значимость учета представлений студентов о самопрезентации педагога в их профессиональной подготовке, которые можно учитывать в высшем образовании. Незнание этих представлений студентов в образовательном процессе затрудняет установление контакта, решение педагогических задач преподавателем высшей школы и т. д.

Для цитирования: Колмогорова Л. С., Спиридонова Г. Г. Представления студентов о самопрезентации педагога // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 135 – 140. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-135-140.

Одной из основных задач преподавателей вуза является подготовка высококвалифицированных, конкурентоспособных специалистов. Обучение в вузе построено на основе интенсивной коммуникации между преподавателем и студентом. В ходе общения усваивается учебная информация, качество которой во многом зависит от того, насколько студент готов воспринимать информацию, идущую от преподавателя. Такая готовность во многом зависит от представлений студента о самопрезентации педагога, сформированных в ходе коммуникации. Также несоответствие между представлениями о самопрезентации педагога у студентов и преподавателей затрудняют не только общение, но и процесс профессионального становления.

Термины «самопрезентация», «управление впечатлением» прочно вошли в англоязычную научную лексику (И. Гоффман, Б. Шленкер, Д. Майерс и др.), однако в нашей стране феномен самопрезентации не так давно (начиная с 90-х гг. XX века) стал предметом самостоятельных психологических исследований (работы Н. В. Амяга, Е. В. Зинченко, Ю. П. Кошелевой, Е. В. Михайловой, Е. П. Никитиной, О. А. Пикулевой, Е. А. Соколовой-Бауш, Н. Е. Харламенковой, В. В. Хороших и др.) [1].

Самопрезентация в профессиональной деятельности педагога на современном этапе рассматривается в различных аспектах. Так, исследованию самопрезентации и близкого понятия «имидж педагога» посвящен ряд научных трудов. С. И. Глухих рассматривает имидж современного педагога [2], А. А. Чекалина исследует особенности самопрезентации женщин-учителей [3], Л. Э. Семенова изучает особенности самопрезентации мужчин-педагогов [4], Н. Ф. Анохина в своей работе исследует самопрезентацию учителя в интернет-пространстве [5], О. В. Ярошевич уделяет внимание имиджу преподавателя как составляющей качества системы геометрографической подготовки студентов [6], Л. П. Иноземцева рассматривает имидж преподавателя как составляющую его профессиональной личности [7], С. Д. Якушева уделяет внимание педагогическому имиджу современного преподавателя высшей школы [8], А. А. Калюжный изучает психологию формирования имиджа учителя [9], Л. Ю. Донская исследует психологические условия формирования имиджа преподавателя высшей школы [10], Е. Ю. Сысоева выделяет психолого-педагогические основы формирования имиджевой компетентности преподавателя вуза [11], З. Р. Ажниязова, М. И. Исаев в своей работе рассматривают имидж современного преподавателя вуза глазами студента [12].

На наш взгляд, самопрезентация педагога недостаточно рассмотрена современной психологией. В частности, не раскрыты представления студентов о самопрезентации педагогов. Этот вопрос важен в связи с подготовкой будущих педагогов, т. к. преподаватели вуза либо уделяют недостаточное внимание умениям самопрезентации, либо не знают и(или) не учитывают взгляды студентов на собственную презентацию (идеалы, ориентиры, образцы поведения и т. д.). Это, в свою очередь, затрудняет межличностные контакты в педагогическом процессе, особенно при выраженном возрастном различии преподавателей и студентов.

В результате теоретического анализа литературы, проведенного нами ранее [13 – 15], мы определили поня-

тие «культура самопрезентации» следующим образом: это совокупность знаний и умений, необходимых для самопрезентации, их эффективное применение, ценностное отношение и осознание значимости самопрезентации, рефлексия процесса и результата самопрезентации, творчество в самопрезентации. Это базовое определение было взято нами за основу при определении культуры самопрезентации педагога с учетом содержания и специфики его профессиональной деятельности. Это определение соответствует ранее выделенным нами компонентам в самопрезентации как характеристикам психологической культуры [13 – 15]: когнитивный (грамотность), компетентностный, ценностно-смысловой, рефлексивно-оценочный, творческий. В культуре самопрезентации мы также выделяем совокупность внешних и внутренних составляющих через систему сущностных характеристик самопрезентации и их внешних проявлений в профессиональной деятельности.

По нашему мнению, в культуру самопрезентации педагога входят: а) внешние составляющие (внешний вид; невербальные/вербальные средства и способы воздействия на окружающих в процессе самопрезентации; приемы общения в самопрезентации), так и б) внутренние составляющие (ценностное отношение к процессу, содержанию и результату самопрезентации; принципы и правила конструирования содержания самопрезентации; знания о средствах и способах самопрезентации; эмоциональная саморегуляция в процессе самопрезентации; анализ самопрезентации с точки зрения проявления личностных качеств; знания о своих профессионально значимых качествах, способствующих эффективности самопрезентации; проектирование и коррекция целей, содержания самопрезентации).

В нашем исследовании использовались следующие методы: анкетирование и контент-анализ сочинения. В соответствии с изложенными представлениями о самопрезентации мы разработали анкету, направленную на выявление представлений студентов о самопрезентации педагога, а именно: представлений студентов о самопрезентации педагогов старшего и молодого поколения; представлений студентов о внешних и внутренних характеристиках самопрезентации педагога; затруднений в самопрезентации у будущих педагогов. Также в рамках исследования респонденты написали сочинения на тему «Педагог XXI века».

Цель нашего исследования заключалась в выявлении представлений студентов о самопрезентации педагога.

Исследование проводилось в 2016 г. на базе Алтайского государственного педагогического университета г. Барнаула. Всего приняло участие 100 студентов разных профилей подготовки («Начальное образование», «Психология образования», «Психология и социальная педагогика»).

Задачи исследования:

– выявить представления студентов о самопрезентации педагога, её внешних и внутренних характеристиках;

– сравнить представления студентов о самопрезентации педагогов старшего и молодого поколения;

– выявить затруднения в самопрезентации у будущих педагогов.

По результатам проведенного контент-анализа сочинений наиболее часто называются следующие характеристики педагога: образованность – 72 %, коммуникативность – 68 %, развитость – 65 %, самосовершенствование – 64 %, современность менталитета – 63 %, ответственность – 61 %, культурность – 57 %, эрудированность – 54 %, просвещенность – 52 %, эстетичность – 49 %, уверенность – 48 %, дисциплинированность – 44 %, грамотность речи – 43 %, современность в манерах и одежде – 45 %, уравновешенность – 41 %, психическая активность – 39 %, самоуверенность – 37 %, мобильность – 36 %, внимательность – 34 %, уважительность – 33 %, добросовестность – 31 %, физическая активность – 34 % (таблица).

Среди характеристик, названных студентами, встречаются качества, относящиеся к внутренним составляющим самопрезентации педагога (образованность – 72 %, развитость – 65 %, самосовершенствование – 64 %, ответственность – 61 %, культурность – 57 %, эрудированность – 54 %, психическая активность – 39 %, уверенность – 48 %, дисциплинированность – 44 %, уравновешенность – 41 %, самоуверенность – 37 %, мобильность – 36 %, внимательность – 34 %, уважительность – 33 %, добросовестность – 31 %, современность менталитета – 63 %, просвещенность – 52 %), а также к внешним составляющим (эстетичность – 49 %, коммуникативность – 68 %, грамотность речи – 43 %, современность в манерах и одежде – 45%, физическая активность – 34 %) (таблица).

Итак, проведенный контент-анализ сочинений выявил преимущественное преобладание внутренних характеристик самопрезентации педагога над внешними.

При анализе ответов студентов на вопросы анкеты среди внутренних составляющих культуры самопрезентации педагога студенты выделяют следующие характеристики: опыт – 78 %, образованность – 73 %, воспитанность – 71 %, доброжелательность – 67 %, самосознание – 61 %, знания – 58 %, открытость – 57 %, скромность – 56 %, спокойствие – 53 %, навыки – 51 %, жизненные принципы – 48 %, уверенность – 47 %, умение слушать – 44 %, жизненная позиция – 43 %, самооценка – 41 %, самокритика – 34 %, умение расположить к себе других – 32 %. Среди характеристик, относящихся к внешним составляющим культуры самопрезентации педагога, студенты отмечают: грамотность речи – 72 %, форма подачи себя – 63 %, манера поведения – 61 %, внешний вид – 53 %, манера общения – 44 %, презентабельность – 42 %, опрятность – 41 %, мимика – 39 %, умение проявить свои положительные качества в речи – 49 %, лаконичность речи – 37 %, создание общего мнения о себе в обществе – 31 %, оказание благоприятного впечатления на собеседника – 27 %, актерское мастерство – 23 %, умение проявлять свои эмоции – 48 %. Данные анкет показывают, что у студентов более высокий показатель по внутренним составляющим самопрезентации педагога, чем по внешним. Внутренние характеристики преобладают как по частоте встречаемости в высказываниях, так и по широкому спектру предпочтений у студентов (таблица).

Таблица. **Количественный анализ представлений студентов о самопрезентации педагога**
Table. **Quantitative analysis of impression management of a teacher as seen by students**

Метод	Контент-анализ сочинений		Анкетирование	
Составляющие самопрезентации	Характеристики самопрезентации	%	Характеристики самопрезентации	%
Внешняя составляющая самопрезентации	эстетичность	49	умение проявить свои положительные качества в речи	49
	коммуникативность	68	грамотность речи	72
	грамотность речи	43	форма подачи себя	63
	современность в манерах и одежде	45	манера поведения	61
	физическая активность	34	внешний вид	53
			умение проявлять свои эмоции	48
			манера общения	44
			презентабельность	42
			опрятность	41
			мимика	39
			лаконичность речи	37
			создание общего мнения о себе в обществе	31
			оказание благоприятного впечатления на собеседника	27
			актерское мастерство	23
Внутренняя составляющая самопрезентации	образованность	72	образованность	73
	развитость	65	опыт	78
	самосовершенствование	64	воспитанность	71
	ответственность	61	доброжелательность	67
	культурность	57	самосознание	61
	эрудированность	54	знания	58
	уверенность	48	открытость	57
	дисциплинированность	44	скромность	56
	уравновешенность	41	спокойствие	53
	психическая активность	39	навыки	51
	самоуверенность	37	жизненные принципы	48
	мобильность	36	уверенность	47
	внимательность	34	умение слушать	44
	уважительность	33	жизненная позиция	43
	добросовестность	31	самооценка	41
	современность менталитета	63	самокритика	34
	просвещенность	52	умение расположить к себе других	32

Преподаватели и студенты – представители разных поколений, поэтому для их взаимопонимания важно проследить представления студентов о самопрезентации педагогов разных поколений, и интересно, как студенты понимают эти межпоколенные различия. Для этого в анкете был вопрос об отличиях в самопрезентации педагогов старшего и молодого поколения. Среди характеристик, относящихся к внешним составляющим самопрезентации молодого поколения, студенты выделяют: нестрогий стиль – 43 %, неграмотность речи – 29 %, яркие краски во внешнем виде – 27 %, вульгарность – 48 %. Среди внутренних составляющих: свобода и раскованность в общении – 13 %, открытость – 64 %.

Следовательно, в отличиях самопрезентации педагогов старшего и молодого поколения студенты чаще отмечают внешние составляющие, нежели внутренние. При этом среди названных характеристик педагогов молодого поколения чаще встречаются негативные (неграмотность, вульгарность, нестрогий стиль), чем позитивные. К позитивным характеристикам можно отнести свободу и раскованность в общении, а также открытость, что, безусловно, может способствовать эффективному взаимодействию педагога со студентами в образовательном процессе.

Также нами изучались основные затруднения, с которыми сталкиваются будущие педагоги в процессе профессиональной подготовки. Это было необходимым для организации работы по формированию умений самопрезентации у будущих педагогов на базе Центра психологического и социального здоровья молодежи. Среди ответов респонденты выделяют волнение, страх, дрожь (46 %). 37 % респондентов боятся оказаться смешными, непонятыми. 17 % студентов указывают на неуверенность, неумение привлечь аудиторию, контроль над невербальными компонентами общения. Из анкет следует, что студенты испытывают в основном затруднения эмоционального характера. Данные характеристики связаны с эмоциональной саморегуляцией, что вызывает необхо-

димость в организации работы со студентами в этом направлении.

Таким образом, среди характеристик, относящихся к составляющим культуры самопрезентации педагога, студенты выделяют больше внутренних (опыт, образованность, воспитанность, доброжелательность, умения, самосознание, знания, открытость, скромность, спокойствие и т. д.), чем внешних (грамотность речи, умение проявлять свои эмоции, форма подачи себя, манера поведения, внешний вид, манера общения, презентабельность, опрятность, мимика, лаконичность речи и т. д.). В представлениях студентов о самопрезентации педагогов старшего поколения чаще встречаются позитивные характеристики, чем в представлениях о педагогах молодого поколения. Отличия педагогов молодого поколения от старшего поколения по представлениям студентов относятся к негативным характеристикам (неграмотность речи, вульгарность, нестрогий стиль), нежели позитивным. Негативные характеристики относятся к внешним составляющим культуры самопрезентации педагога, а позитивные (раскованность в общении и открытость) – к внутренним составляющим. Затруднения, испытываемые студентами в своей самопрезентации, в основном связаны с эмоциональной саморегуляцией как одной из характеристик внутренней составляющей культуры самопрезентации педагога. Представления студентов о самопрезентации педагога, сформированные в ходе коммуникации с преподавателем, в личном жизненном опыте являются основными составляющими, которые можно учитывать в ходе подготовки квалифицированных специалистов. Для создания позитивного образа педагога студентам необходимо анализировать как внешние, так и внутренние составляющие самопрезентации педагогов разных поколений. С целью повышения профессионального мастерства будущих педагогов нами разработан и апробирован тренинг «Культура самопрезентации в профессиональной деятельности», в котором учитывались выявленные представления.

Литература

1. Михайлова Е. В. Самопрезентация: теории, исследования, тренинг. СПб.: Речь, 2007. 167 с.

2. Глухих С. И. Имидж современного педагога как условие формирования профессиональной компетентности // Народное образование. 2012. № 2. С. 112 – 116.

3. Чекалина А. А. Об особенностях самопрезентации женщин-учителей // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. С. 85 – 88.

4. Семенова Л. Э. Особенности самопрезентации мужчин-педагогов средней школы в контексте их профессиональной деятельности // Психологическая наука и образование. 2008. № 1. С. 82 – 89.

5. Анохина Н. Ф. Самопрезентация учителя в интернет-пространстве // Образовательные технологии. 2012. № 4. С. 135 – 144.

6. Ярошевич О. В. Имидж преподавателя как составляющая качества системы геометро-графической подготовки студентов // Инновационные технологии в инженерной графике: проблемы и перспективы: сборник трудов Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета. Новосибирск, 2015. С. 140 – 149. Режим доступа: http://ng.sibstrin.ru/brest_novosibirsk/2015/doc/034.pdf

7. Иноземцева Л. П. Имидж преподавателя как составляющая его профессиональной личности // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24. С. 231 – 232.

8. Якушева С. Д. Педагогический имидж современного преподавателя высшей школы // Актуальные проблемы педагогики и психологии: материалы международной заочной научно-практической конференции. Новосибирск: Сибирская ассоциация консультантов, 2011. Ч. I. С. 71 – 82.

9. Калюжный А. А. Психология формирования имиджа учителя. М.: ВЛАДОС, 2004. 222 с.

10. Донская Л. Ю. Психологические условия формирования имиджа преподавателя высшей школы: дис. ... канд. психол. наук. Ставрополь, 2004. 212 с.

11. Сысоева Е. Ю. Психолого-педагогические основы формирования имиджевой компетентности преподавателя вуза // Наука и образование: современные тренды. 2014. № 5. С. 156 – 174.

12. Ажниязова З. Р., Исаев М. И. Имидж современного преподавателя вуза глазами студента: результаты эмпирического исследования // Студенческий научный форум 2016: материалы VIII Международной студенческой электронной научной конференции. М.: Российская Академия Естествознания, 2016. Режим доступа: http://www.scienceforum.ru/2016/pdf/21918.pdf

13. Колмогорова Л. С. Становление психологической культуры учащихся в условиях образования: монография. Барнаул: АлтГПА, 2013. 237 с.

14. Колмогорова Л. С., Спиридонова Г. Г. Характеристики самопрезентации в контексте соотношения внутренней и внешней составляющих культуры человека // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 4(53). С. 180 – 182.

15. Спиридонова Г. Г. Культура самопрезентации в профессиональной деятельности педагога // Образование и общество. 2015. Т. 5. № 94. С. 98 – 102.

THE CONCEPT OF IMPRESSION MANAGEMENT OF A TEACHER AS SEEN BY STUDENTS

***Lyudmila S. Kolmogorova*[1, @1], *Galina G. Spiridonova*[1, @2]**

[1] *Altai State Pedagogical University, 55, Molodejnaja St., Barnaul, Russia, 656031*
[@1] *kolmogorova52@mail.ru*
[@2] *gaya10@mail.ru*

Received 30.11.2016.
Accepted 12.04.2017.

Keywords: impression management, professional education, culture of self-presentation, external and internal parts of self-presentation, concept of self-presentation.

Abstract: This article presents a topical issue of impression management of the teacher in professional activity. This paper presents the results of the diagnostic study, which was undertaken among Pedagogical University students. The aim of the study was to identify the representation of students about the teacher's self-presentation. The study describes the findings. There were revealed students' representations about the teachers' self-presentation of the older and younger generation, as well as problems of self-presentation experienced by students, characteristics related to composing of culture of the teacher's self-presentation. Among the characteristics relating to the teacher's impression management, students single out external (verbal intelligence, behavioral pattern, feeding themselves and form, etc.) and internal ones (politeness, openness, self-awareness, etc.). The conclusions of the authors points at the importance of consideration of representations of students about teacher's self-presentation in their training, which can be taken into account in higher education. Ignorance of these representations of students in the educational process makes it difficult to establish contact and to solve pedagogical matters for high school teacher, etc.

For citation: Kolmogorova L. S., Spiridonova G. G. Predstavleniia studentov o samoprezentatsii pedagoga [The Concept of Impression Management of a Teacher as Seen by Students]. *Bulletin of Kemerovo State University,* 2017; (2): 135 – 140. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-135-140.

References

1. Mikhailova E. V. *Samoprezentatsiia: teorii, issledovaniia, trening* [Self-presentation: theories, research, training]. Saint-Petersburg: Rech', 2007, 167.
2. Glukhikh S. I. Imidzh sovremennogo pedagoga kak uslovie formirovaniia professionalnoi kompetentnosti [The image of the modern teacher as a condition of formation of professional competence]. *Narodnoe obrazovanie = Education*, no. 2 (2012): 112 – 116.
3. Chekalina A. A. Ob osobennostiakh samoprezentatsii zhenshchin-uchitelei [About features of self-presentation of women-teachers]. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia = Theory and practice of social development,* no. 3 (2012): 85 – 88.
4. Semenova L. E. Osobennosti samoprezentatsii muzhchin-pedagogov srednei shkoly v kontekste ikh professionalnoi deiatelnosti [Self-presentation in male teachers working in secondary school in the context of their professional activity]. *Psikhologicheskaia nauka i obrazovanie = Psychological science and education,* no. 1 (2008): 82 – 89.
5. Anokhina N. F. Samoprezentatsiia uchitelia v internet-prostranstve [Teacher's self-presentation in the Internet Space]. *Obrazovatelnye tekhnologii = Educational Technology,* no. 4 (2012): 135 – 144.
6. Iaroshevich O. V. Imidzh prepodavatelia kak sostavliaiushchaia kachestva sistemy geometro-graficheskoi podgotovki studentov [The image of the teacher as part of the quality system geometric-graphic preparation of students]. *Innovatsionnye tekhnologii v inzhenernoi grafike: problemy i perspektivy: sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 85-letiiu Novosibirskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitelnogo universiteta* [Innovative technologies in the engineering drawing: problems and prospects: Proc. Intern. Sc.-Prac. Conf. dedicated to the 85th anniversary of the Novosibirsk State Architecture and Construction University]. Novosibirsk, 2015, 140 – 149. Available at: http://ng.sibstrin.ru/brest_novosibirsk/2015/doc/034.pdf
7. Inozemtseva L. P. Imidzh prepodavatelia kak sostavliaiushchaia ego professionalnoi lichnosti [The image of the teacher as part of his professional personality]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Cheliabinsk State University*, no. 24 (2011): 231 – 232.
8. Iakusheva S. D. Pedagogicheskii imidzh sovremennogo prepodavatelia vysshei shkoly [Pedagogical image of modern high school teachers]. *Aktualnyie problemyi pedagogiki i psikhologii: materialy mezhdunarodnoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Actual problems of and psychology: Proc. Intern. correspondence Sc.-Prac. Conf.]. Novosibirsk: Siberian associations of consultants, Part I (2011): 71 – 82.
9. Kaliuzhnyi A. A. *Psikhologiia formirovaniia imidzha uchitelia* [Psycology teacher image formation]. Moscow: VLADOS, 2004, 222.

10. Donskaia L. Iu. *Psikhologicheskie usloviia formirovaniia imidzha prepodavatelia vysshei shkoly*. Diss. kand. psikhol. nauk [Psychological conditions of formation of the image of a high school teacher. Cand. psychol. Sci. Diss.]. Stavropol', 2004, 212.

11. Sysoeva E. Iu. Psikhologo-pedagogicheskie osnovy formirovaniia imidzhevoi kompetentnosti prepodavatelia vuza [Psycho-pedagogical bases of formation of image of the university teacher competency]. *Nauka i obrazovanie: sovremennyie trendy = Science and education: current trends,* no. 5 (2014): 156 – 174.

12. Azhniiazova Z. R., Isaev M. I. Imidzh sovremennogo prepodavatelia vuza glazami studenta: rezultaty empiricheskogo issledovaniia [The reputation of a modern university professor through students' eyes: empirical findings]. *Studencheskii nauchnyi forum 2016: materialy VIII Mezhdunarodnoi studencheskoi elektronnoi nauchnoi konferentsii* [Student scientific forum 2016: Proc. VIII Intern. Student Sc. Conf.]. Moscow: Rossiiskaia Akademiia Estestvoznaniia, 2016. Available at: http://www.scienceforum.ru/2016/pdf/21918.pdf

13. Kolmogorova L. S. *Stanovlenie psikhologicheskoi kultury uchashchikhsia v usloviiakh obrazovaniia* [Formation of psychological culture of pupils in the conditions of education]. Barnaul: AltGPU, 2013, 237.

14. Kolmogorova L. S., Spiridonova G. G. Kharakteristiki samoprezentatsii v kontekste sootnosheniia vnutrennei i vneshnei sostavliaiushchikh kultur cheloveka [Features self-relations in the context of internal and external components of human culture]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniia = The world of science, culture and education,* no. 4(53) (2015): 180 – 182.

15. Spiridonova G. G. Kultura samoprezentatsii v professionalnoi deiatelnosti pedagoga [Self-presentation culture in the professional activity of a teacher]. *Obrazovanie i obshchestvo = Education and society,* 5, no. 94 (2015): 98 – 102.

УДК 159.95+378.6

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СФОРМИРОВАННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БЕЗОПАСНОСТИ У КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА

***Алексей Г. Костоусов*[1, @1], *Михаил С. Иванов*[2, @2]**

[1] *Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 630114, Россия, г. Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, д. 6/2*
[2] *Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@1] *nvinsk@mail.ru*
[@2] *ivanov.mikail@gmail.com*

Поступила в редакцию 22.11.2016.
Принята к печати 17.01.2017.

Ключевые слова: представления о безопасности, интеллект, особенности характера, интернальность личности, ценностно-смысловая сфера личности, военное образование.

Аннотация: В статье представлены результаты исследования взаимосвязи сформированности представлений о безопасности с такими индивидуально-психологическими характеристиками, как интеллект, особенности характера, интернальность личности, особенности ценностно-смысловой сферы личности, которые описываются как психологические факторы сформированности представлений. В качестве испытуемых выступили курсанты военного института войск национальной гвардии РФ, обучение которых предполагает формирование военно-профессиональных компетенций, непосредственно связанных с обеспечением безопасности. Представления о безопасности рассматриваются как сложный смысловой конструкт в сознании курсантов, выступающий одним из основных элементов системы профессиональных представлений военнослужащих. По результатам статистической обработки данных обнаружены значимые корреляции между характеристиками сформированности представлений о безопасности с уровнем интеллекта, отсутствием заострений характерологических черт, осмысленностью жизни, интернальностью личности, зрелостью системы ценностных ориентаций. Выдвинуто предположение о том, что представления о безопасности – это сложный смысловой конструкт в сознании, тесно интегрированный в систему отношений личности, формирующийся во взаимосвязи с развитием личности в целом. Сделано заключение о необходимости оптимизации образовательного процесса в отношении формирования представлений о безопасности в военном образовании.

Для цитирования: Костоусов А. Г., Иванов М. С. Психологические факторы сформированности представлений о безопасности у курсантов военного вуза // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 141 – 150. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-141-150.

Важнейшей задачей военного образования является развитие личности универсального специалиста в области безопасности, соответствующего современному состоянию общества, учитывая глобальные изменения в современном мире, изменившие базовые принципы безопасности и саму культуру обеспечения безопасности. Понятие безопасности является одним из стержневых в военном образовании, Федеральные государственные образовательные стандарты по многим военно-учетным специальностям и направлениям подготовки офицеров, реализуемых сегодня в военных вузах России, включают в себя целый ряд профессиональных компетенций, формируемых в процессе обучения, которые имеют отношение к способности и готовности будущих офицеров обеспечивать безопасность. Следовательно, представления о безопасности являются важной частью формирующихся в процессе обучения профессиональных представлений курсантов, лежащих в основе их профессиональной идентичности.

В нашем военном образовании имеются определенные проблемы с формированием представлений о безопасности при обучении будущих офицеров. Практический опыт работы по обучению курсантов показывает, что они очень по-разному формируют эти представления, как по широте, так и по глубине осмысления понятия безопасности. Индивидуальные различия в формировании представлений о безопасности, очевидно, обусловлены индивидуально-психологическими особенностями курсантов, что определяет актуальность изучения психологических факторов в формировании представлений о безопасности. Таким образом, **задачами** данного исследования выступают:

1) анализ научных подходов к безопасности и представлениям о безопасности в психологии, выделение критериев и оценка уровня сформированности представлений о безопасности;

2) выявление взаимосвязей индивидуально-психологических характеристик (особенностей интеллекта, характера, интернальности, ценностно-смысловой сферы) курсантов с их представлениями о безопасности.

Теоретические подходы к проблеме представлений в психологии весьма разнообразны. Е. И. Рогов отмечает, что термин «представление» трактуется неоднозначно, под ним в психологии, с одной стороны, понимаются

вторичные, чувственные образы предметов, событий и т. д.; с другой стороны, данный термин используют так же, как более общее понятие для обозначения конкретного уровня психического отражения – уровня представлений [1]. Б. Ф. Ломов подчеркивает, что индивидуальные представления являются важнейшим компонентом мировоззрения человека, они выполняют функции регуляторов поведения и проявляются во всех областях деятельности. Значение профессиональных представлений состоит в том, что они связывают воедино общественное, групповое и индивидуальное в сознании и поведении личности [2]. С. Д. Смирнов доказывает, что категория образа является центральной категорией психологии познавательных процессов и подчеркивает, что представления занимают «высшую ступень чувственных образов» [3].

Структуру представлений принято понимать вслед за автором теории социальных представлений С. Московичи, как трехкомпонентную:

1) информация – совокупность знаний об объекте представления, полученная из разных источников;

2) поле представления – характеризует организацию содержания представления;

3) установка, как аффективная составляющая, отражающая отношение человека к объекту представления [4].

Анализируя научные подходы к проблеме безопасности, отметим, что в ***теории безопасности жизнедеятельности*** безопасность понимается как защищенность материального мира и человеческого общества от негативных воздействий различного характера. С позиций *теории национальной безопасности* отдельный человек может отвечать лишь за малую часть своей собственной безопасности – бытовую безопасность. А. А. Прохожий пишет: «Личную безопасность каждый человек может обеспечить себе лишь частично. <…> Основным же инструментом обеспечения безопасности жизнедеятельности призвано быть государство» [5].

Изучая проблему безопасности с позиций ***философии***, Н. Н. Рыбалкин отмечает, что «анализ современных представлений о безопасности показывает, что проблема постижения сущности безопасности и, соответственно, ее понятийного определения остается пока нерешенной, а понятие безопасности, раскрывающее сущность феномена, в настоящее время отсутствует», и предлагает определение понятия «безопасность» с философских позиций: «По своему понятию феномен безопасности представляет собой специфическую форму реализации природы вещей в человеческом существовании, которая порождает рефлексивно-ценностное самоопределение человека по отношению к опасности» [6].

Безопасность изучается и с позиций ***социологии***, в основном через понятие социальной безопасности. Ф. К. Мугулов пишет, что «общее понятие безопасности можно определить как совокупность признаков, характеризующих стабильное состояние защищенности объекта от разного рода угроз и опасностей, действие которых может оказать негативное влияние на его структурную и функциональную целостность вплоть до полного разрушения или неконтролируемой трансформации в другое объектное качество» [7, с. 45].

В психологии проблема безопасности выступает одной из центральных для большинства теоретических направлений. Для гуманистической психологии безопасность выступает как дефицитарная потребность, схожая с физиологическими, которые обязательно должны быть удовлетворены для появления основных, «бытийных» потребностей – в развитии и самореализации. При этом, по мнению А. Маслоу, в основе жизни и развития лежит потребность в самоактуализации; потребность же в безопасности «редко выступает как активная сила, она доминирует только в ситуациях критических, экстремальных, побуждая организм мобилизовать все силы для борьбы с угрозой» [8].

Из современных психологических исследований безопасности в работе И. А. Баевой отмечается, что «безопасность» включает в себя «актуализацию возможностей личности, взгляд на жизненные препятствия, трудности, являющиеся способами выделения ее важности и значимости» [9, с. 50]. Многими авторами отмечается, что состояние безопасности субъективно переживается различными людьми по-разному в сходных ситуациях. Часто утрата защищенности, влекущая нарушение целостности, неизменности устойчивого состояния, не означает разрушение системы, при определенных условиях происходит скачок в ее развитии, качественное изменение характеристик, порождающее новые условия ее взаимодействия со средой, а следовательно, как считает Т. М. Краснянская, и безопасности [10, с. 32]. М. С. Иванов и М. С. Яницкий рассматривают отношение к личной безопасности как самостоятельное психическое явление, представленное на всех уровнях функционирования психики в виде системы избирательных, оценочных отношений личности к внешним и внутренним факторам с позиций угрожающих или не угрожающих безопасности субъекта, определяющих поведение, связанное с обеспечением личной безопасности [11].

Согласно концепции Human Security, которая определяет понимание безопасности в развитых странах и является официальной точкой зрения, продвигаемой ООН, безопасность человека включает не только защищенность от физических угроз, но и «достижение приемлемого качества жизни, гарантию фундаментальных прав человека, верховенства закона, хорошее управление, социальное равенство, защиту граждан в конфликтах и устойчивое развитие» [цит. по: 12].

По результатам теоретического анализа понятия «безопасность» выделены основные составляющие этого понятия, которые, соответственно, могут выступать критериями сформированности представлений человека о безопасности, характеризующими их качество и полноту.

1. Многомерность безопасности. Понятие безопасности описывает сложное и многоплановое явление взаимодействия живого организма с опасностью во всех без исключения ситуациях и сферах его жизнедеятельности. Помимо того, что выделяется несколько видов безопасности (физическая, экономическая, информационная и т. д.) – это лишь одно ее «измерение»; другое измерение касается множества сфер жизнедеятельности, применительно к которым обеспечивается безопасность (личная, бытовая, производственная, национальная безопасность и т. д.), множество сторон жизни, безопасность которых обеспечивается (безопасность здоровья, трудовой занятости, межличностных отношений и т. д.); еще одним измерением может быть многообразие источников угроз безопасности (природа, люди, общество, государ-

ство и т. п.). В самом простом применении этот критерий касается несводимости безопасности к физической безопасности – именно такое узкое представление о безопасности является наиболее распространенным.

2. Динамическая природа безопасности как равновесия между действующими на субъекта силами, представляющими опасность, и силами противодействия этой опасности. Как критерий полноты и качества представлений о безопасности данная характеристика может проявляться в сознании обывателя в виде понимания невозможности полного обеспечения безопасности. Отсутствие угроз, как и наличие абсолютной защиты от угроз, когда вероятность негативных событий и их исходов равняется нулю, есть идеальное состояние, недостижимое в реальности – данный факт утверждается теорией безопасности жизнедеятельности, подтверждается исследованиями в экономических теориях риска, философии безопасности.

3. Наличие в оценках безопасности субъективного компонента. Ощущение себя в безопасности – важнейшее условие для нормального функционирования и развития человека и социальных групп. Известно, что субъективные оценки безопасности обычно расходятся с объективными – обычные граждане, не являющиеся профессионалами, не способны объективно оценить ни серьезность большинства угроз, ни вероятность их наступления, ни степень своей защищенности. И все же субъективный компонент безопасности, представленный психическими проявлениями (ощущение уверенности, чувство спокойствия и т. п.), нельзя отделять от определения безопасности. Поэтому учет субъективного компонента в представлениях человека о безопасности выступает критерием полноты и качества этих представлений.

4. Безопасность в широком смысле – это не только защищенность, но и благополучие; именно в таком значении безопасность выступает условием и целью развития и самореализации человека. Строго говоря, нельзя сказать, что безопасность человека обеспечена, если он не чувствует себя в безопасности, даже если он надежно защищен. Понимание этой неотъемлемой характеристики безопасности, на наш взгляд, является необходимым критерием полноты и качества представлений о безопасности.

Методы и процедуры исследования

Индивидуальные представления о безопасности изучались с помощью формализованного интервью с последующим контент-анализом данных. Единицы контент-анализа определены в соответствии со сформированностью представлений о безопасности, выделенных на этапе теоретического анализа.

Оценка сформированности представлений. В результате контент-анализа определено соответствие или несоответствие выделенным на этапе теоретического анализа критериям сформированности представлений о безопасности для всех испытуемых.

1. Понимание многомерности безопасности. Соответствие критерию определялось по наличию в объяснениях понятий «безопасность» и «безопасность личности» формулировок, прямо указывающих на понимание испытуемым наличия различных сфер безопасности.

2. Понимание невозможности полного обеспечения безопасности. Соответствие критерию определялось на основании решения кейс-задачи, согласно условию которой испытуемых просили объяснить, находятся ли люди, надежно защищенные в убежище, в безопасности.

3. Наличие в оценках безопасности субъективного компонента. Соответствие критерию определялось по содержанию в объяснениях понятий «безопасность» и «безопасность личности» указания на чувства, эмоции, ощущения субъекта безопасности.

4. Понимание безопасности в широком смысле, как не только защищенности, но и благополучия. Соответствующими критерию определены ответы, связанные с пониманием безопасности не только как защищенности, но и как благополучия, комфорта, условий для самореализации и развития.

Процедура экспертной оценки сформированности представлений о безопасности. Помимо оценки соответствия критериям сформированности, представления курсантов о безопасности также были оценены методом экспертной оценки, обусловленной необходимостью оценки внутренней согласованности представлений, указывающей на логичность и глубину понимания испытуемым значения понятия безопасности. Согласованность представлений оценивалась по наличию единых, цельных высказываний о безопасности в ответах на разные вопросы интервью и при решении кейс-задач. Для оценивания использовалась 5-балльная шкала от 1 до 5 с шагом в 0,5 балла.

Диагностика индивидуально-психологических особенностей. Уровень интеллекта диагностировался методикой «Прогрессивные матрицы Равена». Особенности характера диагностировались с помощью методики СМОЛ (Сокращенный многофакторный опросник для исследования личности – сокращенная версия методики MMPI, разработана Дж. Кинкэнноном, адаптирована В. П. Зайцевым), представляющей собой укороченный вариант методики MMPI. Ценностно-смысловые характеристики изучались с помощью методики изучения ценностных ориентаций личности М. Рокича (адаптация Д. А. Леонтьева), «Тест смысложизненных ориентаций» Д. А. Леонтьева. Для диагностики интернальности личности использовалась методика «Уровень субъективного контроля» Е. Ф. Бажина с соавторами. Полученные данные обрабатывались методами математической статистики с применением программы Statistika 6.0.

Базой эмпирического исследования выступил Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск. В исследовании приняли участие 96 курсантов, из которых 50 курсантов 1-го курса (средний возраст 18,5 лет) и 46 курсантов 5-го курса (средний возраст 22,6 лет).

Результаты исследования

Субъективные значения понятия «безопасность». Основой представлений о безопасности выступает субъективное значение понятия «безопасность». Качественный анализ данных интервью позволил выделить смысловые единицы субъективных значений понятия «безопасность» – фразы и словосочетания, которыми испытуемые описывают свое понимание безопасности:

1. *Отсутствие опасности*. Понимание безопасности как отсутствие опасности, угрозы. Например: «Безопас-

ность, я понимаю это так, что когда ты безопасен, значит твоей жизни ничего не угрожает».

2. *Защищенность.* Широкое понимание безопасности как защищенности. Например: «Безопасность – состояние защищенности», «Состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз».

3. *Физическая защита, охрана.* Понимание безопасности в узком смысле как физической защиты, в основном сочетающееся с пониманием безопасности как процесса защиты (в значении охраны) чего-либо или кого-либо. Например: «Безопасность – это защита от противоправных и иных посягательств», «Защита личности от негативных влияний».

4. *Правовая защита.* Узкое понимание безопасности как связанное с правовой защитой, защитой от противоправных действий. Например: «Ограничение от противоправных действий со стороны других граждан и государства».

5. *Психическое состояние.* Понимание безопасности как психического состояния или чувства (уверенности, спокойствия), и другие психологические характеристики в ответах испытуемых. Например: «Безопасность – состояние спокойствия, защищенности граждан, личности и возможность жить и работать на благо своего государства, не задумываясь об опасности».

6. *Защита прав и свобод личности.* К данной категории отнесено любое упоминание о правах и свободах личности, а также об отдельных правах, в частности праве собственности. Например: «Безопасность – комплекс мер, направленных на охрану свободы личности, общества и государства в целях нормальной их жизнедеятельности».

7. *Безопасность как процесс.* Мы отдельно выделили эту категорию, поскольку встретилось большое количество упоминаний безопасности как процесса, т. е. когда испытуемый понимает безопасность не как состояние, а как процесс. Например: «Безопасность – это защита государства и близких мне людей».

8. *Профессиональная деятельность военнослужащего.* Смысловая единица засчитывалась, если в ответе испытуемого содержалась привязка понимания безопасности к профессиональной деятельности. Например: «Безопасность – это когда граждане и государство могут быть уверены в себе и в завтрашнем дне, зная, что им ничего не угрожает, т. к. они находятся под надежной охраной ВВ МВД РФ».

Результаты контент-анализа по встречаемости смысловых единиц в ответах курсантов 1 и 5 курсов приведены в таблице 1.

Таблица 1. **Результаты контент-анализа субъективных значений понятия «безопасность» у курсантов 1 и 5 курсов** (встречаемость смысловых единиц в ответах, %)
Table 1. **The results of the content analysis of the subjective meanings of "security" in 1st and 5th year students** (the occurrence of semantic units in the answers, %)

Смысловые единицы субъективных значений слова «безопасность»	***1 курс (n = 50)***	***5 курс (n = 46)***	***Все (n = 96)***
Отсутствие опасности	24	13	19
Защищенность	32	61	46
Физическая защита, охрана	28	9	19
Правовая защита	16	7	11
Защита прав и свобод личности, собственности	10	4	7
Психическое состояние	18	0	9
Безопасность как процесс	46	28	38
Профессиональная деятельность военнослужащего	20	0	10

Анализируя результаты контент-анализа, отметим, что чаще всего в ответах встречается смысловая единица «защищенность» (46 %), что вполне ожидаемо, поскольку во всех официальных определениях и общеупотребимом значении понятие «безопасность» определяется именно через защищенность. Также часто встречающимся пониманием безопасности оказалось ее понимание как процесса (38 %). Очевидно, что такое понимание является неверным, поскольку процессом является не безопасность, а обеспечение безопасности. Возможно, обнаруженный факт свидетельствует о некотором смешении в сознании курсантов понятий «безопасность» и «обеспечение безопасности». Отметим, что процент таких ошибочных трактовок безопасности снижается в ходе обучения – с 46 % среди первокурсников до 28 % среди выпускников. Снижаются в процессе обучения и другие однобокие и узкие трактовки безопасности – как отсутствия опасности (с 24 % до 13 %), физической защиты (с 28 % до 9 %), правовой защиты (с 16 % до 7 %). Это свидетельствует о формировании более строгой системы представлений о безопасности у курсантов в процессе обучения.

Соответствие представлений о безопасности критериям сформированности

Процентное распределение по соответствию критериям сформированности представлений о безопасности личности среди курсантов 1 и 5 курсов представлено в таблице 2.

Таблица 2. **Соответствие критериям сформированности представлений о безопасности личности среди курсантов 1 и 5 курсов, %**
Table 2. **Eligibility of formation of personal security concepts in 1st and 5th year students, %**

Критерии	*1 курс (n = 50)*	*5 курс (n = 46)*	*Все (n = 96)*
1. Понимание многомерности безопасности	16	26	21
2. Понимание невозможности полного обеспечения безопасности	80	87	83
3. Наличие в оценках безопасности субъективного компонента	24	2	14
4. Безопасность – это не только защищенность, но и благополучие	8	15	11

Характеризуя данные, представленные в таблице 2, можно заметить, что большинство курсантов понимают невозможность полного обеспечения безопасности – этому критерию соответствуют представления 83 % испытуемых. Причем их количество увеличивается от первого к пятому курсу (с 80 % до 87 %). Ситуация с другими критериями несколько иная. Так, понимание многомерности безопасности демонстрируют лишь 21 % курсантов, остальные в большинстве своем считают, что безопасность сводится к физической защите. Однако отметим, что доля соответствующих данному критерию возрастает в процессе обучения (с 16 % до 26 %). Еще меньше курсантов демонстрируют понимание того, что безопасность – это не только защищенность, но и благополучие (11 %), хотя их количество также увеличивается в процессе обучения (с 8 % до 15 %). Ситуация с пониманием субъективности безопасности требует отдельного изучения и объяснения: доля соответствующих данному критерию составляет суммарно 14 %, но, что примечательно, снижается с 24 % на первом курсе до 2 % к пятому курсу.

Результаты экспертной оценки сформированности представлений о безопасности приведены в таблице 3.

Таблица 3. **Результаты экспертной оценки сформированности представлений о безопасности по группам, %**
Table 3. **The results of expert judgment of formation of security concepts by groups, %**

Баллы	*1 курс (n = 50)*	*5 курс (n = 46)*	*Все (n = 96)*
1 балл	18	4	11
От 1,5 до 2 баллов (включительно)	38	22	30
От 2,5 до 3 баллов (включительно)	42	67	54
От 3,5 до 4 баллов (включительно)	2	7	4
Свыше 4 баллов	0	0	0

Средняя оценка по выборке составила M = 2,36 балла (σ = 0,74), по группе курсантов 1 курса M = 2,12 (σ = 0,77), по группе курсантов 5 курса M = 2,62 (σ = 0,62). Процентное распределение по баллам оценки также указывает на повышение уровня сформированности представлений о безопасности от 1 к 5 курсу.

Психологические факторы сформированности представлений о безопасности

Интеллект. Корреляционный анализ показателей интеллекта с характеристиками представлений о безопасности показал существенно различающиеся результаты для групп курсантов 1 и 5 курсов. Вероятно, это свидетельствует о различиях в факторах, определяющих формирование представлений у курсантов на разных курсах обучения. Поэтому здесь и далее будем анализировать корреляции отдельно для разных групп курсантов. В таблице 4 представлены результаты корреляционного анализа (отражены данные только по тем характеристикам представлений, по которым получены значимые корреляции при $p < 0,05$).

Таблица 4. **Корреляции показателей интеллекта и характеристик представлений о безопасности в группах курсантов 1 и 5 курса**
Table 4. **Correlations of intelligence and characteristics of the representations about security in groups of students 1 and 5 year**

Характеристики представлений	*IQ*	*A*	*B*	*C*	*D*	*E*
1 курс						
Оценка сформированности представлений о безопасности	**0,34**	0,12	0,23	0,16	0,13	**0,37**
Наличие смысловой единицы «защита прав и свобод личности» в понятии «безопасность личности»	**0,37**	-0,12	0,05	**0,34**	**0,36**	**0,39**
5 курс						
Понимание субъективного фактора в оценке безопасности	**0,31**	0,13	0,10	0,23	0,12	0,29

Результаты корреляционного анализа показывают, что на 1 курсе качество представлений о безопасности напрямую связаны с уровнем интеллекта – корреляция между экспертной оценкой качества представлений о безопасности и IQ r = 0,34 (значимая при p < 0,05), причем также имеется значимая корреляция со шкалой E (r = 0,37), измеряющей способности к высшим формам абстракции и синтеза. Также за счет интеллекта у курсантов 1 курса достигается верное представление о понятии «безопасность личности» как связанной с защитой прав и свобод личности (r = 0,37).

На группе курсантов 5 курса мы не получили значимой корреляции качества представлений о безопасности с показателями интеллекта. Вероятно, у выпускников качество представлений о безопасности определяется уже другими факторами, например, полученными в процессе обучения знаниями, сформированным профессиональным мировоззрением, жизненным опытом. При этом получена значимая корреляция IQ с оценкой по критерию понимания субъективного фактора в оценке безопасности (r = 0,31). Согласно нашей модели структуры представлений о безопасности, понимание наличия в оценках безопасности субъективного компонента является более сложным этапом в формировании представлений о безопасности и хронологически более поздним. Полученная корреляция согласуется с этими предположениями: у курсантов старшего курса, на фоне сформированных базовых представлений начинают формироваться более сложные, высокие уровни представлений о безопасности, и определяется это формирование снова интеллектом.

Особенности характера. В таблице 5 приведены результаты корреляции шкал СМОЛ с характеристиками представлений о безопасности, по которым получены значимые корреляции, отдельно для групп курсантов 1 и 5 курсов.

Таблица 5. **Корреляции показателей методики СМОЛ и характеристик представлений о безопасности в группах курсантов 1 и 5 курса**
Table 5. **Correlations of Mini-Mult (by James C. Kincannon (in adaptation by V. P. Zaitsev)) values and characteristics of security concepts in 1st and 5th year students**

Характеристики представлений	***Шкалы методики СМОЛ***							
	1	***2***	***3***	***4***	***6***	***7***	***8***	***9***
1 курс								
Смысловая единица «психическое состояние» в понятии «безопасность»	**0,37**	0,16	**0,36**	**0,31**	0,06	0,28	**0,33**	-0,22
Понимание многомерности безопасности	**-0,30**	**-0,39**	-0,25	-0,20	0,18	-0,21	-0,28	0,09
5 курс								
Понимание невозможности полного обеспечения безопасности	0,08	0,29	0,10	0,28	0,02	0,25	0,14	**0,35**

Результаты показывают наличие некоторых взаимосвязей между особенностями характера и представлениями о безопасности, причем эти взаимосвязи различны для групп курсантов 1 и 5 курсов. В группе первокурсников обнаружены значимые корреляции сразу нескольких шкал СМОЛ с наличием в представлениях о безопасности личности смысловой единицы «психическое состояние». Понимающие безопасность как психическое состояние в среднем более педантичны (r = 0,37), демонстративны (r = 0,36), импульсивны (r = 0,31) и индивидуалистичны (r = 0,33) – пользуясь терминологией Л. Н. Собчик, а в клиническом смысле – более невротичны, что, вероятно, и определяет их большее внимание к психологической стороне безопасности личности. Также получены значимые отрицательные корреляции 1-й (r = -0,3) и 2-й (r = -0,39) шкал СМОЛ с пониманием многомерности безопасности. Понимание многомерности безопасности в нашей модели – важный критерий полноты представлений о безопасности, соответствие которому проявляют в нашей выборке 21 % курсантов. Обнаруженная корреляция показывает, что испытуемые с меньшим заострением по слабым шкалам ипохондрии и депрессии чаще достигают такого уровня понимания безопасности. Подобные корреляции не обнаружены в группе курсантов 5 курса, но получена значимая корреляция шкалы оптимистичности (гипомании) с пониманием невозможности полного обеспечения безопасности (r = 0,35).

Интернальность личности. Мы не получили значимых корреляций шкалы общей интернальности методики УСК (методика «Уровень субъективного кнтроля», основанная на Шкале локуса контроля Дж. Роттера в адаптации Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкина и А. М. Эткинда) ни с одной характеристикой представлений о безопасности в группе курсантов 1 курса. При этом в группе курсантов 5 курса получено сразу несколько значимых корреляций по одному из критериев сформированности. Результаты приведены в таблице 6.

Результаты показывают наличие значимых корреляций понимания многомерности безопасности со всеми без исключения шкалами методики УСК, причем корреляция со шкалой общей интернальности наиболее сильная (r = 0,51). Интернальность личности понимается в психологии как условие и индикатор личностной зрелости, интернальность определяет ответственность и серьезность отношения к жизни, сочетается с уровнем осмысленности жизни. Полученные корреляции указывают на взаимосвязь полноты представлений о безопасности с интернальностью личности, а следовательно с личностной зрелостью, ответственностью, осмысленностью. Вероятно, интернальность личности, которая как показатель личностной зрелости формируется с взрослением, начинает определять формирование представлений о безопасности после достижения определенного уровня личностной и профессиональной зрелости, чем и определяется отсутствие корреляций в группе молодых курсантов 1 курса.

Таблица 6. **Корреляции шкал УСК и характеристик представлений о безопасности в группе курсантов 5 курса**
Table 6. **Correlations of Locus of Control Scale (by J. Rotter (in adaptation by E. F. Bazhin, E. A. Golynkin, L. M. Etkind)) values and characteristics of security concepts in 1st and 5th year students**

Характеристики представлений	*Шкалы методики УСК*						
	ИО	*ИД*	*ИН*	*ИС*	*ИП*	*ИМ*	*ИЗ*
Понимание многомерности безопасности	**0,51**	**0,46**	**0,35**	**0,40**	**0,48**	**0,39**	**0,46**

Примечание: в таблице шкалы УСК условно обозначены: ИО – общая интернальность, ИД – интернальность в области достижений, ИН – интернальность в области неудач, ИС – интернальность в семейных отношениях, ИП – интернальность в производственных отношениях, ИМ – интернальность в межличностных отношениях, ИЗ – интернальность в отношении к здоровью.

Особенности смысловой сферы личности. Для изучения смысловых характеристик личности использовалась методика «Смысложизненные ориентации», направленная на изучение уровня осмысленности жизни. По тесту СЖО (тест смысложизненных ориентаций, основан на методике "Цели в жизни" Дж. Крамбо и Л. Махолика, адаптирован Д. А. Леонтьевым) приводятся данные по курсантам только 5 курса, поскольку данная методика дает более качественные результаты на взрослых испытуемых (таблица 7).

Таблица 7. **Результаты корреляционного анализа характеристик представлений о безопасности и показателей методики СЖО** (полужирным выделены коэффициенты корреляции, значимые при $p < 0,05$), $n = 46$
Table 7. **Correlations of Purpose-in-Life Test (by J. Crumbaugh, L. Maholick (in adaptation by D. A. Leontiev)) values and characteristics of security concepts** (correlation coefficients significant at $p < 0,05$ are in bold), $n = 46$

Характеристики представлений о безопасности	*ОЖ*	*Цели*	*Процесс*	*Результат*	*ЛК-Я*	*ЛК-Ж*
Понимание многомерности безопасности	0,29	**0,30**	0,23	0,19	**0,31**	**0,32**
Понимание невозможности полного обеспечения безопасности	**0,37**	**0,45**	**0,31**	**0,33**	**0,32**	**0,33**
Оценка сформированности представлений о безопасности	**0,33**	0,28	**0,35**	0,20	**0,40**	0,30

Корреляционный анализ показывает достаточно высокий уровень взаимосвязи между оценками сформированности представлений о безопасности и показателями осмысленности жизни. Так, получена значимая положительная корреляция между оценкой сформированности представлений о безопасности и общей осмысленностью жизни ($r = 0,33$). Также значимая положительная корреляция имеется между пониманием невозможности полного обеспечения безопасности и общей осмысленностью жизни ($r = 0,37$). Понимание многомерности безопасности также значимо коррелирует с несколькими шкалами СЖО.

Особенности ценностных ориентаций личности. Для изучения ценностных характеристик личности курсантов использовалась методика изучения ценностных ориентаций личности М. Рокича. Результаты корреляционного анализа характеристик представлений о безопасности с рангами ценностей методики М. Рокича представлены в таблицах 8 и 9.

Таблица 8. **Корреляции характеристик представлений о безопасности с рангами терминальных ценностей методики М. Рокича** (полужирным выделены коэффициенты корреляции, значимые при $p < 0,05$), $n = 96$
Table 8. **Correlations of ranges of terminal values of M. Rokeach test and characteristics of security concepts** (correlation coefficients significant at $p < 0,05$ are in bold), $n = 96$

Характеристики представлений о безопасности	*Жизненная мудрость*	*Интересная работа*	*Продуктивная жизнь*	*Свобода*	*Творчество*
Понимание многомерности безопасности	-0,11	-0,18	-0,01	-0,06	0,05
Понимание невозможности полного обеспечения безопасности	-0,02	**-0,31**	-0,13	**0,23**	**0,25**
Наличие в оценках безопасности субъективного компонента	0,14	-0,12	0,06	0,01	0,11
Понимание безопасности как благополучия	**-0,22**	-0,14	**0,29**	0,08	0,02

Таблица 9. **Корреляции характеристик представлений о безопасности с рангами инструментальных ценностей методики М. Рокича** (полужирным выделены коэффициенты корреляции, значимые при p < 0,05), n = 96
Table 9. **Correlations of ranges of instrumental values of M. Rokeach test and characteristics of security concepts** (correlation coefficients significant at p < 0,05 are in bold), n = 96

Характеристики представлений о безопасности	***Воспитанность***	***Независимость***	***Рационализм***	***Самоконтроль***	***Твердая воля***
Понимание многомерности безопасности	0,13	**0,28**	**-0,23**	-0,04	0,00
Понимание невозможности полного обеспечения безопасности	0,14	0,07	-0,15	-0,14	**-0,24**
Наличие в оценках безопасности субъективного компонента	**-0,23**	0,16	-0,01	-0,12	0,00
Понимание безопасности как благополучия	-0,04	**0,23**	**-0,21**	**-0,32**	0,04

Результаты корреляционного анализа терминальных ценностей показывают взаимосвязь между качеством представлений о безопасности и ценностями интересной работы и жизненной мудрости. Менее предпочтительными ценностями при повышении уровня сформированности представлений о безопасности, становятся продуктивная жизнь свобода и творчество.

Из инструментальных ценностей, значимость которых наиболее сильно коррелирует с повышением уровня сформированности представлений о безопасности, выделяются рационализм и самоконтроль. Наоборот, при повышении уровня сформированности представлений о безопасности снижается значимость ценности независимости.

Выводы

1. Безопасность является сложным понятием, интегрирующим в сознании представления о многих аспектах жизни. На основании теоретического анализа выделены психологически значимые составляющие понятия «безопасность», выступающие критериями сформированности представлений о безопасности: многомерность безопасности, невозможность полного обеспечения безопасности, неотделимость переживания безопасности субъектом от его фактической безопасности и несводимость безопасности к защищенности.

Выделенные критерии теоретически обоснованы и апробированы при изучении представлений о безопасности в эмпирическом исследовании, показав значимые корреляции с различными психологическими характеристиками, что свидетельствует в пользу их валидности.

2. Уровень сформированности представлений о безопасности у большинства курсантов военного вуза может быть охарактеризован как недостаточно соответствующий заданным критериям. У выпускников оценки в среднем несколько выше, чем у первокурсников, что свидетельствует о повышении качества представлений о безопасности в процессе обучения, но все же сохраняются на низком уровне относительно использованных критериев.

Полученные результаты подтверждают предположение о существовании определенных проблем с формированием представлений о безопасности при обучении будущих офицеров, а следовательно и их профессиональных компетенций, связанных с представлениями о безопасности. Сохраняется ориентация на традиционное и устаревшее понимание безопасности как физической защищенности, вопреки требованиям к профессиональным компетенциям современного офицера как разностороннего специалиста, способного обеспечивать многие виды безопасности в различных сферах.

3. Результаты показывают, что формирование представлений о безопасности определяется целым рядом различных психологических характеристик, причем как индивидных, так и личностных. Так, установлена значимая связь представлений о безопасности с уровнем интеллекта, причем с взрослением курсантов интеллект определяет формирование все более сложных элементов представления. Также обнаружены взаимосвязи заострений черт характера, в основном астенических – ипохондричности, депрессивности, демонстративности, с «психологизированием» представлений о безопасности у испытуемых, когда безопасность сводится к ощущению безопасности.

Ценностно-смысловые характеристики личности – особенности системы ее ценностных ориентаций, осмысленность жизни – также взаимосвязаны с характеристиками представлений о безопасности. Показано, что курсанты с более зрелой системой ценностей, ориентированной на более серьезное и ответственное отношение к жизни и службе, обладают и более полными и сформированными представлениями о безопасности. Исследованием наглядно показана и роль смысловых процессов в формировании представлений о весьма сложном понятии безопасности – курсанты, отличающиеся более высокой осмысленностью жизни, указывающей на более высокий уровень функционирования процессов осмысления, характеризуются и более высоким уровнем сформированности представлений о безопасности.

Полученные результаты указывают на то, что представления о безопасности занимают весомое место в системе отношений личности. Обеспечение безопасности, личной безопасности – актуальная задача для каждого человека, не только профессионала. Жизнь и деятельность человека можно рассматривать как обеспечение безопасности – именно качеством обеспечения безопасности определяется качество жизни, эффективность деятельности и, в конечном счете, развитие. В этой связи можно предположить, что представления о безопасности интегрируют и воплощают в себе отношение к различным аспектам жизни.

Сказанное позволяет сделать вывод о необходимости определенного переосмысления подходов к военному образованию. Если задачей военного образования является развитие личности универсального специалиста по безопасности, соответствующего современному состоянию общества, то следует обратить большее внимание на формирование у курсантов более полных и качественных представлений о безопасности. Причем образовательная задача касается не только расширенного информирования обучающихся о разносторонности безопасности, но и побуждению и направлению процессов осмысления у будущих офицеров своей профессиональной роли в деле обеспечения безопасности личности, общества и государства.

Литература

1. Рогов Е. И. Профессиональные представления субъекта деятельности: содержательный аспект // Современная парадигма исследования профессиональных представлений / под ред. Е. И. Рогова. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2014. 252 с.

2. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.

3. Смирнов С. Д. Мир образов и образ мира как парадигмы психологического мышления // Мир психологии. 2003. № 4. С. 18 – 31.

4. Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 1. С. 3 – 18.

5. Общая теория национальной безопасности: учебник / под общ. ред. А. А. Прохожева. М.: Изд-во РАГС, 2002. 320 с.

6. Рыбалкин Н. Н. Природа безопасности: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2003. 407 с.

7. Мугулов Ф. К. Безопасность личности: теоретические и прикладные аспекты социологического анализа: монография. Сочи: РИО СИМБиП, 2003. 243 с.

8. Маслоу А. Г. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 479 с.

9. Баева И. А. Психологическая безопасность в образовании. СПб.: Союз, 2002. 271 с.

10. Краснянская Т. М. Безопасность человека: психологический аспект: учебное пособие / под ред. А. В. Непомнящего. Ставрополь: Пресса, 2005. 216 с.

11. Иванов М. С., Яницкий М. С. Отношение к личной безопасности: понятие, структура, ценностная вариативность // Психология отношений в постнеклассической парадигме: сб. ст. Белово: Изд-во филиала КузГТУ; Велико-Тырново: Изд-во ун-та «Св. Кирилла и Св. Мефодия», 2015. С. 54 – 69.

12. Ноянзина О. В. Использование концепции Human Security в изучении социальной безопасности // Известия Алтайского государственного университета. 2010. Вып. № 1-2. С. 199 – 202.

PSYCHOLOGICAL FACTORS OF FORMATION OF SECURITY CONCEPTS IN MILITARY HIGH SCHOOL CADETS

***Aleksej G. Kostousov*[1, @1], *Mihail S. Ivanov*[2, @2]**

[1] *Novosibirsk Military Institute of the National Guard of the Russian Federation, 6/2, Kliuch-Kamyshenskoe Plato St., Novosibirsk, Russia, 630114*
[2] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@1] *nvinsk@mail.ru*
[@2] *ivanov.mikail@gmail.com*

Received 22.11.2016.
Accepted 17.01.2017.

Keywords: security representations, intelligence, character, internality of person, value-semantic sphere of person, military education.

Abstract: The article presents the results of studies on the relationship of formation of security concepts and individual psychological characteristics, such as intelligence, character traits, internality of person, value-semantic sphere of the person described as psychological factors of representations. The subjects were students of Military Institute of the Russian Federation of the National Guard troops, whose training involves the formation of military-professional competences directly related to security. Representations about security are considered as a complex semantic construct in the minds of students, is one of the basic elements of professional representations system. According to the results of statistical data, we found significant correlations between the characteristics of security concepts and the level of intelligence, lack of cusps of character traits, a meaningful life, internality personality, maturity of the system of value orientations. It is suggested that security representations is a complex construct in the mind, which is closely integrated in the individual relations, emerging in connection with the development of the whole person. It is concluded that the educational process should be improved in respect of the formation of the security concepts in military education.

For citation: Kostousov A. G., Ivanov M. S. Psikhologicheskie faktory sformirovannosti predstavlenii o bezopasnosti u kursantov voennogo vuza [Psychological Factors of Formation of Security Concepts in Military High School Cadets]. *Bulletin of Kemerovo State University,* 2017; (2): 141 – 150. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-141-150.

References

1. Rogov E. I. Professional'nye predstavleniia sub"ekta deiatel'nosti: soderzhatel'nyi aspekt [Professional representation of the subject of activity: meaningful aspect]. *Sovremennaia paradigma issledovaniia professional'nykh predstavlenii* [Modern paradigm of research of professional representations]. Ed. Rogov E. I. Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovaniia, 2014, 252.

2. Lomov B. F. *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii* [Methodological and theoretical problems of psychology]. Moskow: Nauka, 1984, 444.

3. Smirnov S. D. Mir obrazov i obraz mira kak paradigmy psikhologicheskogo myshleniia [The world of images and the image of the world as a paradigm of psychological thinking]. *Mir psikhologii = World of psychology*, no. 4 (2003): 18 – 31.

4. Moskovichi S. Sotsial'noe predstavlenie: istoricheskii vzgliad [Social representations: a historical look]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 16, no. 1 (1995): 3 – 18.

5. *Obshchaia teoriia natsional'noi bezopasnosti* [The general theory of national security]. Ed. Prokhozhev A. A. Moskow: Izd-vo RAGS, 2002, 320.

6. Rybalkin N. N. *Priroda bezopasnosti*. Diss. doktora filos. nauk [Security Nature. Dr. Philos. Sci. Diss.]. Moskow, 2003, 407.

7. Mugulov F. K. *Bezopasnost' lichnosti: teoreticheskie i prikladnye aspekty sotsiologicheskogo analiza* [Human Security: theoretical and applied aspects of sociological analysis]. Sochi: RIO SIMBiP, 2003, 243.

8. Maslow A. G. *Motivatsiia i lichnost* [Motivation and Personality]. Saint-Petersburg: Euroasia, 1999, 479.

9. Baeva I. A. *Psikhologicheskaia bezopasnost' v obrazovanii* [Psychological safety in education]. Saint-Petersburg: Soiuz, 2002, 271.

10. Krasnianskaia T. M. *Bezopasnost' cheloveka: psikhologicheskii aspect* [Human security: the psychological aspect]. Stavropol: ZAO Pressa, 2005, 216.

11. Ivanov M. S., Yanitskiy M. S. Otnoshenie k lichnoi bezopasnosti: poniatie, struktura, tsennostnaia variativnost' [Attitude to Personal Security: Concept, Structure, Value Variation]. *Psikhologiia otnoshenii v postneklassicheskoi paradigme* [Psychology of relations in the post-nonclassical paradigm]. Belovo: Izd-vo filiala KuzGTU; Veliko-Tyrnovo: Izd-vo un-ta «Sv. Kirilla i Sv. Mefodiia», 2015, 54 – 69.

12. Noianzina O. V. Ispol'zovanie kontseptsii Human Security v izuchenii sotsial'noi bezopasnosti [Using the Human Security concept in the study of social security]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = The News of Altai State University*, no. 1-2 (2010): 199 – 202.

УДК 159.9.072

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ С УЧЕТОМ ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ НА ЭТАПЕ ПОДГОТОВКИ К ШКОЛЕ И НАЧАЛА ОБУЧЕНИЯ

Наталья П. Кривошеина[1, @1], Александр И. Федоров[2, @2], Эдуард М. Казин[2, @2], Ирина А. Свиридова[1, @3], Наталья Н. Кошко[1, @1], Марина С. Коломеец[1, 2, @1]

[1] Кузбасский региональный центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Здоровье и развитие личности», Россия, 650023, г. Кемерово, пр. Ленина, 126а
[2] Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6
[@1] opvc-valeo@mail.ru
[@2] valeol@kemsu.ru
[@3] opvc@mail.ru

Поступила в редакцию 20.06.2016.
Принята к печати 20.09.2016.

Ключевые слова: гендерные особенности детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста, психофизиологические особенности развития, адаптация, регуляция сердечного ритма, признаки дефицита внимания, признаки социально-психологических дефицитов, половые различия.

Аннотация: В статье проведен анализ особенностей физиологической адаптации и темпов психофизиологического развития детей подготовительных групп детского сада и 1 – 2 классов гимназии. Выявлены различия нейродинамических показателей, физиологической адаптации и степени активности вегетативной нервной системы у детей 6 – 8 лет с учетом гендерных особенностей. Установлено, что независимо от возраста мальчики характеризуются более низким уровнем развития психических функций, меньшей уравновешенностью процессов возбуждения и торможения в центральной нервной системе, при этом более высокой скоростью зрительно-моторной реакции. Для них свойственна более высокая степень напряжения регуляторных механизмов. Среди мальчиков чаще выявляются лица с признаками дефицита внимания и социально-психологических дефицитов. У девочек отмечаются наиболее оптимальные для соответствующего возрастного периода нейродинамические показатели, уровень развития психических функций, отмечается преимущественно сбалансированное или парасимпатическое влияние на сердечный ритм и чаще отмечается удовлетворительное функциональное состояние.

Для цитирования: Кривошеина Н. П., Федоров А. И., Казин Э. М., Свиридова И. А., Кошко Н. Н., Коломеец М. С. Особенности психофизиологического развития и адаптации детей с учетом гендерных особенностей на этапе подготовки к школе и начала обучения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 151 – 157. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-151-157.

В последние годы значительное внимание уделяется анализу проблем, возникающих у детей в связи с началом школьного обучения. Возраст 6 – 8 лет является одним из сенситивно-критических этапов индивидуального развития, когда происходят выраженные структурно-функциональные перестройки, сопровождающиеся существенными изменениями показателей физического развития и увеличением функционального напряжения психовегетативных механизмов регуляции. Трудность данного периода развития обусловлена также резкой сменой социальных условий – поступлением в общеобразовательную школу, что в сочетании с высокими физическими нагрузками может предъявлять чрезмерные требования к адаптационным возможностям организма и приводить к развитию дезадаптивных состояний [1 – 7].

Ряд исследователей подчеркивают необходимость подбора содержания, форм и методов обучения в соответствии с половозрастными особенностями школьников. Особое значение половая дифференциация проявляется в дошкольном и младшем школьном возрасте и играет огромную роль в процессе социализации личности ребенка, адаптации к окружающим условиям, в том числе к школе [8 – 10]. К началу обучения в школе девочки и мальчики характеризуются целым рядом полодетерминированных особенностей различного генеза, что необходимо учитывать в образовательном процессе.

В этой связи особенно остро стоит проблема раннего выявления внутренних рисков развития дезадаптивных форм поведения для того, чтобы выработать наиболее адекватные стратегии образовательной политики с учетом пола и возраста детей, индивидуальных психологических, психофизиологических особенностей организма.

Половые различия заключаются, прежде всего, в темпах созревания центральной нервной системы. Девочки рождаются более зрелыми детьми, чем мальчики. К 7-ми годам у девочки головной мозг имеет высокую степень готовности к обучению, готовность же мальчиков к обучению определяется только к 8 годам. При поступлении в школу мальчики как бы младше девочек по своему биологическому возрасту на год. Однако общепринято считать возрастом школьной готовности 7-летний возраст, независимо от половой принадлежности. Утомление также неодинаково сказывается на работе мозга детей разного пола. У мальчиков при этом больше страдают левополушарные процессы (связанные с речевым мышлением, логическими операциями), а у девочек – правополушарные (образное мышление, пространственные отношения, эмоциональное самочувствие) [6; 11].

Методика исследования

Для выявления признаков дефицитов развития на ранних стадиях использовался тест Тулуз-Пьерона [12] и методика выявления факторов риска социально-психологической дезадаптации детей 6 – 8 лет [13]. У всех обследованных детей проводилась оценка нейродинамических и психодинамических показателей с использованием автоматизированного психофизиологического комплекса "Статус ПФ" [14], изучение функциональных возможностей и особенностей вегетативной регуляции сердечного ритма с использованием автоматизированной кардиоритмографической программы «ORTO Expert» [15].

Статистическая обработка полученных данных проводилась с использованием программы «STAT.EXE». За достоверные отличия принимались отличия при $p < 0,05$.

Проведено комплексное психофизиологическое и социально-психологическое обследование детей 6 – 8 лет обоего пола в количестве 621 человек, из них 315 мальчиков и 306 девочек: 152 дошкольника, 255 первоклассников и 214 обучающихся 2-х классов образовательных организаций г. Кемерово.

Результаты исследования и их обсуждение

Психофизиологические показатели детей обследуемых групп в основном соответствовали возрастным нормам [15; 16]. Проведение теста РДО показало преобладание процессов возбуждения у большинства детей 6 – 8 лет количество реакций и среднее время реакции опережения у них больше, чем запаздывание, что характерно для данного возраста [2]. Половые различия проявляются в достоверно большом ($p < 0,05$) среднем времени отклонения у мальчиков по сравнению с девочками, что говорит о нестабильности нервной системы у мальчиков, а также в более высокой скорости зрительно-моторной реакции у мальчиков по сравнению с девочками, установлено, что у лиц мужского пола подвижность нервных процессов выше. Девочки независимо от возраста характеризуются достоверно меньшим средним временем реакций отклонения и меньшим средним временем реакций опережения, что указывает на более высокую степень уравновешенности нервных процессов лиц женского пола (таблица 1). Полученные данные совпадают с другими литературными исследованиями по данной проблеме [6; 11].

Средние значения объёма внимания и образной памяти у детей всех групп соответствуют средним возрастным нормам. Однако девочки по сравнению с мальчиками характеризуются более высокими показателями объема внимания, а в первых классах эти отличия являются существенными ($p < 0,05$). Также у девочек отмечаются более высокие показатели образной памяти, а в группе дошкольников образная память достоверно выше у девочек по сравнению с мальчиками. Полученные результаты, с одной стороны, свидетельствуют о более высоких темпах психофизиологического созревания девочек по сравнению с мальчиками, а с другой стороны, могут быть связаны с большей распространённостью среди мальчиков признаков дефицита внимания [17; 18]. Как правило, дети с признаками дефицита внимания характеризуются пониженной работоспособностью, замедленным темпом мышления, сниженной памятью, эмоционально-волевой недостаточностью, незрелостью высших психических функций [11; 18 – 22].

Таблица 1. **Средние значения психодинамических и нейродинамических показателей мальчиков и девочек 6 – 8 лет**
Table 1. **The midscore of psychodynamic and neurodynamic figures in 6 – 8 year-old boys and girls**

Показатель	***Пол***	***Дети подготовительных групп***	***Учащиеся 1 классов***	***Учащиеся 2 классов***
Образная память, балл	М	6,13 ± 0,23*	6,59 ± 0,17	7,11 ± 0,17
	Д	7,1 ± 0,16*	7,1 ± 0,2	7,2 ± 0,18
Объем внимания, балл	М	4 ± 0,17	4,28 ± 0,15*	4,78 ± 0,16
	Д	4,17 ± 0,19	4,85 ± 0,18	4,87 ± 0,16
Точность выполнения теста Тулуз-Пьерона, балл	М	0,81 ± 0,02*	0,88 ± 0,01	0,9 ± 0,01
	Д	0,89 ± 0,02*	0,9 ± 0,01	0,91 ± 0
ЛППЗМР (латентный период простой зрительно-моторной реакции), мс	М	470,82 ± 18,79	389,16 ± 6,61*	369,23 ± 9,02*
	Д	475,86 ± 14,06	415,55 ± 8,05*	425,45 ± 12,11*
РДО сред (среднее время реакций отклонения), мс	М	93,11 ± 6,91	71,36 ± 4,79*	58,69 ± 2,34*
	Д	84,82 ± 6,03	53,7 ± 3,14*	43,91 ± 2,83*
РДО О СРЕД (среднее время реакций опережения), мс	М	121,43 ± 15,51*	106,6 ± 10,85*	92,02 ± 7,32
	Д	71,95 ± 11,52*	71,91 ± 5,46*	84,35 ± 7,02

Примечание: М – мальчики, Д – девочки, (*) – достоверность различий при $p < 0,05$.

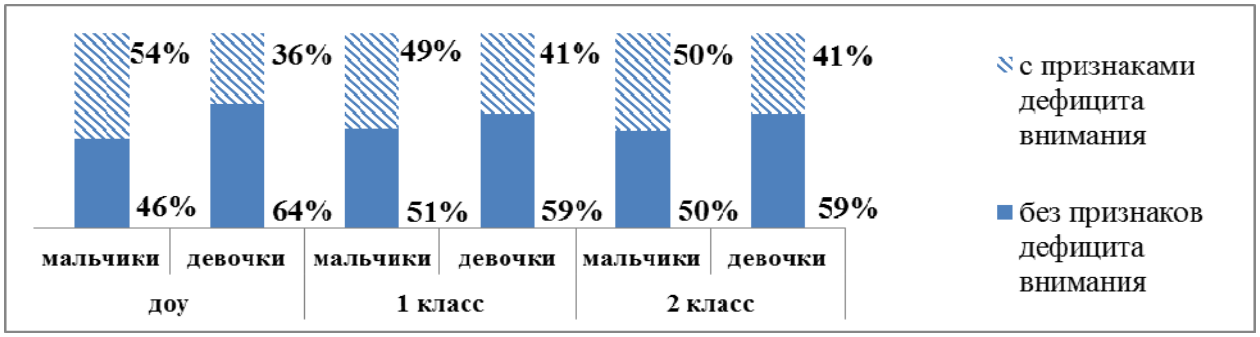

Рис. 1. ***Распределение мальчиков и девочек 6 – 8 лет по наличию и отсутствию признаков дефицита внимания***
Fig. 1. ***Distribution of 6 – 8 year-old boys and girls according to presence or absence of attention deficit signs***

Уровень развития произвольного внимания (концентрация, устойчивость и переключаемость внимания), определяемые по тесту Тулуз-Пьерона, согласно возрастным нормативам [12] в каждой возрастной группе не достигает слабого уровня (возрастная норма для детей подготовительной группы и 1 класса составляет от 0,92 балла, а для детей 2 класса – от 0,93 баллов), что обусловлено значительным количеством среди обследуемых, детей, у которых были выявлены признаки дефицита внимания (рис. 1). У мальчиков уровень развития произвольного внимания достоверно ниже в подготовительной группе и несущественно ниже в 1 и 2 классах.

Увеличение школьной нагрузки оказывает влияние не только на развитие когнитивной сферы, но и на развитие эмоционально-волевой и мотивационно-потребностной сфер личности [6]. По данным нашего исследования, количество лиц с признаками социально-психологических дефицитов существенно больше у учащихся 1 – 2 классов, как среди мальчиков, так и среди девочек (рис. 2). Выявлено увеличение числа лиц с признаками социально-психологических дефицитов у детей, имеющих признаки дефицита внимания, что может быть обусловлено повышенными требованиями к тем свойствам, которые у этих детей недостаточны или ослаблены. Незрелость функций головного мозга, отвечающих за регуляцию, контроль и планирование поведения, приводит к уязвимости саморегуляторной сферы человека, включает в себя дефициты эмоционально-волевой сферы и самостоятельных форм поведения (нарушение способности заботиться о себе, навыков самоорганизации, самообслуживания) [2; 13; 18; 20; 23; 24].

Рис. 2. ***Распределение мальчиков и девочек 6 – 8 лет по наличию и отсутствию признаков социально-психологических дефицитов***
Fig. 2. ***Distribution of 6 – 8 year-old boys and girls according to presence or absence of psychosocial deficit signs***

Сердечно-сосудистая система может рассматриваться как один из чувствительных индикаторов адаптационных реакций организма на внешние воздействия. Метод кардиоритмографии позволяет выявить особенности вегетативного обеспечения регуляторных механизмов, характер выраженности симпатических либо парасимпатических влияний на сердечно-сосудистую систему кровообращения, спрогнозировать функциональное состояние организма в условиях различных нагрузок и провести оценку адаптационных возможностей.

Анализиз статистических показателей и показателей волновой структуры сердечного ритма в покое и ортостатической пробе у детей 6 – 8 лет выявил достоверные различия в зависимости от пола (таблица 2).

Сравнение особенностей регуляции сердечного ритма в покое и различий проявляется в значительном преобладании симпатических влияний на сердечный ритм у мальчиков по сравнению с девочками, что свойственно для детей этого возраста. Об этом свидетельствуют достоверно более высокие значения индекса напряжения в ортостазе у мальчиков (410,07 ± 16,35*), по сравнению с девочками (335,51 ± 15,62*), уменьшение вариационного размаха у мальчиков (0,15 ± 0,01*), а также достоверное увеличение у мальчиков мощности диапазона медленных волн 1-го порядка (2450,48 ± 405,48*), отражающих симпатическую активность вегетативной нервной системы и увеличение показателя LFHF, отражающего более низкую сбалансированность симпатического и парасимпатического отдела ВНС мальчиков.

Величина вариационного размаха достоверно выше у девочек 2-х классов, что связано с увеличением тонуса парасимпатического отдела ВНС. Полученные половые различия связаны с опережающим развитием девочек и активизацией парасимпатического отдела ВНС в регуляции сердечного ритма [3; 11].

Таблица 2. **Средние значения вегетативных показателей мальчиков и девочек 6 – 8 лет**
Table 2. **The midscore of vegetal figures in 6 – 8 year-old boys and girls**

Показатель	*Пол*	*Дети подготовительных групп*	*Учащиеся 1 классов*	*Учащиеся 2 классов*
М, в покое	М	0,68 ± 0,01	0,68 ± 0,01	0,67 ± 0,01
	Д	0,67 ± 0,01	0,68 ± 0,01	0,64 ± 0,01
SDNN, в покое	М	0,06 ± 0	0,06 ± 0	0,06 ± 0
	Д	0,06 ± 0	0,05 ± 0	0,05 ± 0
АМО в покое, %	М	38,67 ± 1,57	46,71 ± 2,19	41,28 ± 1,39
	Д	40,24 ± 1,58	45,64 ± 1,59	41,47 ± 1,27
ИН в покое, у.е.	М	166,52 ± 13,78	258,27 ± 26,41	182,49 ± 17,23
	Д	165,77 ± 16,25	250,31 ± 24,05	175,44 ± 14,7
Х в покое, сек.	М	0,25 ± 0,01	0,24 ± 0,01	0,26 ± 0,01
	Д	0,26 ± 0,01	0,25 ± 0,01	0,23 ± 0,01
ЧСС в покое, уд/мин.	М	89,04 ± 1,19	91,97 ± 1,29	89,65 ± 0,85
	Д	90,69 ± 0,97	94,56 ± 1,11	89,68 ± 0,85
LF, мс²	М	1672,15 ± 161,22	1685,24 ± 131,86	2450,48 ± 405,48*
	Д	1865,16 ± 176,11	1606,88 ± 162,54	1219,32 ± 72,16*
LFHF, у. е.	М	2,37 ± 0,2*	1,82 ± 0,13	2,5 ± 0,21*
	Д	1,83 ± 0,14*	2,1 ± 0,14	1,95 ± 0,15*
М, в ортостазе	М	0,59 ± 0,01	0,59 ± 0	0,56 ± 0,01
	Д	0,58 ± 0,01	0,6 ± 0,01	0,55 ± 0
SDNN, в ортостазе	М	0,03 ± 0	0,04 ± 0	0,04 ± 0
	Д	0,04 ± 0	0,04 ± 0	0,03 ± 0
АМО в ортостазе, %	М	57,08 ± 1,97	54,97 ± 1,64	51,33 ± 1,37
	Д	53,76 ± 2,06	58,22 ± 1,4	50,54 ± 1,3
ИН в ортостазе, у. е.	М	347,45 ± 22,94	410,07 ± 16,35*	294,94 ± 16,35
	Д	345,06 ± 26,76	335,51 ± 15,62*	286,21 ± 18,2
Х в ортостазе, сек.	М	0,17 ± 0,01	0,15 ± 0,01*	0,19 ± 0,01
	Д	0,17 ± 0,01	0,18 ± 0,01*	0,19 ± 0,01
ЧСС в ортостазе уд/мин.	М	102,74 ± 1,04	108,14 ± 1,12	103,33 ± 0,86
	Д	104,88 ± 1,11	109,43 ± 1,02	101,66 ± 0,9

Примечание: М – мальчики, Д – девочки, (*) – достоверность различий при $p < 0,05$.

Анализ интегрального заключения о функциональном состоянии организма детей 6 – 8 лет показал, что распределение детей на группы по уровням функционального состояния значительно отличается по полу (рис. 3). Значительное количество представителей с неудовлетворительным функциональным состояние организма среди мальчиков 6 – 8 лет, что, возможно, объясняется большим количеством лиц мужского пола с признаками дефицитов развития. Полученные данные согласуются с многочисленными исследованиями о влиянии на функциональное состояния организма детей 6 – 8 лет таких факторов, как: завершение периода полуростового скачка и адаптация к началу обучения в школе, которые оказывают негативное влияние на показатели функционального состояния организма детей [4].

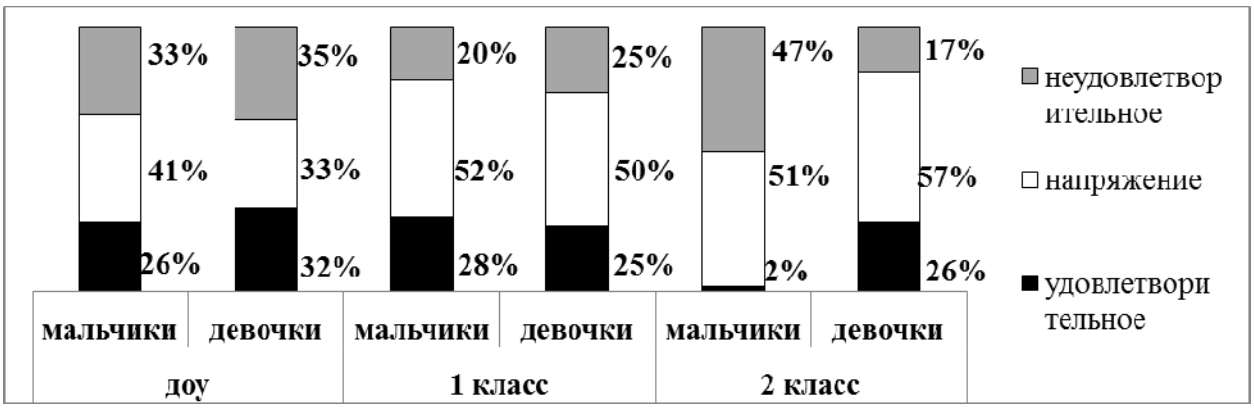

Рис. 3. ***Функциональное состояние мальчиков и девочек 6 – 8 лет***
Fig. 3. ***Functional condition of 6 – 8 year-old boys and girls***

По результатам нашего исследования отмечено, что лица с признаками дефицита внимания и социально-психологических дефицитов чаще встречаются среди учащихся 1 – 2 классов. Причем среди мальчиков признаки дефицита внимания и социально-психологических дефицитов регистрируются чаще во всех возрастных группах, что может обуславливать неудовлетворительное функциональное состояние и напряжение регуляторных процессов с выраженным симпатическим влиянием на регуляцию сердечного ритма, отмечаемое преимущественно у лиц мужского пола. Девочки характеризуются преобладающей активностью парасимпатического отдела ВНС и сбалансированной регуляции, что можно расценивать как условие, способствующее усилению адаптационных механизмов в организме.

В ходе исследования достоверно установлено, что девочки независимо от возраста характеризовались достоверно высокими значениями объема внимания, памяти, более сбалансированными процессами возбуждения и торможения центральной нервной системы, что говорит об их своевременном психофизиологическом развитии и достаточно оптимальном функционировании центральной нервной системы.

Исходя из полученных результатов, следует отметить более медленные темпы процессов психофизиологического созревания у мальчиков, что создает целый спектр трудностей в адаптации к окружающим условиям и успешной социализации. В вязи с этим необходимо дальнейшее исследование физиологических и психологических особенностей детей с учетом пола в целях осуществления адекватной, своевременной помощи в развитии, воспитании и обучении детей, особенно с признаками дефицита внимания и социально-психологических дефицитов, а также прогностической оценки возможностей социально-педагогической адаптации мальчиков и девочек на начальном этапе обучения в школе.

Литература

1. Вереина А. Г., Кондратенко Е. И. Изменение адаптационного потенциала старших дошкольников в течение учебного года и физиологическое обоснование его коррекции // Естественные науки. 2011. № 1. С. 101 – 105.

2. Дубровинская Н. В., Фарбер Д. А., Безруких М. М. Психофизиология ребенка: психофизиологические основы детской валеологии: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС. 2000. 1444 с.

3. Заваденко Н. Н., Петрухин А. С., Манелис Н. Г., Успенская Т. Ю., Суворинова Н. Ю., Борисова Т. Х. Школьная дезадаптация: психоневрологическое и нейропсихологическое исследование // Вопросы психологии. 1999. № 4. С. 21 – 28.

4. Звягина Н. В., Морозова Л. В. Некоторые особенности психофизиологического потенциала детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста // Альманах «Новые исследования». М.: Вердана. 2004. С. 176 – 177.

5. Кайгородова Н. З. Оптимизация вхождения ребёнка в школу в контексте здоровья школьников. Барнаул: Алт. ун-т, 2008. 157 с.

6. Кошко Н. Н. Влияние экологических и социальных факторов в период раннего онтогенеза на морфофункциональный и психофизиологический статус семилетних детей: дис. … канд. биол. наук. Барнаул, 2012. 148 с.

7. Лурье С. Б., Селятицкая В. Г., Касаткина Н. Э., Блинова Н. Г., Литвинова Н. А., Свиридова И. А., Шорин Ю. П., Федоров А. И., Коваленко Н. В. Адаптация и здоровье. Теоретические и прикладные аспекты: коллективная монография / под ред. Э. М. Казина. Кемерово: КРИПКиПРО, 2008. 299 с.

8. Бреслав Г. М., Хасан Б. И. Половые различия и современное школьное образование // Вопросы психологии. 1990. № 2. С. 64 – 69.

9. Бужигеева М. Ю. Гендерные особенности детей на начальном этапе обучения // Педагогика. 2002. № 8. С. 29 – 34.

10. Кривошеина Н. П., Федоров А. И., Казин Э. М., Свиридова И. А., Кошко Н. Н., Коломеец М. С. Особенности взаимосвязи между показателями социально психологической и физиологической адаптации детей старшего дошкольного возраста с различной степенью дефицитов развития // Валеология. 2015. № 2. С. 53 – 58.

11. Сиротюк А. Л. Дифференцированное обучение младших школьников с учетом индивидуально-психологических особенностей: дис. … д-ра психол. наук. М., 2004. 420 с.

12. Федоренко Е. Ю. Выявление риска зависимости у детей 6 – 8 лет: методическая разработка. Красноярск, 2008. 17 с.

13. Морозова А. В. Возрастные особенности психофизиологических механизмов обеспечения мотивационно-обусловленной интеллектуальной деятельности детей 4 – 8 лет. СПб., 2003. 258 с.

14. Иванов В. И., Литвинова Н. А., Березина М. Г. Оценка психофизиологического состояния организма человека. Роспатент № 2001610233.

15. Галлеев А. Р. Использование показателей сердечного ритма для оценки функционального состояния школьников с учётом их возрастных особенностей и уровня двигательной активности: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Новосибирск, 1999. 20 с.

16. Блинова Н. Г., Игишева Л. Н., Литвинова Н. А., Федоров А. И. Практикум по психофизиологической диагностике: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС, 2000. 128 с.

17. Weissman A. S., Chu B. C., Reddy L. A., Mohlman J. Attention Mechanisms in Children with Anxiety Disorders and in Children with Attention Deficit Hyperactivity Disorder: Implications for Research and Practice // Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology. 2012. Vol. 41. № 2. P. 117 – 126.

18. Barkley R. A. Issues in the diagnosis of attention-deficit / hyperactivity disorder in children // Brain & Development. 2003. Vol. 25. P. 383 – 389.

19. Добрин А. В. Специфика вариабельности кардиоритма детей 7 – 8 лет в процессе эмоциональной нагрузки // Вестник психофизиологии. 2013. № 4. С. 29 – 37.

20. Хаспекова Н. Б., Чечельницкая С. М., Чиркова О. Ю. Вариабельность сердечного ритма в исследовании возрастной динамики вегетативной регуляции у здоровых детей 5 – 14 лет // Школа здоровья. 1999. Т. 6. № 4. С. 66 – 78.

21. Ясюкова Л. А. Оптимизация обучения и развития детей с ММД – Тест Тулуз-Пьерона: методическое руководство / доп. и перераб. СПб.: ИМАТОН, 2007. 104 с.

22. Max J. E., Manes F. F., Robertson B. A., Mathews K., Fox P. T., Lancaster J. Prefrontal and executive attention network lesions and the development of attention-defcit/hyperactivity symptomatology // J Am Acad Child Adolesc Psychiatry. 2005. Vol. 44. P. 443 – 450.

23. Shaw P., Lerch J., Greenstein D., Sharp W., Clasen L., Evans A., Giedd J., Castellanos F. X., Rapoport J. Longitudinal mapping of cortical thickness and clinical outcome in children and adolescents with attention-deficit/hyperactivity disorder // Arch Gen Psychiatry. 2006. Vol. 63. P. 540 – 549.

24. Qin S., Young Ch. B., Supekar K., Uddin L. Q., Menon V. Immature integration and segregation of emotion-related brain circuitry in young children // Proc. Natl. Acad. Sci. USA. 2012. V. 109. № 20. P. 7941.

FEATURES OF PSYCHOPHYSIOLOGICAL DEVELOPMENT AND ADAPTATION OF BOYS AND GIRLS AT THE STAGE OF PREPARATION FOR SCHOOL AND THE BEGINNING OF SCHOOL EDUCATION

Natalia P. Krivosheina[1, @1], Alexander I. Fedorov[2, @2], Eduard M. Kazin[2, @2], Irina A. Sviridova[1, @3], Natalia N. Koshko[1, @1], Marina S. Kolomeets[1, 2, @1]

[1] Kuzbass Regional Center of Psychological, Pedagogical, Medical and Social Assistance «Health and Development of the Personality», 126a, Lenina Pr., Kemerovo, Russia, 650023
[2] Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000
[@1] opvc-valeo@mail.ru
[@2] valeol@kemsu.ru
[@3] opvc@mail.ru

Received 20.06.2016.
Accepted 20.09.2016.

Keywords: boys and girls, senior preschool and younger school age, psycho-physiological features of the development, adaptation, regulation of heart rhythm, signs of attention deficit, symptoms of social and psychological deficits, sex differences.

Abstract: The article features the analysis of features of physiological adaptation and the rate of physiological development in boys and girls of preparatory kindergarten groups and 1 – 2 grades of grammar school. The analysis points out the differences of neurodynamic indicators, physiological adaptation and the degree of activity of the autonomic nervous system among 6 – 8 year-old boys and girls. It has been found that, regardless of age, boys are characterized by a lower level of development of mental functions, lower balance of processes of excitation and inhibition in the central nervous system, with faster visual-motor response. They are characterized by a higher degree of tension of regulatory mechanisms. Individuals with symptoms of attention deficit and social-psychological deficits are often detected in this group. Girls display neurodynamic indicators that are most optimal for the corresponding age period, a high level of mental functions development; in this group we observed mainly balanced or parasympathetic influence on heart rate and more satisfactory functional state.

For citation: Krivosheina N. P., Fedorov A. I., Kazin E. M., Sviridova I. A., Koshko N. N., Kolomeets M. S. Osobennosti psikhofiziologicheskogo razvitiia i adaptatsii detei s uchetom gendernykh osobennostei na etape podgotovki k shkole i nachala obucheniia [Features of Psychophysiological Development and Adaptation of Boys and Girls at the Stage of Preparation for School and the Beginnings of School Education]. *Bulletin of Kemerovo State University,* 2017; (2): 151 – 157. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-151-157.

References

1. Vereina A. G., Kondratenko E. I. Izmenenie adaptatsionnogo potentsiala starshikh doshkol'nikov v techenie uchebnogo goda i fiziologicheskoe obosnovanie ego korrektsii [Change of adaptation potential of the senior preschool children within academic year and physiological justification of his correction]. *Estestvennye nauki = Natural sciences*, no. 1 (2011): 101 – 105.

2. Dubrovinskaia N. V., Farber D. A., Bezrukikh M. M. *Psikhofiziologiia rebenka: psikhofiziologicheskie osnovy detskoi valeologii* [Psychophysiology child. Psychophysiological bases valeology child]. Moscow: Vlados, 2000, 144.

3. Zavadenko N. N., Petrukhin A. S., Manelis N. G., Uspenskaia T. Iu., Suvorinova N. Iu., Borisova T. Kh. Shkol'naia dezadaptatsiia: psikhonevrologicheskoe i neiropsikhologicheskoe issledovanie [School disadaptation: psychoneurological and neuropsychological research]. *Voprosy psikhologii = Psychology questions*, no. 4 (1999): 21 – 28.

4. Zviagina N. V., Morozova L. V. Nekotorye osobennosti psikhofiziologicheskogo potentsiala detei starshego doshkol'nogo i mladshego shkol'nogo vozrasta [Some features of psychophysiological potential of children of the advanced preschool and younger school age]. *Al'manakh «Novye issledovaniia»* [Almanac «New researches»]. Moscow: Verdana, 2004, 176 – 177.

5. Kaigorodova N. Z. *Optimizatsiia vkhozhdeniia rebenka v shkolu v kontekste zdorov'ia shkol'nikov* [Optimization of entry of the child into school in the context of health of school students]. Barnaul: Alt. Un-t, 2008, 157.

6. Koshko N. N. *Vliianie ekologicheskikh i sotsial'nykh faktorov v period rannego ontogeneza na morfofunktsional'nyi i psikhofiziologicheskii status semiletnikh detei*. Diss. kand. biol. nauk [Influence of ecological and social factors during early ontogenesis on the morfofunktsionalny and psychophysiological status of seven-year-old children. Cand. biol. Sci. Diss.]. Barnaul, 2012, 148.

7. Lur'e S. B., Seliatitskaia V. G., Kasatkina N. E., Blinova N. G.., Litvinova N. A., Sviridova I. A., Shorin Iu. P., Fedorov A. I., Kovalenko N. V. *Adaptatsiia i zdorov'e. Teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Adaptation and health. Theoretical and application-oriented aspects: collective monograph]. Ed. Kazin E. M. Kemerovo: KRIPKiPRO, 2008, 299.

8. Breslav G. M., Khasan B. I. Polovye razlichiia i sovremennoe shkol'noe obrazovanie [Sexual distinctions and modern school education]. *Voprosy psikhologii = Psychology questions*, no. 2 (1990): 64 – 69.

9. Buzhigeeva M. Iu. Gendernye osobennosti detei na nachal'nom etape obucheniia [Gender features of children at the initial stage of training]. *Pedagogika = Pedagogics*, no. 8 (2002): 29 – 34.

10. Krivosheina N. P., Fedorov A. I., Kazin E. M., Sviridova I. A., Koshko N. N., Kolomeets M. S. Osobennosti vzaimosviazi mezhdu pokazateliami sotsial'no psikhologicheskoi i fiziologicheskoi adaptatsii detei starshego doshkol'nogo vozrasta s razlichnoi stepen'iu defitsitov razvitiia [Features of interrelation between indicators of socially psychological and physiological adaptation of children of the advanced preschool age with various degree of deficiencies of development]. *Valeologiia = Valueology*, no. 2 (2015): 53 – 58.

11. Sirotiuk A. L. *Differentsirovannoe obuchenie mladshikh shkol'nikov s uchetom individual'no-psikhologicheskikh osobennostei.* Diss. doktora biol. nauk [The differentiated training of younger school students taking into account individual and psychological features. Dr. biol. Sci. Diss.]. Moscow, 2004, 420.

12. Fedorenko E. Iu. *Vyiavlenie riska zavisimosti u detei 6 – 8 let* [Identification of risk of dependence at children of 6 – 8 years]. Krasnoiarsk, 2008, 17.

13. Morozova A. V. *Vozrastnye osobennosti psikhofiziologicheskikh mekhanizmov obespecheniia motivatsionno-obuslovlennoi intellektual'noi deiatel'nosti detei 4 – 8 let* [Age features of psychophysiological mechanisms of ensuring the motivational caused intellectual activity of children of 4 – 8 years]. Saint-Petersburg, 2003, 258.

14. Ivanov V. I., Litvinova N. A., Berezina M. G.. *Otsenka psikhofiziologicheskogo sostoianiia organizma cheloveka* [Assessment of a psychophysiological condition of a human body]. Rospatent no. 2001610233.

15. Galeev A. R. *Ispol'zovanie pokazatelei serdechnogo ritma dlia otsenki funktsional'nogo sostoianiia shkol'nikov s uchetom ikh vozrastnykh osobennostei i urovnia dvigatel'noi aktivnosti*. Avtoref. diss. kand. biol. nauk [Use of indicators of a warm rhythm for an assessment of a functional condition of school students taking into account their age features and level of physical activity. Cand. biol. Sci. Diss. Abstr.]. Novosibirsk, 1999, 20.

16. Blinova N. G., Igisheva L. N., Litvinova N. A., Fedorov A. I. *Praktikum po psikhofiziologicheskoi diagnostike* [Workshop on psychophysiological diagnostics]. Moscow: VLADOS, 2000, 128.

17. Weissman A. S., Chu B. C., Reddy L. A., Mohlman J. Attention Mechanisms in Children with Anxiety Disorders and in Children with Attention Deficit Hyperactivity Disorder: Implications for Research and Practice. *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*, 41, no. 2 (2012): 117 – 126.

18. Barkley R. A. Issues in the diagnosis of attention-deficit / hyperactivity disorder in children. *Brain & Development*, vol. 25 (2003): 383 – 389.

19. Dobrin A. V. Spetsifika variabel'nosti kardioritma detei 7 – 8 let v protsesse emotsional'noi nagruzki [Specifics of variability of a cardiorhythm of children of 7 – 8 years in the course of emotional loading]. *Vestnik psikhofiziologii = Messenger of psychophysiology*, no. 4 (2013): 29 – 37.

20. Khaspekova N. B., Chechel'nitskaia S. M., Chirkova O. Iu. Variabel'nost' serdechnogo ritma v issledovanii vozrastnoi dinamiki vegetativnoi reguliatsii u zdorovykh detei 5 – 14 let [Variability of a warm rhythm in research of age dynamics of vegetative regulation at healthy children of 5 – 14 years]. *Shkola zdorov'ia = School of health*, 6, no. 4 (1999): 66 – 78.

21. Iasiukova L. A. *Optimizatsiia obucheniia i razvitiia detei s MMD – Test Tuluz-P'erona* [Optimization of training and development of children with MMD – Toulouse-Pyerona Test]. Saint-Petersburg: IMATON, 2007, 104.

22. Max J. E., Manes F. F., Robertson B. A., Mathews K., Fox P. T., Lancaster J. Prefrontal and executive attention network lesions and the development of attention-defcit/hyperactivity symptomatology. *J Am Acad Child Adolesc Psychiatry,* vol. 44 (2005): 443 – 450.

23. Shaw P., Lerch J., Greenstein D., Sharp W., Clasen L., Evans A., Giedd J., Castellanos F. X., Rapoport J. Longitudinal mapping of cortical thickness and clinical outcome in children and adolescents with attention-deficit/hyperactivity disorder. *Arch Gen Psychiatry*, vol. 63 (2006): 540 – 549.

24. Qin S., Young Ch. B., Supekar K., Uddin L. Q., Menon V. Immature integration and segregation of emotion-related brain circuitry in young children. *Proc. Natl. Acad. Sci. USA*, 109, no. 20 (2012): 7941.

УДК 159.9.07

ЭФФЕКТ АСИММЕТРИИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ АКТИВАЦИИ ПРИ НЕОСОЗНАВАЕМОМ ПОНИМАНИИ МНОГОЗНАЧНОЙ ЛЕКСИКИ

***Алена П. Крюкова*[1, @1, *], *Андрей Ю. Агафонов*[1, @2, *], *Дмитрий Д. Козлов*[1, @3, *], *Юрий Е. Шилов*[1, @4, *]**

[1] *Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, 34*
[@1] *kryukova.1991@bk.ru*
[@2] *aa181067@yandex.ru*
[@3] *ddkozlov@gmail.com*
[@4] *sheloves@samsu.ru*

Поступила в редакцию 06.12.2016.
Принята к печати 12.04.2017.

Ключевые слова: неосознаваемое понимание, многозначная лексика, прайминг-эффекты, ассоциативный эксперимент, эффект асимметрии семантической активации.

Аннотация: Статья посвящена проблеме восприятия и обработки многозначной информации. Рассмотрены различные экспериментальные эффекты понимания семантически неопределенных стимулов (слов-омонимов, реверсивных фигур), в том числе и на неосознаваемом уровне. Анализ показал, что до момента экспликации одного значения многозначного стимула происходит имплицитное понимание нескольких значений. В проведенном исследовании ставилась цель обнаружить эффект асимметрии семантической активации при неосознаваемом восприятии многозначной информации (слов-омонимов).

Описаны процедуры и результаты двух экспериментов. В Эксперименте 1 использовалась техника прайминга. В качестве праймов выступали многозначные слова. Испытуемые были случайно разделены на четыре группы (две экспериментальных и две контрольных). Испытуемым экспериментальных групп предъявляли неосознаваемые праймы, и затем после зрительной маскировки демонстрировали два слова, только одно из которых имело семантическую связь с одним из значений прайма. Различия в стимульных наборах, используемых в экспериментальных группах, касались только тех слов, которые могли быть связаны с одним или другим значением прайма. Слова, не имеющие смысловой связи со значениями прайма, были идентичными. Всем испытуемым, в том числе и контрольных групп, после предъявления слов необходимо было как можно быстрее произвольно выбрать одно из двух, используя клавиши «влево» или «вправо». Полученные результаты в целом подтверждают гипотезу об асимметрии семантической активации. Испытуемые выбирали слава, связанные с одним значением омонима, значимо чаще, чем с другим его значением.

В Эксперименте 2 испытуемых просили давать ассоциативные реакции, связанные с теми же словами, которые в качестве праймов использовались в Эксперименте 1. Результаты показали, что более сильная ассоциативная связь между праймом и многозначным стимулом способствует возникновению прайминг-эффекта, в то время как слабая ассоциативная связь приводит к тому, что прайминг-эффект может оказаться незначительным или отсутствовать.

Проведенное исследование позволяет сделать выводы, что при имплицитном понимании многозначного слова альтернативные значения актуализируются сразу, но в разной степени, что отражается на дальнейшей когнитивной активности. Этот феномен был обозначен нами как эффект асимметрии семантической активации. На неосознаваемом уровне такого рода асимметрия проявляется в разнице величины прайминг-эффектов, на осознаваемом – в легкости вербальных ассоциаций, связанных с соответствующим значением многозначного слова.

**** Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта, поддержанного РФФИ (№ 16-06-00110).***

Для цитирования: Крюкова А. П., Агафонов А. Ю., Козлов Д. Д., Шилов Ю. Е. Эффект асимметрии семантической активации при неосознаваемом понимании многозначной лексики // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 158 – 163. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-158-163.

Многозначная информация по определению предполагает различные варианты интерпретации. Многозначной может быть лексика (например, слова-омонимы) или же реверсивные фигуры (так называемые двойственные изображения).

К настоящему времени накоплен довольно значительный объем экспериментального материала, который свидетельствует о том, что имплицитно воспринимаются все значения многозначной информации [1; 2]. Как правило, эксперименты, в которых удается это обнаружить, построены с использованием техники прайминга (подробнее см.: [3; 4]). Данный экспериментальный метод предполагает использование стимулов, которые предваряют решение некоторой когнитивной задачи. Чаще ис-

пользуются неосознаваемые стимулы (в большинстве случаев, слова), предъявляемые на время, недостаточное для их осознания (10 – 30 мс). Кроме этого применяют специальную зрительную маскировку прайм-стимуляции.

В контексте обсуждаемой проблематики показательным является исследование Н. С. Куделькиной. В качестве праймов она предъявляла реверсивные фигуры (например, «ваза-лица», «утка-заяц» и др.). После маскированного прайма на короткое время экспонировалось слово, относящееся к одной из трех групп: а) слова, семантически связанные с одним изображением двойственной фигуры; б) слова, семантически связанные со вторым изображением; и в) слова, не связанные ни с одним изображением. Сначала слова предъявлялись на время, за которое их нельзя было прочитать. Затем экспозиция последовательно увеличивалась на 5 мс. Задача испытуемых состояла в опознании предъявленных слов. В результате был обнаружен позитивный праймингэффект как в случае, если слова соответствовали одному изображению фигуры, так и в том случае, когда они имели смысловую связь с альтернативным изображением. Таким образом, понимание каждого значения многозначного стимула происходит даже при неосознанном восприятии, что, в свою очередь, существенно влияет на решение целевой задачи [5].

Отдельным направлением исследований в обозначенной тематической области является имплицитное понимание многозначной лексики. Исследования показывают, что эффект актуализации всех значений длится около 200 мс после начала экспозиции многозначного слова [6]. Можно с большой степенью уверенности утверждать, что перед тем как осознанно понять одно значение многозначного слова, человек имплицитно понимает оба значения. Согласно концепции А. Ю. Агафонова, «механизм принятия решения об осознании осуществляет актуальный выбор одного из множества неосознаваемых вариантов понимания действительности» [7, с. 14]. Иначе говоря, экспликация одного из значений многозначного слова является следствием неосознаваемого выбора из семантического множества.

В рамках решения проблемы понимания многозначности важной задачей является выявление факторов, влияющих на принятие решения о том, какое значение будет эксплицировано. Среди таких факторов выделяют, например, субъективные установки, структурную организацию стимулов [5], а также один из определяющих факторов, а именно контекст, в котором предъявляется многозначная информация [8]. Например, слова «цветы» и «аромат» способствуют пониманию слова «кисть» в значении «ветка сирени», тогда как слово «картина» или «краски» приводят к осознанию «кисти» в качестве «инструмента художника». Процесс понимания лексической неоднозначности в зависимости от контекста исследовали К. Райнер и Л. Фразир. В экспериментальной процедуре они фиксировали скорость движения глаз, точки и время фиксации взгляда. На предварительном этапе эксперимента одно из значений многозначных слов акцентировали с помощью контекста. Затем на основном этапе испытуемым предъявляли предложения, содержащие эти слова. Результаты показали: в условиях, если предварительный и основной контексты совпадали, время движения глаз при чтении предложений было существенно меньше, чем в случае, когда контексты различались, то есть когда акцентировались разные значения (испытуемые в этом случае дольше смотрели на многозначные слова и чаще возвращались к ним) [6].

В свою очередь, Д. А. Суинни в качестве осознаваемых праймов использовал многозначные слова, которые были ранее восприняты испытуемым в определенном контексте. Например, одним из стимулов в эксперименте было слово «жучки» (bugs), означающее либо подслушивающие устройства, либо насекомых. Испытуемым предъявляли два слова. Первое слово в паре – «жучки». Вторым членом пары были слова «муравей», «шпион» либо нейтральное слово (например, «шить»). Результаты продемонстрировали, что слова «муравей» и «шпион» распознаются быстрее, чем нейтральные слова, то есть те, которые не связаны ни с одним значением многозначного стимула [9]. Даже независимо от предшествующего контекста до момента осознания происходит латентная активизация всех значений многозначного слова. Только после этого совершается выбор того значения, которое соответствует ранее осознанному контексту. Аналогичную трактовку этого экспериментального результата предложил Дж. Андерсон. Он отмечает, что различные значения семантически неопределенного слова на короткое время активизируются, но затем благодаря контексту «очень быстро выбирается подходящее значение» [10, с. 384]. Вполне солидарное мнение высказывает С. Пинкер: «…мозг с ходу выдает обе словарные статьи для слова «жучок», несмотря на то, что одну из них было бы разумно заранее отклонить. Неподходящее значение не задерживается в сознании надолго. … Возможно, именно поэтому люди отрицают, что они хоть как-то принимают во внимание неподходящее значение» [11, с. 201, 202].

Многозначную лексику используют в качестве стимульного материала также при изучении памяти. Так, Т. М. Мамина показала, что омонимы без предварительной актуализации значений воспроизводятся хуже по сравнению с однозначными словами. Однако акцентирование одного или нескольких значений делает воспроизведение многозначных слов более продуктивным, чем однозначных [12].

Анализ экспериментальных данных дает основания полагать, что в когнитивной системе человека имеет место функциональное различие между эксплицитной и имплицитной системами обработки многозначной информации. В этой связи М. Г. Филиппова и Н. В. Морошкина выдвинули гипотезу о наличии двух видов контроля. Неосознаваемый контроль включает в себя следующие этапы: актуализация всех значений; выбор и осознание одного значения с активным подавлением других; ослабление подавления. Осознаваемый контроль, по мнению авторов, нужен тогда, когда осознаны несколько значений и часть из них необходимо игнорировать [13].

Стоит заметить, что выбор единственного значения из множества потенциальных альтернатив является недостаточным условием для его экспликации. Ранее было высказано предположение о том, что реализация сделанного выбора должна осуществляться функционально специфичным когнитивным оператором, который условно может быть назван рефлексивным механизмом. Его функция заключается в трансляции информации, выбранной для осознания, в область актуально осознавае-

мого содержания сознания. Субъективное переживание (квалиа) в момент экспликации возникает, таким образом, на этапе рефлексии сделанного выбора – завершающей стадии микрогенеза осознания [1].

Несмотря на обилие экспериментальных данных, исследователи практически не обсуждают вопрос о том, существуют ли различия в восприятии и понимании разных значений многозначной стимуляции. Как правило, констатируется только сам факт неосознаваемой семантической обработки нескольких значений многозначного воздействия. Вместе с тем резонно предположить, что омоним или реверсивная фигура имеют значения с априорно разной доступностью для осознания. Иначе говоря, по всей видимости, в процессе имплицитного понимания альтернативные значения семантически неопределенного стимула активизируются в разной степени. Таким образом, наша гипотеза состоит в том, что при неосознанном восприятии многозначной информации будет иметь место эффект асимметрии семантической активации. В этой связи целью исследования являлось обнаружение эффекта асимметрии семантической активации разных значений в процессе неосознаваемого понимания многозначной лексики. Нами было проведено специальное исследование, включающее в себя два эксперимента.

Эксперимент 1. *Зависимость осознаваемых решений в условиях бинарного выбора от неосознаваемой многозначной лексики*

В эксперименте приняло участие в общей сложности 60 человек в возрасте от 17-ти до 49-ти лет обоих полов. Испытуемые были разделены на четыре группы (две экспериментальных и две контрольных), по 15 человек в каждой. В экспериментальных группах (ЭГ1 и ЭГ2) использовалась техника прайминга. В контрольных группах (КГ1 и КГ2) прайм-стимуляция отсутствовала. Компьютерная программа, предназначенная для проведения процедуры и фиксации реакций испытуемых, была разработана с использованием пакета PsychoPy (1.82.01).

Процедура эксперимента заключалась в следующем. Испытуемым экспериментальных групп в качестве неосознаваемых праймов предъявлялись многозначные слова: *лук, язык, лист, ручка, коса, кран, ключ, кисть*. Время экспозиции праймов – 25 мс. После этого использовалась зрительная маскировка в виде штриховки. Время предъявления маски составило 100 мс. После исчезновения маски испытуемому в центре экрана предъявляли два слова, одно из которых имело семантическую связь с одним из значений многозначного прайма. Например, после предъявления прайм-стимула «кран» предъявлялась пара слов «вода» и «шапка». Различия в стимульных наборах, используемых в ЭГ1 и ЭГ2, касались только тех слов, которые могли быть связаны с одним или другим значением многозначного прайма. Слова, не имеющие смысловой связи со значениями прайма, были идентичными для всех групп. Так, например, после прайма «лук» в ЭГ1 демонстрировалась пара слов «стрела» и «кресло», а в ЭГ2 – «укроп» и «кресло»; после прайма «коса» в ЭГ1 предъявлялась пара «дорога – волосы», в то время как в ЭГ2 – «дорога – трава». Положение нейтральных и семантически связанных слов в паре было определено случайным образом и сохранялось для всех испытуемых во всех группах. Иначе говоря, если нейтральное слово предъявлялось в определенной паре слева, то так происходило для всех испытуемых, независимо от того, в какую группу они входили. В КГ1 процедура была аналогичной условиям для ЭГ1 (за исключением прайм-стимуляции), в КГ2 воспроизводилась процедура для ЭГ2.

Всем испытуемым после предъявления на экране слов было необходимо как можно быстрее произвольно выбрать одно из двух, используя клавиши «влево» или «вправо». В инструкции указывалось, что при выборе нужно опираться на собственные основания. После нажатия соответствующей клавиши слова исчезали с экрана. Новая стимульная ситуация инициировалась нажатием клавиши «пробел». Время реакции испытуемого не учитывалось.

Результаты и их обсуждение

Согласно исходному предположению, в экспериментальных группах испытуемые будут выбирать слова, связанные со значением омонимичного прайма, чаще, чем эти же слова будут выбирать испытуемые в контрольной группе в отсутствии какой-либо прайм-стимуляции. (Далее в тексте будем называть такие слова, связанные по смыслу с праймом-омонимим в экспериментальной группе, целевыми, независимо от того, о какой группе идет речь – об экспериментальной или контрольной, в которой никакой прайм-стимуляции не было). Для определения статистической значимости обнаруженных различий был использован точный критерий Фишера, рассчитанный с помощью пакета StatSoft Statistica v.10.0. Полученные результаты представлены в таблице.

Таблица. **Выборы целевых слов в экспериментальных и контрольных группах и статистическая значимость различий между ними**
Table. **Choices of target words in experimental and control groups and statistical significance between them**

	Группа					
	ЭГ1	КГ1	ЭГ2	КГ2	ЭГ1+ЭГ2	КГ1+КГ2
Общее кол-во выборов	120	120	120	120	240	240
Кол-во выборов целевых слов	60	58	78	61	138	119
% выборов целевых слов	50%	48,33%	65%	50,83%	57,5%	49,58%
Значимость различий	p=0,897		p=0,036		p=0,099	

Как следует из представленных результатов, ожидаемое различие было обнаружено при сравнении ЭГ2 и контрольной групп, в то время как количество выборов целевых слов в ЭГ1 и КГ1 значимо не отличалось. Как следствие, сравнение объединенных экспериментальных

и контрольных групп едва достигает статистической значимости на уровне тенденции.

Более внимательный анализ показывает, что в трех группах из четырех – в ЭГ1 и в обоих контрольных – выбор целевого стимула не отличается от равномерного случайного распределения (то есть вероятности выбора 1/2; во всех случаях $p>0,8$), в то время как в ЭГ2 целевые слова выбираются неслучайно чаще ($p=0,013$). Таким образом, было обнаружено отсутствие влияние прайма в ЭГ1 и существенное влияние – в ЭГ2. Этот факт требует объяснения, поскольку изначально слова из каждой пары целевых стимулов, связанных по смыслу с многозначным праймом, были отнесены к стимульному ряду в ЭГ1 или ЭГ2 случайным образом, а потому различия между ЭГ1 и ЭГ2 изначально не предполагались. Возможно, это связано с тем, что при восприятии многозначного слова активация различных его значений неравнозначна: одно значение активируется сильнее и оказывает большее влияние на дальнейшую когнитивную деятельность, другое – меньшее. В этой связи можно говорить о большей готовности к восприятию и переработке определенного значения омонима (см. [14]) или большей доступности этого значения для осознания и дальнейшего использования в когнитивной деятельности [15; 16], о большем «весе» одного значения в сравнении с альтернативным. Иначе говоря, об асимметрии их семантической активации. Эта асимметрия, вероятно, должна проявляться как для неосознаваемой когнитивной активности, так и на уровне осознанного восприятия слов: более доступные значения должны также легче и быстрее осознаваться. Вполне возможно, что в ЭГ2 целевые стимулы оказались связанными с более доступными значениями прайма, чем в ЭГ1. Для проверки этой гипотезы был проведен дополнительный эксперимент.

Эксперимент 2. *Ассоциативные реакции на многозначные слова*

Процедура представляла собой классический ассоциативный эксперимент. В качестве стимулов использовались те же самые многозначные слова, что и в Эксперименте 1. Участвовало 20 добровольцев в возрасте от 24-х до 45-ти лет обоих полов.

Испытуемые получали следующую инструкцию: «После того как Вы услышите слово, Вам нужно как можно быстрее ответить словом, которое первым приходит в голову». Все ассоциативные реакции фиксировались экспериментатором, а затем дифференцировались на три группы: а) слова, семантически связанные с одним значением стимульного слова; б) слова, связанные с альтернативным значением; в) слова, не имеющие определенной (явной) связи ни с одним значением многозначного стимула.

Результаты и их обсуждение

Для проверки гипотезы об асимметрии уровней активизации значений многозначных стимулов нужно проверить, действительно ли ассоциативная связь со значениями омонимичных прайм-стимулов, для которых прайминг-эффект оказался выраженным, сильнее, чем ассоциативная связь со значениями, для которых прайминг-эффект обнаружен не был.

Для этого в результатах первого эксперимента мы посчитали разницу между количеством выборов каждого целевого слова в каждой экспериментальной группе и количеством выборов этого же слова в соответствующей контрольной группе. Затем из каждой пары слов, которым в разных экспериментальных группах соответствовал один и тот же прайм, в первую группу слов (ГР1) мы отобрали те, для которых прайминг-эффект оказался более выраженным (т. е. разница ЭГ-КГ, рассчитанная по результатам первого эксперимента, была больше), а во вторую (ГР2) – слова, для которых прайминг-эффект был меньше или вовсе отсутствовал. В первую группу слов вошли три слова из первого набора стимулов (использованного в группах ЭГ1 и КГ1) и четыре – из второго набора (использованного в группах ЭГ2 и КГ2). Одна пара слов («губы» и «речь», соответствующие прайму «язык») была исключена из анализа, поскольку в этом случае асимметрия выбора не была обнаружена: каждое из этих слов было выбрано на один раз чаще в экспериментальной группе, чем в контрольной. Общее количество ассоциаций для слов в ГР1 оказалось равным 67, в то время как для слов в ГР2 – 49. Это различие является неслучайным на уровне статистической тенденции ($\chi^2(1)=2,79$; $p=0,0974$). Таким образом, более сильная ассоциативная связь между праймом и многозначным стимулом способствует возникновению прайминг-эффекта, в то время как слабая ассоциативная связь приводит к тому, что прайминг-эффект может оказаться незначительным или отсутствовать вовсе.

Общие выводы

Полученные результаты в целом подтверждают гипотезу об асимметрии семантической активации. При восприятии семантически неопределенного стимула актуализируются сразу все значения, но в разной степени, что отражается на дальнейшей когнитивной активности. На неосознаваемом уровне подобная асимметрия обнаруживается в разнице величины прайминг-эффекта, на осознаваемом уровне – в легкости и доступности вербальных ассоциаций с соответствующим значением многозначного слова.

Относительно невысокая статистическая значимость некоторых полученных результатов (на уровне статистической тенденции) может быть обусловлена, по нашему предположению, таким важным фактором, как частота встречаемости слов. Известно, что существует тенденция предпочитать более знакомые слова менее знакомым [17]. Влияние этого и других возможных побочных переменных может оказаться даже сильнее, чем эффекты прайминга или ассоциативной связи. Между тем идея асимметрии предполагает, что разница будет не в наличии или отсутствии эффекта как такового, но в его выраженности. В будущем перспективным представляется использование других экспериментальных техник и моделей, в частности, применение методов, основанных на врмени реакции, использование омонимичных прайм-стимулов в задачах лексического решения и др.

Литература

1. Агафонов А. Ю. Когнитивная психомеханика сознания, или как сознание неосознанно принимает решение об осознании. Самара: Универс-групп, 2006. 348 с.
2. Карпинская В. Ю., Шилов Ю. Е. Роль процесса классификации при восприятии многозначных стимулов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2015. Т. 17. № 1-2. С. 378 – 381.
3. По обе стороны сознания. Экспериментальные исследования по когнитивной психологии / под общ. ред. А. Ю. Агафонова. Самара: Бахрах-М, 2012. 192 с.
4. Agafonov A. Priming-Effect as a Result of the Nonconscious Activity of Consciousness // Journal of Russian and East European Psychology. 2010. V. 48. № 3. P. 17 – 32.
5. Куделькина Н. С. Восприятие многозначной информации как предмет психологического исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2008. № 4. С. 268 – 276.
6. Rayner K., Frazier L. Selection Mechanisms in Reading Lexically Ambiguous Words // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 1989. V. 15. № 5. P. 779 – 790.
7. Агафонов А. Ю. Наука о сознании: нерешённые проблемы // Онтология проектирования. 2014. № 2(12). С. 8 – 18.
8. Tabossi P., Zardon F. Processing Ambiguous Words in Context // Journal of Memory and Language. 1993. V. 32. P. 359 – 372.
9. Swinney D. A. Lexical Access during Sentence Comprehension: (Re)consideration of Context Effects // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1979. No. 18. P. 645 – 660.
10. Андерсон Дж. Когнитивная психология. СПб.: Питер, 2002. 496 с.
11. Пинкер С. Язык как инстинкт. М.: Едиториал УРСС, 2004. 456 с.
12. Мамина Т. М. Влияние смыслового фона на воспроизведение и узнавание слов-омонимов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2011. № 4. С. 137 – 144.
13. Филиппова М. Г., Морошкина Н. В. Осознаваемая и неосознаваемая многозначность: два вида когнитивного контроля // Сибирский психологический журнал. 2015. № 56. С. 37 – 55.
14. Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. М.: Прогресс, 1977. 285 с.
15. Förster J., Liberman N. Knowledge Activation // Kruglanski A. W., Higgins E. T. (eds.). Social Psychology. Handbook of basic Principles. Second edition. NY: The Guilford Press, 2007. P. 201 – 231.
16. Higgins E. T. Knowledge Activation: Accessibility, Applicability, and Salience // Kruglanski A. W., Higgins E. T. (eds.). Social Psychology. Handbook of basic Principles. NY: The Guilford Press, 1996. P. 133 – 168.
17. Sluckin W., Colman A. M., Hargreaves D. J. Liking Words as a Function of the Experienced Frequency of their Occurrence // British Journal of Psychology. 1980. V. 71. P. 163 – 169.

EFFECT OF ASYMMETRY OF SEMANTIC ACTIVATION IN UNCONSCIOUS AWARENESS OF AMBIGUOUS LEXIS

Alyona P. Kryukova[1, @1], Andrey Yu. Agafonov[1, @2], Dmitriy D. Kozlov[1, @3], Yuriy E. Shilov[1, @4]

[1] Samara National Research University, 34, Moskovskoye Shosse, Samara, Russia, 443086
[@1] kryukova.1991@bk.ru
[@2] aa181067@yandex.ru
[@3] ddkozlov@gmail.com
[@4] sheloves@samsu.ru

Received 06.12.2016.
Accepted 12.04.2017.

Keywords: unconscious awareness, ambiguous lexis, priming-effects, associative experiment, effect of asymmetry of semantic activation.

**** The article was written in the framework of the research projects supported by the Russian Foundation for Basic Research (№ 16-06-00110).***

Abstract: The article addresses the issue of perception and processing of ambiguous information. Experimental effects of understanding of polysemantic stimuli (homonyms, reversed figures) on conscious and unconscious levels have been analyzed. It is shown that implicit awareness of several meanings occurs before the explication of one meaning of stimulus take place. The aim of the current research is to discover the effect of asymmetry of semantic activation in unconscious perception of ambiguous information (in homonyms).

The procedures and results of the two conducted studies are fully described. In Experiment 1, technique of priming was used, in which ambiguous words were used as prime stimuli. Participants were randomly divided into four groups (two experimental and two control groups). Unconscious primes with visual mask were demonstrated to participants of experimental groups. Then, two words were demonstrated, only one of which had semantic relation to one meaning of the prime stimulus. The sets of stimuli in the experimental groups differed only in the words that were semantically related to the meaning of the ambiguous prime. The words that were not semantically related to the prime stimuli were identical. Then all partici-

pants (including participants in control groups) were told to choose as quickly as they could one word of two, using keys “left” or “right”. The results supported the hypothesis about the asymmetry of semantic activation in general. Participants did choose words related to particular meaning of prime stimuli more often.
In Experiment 2, participants were asked to write down associations with the same words that were used as primes in Experiment 1. The results have shown that stronger association between prime and ambiguous stimuli facilitates priming-effect, while weaker association makes priming-effect insignificant.
The present research supports the proposition that all alternative meanings of ambiguous words are more or less actualized implicitly, which influences further cognitive activity. The described phenomenon was labeled as the effect of semantic activation asymmetry. On the unconscious level, this asymmetry shows up as quantitative difference between priming-effects. On the conscious level, this asymmetry shows up as easiness and accessibility of verbal associations on corresponding meaning of the ambiguous word.

For citation: Kryukova A. P., Agafonov A. Yu., Kozlov D. D., Shilov Yu. E. Effekt asimmetrii semanticheskoi aktivatsii pri neosoznavaemom ponimanii mnogoznachnoi leksiki [Effect of Asymmetry of Semantic Activation in Unconscious Awareness of Ambiguous Lexis]. *Bulletin of Kemerovo State University,* (2017); (2): 158 – 163. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-158-163.

References

1. Agafonov A. Iu. *Kognitivnaia psikhomekhanika soznaniia* [Cognitive psychomechanics of consciousness]. Samara: Univers-grupp, 2006, 348.
2. Karpinskaia V. Iu., Shilov Iu. E. Rol’ protsessa klassifikatsii pri vospriiatii mnogoznachnykh stimulov [The role of classification in the process of perception of ambiguous stimuli]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki = Izvestiya of the Samara Russian Academy of Sciences scientific center. Social, humanitarian, medicobiological sciences*, 17, no. 1-2. (2015): 378 – 381.
3. *Po obe storony soznaniia. Eksperimental’nye issledovaniia po kognitivnoi psikhologii* [At both sides of consciousness. Experimental researches of cognitive psychology]. Ed. Agafonov A. Iu. Samara: Bakhrakh-M, 2012, 192.
4. Agafonov A. Priming-Effect as a Result of the Nonconscious Activity of Consciousness. *Journal of Russian and East European Psychology,* 48, no. 3 (2010): 17 – 32.
5. Kudel’kina N. S. Vospriiatie mnogoznachnoi infirmatsii kak predmet psikhologicheskogo issledovaniia [Perception of polysemantic information as a subject of the psychological research]. *Vestnik Cankt-Peterbyrgskogo universiteta. Seriia 12. Psikhologiia. Sotsiologiia. Pedagogika = Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, no. 4 (2008): 268 – 276.
6. Rayner K., Frazier L. Selection Mechanisms in Reading Lexically Ambiguous Words. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition,* 15, no. 5 (1989): 779 – 790.
7. Agafonov A. Iu. Nauka o soznanii: nereshennye problem [Science of consciousness: unsolved problems]. *Ontologiia proektirovaniia = Ontology of Designing*, no. 2(12) (2014): 8 – 18.
8. Tabossi P., Zardon F. Processing Ambiguous Words in Context. *Journal of Memory and Language,* vol. 32 (1993): 359 – 372.
9. Swinney D. A. Lexical Access during Sentence Comprehension: (Re)consideration of Context Effects. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior,* no. 18 (1979): 645 – 660.
10. Anderson Dzh. *Kognitivnaia psikhologiia* [Cognitive psychology]. Saint-Petersburg: Piter, 2002, 496.
11. Pinker S. *Iazyk kak instinct* [Language as instinct]. Moscow: Editorial URSS, 2004, 456.
12. Mamina T. M. Vliianie smyslovogo fona na vosproizvedenie i uznavanie slov-omonimov [The impact of meaning background on remember and recognition]. *Vestnik Cankt-Peterbyrgskogo universiteta. Seriia 12. Psikhologiia. Sotsiologiia. Pedagogika = Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, no. 4 (2011): 137 – 144.
13. Filippova M. G., Moroshkina N. V. Osoznavaemaia i neosoznavaemaia mnogoznachnost’: dva vida kognitivnogo kontrolia [Conscious and unconscious ambiguity: two kinds of cognitive control]. *Sibirskii psikhologicheskii dzurnal = Siberian journal of psychology*, no. 56 (2015): 37 – 55.
14. Bruner Dzh. *Psikhologiia poznaniia. Za predelami neposredstvennoi informatsii* [Psychology of cognition. Beyond direct information]. Moscow: Progress, 1977, 285.
15. Förster J., Liberman N. Knowledge Activation. *Social Psychology.* Handbook of basic Principles. Second edition. Eds. Kruglanski A. W., Higgins E. T. NY: The Guilford Press, 2007, 201 – 231.
16. Higgins E. T. Knowledge Activation: Accessibility, Applicability, and Salience. *Social Psychology.* Handbook of basic Principles. Eds. Kruglanski A. W., Higgins E. T. NY: The Guilford Press, 1996, 133 – 168.
17. Sluckin W., Colman A. M., Hargreaves D. J. Liking Words as a Function of the Experienced Frequency of their Occurrence. *British Journal of Psychology,* vol. 71 (1980): 163 – 169.

УДК 81-13

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ВИДЫ И АСПЕКТЫ

Марина В. Батюшкина[1, @]

[1] *Законодательное Собрание Омской области, 644002, г. Омск, ул. Красный Путь, 1*
[@] *soulangeana@mail.ru*

Поступила в редакцию 22.11.2016.
Принята к печати 02.02.2017.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, юридический дискурс, экспертное мнение, междисциплинарная компетенция эксперта, классификация.

Аннотация: В статье представлены некоторые результаты исследования, основной целью которого является анализ востребованности в применении специальных лингвистических знаний в юридическом дискурсе и определение компетенции эксперта-лингвиста. Проанализированы основы применения лингвистических знаний в аспекте юридического дискурса. Уделено внимание анализу соотношения понятия «юридический дискурс» с понятиями «законодательный дискурс», «правоприменительный дискурс», «судебный дискурс». Обозначена проблема классификации лингвистических экспертиз в юридическом дискурсе, приведено авторское видение родовидового соотношения правотворческих лингвистических экспертиз, правоприменительных лингвистических экспертиз и судебных лингвистических экспертиз. Автор обращает внимание на тот факт, что результат лингвистической экспертизы во многом зависит от уровня подготовленности эксперта-лингвиста, его междисциплинарной и экспертной компетенций. Показано, что комплексная экспертиза может выполняться и практически выполняется одним экспертом, имеющим необходимые знания и умения. Исследование проведено на основе общенаучного диалектического метода. Специальными методами, использованными при проведении научного исследования, являются: системно-структурный, логический, сравнительный, а также методы индукции и анализа. Полученные результаты вносят вклад в комплексное изучение методологических оснований лингвистической экспертизы, проводимой в юридическом дискурсе.

Для цитирования: Батюшкина М. В. Лингвистические экспертизы в юридическом дискурсе: виды и аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 164 – 172. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-164-172.

Вводные замечания

Актуальность обращения к теме родовидовой классификации лингвистических экспертиз в аспекте юридического дискурса связана как минимум с двумя причинами: с одной стороны, уровнем исследования данного вопроса в лингвистической и правовой науке, а также в такой междисциплинарной области знания, как юрислингвистика; с другой стороны, востребованностью качественной лингвистической экспертизы на практике, при создании и толковании законов, в судебном процессе.

Особенности функционирования языка в юридической сфере традиционно представляют большой интерес как для лингвистов (А. Н. Баранов, К. И. Бринев, Л. О. Бутакова, Н. Д. Голев, М. В. Горбаневский, Н. Н. Ивакина, В. П. Нерознак, М. А. Осадчий и др.), так и для правоведов (С. С. Алексеев, Л. Н. Васильева, Е. А. Крюкова, Н. В. Ляшенко, А. С. Пиголкин, Н. И. Хабибулина, А. Н. Шепелев и др.). Эта позиция во многом обусловлена рассмотрением языка как одного из ключевых факторов становления российской правовой системы, развития правосознания и правовой культуры. Поэтому лингвистическая экспертиза совершенно обоснованно рассматривается в качестве «средства юридической деятельности» [1, с. 779], «инструмента языковой политики» [2, с. 209], средства доказывания в судебной практике (Т. А. Алексеева, Е. А. Ануфриева, К. И. Бринев, Е. И. Галяшина, Н. Д. Голев и др.).

Несмотря на проведение фундаментальных и прикладных исследований в области лингвистических экспертиз, далеко не всегда не только теоретики, но и практики ориентируются в видах и родах лингвистических экспертиз, их общих и частных объектно-предметных особенностях, задачах, методологии, возможностях и перспективах использования результатов. Кроме того, отмечается частичное дублирование предметов и задач лингвистической и иных видов экспертиз (психолингвистической, юридико-технической, антикоррупционной и др.). Например, при проведении лингвистической экспертизы законопроектов особенности законодательной техники рассматриваются в качестве жанрово-стилистических, а при проведении правовой экспертизы язык закона рассматривается в качестве неотъемлемой части юридической техники.

В качестве положительной тенденции следует отметить, что в основе многих исследований по проблемам функционирования языка в юридической сфере и экспертного исследования продуктов речевой деятельности используется дискурсивная методология (И. Г. Адоньева, М. Галдиа, Т. В. Дубровская, В. И. Карасик, Н. Н. Костина, О. А. Крапивкина, С. Н. Слепухин, Н. Г. Фогельсон, Н. Г. Храмцова и др.). Настоящая работа также выполнена в дискурсивном аспекте. Для целей настоящего исследования дискурс понимается как языковая культура, в которой формируется общество и существует личность. Системой координат, позволяющей приблизиться к раскрытию феномена дискурса и охарактеризовать определенные условия его существования, являются субъектный, объектный и процессуальный параметры, а именно: культурно-исторический и этноязыковой контекст, статусно-функциональная роль участников общения, форма воплощения дискурса (устная, письменная, электронная).

Юридический дискурс отражает в себе политические, экономические, морально-этические, этноязыковые факторы организации государства и общества, в связи с чем юридический дискурс понимается нами как совокупность лингвокультурных явлений действительности, при помощи которых происходит порождение и восприятие правовых текстов и осуществляется правовая коммуникация. Формирование юридического дискурса основано на таких взаимообусловленных процессах, как создание правовых норм (правотворческий дискурс) и реализация правовых норм на практике (правоприменительный и судебный дискурсы) [3].

Необходимость моделирования родовидовой классификации лингвистических экспертиз с учетом представления об особенностях организации юридического дискурса обусловлена также и тем, что в научных исследованиях недостаточно внимания уделяется следующим вопросам: какую роль играют экстралингвистические функционально-прагматические параметры правотворческого, правоприменительного и судебного дискурсов при формировании представления о родах и видах лингвистических экспертиз и предмете лингвистической экспертизы в целом? Обусловлены ли результаты лингвистических экспертиз спецификой юридического дискурса и влияют ли они на развитие лингвистики и права? От чего зависят результаты лингвистической экспертизы (от формулировки вопросов, на которые должен ответить эксперт, от квалификации эксперта, иных факторов)? Какими профессиональными компетенциями (предметными и экспертными) должны обладать специалисты, осуществляющие лингвистическую экспертизу в правотворческом, правоприменительном и судебном процессах? Настоящая статья и должна, по замыслу автора, восполнить некоторые пробелы в освещении данных вопросов.

Теоретический анализ

Традиционно под экспертизой в общем смысле понимается форма исследования (анализа) какого-либо одушевленного или неодушевленного объекта, продукта речемыслительной деятельности, продукта жизнедеятельности, явления или состояния с помощью применения специальных знаний. В связи с этим в объем и содержание широкого родового понятия экспертизы, в зависимости от предмета экспертизы и соответствующей методологии экспертной деятельности, совершенно обоснованно входят понятия видов (подвидов) экспертиз.

Предметная сторона экспертизы как определенного алгоритма вывода знаний связана с парадигмами, или процедурами исследовательских приемов, фундаментальных и прикладных наук как видов научного знания. Например, биологическая экспертиза, исследующая объекты растительного и животного происхождения, основывается на парадигмах биологии; психологическая экспертиза, исследующая психологию и психофизиологию человека, – на психологии.

Разнородность лингвистических экспертиз, осуществляемых в рамках современного юридического дискурса, связана с тем, как понимаются природа, объект, предмет и задачи экспертизы в лингвистике и юриспруденции, а также – какие методы используются экспертом-лингвистом для решения поставленных вопросов.

Лингвистическая экспертиза, прежде всего, основывается на знаниях, полученных в результате фундаментальных и прикладных исследований языка, речевой деятельности, текста. Развивая теорию Ф. де Соссюра о лингвистике языка и лингвистике речи [4], можно тот или иной вид лингвистической экспертизы, в зависимости от аспекта экспертного исследования, отнести либо к классу языковедческих, либо к классу речеведческих экспертиз. Однако, как правило, любой лингвистический анализ подразумевает комплексное исследование объекта экспертизы, как с позиции языковых, так и с позиции речевых категорий. Это делает лингвистическую экспертизу более полной и аргументированной и предопределяет методику ее проведения. С лингвистической точки зрения комплексный подход обусловлен тем, что речевые категории коррелируют с языковыми; в свою очередь, языковые категории (фонетические, грамматические, семасиологические) – друг с другом.

Экспертные лингвистические исследования не только базируются на достижениях лингвистической науки, но и развивают ее. Как полагает К. И. Бринев, на «глубинном уровне» теоретическое и прикладное исследование представляются в каком-то отношении единым, логически обоснованным целым; эта взаимосвязь проявляется в том, что лингвистическая экспертиза выступает для теоретической лингвистики в качестве своего рода «нового материала, на котором можно проверить теоретические лингвистические построения и апробировать их эффективность» [5, с. 3 – 4]. Кроме того, по мысли Н. Д. Голева, лингвистическая экспертиза «высвечивает» пробелы в теоретическом и прикладном знаниях о языке [1, с. 192 – 193; 6].

По мнению А. В. Нестерова, экспертиза как инструмент познания «возникла в юриспруденции», а потому «продукт экспертизы всегда имеет потенциальное или действительное юридическое значение» [7, с. 162 – 163]. Это высказывание помогает понять ту позицию, которая сложилась в профессиональной юридической коммуникации по отношению к лингвистической экспертизе. Дискурсивный аспект в этом случае является основным. Соответственно моделирование классификации лингвистических экспертиз обусловлено прикладными аспектами применения лингвистических знаний в юридическом дискурсе.

Как было отмечено ранее, юридический дискурс рассматривается нами в родовидовом соотношении с право-

творческим, правоприменительным и судебным. Задачи и востребованность экспертного лингвистического исследования в правотворчестве, правоприменении и судебном процессе обуславливают выделение трех классов лингвистических экспертиз: правотворческих, правоприменительных и судебных.

Правотворческая лингвистическая экспертиза проводится на этапе создания проекта правового акта в целях его лингвистического анализа. К классу правотворческих экспертиз наряду с лингвистической экспертизой относятся правовая, юридико-техническая, антикоррупционная, педагогическая и др. Несмотря на то, что у каждого вида экспертного исследования своя предметная специфика, в целом всесторонний разнопредметный анализ направлен на устранение дефектов изложения правовой мысли (Л. Ф. Апт, В. М. Баранов, Н. А. Калинина, Т. В. Кашанина, Д. В. Чухвичев и др.).

Дефекты изложения правовой мысли обусловлены недостаточным уровнем сформированности представлений о правовых понятиях и их взаимосвязях, а потому находят отражение в виде неточных, неясных, противоречивых, дублирующих, взаимоисключающих формулировок. Дефектность правовой нормы влияет на ее толкование и, соответственно, применение на практике [8]. Поэтому правотворческая лингвистическая экспертиза не просто обусловлена потребностью подготовки грамотно написанного и правильно оформленного текста, она является одним из инструментов государственной языковой политики, направленной на исполнение определенного дискурсивного алгоритма государственно-правового строительства. Качество правового текста определяется эффективностью его функционирования в юридическом дискурсе, тем, насколько полно правовой текст позволяет решать социально-политические, финансово-экономические и другие задачи.

На наш взгляд, правотворческая лингвистическая экспертиза должна включать следующие основные аспекты: грамматический, семантический, стилистический, герменевтический, прогностический. В результате проведения правотворческой лингвистической экспертизы текст проекта правового акта должен быть проанализирован, с одной стороны, на предмет соответствия нормам современного русского литературного языка, правилам русской орфографии и пунктуации, а также жанрово-стилистическим особенностям; с другой стороны, на предмет определенности/неопределенности (вариативности) интерпретации и предстоящей интердискурсивной адаптации.

Следует констатировать, что в настоящее время правотворческая лингвистическая экспертиза, как правило, рассматривается в узком смысле – как корректорский (редакторский) анализ текста, предполагающий наряду с лингвистическим также и юридико-технический анализ (О. А. Иванюк, Е. А. Крюкова, А. С. Пиголкин, А. Ю. Тихомиров, А. Д. Шмелев и др.). Другими словами, основное внимание при проведении правотворческой лингвистической экспертизы уделяется анализу языковых единиц (слов, словосочетаний и предложений), соблюдения правил орфографии и пунктуации и особенностей нормативно-правовой стилистики. Об этом, в частности, свидетельствуют положения методических рекомендаций по лингвистической экспертизе, а также положения, закрепленные в правовых актах о правотворчестве.

Так, в соответствии с методическими рекомендациями по лингвистической экспертизе законопроектов (разработаны Государственной Думой) лингвистическая экспертиза заключается в «приведении языка и стиля законопроекта в соответствие с нормами современного русского литературного языка, выявлении разнобоя в терминологии, соотнесении терминов законопроекта с терминами, применяемыми в законодательстве, устранении логических и технических ошибок, уточнении формулировок» [9, с. 236].

В законе о нормативных правовых актах Нижегородской области лингвистическая экспертиза понимается в качестве оценки на основе анализа языка и стиля текстов нормативных правовых актов их стилистического качества, соответствия нормам современного русского литературного языка с учетом функционально-стилистических особенностей юридических текстов, их типологической специфики, редакционно-технических правил и нормативов [10]. По итогам лингвистической экспертизы осуществляется редакционно-техническая доработка текста [10].

Акцентируем внимание на том, что в отличие от правил грамматики и правописания семантические и стилистические «правила» организации правового текста мало изучены и не находят полного отражения в словарях и грамматиках, в связи с чем, как при разработке правовых текстов, так и при их экспертном анализе возникают определенные вопросы. Например, к семантико-стилистической примете правовых текстов следует отнести синонимические предложные конструкции, используемые для выражения значений «зависимости, обоснования, источника» и «соответствия»: в соответствии (с чем?) со статьей 5 закона…, согласно (чему?) статье 5 закона…, в силу (чего?) статьи 5 закона…, на основании (чего?) статьи 5 закона… Однако какой фактор является определяющим при выборе той или иной конструкции: субъективный (авторские предпочтения), семантический, стилистический, дистрибутивный или фактор частотности, – этот вопрос до настоящего времени остается не раскрытым и требует специального изучения исследователями, рассматривающими функциональные и формально-содержательные особенности правовых текстов.

Поскольку в правотворческом процессе при проведении лингвистической экспертизы грамматико-стилистический аспект преобладает над семантико-герменевтическим, а прогнозирование интердискурсивной адаптации правового текста рассматривается только экспертами-юристами, нейтрализуются условия для «конфликта» лингвистической и юридической интерпретаций, возникающего из-за различных подходов к толкованию и оценке правового текста. Однако в дальнейшем дисбаланс указанных аспектов правотворческой лингвистической экспертизы неизбежно проявляется в процессах применения права. Эб этом свидетельствуют цели и востребованность правоприменительной и судебной лингвистических экспертиз.

В процессе правотворчества создаются как тексты законов, так и тексты подзаконных актов (постановлений, указов, распоряжений, приказов и проч.), в связи с чем правотворческая лингвистическая экспертиза условно может быть подразделена на подвиды: лингвистическую

экспертизу законопроектов и лингвистическую экспертизу проектов подзаконных актов. В зависимости от того, какой жанровый или субжанровый тип текста анализирует эксперт-лингвист, полагаем целесообразным к подвиду лингвистических экспертиз законопроектов отнести такие типы экспертных исследований, как: лингвистическая экспертиза проекта базового законодательного акта (конституции (устава), кодекса, закона); лингвистическая экспертиза проекта трансформирующего закона (закона о внесении поправок (изменений) в базовый законодательный акт); лингвистическая экспертиза проекта закона о признании законодательного акта утратившим силу. Базовые, трансформирующие законы и законы о признании законодательных актов утратившими силу различаются по цели, форме и содержанию [11]. Аналогичное типовое деление может быть осуществлено и по отношению к подвиду лингвистических экспертиз проектов подзаконных актов.

Основной задачей ***правоприменительной лингвистической экспертизы*** является лингвистическое толкование текста действующего нормативного правового акта на предмет выработки у адресата обусловленной поведенческой реакции. Иные аспекты лингвистической экспертизы (в частности, грамматический и стилистический) являются в правоприменительной лингвистической экспертизе факультативными.

Оставляя за рамками настоящей статьи подробный анализ поведенческих установок, отметим следующее. Все кажущееся на первый взгляд многообразие реализации адресатом прав в конкретных действиях может быть сведено к трем основным поведенческим установкам, формируемым посредством правового текста и реализуемым в пространстве правоприменительного субдискурса: исполнение, использование и соблюдение [12, с. 245]. При исполнении адресат должен точно совершать те действия, которые предписаны ему правовой нормой, то есть точно реализовывать программу заданного поведения. При использовании адресат наделяется правом действовать или не действовать по своему усмотрению. При этом, как только адресат воспользуется предоставленной ему возможностью, автоматически меняется его поведенческая установка: с использования – на исполнение. При соблюдении адресат не совершает действия, которые запрещены правовым актом («соблюдает закон»). Соблюдение можно назвать «пассивным исполнением», поскольку адресат исполняет правовой акт, не выполняя определенные действия, то есть бездействуя.

Проблема восприятия и интерпретации правовых текстов заключается, безусловно, и в том, что большинство людей, не имеющих отношения к юридическому дискурсу, не видит разнообразных подтекстов (юридического, политического, экономического и др.), не воспринимает правовой акт как правовой феномен, его сущностную основу и цель – построение определенной модели поведения в различных ситуациях юридического дискурса. Поэтому, например, объем информации, воспринимаемой адресатом, не обладающим юридическими знаниями, и объем информации, воспринимаемой специалистом в области права, различны. В этой связи приведем высказывание О. А. Крапивкиной о том, что «лицо, находящееся за пределами дискурсивного сообщества, не имея общего с субъектом-юристом контекста интерпретации, не может правильно раскрыть содержания» правового текста [13, с. 139].

Однако, несмотря на сформированные у адресата умения толковать правовой текст, все-таки нет гарантии его точного и однозначного понимания. По выражению А. Д. Шмелева, тексты действующих в настоящее время российских законов и подзаконных актов «изобилуют темными местами и двусмысленностями, затрудняющими возможность однозначного толкования» [14, с. 214].

Кроме того, в процессе восприятия адресатом правового текста может произойти преломление воспринимаемой информации и трансформация правовой семантики. Адресат, как неюрист, так и юрист, может не только «сузить» содержание текста и пределы применения правовой нормы, но и, наоборот, «расширить» это содержание, привнести новый смысл, которого не было в замысле, но который необходим адресату для создания полноты воспринимаемой правовой информации, завершенности и целостности коммуникативной ситуации в соответствующей сфере общественных отношений. При этом значимая с точки зрения адресанта правового текста информация может быть воспринята адресатом в качестве не имеющей определенной значимости, и, наоборот, менее значимая информация может быть воспринята в качестве наиболее значимой.

Как полагает Е. Н. Бондаренко, результаты лингвистической экспертизы могут зависеть от постановки вопросов, «отражающей связь оспариваемых речевых фрагментов с контекстом деловой бумаги и подразумевающей конкретизацию семантики языковых фрагментов» [15, с. 224].

Следует констатировать, что вопросы правоприменительной лингвистической экспертизы в отечественной науке практически не исследованы. В качестве исключения могут быть названы работы, посвященные логико-языковому толкованию правовых текстов, в частности, на предмет наличия юридико-лингвистически неопределенных, то есть «неустоявшихся», двусмысленных, оценочных, терминов и понятий (В. В. Астанин, Е. Н. Бондаренко, Е. И. Галяшина, П. А. Кабанов, А. Д. Шмелев и др.). Вместе с тем лингвистические и экстралингвистические аспекты правоприменительной лингвистической экспертизы, ее объект, предмет и задачи, порядок проведения и учета результатов являются актуальной лингвистической проблемой и требуют всестороннего исследования.

Что касается выделения видов правоприменительной лингвистической экспертизы, то полагаем важным отметить следующее. В зависимости от объекта правоприменительные лингвистические экспертизы также могут быть разграничены на подвиды: лингвистическую экспертизу действующего закона и лингвистическую экспертизу действующего подзаконного акта. В свою очередь, в зависимости от жанрового (субжанрового) типа текста и его функциональной роли в правоприменительном дискурсе возможно дальнейшее разграничение правоприменительных лингвистических экспертиз: к подвиду лингвистических экспертиз действующих законов могут быть отнесены лингвистическая экспертиза базового закона и лингвистическая экспертиза трансформирующего закона; к подвиду лингвистических экспертиз действующих подзаконных актов – лингвистическая экспертиза базового подзаконного акта и лингвистическая экспертиза трансформирующего подзаконного акта.

Вопросы ***судебной лингвистической экспертизы***, в отличие от правотворческой и правоприменительной, рассмотрены достаточно подробно и с лингвистической, и с правовой, и с юрлингвистической точек зрения в работах А. Н. Баранова, К. И. Бринева, Н. Е. Васильевой, Е. И. Галяшиной, Н. Д. Голева, Г. В. Кусова, В. А. Мишланова, М. А. Осадчего, М. Л. Подкалитиной, Т. Б. Радбиля и др. Определены понятия, объекты, предмет и задачи судебной лингвистической экспертизы, уточнены компетенции эксперта-лингвиста, выявлено соотношение лингвистических и юридических аспектов данного вида исследования.

Развивая теорию судебного речеведения, Е. И. Галяшина предлагает под судебной лингвистической экспертизой понимать процессуально регламентированное судебно-экспертное лингвистическое исследование устных и письменных «речевых произведений», проводимое в целях получения системной информации об условиях, структуре, содержании, результатах, участниках и компонентах акта речевой коммуникации на основе комплекса специальных научных познаний и завершаемое дачей специального заключения [16; 17].

Специфика судопроизводства обуславливает порядок проведения лингвистической экспертизы, требования к эксперту-лингвисту, форме и содержанию экспертного заключения. Только при соблюдении всех дискурсивно обусловленных факторов лингвистическая экспертиза является доказательством при вынесении судом решения. По мнению Е. И. Галяшиной, судебная лингвистическая экспертиза выполняет свою процессуальную функцию только в том случае, когда ее конечные результаты содержат юридически значимые выводы, а заключение соответствует принципиальным требованиям к экспертной деятельности [17]. Данное утверждение пересекается с мыслью Е. Р. Россинской о том, что «единство интегрированной природы всех родов и видов судебных экспертиз диктует единство процессуальных форм использования специальных знаний», а также «единых подходов к получению доказательственной информации» в рамках судебного процесса [18, с. 422 – 426].

Анализ научных исследований, посвященных вопросам судебной лингвистической экспертизы, показывает, что к судебным лингвистическим экспертизам могут быть отнесены следующие подвиды экспертных исследований: фоноскопические, автороведческие, нейминговые, экспертизы спорных текстов, экспертизы по делам об экстремизме.

Фоноскопические экспертизы направлены на идентификацию человека по звучащей речи, установление дословного содержания разговора, речевых и психологических характеристик говорящего (уровня интеллекта, словарного запаса, эмоциональной устойчивости), определение подготовленности или спонтанности речи, болезненных или возрастных изменений организма говорящего, алкогольного, наркотического, стрессового или иного неадекватного состояния говорящего (Т. А. Алексеева, Е. А. Ануфриева, И. А. Борисова, Е. И. Галяшина, В. Н. Исаенко, Ю. С. Рысин). Основываясь на лингвистических знаниях об особенностях речи, можно построить «поисковый портрет» автора речи (пол, возраст, особенности голоса, уровень образования, этническую и профессиональную принадлежность, акцентные и диалектные особенности и др.), идентифицировать автора по образцам речи, сделать вывод об эмоциональном состоянии человека [19; 20, с. 217; 21, с. 5].

К задачам автороведческой экспертизы относится диагностика и идентификация человека по письменной речи, подтверждение или опровержение принадлежности текста определенному автору (Е. И. Галяшина, А. В. Волкогонова, Е. Н. Калугина, М. Л. Подкалитина, Е. В. Приводнова). В ходе автороведческой экспертизы также могут быть установлены психологические характеристики, неадекватность состояния автора текста и проч. По словам Е. Н. Калугиной и А. В. Волкогоновой, важнейшим инструментом поиска информации для эксперта являются методы исследования текста, благодаря которым диагностируются как сознательные, так и бессознательные действия автора текста, а также лингвистические идентификаторы (особенности идиостиля, орфографические, пунктуационные, лексические, грамматические, синтаксические ошибки) [22, с. 166 – 167].

К задачам нейминговой экспертизы относится анализ употребления имен собственных и средств индивидуализации, названий как объектов интеллектуальной собственности; установление этимологии и культурологических составляющих имен; традиций письменной закрепленности в различных по стилю текстах (Т. П. Соколова, А. С. Черногорова). Как полагает Т. П. Соколова, проведение нейминговой экспертизы требует от эксперта знаний в области лингвистики, ономастики, судебного речеведения и судебной экспертологии [23, с. 23].

Лингвистические экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, как правило, проводятся при необходимости разрешения вопросов о том, содержат ли оспариваемые тексты высказывания оскорбительного характера, негативную информацию, порочащие сведения, отрицательную оценку личностных или профессиональных качеств человека, критику деятельности должностных лиц и организаций (И. М. Балова, Г. С. Иваненко, Г. В. Кусов, М. А. Осадчий). В Конституции России содержатся положения о праве на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени (статьи 23 и 24). На наш взгляд, именно закрепление данного права на уровне конституции и гарантии его судебной защиты во многом обуславливают распространенность рассматриваемого вида экспертизы в судебном дискурсе.

К основным задачам лингвистических экспертиз по делам об экстремизме относятся интерпретация смысла высказываний; выявление в устных и письменных текстах высказываний экстремистской и террористической направленности, способствующих разжиганию расовой, национальной, межконфессиональной розни; выявление особенностей восприятия и понимания текстов различными аудиториями (М. В. Аблин, К. И. Бринев, М. Л. Подкалитина, Т. А. Сироткина, А. В. Стрункина).

Вышеизложенную информацию о видах и аспектах лингвистических экспертиз, проводимых в юридическом дискурсе, можно кратко представить в виде следующей таблицы.

Таблица. **Лингвистические экспертизы в юридическом дискурсе**
Table. **Linguistic expertise in legal discourse**

Правотворческие лингвистические экспертизы	***Правоприменительные лингвистические экспертизы***	***Судебные лингвистические экспертизы***
– лингвистические экспертизы проектов законов (базовых и трансформирующих); – лингвистические экспертизы проектов подзаконных актов (базовых и трансформирующих)	– лингвистические экспертизы действующих законов (базовых и трансформирующих; – лингвистические экспертизы действующих подзаконных актов (базовых и трансформирующих)	– фоноскопические экспертизы; – автороведческие экспертизы; – нейминговые экспертизы; – лингвистические экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации; – лингвистические экспертизы по делам об экстремизме

В связи с рассмотрением видов лингвистических экспертиз, проводимых в рамках правотворческого, правоприменительного и судебного дискурсов, возникает вопрос о компетенциях эксперта-лингвиста.

Следует согласиться с Е. Б. Лактионовой в том, что «экспертное исследование опирается на уже известные научные факты и измерительные процедуры и представляет собой их непосредственное применение при решении конкретных практических задач», поэтому экспертиза как инструмент познания «предполагает ориентацию, прежде всего, на компетентность и опыт специалиста-эксперта, личность которого и является главным «инструментом» исследования» [24, с. 20 – 21].

Под экспертом в общем смысле понимается лицо, обладающее специальными знаниями и умениями в определенной области, назначаемое или приглашаемое для производства экспертизы и дачи заключения по заранее поставленным вопросам. К отличительным особенностям работы эксперта относятся высокий уровень знаний, отличающий эксперта от специалиста по соответствующему направлению, в том числе знание методологии экспертного исследования, самостоятельность проведения экспертизы, независимость взглядов и экспертного мнения, ответственность за полученные в результате проведенной экспертизы выводы, обоснованность и объективность выводов.

К профессиональным компетенциям эксперта-лингвиста следует отнести лингвистическую компетенцию и экспертную компетенцию.

Структура лингвистической компетенции отражает научный подход к рассмотрению языкового и речевого аспектов языковой коммуникации, в связи с чем лингвистическая компетенция подразделяется нами на языковую и речевую в их теоретическом и практическом аспектах. При этом мы согласны с А. Д. Шмелевым, который полагает, что «лингвистический профессионализм должен сочетаться со здравым смыслом, чтобы учесть разные аспекты функционирования русского языка во всем их многообразии» [14, с. 218].

Структура экспертной компетенции отражает представление об объекте, предмете, целях и задачах конкретного экспертного исследования. Экспертная компетенция, в свою очередь, подразделяется на теоретическую (совокупность знаний о лингвистической экспертизе) и практическую (совокупность умений, приобретенных на основе опыта экспертной деятельности в определенной сфере: правотворческой, правоприменительной или судебной).

Исследователи, развивающие гипотезу судебного речеведения (Е. И. Галяшина, М. Л. Подкалитина), подчеркивают приоритет экспертов, обладающих «двойной» компетенцией, то есть имеющих теоретические и практические знания в области лингвистики и права, по сравнению с экспертами, обладающими знаниями только в одной из областей (либо лингвистической, либо правовой). В частности, М. Л. Подкалитина полагает, что компетенцию эксперта-лингвиста, проводящего лингвистическую экспертизу экстремистских материалов, составляют знания не только в области лингвистики, но и в области судебного речеведения, теории и практики судебной экспертизы, законодательства о противодействии экстремистской деятельности [25, с. 7].

В связи с особым значением статусно-функциональной роли эксперта для развития юридического дискурса вопрос о «двойной» компетенции эксперта-лингвиста требует специального изучения.

Заключительные положения

Язык – ключевое условие правовой культуры. С помощью языка выражается правовая мысль, создаются правовые тексты, развивается правовая система, реализуются и оцениваются установленные данной системой правила поведения в обществе, формируется правосознание.

Поскольку правовая культура построена на основе языка, лингвистическое и правовое знания находятся в тесной связи, выражающейся, в частности, в том, что лингвисты, исследующие правовые тексты либо участвующие в их экспертизе, особое внимание уделяют экстралингвистическим факторам порождения и существования правовых текстов в государственно-правовом контексте, а юристы при создании и исследовании правовых текстов обращаются к вопросам языка и речи, правописания, теории текста и толкования. Междисциплинарный подход обуславливает применение особой методологии экспертной лингвистической деятельности, осуществляемой в рамках юридического дискурса.

Литература

1. Голев Н. Д. Теоретические аспекты юридического функционирования естественного языка // Русский язык: исторические судьбы и современность: мат. III Международного конгресса. М.: МГУ. 2007. С. 779 – 780.

2. Кара-Мурза Е. С. Лингвистическая экспертиза как инструмент языковой политики // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2014. № 2-1. С. 204 – 211.

3. Батюшкина М. В. Лингвистическая и правовая модели классификации лингвистических экспертиз // Политическая лингвистика. 2016. № 6. С. 222 – 230.

4. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / ред. Ш. Балли и А. Сеше. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.

5. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: автореф. … дис. д-ра филол. наук. Кемерово, 2010. 42 с.

6. Голев Н. Д., Матвеева О. Н. Юрислингвистическая экспертиза: на стыке языка и права // Юрислингвистика. 2006. № 7. С. 192 – 212.

7. Нестеров А. В. Экспертиза в общей теории экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2013. № 2(30). С. 162 – 168.

8. Крюкова Е. А. Язык и стиль законодательных актов: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2003. 22 с.

9. Методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов // Качество законодательства и проблемы юридической техники: материалы семинара с участием руководителей правовых служб законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Москва, 15 октября 2015 года. М.: Издание Госдумы, 2016. С. 235 – 271.

10. О нормативных правовых актах Нижегородской области: закон Нижегородской области от 10 февраля 2005 г. № 8-З: принят Законодательным Собранием Нижегородской области 27 января 2005 г.: в ред. закона Нижегородской области от 5 августа 2014 г. № 95-З // СПС «Консультант Плюс Регион» (дата обращения: 18.11.2016).

11. Батюшкина М. В. К вопросу об определении субжанра текстов законов о внесении изменений // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 2(28). С. 118 – 124.

12. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2-х т. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1981. 360 с.

13. Крапивкина О. А. Две грани дискурса – две ипостаси субъекта // Сибирский филологический журнал. 2013. № 1. С. 137 – 143.

14. Шмелев А. Д. Здравый смысл и лингвистическая экспертиза в различных правовых системах // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 214 – 219.

15. Бондаренко Е. Н. Лингвистическая экспертиза документов: формулировка вопросов, установление контекста и семантики ключевых слов // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: материалы V Международной практической конференции. Ростов на/Д., 2015. С. 216 – 224.

16. Галяшина Е. И. Методологические основы судебного речеведения: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2003. 58 с.

17. Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза в гражданском судопроизводстве: востребованность и компетенции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 10. С. 17 – 21.

18. Россинская Е. Р. Современные представления о предмете и системе судебной экспертологии // Lex russica. 2013. № 4. С. 421 – 428.

19. Алексеева Т. А. Криминалистическое учение о речи: историко-содержательный аспект // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 343. С. 113 – 115.

20. Алексеева Т. А. Особенности устной речи и их использование в криминалистике // Общественные науки. 2012. № 1. С. 217 – 223.

21. Ануфриева Е. А. Проблемы назначения фоноскопической экспертизы при раскрытии и расследовании коррупционных преступлений // Российский следователь. 2015. № 22. С. 3 – 7.

22. Калугина Е. Н., Волкогонова А. В. Лингвистическая экспертиза анонимного текста: методы и подходы // Вестник АПК Ставрополья. 2016. № 2(22). С. 166 – 168.

23. Соколова Т. П. Нейминговая экспертиза в гражданском судопроизводстве: организационные и методические проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 10. С. 22 – 27.

24. Лактионова Е. Б. Аналитический обзор основных подходов к психологической экспертизе образовательной среды // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 68. С. 18 – 32.

25. Подкалитина М. Л. Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов: теоретические и методические аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. 28 с.

LINGUISTIC EXPERTISE IN LEGAL DISCOURSE: TYPES AND ASPECTS

***Marina V. Batyushkina*[1, @]**

[1] *Legislative Assembly of Omsk Region, 1, Krasnii Put St., Omsk, 644002*
[@] *soulangeana@mail.ru*

Received 22.11.2016.
Accepted 02.02.2017.

Keywords: linguistic expertise, juridical discourse, expert opinion, interdisciplinary competence of the expert, classifications.

Abstract: The article is devoted to the relevance of special linguistic knowledge in legal discourse and the determination of the competence of an expert linguist. It features the analyses of the basis for the use of linguistic expertise in the aspect of the legal discourse. Special attention is given to the analysis of the relation between the concept of juridical discourse and the legislative discourse, law enforcement discourse, court discourse. The problem of classification of linguistic expertise with application of methods of the theory of classification and an example of subsumption classification division of linguistic expertise are considered. The problem of classification of linguistic expertise can be solved only through a systematic approach. It is shown that one of the most important issues of modern linguistic expertise is the problem of the choice from a wide range of experts as well as the interdisciplinary competence of the forensic linguist. The article includes analysis of the requirements to the experts. It is demonstrated that integrated (inter-disciplinary) investigations may be carried out, as it often happen in current practice, by a single examiner possessing all the necessary qualifications. The study is based on the general scientific dialectical method. The author uses the following special methods: system-structural method, logical method, comparative method, as well as induction and analysis. The presented results provide ideas for further discussion on the problem of classification of linguistic expertise and interdisciplinary competence of the linguist-expert.

For citation: Batyushkina M. V. Lingvisticheskie ekspertizy v iuridicheskom diskurse: vidy i aspekty [Linguistic Expertise in Legal Discourse: Types and Aspects]. *Bulletin of Kemerovo State University,* (2017); (2): 164 – 172. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-164-172.

References

1. Golev N. D. Teoreticheskie aspekty iuridicheskogo funktsionirovaniia estestvennogo iazyka [The theoretical aspects of operation of natural language in the context of law activity]. *Russkii iazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': Mat. III Mezhdunarodnogo kongressa* [Russian language: its historical destiny and present state: Proc. III Intern. Congress]. Moscow: MGU. 2007, 779 – 780.

2. Kara-Murza E. S. Lingvisticheskaia ekspertiza kak instrument iazykovoi politiki [Linguistic expertise as a language policy tool]. *Trudy instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova = Proceedings of the Institute of Russian language named after V. V. Vinogradov*, no. 2-1 (2014): 204 – 211.

3. Batiushkina M. V. Lingvisticheskaia i pravovaia modeli klassifikatsii lingvisticheskikh ekspertiz [Classification of linguistic expertise: linguistic and legal models]. *Politicheskaia lingvistika = Political Linguistics*, no. 6 (2016): 222 – 230.

4. Saussure F. *Kurs obshchei lingvistiki* [Cours de linguistique generale]. Ed. Bally Ch. and Sechehaye A. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1999, 432.

5. Brinev K. I. *Teoreticheskaia lingvistika i sudebnaia lingvisticheskaia ekspertiza*. Avtoref. diss. doktora filol. nauk [Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise. Dr. filol. Sci. Diss. Abstr.]. Kemerovo, 2010, 42.

6. Golev N. D., Matveeva O. N. Iurislingvisticheskaia ekspertiza: na styke iazyka i prava [Jurislinguistic examination at the meeting point of language and law]. *Iurislingvistika = Jurilinguistic*, no. 7 (2006): 192 – 212.

7. Nesterov A. V. Ekspertiza v obshchei teorii ekspertizy expertise [Expertise in the general theory of expertise of the Nizhny Novgorod region]. *Teoriia i praktika sudebnoi ekspertizy = Theory and practice of forensic examination*, no. 2(30) (2013): 162 – 168.

8. Kriukova E. A. *Iazyk i stil' zakonodatel'nykh aktov*. Avtoref. diss. kand. iurid. nauk [The language and style of the legal acts. Cand. legal Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2003, 22.

9. Metodicheskie rekomendatsii po lingvisticheskoi ekspertize zakonoproektov [Methodological recommendations for the linguistic expertise of draft laws]. *Kachestvo zakonodatel'stva i problemy iuridicheskoi tekhniki Materialy seminara s uchastiem rukovoditelei pravovykh sluzhb zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoi vlasti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii. Moskva, 15 oktiabria 2015 goda* [The quality of legislation and legislative technique: The materials of the seminar with participation of heads of legal services of the legislative (representative) and Executive bodies of state power of subjects of the Russian Federation. Moscow, October 15, 2015]. Moscow: Izdanie Gosdumy, 2016, 235 – 271.

10. *O normativnykh pravovykh aktakh Nizhegorodskoi oblasti* [On normative legal acts of the Nizhny Novgorod region]. Nizhny Novgorod region law of February 10, 2005 No. 8-Z, adopted by the Legislative Assembly of Nizhny Novgorod region January 27, 2005, in edition of law of the Nizhny Novgorod region on August 5, 2014 No. 95-Z.

11. Batiushkina M. V. K voprosu ob opredelenii subzhanra tekstov zakonov o vnesenii izmenenii [On the question of defining of the subgenres of texts of laws on modification]. *Vestnik Brianskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Bryansk state University*, no. 2(28) (2016): 118 – 124.

12. Alekseev S. S. *Obshchaia teoriia prava* [General theory of law]. Moscow: Iurid. lit., vol. 1 (1981): 360.

13. Krapivkina O. A. Dve grani diskursa – dve ipostasi sub"ekta [Two edges of discourse – two guises of the subject]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal = Siberian philological journal*, no. 1 (2013): 137 – 143.

14. Shmelev A. D. Zdravyi smysl i lingvisticheskaia ekspertiza v razlichnykh pravovykh sistemakh [Common sense and linguistic examination in different legal systems]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 214 – 219.

15. Bondarenko E. N. Lingvisticheskaia ekspertiza dokumentov: formulirovka voprosov, ustanovlenie konteksta i semantiki kliuchevykh slov [Linguistic expertise of documents: the wording of questions and the context of the establishment of the semantics of the keywords]. *Iazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodeistviia: Materialy V-oi Mezhdunarodnoi prakticheskoi konferentsii* [Language and law: actual problems of interaction: Proc. V Intern. Prac. Conf.]. Rostov-on-Don, 2015, 216 – 224.

16. Galiashina E. I. *Metodologicheskie osnovy sudebnogo rechevedeniia*. Avtoref. diss. doktora filol. nauk [Methodological principles of forensic examinations of speech. Dr. filol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2003, 58.

17. Galiashina E. I. Sudebnaia lingvisticheskaia ekspertiza v grazhdanskom sudoproizvodstve: vostrebovannost' i kompetentsii [Forensic Linguistic Examination in Civil Proceedings: Relevance and Competence]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*, no. 10 (2015): 17 – 21.

18. Rossinskaia E. R. Sovremennye predstavleniia o predmete i sisteme sudebnoi ekspertologii [Current understanding of object and system of the forensic expertise]. *Lex russica*, no. 4 (2013): 421 – 428.

19. Alekseeva T. A. Kriminalisticheskoe uchenie o rechi: istoriko-soderzhatel'nyi aspekt [Criminalistical study of oral speech: historical aspect]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Tomsk state University*, no. 343 (2011): 113 – 115.

20. Alekseeva T. A. Osobennosti ustnoi rechi i ikh ispol'zovanie v kriminalistike [The peculiarities of speech in criminalistics]. *Obshchestvennye nauki = Social Sciences*, no. 1 (2012): 217 – 223.

21. Anufrieva E. A. Problemy naznacheniia fonoskopicheskoi ekspertizy pri raskrytii i rassledovanii korruptsionnykh prestuplenii [Issues of commissioning a phonoscopic examination in detection and investigation of corruption crimes]. *Rossiiskii sledovatel' = Russian investigator*, no. 22 (2015): 3 – 7.

22. Kalugina E. N., Volkogonova A. V. Lingvisticheskaia ekspertiza anonimnogo teksta: metody i podkhody [The linguistic examination of the anonymous text: approaches and methods]. *Vestnik APK Stavropol'ia = Vestnik APK Stavropol*, no. 2(22) (2016): 166 – 168.

23. Sokolova T. P. Neimingovaia ekspertiza v grazhdanskom sudoproizvodstve: organizatsionnye i metodicheskie problemy [Naming examination in court practice: methodical and applied problems]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*, no. 10 (2015): 22 – 27.

24. Laktionova E. B. Analiticheskii obzor osnovnykh podkhodov k psikhologicheskoi ekspertize obrazovatel'noi sredy [A complex review of current trends in the examination of the educational environment]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena = Izvestia of Russian state pedagogical University named A. I. Herzen*, no. 68 (2008): 18 – 32.

25. Podkalitina M. L. *Sudebnaia lingvisticheskaia ekspertiza ekstremistskikh materialov: teoreticheskie i metodicheskie aspekty*. Avtoref. diss. kand. iurid. nauk [Forensic linguistic expertise of the extremist materials: theoretical and methodological aspect. Cand. legal Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2013, 28.

УДК 811.161.1'1

ФРЕЙМ ПОСТУПКА: ИНВАРИАНТНАЯ МОДЕЛЬ И ВАРИАНТЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Людмила А. Бушуева[1, @1]

[1] *Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, 603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23*
[@1] *sebeleva@yandex.ru*

Поступила в редакцию 15.02.2017.
Принята к печати 12.05.2017.

Ключевые слова: категоризация, фрейм, слот, инвариантная модель, имя поступка.

Аннотация: В данной статье представлены результаты фреймового анализа ситуаций поступков «помощь», «благодеяние», «геройство», «подвиг», «выходка», «проделка», «фортель», «проказа», «шалость», «выверт», «штука», «номер», «художество». В основе исследования лежит гипотеза о том, что представления о поступках опираются на инвариантный фрейм, представляющий собой структуру, состоящую из слотов: мотив / цель, действие, агент, объект, оценка, результат. Целью исследования является показать, каким образом имена данных поступков репрезентируют данную инвариантную логико-когнитивную модель поступка. В ходе исследования функционирования имен поступков и их однокоренных лексем в речи было обнаружено, что компоненты слотов взаимосвязаны между собой и характеризуют различные стороны ситуаций поступков. Сделан вывод о том, что в ситуации разных поступков в фокусе внимания оказываются разные элементы инвариантного фрейма, что указывает на то, что фрейм поступка представляет собой сложную, многоплановую структуру, которая отражает познанную действительность с отношениями между ее элементами.

Для цитирования: Бушуева Л. А. Фрейм поступка: инвариантная модель и варианты ее реализации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 173 – 178. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-173-178.

Проблема соотношения мысли и языка является одной из актуальных проблем, начиная с 1960-х – 1970-х гг., периодом, связанным со сменой научной парадигмы, когнитивным переворотом и становлением антропоцентрической парадигмы научного знания, в которой осознается значимость человеческого фактора в методиках научных исследований. В лингвистике антропологический подход проявляется уже в середине XIX века и связан с именами И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, Л. В. Щербы, А. А Потебни и также приходит к пониманию центрального места человеческого фактора в бытовании языка. Но нельзя сказать, что этот подход уже сформировался полностью. Сам термин « антропологическая лингвистика» объединяет комплекс весьма различных между собой теорий, концепций и направлений – в силу их общего интереса к проблеме «человек и язык».

Отношение человека и языка рассматривается и в плане диахронии, и в плане синхронии. Человеческий фактор понимается в том плане, что это не просто изучение психологических особенностей речевой деятельности индивидуума, но и взаимовлияния языка и социума, языка и этноса, языка и культуры.

Исследования в русле когнитивной лингвистики нацелены на раскрытие механизмов человеческой когниции в целом, особенностей концептуализации и категоризации.

Знание, которое человек получает в процессе познания мира, фиксируется в сознании в виде различных структур, одной из которых является категория. Очевидно, что моделирование всякой новой коммуникативной ситуации производится, как правило, путем соотнесения со знакомой ситуацией, с некоторым хранимым в памяти стандартным ситуативным типом, обеспечивающим когнитивную обработку данной ситуации [1, с. 170]. Одной из структур такого типа является фрейм.

Знание о «поступке», несомненно, значимо для русской картины мира, так как именно поступок соединяет человека с внешним миром, реализует интенциональную сферу человека – его мотивы, цели, потребности. Поступок описывается в работах современных исследователей как событие, факт, концепт, как единица языка, с помощью которой в сознании человека фиксируется фрагмент реальности.

В данном исследовании предлагается рассмотреть фреймовую структуру поступков. Фрейм – экономный способ передачи информации, который ускоряет процесс ее обработки и отражает основные моменты близких ситуаций, принадлежащих одному классу [2, с. 151]. Фрейм помогает собрать воедино рассыпанную на фрагменты эмпирическую реальность, структурировать восприятие социального мира.

В первую очередь выделим основные признаки поступка. К существенным признакам поступка исследователи относят целенаправленность, намеренность действия, осознанность, контролируемость, нацеленность на результат, наличие в поступке оценочного компонента, преодоление нормативной границы в поведении при совершении поступка (Ф. Фичи Джусти, Н. Д. Арутюнова, С. Л. Сахно, В. Е. Гольдин, В. Н. Телия, Л. А. Бушуева).

Роль элементов поступка в различных теориях оценивается по-разному: в поступке может быть важен исключительно мотив, либо мотив не играет важной роли, имеет значение лишь само действие. Теоретики, прида-

вавшие определяющее значение последствиям поступков, считали, что достижение требуемых моралью результатов должно быть и субъективной целью человека; роль мотива в моральной деятельности, как правило, их меньше интересовала [3; 4].

Выделим основные стороны поступка в виде элементов инвариантного фрейма поступка: мотив/цель, действие, агент, объект, оценка, результат. Имена поступков поразному репрезентируют данную фреймовую модель, так как, говоря о поступках, люди далеко не всегда разграничивают указанные выше стороны, элементы поступков.

Проследим, какие аспекты общего логико-когнитивного фрейма «поступок» конкретизируются в речевой репрезентации поступков «помощь», «благодеяние», «геройство», «подвиг», «выходка», «проделка», «фортель», «проказа», «шалость», «выверт», «штука», «номер», «художество» (мотив/цель/интенция – действие – агент – объект – результат/последствия – отношение). Исследование проводится на материале текстов Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [5].

Мотив поступка

Являясь особым видом действия, поступок характеризуется целеосознанностью: это процесс, подчиненный представлению о том результате, который должен быть достигнут, подчиненный сознательной цели [6, с. 276]. На выбор того или иного мотива влияют несколько факторов: ситуация, собственная нравственная культура и система ценностей, приоритетов [7, с. 154].

В структуре поступков «помощь», «благодеяние», «геройство», «подвиг», «выходка», «проделка», «фортель», «проказа», «шалость», «выверт», «штука», «номер», «художество» мотив не является ключевым элементом, но все же он получает конкретизацию в речи.

Совершение, например, благодеяния может рассматриваться и как мотив, и как цель: желание оказать покровительство побуждает к определенному действию; в то же время определенное действие – есть реализация мотива совершить благодеяние.

Высокие цели, такие как спасение жизни человека, поиск справедливости и добра, любовь, побуждают человека к совершению героических поступков: «*Один раз, когда близко засвистело и разорвалось, Федя даже и на девушку упал, вдавил ее в снег, как бы героически прикрыв собою*» (Астафьев В. Рассказы (2000) // Новый Мир. 2001); «*Понимаешь такая любовь, для которой совершить любой подвиг, отдать жизнь, пойти на мучение – вовсе не труд, а одна радость*» (Куприн А. И. Гранатовый браслет (1911)).

Примечательно, что для поступков «благодеяние», «помощь», «геройство», «подвиг» обнаруживается сходный мотив: в большинстве случаев человеком движет долг, понимание того, что так правильно поступать, хорошо совершать поступки ради блага других людей. Например, «*Еще моя вера выражается в том, что надо помогать людям, что нельзя делать подлости, что есть высшая справедливость. У человека это называется совестью, допустим, а во Вселенной это что-то другое*» (Агларов А., Ципенюк О. Мне создавать хочется // Огонек. 2015), или «*А русского героя, не корми, не пои – он ищет справедливости и добра»* (Солженицын А. В круге первом. Т. 1, гл. 26 – 51 // Новый мир, 1968).

В некоторых контекстах лексемы фрейма «помощь» могут актуализировать мотив «поступок из тщеславия»: *«Очень любит помогать бескорыстно. Пожалуй, точнее так: любит помогать таким образом, чтобы, не дай бог, не вышло никакой корысти. Но в этом-то и была корысть: делая добрые дела, все время сознавать себя хорошим человеком. И Лена, учуяв маленькую слабость матери, в минуты раздражения говорила про нее Дмитриеву: ханжа. А он приходил в ярость»* (Трифонов Ю. Обмен (1969)); *«И мне было приятно подыграть ему, поскольку в глубине души я чувствовал себя причастным к его служебному воскрешению и оттого относился к нему гораздо лучше: ведь все мы, грешные, любим заниматься благодеяниями, которые укрепляют нас в собственных глазах»* (Вайнер А., Вайнер Г. Лекарство против страха (1987)).

Примечательно, что данный мотив, который может быть охарактеризован как корыстный, связан с другим элементом общего фрейма поступка – оценкой. Благодеяние, помощь, являясь по сути положительнооценочными лексемами, употребляются в некоторых контекстах НКРЯ как имена поступков, оцениваемых отрицательно. Видится, что такая оценка связана именно с тем, что корыстные мотивы «расшифровываются» участником ситуации или наблюдателем и, как следствие, поступок получает отрицательную оценку: «*По сто пятьдесят долларов он мне платит! Благодетель нашелся! А сам сколько гребешь?»* (Левашов В. Заговор патриота (2000)).

Поступки «шалость», «проделка», «проказа», «выверт» могут иметь разные мотивы, но их может объединять и общий мотив: желание позабавить или позабавиться: «*Он беспокойно пошевелился, взглянул на часы, ужаснулся чему-то и остался на месте, как пришитый к сиденью. – Эй, сержант… – крикнул Агей Артемию, собравшемуся каким-то новым вывертом распотешить компанию. – Мурцовку мою мне сюда, пошел! … как из чего? Заметило, так я проясню… Из колесной мази, балда*!» (Леонов Л. М. Вор. Ч. 1 – 2 (1927)); «*Скажи, Аграфена, только честно: видишь ли ты Михаила Юрьевича угомонившимся, солидным в речах и поступках? Я, по правде говоря, не вижу. Он сейчас школьничает почище, чем в юнкерском училище, только поэм скабрезных не сочиняет. И чем ему грустнее, безысходнее, тем больше проказничает. Не хочет, чтоб люди знали, что у него внутри*» (Нагибин Ю. М. Заступница (1972 – 1979)).

Мотив поступка может быть непонятен участнику ситуации, но очевиден для агента поступка: например, сама ситуация не соответствует совершаемому действию или действие не согласовывается с личностью субъекта действия и т. д. При этом агент поступка может осознавать то, что движет им при совершении поступка, и эти мотивы могут кардинально отличаться от того, каким образом оценивает ситуацию тот, кто и дает поступку имена *фортель, выходка, выверт, художество, номер, штука.* Например, «*Оказалось, мой коллега, убоявшись возможного наказания за невыполненное важнейшее задание, на всякий случай накатал на меня «телегу» в Центральный Комитет. Тогда это обстоятельство очень обидело: хочешь помочь человеку в трудный для него момент, а он, зараза, такие фортели выкидывает… Это сейчас мне ясно: не коллега мой был виноват, а система, которая воспитывала нас на незабвенных*

примерах Павлика Морозова и других столь же светлых образцах» (Грищенко Б. Посторонний в Кремле (2004)); «*Среди обычных шутов в пестрых костюмах – одна штанина красная, другая синяя, полосатая, колпак с бубенчиками или шапка с ослиными ушами, в руке погремушка с горохом, всевозможных уродцев – горбунов, гномов, колченогих, косоглазых, ласторуких, самовароподобных, блеющих, мычащих, кукарекающих, пузыри пускающих, слова путного молвить не умеющих, – попадались ражие молодцы чужеземного происхождения, скрывающие под шутовским нарядом острый ум, ядовитую злость, отвагу и литые мускулы наемных убийц. Предерзкие художества, кои они творили, пользуясь своей безнаказанностью, озадачивали даже видавших виды придворных, из них выделялись португалец Лакоста и смуглый итальянец, чье благозвучное имя Петро Мира не случайно передали в Педриллу. Темные пронзительные глаза этих авантюристов, прикрывшихся скоморочьим колпаком, повергали придворных в смятение*» (Нагибин Ю. М. Остров любви (1972 – 1979)).

Действие

Основу поступка составляет действие (или бездействие в ситуации, требующей действия). В основе рассматриваемых поступков могут лежать любые действия в разнообразных сферах действительности. Все же и для благодеяния/помощи, и для геройства/подвига, и для выходки характерны действия определенного характера. Например, помощь, благодеяние совершаются в ситуации, представляющей трудности для объекта действия. Соответственно, прототипическим для помощи, благодеяния действием является оказание помощи тому, кто в ней крайне нуждается: «*В отличие от этой «упакованной» дамы я очень хорошо знаю, если со мной случится беда, друзья придут на* ***помощь****, и никому из них не взбредет в голову потребовать за это хоть копейку*» (Донцова Д. Микстура от косоглазия (2003)) (подробнее о прототипе см. в [8, с. 250].

В основе геройства/подвига в основном лежит действие, совершаемое в ситуации риска, опасности, что объясняет особую смелость и отвагу агента поступка: «*Совершил акт самопожертвования. При подходе немецко-фашистских захватчиков взорвал важный промышленный объект и сам погиб при взрыве. Люди, которые случайно сюда приходили, склоняли над камнем голову или не склоняли, а просто стояли в раздумье, полагали, что здесь действительно покоится герой, совершивший выдающийся подвиг*» (Войнович В. Монументальная пропаганда // Знамя. 2000).

Подчеркнем, что иногда оценить какое-либо действие как поступок невозможно без опоры на другие элементы общего фрейма. Следующий пример иллюстрирует, что без знания результата описываемое действие трудно оценить как важное, героическое: «*С самого начала бабка* ***услужила*** *отряду. Она посоветовала: – Слушай-ка, начальник! Коли силы у вас нехватка, давайте-ка сведу вас под лесную ушиту <…> Кончилось тем, что наш отряд пополнился, а поручик с остатками роты еле ноги уволок, и пулемет у него – со сковородкой-то – отбили. По тому времени это штука немаловажная была*» (Бажов П. П. Дорогой земли виток (1948)).

Любые действия, оцениваемые как непредсказуемые и вызывающие недоумение, удивление из-за их несоответствия ситуации или личности агента поступка, получают имена *выходка, штука, фортель, номер*, *художество, выверт, штука*. Например, «*Потому что невозможно себе представить, что обманули партизаны, не встретив их в установленном месте. Такого не могло случиться… Хотя, пожалуй, могло случиться и такое, вдруг подумал командир, на войне случается разное, вся она полна самых невероятных случаев. Работая в штабе, он уже был наслышан о замечательных проделках как летчиков, так и партизан. Но и Огрызков должен был об этом кое-что знать*» (Быков В. Болото (2001)); «*Никто из односельчан и подумать не мог, что тихий Витя Боровик сможет «выкинуть такой фортель*» (Жунусов О. Хозяин тайги, Матрос-беглец провел в лесу почти три солдатских срока // Известия, 2001).

Действия, противоречащие установленному порядку, обозначаются лексемами *художество, номер*, *шалость, проказа, проделка.* Они также могут не соответствовать ситуации и личности человека, их совершающего, но ключевым признаком является именно «поступок, нарушающий порядок»: *«– Ну хорошо, – твердо сказал Новожилов. – С этим мы разберемся. У тебя все, Федулов? – Нет, не все. За товарищ Мининой и другие* ***художества*** *водятся. Начальник милиции довольно крякнул. – Тихо, товарищи, – поднял руку Новожилов. – Говори, Федулов»* (Абрамов Ф. Братья и сестры (1958)); *«Я давно хотел тебя спросить. Ты почему это / проказник / во время службы ведешь себя неподобающе? По уставу молиться-то надо. А если каждый по-своему начнет / это че ж тогда такое будет? Это так от церкви ничего и не останется»* (Лунгин П., Соболев Д. Остров, к/ф (2006)); *«Знать о нем полагалось, смотреть на него было запрещено. Однако в юности Данилов из любопытства и озорства нарушал запреты (повзрослев, узнал, что нарушение иных запретов поощряется). Но запрет на Большого Быка был слишком серьезный. Именно своей серьезностью он и подтолкнул Данилова к рискованной проказе»* (Орлов В. Альтист Данилов (1980)).

Агент

В случае всех рассматриваемых в рамках данной статьи поступков выделяются общие прототипические характеристики агентов: агент поступков помощь / благодеяние – это милосердный/добрый человек, желающий облегчить участь кого-либо, находящегося в трудном положении (благодетель в отличие от помощника еще и обладает возможностью помогать). Например, «*Спасибо дорогие родители. Да еще и новая школа одна чего стоит. Друзей в такой ситуации не выбирают. Кто пришел тебе первым на помощь, тот и друг. Автоматически. Тот, в ком оказалось достаточно сострадания*» (Геласимов А. Фокс Малдер похож на свинью (2001)); «*Если человек от природы добр и у него есть возможность ближним оказывать всяческие благодеяния, то, конечно, э… грешно ему будет, если он свою доброту, этот талант, данный от Бога, зароет в землю, не будет никому помогать, а имение всё тратить на себя*» (Протоиерей Димитрий Смирнов. Ответы слушателям радио "Радонеж" в прямом эфире на вопросы о вере и спасении. Ч. 4 (2005 – 2006). Режим доступа: http://tv.radonezh.ru/audioarhiv01/smirnov/).

Агент поступков геройство/подвиг смел и мужественен: «*– Геройский человек, ничего не боится, прямо*

с камня в этот кипяток прыгает, а когда-нибудь его обязательно утащит» (Домбровский Ю. О. Хранитель древностей. Ч. 2 (1964)).

Агент поступков «выходка», «проделка», «фортель», «номер», «шалость», «проказа», «художество» человек, обладающим веселым нравом, любознательностью, склонностью к авантюрам. Данные черты ассоциируется в первую очередь с молодостью и беспечностью, что объясняет тот факт, что поступки осознаются как типичные для юного человека, ребенка. Если же поступок совершается взрослым человеком, то удивление он вызывает именно потому, что представляется нехарактерным для человека зрелого возраста. Например, «*Потом на какое-то мгновение появился ваш муж, и свет погас. А я все стоял и стоял. Мне страшно было уйти. Ах вы проказник! Как только не стыдно. Седой человек, а ведете себя, как мальчик*» (Шишкин М. Всех ожидает одна ночь (1993 – 2003)); «*Впрочем, в описываемую пору Пилюхину было уже не до шалостей: подступал возраст*» (Крылов К. Мертворожденный // Русская жизнь, 2012); «*А потом на протяжении семи лет рядом со мной был взбесившийся капризный ребенок, который в любую минуту мог выкинуть любой фортель, и за которым надо было постоянно присматривать и систематически испытывать крайне неприятные минуты острого стыда за его поступки*» (Маринина А. Чужая маска (1996)).

Объект

Элемент «объект поступка» актуален для поступков «помощь», «благодеяние», так как они всегда направлены на кого-либо, кто находится в затруднительном положении. В некоторых случаях это может быть один человек, иногда все общество или страна: «*Я хотел облагодетельствовать мою страну, хотел сделать всех людей счастливыми*» (Чарская Л. А. Король с раскрашенной картинки (1912)); «*Хороший человек всегда окажет помощь человеку, если он тонет*» (Атасов С. 1000 золотых анекдотов (2003)).

Объект поступков «геройство»/«подвиг», напротив, представлен в речи нерегулярно: в большинстве контекстов этот элемент поступка отсутствует. Несомненно, для геройства также значима направленность на кого-либо, кто находится в крайне затруднительном положении: *друг/друзья, любимый/любимая, Родина, народ, человечество, незнакомец.*

Для поступков фрейма «выходка» неактуальна нацеленность на объект. В структуре данных поступков в фокусе внимания находятся другие элементы, а именно действие и оценка, в меньшей степени – мотив.

Результат

По С. Л. Рубенштейну, «посредством поступка человек устанавливает свое отношение к другим и сознательно изменяет окружающую действительность» [9, с. 602]. Предположительно, поступок ведет к формированию новой объективной / субъективной социальной реальности.

Контекстуальный анализ имен поступков свидетельствует о том, что некоторые поступки, действительно, осознаются как те, которые ведут к значимым изменениям в обществе, и память о них остается в истории. Это справедливо для поступка «подвиг». Например, «*От гордости за* ***подвиг****, после которого генералы рассчитывают на бессмертие*» (Джин Н. Учитель (1980 – 1998)); «*И тогда он понял, что слухи о его подвиге окатили город ожиданием освежающих перемен. Он уже выпил всю свою водку и чувствовал себя великолепно. Со всех сторон шашлычной люди глядели на него с восхищением. Даже мое небольшое сопротивление режиму, вдруг подумал он, воодушевило город*» (Искандер Ф. Поэт // Новый мир, 1998); Пословица «*За великими подвигами великая известность*» также конкретизирует последствия подвига.

Применительно к другим рассматриваемым в данном исследовании поступкам, можно говорить лишь о предполагаемых последствиях. Очевидно, называя поступок *геройством*, участник ситуации или наблюдатель оценивает не результат, а действие (смелое, самоотверженное, решительное), мотив, готовность к самопожертвованию.

Результат, как правило, связан и с агентом поступка, и с его объектом, и они не всегда совпадают. Результат может быть благоприятным для объекта поступка и негативным для агента поступка: «*Прошу Вас, милостивая государыня, письмо мое тотчас уничтожить. Я человек маленький, а коли сведают, что г-ну Лермонтову* ***услужил****, полный мне фиаско выйдет…*» (Нагибин Ю. М. Заступница (1972 – 1979)); «*Босяцкие элементы озлобленно говорили о Гавриле, находя в нем общие, по их мнению, для крестьян черты, – от жадного, говорили они, можно всего ожидать, в том числе и предательского убийства, как это хотел Гаврила сделать с облагодетельствовавшим его Челкашом; в противоположность им по преимуществу крестьяне-безработные, не защищая Гаврилу, а даже порицая его, критиковали и Челкаша, который ворует и все пропивает – ни себе, ни людям*» (Каганович Л. М. Памятные записки (1991)).

Оказанная помощь может причинить вред и объекту поступка: *«Общий колорит этого случая настолько симпатичен, что невольно хочется оказать Коле помощь и удовлетворить его неясные желания. Многие так и делают. Я много видел таких облагодетельствованных мальчиков. Из этих мальчиков редко получается какой-нибудь толк»* (Макаренко А. С. Книга для родителей (1937)).

Напротив, в структуре поступков фрейма «выходка» результат является значимым элементом и получает конкретизацию в значительном количестве контекстов НКРЯ. Неоспоримым признается то, что проделки, шалости, проказы и т.д. требуют наказания или, по крайней мере, порицания: «*Двое уже получили за эту шалость / хорошо получили / от души*» (Говорухин С. и др. Ворошиловский стрелок, к/ф (1999)); «*Как вы сами знаете, моей дочери там уже не оказалось, зато эта Курносова, дрожа и влажно хлопая глазами, пролепетала мне что-то о том, что Валерия куда-то ушла, а мне оставила письмо и наказала обязательно передать, стоит мне только к ним заглянуть… а если не загляну, то отнести утром письмо мне домой… одним словом, я сел у стола, разорвал конверт и начал читать. Я, когда разрывал конверт, подумал, что всякому терпению есть предел и за эти художества она у меня получит»* (Абрагамовский А. Часовщик // Наука и религия, 2007).

Результат поступка связан с оценкой. Вероятно, что поступки фрейма «выходка» в большинстве случаев оцениваются отрицательно в какой-то степени из-за предполагаемого негативного результата. Например, «*Но при поиске таких мест возникла другая проблема – строжайшая конспирация, так как в нашей делегации*

были люди, которым явно было поручено оберегать нас от шальных поступков, не доводить до ЧП, в результате которого пострадали бы не только мы, но и те, кто нас посылал» (Козлов А. Козел на саксе (1998)); «*Сначала он немного оробел, знаете, как уличный мальчишка перед милицией, но когда до него дошло, что пришли за отцом, он начал грубить милиционерам, хамил, стоял в дверях, не давал пройти, толкался, вытворял свои мальчишеские штуки, и, не прикрикни я на него, дело могло обернуться плохо*» (Рыбаков А. Тяжелый песок (1975 – 1977)).

Оценка

По справедливому замечанию В. Е. Гольдина, главное в содержании имен поступков – характеристика-оценка, причем оцениваются и именуются не сами конкретные действия, а воплощенные в них поступки [10, с. 26]. Имена поступков отличаются от имен действий тем, что содержанием поступка становится оценка с этической или нормативной точки зрения [11, с. 146].

Оценка значима в структуре всех рассматриваемых поступков. Положительная оценка уже включена в значение единиц *благодеяние*, *помощь*, *геройство, подвиг* и их однокоренных лексем.

Сочетаемость лексем фрейма «выходка» указывает на то, что соответствующие поступки оцениваются с разных сторон, но все определения дают оценку поступка а) с точки зрения закона (проделка: *противозаконная, мошенническая, бандитская, незаконная, грабительская;* выходка: *экстремистская, антисемистская*), б) другие – моральную оценку (проделка: *подлая, жестокая, пакостная, коварная, бессовестная, безответственная, отвратительная, каверзная, грязная, гнусная, злая, предательская, плутовская., мелочная, легкомысленная, некрасивая, невинная, хладнокровная;* выходка: *оскорбительная, злая, аморальная, порочная, хамская, беспардонная*), в) некоторые делают акцент на интенсивности действия (проделка: *ловкая, лихая, дерзкая.;* выходка: *необузданная, эксцентричная, дикая, диковатая, кровавая, дерзкая*), г) другие – на рациональности действия (проделка*: глупая, удачная, неуместная, сомнительная;* выходка: *глупая, безумная, необъяснимая, дурацкая, нелепая*).

Тем не менее для всех имен поступков характерна вариативная оценочность. В некоторых контекстах лексемы, для которых характерна положительная оценка, могут актуализировать признаки отрицательного поступка: «*Домовой не на шутку вскипел: – Выискался благодетель! – Многие, подобные тебе, не стоят и моего когтя, – холодно сказал Мури*» (Бояшов И. Путь Мури (2007)); «*Вы ненормальный / что ли? Что за геройство такое? Вы почему в лаз не прыгнули*?» (Янковский Ф., Акунин Б. Статский советник, к/ф (2005)); «*Майор Шикин наставительно просит остальных девушек, увидевших падение подруги, в этом случае оказать ей товарищескую помощь, а именно: откровенно сообщить майору Шикину о произошедшем*» (Солженицын А. В круге первом. Т. 1, гл. 1 – 25 (1968) // Новый мир, 1990).

Поступки, которые изначально осознаются как отрицательные, могут получать положительную оценку в узком контексте: «*Потому что невозможно себе представить, что обманули партизаны, не встретив их в установленном месте. Такого не могло случиться… Хотя, пожалуй, могло случиться и такое, вдруг подумал командир, на войне случается разное, вся она полна самых невероятных случаев. Работая в штабе, он уже был наслышан о замечательных проделках как летчиков, так и партизан. Но и Огрызков должен был об этом кое-что знать*» (Быков В. Болото (2001)).

Таким образом, исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в речи ситуацию поступка могут представлять не только сами имена поступков, но и отдельные компоненты этой ситуации, например, имена агентов действия (*герой, благодетель, помощник, проказник* и др.).

Во-вторых, в основе представлений о поступках лежит регулярно реализуемый в речи инвариантный фрейм, слотами которого являются мотив, действие, агент, объект, оценка, результат. Опорными точками представлений об определенных поступках являются прототипические референты (прототипические мотивы, прототипические действия, прототипические агенты и т. д.).

Слоты этой модели неравномерно объективированы в речи применительно к разным поступкам. Мотив, результат, объект поступков получают дискурсивное выражение реже, чем агент, действие, оценка поступков. По всей видимости, слоты «агент поступка», «действие, лежащее в основе поступка», «оценка поступка», являющиеся наиболее репрезентированными на уровне речи, следует признать опорными, центральными в концептуальной модели описываемых поступков.

Примечательно, что при активизации одного из элементов фрейма могут активизироваться и другие элементы (например, действие может быть расценено как геройский поступок только при осознании его мотива или результата). Это свидетельствует о том, что выделенные слоты существуют не изолировано друг от друга, а представляют собой взаимосвязанные фрагменты единого ментального комплекса, фрейма поступка.

Литература

1. Бочкарев А. Е. Семантический словарь. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2003. 200 с.

2. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 151 с.

3. Бентам И. Избранные сочинения Иеремия Бентама. СПб.: Типография и Литография Н. Тиблена и Ком, 1867. Т. 1. 745 с.

4. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.

5. Национальный корпус русского языка. Режим доступа: http://ruscorpora.ru/search-main.html (дата обращения: 01.02.2017).

6. Леонтьев А. Н. Категория деятельности в психологии // Хрестоматия по курсу Введение в психологию: учебное пособие / ред. и сост. Е. Е. Соколова. М.: Российское психологическое общество, 1999. С. 462 – 476.

7. Эфендиев А. Г. Общая социология: учебное пособие. М.: Инфра-М, 2000. 654 с.

8. Бочкарев А. Е. К проблеме категоризации в теории прототипов: PRO ET CONTRA // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 249 – 254.
9. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000. 712 с.
10. Гольдин В. Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. Саратов: Изд-во Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1997. С. 23 – 34.
11. Бушуева Л. А. Имена поступков и связанные с ними оценки в русском и английском языке // Вестник Саратовского технического университета. 2006. № 2. С. 143 – 147.

THE ACT FRAME: THE INVARIABLE MODEL AND VARIANTS OF ITS ACTUALIZATION

Lyudmila A. Bushuyeva[1, @1]

[1] *Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 23, Gagarin Pr., Nizhny Novgorod, Russia, 603600*
[@1] *sebeleva@yandex.ru*

Received 15.02.2017.
Accepted 12.05.2017.

Keywords: categorization, frame, slot, invariable model, name of act.

Abstract: The article presents the results of the frame analysis of the situations of such acts as “help”, “benefaction”, “heroism”, “exploit”, “prank”, “antic”, “trick”, etc. The research is based on the idea according to which the conceptualization of acts is linked with the invariable frame, which is a structure built by the following elements: aim, action, subject, object, valuation, result. The aim of the paper is to show how the names of the acts represent this invariable frame model of an act. In the analysis of the names of acts and their cognate words in speech it was revealed that the elements of the slots are interrelated and characterize different aspects of the situations of acts. The conclusion was made that in different situations various elements of the invariable frame can come into the focus of attention. The research shows that the frame of act is a complex, multidimensional category, which reflects the world and relations between its elements.

For citation: Bushuyeva L. A. Freim postupka: invariantnaia model' i varianty ee realizatsii [The Act Frame: the Invariable Model and Variants of its Actualization].*Vestnik Bulletin of Kemerovo State University,* 2017; (2): 173 – 178. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-173-178.

References

1. Bochkarev A. E. *Semanticheskii slovar'* [Semantic dictionary]. Nizhnii Novgorod: DEKOM, 2003, 200.
2. Minsky M. *Freimy dlia predstavleniia znanii* [Frames as categories of knowledge]. Moscow: Energiia, 1979, 151.
3. Bentham J. *Izbrannye sochineniia* [Selected works by Bentham J.]. Saint-Petersburg: Tipografiia i Litografiia N. Tiblena i Kom, vol. 1 (1987): 745.
4. Iriskhanova O. K. *Igry fokusa v iazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniia* [Games of focus in a language. Semantics, suntax and pregmatics of defocusing]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2014, 320.
5. *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka* [Russian language national corpus]. Available at: http://ruscorpora.ru/search-main.html (accessed 01.02.2017).
6. Leont'ev A. N. Kategoriia deiatel'nosti v psikhologii [The category of action in psychology]. *Khrestomatiia po kursu Vvedenie v psikhologiiu* [Introduction into Psychology reader]. Ed. and comp. Sokolova E. E. Moscow: Rossiiskoe psikhologicheskoe obshchestvo, 1999, 462 – 476.
7. Efendiev A. G. *Obshchaia sotsiologiia* [The general sociology]. Moscow: Infra-M, 2000, 654.
8. Bochkarev A. E. K probleme kategorizatsii v teorii prototipov: PRO ET CONTRA [To the question of categorization in the prototype theory: PRO ET CONTRA]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, no. 1 (2015): 249 – 254.
9. Rubinshtein S. L. *Osnovy obshchei psikhologii* [The basics of general psychology]. Saint-Petersburg: Piter, 2007, 712.
10. Gol'din V. E. Imena rechevykh sobytii, postupkov i zhanry russkoi rechi [The names of speech events, acts and the genres of the Russian speech]. *Zhanry rechi* [The genres of speech]. Saratov: Izd-vo Gosudarstvennogo uchebno-nauchnogo tsentra «Kolledzh», 1997, 23 – 34.
11. Bushueva L. A. Imena postupkov i sviazannye s nimi otsenki v russkom i angliiskom iazyke [The names of acts and values connected with them in the Russian and English languages]. *Vestnik Saratovskogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of Saratov state Technical University*, no. 2 (2000): 143 – 147.

УДК 811.161

СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С ПЕРЦЕПТИВНЫМ КОМПОНЕНТОМ ВКУСА

Илья Г. Варламенко[1, @]

[1] *Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *i.varlamenko@yandex.ru*

Поступила в редакцию 07.06.2016.
Принята к печати 16.12.2016.

Ключевые слова: фразеологизм, перцепция, модус перцепции, субъект перцепции, объект перцепции, перцептивная деятельность.

Аннотация: В данной статье анализируется группа фразеологизмов, которые имеют референцию к вкусовому модусу перцепции. Основная цель заключается в изучении структурно-семантических особенностей фразеологизмов данной группы, а также рассмотрение когнитивно-стилистических особенностей их репрезентации в англоязычных художественных текстах. В работе приведены определения понятий «субъект перцепции», «объект перцепции», «перцептивная деятельность»; представлены классификации группы фразеологизмов, имеющих референцию к вкусовому модусу перцепции в соответствии с перцептивными компонентами, а также в зависимости от характеристики субъекта или объекта перцепции, либо самой перцептивной деятельности. Исследуются особенности употребления перцептивных фразеологизмов, имеющих референцию к вкусовому модусу, в текстах художественных произведений, в частности, в романах Уильяма Сомерсета Моэма “Театр” и “Острие бритвы”.

Для цитирования: Варламенко И. Г. Субъектно-объектные отношения в английских фразеологизмах с перцептивным компонентом вкуса // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 179 – 183. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-179-183.

В когнитивной фразеологии категория смысла рассматривается в качестве «функционального понятия в когнитивно-коммуникативной деятельности человека» [1, с. 61]. При изучении смысла как динамической системы особое внимание уделяется рассмотрению диалектики субъектно-объектных отношений, согласно которой человек в процессе восприятия и познания находится не вне изучаемого объекта, а внутри него, как часть, познающая целое. Согласно Н. Ф. Алефиренко, «именно во фраземе отчётливо проявляется единство познающего и познаваемого, поскольку в ней объективируется когнитивный процесс, объединяющий в себе два феномена – реальность и познающий субъект» [1, с. 61].

Перцепция является одним из способов познания окружающего мира, представляя собой «психический процесс, в ходе которого происходит анализ и осмысление получаемой через органы чувств информации об окружающем мире, обеспечивающий отражение объективной реальности в сознании и ориентировку в окружающем мире» [2, с. 547]. По мнению В. А. Барабанщикова, восприятие – «это непрекращающаяся связь индивида со средой, человека с миром, в рамках которой среда, мир непосредственно открываются человеку и становятся доступными ему» [3, с. 78].

Ю. Д. Апресян считает, что первичная ситуация восприятия включает двух основных участников: того, кто воспринимает, и то, что воспринимается [4, с. 149]. Таким образом, структура перцептивного процесса состоит из субъекта и объекта восприятия, а также перцептивной активности. В психологии субъектом восприятия является «носитель перцептивного процесса; сенсорная система, мозг или организм в целом» [5, с. 89]. Однако в последние десятилетия была установлена тесная взаимосвязь восприятия с другими психологическими явлениями (процессами состояния и свойствами личности). Перцептивный процесс рассматривается как «явление бытия человека, в котором познавательное отношение играет часто подчинённую роль» [6, с. 73]. Поэтому в рамках данного подхода восприятие представляется как «структурированный объект бытия человека, взятый в единстве внешних и внутренних условий своего существования, а субъект восприятия выражает качество, которое приобретает индивид в системе жизненных связей и отношений» [3, с. 78]. Особое значение при этом уделяется не только поиску и приёму полезной информации, но и её интерпретации – включению в смысловые контексты или семантические поля воспринимающего. По мнению Ю. Д. Апресяна, «субъект восприятия может не только пассивно воспринимать какой-то объект, но и активно использовать соответствующий орган восприятия для того, чтобы получить нужную информацию о мире» [4, с. 372]. В свою очередь объектом восприятия является некое «функциональное образование, проявляющееся сквозь призму активности субъекта познания» [3, с. 83]. В процессе восприятия субъект конструирует своё бытие, одновременно подчиняясь ему, поэтому объект восприятия является одновременно и определяющим фактором перцептивной деятельности, и её результатом.

И субъект, и объект восприятия включены в процесс перцептивной деятельности. Согласно В. А. Барабанщикову, перцептивная деятельность состоит из трёх составляющих: инициирующее звено (потребность субъекта в информации об объекте-ситуации); направленность процесса на тот или иной элемент ситуации (человека, вещь, событие), который становится элементом восприятия; актуализация механизмов осуществления направ-

ленного процесса [3, с. 85]. Каждый акт восприятия предполагает уникальное состояние индивида, характерную динамику его мотивов: он может иметь намеренный или случайный характер. В структуру субъекта восприятия входят многочисленные отношения, связанные с данным индивидом.

На основе данных теоретических положений относительно репрезентации перцепции в языке целями данной работы мы определили:

1) изучение структурно-семантических особенностей английских фразеологизмов, имеющих референцию к вкусовому модусу;

2) рассмотрение когнитивно-стилистических особенностей репрезентации фразеологизмов данной группы в англоязычных художественных произведениях на примере романов английского писателя У. С. Моэма “Theatre” («Театр», 1937) и “The Razor’s Edge” («Острие бритвы», 1944).

Модус перцепции – «аспект, выраженный в языке и относящийся к восприятию окружающего мира с помощью пяти внешних органов чувств: зрения, слуха, обоняния, осязания и вкуса» [7, с. 79]. Ранее нами изучались перцептивные фразеологизмы как элемент создания образа [8, с. 152]. В ходе работы нами были использованы общенаучные методы наблюдения, анализа и синтеза, а также методы структурно-семантического и контекстуального анализа.

В европейской традиции принято выделять четыре основных вида вкуса: *горький* (bitter), *сладкий* (sweet), *кислый* (sour), *солёный* (salty) [7, с. 87]. Данные наименования вкуса были использованы нами в качестве базовых перцептивных компонентов – слов, которые «указывают на перцептивный канал, задействованный говорящим» [9, с. 242]. Перцептивные компоненты образуют семантическое поле – «фрагмент языковой картины мира, состоящий из разнообразных языковых выражений одного понятия, а именно, из содержательной стороны языковых знаков, относящихся к одному понятию и, таким образом, объединенных этим общим понятием» [1, с. 89]. Перцептивными компонентами, используемыми для отбора фразеологизмов вкусового модуса, послужили имена прилагательные: *sweet*, *bitter*, *sour*, *salty* – и производные от них существительные, а также глаголы, именующие процессы, связанные с использованием вкусовых рецепторов: *to taste*, *to eat*, *to drink*. В соответствии с данными компонентами мы разделили фразеологизмы, имеющие референцию к вкусовому модусу, на ряд субмодусов. Поскольку перевод с помощью соответствующих русских идиом может приводить к утрате компонентов вкусового модуса (ср. *honey is sweet, but the bee stings* ≈ и хочется и колется), используемые варианты перевода фразеологизмов являются буквальными, снабжёнными соответствующими русскими аналогами, если таковые имеются.

1. Субмодус фразеологизмов с компонентом *sweet*. Фразеологизмы данного субмодуса могут характеризовать непосредственно вкусовое восприятие: *sweet as honey* ‘сладкий как мёд’; *sweet as sugar* ‘сладкий как сахар’; *honey is sweet, but the bee stings* ‘мёд сладок, но пчела жалит’ (≈ и хочется и колется); *no sweet without sweat* ‘нет сладкого без пота’ (≈ не вкусив горького, не видать и сладкого); *to have a sweet tooth* ‘иметь сладкий зуб’ (т. е. быть сластёной). В структурах данных фразеологизмов перцептивный компонент *sweet* употребляется не только в положительной, но и в сравнительной *sweeter* и превосходной *sweetest* степенях сравнения: *the nearer the bone the sweeter the flesh* ‘чем ближе кость, тем слаще плоть’ (≈ остатки сладки); *forbidden fruit is sweetest* ‘запретный плод сладок’. Фразеологизмы данного субмодуса могут также характеризовать объекты, явления, не относящиеся напрямую к сфере вкусового восприятия: *to keep* (*someone*) *sweet* ‘поддерживать кого-либо сладким’ (т. е. задабривать, умасливать); *sweet-talk* ‘сладкий разговор’ (т. е. обхаживание, умасливание); *sweet nothings* ‘сладкие пустяки’ (т. е. нежные слова); *sweet Fanny Adams* ‘сладкое ничто’ (≈ пустое место).

2. Субмодус фразеологизмов с компонентом *bitter*: *bitter as aloes/gall/wormwood* ‘горький, как алоэ/желчь/ полынь’; *a bitter pill* (*to swallow*) ‘горькая пилюля’ / *bitter medicine* ‘горькое лекарство’ (т. е. тяжёлая необходимость); *the bitter fruits* ‘горькие фрукты’ (т. е. неприятные последствия); *the bitter truth* ‘горькая правда’; *to the bitter end* ‘до горького конца’ (≈ до последней капли крови). Компонен *bitter* имеет субстантивный вариант *bitterness* во фразеологизмах: *every heart knows its own bitterness* ‘каждое сердце знает свою собственную горечь’ (≈ у каждого свои горести); *to drain the cup of bitterness* ‘выпить до дна чашу горечи’ (≈ испить чашу горечи). Благодаря метафоризации перцептивного компонента фразеологизмы данного субмодуса обретают отрицательную семантику, характеризуя не собственно вкусовое восприятие, а различные негативные, неприятные явления действительности.

3. Субмодус фразеологизмов с компонентами *sweet* и *bitter*, в основе которых актуализируется их антонимичный характер: *that which was bitter to endure may be sweet to remember* ‘то, что было горько пережить, бывает сладко вспоминать’ (≈ иногда бывает приятно вспомнить пережитую боль); *who has never tasted bitter, knows not what is sweet* ‘кто никогда не пробовал горького, не знает, что такое сладкое’ (≈ не отведав горького, не узнать и сладкого); *apothecaries would not sugar their pills unless they were bitter* ‘аптекари не подслащивали бы пилюли, если бы они не были горькими’.

4. Субмодус фразеологизмов с компонентом *sour*: (*to mend*) *like sour ale in summer* ‘улучшиться, как кислое пиво летом’ (т. е. стать ещё хуже); *for sour apples* ‘ради кислых яблок’ (совершенно, совсем); *sour grapes* / *the grapes are sour* ‘кислый виноград’ (т. е. притворное равнодушие).

5. Субмодус фразеологизмов с компонентом *salt*: *to eat a peck of salt with somebody* ‘съесть стакан соли с кем-либо’ (съесть пуд соли с кем-либо); *there has been many a peck of salt eaten since* ‘с тех пор было съедено много соли’ (≈ много воды утекло с тех пор); *before you choose a friend eat a bushel of salt with him* ‘прежде чем выбрать друга, съешь с ним бушель соли’. Характеризуя явления, не связанные напрямую с вкусовым восприятием, фразеологизмы данного субмодуса имеют отрицательную семантику: *to rub salt in/into smb.'s wound* ‘втирать соль кому-либо в рану’ (≈ сыпать соль на рану); (*to take*) *with a pinch/grain of salt* ‘класть щепотку соли’ (т. е. относиться с недоверием, скептически). Ряд фразеологизмов, напротив, обладают положительной семантикой: *to be worth one's salt* ‘быть достойным своей соли’ (≈ не ударить лицом в грязь); *salt of the earth* ‘соль земли’ (т. е. лучшие, достойнейшие люди).

6. Субмодус фразеологизмов с компонентом *(to) taste*: *a bad taste in one's mouth* ‘неприятный вкус во рту’ (т. е. неприятное впечатление); *to taste blood* ‘попробовать крови’ (≈ войти во вкус); *tastes differ* ‘вкусы различаются’ / *every man to his taste* ‘у каждого свой вкус’ / *there is no accounting for tastes* ‘нет учёта вкусам’ (≈ о вкусах не спорят, на вкус и цвет товарищей нет); *in bad/poor taste* ‘в плохом/дурном вкусе’ (т. е. бестактно); *to a queen's taste* ‘на королевский вкус’ (т. е. в совершенстве).

7. Субмодус фразеологизмов с компонентом (*to*) *drink*: *as you brew, so must you drink* ‘как сварил, так и должен пить’ (≈ сам заварил кашу, сам и расхлёбывай); *be the worse for drink* ‘стать хуже из-за питья’ (≈ хватить лишку); *to drink like a fish* ‘пить как рыба’ (≈ пить запоем); *to drink in something with one's mother's milk* ‘впитать что-либо с молоком матери’; *to be food and drink for somebody* ‘быть для кого-либо едой и водой’ (≈ быть необходимым кому-либо как воздух).

8. Субмодус фразеологизмов с компонентом *to eat*: *to eat one's cake and have it* ‘есть пирог и иметь его’ (т. е. преследовать две взаимоисключающие цели); *you can't eat your cake and have it* ‘нельзя съесть пирог и иметь его’ (≈ один пирог два раза не съешь); *eat at pleasure, drink by measure* ‘ешь в удовольствие, пей в меру’; *to eat the fat of the land* ‘есть жир земли’ (≈ как сыр в масле кататься); *to eat humble pie* ‘есть скромный пирог’ (≈ проглотить обиду); *to eat dirt* ‘есть грязь’ (т. е. унижаться).

Данная классификация свидетельствует о том, что значения фразеологизмов, имеющих референцию к вкусовому модусу, могут характеризовать как собственно вкусовое восприятие, так и выходить за рамки перцепции. Не только метонимическая, но и метафорическая природа их образования способствует трансформации вкуса из модуса перцепции в область других когнитивных аспектов жизни человека, в частности его психических состояний (эстетические вкусы, привязанности), а также характеризуют образ совершаемых им действий, объекты и явления окружающего мира, положительные или отрицательные свойства.

Помимо данной классификации, в основе которой лежит критерий наличия во фразеологизмах одинаковых перцептивных компонентов, мы также сгруппировали перцептивные фразеологизмы, имеющие референцию к вкусовому модусу, в зависимости от их потенциальной характеристики субъекта или объекта восприятия или же самой перцептивной деятельности.

1. Фразеологизмы, характеризующие субъект вкусовой перцептивной деятельности. В данную группу входят фразеологизмы, описывающие личностные качества субъекта (его вкусовые предпочтения): *to have a sweet tooth* ‘иметь сладкий зуб’ (т. е. быть сластёной); *every man to his taste* ‘у каждого свой вкус’ (≈ о вкусах не спорят, на вкус и цвет товарищей нет), а также характеризующие жизненный опыт субъекта, являющийся результатом не только перцептивной деятельности: *who has never tasted bitter, knows not what is sweet* ‘кто никогда не пробовал горького, не знает, что такое сладкое’ (≈ не отведав горького, не узнать и сладкого); *every heart knows its own bitterness* ‘каждое сердце знает свою собственную горечь’ (≈ у каждого свои горести).

2. Фразеологизмы, характеризующие объект вкусовой перцептивной деятельности: *the nearer the bone the sweeter the flesh* ‘чем ближе кость, тем слаще плоть’ (≈ остатки сладки); *forbidden fruit is sweetest* ‘запретный плод сладок’; *a bitter pill* (*to swallow*) ‘горькая пилюля’. Особую подгруппу составляют фразеологизмы, структура которых основана на сравнении: *sweet as honey* ‘сладкий как мёд’; *sweet as sugar* ‘сладкий как сахар’; *bitter as aloes/gall/wormwood* ‘горький, как алоэ/желчь/полынь’.

3. Фразеологизмы, характеризующие вкусовую перцептивную деятельность. Их структурной особенностью является наличие глагола вкусовой активности: *to taste blood* ‘попробовать крови’ (≈ войти во вкус); *to drink like a fish* ‘пить как рыба’ (≈ пить запоем); *as you brew, so must you drink* ‘как сварил, так и должен пить’ (≈ сам заварил кашу, сам и расхлёбывай); *to drink in something with one's mother's milk* ‘впитать что-либо с молоком матери’. Упоминание объекта вкусовой активности указывает на то, что в данной ситуации важен не только сам процесс перцептивной активности, но и её результат.

Проанализировав классификацию фразеологизмов вкусового модуса, в основу которой заложен параметр характеристики субъекта или объекта восприятия или же самой перцептивной деятельности, мы приходим к выводу, что перцептивные фразеологизмы, характеризующие объект восприятия, содержат в своей структуре прилагательные, номинирующие оттенок вкуса (*sweet*, *bitter*); фразеологизмы, содержащие глаголы вкусовой активности (*to taste, to eat*, *to drink*), напротив, характеризуют саму перцептивную деятельность. Вкусовое восприятие может быть охарактеризовано либо с точки зрения объекта перцепции, особенностей его вкуса, либо способа осуществления самой перцептивной деятельности (процесс еды, питья и т. д.), в то время как субъект осуществляет эту деятельность и вкусовыми рецепторами воспринимает её результаты.

Поскольку художественная речь обладает такими свойствами как образность, эмоциональность и эстетическая устремлённость [10, с. 118], мы рассмотрели перцептивные фразеологизмы не только как языковой пласт, но и как элементы художественной речи, которые реализуются в текстах художественных произведений. При этом мы опирались на утверждение Т. А. Шидо о том, что «необходимо выявлять функциональные особенности лексических единиц: при этом анализу подвергаются любые способы выражения поля восприятия (словосочетания, фразеологизмы и т. д.)» [11, с. 89]. В ходе анализа особенностей использования перцептивных фразеологизмов в текстах романов мы постарались рассмотреть широту их функциональных возможностей, начиная с характеристики самой перцептивной деятельности и в дальнейшем переходя к другим когнитивным аспектам.

Применив метод контекстуального исследования для анализа ситуаций употребления перцептивных фразеологизмов в текстах романов Сомерсета Моэма, мы получили следующие результаты.

1. В указанных романах встречаются ситуации, содержащие непосредственную характеристику объекта восприятия: *The waiter poured out a glass of pale* ***green liquid*** *and Isabel sniffed it.* “*Oh, what* ***a lovely smell****.*” “*Hasn't it?*” *cried Elliott.* “*That's the herbs they put in it; it's they that*

give it its ***delicate taste****. Just to keep you company I'll have a drop. It can't hurt me for once.*" "*It* ***tastes divine****,*" *said Isabel.* "*It's* ***like mother's milk****. I've never* ***tasted*** *anything so good*" «*Официант налил ей в рюмку* ***бледно-зелёной жидкости****. Она понюхала. «Ой,* ***как пахнет чудесно****!» «А что я говорил!» – воскликнул Эллиот. – «Там в неё добавляют какие-то травы, они и дают этот* ***тонкий букет****. Пожалуй, выпью капельку, составлю тебе компанию. Один раз не страшно». «****Вкус божественный****, – сказала Изабелла. – В жизни не пила* ***такой прелести****»* [12, p. 206]. Наряду с перцептивным фразеологизмом, описывающим вкусовые ощущения персонажей (*like mother's milk*), в данном отрывке употреблены другие перцептивные компоненты, характеризующие вкус (*to taste*), а также перцептивные компоненты других модусов: зрительной (*green liquid*) и обонятельной (*a lovely smell*) видов активности, что ведёт к расширению семантического поля перцептивной активности в данном контексте.

2. Фразеологизмы, сигнификативный компонент которых имеет менее тесную связь с вкусовым восприятием, сохраняя при этом перцептивные оттенки значения, могут характеризовать объект не только вкусовой, но и других видов перцепции, например, зрительной: *He smiled at me. Have you ever* ***noticed*** *what a wonderful smile he's got? It's* ***as sweet as honey*** «*А он улыбнулся. Вы когда-нибудь замечали, какая у него удивительная улыбка?* ***Сладкая как мёд****»* [12, p. 175]. В данном отрывке перцептивный компонент вкуса используется для опосредованного описания улыбки персонажа, которая является объектом зрительной перцептивной активности, репрезентированной глаголом *to notice*. Результат зрительного восприятия – увиденной им улыбки собеседника – в сознании говорящего связывается со сладостью мёда, т. е. с вкусовыми ощущениями.

Другой случай представляет фразеологизм *a bitter pill to swallow*: *One has* ***to remember*** *how much has* ***to be forgotten*** *and how much has* ***to be learnt*** *when for the first time one faces life. It's not very easy to give up one's ideals, and the brute facts of every day are* ***bitter pills to swallow*** «*Мы должны* ***помнить****, что многое нужно* ***забыть*** *и многому* ***научиться****, когда впервые лицом к лицу сталкиваешься с жизнью. Не так это легко – отказаться от своих идеалов, и жестокие факты нашего повседневного бытия –* ***горькие пилюли****»* [13, p. 271]. Наличие в отрывке глаголов, характеризующих ментальную деятельность персонажа (*to remember*, *to forget*, *to learn*), свидетельствует о том, что в основе данного отрывка лежит описание когнитивного, психического состояния персонажа. В этом случае перцептивный фразеологизм характеризует факты и события жизни героини, которые ей не приятны.

3. Фразеологизмы третьей группы в силу своей метафорической природы имеют ещё меньшую связь с перцептивной активностью. Основным объектом их характеристики является описание отношения одного из героев к другому персонажу: *He could not pass a mirror without looking into it. He hankered for compliments and beamed with delight when he had managed to extract one.* ***They were food and drink to him*** «*Он не мог пройти мимо зеркала, не взглянув в него. Он всячески напрашивался на комплименты и сиял от удовольствия, когда ему удавалось добиться их.* ***Хлебом его не корми*** *– только скажи, как он хорош»* [13, p. 75]; *Larry was strong enough to refuse to sacrifice for Isabel's sake the life that he thought was the life for him, but it may be that to lose her was bitterer to endure than he had expected. It may be that like most of us he wanted* ***to eat his cake and have it*** «*У Ларри хватило сил не пожертвовать ради Изабеллы той жизнью, которую он себе выбрал, но возможно, что потерять ее оказалось горше, чем он ожидал. Возможно, он, как и все мы, грешные, мечтал, что* ***и волки будут сыты, и овцы целы****»* [12, p. 92]. Метафорическое переосмысление в данных фразеологизмах не предполагает непосредственно вкусовой перцептивной активности персонажей: они не едят и не пробуют что-либо на вкус. В данном случае с помощью метафоризации переносится акцент с перцептивной деятельности на описание черт характера персонажей (бахвальство), их эмоциональных состояний (надежды, мечты).

Анализ ситуаций употребления перцептивных фразеологизмов, имеющих референцию к вкусовому модусу, в художественных текстах позволил сделать вывод, что диапазон ситуаций, в которых могут использоваться данные фразеологизмы, является достаточно широким. Во-первых, они могут непосредственно описывать объекты восприятия, ощущаемые персонажами в процессе вкусо-вой перцептивной активности. Во-вторых, они могут использоваться в тех случаях, когда вкусовая перцепция отходит на второй план, уступая место либо другому виду перцепции (зрительной), либо характеризуя эмоциональное состояние и когнитивные процессы персонажей, свя-занные с перцепцией лишь опосредовано (память, мышление, воображение). И наконец, в третьем случае эти фразеологизмы, основанные на метафорическом переносе, характеризуют субъективное отношение персонажа к человеку или предмету реальности.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М.: ЭЛПИС, 2007. 272 с.
2. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1991 – 1992. Т. 2. 768 с.
3. Барабанщиков В. А. Психология восприятия: Организация и развитие перцептивного процесса. М.: Когито-Центр, 2006. 241 с.
4. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. М.: Языки русской культуры, 1995. 464 с.
5. Аллахвердов В. М. Экспериментальная психология познания: когнитивная логика сознательного и бессознательного. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 352 с.
6. Артемьева Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики. М.: Наука: Смысл, 1999. 350 с.
7. Рузин И. Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // Вопросы языкознания. 1994. № 6. С. 79 – 100.
8. Варламенко И. Г., Баева Н. А. Перцептивные фразеологизмы как средство создания образа (на материале цикла Джона Голсуорси "The Forsyte Saga") // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 4. Т. 2. С. 152 – 154.

9. Вишнякова Е. П., Карпухина Т. П. Функционирование категории перцептивности в новелле Г. Уэллса «Страна слепых» // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2013. № 2(29). С. 241 – 250.

10. Баева Н. А. От стилистики общенародного языка к идиостилю // Лингвистическое наследие Шарля Балли в XXI веке: материалы Международной научно-практической конференции / РГПУ им. А. И. Герцена, СПбГУ. СПб., 2009. С. 117 – 119.

11. Шидо Т. А. Психолингвистическое описание лексических единиц семантического поля ощущения. Саратов: АКД, 1989. 179 с.

12. Maugham W. S. The Razor's Edge. London: Heinemann, 1984. 312 p.

13. Maugham W. S. Theatre. M.: Progress Publishers, 1999. 304 p.

SUBJECT-OBJECT RELATIONS IN ENGLISH IDIOMS WITH A GUSTATORY PERCEPTIVE COMPONNENT

Ilia G. Varlamenko [1, @]

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *i.varlamenko@yandex.ru*

Received 07.06.2016.
Accepted 16.12.2016.

Keywords: idiom, perception, modus of perception, subject of perception, object of perception, perceptive activity.

Abstract: The paper proposes an analysis of the idioms that have reference to the modus of gustatory perception. The main goal of the paper is to study structural and semantic features of the idioms belonging to this group as well as to consider cognitive and stylistic characteristics of their representation in English literary texts, specifically in W. S. Maugham's novels "Theatre" and "The Razor's Edge". The classifications of the idioms according to the perceptive predicates and to their abilities to characterize either a perceptive subject, or a perceptive object, or perceptive activity itself are presented. The features of their usage in fiction are in the focus of attention.

For citation: Varlamenko I. G. Sub"ektno-ob"ektnye otnosheniia v angliiskikh frazeologizmakh s pertseptivnym komponentom vkusa [Subject-Object Relations in English Idioms with a Gustatory Perceptive Component]. *Bulletin of Kemerovo State University,* 2017; (2): 179 – 183. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-179-183.

References

1. Alefirenko N. F. *Frazeologiia v svete sovremennykh lingvisticheskikh paradigm* [Phraseology in the light of modern linguistic paradigm]. Moscow: ELPIS, 2007, 272.

2. *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'* [Great Encyclopedic Dictionary]. Ed. Prohorov A. M. Moscow: Sov. entsiklopediia, vol. 2 (1991 – 1992): 768.

3. Barabanshchikov V. A. *Psikhologiia vospriiatiia: Organizatsiia i razvitie pertseptivnogo protsessa* [The psychology of perception: Organization and development of perceptual process]. Moscow: Kogito-Tsentr, 2006, 241.

4. Apresian Yu. D. *Izbrannye trudy. T. 1. Leksicheskaia semantika* [Collected Works by Apresian Yu. D. Vol. 1. Lexical semantics]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1995, 464.

5. Allakhverdov V. M. *Eksperimental'naia psikhologiia poznaniia: kognitivnaia logika soznatel'nogo i bessoznatel'nogo* [Experimental psychology of cognition: cognitive logic of the conscious and unconscious]. Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2006, 352.

6. Artem'eva E. Iu. *Osnovy psikhologii sub"ektivnoi semantiki* [Fundamentals of psychology of subjective semantics]. Moscow: Nauka: Smysl, 1999, 350.

7. Ruzin I. G. Kognitivnye strategii imenovaniia: modusy pertseptsii (zrenie, slukh, osiazanie, obonianie, vkus) i ikh vyrazhenie v iazyke [Cognitive strategies of naming: modes of perception (sight, hearing, touch, smell, taste), and their expression in language]. *Voprosy iazykoznaniia = Issues of linguistics*, no. 6 (1994): 79 – 100.

8. Varlamenko I. G., Baeva N. A. Pertseptivnye frazeologizmy kak sredstvo sozdaniia obraza (na materiale tsikla Dzhona Golsuorsi "The Forsyte Saga") [Phraseological units with perceptive component as means of image creation (based on "The Forsyte Saga" by John Galsworthy)]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2, no. 4 (2014): 152 – 154.

9. Vishniakova E. P., Karpukhina T. P. Funktsionirovanie kategorii pertseptivnosti v novelle G. Uellsa «Strana slepykh» [Functioning of perceptual categories in the novel by H. G. Wells, "The country of the blind"]. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Pacific state University*, no. 2(29) (2013): 241 – 250.

10. Baeva N. A. Ot stilistiki obshchenarodnogo iazyka k idiostiliu [From the style of popular language to idiostile]. Lingvisticheskoe nasledie Sharlia Balli v XXI veke: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Linguistic legacy of Charles Bally in the XXI century: Proc.Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Saint-Petersburg, 2009, 117 – 119.

11. Shido T. A. *Psikholingvisticheskoe opisanie leksicheskikh edinits semanticheskogo polia oshchushcheniia* [Psycholinguistic description of lexical semantic of units of sensation]. Saratov: AKD, 1989, 179.

12. Maugham W. S. *The Razor's Edge*. London: Heinemann, 1984, 312.

13. Maugham W. S. *Theatre*. Moscow: Progress Publishers, 1999, 304.

УДК 82-2

РЕЦЕПТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПЬЕСЫ Ю. КЛАВДИЕВА «СОБАКИ-ЯКУДЗА»

Татьяна Н. Волкова[1, @]

[1] *Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, Россия, 650070, г. Кемерово, ул. Заузелкова, 3*
[@] *tvolkova2005@yandex.ru*

Поступила в редакцию 06.12.2016.
Принята к печати 13.03.2017.

Ключевые слова: анимация, визуальное, героическое, рецептивная стратегия, читатель-взрослый, читатель-подросток, читатель-ребенок.

Аннотация: В статье рассматривается пьеса современного драматурга Ю. Клавдиева «Собаки-якудза». Здесь представлен подробный (но не исчерпывающий) анализ культурных кодов произведения. «Языки» анимации, кинематографа, классической и беллетристической литературы, компьютерной игры и восточной философии формируют в произведении, по мнению автора исследования, специфический «диалект», обращенный к читателю-тинэйджеру. В статье подчеркивается, что читающий подросток отличается как от читателя-ребенка, так и от читателя-взрослого: его рецептивные возможности во многом определяются кризисом переходного возраста. В художественном произведении подросток ищет, с одной стороны, динамики и героики, а с другой – встречи с жестокой, состоящей из бесчисленных конфликтов, социальной реальностью. В первом случае подросток проявляет себя как читатель-ребенок с его интересом к действию и борьбе добра со злом. Во втором, наоборот, как взрослый: умение видеть границу, отделяющую сказку от жизни, свойственно как раз сформированному читателю.

Для цитирования: Волкова Т. Н. Рецептивные стратегии пьесы Ю. Клавдиева «Собаки-якудза» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 184 – 188. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-184-188.

В сентябре 2012 г. в Челябинском театре для детей и молодежи состоялась премьера спектакля по пьесе Юрия Клавдиева «Собаки-якудза» (далее текст пьесы цитируется по рукописи [1]). Один из рецензентов спектакля описывал его главного героя (собаку по имени Свен) как «победителя», который «получает весьма спорный приз: свергнув главаря-убийцу, он становится таким же главарем-убийцей» [2]. О двусмысленности победы Свена пишет и другой рецензент: «Учителю литературы, который приведет свой класс на премьеру, после спектакля можно будет подискутировать со своими подопечными на тему “до каких пределов можно дойти, отстаивая свою личную свободу?” (цитирую программку)» [3].

Интерпретация пьесы «Собаки-якудза», предложенная авторами и критиками спектакля Челябинского театра для детей и молодежи, не так очевидна, как кажется на первый взгляд. Чтобы убедиться в этом, обратимся к самой пьесе и «прочитаем» ее еще раз.

Произведение Юрия Клавдиева «Собаки-якудза» имеет подзаголовок – «анимепьеса». Подобное уточнение, безусловно, принципиально для автора. Поскольку анимепьеса представляет собой текст, по которому создается мультипликационный фильм [4], можно утверждать, что автор подчеркивает условность изображенного мира, задавая тем самым совершенно определенный вектор читательской рецепции.

Особый «анимационный» мир появляется перед читателем уже в афише пьесы, где в качестве действующих лиц заявлены собаки. Каждая из собак охарактеризована здесь прежде всего с точки зрения ее принадлежности к определенной породе. Это означает, что автор делает акцент на внешности героев, ведь порода указывает на строго определенные цвет (окрас шерсти), размер (большая, маленькая и средняя собака) и пропорции (форма ушей, морды, туловища, лап, хвоста). Не менее важен для автора, впрочем, и стоящий за внешними признаками характер. «Ирландский сеттер», например, ассоциируется не только с рыже-коричневым цветом, но и с неукротимым характером, свойственным именно «ирландцу».

Кроме породы и степени ее чистоты (в Принце «большая часть от блад-хаунда», а Атос «наполовину ньюфаунденд») афиша информирует читателя и о связях героев друг с другом. Эти связи тоже в значительной степени «визуализированы» [5] автором: действующие лица пьесы распределены по четырем группам (визуализация на уровне текста), две из которых к тому же принадлежат определенным пространствам (визуальная сторона внутреннего мира). Так, Свен, упомянутый в афише первым, стоит отдельно от всего остального списка. Прочие же герои, напротив, объединены в три группы. Есть те, кто принадлежат «парку» (доберман Гор, московская сторожевая Рыжий, дворняга Карий и шавка Вертер), «скверу» (бульдог по имени Бакс и его телохранитель Принц) и персонажи, обозначенные словами «а также» (Атос, Кошка и такса Нэнси).

Мир пьесы «Собаки-якудза» исключительно живописен. Яркие краски появляются в нем уже вместе с упоминаниями пород собак. Каждая порода несет с собой сразу несколько красок и вариантов их смешения. Ирландский сеттер, например, может быть каштановым с красным отливом, темно- или светло- рыжим. Ньюфаундленд – черным, бело-черным и коричневым. Доберман – черным

или темно-коричневым, но обязательно с ржаво-красными подпалинами.

Яркие краски присутствуют и в окружающей героев обстановке. Особенно в этом отношении выделяется эпизод восьмой, который открывает авторская ремарка: «Гор и две белые девочки лежат в тени большого не облетевшего разноцветного клена. Неподалеку огромной мохнатой горой лежит Рыжий». Слова «не облетевший разноцветный клен» указывают не только на вероятное время действия (ранняя осень), но и на цветовую гамму. Интересно, что клен назван здесь «разноцветным», несмотря на то, что его листья имеют осенью довольно характерный оттенок. В таком своем качестве, он, по всей видимости, в большей степени соответствует разношерстному составу собак: на поляне находятся одновременно черный (или темно-коричневый) доберман Гор, «две белые девочки» и рыжая московская сторожевая.

Своеобразное живописное полотно возникает и в финальной ремарке пьесы: «Атос, Нэнси и Свэн молча смеются. Кошка непонимающе крутит хвостом. Из кучи мусора высовывается голова Вертера и тоже молча смеется. Солнце восходит и Дед Собак тоже улыбается…». Здесь, как и в начале восьмого эпизода, присутствуют многообразные краски, на которые указывают «восходящее солнце», «кучи мусора» и «яркое кимоно, подпоясанное вышитым шелковым поясом» Деда Собак (упомянутое чуть выше). Кроме того, здесь также заметно и особое единство описываемых образов. Если в восьмом эпизоде легко улавливалась цветовая гармония изображаемого, то в финальной ремарке на первый план выходит пластика. Беззвучный смех, высовывающаяся голова, улыбка Деда Собак говорят о том, что герои показаны как бы замершими, их движения зафиксированы.

Живописность «анимационного» мира сочетается в пьесе «Собаки-якудза» с принципом контрастности. Он проявляется прежде всего в противопоставлении «красочных» сцен «графическим». Вот как, например, описано место действия второго эпизода: «Ночлежка Атоса. Слева и справа – ряды одинаково сложенных газетных подстилок, на которых спят собаки. Серые стены и неразборчивые слова на них. Свен и Шавка из стаи Гора входят и останавливаются в конце прохода. В другом конце появляется Атос – наполовину ньюфаундленд, с серой шерстью…». В этой ремарке преобладают серый («стены», «шерсть») и черный («ночлежка», «газетные подстилки») цвета. Показательно в этом смысле уточнение о породе Атоса и цвете его шерсти на фоне отсутствия подобной информации о спящих собаках и Свене. Показательно также и то, что следующее появление Свена в ночлежке связано с другой цветовой гаммой: Свен приходит к Атосу с «детскими хлопчатобумажными колготками ярко-фиолетового цвета» и с «длинным лиловым окурком Sobranie».

Контраст присутствует, кроме того, и во всех «темных» сценах пьесы: в них обязательно появляется яркий пучок света. В описании столкновения с Бухачем сначала упоминаются «несколько фонариков», потом «луч фонарика» и, наконец, «свет фонаря». В упомянутой выше «ночлежной» сцене возникает огонь: «Свен приносит в зубах полено, открывает дверцу «буржуйки» и кормит огонь». В кульминационном десятом эпизоде темноту трижды разрезает «молния». В четвертый раз «молния разбивает стекло и поджигает кучу хлама рядом с дверью». В одиннадцатом – тоже ночном – эпизоде «горит флигель дома» и «две пылающие собаки… бегут в темноту переулков».

Кроме живописности и контрастности для «анимационного» мира пьесы «Собаки-якудза» характерно и наличие особых «спецэффектов» – «фреймов киновосприятия, образов и аллюзий кинематографа» [6, с. 25]. Наиболее очевидны в этом смысле, конечно же, отсылки к криминальному боевику. В десятом эпизоде сцена пыток и освобождения Свена до мелочей воспроизводит тот момент сюжета экшэн фильма, где криминальный мир одерживает временную победу над главным героем. Здесь, как и в боевике, Свен получает внезапный почти смертельный удар («Принц подпрыгивает и бьет Свена обухом по голове»), теряет на какое-то время сознание («Темно. Потом светло»), очнувшись, обнаруживает, что «притянут к низкому потолку подвала… цепью», получает порцию воды из ведра, подвергается истязаниям («Принц сильно кусает Свена за низ живота»), проявляет чудеса ловкости и спасается («Свен подтягивается на сцепленных цепью руках, вытягивается в струнку задними лапами кверху. Дотягивается задними лапами до лампы и вырывает ее из плафона»). Все составляющие подобного рода сцены – цепь, ведро воды, оружие пытки («ржавая пила»), палач-садист («Карий. Советую набраться терпения, ирландец. Я вырос на рынке. В мясных рядах. Как разделывать свиней, я знаю…») и даже порножурнал – присутствуют в десятом эпизоде пьесы.

Рассмотренные особенности изображенного мира пьесы «Собаки-якудза» недвусмысленно указывают на его условность: иллюзия реальности здесь исключается полностью. Перед внутренним взором читателя «анимепьесы» возникает нарисованный мир очеловеченных животных, принципиально отличающийся от той действительности, которая его (читателя) окружает.

Условности мира пьесы «Собаки-якудза» способствует и его «литературность». В связи с этим обращают на себя внимание прежде всего имена героев произведения – Атос и Вертер. Первое имя принадлежит «мушкетерским» романам А. Дюма, второе – «Страданиям юного Вертера» И. В. Гете. Оба имени накладывают своеобразный отпечаток на героев пьесы. Хозяин ночлежки благороден, как и его прототип мушкетер Атос: он соглашается помочь Свену, несмотря на смертельную опасность. Шавка же из стаи Гора отдаленно напоминает Вертера низким происхождением («Я на улице родился») и особой преданностью «ирландцу» («Ты что-то мутишь, ирландец. И я хочу быть с тобой»).

Вместе со сленгом вводится в пьесу и современная литература. Реплика Гора «А хабар как вывезешь?» вызывает ассоциации с серией произведений о сталкерах [7] (а также с компьютерными играми, тесно с нею связанными) и с известным фантастическим произведением братьев Стругацких «Пикник на обочине», которые лежат у ее истоков.

Существует в пьесе и менее заметный литературный слой. Он обнаруживает себя не в языке произведения, а в построении отдельных его эпизодов. Например, в сцене «пыток» Свена, которая упоминалась уже выше. Молния, сопровождающая развитие действия в этой страшной сцене, отсылает читателя к целому ряду произ-

ведений, так или иначе связанных с литературой «тайн и ужасов» [8, с. 72]. Например, к роману Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста» с его «готическим» героем Монксом. В главе XXXVIII этого романа описан тайный разговор супругов Бамбл с Монксом, который происходит в «ветхом доме» в сопровождении ударов грома и «сильного дождя» [9, с. 208 – 215].

Литературная основа ощущается также в расстановке персонажей пьесы. Тот факт, что в афише упоминается имя Атос, позволяет «прочесть» перечень действующих лиц в том числе и с точки зрения романов А. Дюма о мушкетерах. В системе персонажей мушкетерских романов отчетливо выделяются, с одной стороны, две враждующие группы (гвардейцы кардинала и мушкетеры), а с другой – д'Артаньян и три его друга (Атос, Партос и Арамис). Подобное соотношение сил мы обнаруживаем и у Ю. Клавдиева. В афише перечисляются «собаки из парка» и «собаки из сквера», которые, как оказывается впоследствии, враждуют друг с другом. В группе же под названием «а также» перечисляются именно три персонажа (в то время как в первой и второй группе их четверо и двое соответственно): Атос, Нэнси и Кошка. Особняком в афише стоит Свен – главное действующее лицо пьесы.

Большое количество культурных кодов (анимация, кинематограф, классическая и беллетристическая литература, компьютерная игра, восточная философия и др.), присутствующих в пьесе «Собаки-якудза», свидетельствует о том, что автор создает здесь особый условный язык для общения со своим читателем. Функция такого языка на первый взгляд кажется очевидной: он позволяет найти отклик у того, для кого является понятным. Поскольку используемые культурные коды интересны и знакомы прежде всего подростковой аудитории, можно сказать, что автор обращается именно к ней. Привлечение внимания читателя-тинэйджера, однако, не единственная задача условного языка в пьесе.

Предполагаемый читатель пьесы Ю. Клавдиева – подросток – принципиально отличается от читателей ребенка и взрослого. Его рецептивные возможности во многом определяются тем кризисом переходного возраста, который был подробно охарактеризован Л. С. Выготским [10]. Человеку, переросшему детство, но еще не ставшему взрослым, свойственно пристальное внимание к собственной личности, обостренное ощущение проблем свободы и справедливости. Конфликтуя с окружением, он стремится порвать те детские связи, которые мешают ему утвердить свои самостоятельность, независимость и полноценность.

Отмеченные особенности личности подростка не могут не влиять на его читательские ожидания. В литературном произведении подросток ищет, с одной стороны, динамики и героики, а с другой – встречи с жестокой, состоящей из бесчисленных конфликтов, социальной реальностью. В первом случае он проявляет себя как читатель-ребенок, с присущим последнему интересом к действию [11, с. 641] и борьбе добра со злом [12]. Во втором, наоборот, как взрослый: умение видеть границу, отделяющую сказку от жизни, свойственно как раз сформированному читателю [13, с. 3].

Присутствие двух рецептивных стратегий – детской и взрослой – легко обнаружить в пьесе Ю. Клавдиева «Собаки-якудза». Здесь, безусловно, есть необходимая динамика: сюжет нанизывает одно событие на другое, не давая читателю возможности отвлечься от чтения. Есть здесь и героическая борьба добра со злом. Свен вступает в неравную схватку сразу с двумя злыми силами, которые объединяются для того, чтобы наказать бесстрашного героя. К «героическим» произведениям, входящим в круг детского чтения, отсылает и сам принцип изображения борьбы добра и зла в «анимепьесе». Общеизвестно, что в древней эпопее (например, в «Сказании о Раме и Сите» из «Махабхараты»), в волшебной (например, в «Хрустальной горе») и авторской сказке (например, во «Властелине колец» Дж. Р. Р. Толкина) зло показано как некая персонифицированная сверхъестественная сила, несущая смерть и разрушение. Победа над злом здесь всегда оценивается однозначно положительно, а победитель воспринимается как герой-освободитель (ср. с рассуждениями о герое в волшебной сказке и героическом эпосе Н. Д. Тамарченко [14, с. 251]). Сочувствие к злым силам полностью исключается в «героических» произведениях. Так же, впрочем, как и осуждение спасителя: убив Змея Горыныча или Равану, герой не становится убийцей, несмотря на то, что ему приходится проливать много крови и расчленять тело врага [15, с. 222].

В противоположность «героическим» произведениям, входящим в круг детского чтения, зло в пьесе Ю. Клавдиева обыденно и буднично. Оно никак не связано не только с волшебством и магией, но и с тем «величием», которое характерно для злых сказочных персонажей (например, для Саурона или Кощея Бессмертного). В анимепьесе зло представлено в образе собак, которые контролируют объедки, оставшиеся после людей.

Лишенное волшебства и сверхъестественности зло в анимепьесе тем не менее оказывается по-прежнему всемогущим и неистребимым. Унижение, несправедливость и жестокость, связанные с ним, так же живучи, как головы сказочных злодеев, отрастающие на месте срубленных бесконечное количество раз [15, с. 221]. Как и в древней сказке, в современной пьесе зло, однако, оказывается наказанным. Его побеждает бесстрашный герой по имени Свен, пришедший (подобно сказочным освободителям) совсем из другого мира [15, с. 202 – 215]. А способствуют этому своеобразные проводники-помощники [15, с. 154 – 165]: Атос, такса Нэнси, Кошка и Вертер. Они необходимы Свену в той же мере, что и Хануман для Рамы или Серый волк для Ивана-царевича.

Трансформация сил зла в пьесе Ю. Клавдиева указывает на присутствие в ней иной – не детской – рецептивной стратегии. Язык и поведение собак «парка» и «сквера» ассоциируются у читателя с современными представителями криминального мира, а не с Кощеем Бессмертным или Соловьем Разбойником. Это означает, что автор в пьесе апеллирует кроме прочего и к умению читателя видеть границу, отделяющую реальность от художественного мира. Читатель в этом смысле должен не только ассоциировать себя с героем (именно так воспринимает сказку ребенок, что объясняет его склонность к играм в известных персонажей), но и осознавать метафоричность всего происходящего с ним (в том числе и метафоричность кровавых поединков).

Как видим, условный язык выполняет в пьесе «Собаки-якудза» две взаимосвязанные функции. Он настойчиво привлекает внимание подростка к самому тексту

и продуцирует мир, представляющий собой своеобразную метафору того конфликтного соотношения с окружением, в котором он (подросток) пребывает. Задача этой метафоры заключается в том, чтобы помочь тинэйджеру преодолеть собственные проблемы: благополучное разрешение внешнего, художественного, конфликта должно подготовить почву для внутренних перемен.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что прочтение пьесы Ю. Клавдиева, предложенное режиссером и критиками Челябинского театра для детей и молодежи, не совсем соответствует ее художественному заданию. Автора в этом произведении интересует не проблема границ личной свободы, а вопрос о необходимости победы добра. Этот вопрос важен для него постольку, поскольку добро и зло являются в пьесе не только противоположными силами изображенного мира, но и символами, указывающими на суть того подросткового кризиса, в котором пребывает предполагаемый читатель. Разрешиться же этот кризис должен обязательно положительно, а потому в изображенном мире добро непременно должно победить зло.

Автор в анимепьесе «Собаки-якудза» в некотором смысле уподобляется известному психотерапевту Милтону Эриксону, который лечил душевные недуги весьма оригинальным способом. Рассказывая своим пациентам истории, символически связанные с их личными проблемами, Милтон Эриксон добивался благополучного разрешения болезненных конфликтов [16].

Литература

1. Клавдиев Ю. Собаки-якудза. Режим доступа: http://www.protagonist.ru/v/1/file/Sobaki-yakudza.doc (дата обращения: 14.01.2014).
2. Олиферчук В. Разборки в ТЮЗе // Вечерний Челябинск. 26.09.2012. С. 40.
3. Горюк О. В Челябинском театре для детей и молодежи – премьера спектакля // Mediaзавод: сайт. 20.09.2012. Режим доступа: http://Mediazavod.ru/articles/127275 (дата обращения: 14.01.2014).
4. Иванов Б. А. Введение в японскую анимацию. М., 2002. 336 с.
5. Лавлинский С. П., Гурович Н. М. Визуальное в литературе // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко]. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 37 – 39.
6. Мартьянова И. А. Киновек русского текста: парадокс русской кинематографичности. СПб., 2002. 240 с.
7. Силлов Д. Пикник на обочине. Счастье для всех. М.: АСТ, 2013. 320 с.
8. Маругина Н. И., Ламинская Д. А. Реализация концепта «природа» в готическом романе Анны Рэдклифф «Тайны удольфского замка». Статья 2 // Язык и культура. 2010. № 3(11). С. 64 – 73.
9. Диккенс Ч. Приключения Оливера Твиста. М.: Книга, 1984. 318 с.
10. Выготский Л. С. Педология подростка // Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 4. М.: Педагогика, 1984. С. 5 – 242.
11. Чуковский К. От двух до пяти // Чуковский К. Стихи и сказки. От двух до пяти. М., 2003. С. 265 – 658.
12. Стрельцова Л. Е., Тамарченко Н. Д. Азбука словесного искусства: программа по литературному образованию // Начальная школа. 1997. № 8. С. 9 – 29.
13. Тамарченко Н. Д., Стрельцова Л. Е., Лавлинский С. П., Магомедова Д. М. Литература. 5 – 11 классы. Программа для общеобразовательных школ / под ред. Н. Д. Тамарченко. Екатеринбург, 2003. 68 с.
14. Тамарченко Н. Д., Тюпа В. И., Бройтман С. Н. Литературный герой как персонаж // Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2-х т. Т. 1: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. 2-е изд., испр. / под ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Академия, 2007. С. 249 – 251.
15. Пропп В. Исторические корни волшебной сказки. СПб., 1996. 366 с.
16. Эриксон М. Г. Мой голос останется с вами: обучающие истории Милтона Эриксона [Пер. с англ.]; авт. предисл. Л. Хоффман; изд. и коммент. С. Розена. СПб.: Петербург-XXI век, 1995. 256 с.

RECEPTIVE STRATEGIES OF Y. KLAVDIEV'S PLAY "THE YAKUZA DOGS"

Tatiana N. Volkova[1, @]

[1] *Kuzbass Regional Institute of Skills Improvement and Retraining for Educators, 3, Zauzelkova St., Kemerovo, Russia, 650070*
[@] *tvolkova2005@yandex.ru*

Received 06.12.2016.
Accepted 13.03.2017.

Keywords: adult reader, animation, child reader, heroic, receptive strategy, teen reader, visual.

Abstract: The article discusses the play by contemporary playwright Yuri Klavdiev "TheYakuza Dogs." Here is a detailed (but not exhaustive) analysis of the cultural codes. According to the author of the study, the languages of animation, cinema, classical and fictional literature, computer games and eastern philosophy form in the play, a specific "dialect" addressed to its teenage reader. The article emphasizes that a reading teenager is different from a child-reader and an adult reader: their receptive capabilities are largely defined by puberty crisis. On the one hand, in fiction a teenager looks for dynamics and heroics, and, on the other hand, they are eager to face the social reality fierce with its innumerable conflicts. In the first case, the teenagers manifest themselves as a child-reader with their interest for action and the struggle between good and evil. In the second case, on the contrary, as an adult, since the ability to see the border that separates the tale from life belongs only to a well-formed reader.

For citation: Volkova T. N. Retseptivnye strategii p'esy Iu. Klavdieva «Sobaki-iakudza» [Receptive Strategies of Y. Klavdiev's Play "The Yakuza Dogs"]. *Bulletin of Kemerovo State University,* 2017; (2): 184 – 188. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-184-188.

References

1. Klavdiev Iu. *Sobaki-iakudza* [Dogs-Yakuza]. Available at: http://www.protagonist.ru/v/1/file/Sobaki-yakudza.doc (accessed 14.01.2014).
2. Oliferchuk V. Razborki v TIuZe [Showdown in Teate young spectator]. *Vechernii Cheliabinsk = Evening Chelyabinsk*, 26.09.2012, 40. Available at: http://vecherka.su/katalogizdaniy?id=42950 (accessed 14.01.2014).
3. Goriuk O. V Cheliabinskom teatre dlia detei i molodezhi – prem'era spektaklia [At the Chelyabinsk theatre for children and young people – premiere]. *Mediazavod.ru*, 20.09.2012. Available at: http://Mediazavod.ru/articles/127275 (accessed 14.01.2014).
4. Ivanov B. A. *Vvedenie v iaponskuiu animatsiiu* [Introduction to Japanese animation]. Moscow, 2002, 336.
5. Lavlinskii S. P., Gurovich N. M. Vizual'noe v literature [The visual in literature]. *Poetika* [Poetics]. Ed. Tamarchenko N. D. Moscow: Izdatel'stvo Kulaginoi; Intrada, 2008, 37 – 39.
6. Mart'ianova I. A. *Kinovek russkogo teksta: paradoks russkoi kinematografichnosti* [Film-century Russian text: the paradox of Russian movies]. Saint-Petersburg, 2002, 240.
7. Sillov D. *Piknik na obochine. Schast'e dlia vsekh* [Roadside picnic. Happiness for all]. Moscow: AST, 2013, 320.
8. Marugina N. I., Laminskaia D. A. Realizatsiia kontsepta «priroda» v goticheskom romane Anny Redkliff «Tainy udol'fskogo zamka». Stat'ia 2 [Realization of the concept "nature" in the Gothic novel "The Mysteries of the Udolpho" by Ann Radcliffe Article 2]. *Iazyk i kul'tura = Language and culture*, no. 3(11) (2010): 64 – 73.
9. Dickens Ch. *Prikliucheniia Olivera Tvista* [The Adventures of Oliver Twist]. Moscow: Kniga, 1984, 318.
10. Vygotsky L. S. *Sobranie sochinenii* [Collected Works by Vygotsky L. S.]. Moscow: Pedagogika, vol. 4 (1984): 5 – 242.
11. Chukovskii K. *Stikhi i skazki. Ot dvukh do piati* [Poems and tales. From two to five]. Moscow, 2003, 265 – 658.
12. Strel'tsova L. E., Tamarchenko N. D. Azbuka slovesnogo iskusstva: programma po literaturnomu obrazovaniiu [ABC of verbal art: program on literary education]. *Nachal'naia shkola = Elementary School*, no. 8 (1997): 9 – 29.
13. Tamarchenko N. D., Strel'tsova L. E., Lavlinskii S. P., Magomedova D. M. *Literatura. 5 – 11 klassy. Programma dlia obshcheobrazovatel'nykh shkol* [Literature. 5 – 11 classes. The program for secondary schools]. Ed. Tamarchenko N. D. Ekaterinburg, 2003, 68.
14. Tamarchenko N. D., Tiupa V. I., Broitman S. N. *Teoriia literatury. T. 1: Teoriia khudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaia poetika* [Literature and literary theory. Vol. 1: Theory of literary discourse. Theoretical poetics]. 2nd ed. Ed. Tamarchenko N. D. Moscow: Izdatel'stvo Akademiia, 2007, 249 – 251.
15. Propp V. *Istoricheskie korni volshebnoi sk*azki [The historical roots of the magic tale]. Saint-Petersburg, 1996, 366.
16. Erickson M. H. *Moi golos ostanetsia s vami: Obuchaiushchie istorii Miltona Eriksona* [My voice will go with you: the Teaching stories of Milton Erickson]. Saint-Petersburg: Peterburg-XXI vek, 1995, 256.

УДК 821.161.1

ОБРАЗЫ ГЕРМАНСКИХ ГОРОДОВ В РУССКИХ ТРАВЕЛОГАХ РУБЕЖА XVIII – XIX ВВ.

Сергей С. Жданов[1, @1]

[1] *Сибирский государственный университет геосистем и технологий, Россия, 630108, г. Новосибирск, ул. Плахотного, 10*
[@1] *fstud2008@yandex.ru*

Поступила в редакцию 16.02.2017.
Принята к печати 12.05.2017.

Ключевые слова: травелог, образ города, Германия, В. Н. Зиновьев, Д. И. Фонвизин, Н. М. Карамзин, Ф. П. Лубяновский.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности изображения немецких городов в русских травелогах конца XVIII – начала XIX веков, созданных В. Н. Зиновьевым, Д. И. Фонвизиным, Н. М. Карамзиным и Ф. П. Лубяновским. В этих текстах отражается стремление носителей русской культуры к самоидентификации путем сопоставления с Западной Европой, в частности с Германией. Особое внимание русских авторов привлекают культурные реалии описываемых локусов. Также характерными чертами немецкого городского хронотопа выступают чистота, удобство, пространственная ограниченность и закрытость**.** Урбанистический локус представляется двумя основными аспектами: как пространство культурных артефактов и антропное пространство горожан. При этом второй аспект важен для сентименталистских текстов Н. М. Карамзина и Ф. П. Лубяновского, но слабо выражен в сочинениях В. Н. Зиновьева и Д. И. Фонвизина. Описания городов в травелогах сентименталистов также являются более пространными, наполняются подробностями, стилистическими фигурами, различными историческими и современными реалиями.

Для цитирования: Жданов С. С. Образы германских городов в русских травелогах рубежа XVIII – XIX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 189 – 194. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-189-194.

Изучение феномена путешествий является весьма актуальным в наше время, характеризующееся значительным количественным и качественным ростом межкультурных контактов. В основании различных исследований, посвященных данному феномену, зачастую лежит, как отмечает Р. Ю. Данилевский, «проблема освоения «чужого» (иной культуры, иного языка, иного быта и мировосприятия)» [1, с. 272]. В этом плане интересный для анализа материал представляют тексты травелогов. Дело в том, что путешествующий становится медиатором между «своим» и «чужим» мирами, перед которым ставится задача «выйти за рамки самого себя, встретиться с другим, дать другому заговорить на собственном языке, несмотря на это понять другого и, наконец, измениться самому» *(Прим. автора: здесь и далее перевод с нем. наш)* [2, с. 89]. Перемещение путешественника в чужом пространстве выступает «одновременно и способом узнавания/освоения/изучения этого пространства, и способом конструирования его как уже своего» [3, с. 268].

Важно, однако, понимать, что освоенное Чужое представляет собой конструкт, который в той или иной степени не идентичен реальному Чужому. Человеческое сознание стремится «сопротивляться воздействию неведомого и чужого», в результате чего все культуры проявляют склонность к трансформации других культур, «…воспринимая их не такими, какие они есть, но такими, какими они должны быть...» [4, с. 106]. Кроме того, когда культура рассказывает о Чужом, она в первую очередь занимается самоидентификацией, отталкиваясь от него для выстраивания Своего, поскольку «...коллективные идентичности конституируются не только воображаемым материалом, из которого они состоят, но также и материалом, лежащим вне их, ...с которым они имплицитно сравниваются», т. е. «напластованиями "Других"» [5, с. 14]. Соответственно, говоря о русской самоидентичности, нельзя ее рассматривать в отрыве от релевантных для нее образов иных национальных идентичностей и, в частности, вне контекста связей с Западом. Здесь следует согласиться с Г. А. Тиме, что «русская идея», т. е. представление о русскости, «...постоянно развивалась, начиная с первых русских контактов с Европой», сравнение с которой дало отечественной культуре «импульс для самоидентификации» [6, с. 441].

В рамках данного исследования мы обратились к образам Чужого в русских травелогах рубежа XVIII – XIX веков: «Журнале путешествия по Германии, Италии, Франции и Англии (1784 – 1785)» В. Н. Зиновьева, заграничных письмах Д. И. Фонвизина, «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина и «Путешествии по Саксонии, Австрии и Италии в 1800, 1801 и 1802 годах» Ф. П. Лубяновского. Именно в эту эпоху, открытую начинаниями Петра I, происходит количественное и качественное изменение контактов России с окружающим инокультурным пространством: «…в XVIII веке русскими путешественниками осваиваются все направления, все стороны света», что обусловливает появление русских травелогов, в которых отражается «процесс конструирования пространства России, Европы и шире – всего мира» [3, с. 262]. При этом происходит переориентация основного вектора странствий и их описаний именно на Западную Европу. Как пишет В. М. Гуминский, «...сакральное пространство Иерусалима и Палестины древнерусских "хождений" сменяется европейским культурным пространством путешествий XVIII – XIX вв., Запад становится для образованной части русского общества "страной святых чудес"…» [7]. Со временем меняется и содержание этих

травелогов, начинающих тяготеть к всеохватной картине мира: «Во второй половине восемнадцатого столетия у русских путешественников... стало проявляться не только разнообразие интересов, но и способность к разным типам восприятия… Для них уже все стороны полученного опыта были достойны для записи в дневник или включения в описание путешествия» [8, с. 7].

Традиционными маршрутами путешественников тех лет были Франция, Германия, Англия, Италия, Голландия и Дания [3, с. 267]. В рамках данной статьи мы ограничимся анализом образов немецких городов в русских травелогах конца XVIII – начала XIX веков. Это объясняется, во-первых, той значительной ролью, которую играли культурные связи с Германией в русском обществе. Во-вторых, именно образы городов представляют в травелогах докарамзинской поры основной предмет изображения. Описание природного пространства широко входит в русскую литературу только в эпоху сентиментализма: пейзаж как органическая «часть художественной конструкции» возникает в ней лишь к концу XVIII века [9, с. 118]. Соответственно, в сочинениях Д. И. Фонвизина и В. Н. Зиновьева описания негородского пространства весьма скудны, так что траектория движения повествователей полна лакун: природные локусы фактически не изображаются. В связи с этим представляется интересным проанализировать, что именно авторы различных травелогов находят достойным описания в немецком урбанистическом пространстве, как различаются и в чем сходятся эти описания, формирующие образы городов Германии. Данная тема еще не нашла достаточного освещения в литературоведческих исследованиях.

Города Германии привлекали русских путешественников рубежа XVIII – XIX веков в первую очередь как «места сосредоточения культурной эмпирики», причем за каждым из них была закреплена определенная репутация: так, Дрезден привлекал любителей изящных искусств, в Веймар ездили поклонники Гете; в Нюрнберг – интересующиеся творчеством А. Дюрера, а в Лейпциг – путешествующие с образовательными целями [10, с. 163]. Принимая также в расчет раздробленность немецких земель на момент создания травелогов Д. И. Фонвизиным, В. Н. Зиновьевым, Н. М. Карамзиным и Ф. П. Лубяновским, можно говорить о своеобразном «лоскутном» образе немецкого пространства, важной составной частью которого являются образы городов: «космос Германства составлен из огромного разнообразия больших и малых микрокосмов государств, культур и традиций...» [11, с. 127].

Вообще, пространственная ограниченность немецкого пространства является характерной чертой всех четырех травелогов. Так, у Д. И. Фонвизина встречаются такие пренебрежительно-уменьшительные выражения, как «землишка» Саксония, «городки» Прусская Голландия, Фридланд, Лукау, Шлейц, «большой городок» Мариенвердер [12, с. 506, 507, 511]. Миниатюрность лоскутного пространства Германии подчеркивается и в следующем описании путешествия через немецкие княжества: «что ни шаг, то государство» [12, с. 455]. Более того, автор уподобляет ограниченным пространствам правящие там династии, называя их представителей мелкими принцами [12, с. 455]. Скрытая ирония проскальзывает и в описаниях В. Н. Зиновьева, который прибегает к следующему приему: метонимически сводит образ той или иной немецкой земли к образу ее монарха и в той или иной форме сравнивает с огромными пространствами русской земли и масштабной роскошью российского двора. Так, повествователь описывает ощущение несоответствия между прозаическим видом прусского короля Фридриха Великого («в синем мундире, закиданном табаком», в весьма «красноватых» сапогах) и свершениями монарха: «Трудно вообразить, что сей – тот, который против всей Европы оборонялся в одно время и всех... расщелкал…» [13, с. 338]. Еще откровеннее пространственное противопоставление русскости и немецкости присутствует в пассаже о немецких «княгинюшках» и императрице Екатерине II, не лишенном, однако, некой двусмысленности: «...прискорбно должно быть немецким княгинюшкам, которые государыню как принцессу Цербстскую знали, и теперь видят, что она судьбу Европы решает» [13, с. 348]. Наконец, В. Н. Зиновьев, подобно Д. И. Фонвизину, пишущему о мелких принцах, называет кассельского князя «маленьким» [13, с. 349] в соответствии с размерами его владения. Иначе мотив миниатюрности немецкого пространства трактуется в сентименталистских травелогах. Так, «маленькой городок» Гейлигенбейль [14, с. 24], «два маленькие городка» Кеслин и Керлин [14, с. 30] вызывают у героя «Писем…» скорее умиление и служат маркерами идиллии. С идиллическим порядком связываются относительно небольшие размеры немецких земель в травелоге Ф. П. Лубяновского: «...в такой области, которой значащую часть можешь глазами измерить сверху высокой башни, легко удержать во всем порядок…» [15, с. 43] *(Прим. автора: орфография и пунктуация текста Ф. П. Лубяновского максимально приближены нами к современным)*.

Еще одной общей характеристикой немецких локусов является чистота. В травелоге Д. И. Фонвизина в крайне лапидарных описаниях маленьких немецких городов и земель она отмечается особо: чистота, хороший обед и «всевозможная услуга» в трактире в Прусской Голландии; «чистехонький» Мариенвердер [12, с. 506]; «Чистота, услуга и удобности» Лейпцига «неописаны» [12, с. 509]; в нюрнбергском трактире «безмерная чистота и опрятности», при этом и улицы, и дома города «…так чисты, что уже походит на аффектацию» [12, с. 511], «внутри и снаружи» домов Нюрнберга «чистота отменная» [12, с. 512]. Как видим, в последнем городе маркер чистоты особенно акцентирован тройным упоминанием. Чистота в качестве характеристики немецкого пространства встречается и у Ф. П. Лубяновского: в Силезии «чистота и опрятность даже в бедных домах» [15, с. 31]; Гернгут «по чистоте своей... весьма примечателен» [15, с. 85]; в Богемии же нет «той опрятности, того порядку и той чистоты», как в Саксонии [15, с. 107]. У Н. М. Карамзина также встречается мотив чистоты в отношении немецкого пространства: в трактире Эльбинга все, «кроме хозяина и гостей», «довольно чисто» [14, с. 25]; «отменная чистота стекол украшает вид» данцигских домов [14, с. 27]; комната в Мемеле «…чиста и светла, а хозяин услужлив...» [14, с. 60].

Еще одной чертой немецкого городского пространства, которая встречается у В. Н. Зиновьева и Ф. П. Лубяновского, является пространственная ограниченность и отграниченность внутреннего локуса от внешнего. В «Журнале...» В. Н. Зиновьева Берлин и Потсдам вы-

ступают как города-узилища, в которых держат собственных солдат и где «…нарочно стены возведены, чтобы беглых чрез оные удерживать, часовые так часто расставлены около оных, что, кажется, возможности нет бежать…» [13, с. 337]. Отголоски прусской строгости можно найти и в реплике русского путешественника о Потсдаме: «У ворот записали наши имена; однакожь в рассуждении допросов ныне нет уже такой строгости, как прежде» [14, с. 41]. В самом же Берлине трактирщик приносит рассказчику лист с теми же вопросами, которые задавались «при въезде в город, с прибавлением одного: *в какия ворота вы въехали?*», что заставляет героя заметить: «Боже мой! какая осторожность! Разве Берлин в осаде?» [14, с. 35]. Д. И. Фонвизин и вовсе называет Франкфурт-на-Майне тюрьмой, где следует либо родиться, либо «очень долго жить, чтоб привыкнуть к такой тюрьме» [12, с. 507]. В сочинении Ф. П. Лубяновского упоминается, что «в часы проповедания слова Божия запираются городские ворота» [15, с. 19] Дрездена, а в девять часов вечера запираются все ворота Лейпцига, кроме одних, за проход через которые следует заплатить, причем делается это по распоряжению «строгой здешней Думы», которая таким образом бороться со «слишком уж явным расслаблением в нравах» [15, с. 59] горожан. С этим правилом сталкивается и герой Н. М. Карамзина, который, проведя время до полуночи в трактире за городом, вынужден заплатить за открытие ворот в неурочный час [14, с. 68].

Однако русских путешественников в Германии прежде всего интересуют, как было выше сказано, достижения искусства. При описании городов внимание обращается на архитектурные достопримечательности. Так, у В. Н. Зиновьева встречается следующие характеристики общей планировки Берлина: «город прекрасный; можно его назвать чудом. ...сам собою чрезвычайно хороший; строение каменное, многие прекрасные дома в нем находятся...» [13, с. 336]. О Дрездене сообщается, что «город довольно хороший и положение его чрезвычайно приятное», кроме того, здесь есть «прекрасный мост, который отменно длинен», и иные «примечания достойные» строения: католическая и лютеранская церкви, «великолепное строение для сбора так называемых "Landesstädte"» [13, с. 338 – 339]. Отмечается также «хорошо» и «с великим вкусом» выстроенный новый город в Касселе [13, с. 349].

У Н. М. Карамзина и Ф. П. Лубяновского описания становятся гораздо пространнее; особенно это касается первого автора, фрагменты текста которого начинают напоминать путеводитель: «Кенигсберг, столица Пруссии, есть один из больших городов в Европе, будучи в окружности около пятнадцати верст. Некогда был он в числе славных *Ганзейских* городов *(Прим. автора: здесь и далее курсив Н. М. Карамзина)*. И ныне коммерция его довольно важна. Река Прегель, на которой он лежит, хотя не шире 150 или 160 футов, однакожь так глубока, что большия купеческия суда могут ходить по ней. Домов считается около 4000, а жителей 40 000…» [14, с. 19]. Даже в маленьком городке карамзинский путешественник (в отличие от повествователей в зиновьевском и фонвизинском текстах) способен найти что-то примечательное и удариться в исторический экскурс: так, Гейлигенбейль напоминает рассказчику о языческих временах, когда «тут возвышался… величественный дуб, безмолвный свидетель рождения и смерти многих веков – дуб священный для древних обитателей сей земли. Под мрачною его тению обожали они идола Курхо, приносили ему жертвы, и славили его в диких своих гимнах» [14, с. 24]. Сравните это с лаконичными описаниями Мангейма у В. Н. Зиновьева и Д. И. Фонвизина: «Город новый, совсем регулярный...» [13, с. 349]; «…лучше его я не видал в Германии: строение новое и регулярное», а из-за соседства с французами в здешних немцах «…гораздо менее национальности, нежели в других» [12, с. 455].

Вообще, Д. И. Фонвизин скептически относится к иностранцам вообще и немцам в частности. Например, у него встречаются такие пассажи: «Улицы узкие, дома высокие, набиты немцами, у которых рожи по аршину. …ввечеру же в восемь часов вывозят нечистоту из города», что «…дает ясное понятие как об обонянии, так и о вкусе кенигсбергских жителей» [12, с. 505 – 506]; в «несносном» Франкфурте «мрачность… самая ужасная» [12, с. 506]; по мнению автора, «ворота Европы» располагаются в двух тысячах верст от Петербурга, в Лейпциге, первом немецком городе, заслуживающем «примечания» [12, с. 508]; на пространстве от Петербурга до Нюрнберга «…во всем генерально хуже нашего: люди, лошади, земля изобилие в нужных припасах – словом, у нас все лучше, и мы больше люди, нежели немцы» [12, с. 508].

Другие повествователи гораздо сдержаннее в оценках не понравившегося им. Так, русский путешественник Н. М. Карамзина, сетующий на огрехи канализации в Берлине, не переходит, однако, «на личности» горожан, как это делает в своем письме Д. И. Фонвизин: «…здешние каналы наполнены всякою нечистотою. Для чего бы их не чистить? Не уже ли нет у Берлинцев обоняния?» [14, с. 34]. Карамзинский герой позволяет себе лишь мягкую иронию по отношению к немецким обывателям: «Выехав из Кенигсберга, еще не видал я порядочно одетого человека. Двое играли в биллиард: один в зеленом кафтане, диком камзоле, и в сальном парике..., а другой молодой человек в пестром кургузом фраке... оправлял беспрестанно свой толстый, запачканный галстук. Карикатура за каррикатурою приходила в трактир, и всякая каррикатура требовала пива и трубки» [14, с. 24]; «Офицеры отличались от рядовых только тем, что у них косы привиты были гораздо круче. …тянули они всем фрунтом водку, и так неосторожно, что некоторые стукались лбами» [14, с. 40]. Еще более сдержан в негативных оценках В. Н. Зиновьев, хотя эта сдержанность не без доли аристократического превосходства. Так, ссылаясь на свою привычку к русской роскоши, о чем говорилось ранее, он подмечает небрежность и простоту в одежде прусского короля или сетует на скупость при организации обеда в Магдебурге, где «...его величество не расшибся в великолепии сих обедов…» [13, с. 345]. Уровень роскоши – то, на что направлен взгляд русского аристократа. Описывая в паре предложений Лейпциг, он замечает: «Перемену чрезвычайную нашел… Роскошь чрезвычайно умножилась» [13, с. 342]. Поэтому скромные порядки при дворе отличающегося умеренностью саксонского курфюрста вызывают у повествователя двойственные чувства: с одной стороны, он сетует на скуку местной придворной жизни, на отказ от роскоши («Дворцовые, как и все прочие собрания, довольно скучны...», здесь имеются лишь «остатки великолепия двора» и пре-

жде всего удивительное для «столь малого города» большое количество «хороших искусников и ремесленников» [13, с. 340]); с другой – признает, что та роскошь, которой отличались прежние правители, была весьма разорительна для страны: «...роскошью и глупой пышностью все, кажется, употребили, чтобы землю свою истощить...» [13, с. 339]. Ссылаясь на исторический анекдот о скупости саксонцев, не заплативших архитектору положенного, В. Н. Зиновьев объясняет неэстетичный вид колокольни при церкви: разозленный архитектор уничтожил ее план, из-за чего пришлось «…колокольню приделать, которая так скверна, что, при таком хорошем строении, более смех, нежели украшение делает» [13, с. 339]. Еще позитивнее оценивает саксонскую умеренность Ф. П. Лубяновский: в Дрездене «...роскошь не в вышней степени. Осторожная бережливость отъемлет ли у здешних жителей охоту к ея блеску и удовольствиям, или заставляет против воли от них отказываться» [15, с. 16]; «Если обратиться к прошедшему времени, когда здесь роскошь, снедая свои богатства, не могла ими довольствоваться и блеск свой поддерживала чужим имуществом..., то нельзя не отдать справедливости здешнего Правительства, которое... решилось отречься от прежних правил и взять иной ход, совсем им противуположный. Умеренность заступила место роскоши» [15, с. 36]. Впрочем, повествователь также не упускает случая посмеяться над умеренностью дрезденских обывателей: «Как вы воздержаны! Часа два пьете один стакан пива» [15, с. 20].

Еще одной категорией горожан, над которой смеются русские путешественники, являются немецкие ученые, готовые, на взгляд рассказчиков, часами и днями рассуждать об отвлеченных, маловразумительных материях. В текстах Д. И. Фонвизина и Ф. П. Лубяновского эти образы неразрывно связаны с Лейпцигом, известным своим университетом. Так, у первого автора читаем, что в городе «живут преученые педанты» [12, с. 417]. Лейпциг наполнен «учеными людьми»: одни из них «…почитают главным своим и человеческим достоинством то, что умеют говорить по-латыни, чему, однако ж, во времена Цицероновы умели и пятилетние ребята; другие, вознесясь мысленно на небеса, не смыслят ничего, что делается на земле; иные весьма твердо знают артифициальную логику, имея крайний недостаток в натуральной; …Лейпциг доказывает неоспоримо, что ученость не родит разума» [12, с. 454]. Герой Ф. П. Лубяновского встречает по дороге из Дрездена в Лейпциг ученого богослова, который «…не знал, с чего начать, а после, на чем остановиться; ночь жаловал в полдень, и между черным и белым отнюдь не хотел видеть никакой разницы» [15, с. 52]; встретив же своего коллегу, другого богослова, и вовсе пустился в прения «по всей строгости правил Полемиконигологических» [15, с. 54]. В самом Лейпциге рассказчик посещает лекции некого профессора: «Он при мне начал Антропологию <...> пространно рассуждал о духе и теле, о каждом особо, удостоверяя: «Что человек в отношении к телу не что иное, как истукан; но не из мрамора, а из чего-то тягучего, и никак не соглашался на то простое мнение, чтоб тело наше было из земной персти...». – До двух сотен человек было слушателей, и во все время глубокое молчание: многие воображали, что сама Премудрость вещала его устами; другие – везде есть добрые люди – спокойно спали» [15, с. 56 – 57]. У Н. М. Карамзина и Ф. П. Лубяновского появляется также образ бурша, студента-гуляки: в Лейпциге «...сердца молодых людей... и встречают, и сами себе пролагают тысячу дорог к развращению»; здесь «...между Студентами и вообще между жителями слишком уж явное расслабление в нравах» [15, с. 59 – 60]. Русский путешественник Н. М. Карамзина говорит о студентах в более положительном тоне, называя их, например, «веселыми Студентами» [14, с. 49] или «молодыми щеголями из Студентов», которые «являются с блеском в... собраниях: играют в карты, танцуют, *куртизируют*» [14, с. 64].

При этом следует признать, что немцы как законченные образы слабо представлены на страницах сочинений Д. И. Фонвизина и В. Н. Зиновьева (в последнем случае, если речь не идет о специфической придворной сфере), тогда как подобных образов довольно много у Ф. П. Лубяновского и в особенности у Н. М. Карамзина, русский путешественник которого не только посещает различных знаменитых людей Германии, но описывает при случае тех, с кем не встречался, а также упоминает множество иных персон. В карамзинском травелоге образы ряда известных немцев, художников и ученых, выступают важным элементом репрезентации того или иного города. Так, Кенигсберг связывается с философом И. Кантом; Берлин – с писателями Ф. Николаи, Ф. Морицем, К. Рамлером, И. Энгелем, ученым И. Формеем; Лейпциг – с профессорами местного университета, в частности, с Э. Платнером, а также с поэтом Х. Вейсе; Веймар – с именами К. Виланда, И. Гердера и И. Гете. Наконец, в Дармштадт русский путешественник Н. М. Карамзина едет ради встречи с богословом И. Штарком.

Внимание же авторов докарамзинской эпохи, напротив, сосредоточено в основном на вещном мире немецкой культуры: на различных ее артефактах, музеях, художественных галереях и т. п., изображаемых, впрочем, весьма лаконично. В. Н. Зиновьев пишет, например, о двух вещах в Дрездене, «великого примечания достойных»: во-первых, о не имеющем себе подобия «в свете» собрании «хороших картин» «разных школ мастеров», а во-вторых, о трезоре, называемом «Грюн-Гевельб», также единственном «в своем роде», «…где все драгоценные камни, всякого рода в большом изобилии и в совершенстве, находятся» [13, с. 341]; о «довольно изрядном» и «в великом порядке» находящемся собрании кассельского «музеума» [13, с. 349]; о картинной галере Мюнхена, примечательнейшая «изо всех вещей» в Мюнхене [13, с. 350]. Д. И. Фонвизин во Франкфурте, знаменитом «древностями» и в качестве места избрания императора Священной римской империи, осматривает «…известную ... la Bulle d'or (Золотую Буллу) императора Карла IV» и посещает имперский архив [12, с. 454]. В Лейпциге предметом интереса становятся «картинные кабинеты» со множеством «наилучших пиес славных мастеров» [12, с. 509]; в Нюрнберге – ратуша, украшенная дюреровскими картинами, и замок, «на превысокой и прекрутой горе уродливое и мрачное большое здание» с картинами того же Дюрера, а также моделями святых вещей [12, с. 512 – 513]. Кроме того, в связи с городом упоминаются церкви, книжные лавки, «славный бронзовый фонтан, за который государыня предлагала тридцать тысяч рублей», арсенал с «весьма любопытными» воинскими снарядами, уборами и одеждами древних рыцарей [12, с. 514]. У Н. М. Ка-

рамзина и Ф. П. Лубяновского подобные описания увеличиваются и количественно, и качественно: так, у последнего экфрасис картин, выставленных в Дрездене, может занимать несколько страниц. Ф. П. Лубяновский вообще начинает знакомство читателя с городом изображением картинной галереи, предваряя его фразой: «Три дня, как я в Дрездене; но еще не мог ничего видеть» [15, с. 9], т. е. эстетическое восприятие пространства доминирует над всем остальным, влияя на отбор объектов описания.

Промышленные объекты упоминаются гораздо реже: например, берлинская фабрика фарфора, которая «по крайней мере не хуже саксонской» [13, с. 336]; «...по чистоте и твердости фарфора, есть одна из первых в Европе» с множеством «прекрасных вещей», демонстрирующих «искусство рук человеческих» [14, с. 47]); мейсенская фабрика фарфора, где «...делают славный Саксонский фарфор» [14, с. 58] (при этом в самом городе «нечего видеть», кроме «славной тамошней фарфоровой фабрики» [15, с. 53]), аугсбургская ситцевая фабрика, столь хорошо устроенная, «…что… одевает ситцем самую Италию» [12, с. 515]; «весьма примечательные» суконные фабрики в Гернгуте [15, с. 85]. Но и здесь, как видим, в большинстве случаев эстетический аспект преобладает над утилитарно-деловым.

Итак, сравнение пар травелогов (текстов В. Н. Зиновьева и Д. И. Фонвизина, Н. М. Карамзина и Ф. П. Лубяновского соответственно) выявляют сдвиг в сторону литературности, который происходит в созданных позднее произведениях: описания становятся пространней, наполняются подробностями, стилистическими фигурами, различными историческими и современными реалиями и т. п. Однако установка на эстетико- и культуроцентричное восприятие инонационального пространства является общей тенденцией, которая лишь усиливается со временем. Описывая городские локусы Германии, авторы создают свой образ Чужого в его имплицитном или эксплицитном сопоставлении со Своим. Наконец, следует отметить эволюцию данного образа. Если у В. Н. Зиновьева и Д. И. Фонвизина немецкие города есть в первую очередь пространство культурных артефактов, т.е. примечательных вещей (архитектурных памятников, картин и т. п.), то у Н. М. Карамзина и Ф. П. Лубяновского оно «населяется» множеством персонажей, пусть порой и весьма условных, и от этого становится многомерным и одновременно цельным и «живым». К «вещному» началу добавляются антропологическая и природная сферы. Лакунарность и дискретность образов немецких городов в зиновьевском и фонвизинском травелогах сменяется в сентименталистких произведениях попыткой создать из отдельных локальных фрагментов единое нарративное пространство. Конечно, попытки синтеза можно найти и в письмах Д. И. Фонвизина, но там немецкость строится на основании негативного сравнения с русскостью. Ф. П. Лубяновский решает эту задачу путем локального ограничения немецкого начала в основном до территории Саксонии. Н. М. Карамзин же стремится из германского «лоскутного одеяла» создать цельное пространство духовных свершений.

Литература

1. Данилевский Р. Ю. Путешествие как культурный феномен. Русские на Западе, Европейцы в России // Русская литература. 2016. № 3. С. 272 – 274.

2. Jovanović G. Hermeneutik des Reisens // Phänomenologie, Geschichte und Anthropologie des Reisens / Hrsg. von L. Polubojarinova, M. Kobelt-Groch, O. Kulishkina. Kiel: Solivagus, 2015. S. 83 – 101.

3. Фарафонова О. А. Маршруты русских травелогов XVIII века // Русский травелог XVIII – XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: коллективная монография / под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. С. 261 – 285.

4. Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока / пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб.: Русский мир, 2006. 638 с.

5. Нойманн И. Использование "Другого": образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В. Б. Литвинова и И. А. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2004. 335 с.

6. Time G. A. Reise als Selbstfindung. Russische geistige Vagabondage „ausserhalb“ von Zeit und Raum // Phänomenologie, Geschichte und Anthropologie des Reisens / Hrsg. von L. Polubojarinova, M. Kobelt-Groch, O. Kulishkina. Kiel: Solivagus, 2015. S. 437 – 442.

7. Гуминский В. М. Путь на Запад: русская литература путешествий в послепетровскую эпоху // Новая книга России. 2016. № 3. С. 17 – 25. Режим доступа: http://www.voskres.ru/literature/library/guminskiy1.htm (дата обращения: 09.11.2016).

8. Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790 – 1840 / пер. с англ. Д. Соловьева. СПб.: Академический проект, 2004. 272 с.

9. Топоров В. Н. "Бедная Лиза" Карамзина. Опыт прочтения: К двухсотлетию со дня выхода в свет. М.: Изд. центр РГГУ, 1995. 512 с.

10. Морозова Н. Г. Экфразис в русском травелоге конца XVIII века // Альманах современной науки и образования. 2007. № 3-1. С. 162 – 165.

11. Гачев Г. Д. Национальные образы мира: курс лекций. М.: Academia, 1998. 430 с.

12. Фонвизин Д. И. Собр. соч. в 2 т. / Сост., подг. текстов, вступ. статья и комм. Г. П. Макогоненко. М.; Л.: Художественная литература, 1959. Т. 2. 742 с.

13. Зиновьев В. Н. Журнал путешествия по Германии, Италии, Франции и Англии (1784 – 1785) / подг. текста и коммент. Н. Д. Блудилиной // Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Вып. 3: Литературные источники последней трети XVIII века. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 335 – 380.

14. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / сост. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л.: Наука, 1987. 716 с.

15. Лубяновский Ф. П. Путешествие по Саксонии, Австрии и Италии в 1800, 1801 и 1802 годах: в 3 ч. СПб.: Медицинская типография, 1805. Ч. 1. 230 с.

THE IMAGEIS OF GERMAN CITIES IN RUSSIAN TRAVELOGUES AT THE TURN OF XIX CENTURY

Sergey S. Zhdanov[1, @]

[1] *Siberian State University of Geosystems and Technologies, 10, Plakhotnogo St., Novosibirsk, Russia, 630108*
[@] *fstud2008@yandex.ru*

Received 16.02.2017.
Accepted 12.05.2017.

Keywords: travelogue, urban image, Germany, V. N. Zinov'ev, D. I. Fonvizin, N. M. Karamzin, F. P. Lubyanovskiy.

Abstract: The paper deals with specific features of representing German cities and towns in Russian travelogues at the turn of the XIX century written by V. N. Zinov'ev, D. I. Fonvizin, N. M. Karamzin and F. P. Lubyanovskiy. These texts reflect pursuance of Russian self-identity on the basis of comparison with Western Europe, in particular, with Germany. The Russian authors focus on culture-specific elements of the represented locuses. Cleanness, comfort, space limitation and closeness should also be mentioned as characteristics of the German urban chronotopos. The urban locus is represented from two points of view: as a space of cultural artifacts and as an anthropic space of citizens. The second aspect is important for N. M. Karamzin and F. P. Lubyanovskiy's sentimentalistic texts but can hardly be found in works by V. N. Zinov'ev and D. I. Fonvizin. The urban descriptions in sentimentalists' travelogues are more voluminous, filled with figures of speech, different historic and contemporaneous realia.

For citation: Zhdanov S. S. Obrazy germanskikh gorodov v russkikh travelogakh rubezha XVIII – XIX vv. [Images of Urban Germany in Russian Travelogues at the Turn of the XIX Century]. *Bulletin of Kemerovo State University,* 2017; (2): 189 – 194. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-189-194.

References

1. Danilevskii R. Iu. Puteshestvie kak kul'turnyi fenomen. Russkie na Zapade, Evropeitsy v Rossii [Journey as a cultural phenomenon. Russians in the West, Europeans in Russia]. *Russkaia literatura = Russian literature*, no. 3 (2016): 272 – 274.
2. Jovanović G. Hermeneutik des Reisens. *Phänomenologie, Geschichte und Anthropologie des Reisens.* Hrsg. von L. Polubojarinova, M. Kobelt-Groch, O. Kulishkina. Kiel: Solivagus, 2015, 83 – 101.
3. Farafonova O. A. Marshruty russkikh travelogov XVIII veka [Routes of Russian travelogues of the XVIII century]. *Russkii travelog XVIII – XX vekov: marshruty, toposy, zhanry i narrativy* [Russian travelogue of the XVIII – XX centuries: routes, topoi, genres and narratives]. Ed. Pecherskaia T. I., Konstantinova N. V. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2016, 261 – 285.
4. Said E. *Orientalizm: Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism: Western concepts of the Orient]. Transl. Govorunov A. V. Saint-Petersburg: Russkii mir, 2006, 638.
5. Neumann I. *Ispol'zovanie "Drugogo": obrazy Vostoka v formirovanii evropeiskikh identichnostei* [Uses of the Other: "The East" in European identity formation]. Transl. Litvinov V. B. and Pil'shhikov I. A. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2004, 335.
6. Time G. A. Reise als Selbstfindung. Russische geistige Vagabondage „ausserhalb" von Zeit und Raum. *Phänomenologie, Geschichte und Anthropologie des Reisens*. Hrsg. von L. Polubojarinova, M. Kobelt-Groch, O. Kulishkina. Kiel: Solivagus, 2015, 437 – 442.
7. Guminsky V. M. Put' na Zapad: russkaia literatura puteshestvii v poslepetrovskuiu epokhu [Way to the West: Russian literature of journey in the post-Petrine period]. *Novaia kniga Rossii = New book of Russia*, no. 3 (2016): 17 – 25. Available at: http://www.voskres.ru/literature/library/guminskiy1.htm (accessed 09.11.2016).
8. Shenle A. *Podlinnost' i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoi literatury puteshestvii 1790 – 1840* [Authenticity and fiction in the Russian literary journey 1790 – 1840]. Transl. Solov'ev D. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt, 2004, 272.
9. Toporov V. N. *"Bednaia Liza" Karamzina. Opyt prochteniia: K dvukhsotletiiu so dnia vykhoda v svet* [Karamzin's "Bednaya Liza". Practices of interpretation: to the 200-aniversary of publication]. Moscow: Izd. tsentr RGGU, 1995, 512.
10. Morozova N. G. Ekfrazis v russkom traveloge kontsa XVIII veka [Ekphrasis in the Russian travelogue at the turn of the XIX century]. *Al'manah sovremennoi nauki i obrazovaniia = Almanac of modern science and education*, no. 3-1 (2007): 162 – 165.
11. Gachev G. D. *Natsional'nye obrazy mira* [National images of the world]. Moscow: Academia, 1998, 430.
12. Fonvizin D. I. *Sobranie sochinenii* [Collected works by Fonvizin D. I.]. Comp. Makogonenko G. P. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaia literatura, vol. 2 (1959): 742.
13. Zinov'ev V. N. Zhurnal puteshestviia po Germanii, Italii, Frantsii i Anglii (1784 – 1785) [Journal of a journey to Germany, Italy, France and England (1784 – 1785)]. *Rossiia i Zapad: gorizonty vzaimopoznaniia. Vyp. 3: Literaturnye istochniki poslednei treti XVIII veka* [Russia and the West: perspectives of mutual understanding. Iss. 3: Literary sources of the final third of the XVIII century]. Moscow: IMLI RAN, 2008, 335 – 380.
14. Karamzin N. M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian traveler]. Comp. Lotman Ju. M., Marchenko N. A., Uspenskii B. A. Leningrad: Nauka, 1987, 716.
15. Lubianovskii F. P. *Puteshestvie po Saksonii, Avstrii i Italii v 1800, 1801 i 1802 godakh* [Journey through Saxony, Austria and Italy in 1800, 1801 and 1802]. Saint-Petersburg: Meditsinskaia tipografiia, Part 1 (1805): 230.

УДК 81'42

ИСТОЧНИКИ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В ДЕТЕКТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Галина А. Завьялова [1, @1]

[1] *Кемеровский государственный сельскохозяйственный институт, Россия, 650056, г. Кемерово, ул. Марковцева, 5*
[@1] *galina_zavialova@mail.ru*

Поступила в редакцию 15.02.2017.
Принята к печати 12.05.2017.

Ключевые слова: прецедентные феномены, детективный дискурс, источники прецедентности, архетип, фрейм-структура сознания.

Аннотация: В статье на материале русских и английских детективных текстов анализируются особенности функционирования прецедентных феноменов с позиции когнитивного подхода. Источниками прецедентности в детективном дискурсе являются греческая и римская мифология, Библия, тексты в рамках фольклорной традиции, произведения Шекспира и классическая европейская литература. В анализируемых текстах представлены универсально- и национально-прецедентные феномены всех типов – прецедентные тексты, высказывания, имена и ситуации. Прецедентные имена актуализируют прецедентные ситуации или выступают в качестве имен-символов, прецедентные высказывания апеллируют к прецедентным текстам как к эталонам. Анализ материала позволяет сделать вывод о том, что включение в пространство детективных текстов шекспировских, библейских и мифологических тем, сюжетов, образов, обусловлено не только стремлением авторов повысить статус своих произведений, но и универсальностью данных тем, а также наличием в них криминальных мотивов. Исследование источников прецедентности в рамках когнитивного подхода может представлять интерес для изучения трансформаций, происходящих в жанрах, в основе которых лежат системообразующие концепты.

Для цитирования: Завьялова Г. А. Источники прецедентности в детективном дискурсе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 195 – 199. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-195-199.

Прецедентность как категория, отражающая отношения между текстом и сознанием языковой личности, исследуется как на материале текстов, порождаемых в процессе коммуникации (например, текстов СМИ, дискурса носителей языка), так и художественных текстов.

Прецедентные феномены – это лингвокультурные единицы, связанные с коллективными инвариантными представлениями «культурных предметов», их национально детерминированными минимизированными представлениями [1].

Прецедентные феномены входят в когнитивную базу в виде определённого набора совокупности представлений, которые являются общими для всех представителей данного лингвокультурного сообщества. В сознании языковой личности прецедентные феномены хранятся в виде фрейм-структур сознания – формируемых клише / штампами сознания когнитивных единиц, представляющих собой «пучок» предсказуемых валентных связей (слотов), векторов направленных ассоциаций [2].

В фокусе внимания учёных находятся различные уровни и аспекты прецедентности, исследуются разные типы прецедентных феноменов – прецедентные тексты, ситуации, имена и высказывания.

Несмотря на разнородность прецедентных феноменов, их объединяют следующие признаки: 1) значимость в познавательном и эмоциональном отношениях; 2) сверхличностный характер; 3) постоянная возобновляемость в речи.

К основным источникам цитат и литературных аллюзий относятся греческая и римская мифология, тексты произведений античных авторов, общегерманская мифология и англо-саксонский героический эпос, Библия, тексты в рамках фольклорной традиции, произведения Шекспира и классическая европейская литература, медиатексты. Указанные прецедентные тексты (за исключением отдельных текстов национальных мифов, фольклорных текстов и медиатекстов), будучи универсально-прецедентными феноменами, широко используются авторами как английских, так и русских детективов (классических и постмодернистских). Детские стихи принадлежат к классу национально-прецедентных феноменов. Детские стихи, считалки (Nursery Rhymes), так называемые малые фольклорные формы, характерны для английских классических детективов (А. Кристи) [2].

Прецедентные феномены, к которым обращаются авторы детективов, – это, как правило, феномены универсально- и национально-прецедентные. Метафоричность универсально-прецедентных феноменов должна быть понятна читателю. Модели ситуаций, описываемые в мифах, Библии и текстах Шекспира, могут выступить в качестве сюжетообразующих для детективных текстов. Эти драматические ситуации, приводящие к преступлению, формируют архетипические сюжеты. Под архетипами понимаются наиболее общие, фундаментальные мотивы, изначальные схемы представлений, лежащих в основе любых художественных структур (в том числе мифологических) [3]. Являясь содержанием коллективного бессознательного, архетипы отражаются в мифах, верованиях, художественных текстах, снах. Упоминание хотя бы одного из персонажей прецедентного текста или ситуации является достаточным для того, чтобы вызвать у читателя определённую ассоциацию. Что касается

таких национально-прецедентных феноменов, как Nursery Rhymes, то они в текстах детективов приводятся полностью, поскольку сами выступают в роли модели построения сюжета. Nursery Rhymes также, вероятно, восходят к архетипам.

Отражённые в мифах представления сопоставляются с «базовыми» эмоциями человека, с его древнейшими ощущениями, с архетипами общественного сознания. Сами представления носят универсальный, общечеловеческий характер, однако средством выражения традиций национальной мифологии выступает текст, образы которого строятся в соответствии с особенностями национальной культуры [4]. В наименьшей степени национально специфичными являются мифологический сюжет (который обычно относят к числу так называемых “бродячих”) и мифологический мотив, семантика которого опирается на архетипические смыслы. К ним относятся сюжеты добывания огня, борьбы мифологического героя с представляющим первозданный хаос чудовищем, которые находят отражение в мифах разных культур, и национально специфичные персонажи мифа, такие как Геракл, Прометей и др., а также внешние признаки устройства мифологической Вселенной, отличающиеся в разных культурах [4].

Через сюжеты сотворения мира, повествования о богах и их деяниях описывается, а не объясняется, действительность в мифе. Как система представлений мифология ориентирована на воплощение всего мироздания, поэтому она строится в виде модели мира, главная функция которой – «побеждать хаос, упорядочивать онтологическое бытие и придавать смысл существованию человека» [5, с. 62].

Сформировавшись в русле определенной культуры, некоторые мифы и их персонажи стали универсально-прецедентными. Тем не менее инварианты восприятия универсально-прецедентного феномена являются национально специфичными для той или иной лингвокультуры. Источником прецедентности для детективного дискурса становятся, как правило, прецедентные имена и прецедентные высказывания, актуализирующие прецедентные ситуации (Б. Акунин «Смерть Ахиллеса», А. Кристи «Labours of Hercules» («Подвиги Геракла»)), а также прецедентные тексты как эталоны (новеллы Г. К. Честертона, романы А. Кристи).

Нельзя не согласиться с утверждением В. В. Красных, Д. Б. Гудкова, И. В. Захаренко, что функция, выполняемая прецедентными феноменами в целом, близка функции мифа в традиционном обществе, а стоящее за прецедентным именем представление – не что иное, как «свернутый» миф [6, с. 26]. Действительно, определяя шкалу ценностных ориентаций лингвокультурного сообщества, прецедентные феномены формируют образы положительных и отрицательных героев, то есть одновременно отражают и устанавливают ту или иную парадигму поведения. В детективном тексте апелляция к когнитивной базе читателя всегда обусловлена авторской интенцией, то есть актуализируются именно те признаки прецедентного феномена, которые являются релевантными для построения сюжетной или/и персонажной схем.

Особенности функционирования прецедентного имени определяются его структурным устройством. Прецедентное имя может употребляться как любое индивидуальное имя, указывая на денотат, и в этом случае его дифференциальные признаки игнорируются. Но оно может употребляться и как символ, при этом происходит апелляция к составляющим его ядро дифференциальным признакам, таким как характер, внешность и прецедентная ситуация. Прецедентные имена чаще всего представлены однокомпонентными единицами.

В сборнике новелл А. Кристи «Labours of Hercules» непредикативные прецедентные высказывания актуализируют прецедентные ситуации, восходящие к циклу подвигов древнегреческого героя Геракла. Несмотря на то что прецедентное имя Геракл и прецедентные высказывания как актуализаторы прецедентных ситуаций, на основе которых строятся сюжетные и персонажные схемы новелл, являются универсально-прецедентными, они эксплицируются в тексте. Явная непохожесть двух персонажей позволяет автору создавать комический эффект путем сопоставления обоих «Геркулесов». В данном случае мы имеем дело с двумя прецедентными именами, поскольку имя «великого детектива» стало прецедентным в силу популярности детективных текстов А. Кристи. Комический эффект строится на противопоставлении признаков, входящих в инварианты восприятия двух прецедентных имен, – современного Геракла и его мифологического прототипа:

He looked at himself in the glass. Here, then, was a modern Hercules – very distinct from that unpleasant sketch of a naked figure with bulging muscles, brandishing a club. Instead, a small compact figure attired in correct urban wear with a moustache – such a moustache as Hercules never dreamed of cultivating – a moustache magnificent yet sophisticated [7].

Противопоставляются дифференциальные признаки прецедентных имен – физическая сила древнегреческого героя (в представлении Эркюля Пуаро – с явной отрицательной коннотацией) и интеллект Пуаро; атрибуты – дубина Геракла и «великолепные утонченные усы» сыщика. Однако при сопоставлении третьего признака прецедентного имени – оценки – между двумя персонажами обнаруживается сходство, обладающее существенной значимостью для построения сюжетной схемы детективного текста:

Yet there was between this Hercule Poirot and the Hercules of Classical lore one point of resemblance. Both of them, undoubtedly, had been instrumental in ridding the world of certain pests… Each of them could be described as a benefactor to the Society he lived in… [7].

Оценка как элемент инварианта прецедентного имени существенна для формирования положительного / отрицательного образа персонажа. Как мифологический герой, так и современный Геракл играют важную роль в избавлении мира от зла (и здесь мы видим отчетливое сходство детектива с мифом – противопоставление Героя (сыщика) как представителя космоса (порядка) Преступнику как представителю хаоса). Именно на этом сходстве строятся сюжетные схемы новелл, входящих в цикл «Подвиги Геракла» А. Кристи. Непредикативные прецедентные высказывания (The Nemean Lion, The Lernean Hydra, The Arcadian Deer, The Erymanthean Boar, The Augean Stables, The Stymphalean Birds) актуализируют соответствующие прецедентные ситуации, выступающие средством построения сюжетных и персонажных схем.

В романе Б. Акунина «Смерть Ахиллеса» прецедентное имя также выступает как имя-символ, указывающее

на эталонную совокупность определённых качеств (воинская доблесть, смелость, героизм):

Ведь не кто-нибудь, сам герой Плевны и Туркестана Богу душу отдал. Рыцарь без страха и упрёка, недаром Ахиллесом прозван [8, с. 19].

То же прецедентное имя служит средством актуализации прецедентной ситуации через фрейм-структуру сознания «Ахиллес – пята»:

У прославленного Ахилла есть пята, и не слишком оригинальная, пришёл к заключению Ахимас. Нечего мудрить и изобретать порох. Чем проще, тем верней [8, с. 328].

Актуализация фрейм-структуры сознания «Ахиллес – пята» осуществляется посредством клише сознания, кристаллизующего связи с прецедентным именем и прецедентной ситуацией.

По утверждению Н. М. Орловой, Библия как прецедентный феномен обладает явными признаками кросскультурной универсалии, проявляющимися на уровне языка, в текстообразовании, интертекстуальных параллелях, а также в общности связанных с Библией эксплицируемых концептов [9]. Предлагаемая автором типологизация библейских сюжетов, генерирующих прецедентные ситуации, имеет практическую ценность для анализа художественных текстов. Среди выделяемых Н. М. Орловой типов библейских сюжетов, генерирующих прецедентные ситуации, существенными для детективных текстов являются те, в которых отражаются мотивы, связанные с семейными или любовными отношениями, так как именно они выполняют текстообразующую и сюжетообразующую функцию. Они порождают смыслы любовной лирики, поскольку в их матрицах присутствуют концепты-репрезентанты ‘любовь’, ‘ревность’, ‘измена’, ‘семья’ и др. [9, с. 6].

Библия как универсально-прецедентный текст занимает центральное место в детективных новеллах Г. К. Честертона, при этом можно отметить случаи актуализации концепта самого прецедентного текста как эталона, а также актуализации какой-либо библейской ситуации при помощи прецедентных имён или других ее атрибутов.

Апелляция к концепту прецедентного текста «Библия» как к эталону, авторитетному источнику наблюдается в новелле «The Arrow of Heaven» («Небесная стрела»):

"Well," growled Drage, "and have you succeeded in avenging your holy and sainted millionaire? We know all millionaires are holy and sainted; you can find it all in the papers next day, about how they lived by the light of the Family Bible they read at their mother's knee. Gee, if they'd only read out some of the things there are in the Family Bible, the mother might have been startled some. And the millionaire, too, I reckon. The old book's full of a lot of grand fierce old notions they don't grown nowadays; sort of wisdom of the Stone Age and buried under the Pyramids… [10, p 136].

Если ссылка на Библию как эталон понятна любому читателю, даже не знакомому с самим текстом, то прецедентная ситуация, атрибутом которой является прецедентное имя Иезавель, объясняется персонажем, поскольку одного упоминания прецедентного имени может быть недостаточно для полного понимания. Объясняется и прецедентная ситуация, актуализируемая именами-символами Самуил и Агаг:

«Suppose somebody had flung old man Merton from the top of that tower of his, and let him be eaten by dogs at the bottom, it would be no worse than what happened to Jezebel. Wasn't Agag hacked into little pieces, for all he went walking delicately? Merton walked delicately all his life, damn him – until he got too delicate to walk at all. But the shaft of the Lord found him out, as it might have done in the old book; and struck him dead on the top of his tower to be a spectacle to the people» [10, p 136].

В качестве отсылок к ситуациям, описанным в прецедентном тексте, используются однокомпонентные единицы (прецедентные имена Иезавель, Агаг, Самуил), а также многокомпонентные единицы – перифразы «the old book», «the family bible», «the oriental book».

Как отмечает П. С. Артемьева [11], ссылаясь на работу В. В. Красных [12], источник прецедентного высказывания называется автором художественного текста в случае, если у высказывания несколько авторов или если оно потеряло связь с породившим его текстом. Кроме того, это может быть связано с этнокультурной спецификой прецедентного феномена, когда автор вводит в текст прецедентный феномен культуры, отличной от той, к которой принадлежит предполагаемый читатель (см. например [2, с. 155; 11, с. 20; 13].

В новелле Г. К. Честертона «The Blue Cross» («Сапфировый крест») прецедентное высказывание «Не укради» также является ссылкой на Библию как авторитетный источник и не требует каких-либо специальных знаний текста-первоисточника, несмотря на то, что маркировано архаической формой:

"Reason and justice grip the remotest and the loneliest star…. Think of forests of adamant with leaves of brilliants. Think the moon is a blue moon, a single elephantine sapphire. But don't fancy that all that frantic astronomy would make the smallest difference to the reason and justice of conduct. On plains of opal, under cliffs cut out of pearl, you would still find a notice-board, "Thou shalt not steal" [10, p. 48].

Тексты произведений У. Шекспира являются одними из наиболее цитируемых в литературе вообще и в детективной литературе в частности. Джим Коллинз отмечает, что частое и порой даже чрезмерное цитирование Шекспира авторами английских детективных романов вызвано стремлением писателей приблизить жанр детектива к более высокому статусу классической «серьёзной» литературы [14, p. 49]. Однако анализ детективных текстов позволяет сделать вывод, что включение в детективный дискурс шекспировских тем, сюжетов, образов обусловлено также их универсальностью и наличием в них криминальных мотивов. Прецедентные ситуации, актуализируемые в результате обращения к прецедентным именам, архетипичны – любовь, ревность, предательство.

В детективных романах Агаты Кристи важным элементом являются детские песенки, считалки, стишки, т. е. жанр, получивший название Nursery Rhymes или Mother Goose Rhymes. Эти прецедентные феномены функционируют как полипредикативные единицы. Наделённые функцией предопределения тексты Nursery Rhymes становятся сценарием совершения преступлений («Ten Little Niggers» («Десять негритят»), либо ключом к разгадке («One, Two, Buckle My Shoe» («Раз, два, три, туфлю застегни»)).

Nursery Rhymes представляют собой большой пласт английской культуры. По утверждению исследователей этого жанра, во многих текстах считалок отражены исторические события, например, считалка Ring a Ring o'Roses относится к временам бубонной чумы, а Remember, Remember – к событиям, связанным с неудавшейся попыткой Гая Фокса взорвать здание английского Парламента [15]. Этим можно объяснить мрачное содержание многих считалок, а игровая, «несерьёзная» форма считалки позволяла её авторам пародировать исторические и политические события во времена, когда открытое выражение несогласия было очень опасным и даже каралось смертной казнью.

Таким образом, источниками прецедентности в детективном дискурсе становятся тексты, сюжеты которых восходят к архетипам – общечеловеческим фундаментальным представлениям. Причину этого мы видим в универсальности сюжетов и в наличии в них драматических элементов, описывающих межличностные конфликты и преступления, основанные на концептах-репрезентантах ситуации, такие как «измена», «предательство», «кража» и др., характерны для мифов, библейских сюжетов, текстов Шекспира.

Анализ источников прецедентности с позиций когнитивной лингвистики может представлять интерес для исследования различных жанров и дискурсов – главным образом текстов, принадлежащих к жанрам, в основе которых можно выделить системообразующие концепты (детектив, любовный, приключенческий романы). Это дает возможность анализировать трансформации, имеющие место в упомянутых формульных жанрах. Кроме того, перспективным представляется анализ специфики инвариантов восприятия как универсально-, так и национально-прецедентных феноменов в переводах художественных текстов различных жанров.

Литература

1. Гудков Д. Б. Алгоритм восприятия текста и межкультурная коммуникация // Язык. Сознание. Коммуникация. М.: Филология, 1997. Вып. 1. С. 114 – 127.

2. Завьялова Г. А. Особенности функционирования прецедентных феноменов в детективном дискурсе (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук; Кемеровский гос. ун-т. Кемерово, 2014. 185 с.

3. Аверинцев С. С. Архетипы // Мифы народов мира: Энциклопедия. М.: Советская Энциклопедия. 1980. Т. 1. С. 110 – 111.

4. Неклюдов С. Ю. Структура и функция мифа. Что такое «миф» и «мифология»? // Мифы и мифология в современной России / под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюкова. М.: АИРО-XX, 2000. С. 17 – 38.

5. Лейдерман Н. Л. Теория жанра. Екатеринбург: УрГПУ, 2010. 904 с.

6. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В. Теоретические положения. Принципы описания // Брилева И. С., Вольская Н. П., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. М.: Гнозис, 2004. Вып. 1. С. 7 – 43.

7. Christie A. The Labours of Hercules. Режим доступа: http://royallib.com/read/christie_agatha/the_labours_of_hercules.html#0 (дата обращения: 02.03.2017).

8. Акунин Б. Смерть Ахиллеса. М.: Изд-во И. Е. Богат, 2007. 428 с.

9. Орлова Н. М. Библейский текст как прецедентный феномен: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Саратов, 2010. 50 с.

10. Chesterton G. K. Selected Stories. M.: Progress Publishers, 1971. P. 23 – 149.

11. Артемьева П. С. Прецедентные феномены как выразительное средство: диалог культур в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук; Саратовский национальный исследовательский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2016. 163 с.

12. Красных В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. М.: Филология, 1997. Вып. 2. С. 5 – 12.

13. Крылова М. Н. Прецедентные ситуации в образной системе современного русского сравнения // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2014. № 3(140). С. 51 – 53.

14. Collins J. Uncommon Cultures: Popular Culture and Post-modernism. London: Routledge, 1989. 161 p.

15. Alchin L. K. Nursery Rhymes Lyrics, Origins & History. Режим доступа: http://www.rhymes.org.uk/ (дата обращения: 10.02.2017).

THE SOURCES OF PRECEDENTIALITY IN DETECTIVE DISCOURSE

Galina A. Zavyalova[1, @1]

[1] *Kemerovo State Agricultural Institute, 5, Markovtseva St., Kemerovo, Russia, 650056*
[@1] *galina_zavialova@mail.ru*

Received 15.02.2017.
Accepted 12.05.2017.

Keywords: precedent phenomena, detective discourse, sources of precedentiality, archetype, frame-structure of consciousness.

Abstract: The article takes cognitive approach to precedent phenomena studies. The sources of precedentiality in detective discourse are Greek and Roman mythology, the Bible, folklore texts, Shakespeare's texts and classical European literature. In the analyzed texts universal-precedent and national-precedent phenomena of all the types are presented. Precedent names actualize precedent situations or act as names-symbols, precedent utterances appeal to precedent texts as reference standards. The analyzed material lets us deduce that incorporating Shakespearean, biblical and mythological topics, characters and images into detective texts is determined by authors' intention to improve the status of their works as well as by universality of these topics and their criminal nature. Analyzing the sources of precedentiality within the cognitive approach may be of interest for studying transformations that take place within the genres based on the system-forming concepts.

For citation: Zavyalova G. A. Istochniki pretsedentnosti v detektivnom diskurse [The Sources of Precedentiality in Detective Discourse]. *Bulletin of Kemerovo State University,* 2017; (2): 195 – 199. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-195-199.

References

1. Gudkov D. B. Algoritm vospriiatiia teksta i mezhkul'turnaia kommunikatsiia [The Algorithm of text perception and intercultural communication]. *Iazyk. Soznanie. Kommunikatsiia = Language, consciousness, communication*, Iss. 1 (1997): 114 – 127.
2. Zav'ialova G. A. *Osobennosti funktsionirovaniia pretsedentnykh fenomenov v detektivnom diskurse (na materiale angliiskogo i russkogo iazykov)*. Diss. kand. filol. nauk [The peculiarities of precedent phenomena functioning in detective discourse (based on English and Russian texts). Cand. filol. Sci. Diss.]. Kemerovo State. Univ. Kemerovo, 2014, 185.
3. Averintsev S. S. Arkhetipy [Archetypes]. *Mify narodov mira: Entsiklopediia* [Myths of the peoples of the world: Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaia Entsiklopediia, vol. 1 (1980): 110 – 111.
4. Nekliudov S. Iu. Struktura i funktsiia mifa. Chto takoe «mif» i «mifologiia»? [Structure and function of myth. What is "myth" and "mythology"?]. *Mify i mifologiia v sovremennoi Rossii* [Myth and mythology in modern Russia]. Ed. Aimermakher K., Bomsdorf F., Bordiukov G. Moscow: AIRO-XX, 2000, 17 – 38.
5. Leiderman N. L. *Teoriia zhanra* [Theory of Genre: Scientific issue]. Ekaterinburg: UrGPU, 2010, 904.
6. Krasnykh V. V., Gudkov D. B., Zakharenko I. V. Teoreticheskie polozheniia. Printsipy opisaniia [Theoretical propositions. Principles of description]. *Russkoe kul'turnoe prostranstvo: Lingvokul'turologicheskii slovar'* [Russian Cultural Space: Linguaculture Dictionary]. Moscow: Gnozis, Iss. 1 (2004): 7 – 43.
7. Christie A. *The Labours of Hercules*. Available at: http://royallib.com/read/christie_agatha/the_labours_of_hercules.html#0 (accessed 02.03.2017).
8. Akunin B. *Smert' Akhillesa* [Death of Achilles]. Moscow: Izd-vo I. E. Bogat, 2007, 428.
9. Orlova N. M. *Bibleiskii tekst kak pretsedentnyi fenomen*. Avtoref. diss. doktora filol. nauk [Biblical text as precedent phenomenon. Dr. filol. Sci. Diss. Abstr.]. Saratov, 2010, 50.
10. Chesterton G. K. *Selected Stories*. Moscow: Progress Publishers, 1971, 23 – 149.
11. Artem'eva P. S. *Pretsedentnye fenomeny kak vyrazitel'noe sredstvo: dialog kul'tur v khudozhestvennom tekste*. Diss. kand. filol. nauk [Precedent phenomena as expressive means: the dialogue of cultures in literary text. Cand. filol. Sci. Diss.]. National Research Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky. Saratov, 2016, 163.
12. Krasnykh V. V. Sistema pretsedentnykh fenomenov v kontekste sovremennykh issledovanii [System of precedent phenomena in the context of modern research]. *Iazyk. Soznanie. Kommunikatsiia = Language, consciousness, communication*, Iss. 2 (1997): 5 – 12.
13. Krylova M. N. Pretsedentnye situatsii v obraznoi sisteme sovremennogo russkogo sravneniia [Precedent Situations in expressive system of modern Russian comparison]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Journal Proceedings of Petrozavodsk State University*, no. 3(140) (2014): 51 – 53.
14. Collins J. *Uncommon Cultures: Popular Culture and Post-modernism*. London: Routledge, 1989, 161.
15. Alchin L. K. *Nursery Rhymes Lyrics, Origins & History*. Available at: http://www.rhymes.org.uk/ (accessed 10.02.2017).

УДК 811.111

ЭКФРАСИС И ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В РОМАНЕ СОМЕРСЕТА МОЭМА «THE MOON AND SIXPENCE» («ЛУНА И ГРОШ»)

Тамара П. Карпухина[1, @]

[1] *Тихоокеанский государственный университет, Россия, 680035, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136*
[@] *tkarpukhina1@mail.ru*

Поступила в редакцию 27.12.2016.
Принята к печати 20.02.2017.

Ключевые слова: экфрасис, архетипическая схема, экфрастический диалог, экфрастический монолог, восприятие знатоком/профаном, устойчивые признаки, функции экфрасиса.

Аннотация: В статье рассматривается феномен экфрасиса – словесного описания предмета искусства в литературном произведении. Объектом анализа является экфрасис в романе С. Моэма «Луна и грош». Предметному изучению подвергаются специфические признаки экфрасиса, его функции и лингвистические средства выражения. В романе дается описание пяти картин, созданных главным героем-художником. Разные по жанру картины (портрет, пейзаж, настенная живопись, натюрморт, семейно-бытовая сценка) объединены общим подходом к их описанию, характерным для экфрасиса. Описание картин, представленное как в монологической, так и диалогической форме экфрасиса, опирается на инвариантные признаки, соответствующие канонической, архетипической схеме экфрастического описания. Эти признаки переданы с помощью лексики, связанной с выражением сильных эмоций, соотносящейся со зрительным восприятием, с красотой, чудом, тайной, уникальностью, жизненностью, одухотворенностью. Экфрастическое описание картин дается через призму восприятия их разными персонажами – знатоками и профанами. Экфрасис в романе С. Моэма осуществляет следующие функции: эстетически-оценочную, дескриптивную, эмоционально-воздействующую, характеризующую, герменевтическую.

Для цитирования: Карпухина Т. П. Экфрасис и его функционирование в романе Сомерсета Моэма «The moon and sixpence» («Луна и Грош») // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 200 – 205. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-200-205.

В ряду приемов художественной изобразительности заметное место занимает экфрасис, породивший феномен так называемой экфрастической литературы, в которой этому приему придается особая роль и значение. Художественный образ, создаваемый посредством экфрасиса, воплощен в словесном описании предмета искусства (живописного, пластического, музыкального), представленного в литературно-художественном произведении. При этом на первый план выдвигается не предмет искусства как таковой, а то, что и как им отображается и какое воздействие оказывает собственно само изображение. По форме выражения экфрасис является текстовым фрагментом, вплетенным в ткань художественного текста.

Этот термин античной риторики некогда обозначал описание предметов искусства, которые странствующие паломники видели в храмах, встречавшихся им на пути. Культовое изображение, носившее, как правило, местный, не общегреческий характер, требовало пояснений. Необходимые пояснения и ответы на вопросы паломников-чужеземцев давал храмовник, охранявший находившиеся в храме сокровища. Так возникла каноническая модель экфрасиса, имеющая драматизированную форму, в основе которой лежит беседа (диалог) между знатоком (художником, посвященным, жрецом) и собеседником (непосвященным, профаном) [1].

Экфрастическому диалогу присущи следующие специфические свойства: характеристика созерцаемого как прекрасного предмета искусства, вызывающего у зрителей чувство потрясения; таящийся, скрытый смысл изображения; отсылки к странному, чудесному, сверхъестественному, магическому; мотив оживающего жизнеподобного изображения; «оптическая» лексика, относящаяся к зрительному восприятию; мотив подлинности изображения и разоблачения пустой кажимости. Указанные признаки входят на правах устойчивых компонентов в архетипическую схему экфрастического описания [1].

Объектом изучения настоящей статьи является живописный экфрасис, представленный в романе С. Моэма «Луна и грош» [2]. В работе ставится цель выявить особенности функционирования экфрасиса в данном произведении.

Главный герой романа «Луна и грош» – художник Чарльз Стрикленд, прототипом которого послужил великий французский художник Поль Гоген. Судьба главного героя необычна и трагична. Преуспевающего лондонского биржевого маклера вдруг охватывает неодолимая страсть писать картины, он оставляет семью, уезжает вначале в Париж – творческую столицу мира, а затем оказывается на Таити. Там, вдали от цивилизации, поселившись с женой-таитянкой по имени Ата в ветхом деревенском доме где-то на отшибе, он, будучи уже слепым, умирающим от проказы, создает свой последний шедевр, расписав стены дома. Стрикленд полностью отвечает сложившемуся в истории культуры образу художника как «отмеченного свыше», вдохновенного одинокого творца, бунтаря, эпатирующего общий вкус, противостоящего мертвящим началам современной цивилизации [3, с. 115, 141].

В романе дается описание пяти картин мастера. По мере развертывания сюжета читатель знакомится с каждой из картин, обозначающих этапы становления мастера, дающих представление о необычной, выходящей за общепринятые рамки творческой манере художника.

Это означает, что, будучи художественно-изобразительным приемом, экфрасис способен осуществлять целый ряд функций, содействуя выстраиванию художественно-образного мира произведения. Экфрасис участвует в формировании сюжета, реализуя таким образом нарративную функцию. В рассматриваемом романе живописный экфрасис организует повествование не столько как последовательность событий, сколько «как последовательность этапов смыслообразования, между которыми, как и в повествовательном сюжете, будет ощущаться некий скачок, переход, сдвиг» [4]. Этот скачок, сдвиг локализован в той точке текстового пространства, где расположен экфрасис.

Повествование в этой точке прерывается, останавливается, вводя в поле зрения живописное произведение. Переключение вербального кода в визуальный текстуально обозначено определенными рамками, которые служат в качестве границ экфрасиса. Будучи отграниченным от остального текста, экфрастическое описание приобретает семиотический статус «текста в тексте», отражающий тип восприятия как «вид через окно», обеспечивающий целостный характер воспринимаемого [5, с. 225, 231, 233].

Все произведения разнятся по замыслу и жанру, среди них находим портрет (гл. 39), пейзаж (гл. 48), настенную роспись (гл. 56 – 57), натюрморт (гл. 57), семейно-бытовую сценку (гл. 58). Различаются они и хронотопически, как по времени создания, так и по месту их встречи с персонажами, а значит и читателями романа. Все работы явятся неожиданно: портрет предстанет в мастерской художника, пейзаж будет извлечен из чердачного хлама, настенная роспись будет скрываться в обветшалом доме, натюрморт с фруктами окажется в кабинете врача, семейный портрет – вывешен на стене богатого дома.

Экфрастические описания даны через призму их восприятия разными персонажами, по-разному оценивающими произведения художника. Повествование в романе ведется от первого лица, рассказчиком, который выступает в образе свидетеля, участника и комментатора происходящего [6, с. 156], находясь «целиком *внутри* изображенной реальности» [7, с. 322].

Первое портретное изображение лежащей обнаженной женщины высоко оценивается другим художником, персонажем романа, как эстетически значимый объект, как подлинное произведение искусства (It was a work of art; It was a great, wonderful picture). Антипод Стрикленда, посредственный художник Дирк Стрев, вместе с тем наделен особым даром – тонким художественным чутьем, чувством прекрасного, которое возвысило его над личной трагедией потому, что увиденная им картина изображала его жену Бланш, доведенную Стриклендом до самоубийства.

Нелишне напомнить в этой связи о традиционном восприятии художников, предстающих в антитетически противопоставленных образах «культурного героя» и «шута»/«трикстера» [8]. Если Стрикленд обрисован в романе как сильная, экстраординарная личность, как «культурный герой», то Дирка Стрева парижская артистическая богема считает шутом, вообразившим себя художником.

Дескрипция портретного изображения, данная в двух предложениях, весьма лаконична. Она указывает лишь на классическую позу модели. Остальные две страницы описывают впечатление, произведенное картиной, и вызванные ею эмоции. Это означает, что экфрасис участвует в создании такой разновидности литературного портрета, как портрет-впечатление, который отличается тем, что «портретных черт и деталей здесь как таковых нет вообще, остается только впечатление», производимое «на стороннего наблюдателя или на кого-либо из персонажей произведения» [9, с. 79].

И здесь мы видим практически полное соответствие античной, архетипической схеме экфрасиса. Картина потрясла, ошеломила Дирка, его охватило *благоговение* (I was seized with *awe*), он испытал *странное* чувство (I was *strangely* impressed). В картине было нечто *чудесное* (*miraculous*). Дирк сравнивает себя с *чужеземцем*, оказавшимся в *новом*, совершенно изменившемся *мире* (*like a stranger in a land* where the reactions of a man to familiar things are all different).

В заключительном абзаце, завершающем первое экфрастическое описание, возникает и начинает звучать лейтмотивом идея красоты, прекрасного, выраженная трехкратным повтором корнеслова *beauty* и производным от него прилагательным *beautiful*, которые содержатся в речи Дирка Стрева.

Картина требует вдумчивого, спокойного созерцания, отрешенного от обыденной жизни, «обывательщины» [10, с. 253], что и пытается сделать Дирк, поставив холст на мольберт. Он еще не знает, что он увидит, но эстетическая установка – настроенность на восприятие художественного произведения, предполагающая радостное ожидание от встречи с предметом искусства, – уже создана [11, с. 108].

Другое дело, что эту радость от предвосхищения встречи с прекрасным в одно мгновение сметут другие эмоции – ярость, ревность, бешенство, – когда на картине он увидит Бланш (Grief and jealousy and rage seized him; He was beside himself; he was frantic). В нем возникает желание искромсать картину ножом (he wanted to hack the picture to pieces).

И здесь мы, казалось бы, видим отступление от эфрастического описания, не предполагающего стремление разрушить произведение искусства. Однако это не совсем так. Описанные эмоции, ярко представленные с помощью градации, полисиндетона, метафоры, свидетельствуют о том, что Дирк Стрев, увидевший в своем ослепленном воображении образ создавшего картину врага (an invisible enemy), на какой-то момент забыл об условности изображения, приняв его за действительность, преодолев эстетическую дистанцию [12, с. 49]. Это означает только одно: изображение было столь живым, что практически для зрителя, каковым был Дирк Стрев, оно «вышло из рамы», а значит, оно полностью отвечает экфрастическому принципу «оживающего» изображения [13; 14].

И то, что Дирк Стрев, бросившийся к картине с намерением изрезать ее, вдруг в шаге от нее остановился, тоже соответствует экфрасису: он, как уже говорилось, осознал, что это прекрасное творение мастера. Напомним,

что: «Экфраза изображает мертвое «как бы» живое; ее реальность кажущаяся. И она не больше чем «диво», то есть призрак» [15, с. 324]. Граница между действительностью и условностью была восстановлена. То, что зрителем в исступлении виделось как живой объект, художником с его эстетическим зрением воспринимается как произведение искусства.

Все вышесказанное со всей очевидностью демонстрирует роль и место экфрасиса не только в создании образа живописного произведения, но и, прежде всего, в характеристике двух персонажей-художников: Дирка Стрева, сумевшего оценить истинное произведение искусства, и Стрикленда как автора картины, перешагнувшего через общепринятые каноны и вложившего в классическую форму новое содержание.

Лингвистический анализ экфрастического текста показывает, что тематически значительное место в нем занимает лексика, связанная с изобразительным искусством (the studio, a picture, a canvas, the face of a canvas, the drawing, the easel, a scraper, the painting things, the pose, a nude, a work of art).

Еще большую роль играют слова и словосочетания, выражающие эмоциональное состояние героя (shuddered, gave a gasp, head swam, his heart beat quickly, the emotion that had caught him, strangely impressed, at a loss, grief, rage, frantic и проч.).

Заметное место отведено лексике, традиционно включаемой в архетипическую модель экфрасиса, соотносящейся, как уже говорилось, с тайной (mystic), чудом (miraculous, wonderful), странностью, необычностью (strangely, stranger, singular, extraordinarily), жизненностью, одухотворенностью (soul, spiritual), трепетом, поклонением, страхом (awe, fearful, afraid), зрительным восприятием (see, dim, lit, stars).

Перейдем к рассмотрению других экфрастических текстов. Весьма близки по характеру и лингвистическим средствам выражения экфрастические описания настенной росписи и натюрморта, которые в беседе с рассказчиком дает доктор, лечивший Стрикленда на Таити (гл. 56, 57). Используемая лексика называет уже упоминавшиеся характеристики, входящие в качестве компонентов в архетипическую схему экфрасиса. Так, живопись, покрывавшая стены от пола до потолка, созданная уже практически слепым художником, характеризуется доктором как *странная* по композиции (a *strange* and elaborate composition*), странная* и *фантастическая* (*strange and fantastic*).

Она была *прекрасной* (*beautiful)*, неописуемо *чудесной* и *таинственно-загадочной* (indescribably *wonderful* and *mysterious*). В ней вскрывались глубоко *сокрытые тайны* природы (the *hidden depths* of nature). Изображение создавало *новый мир* (*a new world*), новый Эдем (the Garden of Eden), но такой, который был подобен *колдовскому* миру (a *magic* world), преодолевающему естественные *пределы человеческого* (It was *not human*).

У доктора *захватило дух* от увиденного (It *took his breath away*), оно чрезвычайно *поразило* его (extraordinarily *affected* him). Он чувствовал одновременно и *восторг* (*delight)*, и *трепет* (*awe)*, и даже *страх* (which made him *afraid;* an unseen *horror;* the *terror*).

У потрясенного зрелищем доктора вырывается возглас: «*Mon Dieu,* this is genius». Не будучи знатоком живописи (He knew nothing of pictures), то есть, по сути дела, выступая в экфрастической роли наивного, некомпетентного зрителя-профана, доктор смог оценить высочайшую эстетическую значимость, гениальность настенной росписи, понять глубинный замысел художника, расшифровать заложенный в ней смысл. Это означает совершившуюся в процессе созерцания трансформацию – зритель, наблюдатель перешел в ранг истолкователя, экзегета, интерпретатора. Назвав росписи стен *шедевром* (strange *masterpieces*; *a work of a genius*), доктор увидел в изображении перевоссоздание мира (It was a vision of the beginnings of the world), преодолевающее бесконечность времени и пространства (It gave you an awful sense of the infinity of space and of the endlessness of time).

Отсюда следует, что анализируемый экфрасис, помимо характеризующей функции, добавляющей новые штрихи к образу художника, исполняет и герменевтическую, толковательную функцию, направленную на «выявление глубинного, образно-символического содержания произведения» [16].

Третий по счету экфрасис содержит размышления рассказчика о натюрморте (гл. 57), который был показан ему доктором. Описание изображения фруктов (a fruit-piece), оформленное по типу монологического экфрасиса, включает в себя ведущие компоненты архетипической модели репрезентации предмета искусства, которые были отмечены в приведенных ранее экфрасисах.

Рассказчик видит *странные*, необычные краски (The colours were so *strange*). В их дрожащем *блеске* ощущалось биение *таинственной* жизни (A quivering *lustre* that suggested the palpitation of *mysterious* life). Они были *необычайно живы* (*strangely alive*), красками передавая аромат тропиков (fragrant, tropical odours). Из плодов, казалось, вырывалась на волю их собственная, мрачная *страсть* (a sombre *passion* of their own).

Описание натюрморта, направленное не столько на создание вещественного, конкретизированного образа, сколько на выражение – из деталей можно выделить лишь перечисленные фрукты (mangoes, bananas, oranges) и их цвета (red, yellow, green), – показывает ошеломляющее эмоциональное воздействие натюрморта на зрителя, в котором пробуждается воображение, самостоятельно дописывающее и дополняющее картину. Этому содействует обилие эпитетов, метафор, персонификация и другие лингвистические средства.

Рассказчик, размышляющий об увиденном натюрморте, выделяет именно те признаки, которыми наделен экфрасис. Он расшифровал, декодировал послание художника, заложенное в изображении, представ уже в роли посвященного, истолкователя.

Особняком стоит экфрасис (в 42-й главе), дающий представление о творчестве Стрикленда в целом. Однажды рассказчик получает от художника неожиданное приглашение посмотреть его картины, среди которых были натюрморты, пейзажи, портреты (pictures of still-life, landscapes, portraits).

Рассказчик признается, что тогда он не увидел в картинах художника ни красоты (their beauty), ни своеобразия (their great originality). Они глубоко разочаровали его (I was bitterly disappointed), не испытал он и катарсиса, потрясения, сопровождающего знакомство с произведе-

нием искусства (I felt nothing of the peculiar thrill which is the property of art to give).

Лингвистический анализ указанного экфрастического текста, представляющего собой в основном внутренний монолог-рефлексию рассказчика, показывает, что подавляющее число наименований относится к сфере выражения эмоций, которые испытывал рассказчик при созерцании картин Стрикленда (taken aback, bothered, bewildered, puzzled, disconcerted, perplexed, confused, at sea, interested, excited, not unimpressed, astonishment).

Главенствующим чувством, как следует из приведенных обозначений, была озадаченность, что свидетельствует о некоем энигматическом коде, заложенном в картинах художника. Это означает, что всей глубины творчества Стрикленда рассказчик тогда еще не постиг. К этому значительно позже подведет его доктор, первым осознавший гениальность мастера и уникальность его шедевров.

С четвертым по счету экфрасисом мы знакомимся в беседе рассказчика с плантатором Коэном и его супругой. Торговец получил картину с изображением своей плантации в счет оплаты Стриклендом его долга. Перед читателем предстает диалог двух наивных, некомпетентных зрителей – торговца и его жены, которые крайне негативно оценивают оригинальность, своеобразие картины. Коэн, сказавший, что никогда не видел ничего подобного (I never saw such a thing in my life), считает недостатком картины ее непонятность. Его жена отмечает несоответствие изображения реальности, а именно кокосовые пальмы с голубыми листьями (I have never seen coconuts with blue leaves).

Это доказывает отсутствие у супругов необходимого воображения, которое лежит в основе восприятия любого искусства как феномена. Картина не была освоена данными персонажами эстетически, поскольку не была воспринята семиотически, как знак, внешняя сторона которого (изображение) указывает на его внутреннее содержание (смысл). Не включив свое воображение, персонажи остались вне пределов семиотических процессов, которые происходят «на границе слова и изображения, совершаются именно в промежуточной сфере воображения, которая несет в себе потенциал удвоения» [17, с. 59]. Персонажи не смогли увидеть в изображении «единство художественной правды и *условности*», «представить наблюдаемое в новых, неожиданных связях и сочетаниях, создать картины несуществующего в действительности, но возможного» [12, с. 46 – 47].

Супруги забросили картину на чердак, где она и лежала в куче всякого хлама (with all sorts of rubbish), до тех пор пока пейзаж не был отправлен родственнику в Париж, который выгодно его продал на волне поднявшегося интереса к вновь открытому гению в живописи, ушедшему из жизни.

В завершающей 58-й главе книги, где говорится о визите рассказчика к миссис Стрикленд, приводится последний живописный экфрасис. Собственно, речь идет не об оригинальных работах, а о цветных репродукциях картин художника, предоставленных его вдове издателем из Берлина.

Это значимое обстоятельство возвращает нас к архетипической схеме экфрастического диалога, участники которого часто задаются вопросом о подлинности, истинности или кажимости, ложности изображения. Репродукция как вторичное, дублирующее, воспроизводящее оригинал изображение, никак не может считаться подлинным предметом искусства.

Существенно важно то, что ни хозяйка дома, ни американский гость, представленный ею как выдающийся (the distinguished) специалист в области искусства, ни ее взрослые дети не понимают сути искусства вообще и творчества Стрикленда в частности. И экфрастический диалог со всей явственностью это демонстрирует, осуществляя функцию характеристики персонажей.

Критик, назвать которого выдающимся можно только с огромной долей иронии, говорит вдове, что ей, должно быть, приятно жить среди этих картин (They must be very pleasant to live with), с чем она охотно соглашается, поскольку, по ее мнению, они весьма декоративны (Yes, they're so essentially decorative). Это означает, что репродукции выполняют роль интерьерной экфрастической детали. Американский критик с энтузиазмом подхватывает идею о декоративном характере искусства, заявляя, что великое искусство всегда декоративно («That is one of my profoundest convictions», said Mr Van Busche Taylor. «Great art is always decorative»).

Сарказм как высшая степень иронии пронизывает всю ситуацию. По сути в экфрастическом диалоге солируют два самоуверенных профана, один из которых является невежественным, неискушенным, наивным зрителем, другой – предстает своего рода псевдо-знатоком, симулятивным, ложным истолкователем, суживающим искусство до производства декоративно-прикладных, украшающих быт приятных вещей.

В этом последнем пятом экфрасисе дается описание репродукции одной из картин, представленное через призму восприятия ее рассказчиком. На ней изображена семейно-бытовая сценка: Ата, таитянская жена художника, кормит грудью своего первенца, рядом с ней молодая девушка, стоя на коленях, протягивает цветок младенцу, а на них смотрит морщинистая старуха.

Рассказчик увидел в картине образ святого семейства (It was Strickland's version of the Holy Family). В терминах литературоведения [9, с. 78 – 79] мы имеем дело здесь с литературным портретом-сравнением (уподоблением персонажей святому семейству), в отличие от портрета-впечатления – изображения Бланш в первом экфрасисе.

Следует отметить, что если приведенные ранее экфрасисы были нацелены не столько на дескрипцию изображения, сколько на описание создаваемого впечатления, то заключительный экфрасис в дескриптивном отношении достаточно конкретизирован, представляя композицию картины и входящие в нее фигуры, выделяя детали, характеризующие жесты, позы, мимику.

Лаконичные и вместе с тем точные, выверенные изобразительные языковые средства, относящиеся в основном к нейтральной лексике (a nude woman, suckling a baby, the indifferent child, a girl, kneeling by their side, looking over, holding out a flower, wrinkled), создают отчетливый визуальный образ, предстающий перед глазами читателя-зрителя. В последнем экфрасисе нет свойственного другим экфрастическим текстам обилия эмоционально-оценочной и экспрессивной лексики, осуществляющей в романе не столько изобразительную, сколько эмоционально-воздействующую, усилительно-выделительную функции.

Последнее описание, как и предыдущие экфрасисы, в основных своих чертах согласуется с архетипическими принципами экфрастического текста: вначале перед нами развертывается диалог о предмете искусства, в котором принимают участие рассказчик, осуществляющий роль посвященного знатока, и вдова с ее взрослыми детьми, которые исполняют роль наивных слушателей, не сведущих в искусстве. Некоторое отступление от античной экфрастической модели, придающее ей индивидуально-авторское своеобразие, наблюдается во введении в диалог псевдотолкователя, каковым предстает знаменитый критик.

Наличествует в последнем экфрасисе и тайна, скрытая от профанов, но известная рассказчику-знатоку. Его роль посвященного не сводится только к знанию жизненного пути Стрикленда. Главным является понимание сути творчества великого живописца, обретенное в результате знакомства с его работами, а также в процессе общения с самим художником и знавшими его людьми.

Присутствует в последнем экфрасисе и толкование картины, интерпретируемой рассказчиком как изображение святого семейства. Но этот сакральный смысл, открывающийся только посвященному, представлен не в диалоге с наивными слушателями, как того требует архетипическая схема экфрасиса, а во внутренней речи рассказчика. И таким образом этот смысл оказывается скрытым от собеседников.

Экфрастический монолог не преобразуется в диалогическую форму, поскольку в полном согласии с логикой рассматриваемого романа, в раскрытии тайны творчества Стрикленда не заинтересованы сами участники диалога. Художник так и остался не понятым своей бывшей семьей.

Подводя итоги, следует отметить, что задействованный в романе С. Моэма экфрасис осуществляет целый ряд функций:

– эстетически-оценочную (определяющую картину как произведение искусства, ценность которого поразному воспринимается персонажами);

– дескриптивную (описывающую то, что и как изображено на картине);

– эмоционально-воздействующую (описывающую эмоции, вызванные картиной у того, кто ее созерцает, направленные на возбуждение соответствующего эмоционального отклика у читателя произведения);

– характеризующую (дающую характеристику самому художнику и другим персонажам, так или иначе связанным с картиной);

– герменевтическую (истолковывающую смысл изображения как некоего скрытого, энигматического кода, ключи к которому содержатся в экфрастическом описании).

Важнейшую роль в осуществлении указанных функций играют реализованные в романе инвариантные признаки экфрасиса, соответствующие канонической, архетипической модели экфрастического описания. Реализации этих устойчивых признаков, определяющих функционирование экфрасиса, содействуют разнообразные лингвистические средства. Сплавляя форму и содержание в единое, объемное художественное целое, они обеспечивают глубину и всеохватность образного восприятия, позволяющего постичь художественное произведение во всей его полноте.

Литература

1. Брагинская Н. В. Экфрасис как тип текста (к проблеме структурной классификации) // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. М.: Наука, 1977. С. 259 – 283.
2. Maugham S. The Moon and Sixpence. Moscow: Progress Publishers, 1972. 240 p.
3. Дубова О. Б. Мимесис и пойэсис: Античная концепция «подражания» и зарождение европейской теории художественного творчества. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 271 с.
4. Миловидов В. А. Нарратология экфрасиса // Narratorium. 2011. № 1-2. Режим доступа: http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2027587 (дата обращения: 25.05.2016).
5. Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 352 с.
6. Современное зарубежное литературоведение. Энциклопедический справочник (науч. ред. и сост.: И. П. Ильин, Е. А. Цурганова). М.: Интрада-ИНИОН, 1996. 317 с.
7. Тамарченко Н. Д. Субъект изображения. Акт рассказывания: повествователь, рассказчик, образ автора // Введение в литературоведение. 3-е изд. / под ред. Л. В. Чернец. М.: Академия, 2010. С. 314 – 324.
8. Kris E., Kurz O. Legend, Myth, and Magic in the Image of the Artist. An Historical Experiment. New Haven, 1970.
9. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. 10-е изд. М.: Флинта: Наука, 2010. 248 с.
10. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М.: АСТ, 2000. 846 с.
11. Бычков В. В. Эстетика. М.: КНОРУС, 2012. 528 с.
12. Эстетика. Словарь / под ред. А. А. Беляева. М.: Политиздат, 1989. 447 с.
13. Шатин Ю. В. Ожившие картины: Экфрасис и диегезис // Критика и семиотика. Вып. 7. 2004. С. 217 – 226.
14. Карпухина Т. П. Экфрастическое прочтение стихотворения Теда Хьюза “Portraits” // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 10. С. 16 – 23.
15. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. 2-е изд. М.: Вост. лит. РАН, 1998. 800 с.
16. Яценко Е. В. «Любите живопись, поэты…». Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 47 – 57.
17. Меднис Н. «Религиозный экфрасис» в русской литературе // Критика и семиотика. 2006. Вып. 10. С. 58 – 67.

EKPHRASIS AND ITS FUNCTIONING IN SOMERSET MAUGHAM′S NOVEL "THE MOON AND SIXPENCE"

Tamara P. Karpukhina[1, @]

[1] *Pacific National University, 136, Tikhookeanskaya St., Khabarovsk, Russia, 680035*
[@] *tkarpukhina1@mail.ru*

Received 27.12.2016.
Accepted 20.02.2017.

Keywords: ekphrasis, the archetypal scheme, ekphrastic dialogue, ekphrasstic monologue, art connoisseur/ignoramus, invariable features, functions of ekphrasis.

Abstract: The article investigates the phenomenon of verbal representation of a work of fine arts in literature known under the term of ekphrasis. The object of investigation is ekphrasis as presented in the novel by S. Maugham "The Moon and Sixpence". Specific features of ekphrasis, its functions and linguistic means of expression are subjected to analysis. The novel contains five ekphrastic inclusions – descriptions of the pictures painted by the main character: a full-length portrait, a landscape, a wall-painting, a fruit-piece, a family portrait. Being different in genre, these pictures share some common features typical of ekphrasis. The description, given in the form of a dialogue or a monologue, includes the invariable features characteristic of an archetypal scheme of ekphrasis. Linguistic manifestation of these archetypal features is connected with visual perception, with strong emotions, with the notions of beauty, miracle, mystery, singularity, spirituality, looking life-like. Ekphrastic descriptions reflect the impression the pictures have made on a certain character, his/her being either an art connoisseur or an ignoramus. Ekphrasis fulfils various functions: an aesthetically-appreciative, a descriptive, an emotionally-expressive, a character-drawing and a hermeneutic function.

For citation: Karpukhina T. P. Ekfrasis i ego funktsionirovanie v romane Somerseta Moema «The moon and sixpence» («Luna i Grosh») [Ekphrasis and its Functioning in Somerset Maugham′s Novel "The Moon and Sixpence"]. *Bulletin of Kemerovo State University,* 2017; (2): 200 – 205. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-200-205.

References

1. Braginskaia N. V. Ekfrasis kak tip teksta (k probleme strukturnoi klassifikatsii) [Ekphrasis as a type of the text (structural classification)]. *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie. Karpato-vostochnoslavianskie paralleli* [Slavonic and Balkan Linguistics. Karpato-Eastern Slavonic Parallels]. Moscow: Nauka, 1977, 259 – 283.
2. Maugham S. *The Moon and Sixpence*. Moscow: Progress Publishers, 1972, 240.
3. Dubova O. B. *Mimesis i poiesis: Antichnaia kontseptsiia «podrazhaniia» i zarozhdenie evropeiskoi teorii khudozhestvennogo tvorchestva* [Mimesis and poiesis: Ancient-Greek tradition of imitation and the emergence of the European theory of art]. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2001, 271.
4. Milovidov V. A. Narratologiia ekfrasisa [Narratology of ekphrasis]. *Narratorium*, no. 1-2 (2011). Available at: http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2027587 (accessed 25.05.2016).
5. Uspenskii B. A. *Poetika kompozitsii* [Poetics of literary composition]. Saint-Petersburg: Azbuka, 2000, 352.
6. *Sovremennoe zarubezhnoe literaturovedenie* [Foreign contemporary study of literature. Encyclopedic reference book]. Ed. and comp. Ill'in I. P. and Tsurganova E. A. Moscow: Intrada-INION, 1996, 317.
7. Tamarchenko N. D. Sub"ekt izobrazheniia. Akt rasskazyvaniia: povestvovatel', rasskazchik, obraz avtora [The subject of portrayal. An act of storytelling: the narrator, the storyteller, the author's image]. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to the study of literature]. 3nd ed. Ed. Chernets L. V. Moscow: Akademiia, 2010, 314 – 324.
8. Kris E., Kurz O. *Legend, Myth, and Magic in the Image of the Artist. An Historical Experiment*. New Haven, 1970.
9. Esin A. B. *Printsipy i priemy analiza literaturnogo proizvedeniia* [Principles and methods of analysis of a work of literature]. 10-th ed. Moscow: Flinta: Nauka, 2010, 248.
10. Losev A. F. *Istoriia antichnoi estetiki. Sofisty. Sokrat. Platon* [History of Ancient-Greek aesthetics. Sophists. Socrates. Plato]. Moscow: AST, 2000, 846.
11. Bychkov V. V. *Estetika* [Aesthetics]. Moscow: KNORUS, 2012, 528.
12. *Estetika* [Aesthetics]. Ed. Bel'aev A. A. Moscow: Politizdat, 1989, 447.
13. Shatin Iu. V. Ozhivshie kartiny: Ekfrasis i diegezis [Enlivened pictures: ekphrasis and diagesis]. *Kritika i semiotika = Criticism and semiotics*, no. 7 (2004): 217 – 226.
14. Karpukhina T. P. Ekfrasticheskoe prochtenie stikhotvoreniia Teda Kh'iuza "Portraits" [Ekphrasis and its interpretation in Ted Hughes's poem "Portraits"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 10 (2014): 16 – 23.
15. Freidenberg O. M. *Mif i literatura drevnosti* [Myth and ancient literature]. 2nd ed. Moscow: Vost. lit. RAN, 1998, 800.
16. Iatsenko E. V. «Liubite zhivopis', poety…». Ekfrasis kak khudozhestvenno- mirovozzrencheskaia model' ["Do love pictures, poets…". Ekphrasis as an artistic and a Weltanschauung model]. *Voprosy filosofii = Issues of philosophy*, no. 11 (2011): 47 – 57.
17. Mednis N. «Religioznyi ekfrasis» v russkoi literature ["Religious ekphrasis" in Russian literature]. *Kritika i semiotika = Criticism and semiotics*, no. 10 (2006): 58 – 67.

УДК 81'243: 378.147

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОБУЧЕНИЮ АУДИРОВАНИЮ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

Татьяна Ю. Осадчая[1, @]

[1] *Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского в г. Ялте, Россия, 298635, г. Ялта, ул. Севастопольская, 2-А*
[@] *osadchaya_ta@mail.ru*

Поступила в редакцию 20.12.2016.
Принята к печати 12.05.2017.

Ключевые слова: обучение аудированию; современный подход; стратегия обучения; top-down и bottom-up стратегии; метакогнитивный подход.

Аннотация: В статье рассматриваются подходы к обучению аудированию, предлагаемые зарубежными исследователями на современном этапе: направленность обучения на когнитивную и социальную составляющие процесса; две основные стратегии восприятия иностранной речи на слух: top-down и bottom-up стратегии; метакогнитивный подход к обучению и его преимущества. Следующие инновации могут быть творчески применены преподавателями в учебном процессе: формирование у обучающихся «базы восприятия» и выработка «автоматизма восприятия» иностранной речи на слух; использование приема взаимодействия и активного обсуждения звучащего текста с одногруппниками с целью уточнения его общего смысла и деталей; регулярное проведение анкетирования с целью ознакомления обучающихся со стратегиями восприятия иностранной речи на слух; обучение студентов созданию собственных стратегий аудирования. Анализ современных подходов к обучению аудированию позволяет утверждать, что метакогнитивный подход, помимо собственно лингвистических, развивает навыки рефлексивного мышления обучающихся, что обеспечивает большую личностную вовлеченность студентов в процесс обучения и позитивно влияет на их мотивацию. Результаты исследования могут быть использованы преподавателями иностранного языка для создания собственной системы обучения аудированию.

Для цитирования: Осадчая Т. Ю. Современные подходы к обучению аудированию на занятиях по иностранному языку в вузе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 206 – 210. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-206-210.

Процесс понимания речи на слух, по мнению многих исследователей, является самым сложным из всех видов деятельности обучающихся на занятиях по иностранному языку. Однако данный вид деятельности представляет особую важность, поскольку, во-первых, само обучение ведется на иностранном языке и предусматривает наличие у обучающихся навыков аудирования; во-вторых, как показывают многочисленные исследования, совершенствование навыков аудирования позитивно влияет на эффективность и скорость формирования навыков чтения, говорения и, в меньшей степени, письменной речи [1]. Формирование умения понимать иностранную речь на слух называют также самым сложным аспектом процесса преподавания иностранного языка, поскольку оно предполагает развитие как лингвистических, так и нелингвистических навыков обучающихся [1; 2]. Вместе с тем, несмотря на особую важность аудирования в процессе обучения иностранному языку, задания на аудирование нередко рассматриваются преподавателями как второстепенные, иногда они являются подготовительными этапами перед выполнением основных задач занятия: развития навыков устной и письменной речи.

В последнее время обучение аудированию как одному из аспектов преподавания иностранного языка находилось в центре внимания зарубежных и отечественных ученых: L. Vandergrift, C. M. C. Goh, C. Mareschal, M. Tafaghodtari, G. White, M. Rost, S. Graham, E. Macaro, J. Cross, J. Chung, В. Ю. Абрамов, Д. Л. Морозов, Т. Н. Чугаева, О. В. Байбурова, С. В. Говорун, Г. В. Порческу, А. Р. Масалимова, И. А. Гончар и др. Большинство публикаций зарубежных ученых по данной проблеме были посвящены вопросам выявления сущности восприятия иностранной речи на слух с точки зрения физиологии, психологии, лингвистики, социолингвистики и других наук, а также с точки зрения различных подходов к обучению иностранному языку. Отечественные методисты уделяли внимание таким проблемам, как снятие трудностей понимания иностранной речи на слух, возникающих у обучающихся в процессе обучения аудированию, создание стратегий, методик, приемов формирования навыков аудирования на занятиях, разработка такой системы обучения аудированию, которая бы соответствовала школьным и вузовским программам по иностранному языку. Однако не все современные подходы к обучению аудированию нашли достаточное освещение в отечественной методической литературе.

Таким образом, недостаточная изученность подходов и стратегий обучения студентов аудированию, с одной стороны, и важность данного вида деятельности – с другой, обуславливают актуальность нашего исследования. Задачей данной статьи является анализ метакогнитивного подхода к процессу обучения аудированию, описание методов и приемов в рамках данного подхода, а также

выделение тех позитивных аспектов, которые могли бы быть использованы на занятиях по иностранному языку в отечественных высших образовательных заведениях.

В методической литературе существует много определений понятия «аудирование», однако в данной статье мы рассматриваем аудирование как рецептивный вид речевой деятельности, осуществляемый на основе взаимодействия основных его механизмов: восприятия; вероятностного прогнозирования; памяти; осмысления [3, с. 3]. Воспринимаемая на слух (звучащая) речь (информация) часто квалифицируется как «высказывание», «устное сообщение», и рассматривается в данной статье как «звучащий текст», имеющий следующие параметры: информационная самодостаточность (содержательность, смысловая завершенность, прагматическая целостность) и адресатность (ориентированность на определенный круг людей [4].

В процессе восприятия иностранной речи на слух понимание смысла текста обучающимися выстраивается на основе их знаний о системе языка, фоновых знаний, знаний по теме презентации, понимания общего контекста сообщения. То есть успех или неуспех в данном виде деятельности во многом зависит с одной стороны, от долгосрочной и кратковременной памяти студентов и уровня их знаний, с другой – от их умения правильно интерпретировать интенции говорящего. Можно говорить, таким образом, о когнитивной и социальной составляющих процесса восприятия и понимания иностранной речи на слух.

Восприятие и обработка презентуемой на слух информации состоит из распознавания слов и деления их на смысловые блоки. В связи с этим особую важность приобретает форма презентации информации, в том числе использование визуальных подсказок, опор. Процесс восприятия информации на слух ускоряется, если у обучающихся уже есть знания по теме презентации, полученные во время других занятий или самостоятельного обучения. Еще одним условием успешного восприятия иностранной речи на слух является автоматизация восприятия и обработки отдельных блоков информации, например, на фонетическом, лексическом и грамматическом уровне. Поэтому необходимым условием развития навыков аудирования обучающихся является работа преподавателя по формированию навыков быстрого распознавания на слух звуков, слов и предложений с определенными грамматическими явлениями.

Что касается социальной составляющей процесса аудирования, то обучающиеся должны уметь распознавать статус говорящего или говорящих (если это диалог), понимать приемлемость или неприемлемость определенного стиля высказываний для разных социальных ролей. Кроме того, слушающий должен уметь быстро распознавать интенции говорящего в зависимости от общего контекста ситуации общения. Подобное умение зависит в том числе и от знаний о культурных различиях собеседников. Причем умение правильно понимать подразумеваемый смысл высказываний и умение быстро распознавать интенции говорящего – это два разных умения.

Зарубежные ученые справедливо замечают, что система обучения аудированию в учебных заведениях обычно сводится к проверке полноты понимания обучающимися иностранной речи на слух и практически не включает в себя сам процесс обучения данному умению [5]. В западной методической литературе говорят о наличии двух подходов к обучению аудированию (а также чтению). **Bottom-up approach** – подход, предусматривающий обучение студентов распознавать в иностранной речи звуки, затем лексические единицы и на этой основе интегрировать смысл всего высказывания. **Top-down approach** – подход, предполагающий обучение осознанному восприятию иностранной речи на слух, когда студент опирается как на знания по теме презентуемого текста, фоновые и общие знания, так и на знания фонетики, грамматики, лексики, синтаксиса, структуры дискурса иностранного языка, речевых образцов, интонационных моделей. Top-down approach предполагает, что понимая контекст звучащего текста, студенты могут распознать и выделить ключевые слова и фразы звучащего текста, а также догадаться о значении незнакомых слов и тем самым восполнить пробелы понимания. Данный подход включает также обучение студентов умению осознавать этапы, механизмы восприятия речи на слух и самостоятельно регулировать данный процесс. Таким образом, данный подход предусматривает развитие навыков восприятия иностранной речи на слух на основе получения студентами теоретических знаний об аудировании и личностной вовлеченности студентов в данный процесс [5; 6].

Недостаток первого подхода заключается в самом его механизме: студенты могут распознавать отдельные иностранные слова, но сталкиваются с трудностями на уровне понимания смысла целого предложения или текста, так как нередко им трудно разделить поток речи на отдельные (пусть и знакомые) слова. Второй подход снимает подобные трудности, поскольку готовит обучающихся к восприятию иностранной речи заранее, знакомя их с самим процессом аудирования, его этапами и психологическими механизмами.

Таким образом, получаемые студентами в рамках данного подхода метакогнитивные знания делятся на три раздела:

− психологические трудности восприятия иностранной речи на слух и способы их преодоления;

− проблемы, связанные с выполнением задания (цель и требования задания, тематика, структура звучащего текста) и способы их решения (типы умений и навыков, необходимых для решения задач в процессе аудирования);

− стратегии восприятия иностранной речи на слух, которые могли бы оптимизировать данный процесс [5].

Исследования показывают, что наиболее оптимальной является методика обучения аудированию, которая комбинирует обе стратегии: top-down approach может быть использован на подготовительных стадиях, когда этапу обучения и оценивания предшествует этап моделирования восприятия иностранной речи на слух, а bottom-up approach – как в процессе обучения навыкам аудирования, так и на этапе контроля достижений обучающихся в данной области [7].

Ряд ученых говорят о важности психолингвистического подхода к обучению аудированию в рамках bottom-up approach. Он предусматривает создание специальной системы упражнений, направленной на «развитие способности равномерно распределять внимание между содержанием и формой при восприятии речи», «узнавание языкового материала в потоке речи» [8, с. 109]. Один

из аспектов данного подхода заключается во введении в программу обучения системы заданий на формирование у обучающихся так называемой «базы восприятия иностранной речи». Подобная база может быть сформирована путем развития автоматизма восприятия студентами отдельных слов, фраз, синтаксических структур, речевых образцов и интонационных моделей (отбор единиц восприятия для таких заданий должен основываться на лингвостатистическом анализе текстов, выявляющем наиболее частотные единицы восприятия для определенного иностранного языка) [9].

Система обучения аудированию также должна отражать когнитивную и социальную составляющие процесса восприятия иностранной речи на слух. В рамках метакогнитивного подхода к обучению аудированию преподавателю следует обращать внимание не только на результат – полное понимание смысла высказываний на иностранном языке, но и на сам процесс восприятия иностранной речи на слух. Это значит, что задания по аудированию должны создавать такой алгоритм работы, который, кроме прочего, дает возможность обучающимся:

- самостоятельно оценивать проблемы, которые могут у них возникнуть при восприятии иностранной речи на слух;
- осознавать, как протекает процесс восприятия иностранной речи на слух, его основные этапы;
- понимать собственные плюсы и минусы в процессе восприятия и понимания иностранной речи на слух;
- создавать стратегию совершенствования собственных навыков аудирования [5].

В рамках данного подхода преподаватель может предложить следующие задания: ведение студентами дневников с описанием всех трудностей процесса аудирования; совместное обсуждение и анализ этих трудностей с преподавателем в групповых дискуссиях; ознакомление обучающихся с различными стратегиями аудирования с последующим применением их во время восприятия речи на слух; заполнение студентами анкет, разработанных для оценивания преподавателем степени понимания обучающимися механизмов процесса аудирования.

Интересной представляется разработанная зарубежными учеными система обучения навыкам аудирования, которая предусматривает не только рефлексию обучающихся по поводу собственной учебной деятельности, но и активное обсуждение звучащего текста с одногруппниками с целью уточнения общего смысла и деталей текста до проверки понимания его содержания. Текст презентуется преподавателем несколько раз, после каждого раза студенты имеют возможность уточнить непонятные места во время общего обсуждения в классе [10]. Одним из вариантов этой методики является прогнозирование, обсуждение и уточнение услышанного текста студентами в парах [6]. Проверка понимания услышанного текста проводится преподавателем в конце этого цикла.

До и после проведения сессии аудирования студентам предлагают заполнить разработанную зарубежными учеными анкету (The Metacognitive Awareness Listening Questionnaire – The MALQ). Утверждения данной анкеты (всего их 21) обращают внимание обучающихся на 5 аспектов процесса обучения: 1) направленное внимание на звучащую иностранную речь; 2) перевод слов и предложений с иностранного языка в уме; 3) анализ собственных трудностей восприятия иностранной речи на слух; 4) постановка задач / анализ полноты понимания текста; 5) стратегия решения проблем, связанных с трудностями восприятия. Обучающиеся могут оценить согласие или несогласие с каждым из утверждений по 6-балльной шкале. Результаты анкетирования каждого студента, полученные до и после сессии аудирования, сравниваются; студенты совместно с преподавателем делают выводы об эффективности работы по развитию навыков аудирования на данном занятии. Время и частота проведения подобного анкетирования зависят от решения преподавателя и потребностей конкретной группы обучающихся. Следует отметить, что утверждения анкеты подобраны таким образом, чтобы развивать следующие умения студентов: осознавать когнитивные процессы, которые происходят в момент решения проблемных ситуаций по восприятию и пониманию иностранной речи на слух; управлять этими процессами для повышения их эффективности, создавая собственные стратегии работы; самостоятельно оценивать свои умения и навыки по восприятию иностранной речи на слух [11].

Создатели и исследователи метакогнитивного подхода к обучению аудированию утверждают, что подобный подход: 1) помогает снимать чувство тревоги и неуверенности студентов; 2) обеспечивает обучающимся активную роль в процессе обучения аудированию; 3) позволяет создать ситуацию, близкую к реальным ситуациям общения (когда человек и слушает, и говорит одновременно), что мотивирует студентов к обучению; 4) развивает умение студентов анализировать и оценивать собственную учебную деятельность; 5) формирует навыки сотрудничества, взаимной помощи, работы в команде, взаимного оценивания достижений, что позитивно влияет как на уровень мотивации студентов, так и на эффективность обучения аудированию в целом [10; 6; 11].

Одним из примеров применения метакогнитивного подхода к обучению аудированию является методика создания студентами собственной стратегии восприятия иностранной речи на слух. Эта методика особенно важна в условиях, когда студенты слушают учебные лекции на иностранном языке, и необходимо за очень короткий период значительно улучшить их навыки аудирования. Суть данной методики состоит в том, что на занятиях по иностранному языку студентов знакомят с существующими стратегиями аудирования, а затем просят использовать одну или несколько из них для прослушивания лекций на иностранном языке. Когда все стратегии опробованы, студентов обучают самостоятельно подбирать оптимальное сочетание стратегий аудирования во время прослушивания той или иной лекции, которое бы способствовало как дальнейшему совершенствованию навыков создания стратегий обучения, так и значительному развитию самого умения понимать иностранную речь на слух [12].

Приведем пример некоторых метакогнитивных стратегий аудирования.

1. Стратегия планирования. Студенты прогнозируют содержание лекции на основе ее названия и плана, слушают ее, обсуждают услышанное в парах, в группах (задают вопросы друг другу о тех частях лекции, которые они не поняли), получают помощь преподавателя, слушают лекцию еще раз и отмечают те части, которые бы-

ли непонятны при первом прослушивании. Каждый обучающийся определяет для себя основные трудности в восприятии иностранной речи на слух, обсуждает эту информацию в группе, получает помощь от преподавателя по определению приемов по снятию этих трудностей.

2. Стратегия самооценивания. Прослушав лекцию, студенты проверяют степень понимания содержания лекции, проводят самооценивание, анализируют пробелы в знаниях, создают план самостоятельной работы по восполнению этих пробелов. Далее студенты под руководством преподавателя обсуждают общие приемы, которые могут облегчить восприятие иностранной речи на слух (например, знакомство с ключевыми словами, фразами и терминами до прослушивания лекции, методы ведения записей во время лекции, технику перевода в уме предложений целиком).

3. Стратегия обобщения. Во время прослушивания лекции студенты записывают всю полученную информацию, затем обсуждают услышанное в группе и записывают краткое содержание лекции. Под руководством преподавателя студенты проверяют степень понимания содержания лекции, обсуждают пробелы в понимании, выявляют трудности аудирования и пути их преодоления [12].

Таким образом, для повышения эффективности учебного процесса преподаватели иностранного языка могут творчески применять различные аспекты современных подходов к обучению аудированию. Нами были использованы следующие технологии обучения аудированию студентов языкового вуза и, по нашему мнению, именно они заслуживают особого внимания:

− формирование у обучающихся «базы восприятия» и развитие «автоматизма восприятия» иностранной речи на слух (bottom-up approach);

− использование приема взаимодействия и активного обсуждения текста с одногруппниками с целью уточнения его общего смысла и деталей (top-down approach);

− регулярное проведение анкетирования с целью ознакомления обучающихся со стратегиями восприятия иностранной речи на слух (top-down approach);

− обучение студентов созданию собственных стратегий аудирования (top-down approach).

Создание эффективной системы обучения навыкам аудирования предполагает участие обучающихся в учебном процессе в качестве активных участников, которые способны анализировать данный процесс и самостоятельно его оптимизировать. Очевидно, что метакогнитивный подход к обучению аудированию, помимо собственно лингвистических, развивает навыки рефлексивного мышления обучающихся, что обеспечивает большую личностную вовлеченность студентов в процесс обучения. Это, в свою очередь, позитивно влияет на мотивированность обучающихся, а в долгосрочной перспективе ведет к развитию умений, способностей и даже качеств личности, которые необходимы для их непрерывного обучения в течении всей жизни. Метакогнитивный подход может быть использован преподавателями иностранного языка при создании собственной методики обучения аудированию.

Литература

1. Bozorgian H. Listening Skill Requires a Further Look into Second/Foreign Language Learning International // Scholarly Research Network. 2012. P. 1 – 10. doi: 10.5402/2012/810129.

2. Vandergrift L., Goh C. Teaching and Learning Second Language Listening. New York-London: Routledge, 2012. 315 p.

3. Морозов Д. Л. Обучение профессионально-ориентированному аудированию на основе совершенствования психологических механизмов речи: на материале немецкого языка, уровень профессионального образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2009. 23 с.

4. Гончар И. А. Аудирование иноязычного текста как объект лингвистики и методики // Вестник СПбУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2011. № 4. С. 117 – 121.

5. Vandergrift L., Goh C. Teaching and Testing Listening Comprehension // The Handbook of Language Teaching. New Jersey: Blackwell Publishing, 2009. P. 395 – 411.

6. Young L. Listening Strategy Instruction in a Higher French Class // Scottish Languages Review. 2012. Issue 25. P. 7 – 18.

7. Говорун С. В. Стратегии учебного аудирования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 5-1(47). С. 76 – 81.

8. Семенов А. А. Обучение студентов аудированию на иностранном языке с использованием интернет-ресурсов в неязыковом вузе // Вестник Российского университета кооперации. 2013. № 4(14). С. 107 – 109.

9. Khuziakhmetov A. N., Porchesku G. V. Teaching Listening Comprehension: Bottom-Up Approach // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Vol. 11. № 8. P. 1989 – 2001.

10. Mideros D. The Social Dimension of FL Listening Comprehension: From theory to practice in higher education // Caribbean Teaching Scholar. 2015. № 2. Vol. 5. P. 111 – 124.

11. Vandergrift L., Goh C., Mareschal C., Tafaghodtari M. The Metacognitive Awareness Listening Questionnaire: Development and Validation // Language Learning. 2006. № 56(3). P. 431 – 462.

12. Moradi Kh. The impact of listening strategy instruction on academic lecture comprehension: a case of Iranian EFL learners // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2013. Vol. 70. P. 406 – 416.

CURRENT APPROACHES TO TEACHING LISTENING COMPREHENSION IN A FOREIGN LANGUAGE CLASS AT HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

Tatiana Yu. Osadchaya[1, @]

[1] *Academy for the Humanities and Pedagogical Sciences (branch) of the Crimean Vernadsky Federal University in Yalta, 2-A, Sevastopolskaya St., Yalta, Russia, 298635*
[@] *osadchaya_ta@mail.ru*

Received 20.12.2016.
Accepted 12.05.2017.

Keywords: teaching of foreign language listening, modern approach, teaching strategy, top-down and bottom-up approaches, metacognitive approach.

Abstract: The current approaches to teaching of foreign/second language listening offered by foreign researchers are considered in the article: cognitive and social dimensions of the process; two main strategies of foreign language listening: top-down and bottom-up approaches; metacognitive approach to teaching listening and its advantages. The following innovations can be creatively used by teachers in the educational process: the formation of students' 'perception base' and 'perception automatisms' for distinguishing and recognizing foreign spoken speech units; using the method of interaction and active negotiation of general meaning and details of the text among students; regular administration of the Metacognitive Awareness Listening Questionnaire to teach students different strategies of foreign language listening comprehension; teaching students to develop their own strategies for foreign language listening. The analysis of modern approaches to teaching listening suggests that metacognitive approach is aimed to develop not only students' language skills but also their reflective thinking abilities; it provides students' personal involvement in the learning process and has a positive effect on their motivation. Foreign language teachers can use the research results to create their own system of teaching foreign language listening comprehension.

For citation: Osadchaya T. Yu. Sovremennye podkhody k obucheniiu audirovaniiu na zaniatiiakh po inostrannomu iazyku v vuze [Current Approaches to Teaching Listening Comprehension in a Foreign Language Class at Higher Education Institutions]. *Bulletin of Kemerovo State University,* 2017; (2): 206 – 210. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-206-210.

References

1. Bozorgian H. Listening Skill Requires a Further Look into Second/Foreign Language Learning International. *Scholarly Research Network* (2012): 1 – 10. doi: 10.5402/2012/810129.
2. Vandergrift L., Goh C. *Teaching and Learning Second Language Listening.* New York-London: Routledge, 2012, 315.
3. Morozov D. L. *Obuchenie professional'no-orientirovannomu audirovaniiu na osnove sovershenstvovaniia psikhologicheskikh mekhanizmov rechi.* Avtoref. diss. kand. ped. nauk [Teaching foreign language professional listening through developing psychological speech mechanisms. Cand. ped. Sci. Diss. Abstr.]. Nizhnii Novgorod, 2009, 23.
4. Gonchar I. A. Audirovanie inoiazychnogo teksta kak ob"ekt lingvistiki i metodiki [Foreign language listening in Linguistics and Teaching]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriia 9. Filologiia. Vostokovedenie. Zhurnalistika = Bulletin of Saint-Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism,* no. 4 (2011): 117 – 121.
5. Vandergrift L., Goh C. Teaching and Testing Listening Comprehension. *The Handbook of Language Teaching*. New Jersey: Blackwell Publishing, 2009, 395 – 411.
6. Young L. Listening Strategy Instruction in a Higher French Class. *Scottish Languages Review*, Iss. 25 (2012): 7 – 18.
7. Govorun S. V. Strategii uchebnogo audirovaniia [Strategies of educational listening]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology Sciences*. *Theory and practice*, 5-1(47) (2015): 76 – 81.
8. Semenov A. A. Obuchenie studentov audirovaniiu na inostrannom iazyke s ispol'zovaniem internet-resursov v neiazykovom vuze [Teaching foreign language listening using internet-resources to non-linguistics majors]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii = Bulletin of Rostov University of Cooperation*, no. 4(14) (2013): 107 – 109.
9. Khuziakhmetov A. N., Porchesku G. V. Teaching Listening Comprehension: Bottom-Up Approach. *International Journal of Environmental and Science Education*, 11, no. 8 (2016): 1989 – 2001.
10. Mideros D. The Social Dimension of FL Listening Comprehension: From theory to practice in higher education. *Caribbean Teaching Scholar*, 5, no. 2 (2015): 111 – 124.
11. Vandergrift L., Goh C., Mareschal C., Tafaghodtari M. The Metacognitive Awareness Listening Questionnaire: Development and Validation. *Language Learning*, no. 56(3) (2006): 431 – 462.
12. Moradi Kh. The impact of listening strategy instruction on academic lecture comprehension: a case of Iranian EFL learners. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, vol. 70 (2013): 406 – 416.

УДК 811.112.2'367

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ СОЧЕТАНИЯ ГЛАГОЛА *LASSEN* С ИНФИНИТИВОМ

Ольга А. Сметанина[1, @]

[1] *Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Россия, 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31А*
[@] *smetanina.nglu@yandex.ru*

Поступила в редакцию 31.01.2017.
Принята к печати 11.05.2017.

Ключевые слова: синтаксис современного немецкого языка, модальность, модальные значения, глагол *lassen*, инфинитивная структура.

Аннотация: В работе рассматривается сочетание немецкого глагола *lassen* с инфинитивом как целостная инфинитивная структура, в которой каждый компонент влияет на создание общеструктурных грамматических значений. Такая исходная установка является основанием для проведения анализа компонентного состава структуры и последующего описания составляющих элементов, определяющих ее тип. Значимыми для формирования значений признаются следующие факторы: лексическая реализация субъекта, наличие, а также лексическая и морфологическая реализация объекта, переходность глагола в инфинитиве. Учет указанных характеристик структурообразующих компонентов позволяет установить шесть моделей инфинитивной структуры с *lassen* и описать их значения, а также механизмы их формирования. Как показал анализ, основные модальные значения (каузативность, пермиссивность и возможность) специфицируются в зависимости от компонентного состава как речевая/неречевая каузация, речевая/неречевая пермиссивность, намеренное/ненамеренное допущение действия, заказ, желание или причина. В ряде моделей модальность сочетается с пассивностью.

Для цитирования: Сметанина О. А. Структурно-семантические варианты сочетания глагола *lassen* с инфинитивом // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 211 – 215. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-211-215.

Введение

Глагол *lassen* в сочетании с инфинитивом занимает промежуточное положение между самостоятельным и вспомогательным глаголом наряду с такими глаголами, как drohen, versprechen, wissen, scheinen, pflegen, glauben и др. [1, с. 301]. Они обозначаются как глаголы в модальном употреблении (modal gebrauchte Verben) [2, с. 369], полумодальные (Halbmodalverben) [3, с. 383], модифицирующие (modifizierende Verben) [4, с. 75]. Неоднозначный статус подобных глаголов обусловлен наличием грамматического значения и морфосинтаксических особенностей у их сочетания с инфинитивным компонентом (подробнее см. [1, с. 188 – 189]).

Обращает на себя внимание тот факт, что глагол *lassen,* как и другие глаголы, традиционно причисляемые к данной группе, выражают грамматические значения только в сочетании с инфинитивным компонентом (далее ИК), то есть с инфинитивом и зависимыми от него структурными членами, и не выводятся из значений *lassen* и ИК. Такое положение вещей наводит на мысль, что сочетание *lassen* и ИК представляет собой целостную инфинитивную структуру, которая призвана выражать определенные грамматические значения. Теоретической основой такого подхода послужило диссертационное исследование «Функции и значения инфинитивных структур в современном немецком языке» [5], в котором под инфинитивной структурой (далее ИС) понимаются структуры, имеющие в своем составе инфинитивный компонент, который может быть выражен как одиночным инфинитивом, так и инфинитивным комплексом [3, с. 11]. Рассмотрение сочетания инфинитива с *lassen* как единого синтаксического комплекса предполагает учет строения структуры в целом и роли отдельных компонентов в создании общего значения ИС. Подобный подход позволит более гибко описать и конкретизировать ее семантические варианты. По этой причине целью данной работы является установление компонентного состава ИС с *lassen*, анализ роли каждого компонента в создании общего значения и описание ее грамматических значений.

Основные значения ИС с *lassen*

В работах, посвященных анализу значений сочетания инфинитива с *lassen*, выделяются три основных значения: каузативность, пермиссивность (термины по М. Фриц [6, с. 144]) и пассивность.

Так, М. Фриц выделяет 3 варианта:

- Процесс, который состоится, если этому не будет препятствовать субъект (пермиссивность) [6, с. 134].
- Процесс, который не состоится, если субъект его не сподвигнет (каузативность) [6, с. 135].
- Процесс, который возможен [6, с. 145].

Б. Мацке в отношении сочетания «*lassen+sich+Infinitiv*» соотносит его возможные значения с глаголами *veranlassen* (каузация), zulassen (пермиссивность) и können (возможность) в комбинации с пассивностью [7, с. 28].

А. Роттлюф в дополнение к вышеуказанным вариантам называет для значения *zulassen* следующие подтипы: *dulden* (терпеть) и *erlauben* (разрешать) [8, с. 336].

В словаре валентности сочетанию глагола *lassen* с инфинитивом причисляются следующие типы значений [9, с. 264 – 265]:

- *belassen*
- *veranlassen/zulassen*
- *möglich sein*

Новейшие исследования глагола *lassen* происходят с позиций когнитивной лингвистики и описывают следующий ряд фреймовых блоков знания для представления стереотипной ситуации, передаваемой глаголом *lassen*: «Willentlichkeit (намеренность), Aktivität (использование субъектом собственной энергии для осуществления действия), bewußte Teilnahme und Kontrolle (сознательность и контроль), Ergebnis – etwas geschieht (достигается определенное видоизменение объекта)» [10, с. 11].

Обзор литературы по данному вопросу показывает разницу в выделяемых значениях, с одной стороны, и отсутствие учета роли компонентного состава ИС в формировании значений, с другой, что приводит к неточному описанию типов грамматических значений, выражаемых ИС с *lassen*. В то же время комплексный анализ ИС устанавливает, что ее основные значения специфицируются в зависимости от структурного состава.

Критерии для выделения структурно-семантических моделей ИС с *lassen*

Анализ фактического материала выявил следующие критерии, которые позволяют уточнить значения структуры:

- Число обязательных компонентов

Помимо глагола *lassen* и ИК, в число обязательных компонентов того или иного варианта ИС может входить объект в аккузативе (Objekt(akk)). При этом нужно оговориться, что речь идет об объекте к глаголу *lassen,* а не к возможному объекту глагола, представленного в ИК. Так, в следующем предложении объект в аккузативе *mich* относится к глаголу *verhaften:*

Du ließest mich verhaften [11, с. 57].

В приведенном ниже примере объект *den Motor* относится к глаголу *lassen*:

„Nun zu Gast“, sagte Tschanz und ließ den Motor anspringen [11, с. 70].

- Тип субъекта (здесь и далее – грамматический субъект (подлежащее))

Анализ ИС с *lassen* показывает, что релевантным при описании значений ИС является также реализация субъекта ИС, а именно: выражен ли субъект ИС существительным с признаком «антропоним» (далее – (+antrop)) или без него (далее – (-antrop)).

- Тип объекта (здесь и далее – дополнение)

Что касается позиции объекта, то в данном случае имеет значение не только лексическая (семантическая) реализация объекта, но и морфологическая: является ли объект существительным в винительном падеже, возвратным местоимением или личным местоимением в дательном падеже. В случае с существительным значимым является тот же признак, что и в случае субъекта, – признак «антропоним».

- Тип глагола в инфинитиве.

На формирование общего грамматического значения ИС с *lassen* оказывает влияние транзитивность глаголов в инфинитиве (далее – (intran/tran)).

Таким образом, выделяются следующие критерии, которые позволяют описать варианты значений ИС с *lassen:*

- лексическая реализация субъекта;
- наличие/отсутствие/количество объектов;
- лексическая и морфологическая реализация объекта (существительное / местоимение / возвратное местоимение);
- переходность/непереходность глагола в инфинитиве.

Структурно-семантические модели ИС с *lassen*

Указанные выше критерии позволяют выделить следующие структурно-семантические типы ИС с *lassen*:

1. Sub(+antrop) + lassen + Objekt(akk)(+antrop) + IK (intran/tran)

Наличие субъекта и объекта с признаком (+antrop) приводит к тому, что структура выражает волеизъявление одного человека по отношению к другому. В зависимости от лексического наполнения ИС различаются виды этого волеизъявления:

- каузация действия:

Wollte sie (Silvia) Udo auferstehen lassen? [12, с. 263].

- допущение действия:

Eines Tages mussten Rose und er (Dallow) beim Gaststättenleiter erscheinen, der verlegen um etwas mehr Zurückhaltung bat, aber, da keiner der beiden etwas erwiderte, sie bald und ergebnislos gehen ließ [13, с. 211].

В обоих случаях происходит речевое воздействие на собеседника, которое приводит к осуществлению действия, выраженного инфинитивом (далее – «действие инфинитива»).

2. Sub (+antrop) + lassen + Objekt(akk) (-antrop) + IK (intran/tran)

Отличающей чертой данной модели является реализация объекта существительным с признаком (-antrop), что оказывает влияние на формирование значений ИС. Основные значения «каузативность» и «пермиссивность» выступают соответственно как неречевая каузация действия и неречевое допущение действия.

В следующем предложении действие инфинитива (verschwinden) может совершиться при условии совершения определенных манипуляций со стороны субъекта предложения:

“Also hat sie (Silvia) mir … den Auftrag erteilt, die Flasche diskret verschwinden zu lassen”, schloß Reinhard [13, с. 139].

В нижеприведенном высказывании действие инфинитива реализуется при условии, что действующее лицо, представленное в синтаксической позиции субъекта предложения, не препятствует его совершению:

Er (Dallow) steckte das Kuvert zurück, befeuchtete die Gummierung des Papiers und verschloss den Umschlag. Er ließ ihn auf den Boden des Flures fallen, so dass es wiederum vor der Wohnungstür lag [13, с. 26].

Данная структура является уникальным средством передачи подобного ненамеренного действия, значения, которое в русском языке выражается отдельной лексической единицей – «ронять».

3. Sub (+antrop) + lassen + Objekt(Pronomen(dat)) + Objekt(akk) (-antrop) + IK (intran)

Значение этой модели формируется благодаря наличию двух объектов (в дательном падеже и винительном). Введение в структуру дательного падежа обеспечивает корреляцию объекта и субъекта предложения и соотношение субъекта предложения с действием инфинитива. Так создается значение адресата действия, которое формирует дополнительные значения «намерение» и «жела-

ние», сопровождающие основное значение «пермиссивность», являющееся в данной модели, как и в модели 2, неречевой пермиссивностью. Созданию модальных значений способствует также контекст. Так, в следующем высказывании человек сам определяет, носить бороду или нет:

Ich wiege das Geldstück in der Hand. Es trägt das Bildnis Willhelms des Zweiten, der jetzt in Holland Holz sägt und sich einen Spitzenbart hat wachsen lassen [14, c. 347].

4. Sub (-antrop) + lassen + Objekt(akk) + Ø-IK IK (intran/tran)

Субъект в приведенном выше предложении (der Schreck) выражен неодушевленным существительным, поэтому намеренное действие с его стороны исключено. Это приводит к формированию значения «причина», которое является спецификацией основного модального значения каузативности. Семантическая реализация объекта оказывается в данном случае нерелевантной, поскольку действие, причиной которого становится субъект, может быть направлено на объект как с признаком (+antrop), так и с (-antrop).

Der Schreck über meine eigene Unvorsichtigkeit ließ mich ein wenig zur Besinnung kommen [12, c. 213].

5. Sub (+antrop)+ lassen + IK *(trans)*

Отсутствие аккузативного объекта глагола *lassen* и наличие в такой структуре транзитивного глагола создает значение пассива [15, c. 109].

Как создается значение пассивности? Проанализируем следующее высказывание:

Als er (Dallow) später rauchend am offenen Fenster stand, kam einer der Ehemänner …zu ihm und ließ sich von Dallow Feuer geben [13, c. 169].

Грамматический субъект предложения (einer der Ehemänner) не соотносится с агенсом действия инфинитива, а выступает как логический объект, на который оно направлено. Корреляция субъекта и объекта обеспечивается местоименим *sich*, которое указывает на «денотативную идентичность агенса и пациенса» [16, c. 37]. Агентивное значение по отношению к действию инфинитивного компонента представлено препозициональным дополнением (von Dallow). Подобная расстановка семантических ролей (выведение агенса с центра на периферию, выдвижение пациенса на позицию грамматического субъекта и акцентуация действия) создает пассивное значение, поскольку, как отмечает П. Сцтмари, «функция, формирующая поле пассивности, заключается в намерении говорящего/пишущего реализовать нелингвистическое положение вещей из действия-перспективы или состояния-перспективы. Это приводит к децентрированию агенса (агентивное децентрирование), которое характеризуется одновременным центрированием одной из других семантических ролей (пациенс/реципиент), отсутствием центрирования или выражением дополнительных акциональных или модальных компонентов» [17, c. 141].

Обратимся к анализу еще одного высказывания:

Er (Primo de Rivera) lässt Kraftwerke bauen, Straßen, hat den Krieg in Marokko beendet, Ordnung geschaffen [18, c. 80].

Данное предложение соответствует глубинной структуре:

Er veranlasst Pro(akk) [Pro(nom) – Kraftwerke bauen].

Анализ глубинной структуры предложения показывает, что агенс действия инфинитива не выведен на поверхностную структуру предложения, а восстанавливается лишь на глубинном уровне, поскольку грамматический субъект предложения (Er) не имеет агентивного значения по отношению к действию *bauen*, что позволяет сделать вывод о пассивном значении данной ИС, как и в случае с предыдущим высказыванием.

В данной модели значение пассивности подготавливается также селективными ограничениями в позиции инфинитива (возможностью постановки транзитивных глаголов) и является не единственным значением этой модели ИС с *lassen*, а совмещается с модальным значением «каузативность». Как отмечает П. Сцатмари, «предложения этой группы интерпретируются как побуждение. Роль побудителя/каузатора отводится субъекту предложения» [17, c. 142]. Интерпретации высказывания как побуждения способствует также наличие признака (+antrop) у субъекта предложения.

Значение каузативности специфицируется в данной структуре значением «заказ на выполнение действия другим лицом»:

Zu Hause zog Dallow seinen schwarzen Anzug an, den er sich vor Jahren für seine Hochzeit anfertigen lassen und später kaum getragen hatte [13, c. 190].

Эта структура является универсальным «готовым» средством для описания тех действий, которые выполняются человеком не самостоятельно, а отдаются на заказ.

6. Sub (+/-antrop) + lassen + Objekt(akk) (sich) + Ø-IK (trans)

Характерной чертой данной модели является реализация аккузативного объекта глагола *lassen* через местоимение *sich*.

Nur so lässt sich die Unterlegenheit der Frauen beseitigen.... [18, c. 102].

На поверхностной структуре предложения его субъектом является абстрактное существительное (die Unterlegenheit). По отношение к действию инфинитива оно выполняет семантическую роль пациенса. Появление в поверхностной структуре рефлексивного местоимения sich объясняется явлением кореференции, так как поверхностный субъект матричного предложения представляет собой одновременно и глубинный объект инфинитива (die Unterlegenheit). Повторное называние референта оказывается избыточным, поэтому происходит рефлексивация дублированной номинальной фразы:

die Unterlegenheit der Frauen lässt *(die Unterlegenheit* der Frauen beseitigen)

→ Die Unterlegenheit der Frauen lässt sich

Таким образом, на поверхностной структуре предложения присутствует пациенс и отсутствует агенс действия. Как и в пятой модели, происходит децентрирование агенса и выдвижение реципиента. Подобная реализация семантических ролей создает пассивное значение ИС, которое поддерживается также использованием переходных глаголов в позиции инфинитива.

Пассивное значение является не единственным значением ИС. Как показывает анализ, «глагол *lassen* на основе первоначальных сем самостоятельного варианта, передающих ненамеренное действие, подчеркивает неактивность/пассивность поверхностного субъекта, с одной стороны, и, с другой стороны, обеспечивает тем самым возможность совершения действия, направленного на него, так создается модальное значение структуры –

возможность» [5, с. 143]. Под поверхностным субъектом понимается грамматический субъект предложения, который в анализируемом высказывании представляет пациенса действия инфинитива.

Таким образом, значение данной структуры является синкретичным и совмещает в себе возможность и пассивность, что подтверждается следующей трансформацией:

→ Die Unterlegenheit der Frauen kann beseitigt werden

Выводы

1. Сочетание ИК с глаголом *lassen* целесообразно рассматривать как целостную структуру, в которой каждый из компонентов участвует в создании общего значения и которая представляет собой средство выражения грамматических значений.

2. Основными модальными значениями ИС с *lassen* являются:

- возможность;
- каузативность;
- пермиссивность.

3. Они специфицируются в зависимости от компонентного состава и лексической наполняемости и предстают как речевая и неречевая каузация, причина, заказ на выполнение действия, речевая и неречевая пермиссивность, ненамеренное допущение действия, намеренное допущение действия (желание).

4. ИС является синкретичным средством, поскольку модальные значения совмещаются с залоговыми (пассивность).

5. ИС с *lassen* является «готовым» средством для выражения модальных значений, обслуживающим определенные коммуникативные ситуации, что позволяет отнести данные структуры к экономному синтаксису, поскольку речь идет «не только об экономии знака, но и экономии коммуникативных «затрат»» [19, с. 171].

6. Для ряда коммуникативных ситуаций ИС является уникальным средством, то есть заполняет лакуны, как в случае со значениями «ненамеренное допущение действия» и «заказ на выполнение действия».

Нужно отметить, что указанные типы ИС с *lassen* представляют лишь некоторые варианты данной ИС и не являются конечными в отношении всех моделей данных ИС, так как формирование структур и их значений – сложный, комплексный и многоаспектный процесс. Цель представленного анализа – показать, что каждый конституент ИС выполняет свою важную функцию и лишь рассмотрение всех компонентов и их взаимодействия в комплексе позволяет составить адекватное описание ИС с *lassen*, поэтому представляется целесообразным последующий анализ данного сложного явления проводить в изложенном выше ключе.

Литература

1. Сметанина О. А. К вопросу о модифицирующих глаголах в современном немецком языке // Язык, культура, ментальность: Германия и Франция в европейском языковом пространстве: материалы Международной научно-практической конференции Нижний Новгород (13 – 14 октября 2016). Нижний Новгород, 2016. С. 186 – 189.

2. Griesbach H. Neue deutsche Grammatik. Berlin, München, Wien, Zürich, New-York: Langenscheidt, 1986. 425 s.

3. Eisenberg P. Grundriss der deutschen Grammatik. Stuttgart: Verlag J. B. Metzler, 1994. 581 s.

4. Hentschel E., Weydt H. Handbuch der deutschen Grammatik. Berlin, New-York: Walter de Gruyter Verlag, 1990. 451 s.

5. Сметанина О. А. Функции и значения инфинитивных структур в современном немецком языке: дис. … канд. филол. наук; Нижегородский гос. лингв. ун-т. Нижний Новгород, 2009. 216 с.

6. Fritz M. Grammatik und Semantik der Infinitivkonstruktionen von neuhochdeutsch lassen // Der Infinitiv im Deutschen. Tübingen, 2005. S. 132 – 146.

7. Matzke B. Einige Bemerkungen zur Interpretation der Fügung „lassen+sich+ Infinitiv“ als Passivsynonym // Deutsch als Fremdsprache. 1980. Ht. 1. S. 28 – 31.

8. Rottluff A. Zum Verhältnis von werden-Passiv und der l a s s e n + s i c h + Infinitiv-Fügung als Passivsynonym in eingebetteten Sätzen // Deutsch als Fremdsprache. 1982. Ht. 6. S. 335 – 341.

9. Helbig G., Schenkel W. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1973. 458 s.

10. Шорстова С. А. Прототипический и стратегический аспекты высказываний с глаголом lassen в немецком языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 2015. 20 с.

11. Dürrenmatt F. Der Richter und sein Henker. Leipzig: Verlag Philipp Reclam, 1971. 100 s.

12. Noll I. Röslein rot. Zürich: Diogenes Verlag, 2000. 272 s.

13. Hein C. Der Tangospieler. Frankfurt am Main: Luchterhand Literaturverlag, 1991. 217 s.

14. Remarque E. M. Der schwarze Obelisk. Berlin, Weimar: Aufbau-Verlag, 1965. 471 s.

15. Dentschewa E. Das Phänomen des sog. Accusativus cum infinitivo und seine Reflexe im Deutschen // Germanistische Linguistik. 2003. Bd. 171 – 172: Grammatik und Wort. S. 97 – 133.

16. Starke G. „Sich regen bringt Segen“ – Zum Gebrauch des Reflexivpronomens ohne expliziten Subjektbezug // Deutsch als Fremdsprache. 1992. Ht. 1. S. 33 – 37.

17. Szatmari P. Sich-lassen-Konstruktionen als Konkurrenzformen des bekommen-Passivs // Deutsch als Fremdsprache. 2006. Ht. 3. S. 138 – 143.

18. Hackl E. Auroras Anlaß. Zürich: Diogenes, 1989. 144 s.

19. Сметанина О. А. Фразеологизмы с инфинитивным компонентом как явление экономного синтаксиса // Функциональные аспекты языка: традиции и перспективы: материалы Чтений памяти профессора А. Т. Кукушкиной. Нижний Новгород, 2015. Ч. 2. С. 166 – 172.

STRUCTURAL-SEMANTIC TYPES OF THE COMBINATION OF THE VERB *LASSEN* WITH AN INFINITIVE

Olga A. Smetanina[1, @]

[1] *Linguistics University of Nizhny Novgorod, 31A, Minina St., Nizhny Novgorod, Russia, 603155*
[@] *smetanina.nglu@yandex.ru*

Received 31.01.2017.
Accepted 11.05.2017.

Keywords: syntax of modern German, modality, modal meanings, verb *lassen*, infinitival structures.

Abstract: The article examines the combination of the German verb *lassen* with an infinitive as an entire infinitival structure, where each component influences the creation of grammatical meanings of the whole structure. On the basis of this point of view the structural components which determine the meanings are analysed and described. Such factors as the lexical realization of a subject, presence and the lexical and morphological realization of an object, as well as the transitivity of a verb in an infinitival form are recognized to be significant.
These characteristics of the structure-building components allow us to single out six models of the infinitival structure with *lassen* and describe their meanings and their forming mechanisms. The research has shown that the main modal meanings (causativeness, permissiveness and possibility) are specified according to structure-building components, such as: verbal and non-verbal causation, permissiveness, intentional or involuntary allowance of action, order, wish and reason. Some of them combine with the passive meaning.

For citation: Smetanina O. A. Strukturno-semanticheskie varianty sochetaniia glagola *lassen* s infinitivom [Structural-Semantic Types of the Combination of the Verb *LASSEN* with an Infinitive]. *Bulletin of Kemerovo State University,* 2017; (2): 211 – 215. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-211-215.

References

1. Smetanina O. A. K voprosu o modifitsiruiushchikh glagolakh v sovremennom nemetskom iazyke [Modifying Verbs in Modern German]. *Iazyk, kul'tura, mental'nost': Germaniia i Frantsiia v evropeiskom iazykovom prostranstve. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Nizhnii Novgorod (13 – 14 oktiabria 2016)* [Language, culture, mentality: Germany and France in European language field: Proc. Intern. Sc.-Prac.Conf. (October 13 – 14 2016)]. Nizhnii Novgorod, 2016, 186 – 189.
2. Griesbach H. *Neue deutsche Grammatik*. Berlin, München, Wien, Zürich, New-York: Langenscheidt, 1986, 425.
3. Eisenberg P. *Grundriss der deutschen Grammatik*. Stuttgart: Verlag J. B. Metzler, 1994, 581.
4. Hentschel E., Weydt H. *Handbuch der deutschen Grammatik*. Berlin, New-York: Walter de Gruyter Verlag, 1990, 451.
5. Smetanina O. A. *Funktsii i znacheniia infinitivnykh struktur v sovremennom nemetskom iazyke*. Diss. kand. filol. nauk [Functions and meanings of the infinitival structures in the modern German. Cand. filol. Sci. Diss.]. Nizhnii Novgorod State linguistic Univ. Nizhnii Novgorod, 2009, 216.
6. Fritz M. Grammatik und Semantik der Infinitivkonstruktionen von neuhochdeutsch lassen. *Der Infinitiv im Deutschen*. Tübingen, 2005, 132 – 146.
7. Matzke B. Einige Bemerkungen zur Interpretation der Fügung „lassen+sich+ Infinitiv“ als Passivsynonym. *Deutsch als Fremdsprache*, Ht. 1 (1980): 28 – 31.
8. Rottluff A. Zum Verhältnis von werden-Passiv und der l a s s e n + s i c h + Infinitiv-Fügung als Passivsynonym in eingebetteten Sätzen. *Deutsch als Fremdsprache*, Ht. 6 (1982): 335 – 341.
9. Helbig G., Schenkel W. *Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben*. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1973, 458.
10. Shorstova S. A. *Prototipicheskii i strategicheskii aspekty vyskazyvanii s glagolom lassen v nemetskom iazyke.* Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Prototypical and strategical aspects of sentences with the verb lassen. Dr. filol. Sci. Diss. Abstr.]. Barnaul, 2015, 20.
11. Dürrenmatt F. *Der Richter und sein Henker*. Leipzig: Verlag Philipp Reclam, 1971, 100.
12. Noll I. *Röslein rot*. Zürich: Diogenes Verlag, 2000, 272.
13. Hein C. *Der Tangospieler*. Frankfurt am Main: Luchterhand Literaturverlag, 1991. 217 s.
14. Remarque E. M. *Der schwarze Obelisk*. Berlin, Weimar: Aufbau-Verlag, 1965, 471.
15. Dentschewa E. Das Phänomen des sog. Accusativus cum infinitivo und seine Reflexe im Deutschen. *Germanistische Linguistik*, Bd. 171 – 172: Grammatik und Wort (2003): 97 – 133.
16. Starke G. „Sich regen bringt Segen“ – Zum Gebrauch des Reflexivpronomens ohne expliziten Subjektbezug. *Deutsch als Fremdsprache*, Ht. 1 (1992): 33 – 37.
17. Szatmari P. Sich-lassen-Konstruktionen als Konkurrenzformen des bekommen-Passivs. *Deutsch als Fremdsprache,* Ht. 3 (2006): 138 – 143.
18. Hackl E. *Auroras Anlaß*. Zürich: Diogenes, 1989, 144.
19. Smetanina O. A. Frazeologizmy s infinitivnym komponentom kak iavlenie ekonomnogo sintaksisa [Phraseological units with an infinitive component as a phenomenon of economical syntax]. *Funktsional'nye aspekty iazyka: traditsii i perspektivy: materialy Chtenii pamiati professora A. T. Kukushkinoi* [Functial aspect of the language: traditions and perspective: Proc. Readings in memory of Prof. A. T. Kukushkina]. Nizhnii Novgorod, part 2 (2015): 166 – 172.

УДК 82.0=111"7129"(73)

ТРАКТОВКА ФЕНОМЕНА СМЕРТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ Ч. ПАЛАНИКА

Екатерина Р. Чемезова[1, @]

[1] *Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского в г. Ялте, Россия, 298635, г. Ялта, ул. Севастопольская, 2-А*
[@] *chemezova4@gmail.com*

Поступила в редакцию 01.12.2016.
Принята к печати 18.01.2017.

Ключевые слова: феномен смерти, художественный мир, мир живых, мир мёртвых, современная американская литература, Ч. Паланик, постмодернистский роман.

Аннотация: Статья посвящена трактовке феномена смерти в современной американской литературе на материале произведений Ч. Паланика. В статье проанализированы подходы к феномену смерти в разных областях знаний, таких как философия, социология, медицина. Описывается освещение темы «жизнь после смерти» в отечественной и зарубежной художественной литературе. Рассматривается место феномена смерти в художественном мире Ч. Паланика и его влияние на мироощущение персонажей. Смерть в художественном мире определяет отношение персонажей друг к другу, их присутствие/отсутствие на том или ином уровне художественного мира, процесс перехода из мира живых в мир мёртвых и наоборот. От репрезентации феномена смерти в произведениях Ч. Паланика зависит становление героев в мире живых и мире мёртвых. Граница между миром живых и миром мёртвых практически незаметна, и переход между мирами осуществляется по определённым законам художественного мира, которым следуют персонажи романов. Анализу подвергаются несколько произведений Ч. Паланика, написанных в разные периоды его творчества. В статье исследуются различия и сходства в авторской трактовке смерти и её значения в ранних («Бойцовский клуб», «Колыбельная») и последних («Проклятые», «Обречённые») романах автора. В ранних романах Ч. Паланика смерть представляет как процесс физиологичный, имеющий анатомические подробности, но в то же время умирание – это исход души из тела. Последние романы автора отличаются тем, что показывают читателю не только жизнь и её окончание, но и продолжение жизни после смерти.

Для цитирования: Чемезова Е. Р. Трактовка феномена смерти в художественном мире Ч. Паланика // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 216 – 222. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-216-222.

Трактовка феномена смерти в художественной литературе занимает важное место благодаря её связи с онтологией. Этот вопрос рассматривали многие исследователи. Так, например, М. М. Бахтин упоминает об амбивалентности данного феномена, указывая, что в произведениях ранней литературы «гибель, смерть воспринимается как посев, за которым следуют умножающие посеянное всходы и жатва» [1]. Как отмечает Е. А. Денисова, «страх смерти первобытного человека отличается от того страха, который испытывает к смерти человек современный. <…> этот страх скорее можно назвать „онтологическим" страхом, страхом не перед индивидуальной смертью, а страхом перед непредсказуемостью и неизбежностью феномена смерти, с которым сталкивается род в факте смерти одного из членов общины. Это отличает страх смерти архаического человека от страха перед смертью, присутствующего в современной культуре» [2]. Следует отметить, что Смерть в современной литературе – это явление субъективное и переживаемое как социальная проблема. Кроме того, М. Хайдеггер писал, что «смерть, насколько она „есть", по существу всегда моя» [3].

Общее, обыденное представление о смерти отражено в толковых словарях и популярных справочниках. В «Популярной медицинской энциклопедии» академика Б. Петровского смерть – это «необратимое прекращение жизнедеятельности организма, неизбежный естественный конец существования всякого живого существа» [4, с. 577]. А. Хорнби определяет смерть (death) как «dying, ending of life» [5, с. 154]. В «Толковом словаре символов» Д. Тресиддер пишет, что «смерть означает невидимый аспект жизни, всезнание, поскольку мертвые все видят. Смерть для живущих на земле предшествует духовному возрождению. В обрядах инициации тьма смертная испытывается прежде, чем родится новый человек, произойдет воскресение и реинтеграция. Смерть также является заменой одного способа существования на другой, воссоединением тела с землей, а души с духом. Князь Смерти часто изображается как скелет с мечом, косой, серпом и часами. Другие символы смерти: змея, саван, накидка, лев, скорпион, пепел, барабанщик. Смерть символизируется танцором, иногда очаровательной девушкой (в индуизме)» [6].

Многие специальные науки также занимаются этим феноменом. В «Новой философской энциклопедии» смерть определяется как «прекращение жизни, естественный конец единичного живого существа или насильственное умерщвление не только индивидов, но и целых видов животных и растений в силу экологических катастроф и хищнического отношения человека к природе. Поскольку человек, в отличие от других живых существ, сознает свою смертность, смерть выступает для него как конститутивный момент его жизни и мировоззрения.

В этом плане – с точки зрения осознания факта и смысла смерти как завершающего момента человеческой жизни – смерть главным образом и рассматривалась философией» [7]. Д. Джери, составитель «Большого социологического словаря», представляет понятия «смерть» и «умирание» в единстве как «прекращение жизни, которая на сегодняшний день определяется медициной как „смерть мозга". Социологи с интересом изучали данное явление, особенно его социокультурные различия, <…> предполагающие прекращение принадлежности к социальным группам, форму „статусного перехода"» [8].

Так, из вышеуказанных определений следует, что смерть – это необратимое прекращение жизни и неизбежный конец, являющийся статусным переходом и осознаваемый как конститутивный момент жизни человека.

Важно подчеркнуть, что статусный переход является существенной частью феномена смерти. Именно поэтому в художественной литературе часто рассматривается феномен «жизнь после смерти» (afterlife). Актуальность рассмотрения феномена «afterlife» подтверждается в таких произведениях, как «Империя ангелов» [9] Б. Вербера, «Мои посмертные приключения» [10] Ю. Вознесенской, «Contract with an Angel» [11] А. Грили, «The Five People You Meet in Heaven» [12] М. Элбома, «Преисподняя» [13] Я. Цуцуи, «Проклятые» [14] и «Обречённые» [15] Ч. Паланика и др. Большинство романов, посвященных жизни после смерти, рассматривают нахождение человека в Раю, тогда как Ч. Паланик описывает в своих произведениях «послежизнь» в Аду.

Творчество Ч. Паланика в контексте современной американской литературы уже давно интересует многих исследователей вследствие глубины проблем, которые автор раскрывает в своих произведениях. Одним из нерешённых вопросов, связанных с романами Ч. Паланика, является особенность восприятия смерти и её роли в художественном мире произведений. Законы, которые определяют смерть и её репрезентацию в прозе Ч. Паланика, часто проходят лейтмотивом из романа в роман, переплетаясь и объединяясь между собой, несмотря на различный сюжетный облик текстов произведений.

Целью нашей статьи является изучение трактовки смерти в прозе Ч. Паланика. Автор творит в литературном направлении постмодернизма, и его романы всегда демонстрируют определённую хаотичность повествования, прежде всего связанную с игровым характером текстов. Игра заключается в создании эффекта диссонанса, связанного с размытостью границы между миром действительности и ирреальностью. Как отмечает Г. А. Флоров, «основной упрёк постмодернизму заключается в том, что он не выразил новую реальность в её новых формах, он „обозначил тупик", так называемая реальность в постмодернистских книгах „демонтируется и исчезает"» [16].

Процесс перехода из мира в мир возможен лишь с опытом Смерти. Опыт Смерти также объясняет причину так называемого «уже-не-присутствия» [3] в мире живых некоторых персонажей, как отмечает М. Хайдеггер. Так, персонажи, пережившие смерть, обретают целостность, «присутствие <…> с его достигнутой в смерти целостностью есть тоже больше-не-присутствие в смысле больше-уже-не-бытия-в-мире» [3] живых. Именно поэтому мы можем говорить о корреляте присутствия и отсутствия. Так, следует указать, что присутствие и отсутствие связывается прежде всего с художественным миром и его уровнями (реальный мир и антимир). Исходя из классического понимания присутствия и отсутствия героев в художественном мире, можно отметить, что находясь в мире живых, персонаж онтологически не способен присутствовать в мире мёртвых, и наоборот. Но Ч. Паланик изменяет это восприятие личности, обращаясь к приёмам магического реализма.

Сам коррелят отсутствия в произведениях Ч. Паланика довольно спорен, что связанно с освещением того, чего нет, что более похоже на абсурд и пародию. Как указывает Г. Лушникова, «место действия в пародии превращается в сцену, действующие лица / персонажи – в актеров, а собеседники / читатели – в зрителей. Происходит изменение внешнего образа говорящих / персонажей» [17]. Кроме того, внимание акцентируется на том, что «герои пародии сохраняют внешний образ героев оригинала, но поскольку трансформируется содержание оригинала, трансформируется и внутренний образ героев оригинала. Происходит переход к непредсказуемым и неуместным высказываниям и поступкам» [17]. Так, в романе «Колыбельная» героиня Элен умирает, но душа её перемещается в тело «старого копа-ирландца» [18]. Если применять к данному случаю телесные категории, то фактически Элен как человека уже не существует, есть лишь чужое тело, в которое перемещена её душа. Здесь уместно вспомнить высказывание М. Бахтина о том, что довольно частым приёмом изменения статуса персонажей является осуществление перехода «в новый внешний образ, формирование нового внешнего образа» [1].

Похожую ситуацию фактического отсутствия мы наблюдаем и в романах «Проклятые» и «Обречённые», когда герои могут выходить в день Хэллоуина в мир живых. Они мертвы, их не существует для реального мира, они отсутствуют в нём, но благодаря автору они появляются в мире живых. Автор описывает карнавал праздника, доводя поведение персонажей до абсурда.

Как утверждает Ф. Штейнбук, «присутствие изначально содержит в себе возможность отсутствия» [19]. Поэтому присутствие онтологически предполагает наличие определённого места и времени, в котором находятся субъекты, и отсутствие предполагает собой обращение к хронотопическим характеристикам художественного произведения. Отсутствуя в мире живых телесно и одновременно отсутствуя в мире мёртвых, главная героиня романа «Обречённые» может принимать любую форму, совершенно отличную от человеческих характеристик: «twisted inside a dark bulb, exactly the energy-efficient, eco-friendly option that my parents would choose, and the mercury tastes Ctrl+Alt+Foul» [20, с. 45]. Мэдисон рассказывает читателю, что она может принять форму скрученной стеклянной лампочки с энергосберегающей функцией, помещаясь в ней и жалуясь, что ртуть в лампочке отвратительна. Она подглядывает за неблаговидным поступком своего отца, при этом давая читателям, «future dead persons» [20, с. 45] – «будущим мертвецам» [15], советы о том, как, будучи приведением, не попасть в ловушку энергосберегающей лампы. Кроме того, присутствуя как призрак в реальном мире, Мэдисон просит своих друзей через Твиттер, что им следует сделать «if [her] parents die during [her] yearlong absence» [20, с. 48] – «если родители умрут за год [её] отсутствия» [15]

в мире мёртвых – в Аду. У Ч. Паланика Твиттер используется для связи не только обитателей Ада, но и для адресации послания живым.

Наблюдая подобного рода многообразие ситуаций одновременного отсутствия и присутствия персонажей в мирах, мы можем утверждать, что одним из свойств художественного мира в романах Ч. Паланика является сингулярность, которая «заключается в отсутствии <…> связи и одновременной сопричастности с другими моментами бытия» [21], которые могут происходить как в мире реальном, так и в антимире (мире изнаночном).

Подобные фрагменты произведений позволяют говорить о специфике темпоральности как одной из характеристик художественного мира, которая демонстрируется в прозе Ч. Паланика. Отсутствие «характеризует момент, когда темпоральность ощутимого является чужой по отношению к ощущающему» [21]. Ощутив темпоральность «чужого», соотнеся её со своей, субъект начинает воспринимать её как часть собственной темпоральности. Например, Карл Стрейтор в романе Ч. Паланика «Колыбельная» постоянно опасается, что «Сержант – это на самом деле Устрица, который прикидывается Элен, занявшей тело Сержанта. Когда [он с ней спит] – кто бы это ни был, – [он делает] вид, что это Мона. Или Джина. Так что в итоге всё уравновешивается» [18, с. 125]. Главный герой не может точно описать темпоральность «чужого», поэтому он всячески привязывает личность «другого» к собственной личности, отчуждая нежелательные и неприемлемые для его восприятия окружающей действительности явления.

Так, мы наблюдаем изменение ощущения персонажами друг друга. И присутствие становится лишь результатом осознания инаковости как идентичности «Я» и «Другого». Персонажи Ч. Паланика, для того чтобы обозначить своё присутствие, всегда стремятся к тому, чтобы «Другой признал факт его свободы» [22]. Как только герой идентифицируется другими персонажами, мы можем говорить о том, что он присутствует в том или ином мире. Вне зависимости от того, мёртв герой или жив, он жаждет «получить признание своего бытия от Другого» [23]. Герои Ч. Паланика говорят, что они правят миром: «we’re ruling the world. We're founding a dynasty» [24, с. 185] и для них «the only way to find freedom, is by doing the things you don't want to» [24, с. 187], а именно «how it feels to die. To be saved» [24, с. 190], «with every crime they’re more and more alienated from the world» [24, с. 107]. Персонажи стремятся к обретению свободы во всем, ради этого они готовы пойти на смерть и на преступление, что и приводит их к отчуждению от мира.

Как только темпоральность в произведении меняется посредством Смерти, меняется статус персонажей в художественном мире и осуществляется переход из мира реального в антимир. В романе Ч. Паланика «Обречённые» главная героиня говорит по этому поводу следующее: «this is why the dead don’t talk to the future dead. Predead folks always misconstrue every message» [20, с. 78]. Девочка пытается объяснить читателю, что живые всегда всё понимают неправильно, поэтому мертвецам разговаривать с ними не стоит. Подобная ситуация ярко демонстрирует различия в законах восприятия художественного мира, разделяемого на мир «досмертных» [15, с. 71] и мир «послесмертных», находящихся в Аду.

Ч. Паланик в своих романах манифестирует смерть очевидного и привычного, показывая как художественный мир может преобразиться, если герои в нём могут пересечь так называемую границу между реальным миром и невидимым миром. Эта граница практически незаметна, в произведениях Ч. Паланика она преподносится столь естественно, что вполне вписывается в законы его художественного мира.

Момент перехода из мира в мир – это часть жизни персонажей, чаще всего подобным переходом становится смерть. Только благодаря смерти восприятие реальности героями меняется, им даётся возможность познания другого, «тёмного» [25] мира.

Темпоральность рассматривается в тесной связи с локальностью, поэтому с проявлением феномена двоемирия в прозе Ч. Паланика, следует актуализировать понятие «хронотоп». Хронотоп в романах Ч. Паланика способствует познанию жизненных явлений героями и, как очевидно, выполняет эпистемологическую функцию. Обращаясь к теории М. Бахтина, следует указать, что исследователь принимает кантовскую оценку значения пространства и времени как необходимых форм всякого познания, но в отличие от И. Канта понимает их не как «трансцендентальные», а как «формы самой реальной действительности». Он стремится раскрыть роль этих форм в процессе художественного познания, «художественного видения». В «художественном хронотопе» «время сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [1]. Так, в произведениях Ч. Паланика мы наблюдает раздвоение не только мира художественного, но и, как следствие, различие хронотопа мира живых и мира мёртвых.

Переход из мира живых в мир мёртвых для многих умерших осуществляет сам Сатана, который для живых видится как шофёр, а для мёртвых – истинным Хароном, который становится перевозчиком душ уже не в лодке, а в лимузине. Например, в романе «Проклятые» Мэдисон вспоминает, как попала в Ад, который и является антимиром: «The exact means by which I arrived in the underworld remain a little unclear. I recall a chauffeur standing curb-side somewhere, next to a parked black Lincoln Town Car, holding a white placard with my name written on it, MADISON SPENCER, in all-caps terrible handwriting. The chauffeur – those people never speak English – had on mirrored sunglasses and a visored chauffeur cap, so most of his face was hidden. I remember him opening the rear door so I could step inside; after that was a way-long drive with the windows tinted so dark I couldn't quite see out, but what I've just described could've been any one of ten bazillion rides I've taken between airports and cities. Whether that Town Car delivered me to Hell, I can't swear, but the next thing is I woke up in this filthy cell» [26, с. 9]. У Ч. Паланика из мира живых умершего забирают на лимузине, но в итоге он оказывается в грязной клетке, он не ощущает, как попал сюда и в какой момент, но ясно осознает, что он в другом мире. Момент перехода в художественном мире романов Ч. Паланика оста-

ётся размытым и нечётким, все герои будто не помнят самого изменения их статуса посредством смерти.

Момент перехода из мира живых в мир мёртвых мы наблюдаем в романе «Бойцовский клуб», где в процессе умирания ведётся обратный отсчёт: «Prepare for death in ten, in nine, in eight seconds. Death will commence in seven, six …At night, Chloe ran around the maze of her own collapsing veins and burst tubes spraying hot lymph. <…> The overhead announcement, prepare to evacuate bowels in ten, in nine, eight, seven. Prepare to evacuate soul in ten, in nine, eight. <…> Death will commence in five. Five, four. Four. <…> Four, three. Three, two. Chloe climbs hand-over-hand up the curdled lining of her own throat. Death to commence in three, in two. Moonlight shines in through the open mouth. Prepare for the last breath, now. Evacuate. Now. Soul clear of body. Now. Death commences. Now» [27, с. 21]. Автор через Рассказчика подробно описывает процесс смерти изнутри – как наступает момент смерти, как душа бежит по венам, горлу, как тело приходит в негодность для жизни. Всё это напоминает правила по эвакуации во время катастрофы. Отличие самого первого романа Ч. Паланика «Бойцовский клуб» заключается в том, что автор не указывает статус и место персонажей после смерти и представляет нам смерть как процесс субъективный, лишённый участия сторонних персонажей (например, перевозчика). Но для персонажей смерть – это «восхитительное чудо» [28, с. 73] («the amazing miracle of death» [27, с. 106]). Эта фраза повторяется в романе несколько раз, как и постоянный обратный отсчёт. Каждый герой в своей голове постоянно ведёт этот обратный отсчёт, зная, что смерть уже дышит ему в затылок ежесекундно в этом мире.

В других ранних романах Ч. Паланика мы наблюдаем, что перевозчика как такового нет, но есть те, кто берутся решать, кому жить или умереть. Так, например, в романе «Колыбельная» есть герои, которые знают «culling song» [24, с. 31], убаюкивающую песню, которую «in some ancient cultures, they sang it to children during famines or droughts, anytime the tribe had outgrown its land. You sing it to warriors crippled in battle and people stricken with disease, anyone you hope will die soon. To end their pain. It's a lullaby» [24, с. 31]. Такую песню исполняли для тех, кто не смог бы выжить во время голодного времени, чтобы избавить детей и стариков от страданий, или раненым во время войны, избавляя их от мучений. Несмотря на такое предназначение баюльной песни, герои романа «Колыбельная» могут петь её по своему усмотрению для любого, кому желают смерти, а не в особых случаях для освобождения от страданий.

Колыбельная изменяет своих героев. Как только персонажи, находящиеся на постоянной границе между жизнью и смертью, приобретают практически божественную власть безнаказанно убивать, они качественно по-другому рефлексируют на мир живых и отчуждаются от него. Обращаясь к проблематике отчуждения, необходимо отметить, что в постмодернизме традиционные литературные законы и формы трансформируются вследствие доминирования в произведениях всеобщего хаоса и распада. Это и объясняет ту смесь времён, культур, языков, реальных фактов и вымысла, которую изображают постмодернисты. При этом смысловая нагрузка произведения теряет свой имманентный смысл и идентичность, явления действительности в произведениях часто взаимозаменяются, пародируются, снижаются до уровня фарса.

Отчуждение в таком контексте есть стремление к смерти, что характерно абсолютно для всех персонажей Ч. Паланика. Так или иначе, художественный мир в прозе Ч. Паланика функционирует под лозунгом «Memento mori», в этом мире «through the walls, you hear the laughter and applause of dead people» [27, с. 51] – «сквозь стены слышны аплодисменты и громкий смех мёртвых» [28, с. 30]. Герои романов Ч. Паланика постоянно убеждают себя, что смерть – это нечто ненастоящее: «we really won't die» [27, с. 3]. Персонажи постоянно цепляются за жизнь, пытаются жить на грани смерти, отчего сама смерть для них становится ненастоящей, искусственной: «Everyone clinging and risking to share their worst fear, that their death is coming head-on and the barrel of a gun is pressed against the back of their throats» [27, с. 12], несмотря на то, что «all of a sudden even death and dying rank right down there with plastic flowers on video as a non-event» [27, с. 12].

Следует отметить, что эпистемологически личность персонажами обретается лишь в случае понимания смерти: «only in death will we have our own names since only in death are we no longer part of the effort. In death we become heroes» [27,с. 124] – «только после смерти мы обретем свои имена, потому что после смерти мы уже не будем безымянной силой. Смерть сделает нас героями» [28, с. 88].

В художественном мире произведений Ч. Паланика осознание смерти становится фактором присутствия персонажа в пространстве как личности и условием понимания жизни. Для персонажей Ч. Паланика смерть делает жизнь лучше. Так, например, автор говорит о героине романа «Бойцовский клуб» Марле: «she never dreamed she could feel so marvelous. She actually felt alive. Her skin was clearing up. All her life, she never saw a dead person. There was no real sense of life because she had nothing to contrast it with. Oh, but now there was dying and death and loss and grief. Weeping and shuddering, terror and remorse. Now that she knows where we're all going, Marla feels every moment of her life» [27, с. 23]. Марла раньше никогда не видела мёртвых людей, поэтому не осознавала, что есть жизнь и смерть. Как только девушка узнаёт о смерти, она становится по-настоящему живой и стремится насладиться каждой секундой времени, которое ей отведено в мире досмертных.

Таким образом, смерть в художественном мире прозы Ч. Паланика трактуется как явление, характеризующееся статусным переходом и необратимым процессом, осознание которого влияет на становление героев в мире живых и мире мёртвых. Феномен смерти может во многом объяснять законы художественного мира произведений Ч. Паланика, такие как сингулярность, темпоральность, присутствие и отсутствие и др. Анализ произведений Ч. Паланика показал, что в ранних романах Ч. Паланика смерть представляется как процесс более физиологичный, имеющий анатомические подробности, но в то же время умирание – это исход души из тела. Несмотря на некоторую физиологичность процесса, автор демонстрирует сакральность смерти тела как оболочки и даже описывает возможность перехода души из тела женщины в тело мужчины (как, например, в романе «Колыбельная»). Последние романы автора отличаются тем, что показывают читателю не только жизнь и её окончание, но и продолжение жизни после смерти в Аду или среди живых.

Литература

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234 – 407. Режим доступа: http://philologos.narod.ru/-bakhtin/hronotop/hronmain.html (дата обращения: 09.10.2016).

2. Денисова Е. А. Категория смерти в антропологической системе М. М. Бахтина // Теория и практика общественного развития. 2006. № 5. Т. 2. С. 83 – 86.

3. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Наука, 2006. 466 с. Режим доступа: http://lib.ru/HEIDEGGER/bytie.txt (дата обращения: 20.09.2016).

4. Петровский Б. В. Популярная медицинская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1981. 704 с.

5. Hornby A. S. Oxford Student's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford University Press, 1984. 484 p.

6. Тресиддер Дж. Смерть // Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. С. 318. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/simvol/804 (дата обращения: 12.10.2016).

7. Степин В. В. Смерть // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2000. С. 152. Режим доступа: http://iph.ras.ru/enc.htm (дата обращения: 10.10.2016).

8. Джери Д. Смерть и умирание // Большой социологический словарь. М.: Открытое общество, 2000. С. 713. Режим доступа: http://www.psyoffice.ru/6-567-smert-i-umiranie.htm (дата обращения: 12.10.2016).

9. Вербер Б. Империя ангелов. М.: Гелиос, 2006. 416 с. Режим доступа: https://www.litmir.info/br/?b=253 (дата обращения: 01.10.2016).

10. Вознесенская Ю. Н. Мои посмертные приключения. М.: Вече, 2012. 288 с.

11. Greeley A. M. Contract with an Angel. NY.: Tor Books, 1999. 384 p.

12. Albom M. The Five People You Meet in Heaven. NY: Time Warner Books, 2003. 196 p.

13. Цуцуи Я. Преисподняя. М.: ЭСКМО, 2015. 224 с.

14. Паланик Ч. Проклятые. М.: АСТ, 2012. 317 с.

15. Паланик Ч. Обреченные. М.: АСТ, 2013. 350 с.

16. Фролов Г. А., Хабибуллина Л. Ф. К смене литературных эпох на Западе: теоретический аспект // Филология и культура. 2014. № 3(37). С. 187 – 193.

17. Лушникова Г. И. Литературная пародия и языковая игра // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 7. С. 300 – 304.

18. Паланик Ч. Колыбельная. М.: АСТ, 2009. 208 с. Режим доступа: http://www.litlib.net/bk/236/read (дата обращения: 20.09.2016).

19. Штейнбук Ф. М. Конвергенція топосу відсутності у творах сучасної світової літератури // Слово і Час. 2014. № 4. С. 68 – 75.

20. Palahniuk Ch. Doomed. NY.: Jonathan Cape, 2013. 336 p.

21. Темирболат А. Б. Категории хронотопа и темпорального ритма в литературе. Алматы: Ценные бумаги, 2009. 504 с. Режим доступа: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/temirbolat_ab-kategoriya_hronotopa.pdf (дата обращения: 20.10.2016).

22. Половцев Д. О. Инаковость как философско-литературная категория // Вестник МГЛУ. Серия 1: Филология. 2006. № 4(24). С. 74 – 80.

23. Сартр Ж. П. Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 17 – 25. Режим доступа: http://schuldichs.narod.ru/svalka/sartr.htm (дата обращения: 22.10.2016).

24. Palahniuk Ch. Lullaby. NY.: Doubleday, 2002. 272 p. Режим доступа: http://royallib.com/read/Palahniuk_-Chuck/Lullaby.html (дата обращения: 20.09.2016)

25. Лихачёв Д. С. Смех как мировоззрение. Л.: Наука, 1976. 204 с. Режим доступа: http://philologos.narod.ru/-smeh/smeh-lihach.htm (дата обращения: 23.10.2016).

26. Palahniuk Ch. Damned. NY.: Jonathan Cape, 2011. 257 p.

27. Palahniuk Ch. Fight Club. NY.: W. W. Norton, 1996. 258 p.

28. Паланик Ч. Бойцовский клуб. М.: АСТ, 2002. 252 с.

INTERPRETATION OF DEATH IN THE CH. PALAHNIUK'S ARTISTIC WORLD

Ekaterina R. Chemezova[1, @]

[1] *Academy for the Humanities and Pedagogical Sciences (branch) of the Crimean Vernadsky Federal University in Yalta, 2-A, Sevastopolskaya St., Yalta, Russia, 298635*
[@] *chemezova4@gmail.com*

Received 01.12.2016.
Accepted 18.01.2017.

Keywords: phenomenon of death, artistic world, contemporary American literature, Ch. Palahniuk, post-modern novel.

Abstract: The article is devoted to the interpretation of the phenomenon of death in contemporary American literature on the example of Ch. Palahniuk's novels. The article analyzes the approaches to the phenomenon of death in different fields of knowledge such as philosophy, sociology, medicine. We describe the overview of the "life after death" theme in native and foreign literature. The place of the phenomenon of death in the artistic world and the influence of this phenomenon on the attitude of the characters to each other are in the focus of our attention. Death in the artistic world defines the characters' relations, their presence / absence on different levels of the artistic world, the process of transition from the world of the living to the world of the dead and vice versa. The process of heroes' formation in the world of the living and in the world of the dead depends on the representation of the phenomenon of death in the works of Ch. Palahniuk. The boundary between the world of the living and the world of the dead is almost invisible and the transition between the worlds is done according to certain laws of the art world, followed by the characters of the novels. This article discusses several Ch. Palahniuk's novels written in different periods of his oeuvre. The article examines the differences and similarities in the author's interpretation of the death and its significance in the early ("Fight Club", "Lullaby") and the latest ("Damned", "Doomed") novels. In the early novels of Charles Palahniuk death is a physiological process with anatomical details, but at the same time dying is the soul leaving the body. The latest novels of the author differ from the early ones as they demonstrate to the reader not only the life and its ending, but also the life after death.

For citation: Chemezova E. R. Traktovka fenomena smerti v khudozhestvennom mire Ch. Palanika [Interpretation of Death in the Ch. Palahniuk's Artistic World]. *Bulletin of Kemerovo State University,* 2017; (2): 216 – 222. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-216-222.

References

1. Bahtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1975, 234 – 407. Available at: http://philologos.narod.ru/bakhtin/hronotop/hronmain.html (accessed 09.10.2016).
2. Denisova E. A. Kategoriia smerti v antropologicheskoi sisteme M. M. Bahtina [Category of Death in Anthropological System of M. M. Bakhtin]. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia = Theory and Practice of Social Development*, 2, no. 5 (2006): 83 – 86.
3. Heidegger M. *Bytie i vremia* [Being and Time]. Moscow: Nauka, 2006, 466. Available at: http://lib.ru/-HEIDEGGER/bytie.txt (accessed 20.09.2016).
4. Petrovskii B. V. *Populiarnaia meditsinskaia ientsiklopediia* [Popular Medical Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaia ienciklopediia, 1981, 704.
5. Hornby A. S. *Oxford Student's Dictionary of Current English*. Oxford: Oxford University Press, 1984, 484.
6. Tresidder J. Smert' [Death]. *Slovar' simvolov* [Dictionary of symbols]. Moscow: FAIR-PRESS, 2001, 318. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/simvol/804 (accessed 12.10.2016).
7. Stepin V. V. Smert' [Death]. *Novaia filosofskaia entsiklopediia* [New encyclopedia of philosophy]. Moscow: Mysl', 2000, 152. Available at: http://iph.ras.ru/enc.htm (accessed 10.10.2016).
8. Jerry D. Smert' i umiranie [Death and Dying]. *Bol'shoi sotsiologicheskii slovar'* [Big Sociological Dictionary]. Moscow: Otkrytoe obshchestvo, 2000, 713. Available at: http://www.psyoffice.ru/6-567-smert-i-umiranie.htm (accessed 12.10.2016).
9. Werber B. *Imperiia angelov* [Empire of Angels]. Moscow: Gelios, 2006, 416. Available at: https://www.litmir.info/br/?b=253 (accessed 01.10.2016).
10. Voznesenskaia J. N. *Moi posmertnye prikliucheniia* [My Post-mortem Adventures]. Moscow: Veche, 2012, 288.
11. Greeley A. M. *Contract with an Angel*. NY.: Tor Books, 1999, 384.
12. Albom M. *The Five People You Meet in Heaven*. NY.: Time Warner Books, 2003, 196.
13. TsutsuiYa. *Preispodniaia* [Hell]. Moscow: ESKMO, 2015, 224.
14. Palahniuk Ch. *Prokliatye* [Damned]. Moscow: AST, 2012, 317.
15. Palahniuk Ch. *Obrechennye* [Doomed]. Moscow: AST, 2013, 350.

16. Frolov G. A., Habibullina L. F. K smene literaturnykh epokh na Zapade: teoreticheskii aspekt [For the Change of the Literary Epochs in the West: the Theoretical Aspect]. *Filologiia i kul'tura = Phol*ology *and Culture*, no. 3(37) (2014): 187 – 193.

17. Lushnikova G.. I. Literaturnaia parodiia i iazykovaia igra [Literary Parody and Language Game]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye nauki = Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*, no. 7 (2009): 300 – 304.

18. Palahniuk Ch. *Kolybel'naia* [Lullaby]. Moscow: AST, 2009, 208. Available at: http://www.litlib.net/bk/236/read (accessed 20.09.2016).

19. Shteinbuk F. M. Konvergentsiia toposu vidsutnosti u tvorah suchasnoi svitovoi literaturi [The Convergence of Topos of Absence in the Works of Contemporary World Literature]. *Slovo i Chas = World and Time*, no. 4 (2014): 68 – 75.

20. Palahniuk Ch. *Doomed*. NY.: Jonathan Cape, 2013, 336.

21. Temirbolat A. B. *Kategorii khronotopa i temporal'nogo ritma v literature* [Categories of Chronotope and Temporal Rhythm in the Literature]. Almaty: Tsennye bumagi, 2009, 504. Available at: http://www.chronos.msu.ru/old/-RREPORTS/temirbolat_ab-kategoriya_hronotopa.pdf (accessed 20.10.2016).

22. Polovtsev D. O. Inakovost' kak filosofsko-literaturnaia kategoriia [Otherness as a Philosophical and Literary Category]. *Vestnik MGLU. Ser. 1. Filologiia = Vestnik of Moscow state linguistic University. Series 1. Philology*, no. 4(24) (2006): 74 – 80.

23. Sartre J. P. Pervichnoe otnoshenie k drugomu: liubov', iazyk, mazokhizm [The Initial Attitude to Another: Love, Language, Masochism]. *Problema cheloveka v zapadnoi filosofii* [Problem of the Person in the Western Philosophy]. Moscow: Progress, 1988, 17 – 25. Available at: http://schuldichs.narod.ru/svalka/sartr.htm (accessed 22.10.2016).

24. Palahniuk Ch. *Lullaby*. NY.: Doubleday, 2002, 272. Available at: http://royallib.com/read/Palahniuk_-Chuck/Lullaby.html (accessed 20.09.2016).

25. Lihachiov D. S. *Smekh kak mirovozzrenie* [Laughter as a Worldview]. Leningrad: Nauka, 1976, 204. Available at: http://philologos.narod.ru/smeh/smeh-lihach.htm (accessed 23.10.2016).

26. Palahniuk Ch. *Damned*. NY.: Jonathan Cape, 2011, 257.

27. Palahniuk Ch. *Fight Club*. NY.: W. W. Norton, 1996, 258.

28. Palahniuk Ch. *Boitsovskii klub* [Fight Club]. Moscow: AST, 2002, 252.

16+

Редакторы выпуска:
Долгих В. П., Митько Н. В., Рабкина Н. В., Старикова Л. С.

Подписано к печати 19.05.2017. Формат А 4.
Дата выхода в свет 29.06.2017.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 28,5. Уч.- изд. л. – 27,42.
Тираж 500 экз. Заказ № _____
Цена свободная.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, http://kemsu.ru

Отпечатано ООО ПК «ОФСЕТ». 650001, Кемерово, ул. Пролетарская, д. 9.